

ЧТЕНІЯ
ВЪ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ
РОССІЙСКИХЪ
ПРИ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ
подъ заведываніемъ Е. В. БАРСОВА.

1881

ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

1882.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ.

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей: М. 1815 — 1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія дая Россійской Исторіи, Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Нонга, соч. Н. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе Коричей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсуевскія врата въ Новгородѣкомъ Софійскомъ Соборѣ описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ, пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Книга записная имяннымъ письмамъ и указамъ императрицы Анны Іоановны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732—1742 г. Съ предисловіемъ А. Кудрявцева. 1878 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Цсковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствование Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, Н. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., цѣна 2 р., перес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

НОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ.

Е. В. БАРСОВА.

1881

ОКТАБРЬ—ДЕКАБРЬ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Каткозь),
на Отрадномъ бульварѣ.

1882.

ИЗВѢСТІЕ О ПОХОЖДЕНІИ

СИМЕОНА СТЕПАНОВА СИНА ПИЩЕВИЧА

ГЕНЕРАЛА МАІОРА И КАВАЛЕРА ОРДЕНА СВ. ГЕОРГІЯ,

о его рожденіи, жизни, воспитанію, наукѣ, зачало службы, преселение въ далнюю страну, происхождение дѣлъ военныхъ, и о случившихся съ нымъ по судбамъ разныхъ счастлихъ и несчастій.

**Пысалъ самъ собственною своею рукою собиралъ изъ разныхъ
преждныхъ своихъ записокъ и продолжалъ до 1785 года.**

Часть I.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1867 году, во время прїѣзда Славянъ на Московскую этнографическую выставку, д. чл. Общества, профессору Н. А. Попову стало извѣстно, что въ фамиліи Пишчевичей, предки коихъ переселились въ прошломъ столѣтіи изъ Венгріи въ Россію, сохранилось нѣсколько рукописныхъ сочиненій историческаго содержанія, составленныхъ лицами, принадлежавшими къ первымъ тремъ поколѣніямъ названной фамиліи послѣ ея переселенія въ наше отечество. Вскорѣ послѣ того Н. А. Попову доставлено было рукописное сочиненіе генераль-маіора Семена Степановича Пишчевича подъ заглавіемъ: „Книга о націи Сербской, о государяхъ, царяхъ, короляхъ, князяхъ и деспотахъ, такожъ и о прочихъ всѣхъ бывшихъ дѣлахъ, кои съ народомъ Сербскимъ случались“. Это сочиненіе, представлявшее не всегда полный сводъ извѣстій о судьбѣ Сербскаго народа съ начала среднихъ вѣковъ до XVIII столѣтія, заимствованныхъ изъ разныхъ книгъ, заключало въ себѣ также свѣдѣнія о положеніи Сербовъ въ Венгріи до реформъ Маріи-Терезіи, коснувшихся ихъ быта, и пріостекшемъ оттуда волненіи и переселеніи недовольныхъ въ Россію. Свѣдѣнія эти носили характеръ семейныхъ преданій и личныхъ наблюденій. Н. А. Поповъ воспользовался ими въ своей статьѣ: „Военныя поселенія Сербовъ въ Австріи

и Россіи“, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1870 г., № 7; а свѣдѣнія, заключавшіяся въ этой рукописи о церковныхъ дѣлахъ австро-венгерскихъ Сербовъ, напечатаны ими во 2-й книгѣ сборника „Родное Племя“ (подъ заглавіемъ: Изъ рукописи „Сербская Исторія“ Пишчевича, конца XVIII вѣка, стр. 124—131). Самая рукопись передана была въ Сербское Ученое Дружество въ Бѣлградѣ. Но наиболѣе интересныя для русской собственно исторіи сочиненія Пишчевичей остались тогда неизвѣстными.

Въ прошломъ 1879 году потомокъ вышепомянутаго Пишчевича, Александръ Павловичъ Пишчевичъ, доставилъ Н. А. Попову рукописныя сочиненія своего прадѣда, вышереченнаго Семена Степановича и дѣда Александра Семеновича, съ просьбой представить ихъ въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ для напечатанія ихъ въ „Чтеніяхъ“ на условіяхъ, существующихъ на такіе случаи въ Обществѣ, и въ сроки, какіе Общество найдетъ возможными.

Разсмотрѣвъ эти сочиненія, Н. А. Поповъ высказалъ о нихъ слѣдующее мнѣніе:

1. „Извѣстіе о походѣнїи Симеона Степанова сына Пишчевича, генерала-маіора и кавалера ордена св. Георгія, о его рожденіи, жизни, воспитаніи, наукъ, зачало службы, преселеніе въ далнюю страну, происхожденіе дѣлъ военныхъ и о случившихся съ нимъ по судьбамъ разныхъ частей и несчастій; писалъ самъ собственно своею рукою, собиралъ изъ разныхъ предныхъ своихъ записокъ и продолжалъ до 1785 года“, состоитъ изъ трехъ частей. Первая, писанная на 47 листахъ, заключаетъ въ себѣ любопытныя извѣстія о первой службѣ Пишчевича въ Австрійской арміи, объ участіи его въ войнѣ Австріи съ Франціей, о походѣ въ Баварію, о возвращеніи изъ него, о семейныхъ дѣлахъ фамиліи Пишчевичей о преобразованіи Сербскихъ военныхъ поселеній въ гражданскія, которое послужило къ выселенію Сербовъ въ Россію, и о поѣздкѣ самаго Пишчевича въ Россію въ 1763 году. Вторая часть, писанная на 80 листахъ, обнимающая 14 лѣтъ

пребыванія Пипчевича въ Россіи, чрезвычайно любопытна по многочисленнымъ подробностямъ, относящимся къ служеб-нымъ, общественнымъ и частнымъ связямъ автора до 1783 года. Третья часть, писанная на 18 листахъ, не оконченная, содержитъ въ себѣ разсказъ объ участіи автора въ походѣ русскихъ войскъ противъ польскихъ конфедератовъ. Изъ предисловія къ этой части можно думать, что авторъ хотѣлъ разсказать въ ней также свое участіе въ первой Турецкой войнѣ и наконецъ свою жизнь по выходѣ въ отставку; но въ самой рукописи этого разсказа нѣтъ“.

2. „Продолженіе къ сочиненію Сестра Пипчевича служить другая рукопись: „Жизнь Александра Пипчевича, итѣ самымъ писанная“. Авторъ, сынъ предшествовавшаго сочинителя, родился уже въ Россіи 31 мая, 1764 года. Его автобіографія состоитъ также изъ трехъ частей. Въ первой, писанной въ листъ на 131 страницѣ, говорится о годахъ ученія автора, о выходѣ отца изъ службы, о поступленіи самаго Александра Пипчевича въ армію, о походѣ его въ Крымъ и о присоединеніи этого полуострова къ Россіи, о службѣ на Кавказской линіи, поѣздкѣ въ Грузію и жизни въ Георгіевской крѣпости до 1787 года. Во второй части, занимающей также 131 страницу въ листъ, описаны пребываніе автора въ Екатеринославской арміи, возвращеніе въ Георгіевскъ и походъ къ Анапѣ, участіе во второй Турецкой войнѣ, пребываніе въ Бендерахъ и Яссахъ, послѣдняя служба по Кавказской линіи и гоненіе претерпѣнное отъ Гудовича, служба въ Саратовѣ и положеніе Саратовскаго намѣстничества, бунтъ Донскихъ казаковъ и переводъ автора на службу въ Нарвекій карабинерскій полкъ въ 1794 году. Третья часть, писанная на 102 страницахъ въ листъ, заключаетъ въ себѣ описаніе службы автора въ Нарвскомъ полку, поѣздки въ Москву и въ Петербургъ въ 1796 году, искательствъ новой службы въ военной коллегіи и при Гатчинскомъ дворѣ, уничтоженія Вознесенскаго войска и поѣздки автора въ Тульчинъ, перехода автора въ гражданскую службу по воцареніи Императора Павла, скорого оставленія ея и жизни въ Вѣлорусскихъ имѣніяхъ. Разсказъ останавливается на 1798 году“.

„Уже предложенный краткій обзоръ содержанія обѣихъ рукописей показываетъ, насколько оно можетъ быть любопытно, а мѣстами и важно для исторіи царствованія Екатерины II. Оба сочиненія суть не что иное, какъ мемуары отца и сына, служившихъ въ Россіи въ это царствованіе. Пошимо рѣзкава о служебной дѣятельности авторовъ, въ этихъ мемуарахъ разсыпано не мало свѣдѣній о тогдашней общественной и частной жизни, а также о разныхъ лицахъ, съ которыми Пущевичамъ приходилось вступать въ сношенія или въ столкновенія. Эти подробности придадутъ всему изложенію оживленный характеръ и дѣлаютъ чтеніе названныхъ сочиненій чрезвычайно занимательнымъ“.

Надзоръ за печатаніемъ „Извѣстія о походахъ С. С. Пущевича“ имѣлъ д. ч. Н. А. Поповъ“.

Къ благосклонному читателю.

Мнѣ завсегда приятно было оказывать своей націи какую нибудь услугу, и коя бы могла принести хотя малую пользу обществу, для чего мысли мои непрестано мнѣ о томъ напоминали, почему сколько возможность моя досегать могла то потому я и не оставлялъ самымъ действиемъ доказать; предъ симъ издавъ я отъ моего труда на светъ сочинѣние, состоящее въ одной книгѣ о націи сербской, о государяхъ, царей, королей, князей и деспотахъ, такожъ и о протчихъ всѣхъ бывшихъ делахъ кои съ народомъ сербскимъ случались, что уповаю и будетъ моими одно-национальными знакомъ усердия моего принято; а таперь приступаю о самомъ себе говорить не краснорѣчіемъ или лишними какими прибавками, а просто такъ какъ во все время моей жизни приключеній со мною встречались и происходило счастьемъ и несчастіемъ, и поставлю все сие дело въ трехъ частяхъ.

Первое будетъ о всѣхъ произхожденіяхъ бывшихъ отъ юности моей и въ наукахъ обращенія моего, и по вступленій въ австрійскую службу даже до выезда моего въ Россію.

Вторая часть состоятъ будетъ въ томъ, какъ о выездѣ моемъ въ Россію и по вступленій въ службу что происходило

и со мною случалось, даже до похода моего въ 1767-мъ году въ Польшу.

Третья часть изъяслять будетъ походъ и конфедерацію полскую и о воинѣ и сраженіяхъ с ними, изъ чего напоследокъ родылась преужасная и долготѣтная съ Россією турецкая война; а въ заключение по продолженіи моей долготѣтной службы и о моемъ покое, при коемъ успѣлъ я пресмотреть и пребрать всѣ свои прежній записки, кои подали мнѣ способъ къ сочиненію семоу' дела.

,

ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНИЕ

СИМЕОНА СТЕПАНОВА СИНА ПИШЧЕВИЧА ГЕНЕРАЛА МАИОРА И КАВАЛЕРА.

Родился я на светъ какъ родители мои мнѣ сказывали въ 1781-мъ году сентября 14-го дня, отецъ мой былъ Степанъ Гавриловъ сынъ Пишчевичъ изъ фамилій старинной шляхетской, какъ о томъ въ описаній родословной довольно показано, есть у меня братьевъ и сестеръ было и старее и моложе меня, а всѣхъ насъ у отца и матери четырнадцать детей отъ перваго ихъ брака состояло, я былъ имъ четвертое дитя, родители мои воспитывали меня весьма въ добромъ порядкѣ, домъ нашъ гдѣ я родился состоялъ въ Славоніи въ местечкѣ Шиде¹, а место сие было военное принадлежащее къ полунаиской тогда бывшей ландъ-милиціи, въ которомъ отецъ мой былъ капитаномъ и командиромъ того места.

Отъ юности моей былъ прежде нежели я самъ себя помню, какъ мать моя мнѣ разказывала, былъ я весьма резокъ, родители мои старались какъ бы наилучше въ наукахъ мени наставить, для чего и начали на пятомъ году моего возраста обучать меня грамотѣ славенскаго природнаго языка, приставленъ былъ ко мнѣ учитель, при коемъ я сперва успевалъ такъ какъ обыкновенно ребята маленькіе учутца, однако рхотно принимался за свою азбуку, и что дакъ то лучше, и

¹ Нынѣ торговое мѣстечко въ южной днъ комитатъ Сремскогъ, нынѣшъ теперь болѣе 3000 жителей, изъ коихъ до 2000 православныхъ, Сербовъ и около 400 католиковъ, сверхъ того и немалое количество друшакъ национальностей. Мѣстечко лежитъ почти на одинаковой разстояніи между рѣками Савой и Дравой, но въ днѣшней разстояніи отъ православныхъ юнакѣйшей западной окрестности Фрушкѣй Горы.

такъ дашолъ въ томъ содержаній до восьми лѣтъ моего возраста, потомъ отвезли меня мои родители въ городъ называемы Петроварадински шанаць къ дядѣ моему оберъ капитану Секули Витковичу, куда онъ тогоже года преселился и принялъ командованіе полкомъ ландъ-милицій подунавской², въ томъ городе было учреждено училище для наукъ младенчества, для чего и я туда привезенъ былъ, я въ томъ училище зачалъ сперва продолжать науку своего природнаго языка, а потомъ и латине, напоследокъ сталъ я часто хварать, почему взяли меня мои родители опять дамой гдѣ и пробулъ несколько месяцевъ, между тѣмъ отъ части прорѣнылъ я сяде учение а особляво по латине, однакъ какъ скоро въ состояние прежняго моего здоровья я пришолъ, то и опять отвезли меня въ Петроварадински шанаць, гдѣ до прежнѣмъ науку продолжать сталъ, и успѣлъ поправить и достигнуть чѣмъ было укуснилъ, потомъ какъ дядя мой оберъ капитанъ Секула Витковичъ отъехалъ по надобности въ столычной городъ Виену, то и отослалы меня мои родители снимъ въ Виенужъ, для науки немецкаго языка, куда по приездѣ отъдалъ меня дядя мой въ пансіонъ, онъ потомъ тамъ въ Виенѣ небогѣе полугода бавился и получа чинъ подполковничи отъправился дамой, а я для продолженія своей науки тамъ остался и былъ три года, учился я сприяжностью и достигъ знаніемъ того немецкаго языка довольно хорошо, я ужъ безънужди говорилъ, читалъ и писалъ, также танцовать, рисовать, ариметику выучилъ и часть диометрій зачалъ было понимать, между тѣмъ матъ моя жестоко заболѣла, по притчине что дети меншия меня братья и сестри мои померлы и по такой жалосты въпала она въ болезнь, и какъ болѣе детей неосталось окроме что я одинъ, то потому и послали за мною и привезли меня дамой.

Приезду моему матъ моя чрезвычайно обрадовалась а притомъ какъ увидѣла она и отецъ мой: что уже я довольно хорошо поемецки

² Петроварадинъ, поизм. Peterwardein, помадьарски Pétervár, существовалъ во времена римскаго владычества подъ именемъ Acuminaceum; средневѣковыя преданія связываютъ его нынѣшнее названіе (городъ Петра) съ именемъ Петра пустынника. Въ 1526 г. имъ овладѣли турки и держали въ своихъ рукахъ до 1687 г.; 25 июля (5 авг.) 1716 г. принцъ Евгеній Савойскій одержалъ знаменитую побѣду надъ турками, приведшую къ Пошаревашскому миру. Петроварадинъ всегда считался сильнѣйшею изъ крѣпостей Австріи; лежитъ на привольн. берегу Дуная, на равнинѣ растояніи отъ впаденія въ него Сава и Драва, нѣсколько выше впаденія Тиссы, противъ города Нравжѣ Сада (по алм. Neu-Batц, по мад. Új Várás) у восточнаго склона Фрушгѣй Бѣры; Всперъ изъ крѣпости и ея предмѣстїя виднается болѣе 2,600 жителей, болѣею частію католиковъ.

говорить умѣю, и сталъ преводить разные прислаемые немецкіе писма, такожъ и оттоманды къ отцу моему ордера, то тѣмъ весьма родители мои были довольни; я ужъ живу дома месеца четыре и провозу время въ чтеній и писаній, а тѣмъ временемъ мать моя получила отъ болѣзны облекченіе, потомъ разсудили родители мои чтобы еще по молодымъ моимъ лѣтамъ къ достиженію совершенства въ зачатой моей науке не утратитъ удобнаго времени, для чего отецъ мой отъвезъ меня въ городъ Сегединъ³ съ намереніемъ чтобы поставить меня въ тамошнюю гимназію, въ каторой предаются разные науки, сие училище состоитъ подъ управленіемъ тамошняго духовенства патровъ пияристовъ называемыхъ, и какъ отецъ мой старшему того училища о принятій меня во оное подалъ на писме свою прозбу, на которую резолюція положена такъ, какде во оной гимназіи студентовъ детей господскихъ закона другаго не состоятъ окромѣ римско католикаго, то ежели къ тому мы согласитца хотимъ чтобы мнѣ въ оной законъ вступитъ, то и принять буду въ то училище а иначе нельзя; отецъ мой видя такую невозможность весьма оскорбился, и ужъ не зналъ что болѣе дѣлать, какъ что поставить меня у одного тамъ въ городе немецкаго учителя въ пансионъ, самъ возвратился дамой а я остался: учитель мой былъ человекъ приятенъ и весьма на всѣ науки учонъ, онъ меня въ достиженій совершенствомъ немецкаго языка болшую частью наставилъ и исправилъ регулярно говорить и писать, также я у него и всѣ части математики приобрелъ, содержалъ онъ меня такъ какбы я въ своемъ доме былъ; въ томъ городе и у того учителя былъ я года полтора, а потомъ приехалъ отецъ мой ко мнѣ и взялъ меня дамой съ тѣмъ намереніемъ, чтобы отъдать меня для практики судебныхъ и другихъ военныхъ письменыхъ дѣлъ, кои производятца на немецкомъ языкѣ въ крепосты Есекъ⁴ въ тамошней гене-

³ Сегединъ (Szeged, Segedinum) лежитъ противъ устьевъ р. Мароша, сливающейся съ среднимъ теченіемъ р. Тиссы, которая впадаетъ въ Дунай слѣва ниже Петроварадина въ мѣстности подвергающейся разливамъ названной рѣки. Городъ старинный, бывшій уже не малымъ во время нашествія татаръ. Съ 1551 до 1686 г. былъ въ рукахъ турокъ, построившихъ въ немъ крѣпость; теперь имѣетъ болѣе 60:000 жителей, между коими число православныхъ Сербовъ занимаетъ лишь ничтожную долю.

⁴ Подъ властію римлянъ Mursia, потомъ Осекъ съ небольшою крѣпостью, построеною въ 1091 г., по нѣмъ, Есекъ, съ 1535 по 1685 въ рукахъ турокъ, находился до конца прошлаго столѣтія среди болотъ у праваго берега Дравы, не доходя до впаденія ея въ Дунай на три мили. Въ 1775 г. главныя части города

радъ губернаторской канцелярій, для того что мы Сербы по природе нашей ни до чего болѣе склонности не имѣемъ какъ до военнаго ремесла, и потому чтобы ужъ я и зачало свое предпринялъ, отецъ мой неупуская времени отъвезъ меня туда, (крепость сия состоитъ въ Славоніи) и приехавши явился тамошнему генералъ губернатору, называя маркизъ де Гвадани ⁵, объявилъ ему отецъ мой о своемъ намереніи и просить о принятіи меня въ оную канцелярію и обопределеніи для практики къ писемнымъ военнымъ дѣламъ, но чина мнѣ отецъ мой никакова не просилъ, а только такъ партикулярно и на своемъ содержаніи чтобы я тамъ былъ до времени, генералъ губернаторъ такое отца моего дело похвалымъ и обещалъ сделать.

Тогоже дня пашолъ отецъ мой и меня взялъ съ собою къ стоящему въ той крепосты и при канцелярій главному директору, производящему всѣ какъ военные такъ и судебные писменныя дела, назывался чиномъ и по фамиліи хофъ кригсъ ратъ концельстъ фонъ Малеръ, чинъ сей тамъ великъ почитаетца, и значить военнаго совета оберъ секретаръ; сей господинъ былъ отцу моему издавна знакомъ, открылъ ему отецъ мой свое намерение и пресказалъ что ужъ и генералъ губернаторъ о томъ извѣстенъ, прося его чтобы онъ принялъ меня на содержаніе къ себе въ домъ, яко управление писменныхъ дѣлъ при канцелярій отъ него зависитъ, и что я будучи при нѣмъ могу во всемъ лучшее наставленіе приобрести, за какову его милость обещаетъ отецъ мой принести свою благодарность и признавать будетъ навсегда его великимъ своимъ приятелѣмъ, сей господинъ на ту прозбу отца моего охотно склонился и меня къ себе принялъ.

И потомъ какъ отъ генерала губернатора о употребленіи меня къ дѣламъ приказано, а отецъ мой совершивши свое желаніе поехалъ домой а я остался.

Господинъ фонъ Малеръ содержалъ меня не иначе а какбы точно

отнесены отъ болотистыхъ береговъ. До турецкаго завоеванія это былъ главный городъ въ Славоніи, за тѣмъ его торговое значеніе умало, но военное сохранялось долго; темеръ оная поднялася, имѣетъ до 15.000 жителей, изъ коихъ до 12.000 католиковъ хорватскаго и нѣмецкаго происхожденія и болѣе 2.000 православныхъ Сербовъ.

⁵ Маркизъ, потомъ возведенный въ графы, Александръ *di Guadányi* былъ генераломъ австрійской службы уже при Леопольдѣ I. Его племянникъ гр. Іосифъ Гавѣвстенъ, какъ первый въ свое время мадьярскій воевода и сатирикъ (род. 16. окт. 1725, ум. 21. дек. 1801).

роднаго своего, и я отъ него много пользы въ наставленій получилъ, у него я былъ всегда на одномъ столе и квартиру мнѣ определялъ возлѣ себя въ другой комнате, водилъ онъ меня всегда съ собою празничными днями къ генералъ губернатору и случалось несколько крѣтъ, что я у генерала у стола кушать оставался, также бывало часто когда господинъ фонъ Малеръ по вечерамъ поидеть куда, къ тамошнимъ господамъ для провѣдѣнія времени въ кампанію и на балъ, а часто празничными днями въ загородные сады прогуливатца куда и многіе тамошніе господа для увеселенія съезжаютца, то всегда меня съ собою бралъ, и тѣмъ подавалъ мнѣ въ обхожденіи съ людьми способъ къ просвѣщенію.

По прошедствіи времени немного болѣе одного года получилъ господинъ фонъ Малеръ повелѣніе чтобы ему ехать въ Вѣну и что онъ определенъ будетъ къ другому вышшему месту, почему онъ и поехалъ, я его проводилъ до первой почты и будучи въ дороге говоритъ онъ мнѣ: какде я таперъ мои любезни Симонъ отъезжаю, а самъ еще незнаю куда определенъ буду и уже де мнѣ сюда болѣе невозвратца, то де советую тебѣ чтобы ти о моемъ отъездѣ своего отца уведомишь, и что онъ соизволить стобою, оставатца тебѣ еще при канцеляріи или ехать домой и въ томъ какъ онъ залучше разсудить.

Я выпроводивши моего господина фонъ Малера и простясь снимъ съ слезами возвратился назадъ въ городъ, и пишу къ отцу что я остался и что господинъ фонъ Малеръ уехалъ въ Вѣну; почему онъ спустя несколько дней приехалъ ко мнѣ сказывая, что онъ командированъ въ походъ противъ французовъ и что намеренъ и меня съ собою взять.

Тогожъ дня пашолъ отецъ мой къ генералу губернатору. благодарить за его высокую милость и объявляетъ при томъ: какде таперъ продолжаетца съ французами война и я командированъ, говоритъ отецъ мой, въ походъ то де и сына моего намеренъ взять съ собою, чтобы увидѣть чужие края, а при томъ какъ по природе нашей неиднаково ему оставатца, а должно въ военномъ деле привыкать и въ службѣ зачало учинить; генералъ губернаторъ таково отца моего намереніе весьма похвалыль и меня отпустиль.

Потомъ въскорѣ въ томъ же 1744-мъ годѣ на веснѣ армія цесарская изъ своихъ зимнѣ-квартиръ стала выступатьъ въ полъ подъ предводительствомъ принца Карла Лутрингскаго, въ томъ числѣ и подунайской ландмилиціи адинъ пехотной полкъ.

Я таперъ здесь стану нарочно для любознотства читателю яисать о семъ воюке какъ тогда оное было. Сня подунаюская ландмилиция состояла въ двухъ тысящахъ салдатъ пехоти, но не весь тогда въ походъ выступылъ, а осталась болшая часть онаго въ своихъ жилищахъ у прикрытия граници отъ стороны турецкон, а толко въ походъ пошло восемь сотъ человекъ редовыхъ! Правда что всѣ выборные люде были, хотя вто время оны почиталысь войскомъ не регулярнымъ, однако всегда болшъ службы носилы нежелъ другие, мундиръ, ружи, и всю амуницию должни были имѣть свое собственое и на своемъ коште исправлять, потому что сей народъ по силе ихъ привелегій никакон другон подати недавалы и состоять отъ всего волнимы, и для того въ военномъ порядке въместо другихъ податѣи и кварталеръ, должни были себя исправлять своимъ коштомъ, что имъ ни мало тягости не приносило и оны охотно на томъ положеній аставалысь, ружья и амуницию имѣлы оны свое собственое, а ктому сабля и пара пистолетъ въ кожаномъ невеликомъ чехле пристегнути къ левому боку тела, причемъ ножъ или кинжалъ въ полъ аршина длини; у всякаго то должно было быть и во всякой исправности чего оны самы всегда наблюдалы, и другъ предъ другомъ исправностию и чистотою щеголялы.

Мундиръ обыкновенной свои вчомъ оны и дома ходыли, но однако непростое а все одного манера покрою и цветомъ, на голове были у всѣхъ кивера чорные съ короткими обрезанными крлямы ничемъ не обкладение, разве что у некоторыхъ офицеровъ стакимыжъ короткими крлямы шитие серебромъ были, въ томъ числѣ я первой себя зделалъ и белое перо носилъ; ето такой видъ дѣлало что лстился всякъ имѣть, кто толко былъ въ состоянїи себя исправить, а впротчемъ у афицеровъ были и шляпы.

Сие Славонское войско ⁶ и Тренковъ полкъ ⁷, что изъ лѣсовыхъ раз-

⁶ Въ то время Сербы, какъ издавна поселившіеся въ Венгріи, такъ въ особности переселившіеся изъ Турціи въ 1691 г. при патриархѣ Арсеніи III Червоеничѣ въ числѣ 40.000 семействъ и въ 1737 году при патриархѣ Арсеніи IV Шакабентѣ въ небольшомъ числѣ, занимали въ качествѣ военныхъ поселеній всю юго-восточную Венгрію и большую часть Славоніи, имѣли постоянно подъ оружіемъ 20.000 человекъ, платили въ камеральную кассу ежегодно 48.000 флориновъ, и раздѣлены были на три военныхъ округа: Сегединскій, Арадскій и Петроварадинскій, въ коихъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстахъ или шанцовъ считалось 45, но изъ нихъ на болѣе пяти имѣли свыше тысячи жителей, платившихъ ежегодно до 10 флор.

⁷ Баронъ Францъ Тренкъ родился 1 янв. 1711 г., былъ сыномъ полковника

бойниковъ тогда былъ навербованъ; какъ французи первой разъ противъ себя въ сраженыхъ увидѣлы то прозвали ихъ пандурамы, каково имя прилепилось потомъ за нихъ такъ, что и многие другіе по неведению, что сіе значить, такимъ же именемъ называть стали, однако неправильно сказано: ибо то имя пандуръ совсѣмъ иныхъ людей значить кои нимаю не военные, таковы пандури содержатца въ Славоніи у цивилныхъ присудственныхъ местахъ какъ для содержанія караула при тюрьмахъ, такъ и для разсилокъ въ зборе поголовныхъ денегъ и для собранія съ земли провианта и фуража къ магазени принадлежащаго, а также и помещики въ деревняхъ своихъ таковыхъ пандуровъ содержатъ для содержанія ночныхъ карауловъ, у коихъ имѣютца такнежъ ружи, сабли и пистолети и такаяжъ одежда какъ и у служивыхъ, ибо въ Славоніи весь народъ обыкновенно въ одинаковой одеже ходить.

Таперъ возвратимся назадъ, стану говорить о виступленіи полка въ походъ, которой атъряженъ былъ подъ командою маіора Вукъ (или волканъ) Исаковича.

Мы виступили на веснѣ и въ томже годѣ какъ више значить и назначено было всѣмъ ротамъ зборное место куда, и отецъ мой съ своею ротою на томъ срукѣ спешилъ и меня уже съ собою взявъ,

австрійской службы, перешедшаго въ оную изъ Пруссіи, началъ свои военные подвиги, прославившіе его имя въ Европѣ, тѣмъ, что вышелъ въ 1738 къ Миниху съ тремя стами добровольцевъ, набранныхъ между южными славянами, и участвовалъ въ руско-турецкой войнѣ, но дважды подвергался военному суду за дерзкое обращеніе съ начальниками и только крайняя отвага его спасала отъ строгаго наказанія; затѣмъ, возвратившись въ Славонію, гдѣ у него было имѣніе, набралъ особое ополченіе изъ людей разнаго, но преимущественно южнославянскаго происхожденія, предводительствовалъ ими въ войнахъ съ Баваріей и Пруссіей, сталъ даже лично извѣстенъ Фридриху II, нагналъ страхъ на мирное населеніе средней Германіи грабежами и насиліями своихъ пандуровъ; нѣсколько разъ былъ судимъ въ самой Австріи за своевольство и презрѣніе къ дисциплинѣ и, будучи приговоренъ къ заточенію, притворился умершимъ и такимъ способомъ получилъ свободу, благодаря содѣйствію баронессы Лестоукъ съ которой и бѣжалъ въ Голландію, но потомъ вернулся въ Австрію, снова судился за намѣреніе будто бы поднять возстаніе въ Славоніи, былъ посаженъ въ моравскую крѣпость Шпильбергъ, гдѣ и умеръ въ концѣ 1749 г., оставивъ по себѣ записки, изданныя тогда же подъ заглавіемъ: «Merkwürdiges Leben und Thaten des Freiherrn Franz von der Trenk (Leipzig, 1748). О немъ потомъ было писано много. Его имя оставило по себѣ память и между южными Славянами. На хорватскомъ языкѣ есть книжка о немъ Луки Илича: «Baron Franjo Trenk i Slavonski Pandur» (U Zagrebu, 1845).

и тако соединившись всѣ роты на томъ назначеномъ мѣстѣ, и по пресмотрѣ маіоромъ оныхъ, велѣлъ приказомъ чтобы називатца полкомъ Славонскимъ Подунайскимъ и учиня маіоръ подлежащій свои распоряженій, выступили въ свою путь далѣ.

Аднѣмъ днемъ на раздаху пашолъ отецъ мой къ маіору и меня съ собою взялъ представляя меня говорить чтоде ето сынъ мой, онъ посие время былъ на науке, а таперде взялъ я ево съ собою въ походъ волонтеромъ, чтобы светъ и чужие края повидеть, а при томъ о службе и о действияхъ военныхъ понятие могъ приобрести и приучитца тому ремесству въ каковомъ и я самъ состою; яде вамъ ево, говоритъ отецъ мой, представляю и прашу, чтобы позволить ему быть при полковой канцелярїи при писме, а также и другое по полку что приказано будетъ онъ исправлять можетъ.

Маіоръ прозбу отца моего весьма склонно принялъ и радъ былъ, причемъ еще и благодарилъ отцу моему за ево таки къ нему отъзвѣвъ, обещавъ старатца въ случаи помагать; оборотясь потомъ маіоръ ко мнѣ проговорилъ понемецки, спрашивая умеюль я тѣмъ языкомъ говорить, начто отвечалъ я что умѣю и что готовъ служить і исполнять его повелѣній *; маіоръ тотъ часъ приказалъ къ себе призвать пол-

* Сколко ннѣшняго времени въ народѣ нашемъ Сербскомъ уже повыходили ученыхъ на разныхъ языкахъ людей, столкжъ в то время былъ въ томъ недостатокъ, и ето редкость была когда кто понемецки толко умѣлъ говорить, а о другихъ какихъ наукахъ и слыху вовсе небыло.

Нась тогда въ полку которіе понемецки говорить умѣли было всего три человекъ, маіоръ первый да поручикъ Николичъ другой, и я третьей, однако въ точности правилнаго знанія мнѣ право давали.

Таково незнаніе ни отчего болшъ непронсходило какъ отъ того, что отцы синовъ своихъ на науки не отдавали, убегиая слѣпо отъ просвещенія, а наиболшъ чрезъ сохраненіе положенныхъ постовъ, воображая что ежели сына отъдать въ наукъ и отослать нзъ дому въ какіе дальніе училыщи, то будучи тамъ должно будетъ днтя всегда масо есть, и тѣмъ будто потѣряетъ вѣру и законъ свой; и будетъ нѣмецъ (или шокацъ) а потомъ чрезъ науку до економый домашнїи будетъ неспособенъ; по какимъ недостаткамъ въ учоныхъ людяхъ а особливо молодежи господские дети вступавшіе въ службу тѣрали свое счастье; и весьма трудно въ чины происходили и оставались многіе во весь векъ свой въ одномъ толко чинѣ и едва кто до капитанства доходылъ, я знаю довольно что по недостатку нзъ учоныхъ немецкаго языка людей принуждено было держатъ какъ при главной командѣ у генералитета, такъ и при полкахъ талмачовъ, исчего великіе затрудненїи происходили, и капитанъ въ ротѣ какъ случитца, что иному на немецкомъ языке

коваго квартирмейстера; онъ былъ немецъ приказалъ ему, чтобъ онъ въ канцеляріи имѣлъ меня при себѣ и употреблялбы въ письменныхъ делахъ, квартирмейстеръ сталъ давать мнѣ къ сочиненію табелей, списковъ и другихъ дѣлъ, кои тогда къ главному смотру приготавливались, ибо мы ужъ не далеко отъ города Печуя⁸ где оберъ кригсъ комысаръ (по фамиліи фонъ Кленнъ називался) дожидаетца и будетъ смотреть полкъ, мы продолжали наши марши далѣ и вышли ужъ изъ Славоніи, переишедъ реку Драву пошли въ Венгрію и приближаемся къ тому городу где смотръ будетъ.

Я препорученое мнѣ дело въ препыске табелей и списокъ ис-

письмо или ордеръ отъ команды пригнѣтца, то и бегаеть со онымъ во все стороны ищетъ, кто иное прочетъ и прескажетъ ему что тамъ написано.

И на такомъ основаніи оставались изъстари сколько десятковъ лѣтъ, покуда уже на послѣдокъ тѣ ланд-милиціи преформировани на другой штатъ и учреждены изъ нихъ полки регулярные (о чемъ въ переды въ своемъ мѣстѣ еще буду я говорить), и все письменные дела отправляца стали помещени, также и офицеровъ немцовъ почти половинная часть къ нимъ определено, почему уже и наши отворили глаза и стали немецкаго языка учица, и таперъ многие тѣмъ воспользовались, что хорошими людьми и офицерами практикованными поприходили и втамощныхъ полкахъ состоятъ.

Правда была и то что въ первые веки немцы также небыли такъ просвещены, какими нынѣшняго времени состоятъ, оны въ канцеляріяхъ даже и по военнымъ деламъ писывали и свои отправления делалы по обычаю древности римской на языке латинскомъ, что также не только намъ сербамъ но и самимъ немцамъ приносило большое затрудненіе, яко оны и самы не все такъ учени были и всякъ того языка разуметь не могъ, покуда на послѣдокъ оны отъ того отстали и нынѣшняго времени по военнымъ деламъ уже на своемъ природномъ немецкомъ языке отправлять стали, и латинской остался болше въ цивильныхъ и въ судебныхъ делахъ въ употребленіи, а особливо венгры того держатца.

⁸ По сербски Печуи, по хорв. Pécuh, по мадыарски Pécs, по чешки Pétikostelí, по вѣм. Fünfkirchen, въ средніе вѣка Quinque Ecclesiae s. Basilicae, во времена римлянъ Sorana,—одна изъ обильнѣйшихъ по археологическимъ находкамъ мѣстностей, лежащая недалеко отъ Дуная и границъ Славонскихъ. Этотъ городъ уцѣлѣлъ даже во время великаго переселенія народовъ и былъ уже значительнымъ во время прибытія Мадыаръ въ правдунайскія земли. Св. Стефанъ основалъ здѣсь епископскую катедру въ 1009 г.; Людовикъ I въ 1367 г. основалъ здѣсь академію, въ которой число слушателей въ 1525, въ годъ битвы при Могачѣ, передавшей Венгрію въ руки турокъ, доходило до 2000 и болѣе 300 изъ нихъ пало въ этой битвѣ. Во время турецкаго владычества городъ упалъ, но послѣ завоеванія австрійцами въ 1686 г. сталъ подниматься, вслѣдствіе сильнаго наплыва нѣмецкихъ колонистовъ. Теперь жителей въ немъ считается около 20.000 и между ними болѣе 18.000 католиковъ мадыарскаго и нѣмецкаго происхожденія.

правлялъ порядочно и моимъ писмомъ былъ полковой квартирмейстеръ весьма доволенъ, хвалылъ и показывалъ маиору; мы тихо маршировали покуда успѣли всѣ письменныя дѣла исправить, и ужъ прибыли въ тотъ городъ Печуи.

По вступленіи нашемъ въ городъ далъ маіоръ о себе оберъ кригсъ комысару, знатъ от коего приказано чтобы расположитца по квартирамъ.

На завтрашнѣи день выступылъ полкъ для смотра на назначенное место, маіоръ былъ пред полкомъ на лошады верхомъ, а на правомъ фланге поставленъ былъ столъ и всѣ дела приуготовление къ смотру на номъ положены, мало потомъ погода едетъ верхомъ оберъ кригсъ комысаръ и приближасть къ фронту, отъдалъ ему маіоръ честь съ барабанымъ боемъ.

Къригсъ комысаръ слѣзъ съ лошады, ходылъ чрезъ шеренги пешкомъ и вышедъ къ правому флангу сѣлъ за столъ подъ шляпою, а протчие всѣ стоялы на ногахъ и безъ шляпъ, однако потомъ сказалъ маиору сестъ, яко полковому командиру (сей оберъ кригскамьсарские чины въ службе австриской имѣють во время смотровъ особливую власть, и такъ мнѣ кажетца что еще болшъ нежели въ другихъ потенціяхъ, сколко мнѣ сие дело есть известно); онъ при смотре сидя за столомъ беретъ особливую амбцію и ауторитетъ и представляетъ себя во образе государя въ великой силѣ и власти.

Смотръ полку нашему зачался и стала людямъ прекличка, на періодъ ротѣ маіорской, а по мынованіи оной подступыла рота отца моего яко старшаго капитана, на которое время отъ той роты фурѣра или ротнаго пысаря на лицо не случилось, онъ былъ посланъ въперіодъ какъ обыкновенно по очереди таковы для всего полка посилаютца для заготовленія кварталеръ и фуража, то и прекликивать людей въ ротѣ отца моего небыло другаго, а я на то время какъ стоялъ по близости стола; то маіоръ и говоритъ мнѣ: возьмите списокъ отъ роты батюшки вашего и зачинайте прекликивать людей, я то зделалъ и сталъ прекликивать, а какъ дошло до имени ротнаго фориера тогда говоритъ оберъ кригсъ камьсаръ оборотясъ лицомъ ко мнѣ спрашиваетъ ялы тотъ; на тотже спросъ маіоръ вѣставши докладываетъ, что фурьеръ посланъ въперіодъ для заготовления кварталеръ, а обо мнѣ сказалъ что де етотъ молодой человекъ есть сынъ сего господина капитана, коего онъ взялъ съ собою въ походъ волонтеромъ для практики военного дела и чтобы повидеть чужие края; господишъ оберъ кригсъ камьсаръ възглянувши на отца моего похвалылъ его

дело, подынявши несколько свою шляпу говорить: желалбы де я видѣть чтобы по сему образцу и всѣ протчіе ваши националніе такъ дѣлали, потомъ поворотясь къ маиору спрашиваетъ обо мнѣ умѣюль я говорить понемецки, на что отвѣчалъ маіоръ чтоде онъ и говорить и писать умѣеть и показиваетъ списки что я писалъ; оберъ кriegсъ камысаръ посмотра на письмо моеи руки—показалось ему хорошо, зачалъ со мною говорить и спрашиваетъ где я учился, на что отвѣчалъ я что въ Виенѣ и в другихъ городахъ, онъ моимъ ответомъ былъ доволенъ, спрашиваетъ маіора какие въ полку состоятъ ваканцыи, маіоръ отвѣчалъ что никакой другой не состоитъ окроме адютантской, тогда господинъ оберъ кriegсъ камысаръ поворотясь ко мнѣ подынялъ шляпу, говорить мнѣ поздравляю васъ тѣмъ адютантскимъ чиномъ, и на томъ мѣстѣ въ табель въ ту леныку что порожая была записалъ своею рукою мое имя, я будучи въдругъ такимъ чиномъ пожалованъ почти спужался незная где стою и всего меня жаръ обнялъ, едва опомнился и господину оберъ кriegсъ камысару и маіору поклонился и благодарылъ, а потомъ зачалъ продолжать ту прекличку до конца.

Сей чинъ былъ мнѣ по моимъ тогда молодымъ лѣтамъ сперва сколко лестенъ столкожь и труденъ, для чего отецъ мой выпросилъ у маіора, чтобы ево роты фуриера никуда болшь въ посилкѣ неупотреблять, а билбы онъ моимъ помошникомъ, маіоръ ту прозбу уважилъ и приказалъ на томъ быть, и тако я с моимъ помошникомъ а лучше сказать дядкою былъ неразлучно, я отъ него во всемъ порядкѣ пользовался много, ибо того рода чини тамъ въ службе австриской должни быть во всемъ знающіе, какъ по канцелярій въ писме и въ щетахъ, такъ и по должности военной службы также и въ судебныхъ делахъ въместо аудитора бывають употребляемы; онъ со мною всегда и вездѣ ездилъ, ему отецъ мой и лошадъ верховую подарылъ а сверхъ того и другимъ награждалъ его хорошо, чрезъ что онъ охотно и служылъ, и прямо сказать что по приятелски наставлялъ меня, а смотрѣлъ чтобы при моемъ зачале службы по должности моеи немогло ничто быть упущено, и тѣмъ я мало по мало самъ въ должность службы вошолъ и онуу узналъ.

По окончаніи же въ томъ городе нашего полковаго смотра и будучи еще въ полю на смотровомъ мѣстѣ, приехалъ къ намъ посланой отъ тамошнѣго католицкаго арцибыскупа, объявляетъ господину оберъ кriegсъ камысару: какде и вчерась въ вечеру просилы всѣхъ господъ на севоднѣшній день къ оберу, тоде онъ с тѣмъ и таперъ присланъ вросить.

Полкъ распущенъ по квартирамъ, а мы всѣ пошли на прошеномъ обедъ и приближаемся уже ко двору, говорить оберъ кригсъ камысаръ нашему маіору, что де надобно учинить честь господину арцибыскупу по обычаю подоитить всѣмъ поцеловать руку, маіоръ о томъ всѣмъ намъ объявлялъ, и вошедши уже въ домъ арцибыскупа дождалъ онъ насъ въ зале, маіоръ подошолъ къ нему къ руке, что и мы всѣ сделали; однакъ онъ руки целовать не давалъ а только благословлялъ насъ, потомъ повелъ насъ далѣ въ другіе покои и просилъ сестъ, продолжалъ онъ съ оберъ кригсъ камысаромъ и съ маіоромъ разговори, умѣлъ онъ и пославенски говорить, потому что въ той странѣ есть много уніатовъ, то и языкъ славенски надобно поставляемымъ на то место арцибыскупамъ знать, сій разговоръ продолжалъсь о разныхъ матеріяхъ, между тѣмъ и на столъ блюда поставлены, о чемъ какъ ему данно знать, то встали и пошли въ столовую, и селы по своимъ местамъ за столъ, при чемъ ево придворная музыка играла на разныхъ инструментахъ и продолжала во все время нашего за столомъ сидения.

По окончаній стола пошли всѣ въ другиі покои, где былъ поставленъ десертъ и поднесено кофи, а по окончаній и того между прочими разговорами господинъ оберъ кригсъ камысаръ докладываетъ арцибыскупу указывая на меня говорить, чтоде сей молодой афицеръ сево дня пожалованъ чиномъ и похваляетъ моего родителя о томъ, что онъ меня съ собою взялъ въ походъ, арцибыкупъ тоже самое похвалялъ и говорить мнѣ, какде вы таперъ новы афицеръ, то и еквипажъ новои имѣтъ надлежитъ, для чего чтобы тѣмъ зачало учинить при вступленій вашемъ вслужбу—дарую вамъ верховую лошадъ, кою и приказалъ привести, она была мастыю темно серая, хотя невеликаго росту да очень хороша и доброежа, я оную съ благодарностью принялъ; мы еще тутъ у арцибыскупа бавылись до поды самои вечеръ, а потому отклонясь пашли и проводили господина оберъ кригсъ комысара до квартири, отькуда пошли протчіе по своемъ квартирамъ, а я съ отцомъ моимъ проводили маіора дамой.

Приказъ отъданъ отъ маіора что еще и завтрешній день тутъ раздахъ будетъ и чтобы служивые во всякомъ порядке были и обходились съ хазяевамы смирно, таковъ приказъ я принявши записалъ въ свою книшку, потомъ пашолъ въ канцелярію, где сержанти собрались были коимъ тоже я отдалъ, и осмотра обозъ и караулъ пошолъ на свою квартиру.

На завтрешни день рано въ часу шестомъ пришли всѣ серж-

жанти съ благополучнымъ рапортомъ, и я потомужъ отърапортовалъ своего майора, мало спустя потомъ пришли афисера къ майору и докладывалы, о чемъ кто по ротѣ имѣлъ какую надобность, а затемъ пошли всѣ хадытъ по городу и въ лавки къ купцамъ где и скупалъ всякъ что кому было надобно, а я увидевши въ одной лавке белое перо (султанчикъ) прасылъ батюшку своего, чтобъ оное мнѣ купить, онъ сего удовольствія мнѣ сделать не отказался и получа оное я тотъ часъ задѣлъ за свои шитой киверъ и счолъ, что ужъ ничего лучше и пригожее бытъ не можетъ; въ вечеру тогожъ дня приказъ отъданъ что завтра будетъ маршъ, къ чему все по обыкновенію і изготовленно состояло, и рано по утру по пробитій генералъ маршъ выстопылъ полкъ и в походъ, маіоръ еще зашолъ къ господину оберъ кригсъ комисару, которой также рано выехать хатѣлъ навстречу по другой дороге марширующимъ полкамъ; въ марше водылъ полкъ батюшка мой яко старши капитанъ, мы на марше останавливалисьъ раза два дожидаясь маіора, но какъ онъ насъ не догналъ, то ужъ мы и въ квартири где ночлегъ назначенъ вступалы, потомъ ужъ и маіоръ приехалъ, я ему о благополучномъ маршированій и что полкъ въ квартири своимъ вступылъ отърапортовалъ, после того принявши о завтрешнѣмъ марше отъ маіора приказъ и отъдавши оной сержантамъ пашолъ я на свою квартиру, и такимъ порядкомъ продолжалы мы наши марши чрезъ Венгрію и дошли къ немецкимъ граныцамъ до Штеирій, первой намъ былъ той земля городъ Рахеншбургъ⁹, въ томъ городе имѣли раздахъ и потомъ помаршировали далѣ.

Сия штеирская земля есть весма гориста, но при всемъ томъ дарога хараша, она делана видно давнихъ временъ, что безъ всякой опасности чежелымы возамы люде ездятъ куда кому надобно, дарога идетъ между горъ и где каменій препятствовалы, то тѣ места ламани порохомъ и всю сравнено, чрезъ тѣжъ гори течеть рѣка Мура, кою случалось намъ въ день разовъ по четыре и по пять преходытъ, ибо оная течение свое имѣеть чрезъ самыя тѣ места какъ болшая дарога лежить и великымы кривинамы завороти своя имѣеть, для чего где чрезъ нее есть преходъ, то тамъ вездѣ каменные мости поделаны съ высокымы дугамы, дабы судни проходить свободно могли.

⁹ Radkersburg (Radgona) на р. Мурѣ, берущей свое начало въ Зальцбургѣ, протекающей чрезъ Штирію въ юго-восточномъ направленіи и впадающей въ Венгрію въ Драву.

Въ Штеирій лесовъ и железныхъ заводовъ есть очень много, тамъ въ тѣхъ заводахъ работаетца железо помочию водяныхъ машинъ, я много кратъ ходыль ту работу смотреть; куда какъ воидешъ, то не иначе представляетца въ глаза человеку, а точно какъ говоритца адъ, ибо очонъ чрезъ вычаиною жестокостію горить и уголья трешать, и работники всѣ въ кожаной одежде чорные какъ черти, стукъ и шумъ превельчайши, и кто сперва туда воидеть то отъ того духу и жару многие наши с непривички доставалы головную болезнь, я и самъ однажды одъ того заболѣлъ было и потомъ въ такие места хадыть престалъ; въ сихъ заводахъ делаетца весьма хорошее железо и развозятъ купци оное во всю Австрію Венгрію, Славонию и в другіе места того государства; тамъ делаютца коси сенокосніе особливимъ искусствомъ и доброты, каковыхъ въ другихъ местахъ нигдѣ нѣтъ, отъель и въ Россію великое множество косъ ежегодно вывозятъ купци, нарочно за тѣмы приежающие, способомъ той реки Мурикоя въ падаетъ въ реку Драву, а Драва въ Дунай, и Дунаемъ препровождаютца судна въ море Чорное, и потомъ въ удобныхъ местахъ выгружаютъ и возють сухимъ путемъ куда кому надобно.

Въ скорѣ пришли мы той земли въ главной городъ называемы Гратцъ,¹⁰ городъ сей есть весьма стариной, однако в немъ состоятъ все хорошее каменное строение и дома по три и по четыре етажы имѣютъ лежить оной надъ рекою Мурюю въ широкой между горами далыне, съ одной стороны надъ городомъ подошла високая каменная гора мысомъ, на коемъ построень крепкой цитадель; сюда присилаютца иногда преступники осужденіе въ силку, въ то время былъ тамъ сосланой Сербской дворянинъ Іосифъ Іоановичъ провизоръ, онъ обвинѣнъ якобы имѣлъ некакіе препыски съ приежающимъ изъ Россіи воижиромъ княземъ Кантакузеномъ; въ семъ городе бывають ярмарки и торговля великіе на разные тамошніе продукты а особливо на дѣланіе железніе всякіе вещи.

Земля сия Штеирія мнѣ весьма понравылась и надобно бытъ здоровому воздуху отъ лесовъ всегда выходящего, болотже и гнилыхъ местъ нѣтъ, води здаровые и стекающіе изъ горъ источниками, скота

¹⁰ Gratz или Grätz, по славянски Nemški Gradec, въ отличіе отъ мѣстечка Windischgrätz, называемаго Slovenski Gradec, былъ не большою крѣпостію еще во времена Римлянъ. Въ 1281 Рудольфъ Габсбургскій далъ ему городскія привилегіи. Грацъ не разъ былъ осаждаемъ Мадьярами и Турками, а въ 1809 г. Французами; теперъ считаетъ болѣе 80.000 жителей.

имѣють даволно, лошадей хотя нѣтъ, со излишествомъ, но тѣ кои тамъ плодотца весьма хорошия, а тамъ видѣль, такихъ жеребцовъ въ илугу по четыре запряженіе и мужикъ съ седла поганяеть и землю пашеть, за таковыхъ платилы бь охотники для заводу въ Россіи верно по двести и по триста рублей, хлеба имѣеть та земля достаточно и овощъ всякую, мясо и другіе съестные надобности продаетца ценою умереною, толко что адного вина тамо мало родить и в томъ есть недостатокъ, а что есть то привозють изъ Австрій и то дорого, однако тотъ недостатокъ награждаетъ тамошнѣе хорошее пиво, с коимъ я былъ доволенъ и о винѣ не спрашивалъ.

Въ семь городе Гратце простояды мы дня три, а теми днямы помощникъ мой припомнилъ мнѣ, чтобъ я зачалъ водить журналъ обо всемъ, говорить онъ мнѣ какде вы зачинаете служить и в такой должности, что можетъ иногда случитца о чомъ дыбо васъ командиръ спросить, то чтобы вы знали чемъ отвечать.

Я сей советъ принялъ за наставленіе и потому сделалъ тетрадь и сталъ свой журналъ вести, въписывалъ я всемо что ми случалось видѣть и что происходило, также марши и раздихи где были и чрезъ которые места и провинціи проходили и писалъ всякую всячину, того впоследствии сделалось много и связка болшая, а по прошѣдствіи потомъ невольныхъ лѣтъ, какъ оное вошло у меня въ обычай и я не преставалъ писать обо всемъ и всадъ что толко случилось, то умножилось у меня таковыхъ записокъ въ великомъ количестве и тако впоследствии на досуга временемъ сталъ я пребывать и всѣ съ зачала пресматривать и что слѣдовало одно за другимъ связывать, ис коихъ иныя были ужъ погнили а другіе попредирались, то я сожалѣя бросить, зачалъ мало по мало переписывать и сделалъ новыя тетрады кои разсудилъ хранить, подумалъ что можетъ быть после меня потомкамъ моимъ иды кому другому приятно будетъ оное читать, а далѣ какъ еще прибавилось и умножилось таковыхъ записокъ, а ктому и лѣта мои подоспѣлы, въ которые по службе и по многимъ военнымъ трудамъ случались дела и достопамятныя, для чего не хотя оставить бывшее мое время въ туцѣ и сделалъ изо всего того сию повесть.

Чтоже до моеи тогда должности принадлежало, то я такъ прилеженъ былъ и старался всегда службою угодить своему командиру, что никогда ни въ чемъ за мною упущенія не было, а ктому побоблялы мнѣ много отъ моего помощника наставленій (о всемъ я выше говорилъ), сей честной человекъ такъ меня любилъ, а я я его, что нигде адинъ

безъ другаго быть не могли, онъ былъ природной немецъ звался Яковъ Хехеръ, былъ онъ мнѣ и помощникъ и наставитель во всемъ.

Повернемся таперъ къ нашему маршу, каторой продолжали чрезъ Штеирию и приближаемся уже по минованіи несколкихъ дней къ границе верхнѣи Австрій и вступа во оную увидѣлы мы совсѣмъ уже другой край.

Въ сей землѣ всего изобѣлно и вино родытъ, земля ровная даволно, хотя и есть гори, но все ниские и плоднше насажени садами и овощми, чрезъ сию землю маршировали мы съ великимъ увеселениемъ, охотилысь въ марше съ борзими собаками за зайцами, какихъ тамъ превеликое вездѣ множество, у меня были собаки отменно хороши, коихъ я какъ чрезъ Венгriu шли досталъ иныхъ, а другихъ по обыкновенію охотничему съ собою и такъ приманылъ, съ коими я веселился и едучи возлѣ полка по дозволенію командира, а къ тому изъпрашивалъ позволенія у помещиковъ, чрезъ чій владѣній проходили, ибо самовольно никому въ немецкомъ землѣ зверем и птиць стрелять и собаками тровить не дозволяетца и на то право великое тамъ есть, имѣлъ я в полку друзей офицеровъ кон хотя всѣ старѣ лѣтаны меня были, однакъ любили меня и всякъ желалъ моей дружбы.

Мы соберемся бывало иногда попередъ полка въ марше верханы, скачемъ и резвимся на лошадахъ, песни поемъ, табакъ куримъ, вотъ тутъ я зачалъ сие ремесло учить трубку курить, за что неоднократно отъ отца получалъ я репреманди, понеже въ родѣ нашемъ курителя табашнаго прежде не было окроме меня, и тако я къ сему приниць много, что и по сей день отъстать отъ того не могу.

Намъ въ марше на ночлегахъ и на раздачахъ часто случалось бывать у тамошныхъ господъ помещиковъ, онѣ насъ вездѣ принималы ласково и обходились с нами по приятелски, бывало иногда что для насъ и балы давали и собырали свою околиншную родню и приятелей, при какой хорошей компаніи и танци происходили, я какъ с ними говорить умѣлъ и при томъ делалъ имъ въ танцваніи удовольствие почему мнѣ отменное прятство оказывалы и бывало такъ что на некоторыхъ местахъ и съ плачемъ разставалысь, дстя меня своимы словами что я имъ хорошъ и приятенъ и желали бы, чтобы я и навсегда с ними былъ; тутъ я зачалъ слышитъ колебанне крови по натуре человеческой, однакъ еще стыдъ и молодость мнѣ воспрещало, что не дохдылъ ни до какого искушения, въ самомъ делѣ я былъ очень выдеиъ собою, ростъ мой былъ болшъ среднѣи мери, а лицемъ белъ, волосъ на голове предлинной и густой, а черной какъ уголь, меня иногда на

маскараде наряжались барини въ девическое убранство и одевали въ шмуровки и тѣмъ въ ташцахъ и увеселеніяхъ иногда молодые ребята не зная прелцались (зашошь я нѣсколко симъ въ ошибку описывая самъ себя престушью опять къ маршу).

Продолжалась путь наша чрезъ Верхнюю Австрію весьма хорошими и увеселительными местами, дома и палацы господские все каменные, сады овощные и цветные украшены разными искусствами, статуями, живые ираморные, а другіе изъ какаго камня искусно изъсечение, фонтаны воду высоко быющіе, вся земля устроена порядкомъ благопріятнѣйшимъ, однимъ словомъ сказать, что ни попадетца въ глаза видеть, то всякая вещь пріятность человеку изъявляетъ.

Приближились мы къ городу Кремсъ Минстеръ называемомъ, сей городъ лежитъ въ низине на плоскомъ месте при речке Кремсъ, хотя окружностию своею и не есть городъ очень великъ, да строение домовъ у себя имѣеть весьма хорошее, надъ городомъ подошла съ одной стороны гора, на коей преогромной монастырь состроенъ, преукрашеной всякими необычними и достопамятными вещми, въ немъ состоятъ католикаго закона духовные чины, называюща бенедиктини, надъ коими старшина именуется прелатъ или архимандритъ, до тогожъ монастыря и городъ тотъ принадлежитъ. Мы не доходя до него были за две, представился уже оной глазамъ нашимъ и потомъ въскоре была намъ оттуда встрѣча, идетъ посланой отъ прелата форштмейстеръ или старшина надъ егерями, у коего въ ведомстве вся округа грунтовъ и лесовъ того города и монастыря состоитъ, тоже зверинци, пруды, и другіе въ рекахъ рыбные ловли отъ негоже зависятъ, онъ ехалъ верхомъ а за нимъ четыре человекъ егерей верхами жъ и съ ружьями, перядочие и богато одетые, подъехавъ онъ къ намъ спрашиваетъ о начальнике полка, и какъ на то время самъ майоръ попередъ полка верхомъ ехалъ, то и отвѣчалъ что онъ есть самъ командиръ, тогда оемъ пооланой снялъ свои съ головы зеленой бархатной съ бѣлымъ султанчикомъ картузь, объявляетъ поклонъ отъ прелата съ прозбою, дабы не стрелять зверей и птицъ, по сей прозбе майоръ тотчасъ приказалъ, чтобы никто не дерзнулъ стрелять и зайцовъ сабаками не травить, сказавъ притомъ ему майоръ, что онъ все до порядка принадлежащее будучи въ марше чрезъ того монастыря владение сохранять будетъ и обнадеживаетъ тѣмъ, что обыдъ никакихъ не будетъ.

Афицери наши у каво борзие сабаки были, тотчасъ велѣлы по привязывать, тоже самое и я съ своими сделалъ и велелъ слуге водить на дворе, и подлинно естлибы сабакъ не привязывали, тобы могли

надевать шкеры много, какъ нигде. Стоякъ зашцовъ и штыць разного рода мы не видаемъ, какъ что тако было шамъ показывалъ оленя и ковы въ глаза кучаны.

Посланой форштмейстеръ, видя что майоръ съ нымъ баскаво общошодся, велѣлъ своимъ егерямъ застрѣвать парю фазановъ и прирѣсть, что учинить было не трудно, ибо ихъ преимуществно охоло дароги поемъ и на деревьяхъ редько, егеря тотъ часъ по тому приказанью парю фазановъ примесомъ, а фарштмейстеръ выдвину шельность майору въ подарокъ, и побувъ еще при насъ на марше охоломыя отъца, нясть у майора пошккалъ съ своимъ егеремъ въ городъ, куда въ слѣдъ за нымъ прирѣсть расположиться по назначеннымъ уже комъ квартирамъ.

Приказъ отданъ, что на завтрашній день въ томъ городе будетъ раздахъ.

Тогожъ вечера прислалъ прелатъ къ нашему майору двухъ своихъ черицовъ, просить именемъ своего прелата, какъ майора такъ и всѣхъ офицеровъ на завтрашній день отобедать, что и сделано, мы по томъ провбе завтрашній день пришли въ мацадиръ, въ часу аднатцатомъ, насъ встрѣтилъ прелатъ, всема учтиво, въ своемъ перелнѣмъ пакоу, и повелъ далѣ вънутрь. Своимъ чертоговъ, просить тамъ сесть, поднесли кофе и водки, кто что жателъ то и приидмалъ, прелатъ продолжалъ прелатъ разговоръ свой съ майоромъ, о разныхъ матеріяхъ о вѣнѣ и о томъ краю откода мы идемъ, дѣмъ и время провели до обѣда.

Въ часу первомъ пришло, адинъ изъ ево духовныхъ, доложилъ прелату, что обѣдъ уже готовъ и на столъ поставлемо, прелатъ въ ставши просить насъ къ столу, мы все наши за нымъ и шлю, ево чрезъ несколько пакоевъ, комъ были всѣ великолевно убраны. (еслибы всею въ подробностъ описывать какія украшанія я тамъ видѣлъ, тобы надобно о томъ много писать, для чего чтобы тѣмъ не обеспокоить читателя сокращаю, а только о первѣишихъ вещахъ стану говорить).

Мы вошедъ въ залъ, гдѣ уже и блюда на столъ были поставлены, посуда была вся серебряная, столъ былъ мраморной диндо, сажены въ полътреты а ширина онаго въ два аршина, на плити столѣхъ мраморныхъ же въ пропорцію сделано весьма искусно, съ разными лъзамы, и цвѣтами высечены, тотъ столъ по оныишю обѣда осктерта какъ цамъ его показаны были, крапентъ, зеленъ, голубой, синѣй, белой, желтой, и все то натурально и с великимъ искусствомъ сделано, а по краинъ стола гаймъ гладкой на лодонъ широкой, выдоченъ,

на срединѣ жѣ стола на самомъ срединѣ столбе, какъ мы за столъ сели, стояло большое круглое серебряное блюдо плоское, безъ мала въ одной аршинѣ шарикъ, а во кругъ онаго на добрую лодокъ подиго въ верхъ такъ какъ широкой обручъ серебряной же, наторой ударили вазы чтобы изъ блюда вода не выливалась, на срединѣ жѣ того блюда выла лана въ низъ чрезъ оное трубка, коя входитъ въ срединѣ подъ столомъ стоящій столбъ, а на чей трубкѣ поверхъ блюда прищрубованъ изъ серебра вылитой рыба нить представляи Иону пророка выброшенную въ семь ките весу какъ сказывали серебра собою дватцать фунтовъ кроме блюда, шешуя на ките такъ показывалась каковы изъ самаго золота пожежду серебряною, шешушкой, висающаю, а внутри того блюда вокругъ обручави тонкия серебряныя и вызолоченыя медныя вазы другаго пожеме, въ коихъ поставлены были стаканы, голубого стекла шампанше съ вызолочкою и въ нихъ налита было пиво, а потому ужъ въ нихъ и пиво наливали.

Лишь только что мы за столъ сели, то прелать повернулъ рукою то блюдо, а отътуда въдругъ изъ китовыхъ ноздрей ударили два фантана водяные въ гору аршина на два, кои толшиною были въ перо гусиное, также изъ зубовъ (изъ ушей фантаники) ниски въ нитку тонкия, и та вода тутже въ блюдо спускалась и наполнявши оное почти доверху, сама вода отътекала въ низъ чрезъ тогже подъ столомъ столбъ и болѣе ни прибавлялась ни убавлялась вода, а фантаны непрестано текли).

Залъ былъ весьма украшенъ штукаторомъ, живописию и золотомъ самою высокою работою, представляя разные историческыя штуки, стени тесаны дикова камня квадратнаго, а въ одномъ углу зала гдѣ буфетной столъ стоялъ въделано въ стени мраморное карито небольшое, над коимъ стояла въ стени въделана медная вызолочена съ широбомъ трубка, чрезъ кою отъвернувши пирубъ текла вода холодная отътуда и настоль продавали, а въкоритѣ стаканы мыли и вода внизъ отъ текала, въ тойже зале около дверей и окошкы тѣмси мраморныя разноцветныя съ искусною весьма выдечкою, а по краямъ на вершокъ ширины гладко вызолочены, занавесикъ у дверей и на окошкыхъ были всею богатой матеріей съ золотою бахрамой и съ жемчужными шмурами, во время стола играла музыка церковная органы и на разнмъ тонасахъ, поль въ залѣ ареховой мешанъ и е другыя разныя деревозы.

После обеда какъ екатери съняли показали намъ столъ о чемъ я выше сазалъ, и потому пошли опять туда къ прелату въ Чаконъ, тамъ поставлено было десертъ и водоеды пофы.

Мало погодя пашоу прелатъ показывать намъ свою библиотеку и другіе кое какіе вещи и редкости, тамъ я видѣлъ разныхъ всеиныхъ старинныхъ римскихъ орудіевъ, также и турецкихъ всякаго рода ружьевъ, сабель, кинжаловъ, седелъ, и уборовъ конскихъ, знаменъ, платья разнаго турецкаго, и одного великана турка убытаго ложа снята и вычищена и набыто чучиломъ, сей турокъ высокъ былъ, какъ то чучило свидѣтельствуеть, безъ мала три аршина въ плечахъ въ одинъ аршинъ, головажъ чрезвычайно велика, сей турецкіе вещи привезени въ тотъ монастырь послѣ отъ турковъ осады и по разбитіи ихъ подъ столичнымъ австрійскимъ городомъ Вьеною.

Далѣ отътуда пошли мы по саду, котораго описывать нахожу излишнѣе, ибо великолепные алей, фонтаны, бесѣдки, оранжереи, статуи, то все такъ устроено какбы въ какомъ государствѣ нѣмощъ увеселительномъ саду могло быть, между прочими видами мы четыре маленькіе пруда одинъ возлѣ другаго въ одной связи съ прегорѣдками выложеніе тесанимъ дикимъ камцѣмъ, въ первомъ стала по срединѣ статуя мраморная, представляющая какъ Самсонъ лву челюсти разорвалъ, у той статуи у лва изъ азыка быеть фонтанъ въ гору высоко саженицъ на четыре, вода же изъ перваго пруда протекаетъ чрезъ весьма мелко плетеную изъ проволоки решѣдку въ другой и далѣ свое теченіе имееетъ исподъ земли въ болшой по близости стокъ.

Въ тѣхъ четырехъ прудахъ напущена рыба разнаго рода дикование, есть некоторые блищать какъ сребреніе, а другіе краснее какъ кровь и другіе всякіе кои за редкость тамо почитаютца.

При тѣхъ прудахъ стоитъ на столбикѣ мраморномъ колокодыжкѣ придѣланъ, на пружинкѣ желѣзной, въ которой какъ скоро зазвенять, то на тотъ годось вся рыба выплываетъ на верхъ воды и ожидаетъ по привычкѣ свои кормъ, коимъ тотъ часъ и даютъ.

По обѣимъ же сторонамъ тѣхъ прудовъ оставлена для проходу дорога вымощена камцѣмъ довольно широкая, а по сторонамъ той дорогистѣна каменная погнутая въ нутрѣ безъ столбовъ, и та погнѣ. съ исподы малевана разныя историческіе штуки работы высокою съ вызолоткою, на углахъ и посредние лавки мраморные для сѣденія:

Въ болшойже по близости прудѣ на выходе изъ сада заведены равнаго рода водяные птицы кои тамъ и плодотца, а для лебедей поделани окрашеніе зеленою фарбою пловущіе клеткі изъ досокъ.

Мы прохаживая всѣ тѣ украшенія гдѣлы на волю, что предъ нами видѣтъ случилось, между тѣмъ и вечеръ поспѣла, отъѣлонясь мы у прелата пашли по квартерамъ.

На завтрашній день помаршировали далѣ и продолжали путь чрезъ Верхнюю Австрію во всякомъ удовольствіи и увеселеніи и дошли къ границамъ къ землѣ, что называется Рымски Рейхъ и владеніи курфиртские въ разныхъ округахъ состоящихъ, изъ коихъ первое курфирство Баварское намъ довелось войти, кое почиталось уже тогда земля неприятельская, яко той земли курфирсть-владетелни Карлъ Альбрехтъ помочію Французовъ было зделалъ себя цесаремъ и коронованъ подъ названіемъ Карлъ седмы, но вскоре потомъ скончался.

Земля сия Баварія стала быть уже не такъ какъ Австрія, хоти города и местечки довольно хороши, но народъ на бедность походить, живутъ несколько скупо и какъ бы съ недостаткомъ, хлебъ у нихъ не очень слышкомъ, стали намъ показыватца места гористіе и леса, а дароги трудніе уские, и естли куда нибудь съ большой дороги сѣтитъ, то уже нехорошо вездѣ топоть и балото, и такимъ образомъ дошли мы до крепости Енгельштата, которая лежитъ надъ рекою Дунаемъ, тутъ застали мы много уже собраннаго нашего войска и полковъ, между прочими были потиской ландымилиій сербскихъ два полка, адинъ пехотной, а другой гусарской подъ командою подполковника Арсенія Вучича.

Въскоре потомъ и поморишской ландымилицій пехотной полкъ къ намъ пришолъ подъ командою маіора Івана Хорвата, онже и Шамовъ називался, симъ именовъ прозвали его Венгри потому что отецъ его називался своимъ именовъ Самуилъ.

Я всякомъ день изъ лагера ездилъ по утру въ часу десятомъ въ крепость къ генералу тамо каманду имѣющему, у коего на то время всѣ полки въ каманде состояды, принимая отъ ево адютанта пароль и приказъ приносилъ къ своему маіору.

Въ той крепости знатнаго не было чего видеть, кроме что укрѣпленіе состояло знатное и лежитъ на хорошемъ местоположеніи, въ ней центхаузъ правда что хорошъ, и какъ строеніемъ огроменъ такъ разнаго рода военныхъ припасовъ въ немъ видеть было можно, стоады мы подъ тою крепостию недели две, а потомъ помаршировали далѣ, чрезъ Баварской пределъ приближились къ другому отъ Рейна княжеству или герцогству, называемы Виртенбергски Штутгардски краисъ.

Маршъ имѣлы мы недалеко той земли столычнаго города называемаго Штутггардъ, владеніе сей земли надлежитъ герцогу Виртенбергскому, отъ которой прежде былъ владетельнымъ цесарской фелтмаршалъ принцъ Александръ Виртенбергски, онъ во время цесари

Карола шестого былъ въ Белиграде и вадь Сербиею генераломъ губернаторомъ, потомъ какъ онъ тамо скончался, то ешугра его герцогиня съ синомъ своимъ тогда малолетнимъ прешли въ свою землю въ Вертепбергъ и тамъ она до высокой своей старости жила.

Герцогиня, какъ тогда услышала, что войско сербское маршируетъ и синъ ее герцогъ уже въ большомъ возрасте и владѣть тою землею, выехала она при своей старости съ синомъ своимъ герцогомъ на ту дорогу, куда войско маршируетъ и дожидаетца въ адномъ имъ принадлежащемъ местечке, послала она на встрѣчу къ нашимъ полкамъ просить командира, чтобъ къ ней заекать, на тожь время при превозшедней сихъ полковъ не было особливаго командира изъ генераловъ, а только сами полковые командиры по поданнымъ имъ маршру тамъ свои полки вели къ сборному месту на реке Ренну.

На ту присланую отъ герцогини прозбу съ некоторыми афицерами полковые командиры пошли къ ней.

Герцогиня жъ о потиской и поморишской ландмилициахъ въ бытность ее въ Белиграде хотя и знала что оны есть, но какъ тѣ полки у покойника герцога въ каманде не стоялы, то и небыло ей ни ково изъ нихъ знакомаго, а толко однихъ подунаискихъ она знала, да и майоръ нашъ какъ о себе сказала, каторой въ то время въ Белиграде былъ поручикомъ и случался былъ часто у герцога на ординанцій, то она тутъ припомнила его и в томъ приятность изъявляла, что ещѣ техъ самыхъ людей дождалася видѣть, кои подъ командою супруга ее служилы и говорить къ майору, а бы де васъ никакъ таперъ узнать не могла, вы ужъ поостарѣлы, спрашиваетъ герцогиня о протчихъ афицерахъ, кто онъ по фамилиямъ и какъ называютьца и в какихъ чинахъ состоятъ.

Майоръ на сей спросъ обо всѣхъ зачалъ пресказовать, а какъ отца моего упомянулъ что Пиччевичъ, то она встала съ стула говорить: о Боже мой! не техъ ли Пиччевичевъ, что у покойника мужа моего былъ флягель адютантомъ и твѣмъ именемъ назывался, и како майоръ и батюшка мой объявлы, что техъ самыхъ и что тотъ былъ батюшки моему братъ двоюродни, и подошедъ батюшка мой къ ней поцеловалъ руку, а потомъ и меня майоръ представылъ герцогинѣ, указывая на батюшку моего говорить, что и сей есть той фамиліи и синъ оего господина капитана онъ у насъ адютантомъ въ полку служить, при чемъ и я подошедъ поцеловалъ герцогинѣ руку, вся ее свѣта стоятъ и смотритъ на насъ, герцогиня поворотасъ къ сину своему герцогу и къ протчимъ говорить: видите сихъ господъ, ето де такие люди вер-

ние и достойные всякой чести и похвалы, аиъ де у покойника мужа моего были въ каманде и какую оны имѣли любовь и привязанность къ намъ и взаимство, того и мужъ мой будучи надъ ними главнымъ командиромъ имѣлъ всегда къ нимъ отъменную любовь и добрую обьныхъ мыслъ.

Потомъ поворотаясь къ маіору и къ протчимъ афицерамъ говорить: я де сей день за особливое свое удовольствие почитаю что дождалась еще тѣхъ самыхъ видетъ, каторіе во всякихъ случаяхъ были къ намъ доброжелательны и послушни, и какъ де она еще всѣ удовольствіи и веселости тѣ помнитъ, какіе въ тѣхъ мѣстахъ будучи имѣла, при сихъ словахъ какъ ей довелось часто упоминать имя покойного герцога супруга своего, то и прослезилась несколько.

Потомъ поднесено въ стаканахъ на подносе серебряномъ вино и герцогиня у поднощика адною рукою за поднось приняла, просить маіора и всѣхъ афицеровъ вкушать, мы принялы по стаканчику и за здоровые ее выпили, тѣмъ она насъ тутъ потчовала и просила сесть, а потомъ мы встали отклонясь нашли въ лагерь, сие было после вольденъ под вечеръ.

На завтрешнѣи день герцогиня предъ выездомъ своимъ въ резиденцію дала къ намъ въ лагерь знатъ, что она мимоездомъ намерена и нашъ лагерь видетъ, мы расположились было подъ тѣмъ местечкомъ въ адномъ весьма редкомъ лесе і имѣлы раздахъ.

Маіоръ нашъ извѣстиясь о томъ, что гости къ намъ въ лагерь будутъ, для чего чтобы всио было чисто и люде одети приказалъ, но не фрунтомъ становитца людямъ, а такъ ходилыбъ въ своихъ ротнихъ улыцахъ и безъ ружьевъ и стаялыбъ где кто хочеть.

Въ часу десятомъ по утру едетъ герцогиня со всею своею свитою и подъехавъ къ нашему фрунту остановилась, вышли всѣ изъ каретъ, пошли ходить по всему лагирю, маіоръ нашъ встретылъ герцогиню съ афицерамы предъ фрунтомъ и ходылъ с нею по всемъ ротнимъ улицамъ по между палатокъ.

Герцогиня мимоходомъ, что ни увидитъ стоящихъ кучама людей то и остановитца смотря на ныхъ, оказывая имъ свое удовольствие что ихъ видытъ.

При отъездѣ герцогини какъ маіоръ съ афицерамы проводылъ ее до карети, то она объявила маіору, что де въ знакъ пріягства приказала она своему того местечка камысару вынести въ лагерь для служивыхъ мясо и пиво въ подарокъ, также и для господъ афицеровъ

на столъ живности, вина и водки, и с тѣмъ прастившись герцогиня с нами поехала въ свою путь.

Спустя после того часъ места едетъ къ намъ комысаръ и всио то, что отъ герцогини приказано, доставлено въ лагерь, онъ пригналъ рогатаго скота несколько штукъ и барановъ, также бочки с пивомъ вывезены, а для афицеровъ птицъ, вина, водки, и всякои огородной зелены.

Завтрешняго дня отъгудова помаршировали мы далѣ чрезъ ту землю и приблизились къ реке Рейну и прибыли подь местечко Штукъштатъ, около коего въ близости былъ редкой лесъ, въ которомъ и лагерь мы имѣлы и простоялы тутъ недели две, куда уже и вестъ авангардни корпусъ собрался, назначеной подь команду генерала лейтнанта барона Перньклау.

Напротивъ насъ за рекою Рейномъ были французские форпосты, а пониже того местечка за польмыи противъ одного, поближе къ той неприятелской сторонѣ лежащаго, острова былъ французской шанецъ съ некоторимъ числомъ пехоти и съ двумя пушками, толко какъ на той сторонѣ за рекою весь тотъ берегъ болшимъ лесомъ прикрытъ, то и не можно было видѣтъ и узнать силу и число неприятеля, для чего и надобно было въ томъ острове, коего окружаетъ глубокой текущи изъ Рейна рукавъ, намъ занять и выкопать противъ Французовъ редуть и поставить во оной отъ войска своего команду.

Мы зделалы то весма скоро, первее преправылась ночью на лодкахъ изъ нашихъ ландьмылицовъ зборная команда с лопатками чрезъ реку Рейнъ и занялы тогъ островъ, которой также весь густимъ лесомъ былъ покрытъ, и Французи той преправы видеть не могли, но какъ наши подошли поближе къ берегу того залива и стали копать редуть, а Французи услышавши стукъ, на которой съ своей стороны жестокой огонь изъ пушекъ и изъ ружьевъ производить зачали и старались не допустить до того, однакъ оборонить острова не могли и наши место занятое удержалы.

На завтрешни день поставлени съ нашего берега чрезъ реку въ островъ пантони и мостъ зделанъ, Французи о томъ уведавъ усугубыли было свое сопротивление, но какъ островъ давольно длинъ а также и лесъ пособлялъ, то такимъ прикрытиемъ не могли работъ на мосту никакова препатствия зделать и мостъ тотже день поспѣлъ.

Редуть копать наши днемъ никакъ не могли и привуждени лежать на землѣ за деревьямы, спасаясь отъ сильной и непрестаной стрельбы французской, а болѣе работа происходила ночью покудова въ-

копалысь поглубе землю и на третью ночь уже совершили, при чемъ потѣрали мы человекъ болѣе дватцаты убитыхъ и толико же было и ранѣныхъ.

Въ тотъ островъ уже чрезъ наведенной мостъ послалась изъ нашего лагера всякой день команда на перемену первымъ, и должно было изъ лагера позады пригорковъ въ право и несколько кругомъ итуть до моста, а прямо по берегу реки нельзя, ибо берегъ съ нашей стороны противъ того места былъ голой и чистой песокъ, почему всякаго человекъ, кто толко покажетца, Французи с той стороны не пропускали, чтобъ изъ штуцеровъ своихъ чрезъ реку не стрелять по немъ, отъ чего несколько человекъ сперва кои туда берегомъ ходили и рани получали, я видѣлъ что одинъ пехотной капитанъ тамъ убитъ, онъ посланъ былъ съ плотникамы для пачинки адного мосточка лежащаго чрезъ небольшой ручей въпадающа въ Рейнъ, и какъ сей капитанъ надъ работникамы былъ и вышелъ толко на берегъ смотрѣлъ на реку, то отътуда по нѣмъ учинѣно несколько выстреловъ ис коихъ одинъ попалъ въ голову, а разве кто поосмелитца и верхомъ по берегу проскачетъ, но и тотъ не останетца чтобъ не былъ проводимъ выстреламы.

Аднимъ днемъ венгерскихъ полковъ гусарской полковникъ, назывался Венцель, онъ полюбопитствовалъ быть въ островъ и того нашего редута выдетъ, для чего поехалъ съ своимы ординарцамы верхомъ, оставя лошадей у моста, самъ и еще съ двумя своимы чрезъ мостъ пошли пешкомъ, и вошедъ въ редутъ хадылъ въ задъ и въ периодъ пресматривалъ, а далѣ захотелось ему еще чего нибудъ видетъ, не говоря ни съ кѣмъ ничего възашолъ на верхъ редута, какъ на то время престрелка была утихла, онъ чего туда гледетъ хотелъ того не сказывалъ никому, а толко вдругъ какъ с той стороны по нѣмъ выстрелѣно и онъ уже безъ духу упалъ въ редутъ, то всѣ выдели.

Я на то время съ моимъ батюшкою, какъ онъ туда былъ командированъ, то выпросился я у моего маіора, чтобы с нимъ итуть, и тотъ случай что съ полковникомъ зделалось я видѣлъ, коего тотже часъ на носилкахъ вынесли изъ острова чрезъ мостъ, а тамъ положенъ на возъ и отвезенъ въ лагерь, а на завтрешнѣй день учинѣно ему похоронъ, а потомъ весь его экипажъ и лошади распродано съ молотка.

Мой маіоръ также вздумалъ было туда поехать, куда и меня съ собою възялъ, далъ мнѣ и лошадь свою оседланую, мы по за пригорками ехали хорошо до моста, гледѣлы на церемонию какъ команда

сѣменялась, после чего какъ маіоръ отменилъ итти въ внутрь въ островъ, а говорить поедем де назадъ въ лагерь, и въ место того чтобы первую дарогою ехать, то онъ пустился скакать прямо берегомъ что и я за нимъ зделалъ, какже изъ за реки болѣ десяти выстреловъ по насъ выпалили и некоторые пулы и подь ноги лошадиние попадамы, а другіе мимо уши просфистивалы, то на томъ самомъ опасномъ местѣ стало подо мною на лошады седло выварачиватца и пришло ужъ упасть на земаю.

Я сталъ кричать, чтобъ остановился хоть маіорской слуга, однако моего крика оны слышити не хотелы, а прибавилы шпори лошадамъ ускакалы далѣ, на тотже часъ, какъ я с лошадию вертелся и не могъ седла самъ выправити и толко что упасть, то счастлиемъ моимъ бежити адинъ солдатъ пешкомъ на встрѣчу, онъ былъ нашего полка и увидевши меня закричалъ не бойся, подьбежавъ ко мнѣ и подьхвата меня рукамы, выправылъ и седока и седло на свое место.

Салдаты отъ меня побѣжалъ туда къ мосту, а я ужъ сталъ покрепче балансъ держати ногамы, поспешалъ къ лагеру, и тѣмъ случаемъ могъ спастись, что салдаты мнѣ пособылъ, а то бы конечно или быти ранену или убыту, какъ непрестано выстрелы отътуда изъ за реки по мнѣ делалы и пули кругъ меня летели и пылъ подь ногамы конскимя поднимали, того салдата я знавалъ и батюшка мой за ту учинѣную мнѣ помочъ подарылъ его, и выпросилъ у маіора ему чинъ капралски, однакъ я болѣ туда не ездилъ.

Спустя потомъ несколько дней получилъ нашъ корпусной командиръ повелѣние, чтобъ учинити преправу на ту сторону за реку Рейнъ, онъ поднялся ночью с того лагера, оставя во ономъ часть войска и все палатки и обозъ, прибавылъ въ островъ команду, давъ имъ провианта на шесть дней, и приказалъ въ лагере ночью огни умножати и быти зорю какъ обыкновено, и с тѣмъ пашолъ далѣ.

Маршировали мы всю ту ночь поспешно и пришли предъ светомъ между леса къ одной небольшой речке, тамъ остановились и дневалы, однакъ со всякою тихостию и безъ огня, въ вечеру тогожъ дня привезено къ намъ порохъ въ патронахъ с пули готовое, то все тотъ часъ разделено салдатамъ, туже ночь пашли далѣ и пришли также предъ светомъ въ лесние места, тамъ остановились и дневалы, куда за нами на четыре дня привезенъ провиантъ, коего генералъ не приказалъ болѣ людямъ раздавати какъ на два дни, а остальной возилы за нами.

Генералъ отдалъ приказъ кто охотникъ на преправу за реку Рейнъ на ту сторону, но не болѣе съ афицерами какъ триста человекъ, и чтобы отъ полковъ о таковыхъ учинить списокъ и представить къ генералу.

Сия экспедиция приказано чтобъ была на лехке, я тутъ видѣлъ что весь нашъ полкъ хотѣлъ итти, однако недозволено а выбрано подлежащее число изъ всехъ ротъ и зделана одна команда.

Въ вечеру тогожъ дня уже въ сомеркъ та команда пошла, а остальные на томже мѣстѣ остались, коимъ приказано чтобъ огни класть и несколько шумѣть въ лагире; какъ тамъ берегъ реки Рейна въ блискомъ разстояніи состоитъ, то чтобы изъ того Французи могли подумать, что корпусъ весь тамо ночуетъ или лагерь на то место перенесли.

Съ тою командою батюшка мои пашолъ, для чего и я у маіора отпросился чтобы въ той экспедиціи быть.

Предъ тою командою былъ предводительмъ самъ нашъ генералъ, шли мы ту ночь широкими шагами и пришедъ въ адинъ невеликой лесокъ, чрезъ которои прошли и стали на самомъ берегу реки Рейна, слышимъ мы на той сторонѣ кричать французи свои лозунги, я подошолъ въ периодъ, спрашиваю проводниковъ, коихъ было четыре человека, что ето за крикъ и где мы нахдимся таперъ, проводники мнѣ говорятъ, что де мы противъ города Майнца и то французскіе салдати на берегу реки въ шанцахъ кричать.

Мало после того спустя велѣно намъ податца въ верхъ по реке берегомъ, куда весма скоро бежалы и, отоидя с того мѣста такъ примѣромъ на два ружейныхъ выстрела, нашли мы тамо лодки насъ дождающихся, на которыхъ были наши пантонери и афицеръ с ними отъправленои; а откудова тѣ лодки пришли того мнѣ разспрашивать времени не было, ибо приказано чтобы немедленно въ лодки садитца и чтобы весма тихо дело делалось безъ шуму и стуку, лодки были боліише и всѣхъ двенадцать.

Генералъ, преодевшись прежде еще въ лагире въ лехкое простое мундирное платъ, селъ въ переднюю лодку, гребци на лодкахъ тѣ самые пантонери также и салдати грестъ помагалы, отъвалилы мы отъ берега чуть толко что заря, однакъ еще темно было, проплы по за двумя не болшими островцами и выплялы на реку чистую и далъ уже до половины, но какъ река Рейнъ давольно широка и при томъ весма быстро течеть, то и снесло передныхъ две лодки несколько по-

ниже, изъ коихъ въ одной самъ генералъ былъ и нанесло ихъ на мель, тутъ салдати повыскакивали некоторые въ воду хотъ неглибоко то было, однакъ чтобъ скорѣе исправить дело и покудова оны тамъ управлялись, то другіе поплыли мимо и гребли проворнѣе, и приближаясь къ берегу тутъ ужъ утаится было не можно.

Французи приметили и слышатъ шумъ водяной отъ весель, тотъ часъ закричали своимъ языкомъ, на тожъ время и тѣ две лодки уже поспѣлы, слышимъ мы что на тотъ французской окрыкъ въ отвѣтъ весьма громко изъ нашихъ съ стороны лодокъ отозвался голосъ: Марія Терезія, сие имя есть ея величества императрици и королювы Венгеро-Бохемской, также на тотъ отъзывъ (которой, какъ мнѣ послѣ сказовали, самъ генералъ то закричалъ) въдругъ и наши салдати и Французи залпомъ адынь по другомъ выпалили, тутъ я ужъ своихъ хотъ еще не разсвело однакъ видѣлъ и мертвыхъ и раненыхъ челоуѣкъ несколько.

Наши повыскакивали изъ лодокъ на сухо, подъяли преужасной крикъ, пошли атакою просто на шанци, а я остался въ своей лодке, сидеть я въ оной весьма ниско чрезъ реку при корме, испужался было до крайности, батюшку своего не вижу, онъ какъ высочилъ изъ лодки такъ и пашолъ с протчими, а мнѣ что дѣлать не сказалъ ни слова, и потому остался я на своемъ месте.

Тамъ въ переды стрелба преужасная и крикъ происходить и ужъ отдалылось отъ берега подалеко, между тѣмъ уже и светъ сталъ, а я еще въ лодке сижу и не знаю что делать, напоследокъ вышолъ на берегъ и хажу възадъ и впередъ, увидель нашихъ некоторыхъ мертвыхъ да ранѣныхъ пять челоуѣкъ, трое сидело стонуть, а два лежали, кои скоро тутже скончалысь.

Я бы тутъ у берега еще и далъ остался, естлибы не пришолъ посланой отъ батюшки моего салдаты, онъ меня нашолъ и повелъ по большой дароге на гору.

Сей салдаты мымоходомъ повелъ меня въ тотъ французской шанецъ что наши атаквали, я тутъ видель первое действие военное и какъ горкую чашу салдаты пить повиненъ, лежало въ томъ шанце и нашихъ и Французовъ довольно адынь на другомъ мертвие.

Пашолъ я оттуда съ моимъ проважатимъ на гору далъ, и нашолъ батюшку моего живаго однакъ раненъ, тронула его пуля на скошь по ребрахъ, захватило немного шури, да на мышке въ левой руке контузия.

Я какъ его увидель, что рука привязана и онъ раздеть въ плаще

сидить, то жестоко испужался и сталъ плакать, на что онъ сталъ говорить: о семъ плакать нѣчего, учись и привикай къ военному дѣлу, видишь каковъ хлебъ салдатскій и какъ честь заслуживать должно, а я де говорить онъ слава Богу не великую контузию на руке имѣю и то скоро пройдетъ, а что онъ по ребрахъ пулю тронуть, о томъ мнѣ не сказиваетъ и кровь плащомъ закрылъ, чтобъ я какъ увижу болшъ еще не спужался.

Я тутъ съ нимъ говорю вижу, что лекаръ нашъ идетъ съ своею сумою, батюшка видно поселалъ его сискать, онъ какъ пришлоъ то велѣлъ мнѣ батюшка, чтобъ я отошлоъ протчъ немного, покудова его лекаръ привяжетъ.

Потомъ велѣлъ себя по маленку вестъ въ состоящей тамо пѣблизи на болшой дароге домъ, а то была карчма, но никаго въ ней не было окроме одной старухи, батюшка мой велѣлъ себы подь окошкомъ у того двора на улици подослатъ саломы, а отъ той старухи что во дворе взяли одну подушку, тутъ какъ плащъ батюшкинъ немного развернулся, увидалъ что у него рубашка въ кровы, отъ чего я еще болшъ спужался и сталъ плакать, не зная какъ опасенъ и великаль та рана.

Лекаръ меня уверяетъ, что ни мало оба места не опасни и что чрезъ несколько дней можно ему будетъ верхомъ ехать, я сему немного верилъ, покудова меня батюшка самъ о томъ не уверилъ и что онъ болы великой не слишить.

Салдати наши какъ за Французамы по той горе гналысь и дошли подь самую крепость, то генералъ остановилъ ихъ и велѣлъ воротитца всѣмъ на болшую дорогу по ближе къ лодкамъ своимъ и отыскивать раненыхъ.

Генералъ воротился а за нымъ и салдати шли быючи въ барабаны зборъ, смотримъ мы; идетъ генералъ прямо къ той карчме, тутъ стою я, лекаръ и несколько человекъ салдатъ, генералъ какъ увиделъ лежащаго ранѣна, спрашиваетъ, кто ето лежитъ; онъ до того времени еще батюшку моего не знавалъ и батюшка мой поднявшисъ немного отвечаетъ: я де капитанъ Пищевичъ подунайскаго полка, и плащъ какъ немного открылся и увиделъ генералъ рубашку въ кровы, говорить, умѣлъ онъ немного по славенски хоть на криво но разуметь можно, приказиваетъ чтобъ скоряе лекаря сискать для привяски раны, я тутъ отвечалъ ему по немецки указавъ на лекаря, что ужъ рана привязана на двухъ местахъ, а опаснымъ говорю я того не знаю.

Генералъ, услышавъ мой отвѣтъ, поворотясь ко мнѣ спрашиваетъ, а ты кто таковъ, я отвѣчалъ что сынъ сего господина капитана и служу адъютантомъ въ подунайскомъ полку, на то говоритъ генералъ: bravo отецъ и сынъ вмѣстѣ при такой славной экспедиціи, а потомъ поворотясь къ батюшке моему говоритъ: я о всей той храбрости и усердіи къ службѣ, что сей день въ моемъ присутствіи люди ваши оказали, а особливо объ Васъ и что вы рани получили не оставлю по справедливости донести главно-командующему арміею, и вы можете надѣяться къ получению особой милости, и приказалъ генералъ тутже и быть батюшке моему въ той карчме покудова и обозъ придеть.

По собраніи туда къ той карчме всей нашей командѣ приведено было пленныхъ французскихъ солдатъ человекъ до тридцати и два офицера, а прочіе Французы, которые были въ городе, видя что ихъ команда разбита и шанцамы при реке мы овладѣли, то недожидаясь ушли и городъ оставили.

Отъ нашей стороны уронъ былъ убытихъ и отъ ранъ умершихъ тридцать два человека да ранѣныхъ сорокъ три, кои однако отъ полка въ госпиталь отъходить не хотѣли.

Городъ сей состоитъ въ Елсасіи, принадлежащей къ Франціи, онъ есть весьма великъ и хорошъ, владѣеть онымъ архиепископъ Майнцски.

Къ генералу изъ города пришли послание чины, бургомейстеръ съ другими еще мещанами и одинъ с ними духовной начальникъ, кланялись генералу объявляя, что со всякою покорностію остаются и что городъ сей есть неутралной, и такъ подвергаетъ себя подъ власть ея величества королевы.

Прошлую же ночь марширвало за нами несколько полковъ нашей кавалеріи, каторіе предъ полдень за нами на берегъ и поспѣли, и фрунтомъ на той сторонѣ противъ города показались, для коней возимые за ними пантони стали на реку наводить и весьма скоро дело делали, такъ что тогожь дня подъ вечеръ и мостъ совсѣмъ готовъ былъ, чрезъ каторой въ наступившую ночь и полки на нашу сторону прейти могли.

Мы расположились по утру тамъ по близости города лагеромъ, куда тотже день и всѣ прочіе полки пришли и уже весь авангардъ корпусъ соединился на томъ месте.

Подъ тѣмъ городомъ стояли мы дня три, покудова армія пре-правилась и пошла всѣ въ Елсасію.

За нашу экспедицію отъ предводителя армій принца Карла данъ въ армію писменной приказъ съ великою похвалою, а салдатамъ, кои притомъ были и живы остались, подарено на каждого по одному гуддину, афицерамъ же по рекомендаціи генерала въ собраніи отъ самаго принца Карла за ихъ храбрость и хорошее своихъ салдатъ предводительство, а особливо батюшки моему объявлена благодарность.

На томже лагере на наши авангарднаго корпуса полки вывезено изъ города пиво, скоть на мясо, и водка, и раздано салдатамъ въ порцію.

Къ намъ тѣмы днями, покуда мы на томъ лагере были, набегивали партиями французскіе гусаре и престреливались съ нашими отводными форпостами, однакъ наши всегда ихъ проганивали.

Изъ подъ сего города корпусъ нашъ пошелъ далъ во внутрь Еласіи, батюшки моему рана и контузия стало получше, уже онъ въ каласке могъ седегъ, мы приближились къ городу называемомъ Вурмусъ и, проходомъ чрезъ одно местечко, отпросился я у маюра чтобъ для прековки своей верховой лошады на малое время въ томъ местечке остатя и со мною еще два афицера остались, зашли мы въ адинъ трактиръ велѣлы хозяйину, чтобъ намъ подаль чего покушать, у негожъ въ верхнѣмъ этаже прежде насъ было также изъ проежихъ афицеровъ собралось несколько чедовѣкъ и ожидалы обеда, иние съ женамы а другіе холостіе, хозяйинъ просить насъ, чтобы и мы тудажъ напередъ пошли, сказавъ что тамъ уже и столъ накриваютъ и кушанѣ уже готово.

Мы пашли на верхъ, видимъ что компания изърядна и пригласилы насъ къ себе ласкаво, также хозяйка тамъ съ двумя дочермы на столъ набирають, отозвались и оны къ намъ ласкаво, между тѣмъ вижу я, что на одномъ въ стороне столике лежатъ музыкалнне инструменти, какъ обыкновенно въ немецкой землѣ музыканты при трактирахъ бывають и тѣмъ приобретають свой заработокъ, вскорѣ потомъ и блюда на столъ поставлены; мы отобедалы изърядно, и далъ какъ музыканты во время нашего стола по своей доброй волѣ игралы и насъ своимы хорошимы штучками веселилы, то и подалы намъ охоту не много еще позабавица ис чего и танци завелись, я какъ дотого охотникъ то я не хотелъ оставить чтобъ госпожамъ не зделать моего учтивства, протанцовалъ я с тѣмы кои до того волю имѣлы и с тѣмъ хотѣлъ было паитить и свое дело исправить, но по прозбе хозяйки а особливо ее дочерей, кои были очень недурные и на-

школьни видно комплементи строить и великие танцерици были, оны такъ ласкавыми словами увернулись около меня, что я тутъ слышкомъ забавился и дождался уже вечера, товарищи мои видять, что у меня уже изъ кармана червончика три пошло, то по расчете за обедъ, то музыкантамъ, то за понесеной отъ хозяйки кофе и лимонадъ, посажалды мои товарищи обо мнѣ, стали условать меня чтобъ ехать, я ужъ и самъ вижу что протчие разъехались и что надобно и мнѣ ехать, хоть дочерамъ хозяйнымъ не было то приятно, однакъ должны были на томъ остатца, и простившись я с ними паехали мы искать своего лагеря; день тотъ былъ не много пасмуренъ и подь вечеръ какъ мы поехали стала наводитца туча большая, а не много погода подьялась буря страшная съ великимъ громомъ и блискотнѣю, а затѣмъ пашолъ пресильный дождь и настигла уже ночь.

Ехалы мы сперва покудова еще видно было въследь куда корпусъ маршировалъ, а послѣ какъ темно стало то ужъ и не знали куда едемъ, напоследокъ збылись с пути и принуждены остановица.

Товарищи мои пеняють на меня и на мои танци, бранять хазяйку и ее дочерей, я то принужденъ слушать и молчать, покудова ихъ сердце прошло; далѣ говорю я имъ, что же мы стоимъ, нелучшель искать какъ нибудъ дарогу и ехать, оны согласилысь отъ ехать всякъ въ свою сторону, а я съ слугою аднымъ чтобы на томъ местѣ стоялъ и кричалбы не престано, по чему оны будутъ столко отъдалятца, сколко оны голосъ мой слышитъ будутъ.

Я ту комысию охотно исполнить принялъ на себя, чтобъ толко успокоить ихъ и не сердилисьбы на меня, оны всякъ въ свою сторону поехали по сторонамъ а я тотъ часъ зачалъ кричать такъ, какъ часовыи свои лозунги (слушай).

Скоро адинъ с левой стороны и не далеко отозвался сюда, сюда, здесь дорога, ему подала способъ модняя ту дорогу увидить, но куда она идетъ того не знаемъ.

И тако мы собрались на ту дорогу, берегли ее прилежно чтобы не потвратъ, молния намъ на то много пособляла.

Отъехавъ несколько по той дороге увидѣлы предь собою большой каменной домъ, тамъ у воротъ остановилысь и кричать и стучать зачалы.

Но надобно знать, что дождь еще непрестано идетъ и рубахи наши всѣ водяни стали.

Едва могли дозватца человека онъ насъ спрашиваетъ чрезъ у воротъ не большое окошечко, кто мы таковы и чего мы хотимъ, я тутъ с нимъ сталъ говорить, спрашиваю: а это что за домъ, онъ отвѣчаетъ что трактиръ (тутъ надобно было сего человека обмануть, а иначе воротъ намъ онъ не отворилбы и мы не моглибъ его въ проводники съ собою взять).

Говорю я ему, добро мы того ищемъ, отвори пожалуй, чтобъ намъ отъ дожда где нибудь подьклонитца и пробудемъ тутъ до света, а ти намъ за денги дашь для нашихъ лошадей овса и сена, онъ какъ услышавъ, что за заплагу требуетца, отворилъ намъ ворота.

Мы въехавши туда говорю я ему: ти лы самъ хазяинъ или кто другой, онъ отвѣчаетъ что де я слуга дворовой, потомъ спрашиваю я ево, давноль наше войско прошло, на то говоритъ онъ что войска я не видалъ, а сказывалы де наши во дворе что шли по большой дороги въ правѣ отъ селъ лежащей и стали лагиремъ при городе Вурмусе; я говорю ему: а Вурмусъ далече ли, онъ отвѣчаетъ что нѣтъ и не дагъ какъ маленькой польмыли, такъ говорю я: идижъ ти веди насъ туда въ лагерь, онъ сталъ было противитца, однакъ какъ его мы понудили то итѣтъ согласился, говоритъ: разве де виведу васъ вотъ заразъ есть преврестная дорога, которая прямие васъ въ вашъ лагерь приведеть; добро говорю я идижъ поведи насъ на ту дорогу, онъ отвелъ насъ отъ трактира за выстрелъ ружейни, показиваетъ намъ дорогу и хочеть назать воротитца изъговариваясь, что онъ слуга дворовой и что оставилъ ворота отъперти и зато можетъ быть предъ хазяиномъ своимъ виновать.

Добро говорю я ему, что всею то хорошо что ты свою должность наблюдаешъ, но между тѣмъ ти не погнѣваешся, что поступлю я с тобою несколько неучтиво, меня ваши брата учили что ис предъ меня уходилы и я безъ проводника оставался, такъ хочу я таперъ тебя съвязать, что бы и ты также от меня не ушолъ, однакъ не опасайся говорю я ему, тебы худова ничего не будетъ, а какъ приведешъ насъ въ лагерь, то я тебя отпущу и притомъ еще на пропойкъ подарю.

Онъ бедной какъ услышилъ мое слово что его вязать хочу, спулся и сталъ бымо плакать и просить, чтобы еъ нымъ того не дѣлать, я де охотно с вами пойду и вотъ и лагерь не есть далеко, однакъ я етимъ ево словамъ не поверилъ, а отпуталъ у лошады отъ недоуздка донецъ, зделалъ петлю, положилъ ему на шею, таперъ говорю ему ведижъ насъ въ лагерь.

Мы приехали до лагера, коего по темноте ночи и что дождь еще идетъ не можемъ познать съ какова краю приехали, а только видимъ то, какъ молнія блиснетъ что обозъ и лошады стоятъ, а полатокъ тогда разбитыхъ не было по чему и не за угадать, где полкъ нашъ стоитъ.

Адинъ изъ товарищей моихъ подъехалъ къ часовымъ, кои тамъ стоялы и откликивалы лозунги у нихъ, осведомилъсь что полкъ нашъ на другомъ фланге расположился, мы поехали по предъ фрунта и всѣ рядомъ часовыхъ о полку спрашивалы и ужъ нашли своихъ.

Салдати всѣ безъ палатокъ лежать въ грязи объвернувшись своими мокрими плащами, кричатъ и бранятъ что иному лошадыю на ногу наступышь.

Я помочию сияния молній увидель и узналъ свой обозъ, при коемъ стоялы батюшки моего верховие лошады, предъ коими слуга лежалъ, проводникажъ нашего я отпустилъ и подарилъ его денгамы, онъ тѣмъ былъ доволенъ просить, чтобы ему позволить до света пробуть тутже у моего обоза.

Слуга батюшки моего, какъ услышалъ что я приехалъ, всталъ съ земли, я его спрашиваю где батюшка, на что отвѣчаетъ что еще съ маршу заехалъ на каляске своей съ лекаремъ въ городъ и тамъ почуетъ.

Я повернулся на всѣ стороны выбираю гдебъ лечь, однако постеля была вездѣ одинакова и вездѣ грязь, а я весь мокрой въ водѣ и ужъ меня дрожь взяла, хотѣлъ было хоть мало прилечь чтобы згретца и заснуть.

Слуга пашель принесъ съзяды съ палуба не много мокрого сена, положилъ на землю и далъ мнѣ две конскіе мокрые попови, я подослалъ адну подь себя, а другую поверхъ плаща, окутался и положился на свою постелю.

Я бы могъ и въ свою калясочку, которая тамо у меня была вѣместитца и было бы можетъ быть получше, но у меня тогда была борзая сука съ маленькими щенками коя тамо въ колясочке лежала, то жалъ было ее выкидать.

Лежание мое на той постелѣ не долго было я не могъ и згретца, а колми заснуть какъ уже светъ сталъ и въ барабани генералъ маршъ быть стали.

Вскочилъ я поскорая, пошелъ предъ фронтъ, отобразъ отъ сержантовъ утренние рапорты, поспешилъ къ своему майору, онъ спра-

спрашиваетъ меня: когда я приехалъ и что забавился, я отвѣчаю какбы поглаже, что забавился не много покудова лошадь успѣлъ прековать (а то была не правда), а приехалъ говорю я скоро за вами и еще съ вечера, но какъ очень было темно а притомъ шолъ дождь, то потому и не являлся къ вамъ, майоръ моимъ словалъ поверилъ жалуетца и онъ, что весь мокръ и что ему ночь очень была безъпокойна.

Спрашиваю я майора о марше что приказать изволить, онъ говоритъ я де поеду въ городъ къ генералу, а вы отдайте приказъ капитану Антоновичу, чтобъ онъ с полкомъ маршировалъ, а полки будутъ идти тѣмже порядкомъ, какъ что и вчера съ шли, и потомъ прежней говорить майоръ за мной въ городъ.

Я поспѣшилъ скорые тотъ приказъ капитану объявилъ и вернулся въ слѣдъ за майоромъ, коего близъ городскихъ вородъ догналъ.

Въехавши мы въ городъ какъ день сталъ ясной и дождь престагъ, то и показался намъ городъ очень хорошъ, стали мы въ томъ трактире, где и батюшка мой былъ, майоръ пашелъ къ генералу а я остался, и тотъ часъ сталъ раздеватца, чтобъ просушить платье, но какъ сего на солнце не скоро дождатца было можно, то я пашолъ на кухню, где большой огонь былъ разъкладенъ, разделся поскорие, слуга мой помагалъ мнѣ скоро раздетца, онъ сушилъ у огня платье, а я поварачивался тутже съ моею мокрою рубашкою покудова ее высушилъ, хазяйка была такъ ласкова смотря на меня, а особливо на мои долгиe чорные волоса дивовалась, коихъ я расчесалъ и принужденъ былъ оныя также просушить, стала хазяйка сожалѣтъ говорить мнѣ: какъ вы еще молодъ а такую нуждъ снести можете, зготовила она скоро кофе тутже въ кухнѣ напоила меня, спрашиваетъ не прикажуль я чего еще себе подать, я ей отвѣчаю что всего лучше какбы кушать чего было, она на то говоритъ что вотъ мы около того заходимся, тотде афицеръ что на верху ранѣной лежитъ приказалъ что обедъ готовить, такъ и вы съ нымъ можете вмѣсте отъкушать, она не знала что то есть мой отецъ, а какъ я о томъ сказалъ, то она еще большъ сожалѣтъ стала и пеняетъ на батюшку моего, за что онъ мени такъ молодого въ такую нужду съ собою взялъ, между тѣмъ платье мое просохло и я одевшись пашолъ на верхъ, где ужъ и столъ надкривать стали, майоръ пришолъ и мы сѣли кушать, лошадей своихъ тамъ, также покормили и потомъ поехали.

На половини дороги нашего марша догналы мы свои полки, аныѣ остановились при одной речке, тамъ былъ и заездной большой дворъ, салдаты разослады свои плащи на солнце сушить, а офицери

всѣ въ томъ дворѣ также сушатъ свои мундиры и кушаютъ, хазингъ видно съподѣвался гостямъ, для чего и было у него довольно всего заготовлено.

Генералъ въ слѣдъ за нами почтою прискакалъ и велѣлъ маршировать, а самъ поехалъ въперіодъ къ городу Шпаеру, куда и мы подь вечеръ успѣли и расположились лагеремъ, тамъ отьданъ приказъ, что на томъ мѣстѣ будетъ раздахъ и чтобы въ полкахъ и палатки были разбиты.

Отъ сего города помаршировалъ корпусъ далѣ и дошли къ крепосты фортъ Луи, тутъ мы опять Французовъ увидѣли, анѣ насъ встретила партия не велика конницы, имѣли съ нашими передовыми препалку и потомъ вернулись въ крепость.

Мы не далеко отъ той крепосты заняли лагерь, но какъ въ тѣхъ мѣстахъ все полѣ засеяно было хлебомъ, то на тѣхже хлебахъ и лагерь сталъ.

Намъ казалось что до крепосты разстояніемъ довольно далеко, однако какъ насъ отьтуда встрѣчать стали пушками, то некоторые ядри и въ лагерь доставали, для чего принуждено было тотъ флаггъ переместить несколько заворочомъ назадъ.

Командующій нашъ генаралъ аднѣмъ дномъ навхалъ рекогносцировать положеніе мѣста близъ крепосты, однако какъ отьтуда встретила его пушечными выстрѣлами, то скоро вернулся назадъ.

Потомъ приказано во всехъ полкахъ, чтобы заготовить фашины изъ привезеннаго нарочно для того на возахъ хвороста, то было чрезъ день готово, а тогожь дня учинѣнъ отъ всѣхъ полковъ нарядъ, чтобы итти подь крепость поближе и копать апрожъ и батерию, сие предпріяно въ наступившую ночь: всякъ салдаты взявъ по одной фашине, шли на назначеное мѣсто весьма тайно, Французи однакъ скоро такихъ гостей приметили, для чего на разсвѣте учинили изъ крепосты выласку при сильной изъ пушекъ канонаде, хотя съ нашей стороны и былъ уронъ болѣе отъ того, что бомбы изъ мартиръ въ шанецъ къ намъ попадали, однако выжить насъ с того мѣста не могли, ибо мы ужъ довольно глубоко въкопались въ землю и пушки на батерию поставили и тѣмы, а также и солдатскими ружейными выстрѣлами встретила Французовъ и отбыли назадъ.

Мы совершивши апрожъ, хадыла туда всякой ночи вьновь наряжаямая команда на премену первыхъ и зачала было крепость бомбандировать однакъ всеу, ничего не зделали и Французовъ выгнать не могли.

Сла крѣпость лежитъ на плоскои мѣстѣ весьма крѣпка, имѣеть съ одной стороны реку Рейнъ а воокругъ съ другой стороны глубокой и широкой ровъ и болото.

На такихъ ежедневныхъ между собою престрелкахъ прошло время дней несколько, напоследокъ умыслили Французы своею хитростию какбы насъ отъесть отогнать, заперлы оны воду въ томъ глубокомъ рве, въ каторой изъ реки стремительно вода вѣтекаетъ, оны имѣлы видно давно для такова дела нарочито зделанные слюзи, толко тѣмъ ошиблись, что рано по своему намеренью дело зачали, а какбы по-позднѣе и в ночь, то бы бѣди и урону великаго наделалы.

Тотъ ровъ какъ оны съ низу заперлы, а вода изъ реки въ него стремительно текла и наполнившисъ стала по болоту разливатца, а далѣе какъ еще изъ реки прибавилось, то и взяла вода свое течение во всѣ стороны такъ сильно, что въ мало минутъ уже нашъ апрожъ и батерию затопыло.

Салдати изъ апрожа вискочивши, несмотря на силние изъ крѣпосты по ныхъ пушечные выстрелы, побежалы въ батерию подѣхвата на себя пушки и ящики, едва со оними спастись могли.

Вода непрестано прибавлялась и текла великимъ стремлениемъ стеною въ вышину аршина на два съ грязью съмешана, и обьяла весь нашъ лагерь такъ скоро, что воокругъ насъ стоящие на нывахъ хлеба потопыло, а палатки наши въ лагере посривало, возы понесло, лошадей, коихъ не скоро могли успеть отъвязать, многихъ тажже подавило, и такую тревогу намъ наделало что незналы куда деватца, все поле кругъ насъ было водою покрыто, и люде безъ всякаго порядка бредыли по водѣ, куда кто могъ вытить на пригорокъ и тѣмъ спасалысь, стоя однако въ водѣ по колѣна.

Естлибы та напасть по позднѣе и въ ночь къ намъ пришла, тобы всеконечне превеликой вредъ причинило и весь бы лагерь и съ людьми пропасть могъ, однако и тутъ многіе убытокъ великъ донесли, что возы попревертивало, поламало и экипажи такую грязною водою премочило, отъ чего уже не годилысь, а другіе при такомъ случаи разькрадены и вовсе пропалы.

Я успѣлъ сестъ на лошадь свою и поснешалъ съ протчныи къ ближшему пригорку, аднакъ премочился весь а пуще было досадно, что на меня жолтые новые гусарские сапоги пропалы, и тако чрезъ всю уже наступывшую ту ночь былъ корпусъ въ разныхъ кучакъ разьдробленъ безъ всякаго порядка, ибо устроить вѣновь. другой

лагерь въ ночное уже время, и что всякъ искалъ своего спасенія, никакъ было не можно.

Завтрешни день имѣлы мы всё довольно работи, какъ вода несколько поопала и могли хадить по грязи, отыскивать своихъ экипажей и подымать и збывать палатки, коихъ понаносила вода въ разные места и лежалы кучама, а подь вечеръ пашодъ корпусъ отъ туда протчъ и расположился отъ крепосты подамъ лагеромъ, но опять на посеяныхъ хлебахъ, кои уже почти были совсѣмъ къ жатве поспѣлы, одьнако пропалы по резону что будучи на первомъ лагере, приказъ былъ хлебовъ окроме занятого подь лагеромъ что есть, а болѣе воокругъ лежащаго не топтать и не косить а охранять въ целости, а какъ Французы самы своихъ хлѣбовъ не пожалѣлы и потопыли оной водою, то ужъ и сего на новомъ лагере хранить ни для чего, и позволяется полкамъ фуражировать.

Мы противъ сей крепосты простоялы еще несколько дней и вида, что нѣтъ способа достать оную, или можетъ быть и надобности въ томъ не состояло, оставя ее уже къ одной сторонѣ себя за спиною, пашли далѣ къ столычному той земли городу Шрасъбургу.

Городъ сей, или главная въ Елсасьсін крепость, есть весма велика и строениемъ хараша, какъ о томъ вездѣ есть известно, хотя мнѣ и не случилось быть во оной, однако о ее великолѣпную довольно слышяль, я сей городъ всякой день изъ далы видѣль, въ немъ было воиска французскаго тогда много, ис того то приметить было можно, что стоящей подь крепостію ихъ лагерь отъ нашихъ форпостовъ чрезъ трубу зрительную намъ хорошо былъ виденъ.

За намы въскоре и вся наша армія пришла и расположилась лагеромъ къ нашему правому флангу, а фрунтомъ къ крепосты.

На семъ лагере армія наша стояла много дней, а тѣмъ временемъ происходили преныски, о чемъ всякой почти день было видно, что съ нашихъ форпостовъ проводятъ присланаго изъ крепосты трубача, коему на форпосте нашемъ завяжутъ платкомъ глаза, взявши за поводъ его лошадь, отводють къ нашему главно-командующему армію, и такимже образомъ обратно оныхъ провожаютъ, но при томъ действиіи военные не преставалы и гусаре французскіе часто на наши форпосты нападалы, а иногда и совсѣмъ съ места събываалы, чрезъ что у насъ въ лагере делалась часто тревога.

А чтобы тѣмже и Французамъ отвечать, то посылалысь отъ насъ туда къ нимъ партій и также на форпосты ихъ нападеніе делалы, избывалы, отъ чего было кровавыхъ головъ много.

Таковы ежедневные почти происхожденія подали мнѣ охоту чтобы поехать съ нашими партизанамы, и видѣть ихъ дѣйствій, и попользоватца хотя зрениемъ такова дѣла, для чего несколько разъ отъправовался я у маіора своего, а отецъ мой давалъ мнѣ къ охранению надеждныхъ людей и на добрыхъ лошадяхъ.

Мы ездили съ нашими партиямы, где и были случаи даволные присмотретца мнѣ дѣйствиемъ нашихъ наездниковъ; у насъ были на то люде искусные и храбрые, кой таково дѣло весма проворно дѣлать умѣлы, а особливо наши сербские потиской ландьмылицій гусаре отъмено хорошо действовали, при какихъ случаяхъ въ практике военной, хотя тогда по моимъ молодымъ лѣтамъ толко зрениемъ однимъ примечалъ, но то самое зачало послужило мнѣ. потомъ навсегда въ ползу много.

И такимъ образомъ часто будучи въ такихъ партияхъ, при чемъ когда удавалось что наши збывали французские форпосты, то я с протчыми осмеливался въперіодъ далѣ, и доежали въ такую разстояніемъ до лагера дистанцію, что намъ во ономъ чрезъ трубу зрительную и люде были видни и могли всю длину лагера и крепость съ предстоящей отъ насъ стороны обозреть хорошо.

Аднѣмъ дномъ будучи на такой прогулке, толко что мы было выехали и стали приближатца къ неприятелскому форпосту, увидѣлы что изъ лагера ихъ стали полки какъ пехота, такъ и кавалерія выходить и становится въ строй, мы, увидя сие оставивъ на томъ мѣстѣ несколько человекъ для примечанія, вернулись назадъ къ нашему форпосту, вождаясь тамо что еще далѣ будетъ, афицеръ нашъ форпостной о томъ далѣ тотъчасъ въ дежурство знать.

Мало потомъ спустя зачалась сильная во весь округъ крепосты пушечная палба, я всѣ тѣ вистрелы шчиталъ и начелъ ихъ ровно триста, лышь толко оная престала, то зачался изъ строеваго фрунта изъ мелкаго ружья беглой огонь и обьходылъ три раза.

О семъ что оно значило узналы мы на завтрешни день отъ одного ушедшаго къ намъ отътуда солдата, котораго я въ дежурстве выдѣлъ и сказовалъ, что король самъ почтою въ крепость приехалъ и мало бавылся, поехалъ опять назадъ.

Потомъ зделалось у насъ съ Французамы премиріе и происходили частіе чрезъ присилаемыхъ трубачей препыски, а при томъ отъ нашего главнокомандующаго армьею изданъ приказъ, чтобы подъ смертною казною не осмелился никто по деревнямъ и селамъ делать грабежа даже овощъ и зелень въ огородахъ была запрещена, а буде

кто въ противность того въ чомъ либо пойманъ будетъ, тотъ уже безъ всего дальняго лишень будетъ живота, и что определенъ въ разъездъ грандъ профось.

Сей чинъ тамо почитаетца великъ, съ коимъ определена команда изъ коньци также попъ и палачъ.

По сей строгости и надлежить уже всякому себя беречь, ибо въ противномъ случаи ежели тотъ разъездъ каво въ чомъ либо застанеть, то не делая никакихъ болѣе допросовъ а толко спросить, кто онъ таковъ имя и прозвище и котораго полка и тотже часъ попъ исповедаетъ, приобщаетъ, а палачъ какъ случитца на дереве или на заборе вешаетъ оставя при немъ часоваго, а потомъ чрезъ три часа снимають мертваго и заривають въ землю.

Я потомъ видѣлъ некоторыхъ такихъ несчастныхъ действительно высащихъ на деревьяхъ овоцныхъ.

Какое несчастливой часъ было одному нашего полку служивому случился, салдату такому, которой былъ отъмено храберъ и виденъ собою и на многихъ местахъ противъ неприятеля образцомъ между прочими оказывалъ себя, и раны две три на теле своемъ имѣлъ, какою храбростию и на тотъ часъ отъ злосчастной смерти самъ себя избавывъ.

Онъ какъ съ капраломъ своимъ и съ двумя еще товарищи ходыль въ близъ лежащую деревню за водою и набравъ воды въ котель, увидель въ одномъ огороде мужика работающаго землю, купыль у него немного зелены капусты, и репы себы на варение, завязавъ оное въ платокъ носыль съ собою, и вышедъ изъ деревны шли по дороге къ лагеру, на тожь время наехала на ныхъ та разъездная команда и увидя у того одного носимую капусту, окружили ихъ и тотчасъ приступили было къ нему къ исполнению надъ нимъ того смертоноснаго штрафа, онъ бедной изъговорился что капусту и репу купыль, однакъ того что онъ говорить не слушала и добираютца уже за него, тогда онъ выхвата свою саблю сталъ оборонятца и прорвавшись помежду ногъ лошадиныхъ съ великою скоростыю добежалъ до случившагося тамо по близости копаного въ длину посеяныхъ конопель рва, и прескочивъ оной на той сторонѣ съ своею голою саблею сталъ, повторяя свою невинность, толко грандъ профось столко былъ свирепъ, что закричалъ на своихъ драгунъ чтобъ словить его, кои и догналысь до того рва, но какъ оной былъ слышкомъ глибокъ и довольно широкъ, то ни одна лошадь не осмелылась скакать чрезъ ровъ,

а тотъ бедной стоитъ на своемъ мѣстѣ и говорить я де вамъ сказалъ что невыновать и капусту купылъ, а вы ежели хатите моей смерти конечно выдѣтъ, то позволяю честно себя отъ васъ застрелить, а палачу себя живой не дамъ въ руки и безчестною смертию умереть не хачу, потомъ поворотясь пашолъ протчъ и спрятался въ конопля.

Грандъ профось оставя уже далъ его отыскивать, положиа тѣхъ другихъ на землю былъ жестоко палками и потомъ отослалъ ихъ въ главное дежурство, коихъ тамъ по допросе усмотрено что невыни, для чего доложена объ нихъ главнокомандующему армеею, отъ коего приказано послать за нашими маіоромъ.

Маіоръ туда поехалъ и меня съ собою взялъ, мы явились у дежурнаго генерала, отъ коего узналы что с нашими салдатамы случилось и потомъ дежурной генералъ представылъ маіора къ принцу Карлу.

Принцъ спросилъ маіора также о томъ, что воспослѣдовало и что ушедшей не пойдети иногда со страху къ неприятелю.

Маіоръ на то отвечалъ, что тотъ ушедши есть адынъ храбростию и постоянствомъ изъ первыхъ его въ полку салдаты, и что не точию онъ къ неприятелю не поидеть, но надѣтца что конечно онъ по своей невыности самъ явытца будетъ въ полкъ, а также и сіи, говорилъ маіоръ, что за карауломъ отъ разъездной каманды въ дежурство присланы и штрафъ тамъ безъвыно понесли суть такіежь надеждные люде, на коихъ я въ полку всякую доверенность возлагаю и во всякихъ военныхъ действияхъ отмено себя оказывали и никогда ни в какихъ штрафахъ до сего времени не бывали, что де мнѣ таперъ о семъ, что съ ними воспослѣдовало давольно есть прискорбно, и прошу вашу светлость, повторяя маіоръ, учинить надъ ними мылость и отпустить въ полкъ.

Принцъ слушалъ ответъ маіора, былъ тѣмъ доволенъ и велѣлъ тѣхъ исподъ караула привести предъ себя, поласкалъ ихъ словами и подарылъ каждому по одному червонцу и с тѣмъ отпустилъ въ полкъ.

Нашъ ушедшій отъ смерти пришолъ въ самомъ деле тую же ночь въ полкъ, о коемъ по утру какъ мнѣ отъ сержанта той роты отърапортовано и я по томужъ маіора рапортовалъ, то маіоръ велѣлъ явшагося призвать, и спрося его о капусте и о репе, за кою онъ мало жызнь свою не положылъ, взявъ его съ собою и мнѣ также ехать приказалъ, поехали первее къ нашему корпусному генералу, и

по спросе явшагося, генералъ смотря на него и на его ответы выговорыль, было би де вечно жалъ такова салдата и на баталій потърать, а коли паче такою смертию, какую ему было приуготовили чтобъ умереть.

Потомъ поехалъ генералъ къ главно-командующему арміею принцу Карлу и насъ съ собою тудажъ взялъ.

Принцъ и велѣлъ явшагося къ себе представить и посмотра на его отъменную позитуру и хорошей ростъ, а к тому какъ сей сталъ говорить и свою невинность изъяслять показывая на раны свои доставшия противъ непріятели, и что онъ служить такъ какъ честному салдату принадлежить, а за всио де то довелось было умереть безъчестною смертию, и я де за то точно самъ явился говорилъ салдату, чтобы предъ вашею светлостію принести свою невинность, и служить такъ верно хочу какъ что и прежде служилъ.

На таковы бодрие отъ салдата слова, принцъ гледѣлъ и говорить я де въ семъ салдате примечаю отъменное достоинство и жалбы было такова потерять, вынувъ изъ кармана пять червоныхъ подарилъ ему, и при томъ пожаловалъ его ундеръ-афицерскимъ чиномъ и съ тѣмъ отпустилъ въ полкъ.

После сего случая уже разъездная команда палача и попа неимѣла, а обходилось дело когда каво въ чомъ поймаютъ штрафомъ палкамы.

Наше учинѣнное съ Французами премиріе по мынованіи несколькихъ толко дней кончилось безъполезно, и зачалысь съ обеихъ сторонъ военные дѣйствія, хотя главной баталіи и небыло однакъ награждало то частіе съ партіями сраженій.

Между тѣмъ въ адынь день приказано, чтобы отъ нашихъ сербскихъ ландымылицкихъ полковъ учинить нарядъ числомъ восемь сотъ человекъ пехоти да одинъ екскадронъ отъ полка потискихъ гусаръ, а другой отъ кроатскихъ, конныхъ.

Подъ вечеръ тогожъ дня собравшись вся та команда на левомъ фланге нашего лагера, предъ коими былъ командиромъ при гусарскихъ екскадронахъ маіоръ Марковичъ, а при пехотѣ подполковникъ адынь, коимъ приказано было чтобы итыть поближе къ лагеру непріятелискому и съкритца пехотѣ въ удобномъ мѣстѣ, а екскадронамъ гусарскимъ на разсвѣтъ ударить на форпостъ французски и зделать тамо тревогу, и ежели будетъ на ныхъ погонка, то чтобы препалывались и отходомъ подавались назадъ и тѣмъ старатца навѣсть непріятели на нашу пехоту.

Съ такимъ наставленіемъ команда наша въ наступившую ночь выступила и шли всѣ вмѣстѣ знакомыи уже прежде местамы и пришедъ близъ половины дароги ихъ лагера тамо остановились.

Я самъ хателъ быть в той партіи однако батюшка мой недозво-
лылъ, и велѣлъ остатца при полку въ лагере.

На томже мѣстѣ, где команда наша остановилась, былъ давнѣй
кирпичной заводъ, при коемъ остались рвы и ямы, изъ коихъ для кир-
пычей работники копали землю, и было места довольно по обеимъ
сторонамъ дароги, куда могла наша пехота съкритца.

На тожъ время батюшка мой уже отъ своей прежнѣй контузій
и раны выздоровѣлъ, и былъ с тою партией командированъ, при чемъ
взялъ съ собою и верховую свою лошадь, подполковникъ что над пе-
хотою пригласилъ батюшку моего, чтобъ поехать съ екскадронамы въ
периодъ для обозрѣнія неприятельскаго движения и чтобы въ случаи
погонки возвратитца съ извѣстіемъ скорѣе назадъ и потомъ стать
къ своему месту.

Батюшка мой къ тому согласился и поехалъ при тѣхъ екскадро-
нахъ съ маіоромъ Марковичемъ вмѣстѣ.

Оны на разсвѣтъ напали на неприятельски главни форпостъ коего
избыли, и препалкамы своими надѣлали въ неприятельскомъ лагере
тревога довольно, и шермицировали тамо съ французскими гусарами
часа два и тѣмъ походило несколько дѣло на выгришъ, а какъ противъ
нашихъ силы великой сперва не выходило, а то малое число гусаръ
противъ ихъ что было оны прогналы, то и осмелились наши въ пе-
риодъ еще далѣ и подѣхалы къ лагеру разстояніемъ весьма недале-
комъ, тогда увидѣлы что изъ лагера стала выезжать конница въ числѣ
сълышкомъ великимъ, кои выступивши тронулись маршировать въ
периодъ.

Наши жъ увидя сие, а также и съ стороны и почти несколько
позады себя что пылъ велика подынялась, тогда могли уже узнать о
намереніи неприятельскомъ, и недожидая болѣе, подались назадъ въ
ретираду, однако было то уже поздно, ибо та съ стороны пылъ до-
красалась къ нымъ лощиною такъ скоро, что въдругъ открылось толпа
велика конницы, коя уже и дарогу пресечь успѣла, а тѣ что изъ ла-
гера также поспешили въ погонку, и тако будучи наши окружены
съ двухъ сторонъ, и выдя себя въ великой опасности не осталось бо-
лѣе ничего къ ихъ спасенію, окроме что отважитца на прорубь чрезъ
неприятеля.

Оны то дѣлали уже отъчаяною атакою и пробылись на свою да-

рогу, однако потѣрялы нѣсколько человѣкъ и лошадей и на послѣдокъ безъ порядка искалы своего спасенія.

Батюшка же мой пробывшись также чрезъ непріятели пустился скакать полѣмъ на простецъ, спешилъ поскорѣе достигнуть до своей пехоти но тщетно, ибо заехалъ за одинъ предлинной ровъ, копаной вокругъ сенокосныхъ лукъ, которой былъ столько глубокъ и широкъ, что прескочить онаго лошадыю никакъ было не можно, а за нимъ увязалось скакать въ догонку шесть человѣкъ французскихъ гусаръ, кои и не допустили выпровитца ему назадъ на дорогу и тѣмъ отделилы его совѣмъ прочь въ другую сторону.

Хотя оны не такихъ под собою лошадей имѣли чтобы догнать могли, но выдя его отъдѣльнаго одного и что по известности имъ тѣхъ мѣсть могутъ его нагнать на рвы и поймать живаго, какъ оно и сделалось, для чего и не отставалы и гналысь прилежно за нимъ.

На послѣдокъ батюшка мой, будучи совѣмъ отрезанъ и отъдалѣнъ уже въ сторону, принужденъ отъважитца нагнать на тотъ ровъ свою лошадь, она протянулася чтобъ прескочить, болшъ половины на той сторонѣ была, но заднимъ ногамы не могла туда достигнуть повалылася на бокъ, тогда уже гусаре наскочилы и взяли его живаго въ полонъ.

При сихъ гусарахъ былъ поручикъ адынь, ундеръ-офицеръ адынь и четыре человѣка гусаръ, парутчикъ былъ Венгеръ и столко могъ спросить о чинѣ батюшку моего, и узнавъ что капитанъ оставивъ при нѣмъ ундеръ офицера и три человека гусаръ, взявъ съ головы батюшки моего новую шляпу, а надѣлъ на него свои ветхой киверъ, также кошелюкъ съ денгамы и часи взялъ къ себе, и о тѣмъ ускакалъ въперидоь, а оставшимъ приказалъ въ слѣдъ за собою ехать поспешно.

Подъ однимъ гусаромъ была лошадь несколько поутомлѣна то онъ пременялъ оную, далъ ее подъ батюшку моего, а батюшкину взялъ подъ себя и тако возвратилысь назадъ къ своему лагерю.

Между тѣмъ покудова то с нами происходило, то коньца наша будучи разбита доскакалы въ не порядке до нашей пехоти, и мыновавъ оную оставилы свободную дарогу стремящемуся за ними въ погоню непріятели, кой вогнавшись къ нашей пехотѣ встречены были сляними по оныхъ выстрѣлами отъ чего многихъ побыто и преранены, на противожъ того и оны яко въ превасходнѣй силѣ оборотясь учинилы также изъ своихъ карабыновъ и пыстолей по нашимъ выстрѣлы, и тѣмъ причинилы уронъ даволно великъ. Но какъ тѣ рвы и ямы по собыло нашимъ много, и могли успѣвать свои ружья заряжать и

стрелять безъ остановочно, чѣмъ напоследокъ и привели неприятеля до смятения и обратился бѣжать.

Тѣмъ же временемъ покудова дело съ пехотою происходило, то собралась въ порядокъ наша конница и были въ готовности увидѣвъ уже неприятеля разбита и бегущаго, напали въслѣдъ за нимъ и гнались къ самому почти ихъ лагеру, и воротясь назадъ увидѣлы въ сторонѣ едущихъ къ лагеру неприятелскому несколько человекъ конныхъ, коихъ и сочлы не от своего войска быть людямъ, какъ и въ самомъ деле оны были неприятелы, и тѣ самые кои отца моего съ собою водють. А тѣ также увидя таково большое число конницы и отъ стороны своего лагеря едущихъ сочлы за своихъ, незная что ихъ партия уже разбита, поворота под собою лошадей просто къ нашимъ, а наши увидя ихъ остановились, а какъ столко блиско подъехали, что ужъ легко могли свою ошибку видѣть, то брося поводъ отъ лошады водимой подъ атцомъ моимъ въдались бѣжать, однако наши ихъ перенялы и поймали живыхъ.

Лошадь подъ отцомъ моимъ заступивши ногами за поводъ упуталась и вертѣлась на одномъ мѣстѣ и покудова онъ сълѣзъ съ нее и отпуталъ поводъ и опять успѣлъ сестъ на оную и къ своимъ прыскачилъ, тѣмъ временемъ адинъ кроатскій офицеръ, какъ онъ того неприятелскаго гусара поймалъ, подъ коимъ лошадь собственная отца моего была, то онъ ту лошадь взялъ къ себе яко добычную отъ неприятеля, и тотъ часъ отделился самъ уехалъ просто въ лагерь.

Отецъ же мой съехавшись съ своимъ и нашедъ майора Марковича благодарить его за свое избавление, при чемъ спрашиваетъ о своей лошады, и пресмотря во всей камандѣ что нѣтъ ее и не зналъ никто кудабы она пропала, а какъ о всѣхъ чинахъ выправились и каво на лицо нѣтъ, кои тутже были, то и оказалось что того кроатскаго офицера нѣтъ, почему и догадались что конечно онъ и лошадь взялъ, какъ тогожь дня къ вечеру у него лошадь и найдена.

Та команда какъ отъправилась къ вечеру и утрешни день съ неприятелѣмъ имѣлы дело, о чемъ више сказано то мы оставшие въ лагере болѣе ничего не знали, а только тотже день съ утра десятаго часа слышно намъ было въ отъ далы ружейная палба, ис чего и могли мы разумѣть что то не иное что, а конечно наша команда съ Французамы имѣеть сражение.

Во второмъ же часу споль дня привезено къ намъ въ лагерь несколько человекъ нашихъ раненихъ, я какъ то увидѣлъ падошолъ скоряе туда, сколько таковыхъ нашего полка будетъ чтобъ отърапортовать майору, и велѣтъ поскоряе лекарю привязивать, междужь прот-

чимы выжу я тамо барабанчика отъ роти отца моего, сидить съ за-
вязаною рукою, а какъ меня увидѣлъ то всталъ.

Я ево спрашиваю, что ти конечно ранѣнъ и где батюшка мой,
сей барабанчикъ былъ немношко зайкивать а притомъ еще плачетъ,
то я долго дожидался покудова онъ выговорилъ что не знаетъ, а большъ
де думаетъ что мой батюшка не живъ, я де говорить онъ какъ рану
получилъ пашолъ въ сторону, а господина капитана вашего батюшки
съ нами и не было, онъ какъ съ вечера съ нашею гусарскою коман-
дою поехалъ въперіодъ, то уже къ намъ большъ и не возвращался,
а гусаре наши какъ были разбиты и къ намъ опрометомъ приска-
калы, то де еще тогда господина капитана съ нами не было.

Болѣе уже я ево, услыша сие, ни о чомъ не спрашивалъ, залыся
слезамы, всякъ поверить можетъ какова мнѣ та жалостна вестъ на
сердце была, я оцепенѣлъ почти и не зналъ что вдругъ отъ меня
зделалось, меня обморокъ ушибъ и возлѣ одной салдатской палатки
съ ногъ съвалился, сталъ жестоко плакать.

Мой помощникъ о томъ известясь прибежалъ скоро ко мнѣ и
какъ разумной человекъ сталъ меня унимать, взявши подъ руку
говорить: пойдемъ къ майору объявимъ ему, и вамъ надобно гово-
рить онъ ехать на то боевое место, отыскать тело и похоронить, мы
пашлы къ майору, о семъ донесли и по моей прозбе отпустилъ меня
и далъ еще со мною одного надежнаго сержанта.

Поспешилъ я скоряе туда севши на свою лошадь, взялъ съ со-
бою одного слугу, далъ также и подъ сержанта другую свою лошадь,
бежалы рысью до самого нашего форпоста, тамъ не хотѣлъ было насъ
афицеръ форпостны пропустить, однако на мою прозбу и увидѣвъ
также что я плачу, то съжалылся и поверилъ моимъ словамъ, велѣлъ
нашимъ часовымъ насъ пропустить.

Намъ попадались некоторые изъ той команды на встречу, но какъ
были отъ другихъ полковъ и незнакомы, то оны чего я у нихъ спра-
шивалъ не знали, а толко то сказали что де команда собиралась
итить отътуда прочъ, но не в лагерь а куда того незнаютъ, я приска-
кавши на то боевое место думалъ тамо ихъ еще застать, но уже ихъ
не было.

Тудажъ на то боевое место посланою при афицере изъ дежурства
командою согнаны были изъ деревень мужики, чтобъ хоронить мерт-
вые тела, я скоряе туда къ нимъ подъехалъ, спрашиваю не похоро-
нилилыъ оны таково афицерское мертвое тело, описывая имъ видъ и
позитуру и платъ батюшки моего, но что отвѣчали что де мы толко

сюда сей часъ пришли и не хорошмы еще ни одного, я пашолъ по-слѣ по всему тому плацу, пресматривалъ и выжу мертвыхъ людей, до-вольно, но вдвое болшъ Франдузовъ, попалъ было мымоездомъ на несколькихъ мертвыхъ отъ нашихъ, между коими былъ одинъ—кого я узналъ что отъ роти батюшкиной, я тутъ думалъ и тело отца моего наитѣть, вездѣ въздъ и въперіодъ объехавши гледѣлъ и на всякого мертваго, конхъ мнѣ случилосъ наехать, присматривалъ, но нѣтъ того каво я ищу.

И тако объехавши все тое место поехали мы еще нескорко въ-періодъ и становились и стали разсуждать что дѣлать.

Сержантъ сталъ мнѣ говорить: ви де увидите что барабанчикъ не-правду вамъ сказалъ, ево какъ раниды то и укланился онъ въ сто-рону и господина капитана, вашего батюшку онъ и не видалъ, а какъ де та команда отъсюдова пошла далѣ, то конечно и батюшка вашъ со оною пошолъ, и такъ не изволите говорить сержантъ ни о чемъ болѣ сумнѣватца, оно такъ верно будетъ, а мы де поедемъ назадъ въ ла-геръ, тамъ уже надобно быть обо всемъ верному известію.

Сіи сержантовы слова меня нескорко прободрили, сталъ и я тоже думать, однакъ говорю я ему поедемъ еще вотъ туда въ левую сто-рону къ тому двору, не найдемъ тамо каво нибудъ изъ нашей коман-ди и можетъ быть что случитца чего слышатъ.

Мы согласылись и поехали къ тому двору, котораго приехавши усмотрели, что то былъ увеселительной господской дворъ безъ ника-кова другова жилья, и стоитъ въ ту сторону поближе нескорко къ го-роду, день тотъ какъ весьма былъ жаркой, а мы много скакали на ло-шадяхъ, то я жестоко пыть води хателъ и думаю что при томъ дворе напытца, а потомъ какъ время уже снольдня гаразда къ вечеру на-ступило, то и вернутца въ лагерь назадъ.

Мы приехавши туда не нашли во дворе ни души, всио было заперто наглухо, хотъ мы у воротъ и стучалы однакъ всеу, никто намъ не озивался; потомъ поехали вокругъ двора, где показался намъ прекрасной садъ, въ коемъ увидѣлы колодезь съ насосомъ подъ иску-сно зделаню крышкою стоящи.

Въ томъ же саду овощниа деревья, всѣ съ своиы спѣлыми плодами обвешены и не знаешь отъ прелестнаго того вида, на какое дерево прежде глаза свои бросить, мнѣ ужъ тутъ захотѣлось и воды пыть и тѣхъ прекрасныхъ фруктовъ покушать, а воитытъ въ садъ неляз, то и согласилысь мы уже оставить должное той лепоти сохра-

нение, хотя приказъ и есть такъ строгой, чтобъ въ садахъ и въ селенияхъ шкоды не дѣлать, но какъ сей дворъ съ садомъ состоитъ за нашимъ форпостомъ, то и можемъ къ нашему намерению приступить, и тако съѣзды мы съ лошадей далой привязавъ оныхъ за окрашеную состоящую кругъ сада решедку и отступя несколько шаговъ подалъ, възялысь около той решедки майстерить винимать оную, однако признатца надобно что большъ ламалы, и зделалы такъ широко проломъ, что лошады свободно было въехать можно.

Нашу работу мы весма скоро зделалы, я прежде всего побежалъ къ колодезю напылся той холодной воды, что и другіе мои сотоварищи зделалы.

Слуга же мой подъвелъ тудажъ въ садъ къ колодѣзю и лошадей коихъ также напоилы, но всио то дѣлалось очену скоро и проворно, несмотря на то что прекрасные тѣ цветники лошады потопталы, чтоже дѣлать хотъ опосля за то хозяинъ и бранить будетъ, но на то время такъ зделать требовала нужда.

А чтобы въ случае какой либо опасности лехче и скоряе вонъ изъ саду могли выскочить, то мы селы на лошадей и такъ ужъ подъ тѣ фруктовые деревья подѣхалы, я первее подѣступылъ подъ персики кои были особливо величины, но еще не совсѣмъ спѣлые, однако имѣлы вкусъ хорошъ я ихъ елъ, и клалъ въ кармани что и слуге делать велѣлъ, чтобъ онъ ихъ также набралъ, онъ говорить у меня де вотъ есть конская овсяная торба, я де въ нее наклады, мы и другіе деревья также посетилы а наиболѣе паргамотовъ и другіихъ болшихъ грушъ жолтыхъ какъ воскъ у коихъ вкусъ былъ отменной, при томъ нашемъ хозяйстве позабавилысь мы въ томъ саду не болѣе полъчаса, а потомъ выехали; смотримъ кудабы на простецъ на дорогу къ лагеру могли выехать, какъ уже день горазда къ заходу солнешнему приближаетца и чтобы могли заранѣе къ нашему форпосту поспѣть, однако отъвели насъ разніе воокругъ того двора лежащие огорожи и забори несколько въ медление, и не было ужъ другова места къ выходу о кроме что опять, тудажъ выехать было надобно отъкуда приехали, между тѣмъ увидѣлы въ сторонѣ подалеко едущихъ троухъ человекъ верхамы, кои ужъ насъ минули и едутъ просто къ нашему лагеру, мы стали кричать и шапками на нихъ махать, но оны не слышатъ, мнѣ тутъ какбы нѣчто особенное подало желанность, что тѣхъ людей догнать и выдѣть кто оны таковы, для чего пустился я за ними полемъ скакать и кричу чтобы остановилысь.

Оны какъ услышали мой крикъ и видятъ, что я съ своими сопутниками прасто къ нимъ скачу, поостановились было но опять поехали, я тутъ чтобы ихъ конечно догнать прибавилъ скачку по-резвее и кричу, почему уже оны остановившись повернулись лицомъ къ намъ, я приблизившись къ нимъ узналъ тотъчасъ своего батюшку, но то чудно мнѣ показалось что у него на голове киверъ а не шляпа, с коєю онъ въ ту командировку пашолъ, да и лошадь подь нимъ чужая а не своя.

Я бросилъ къ батюшке моему сталъ ему целовать руку и заплакалъ, онъ говоритъ мнѣ что ти плачешъ и спрашиваетъ где я былъ, я на то ему обо всѣмъ сталъ пресказовать, что мнѣ барабанчикъ объявлялъ и что я ездилъ на то боевое место ево искать.

Батюшка мой покудова до лагера доехалы сталъ мнѣ обо всемъ томъ, что и какъ съ нимъ тотъ день случилось и какъ ево майоръ Марқовичъ нечаяно избавлялъ, пресказивать о чемъ я выше писалъ, и также говоритъ батюшка мой что ево лошадь пропала, и надобно де ей быть въ кроатскомъ лагере, а ета де лошадь говоритъ онъ, что подо мною худая и заморена, есть добычная французская.

Подъехавши мы уже възаходъ сонца къ нашему лагеру, говорить мнѣ батюшка мой, заежай де ти въ кроатски полкъ, тамъ можетъ быть сицешъ нашу лошадь, а я де поеду прямо къ своей ставке.

По сему приказанию я и повернулъ въ лагерь кроатски и скоро туда въехалъ, увидѣлъ издала нашу лошадь, подыняла голову и стоитъ привязана у коновези съ другою лошадью, сталъ я требовать оную, однако тотъ афицеръ зачалъ спорить и не даетъ, почему принужденъ я паитить къ ихъ полковнику и о томъ просить, пресказавъ ему обо всѣмъ, что съ батюшкою моимъ случилось и что тотъ афицеръ лошадь взялъ.

Полковникъ приказалъ съ другимъ афицеромъ лошадь отослать къ нашему майору и спрашивать о томъ, и буде точно такъ какъ я требую то и отъдать лошадь намъ, кою мы по свидѣтельству и получили, а ту добычную французскую отъдалъ батюшка тому афицеру.

Я засталъ майора сидящаго съ батюшкою моимъ и онъ майоръ пресказиваетъ о своемъ въ тотъ день случившемся приключеніи.

Насъ удержалъ майоръ у себя ужинать и я къ ужину принесъ майору техъ собранныхъ въ саду фруктовъ, кои несколько отъ скачки лошадиной въ торбе падалились было, однакъ за весьма хорошия приняты были, и смѣялись какъ мнѣ при радости пришло на умъ фрукты

сбѣрать, я на то отвѣчалъ представляя имъ нужду что жестоко пить воды хатѣль, а между тѣмъ говорю и фруктовъ набралъ.

На семъ лагерѣ были мы еще четыре дня и потомъ пошли далѣ въ правую сторону къ городу называемомъ Елса съ Цабертъ, корпусъ нашъ шолъ въперіодъ а за ними и вся армія помаршировала, но она остановилась и расположилась лагеромъ въ другомъ мѣстѣ, а нашъ корпусъ толко одинъ подъ Цабертъ подступилъ, где встретила насъ партія не велика французской конницы, однакъ ничего съ нами не зачиналы а толко что увидя насъ вернулись назадъ.

Въ томъ городе былъ войска французскаго корпусъ довольно великъ, оны сперва изъ крепости попротивились намъ и зачалы было пушкамы съ бастионовъ по насъ стрелять, но потомъ или оны уже не в силахъ были устоять, или у нихъ что нибудь другое было, ибо какъ скоро мы подвезлы нашу артиллерию и стали по городу стрелять то ихъ кононада престала, а наша не преставала и сильную стрелбу производилы, отчего скоро увидѣлы мы что французская пехота на другую сторону города стала выходить и подниматца по большой дороге на гору, и тѣмъ открылы намъ что ихъ сила противо насъ и половиной части не составляла.

Оны какъ на гору стали подниматца, то мы наилучше силу ихъ, по цветамъ мундирнымъ, полки и зборные баталіони увидеть и узнать могли.

Ворота городовыя съ нашей стороны какъ были пушечными драмы разбиты, то тотчасъ войска наши вошли въ городъ, и пошли поспешно въ догонку за неприятелемъ, коего еще на выходе города полные улицы были и маршировали въ своемъ порядке прикрывая свою ретираду отступнимъ боемъ, отстреливались весьма крепко, и сколько вреда оны зделалы намъ, столко еще жители того города изъ домовъ своихъ чрез окошка что по насъ стрелялы, отчего у насъ было много убитыхъ и раненыхъ.

Я при семъ случаи имѣлъ довольно оказію видѣть, что есть действие военное въ моемъ зачале тогда службы и в такихъ молодыхъ еще летахъ, будучи съ полкомъ въ сильномъ томъ сраженіи.

Французи хотя и ритировались, но однако ни мало своимъ отступомъ не спешили, а непрестано производилы плотнужную по насъ палбу, способъ имъ къ тому подавала широкая въ городе улица, а за городомъ еще вдвое шире дорога, по коей какъ оны подниматца стали на гору, то занималы фрунтомъ поперекъ всю ту дорогу и удваивалы свои плотонги.

Здѣсь у нихъ было конницы невеликое число кои по периоду уехали, они намъ видны были издали, а что въ городе была на площади каменная большая церковь съ высокою колокольнюю, изъ которой много вреда своею стрѣлою жители намъ зделали, то какъ сие усмотрено и командующему генералу о томъ сказано и онъ приказалъ изъ пушки туда быть, такъ ужъ отътуда большъ стрелять по намъ престали и на колокольни отъ нашихъ ядеръ великіе дыры показались, отчего потомъ едвамы ее починить было можно.

При семъ сраженіи убитъ потиской ландмилиціи капитанъ Рако (или Ракославъ) также и другихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ убито и ранено отъ нашихъ много, въ томъ числѣ славонской ландмилиціи капитанъ Ефимъ Любобратичъ ранѣнъ жестоко * и по продолженіи сего сраженія несколькихъ часовъ подоспѣла уже и вечеръ и тѣмъ дело кончилось.

Командующій нашъ генералъ баронъ фонъ Пернклау командировалъ для учинѣнія еще и большъ надъ неприятѣльмъ поиска полковника барона Тренка съ его пехотнымъ полкомъ (полкъ сей есть тотъ самой что набранъ былъ изъ лесовыхъ разбойниковъ о коемъ я прежде говорилъ), и потому приказанью пашолъ Тренкъ еще тогожъ

* Сей храбрый офицеръ заслуживаетъ ту честь чтобы об ѣмъ на долгіе вѣки помыналось, для чего и не хотѣлъ я оставить яко о своемъ адноациональномъ чтобъ непояснить. Онъ былъ Сербинъ и дворянинъ природни а родомъ изъ Требыня города что въ Илырій, былъ онъ въ молодіи свои лѣта въ Венеціи и научился тамо италянскаго и немецкаго языковъ, вышолъ потомъ въ Цесарню гдѣ принять въ службу и дослужася до капитанскаго чина, ростъ и ево позитура были отменна; тогда какъ онъ раненъ было ему лѣтъ около тридцаты, сей злой случай принесъ ему бедному великую болѣзнь и убытокъ, кость полувышная въ своей руке у самой мышке была пугью раздроблена и покудова всѣ тѣ часты могли быть выняты, то онъ лечился долго и издержалъ, на то послѣдѣе что имѣлъ и мало и жизни не лишился, напослѣдокъ хотя и вылечился однакъ тою рукою владѣть могъ мало, но по усердвой изъ службе ревности не отъставалъ отъ оной, и былъ потомъ еще на многихъ баталяхъ, и дослужился до генеральскаго чина, женатъ былъ на вдове Черноевичевой, княжнѣ дочери полковника князя Афанасія Рашковича, и погомъ по ево великимъ по службе дѣламъ былъ пожалованъ отъ ея величества императрицы королевны венгеро-бохемской Маріи Терезіи барономъ и кавалеромъ терезіанскимъ орденомъ, а напослѣдокъ уже подъ вѣскоую старость произведенъ генераломъ фелтцабгменстеромъ и определенъ на покой въ должностъ оберъкоменданта въ Италию въ городъ Кремону, принадлежащій дому австрійскому, где прошедшаго 1783 года и скончался, но толко то одно жалъ что послѣ его не осталось детей, и тѣмъ сей достойной герой жизнь свою окончилъ.

вечера, къ нему же въ команду данъ былъ адынъ эскадронъ конницы, онъ взявши свой detaшментъ имѣвъ у себя надежныхъ проводниковъ пашолъ совѣтъ другою дарогою и напросто, поспешилъ чрезъ всю ночь такъ скоро что до света упредылъ неприятеля, оставивъ свой эскадронъ позады себя недалеко въ удобномъ мѣстѣ, а самъ съ полкомъ своимъ съ стороны пришелъ къ большой дароге, съкрылся въ состоящемъ тамо при дароге небольшомъ лѣсе.

Французи маршировали тою большою дарогою просто, невидя за собою никакой въ ночное время погонки, надѣясь что уже свободни, и какъ на разсвѣтѣ подошли противъ того леса, въ коемъ Тренкъ съ полкомъ лежалъ, то въдругъ произвелъ Тренкъ по неприятелѣ жестокой огонь, какъ изъ небольшихъ своихъ двухъ пушекъ картечама, такъ и целымъ полкомъ изъ мелкаго ружья, отъ чего неприятель замешался и въ великую пришелъ разстройку, такъ что ужъ безъ всякаго порядка уходить и бежать стали, а Тренкъ непрестано производя палбу и поднявши въ слѣдъ за бегущими превеликой крикъ, на тожь время и тотъ эскадронъ прискакавши напалъ на неприятеля, и такимъ образомъ одержали наши победу, при чемъ великое число Французовъ побыто, преранѣно и въ полонъ взято, въ томъ числѣ были некоторые штапъ и оберъ афицери, я видѣлъ опосля что наши взяли отъ нихъ три пушки.

При зачале сей экспедиціи еще ночью, видно что генералъ нашъ свою диспозицію зделалъ, чего намъ не было сперва известно, а узналы на завтрешній день что онъ послалъ на подкрепление Тренка еще два полка драгунъ, кои на расвете въ тоже самое время какъ Тренкъ по неприятелѣ полкомъ своимъ палбу произвелъ и крикъ поднялы, то и сіи два полка туда жъ поспѣлы и тѣмъ подалы подкрепление своимъ, а Французи увидя ихъ еще болшъ въ робость пришли.

На другой день приказано мертвые телѣ хоронить, на что согнаны были мужики съ лопатъмы, а раненыхъ какъ нашихъ такъ и неприятельскихъ отослано назадъ къ арміи.

Генералъ нашъ командующій занялъ себѣ квартиру въ городе, поставя въпереды подлежащей форпостъ, а полковнику Тренку по возврате его съ полкомъ приписана ему была великая благодарность, а обо всемъ происходившемъ послана къ главнокомандующему арміею принцу Карлу релация.

После сего разположился корпусъ лагеромъ предъ самымъ городомъ на ровномъ мѣстѣ съ нашего прихода, и стоялы на томъ лагере

шесть дней, между тѣмъ какъ съ города такъ і из околишнихъ мѣстъ посланными командами собрана контрибуція денежная, и скоть пригнанъ саадатамъ на порцію, и потомъ въ послѣдній уже день нашего здѣсь кампаента данъ приказъ что будетъ маршъ, и назначено маршировать корпусу въ двухъ колонгахъ, а между оными въ срединѣ обозъ своимъ порядкомъ чтобъ шолъ.

Мы о томъ, куда и въ каторую сторону маршъ будетъ, ничего сперва не знали покуда не увидѣлы, что корпусной оберъ квартирмейстеръ съ полковими фуръбрамы для занятія новаго лагеря не поехалъ въ периодъ, каторой дарогу свою взялъ назадъ, почему уже извѣстно было что корпусъ нашъ остаетца въ арьеръ-гарде, а главная наша армия идетъ къ реке Рейну.

Тогоже дня въ самой сумеркъ безъ барабаного боя корпусъ поднялся и устроилъ колонги и обозъ такъ какъ приказано, лишь только что выступили и несколько отошлы, я какъ былъ при полку верхомъ на лошады, то вдругъ не знаю отъ чего стало мнѣ худо на животѣ и такъ жестоко схватило, что ужъ я далѣ не могъ верхомъ ехать, и принужденъ на марше сискать въ обозѣ свою каляску и въ оную легъ, однако мнѣ что далѣ то хуже зделалось, на послѣдокъ стало тошно и великая рвота, маршировали мы всю ночь, а я лежалъ въ каляске почти безъ чувства, батюшка мой о той приключившейся мнѣ болезни запечалыся, просилъ полковаго лекаря чтобъ онъ при мнѣ былъ, и старался бы меня поползовать, сей доброй человекъ любилъ меня очень, онъ тотъчасъ ко мнѣ явылся спрашиваетъ, каково мнѣ и какъ увидѣлъ что у меня великая тошнота и рвота, говорить онъ что де вы конечно чѣмъ нибудъ свой желудокъ спортили, нада де это вонъ выгнать, однако подождите говорить онъ до света топерь де темно и не могу ничего изъ аптечного ящика вынуть, и тако продолжалы мы маршъ далѣ и ужъ разсветать стало, тогда корпусъ остановился для отдыху, саадати всѣ будучи утомлены легли тотъчасъ по землѣ, а лекаръ побежалъ къ своей аптеки, вынулъ изъ оной что для ползованья меня было потребно, и скоро ко мнѣ возвратился говорить: прикажите каляску повернуть, здѣсь видни двори мужичие и кажетца что и трактиръ есть, поедемъ де туда, я тамъ говорить онъ для васъ лекарство приправлю, также и чаю велимъ нагрѣть, мнѣ было то угодно для чего и велѣлъ слугѣ съ каляскою туда подъехать, вошли мы въ трактиръ где ужо понаходыло полние горницы афицеровъ и мѣста нѣтъ где повернутца, лекаръ мой былъ человекъ проворной онъ увидѣлъ, что хозяйка свою особливую спальню имѣеть, коя

была заперта, онъ выпросилъ у казѣйки чтобъ меня на малое время туда въ ее спальню въвести, покуда она мнѣ лекарство приравитъ и чаю напьюсь, она столько была ласкова, что не поспорила въ томъ ни мало, спальню свою отперла и меня туда въвела, съжалылась надо мною, не дала намъ чаю варить, а сама скоро свой чай принесла, баба молодая и не дурна собою, между тѣмъ лекаръ далъ мнѣ нечто изъ его составленнаго лекарства выпить, такъ приятное какбы самой лучши дькоръ, я то принялъ и потомъ чаземъ запылъ, тутъ ужъ и зборъ въ барабанъ ударили и корпусъ поднялся, хозяйка за постой и за чай ничего отъ насъ взять нехотѣла, а сожалѣла что меня такъ болного поведы и въ каляску положили, я поблагодаря ей за такую ласку, поехали далѣ, какже спустя мало времени после моего приема подействовало лекарство и понесло меня рвать самая желчь, я думалъ что и кишки выдутъ вонъ, браню я лекаря что такъ слышкомъ крепкое лекарство мнѣ далъ, а онъ смеютца говорить: дабро, ето харошо, здаровъ будетъ, и тако пришла мы около полденъ на то место где лагерь занять, на поляхъ засеяныхъ хлебами, кои уже жалысь и мужики возють и спешать убрать оной къ своимъ домамъ, на томъ месте было целыми нивами табаку много посеяно и некоторая часть подъ лагерь было занято и пропалъ.

На семъ лагере имѣлъ корпусъ ночлегъ адынъ, а на завтре въ часу десятомъ по утру пошли далѣ и мнѣ уже легче стало и я могъ верхомъ ехать при полку.

Мы маршировали отътуда малыми маршами, покуда армія на периодъ успеть могла чрезъ реку Рейнъ преправитца назадъ въ Рейхъ, уже въ немецкую землю.

При вступленіи арміи нашей въ Елсасъ, какъ я выше говорилъ, былъ у насъ для преправы чрезъ реку Рейнъ наведенъ адынъ мостъ и казалось, что преходъ нашъ былъ поспешенъ даволно, а таперъ у обратномъ марше зделали два моста на судахъ адынъ воляъ другога, да и тѣ показалысь тесно и мало, сіи мосты были наведены подъ деревню называемая Пейнхеймъ въ лесистомъ мѣстѣ съ обейхъ береговъ реки Рейна, и зделано съ стороны нашего прихода земляной редуть, предъ которимъ по краямъ волчье ямы и въ каждой той яме ударенъ вострой колъ въ вишину на ровнѣ съ землѣю, и по сторонамъ того редута учинѣни изъ состоящего тамо леса большіе засеки, позады коихъ у берега съкладено было множество виваныхъ соломяныхъ кулѣй.

Корпусъ сталъ лагеремъ безъ палатокъ при той деревнѣ на полю

подъ самымъ лесомъ отъ мостовъ за полъ мыли разстояниемъ, и прикрывали преправу.

Черезъ тотъ день и черезъ наступившую ночь наша армія и весь обозъ успѣли на ту сторону черезъ мосты преправитца, и поставлено повелѣниемъ главнокомандующаго на томъ берегу по краямъ мостовъ две батареи съ пушками и съ прикрытиемъ пехотной команды, а корпусъ нашъ предъ светомъ пришедъ къ мостамъ занялъ въ томъ редутѣ, что на сей сторонѣ, и въ засекѣ место особо на то наряженою командою, а протчіе весьма поспешно шлы на мосты и переходили на ту сторону.

Мы только что преправлятца зачали, то услышали ужъ повады престрелка происходить и сделалась у насъ маленькая тревога, а то было что изъ крепосты фортъ Луя, коя состояла въ сторонѣ не васьма въ дальнѣмъ отъ нашей преправы разстояніи, и видно что захотѣлось было Французамъ насъ потревожить и напасть въ тылъ за нами на преправу, ихъ коныца настигла и зачали съ нашимъ арьергардомъ малую препалку, а потомъ какъ пехота поспѣла то ужъ палба стала посидняе и наперли на насъ болшимъ приступомъ, отчего нашъ арьергардъ поспешыль къ мостамъ въ ретираду.

На тожь время команда наша, что въ редутѣ была, стали скоро иные носить тѣ соломяние кулы съ берега и бросать на засеку, а другіе отьстреливали и удерживали неприятеля, покуда всѣ наши черезъ мосты на ту сторону, убрались, а затѣмы и та последная команда запалывши салому и засеку побежали на мостъ, при чемъ также изъ батеріевъ и наши пушечные выстрелы пособыли, что Франгузы не могли на берегъ и къ мостамъ приступить, одно то что засека около редута загорелась, а друго наши какъ со всѣмъ на ту сторону пребрались, то на мостахъ лежащие по сторонамъ соломяники и смоляние доски зажглы, отчего уже и весь мостъ згорѣлъ и тѣмъ наша преправа кончилась.

Я здесь о той землѣ Елсасіи, изъ которой мы вышли, хоту несколько упомянуть, что оная есть весьма хороша по боольшой часты ровная и плодородная, заселена городамы и селамы частими, виноградовъ очень много и всякаго рода фруктовъ избылно, но что земля очень народна, то тѣмъ кажетца для жителѣй несколько тесно, однако во всякомъ порядке всіо устроено, скотъ имѣютъ для своихъ нуждъ достаточно, но только лошадей мало да и тѣ коихъ оны имѣютъ суть негодные, а ословъ держутъ много.

Армія наша помаршировала во внутръ Райха далѣ, продо-

жалы марши умерение, а неприятеля въ слѣдъ за нами не было, Французы остались на своей границе за рекою Рейножь и не пошли далѣ, а Баварцы самы собою действовать были уже не в состояніи, и тако по наступившему осенѣму времени ученѣно о винтеръ квартерахъ распоряженіе, где и вкакихъ провинціяхъ арміи расположитца.

Нашему корпусу довелось быть въ землѣ неприятелской, въ Баваріи и въ оберъ Фалцу, куда маршъ свой и повернули и пришли въ Баварію къ городу Шартингу, отькогь уже стали наши полки по своимъ назначеннымъ квартерамъ разкодйтца, а нашему полку довелось быть въ оберъ Фалце, куда и послано въперіодъ для заготовленія квартиръ и фуража, а полкъ на другой день выступылъ.

Въдругъ тоежь утро при выступленіи объявленъ отьцу моему посланнымъ отъ генерала приказомъ арестъ и тутъ ему въ городе остатца что и зделано, сей ударъ былъ мнѣ весьма чувствительнымъ, а болшь что мнѣ съ нымъ растатца, не зная сему никакой притчины, полкъ нашъ и я с полкомъ помаршировали, а кварталы наши какъ сказиваютъ еще далеко и что разве седмымъ днемъ туда поспѣтъ будетъ можно, сътревожило меня ето дѣло чрезвычайно я сталъ майора своего просить, чтобъ меня уволнить обратно и быть у отца несколько дней покудова увыжу, что съ нымъ воспослѣдуетъ далѣ, майоръ меня уволнилъ.

Я возвратясь назадъ въ городъ Шартингъ лишь только что приехалъ выжу, что батюшку моего хотятъ возить назадъ еще мыли три въ замокъ называемы Сумъ.

Главннкомандующій арміею принцъ Карлъ поехалъ въ Виену ко двору, а препоручилъ армію фелтмаршалу графу Бадяны, коего и квартера въ томъ замке Сумъ быть назначена.

Отца моего туда привезши поставленъ под караулъ возлѣ хаубтъвахта, и приставлѣны два часовыхъ, тутъ содержался онъ недели две и я при немъ былъ безьотлучно.

После сего стали над нымъ производить слѣдствие и такихъ делъ отъ него спрашивать, чего онъ и во снѣ не снивалъ, будто онъ подьгаваривалъ салдаты, чтобы о недоимочномъ жалованіи бунтовались и чтобы оставляли службу і бежалыбъ.

На сіи запросы батюшка мой отвечалъ чисто я доказивалъ, что онъ о такой продерзости не токмо не знаетъ, но никогда ничего чтобъ салдати имѣлы какое въ недоимочномъ жалованіи неудовольствие отъ ныхъ не слыхалъ, да и такое ихъ жалованые пропасть не можетъ какъ уже оны то и получили, а конечно де говорилъ батюшка

мой такое дѣло на него от каво выбудъ по злобе нанесено (какъ о семъ ниже въ своемъ мѣстѣ изъяснено будетъ).

Сии допроси и что на оныя батюшка мой отвѣчалъ представлено отъсуда къ фельдмаршалу, но потомъ поступлено съ батюшкой моимъ, еще строжае, заковалы его въ железа: хотя то тамъ въ царской службѣ и есть въ обычай, что почти за безделицу скуютъ афицера въ железа и посадютъ подъ арестъ къ профосу, но однако какъ такая строгость надъ отцомъ моимъ воспослѣдовала, не зная челоуекъ за собою никакой выности, то конечно досадно.

Фельдмаршалъ приказалъ то учинить потому, что считая конечно батюшка мой въ вынѣ своей не хочетъ признатца, и чтобы его такую строгостию принудить, и велѣлъ вѣновь вопросни пункта учинить и по онымъ его спрашивать.

По сему повелѣнью какъ присутствующіе собрались и велѣлы батюшку моего такъ въ железахъ привести туда, и потомъ стали его спрашивать не токмо, что о томъ преждемъ, но еще с прибавкою новыхъ пунктовъ, қаторіе ему наперіодъ всѣ прочлы, а затѣмъ по каждому порознь спрашивать стали, на что батюшка мой объявилъ, что онъ таперъ ни на что отвѣчать не можетъ яко некоторые ево дела, кои онъ имѣеть къ своему оправданью, остались при полку въ его экипаже и просить времени недели на две, покудова онъ туда въ полкъ отъ себя пошлѣтъ нарочного и подлежащія дела ему отътуда принесть, и чтобы ему съ тѣхъ запросныхъ пунктовъ дали копыю, а по выходе двухъ недель онъ самъ въ свое оправдание отвѣтъ представить имѣеть.

На сие объявление презесъ того слѣдствія и оберъ аудиторъ встали съ своего мѣста и велѣлы батюшки моему вытить въ другую горницу, оны посовѣтовалы между собою и пошлы оба къ фельдмаршалу о томъ доложить.

Мало спустя потомъ возвратились, и батюшку моего опять въ присутствие призвалы объявивъ ему, что господинъ фельдмаршалъ по его прозбе велѣлъ срокъ на две недели отложить и копыю съ вопросныхъ пунктовъ дать приказалъ.

Батюшка мой, долуча такую копию, отведенъ былъ по преждемъ въ свое место, куда пришедъ сказиваетъ мнѣ и подаетъ тѣ пункта по немецки писание, я ему оныя читалъ и перевелъ на сербски.

Того же дня отъправляетъ меня батюшка въ полкъ и пишеть къ майору и къ протчимъ афицерамъ, приложя и ту копыю съ вопросныхъ его пунктовъ, просить майора и афицеровъ, чтобы ему при-

славы атестать о службѣ, такожь свидѣтельство, что онъ по тѣмъ запроснымъ пунктамъ винымъ не состоитъ.

Я тотъ часъ отправился въ дарогу съ аднымъ толко слугою верхамы, дня два ехалъ я Баваріею а потомъ вошелъ въ оберъ-Фалцъ и поспѣлъ въ полкъ въ шесть дней, меня какъ скоро наши увидѣлы, всякъ скоряе желалъ со мною говорить и спрашиваютъ, что я какъ съ батюшкою моимъ зделалось, я майору моему явившысь подаю ему и къ протчимъ до кого слѣдовало привезенные мною писма съ объявленіемъ обо всемъ, сколько мнѣ по тому делу было сведомо.

Майоръ собралъ всѣхъ афицеровъ, читалы тѣ присланные запроектныя пункта, сожалѣлы о невинности и страданіи батюшки моего, стали писать атестать и свидѣтельство с такимъ выраженіемъ, что естли кто нибудь доказать можетъ, чтобы въ такомъ деле капитанъ Пищевичъ, въ каковомъ на его донесено, былъ чемъ либо выненъ, то оны всѣ подвергаютъ себя штрафу и ручаютца за то своею честию, а то де не иное что какъ конечно отъ какихъ нибудь злоумышлѣнниковъ на него донесено съ неправдою, и онде потому напрасно страдаетъ.

Сие свидѣтельство и атестать о службѣ подписали майоръ и всѣ афицеры, о кроме двухъ капитановъ немцовъ, кои недавно въ томже походѣ были толко на время въ полкъ причислѣны, оны съ зачала вступления тотъчасъ хотѣлы быть въ полку старшими капитанамы и непрестано съ батюшкою моимъ о томъ споръ имѣлы, тѣ оба капитана при подписке того свидѣтельства и атестата руки своей къ подписке приложить не хотѣлы, изъвыняя себя что оны недавно къ полку причислѣны и другой націи люде, а ктому по новости де нашей не знаемъ еще въ точность его состояныя и для того де подписать того свидѣтельства и атестата не можемъ.

Таковъ поступокъ сихъ двухъ капитановъ и подалъ притчину объ ныхъ сумнѣватца, всѣ афицеры тутъ зашумѣлы и стали обеихъ тѣхъ укариать и улычать, что де конечно вы тѣ самые, кои нашего товариша оболгали и чрезъ васъ де онъ страдаетъ, когда вы подписатца с нами вообще не хотите, такое дело тутъ произошло было что едва майоръ утолыть могъ, на тожь время какъ салдати о такой подписке свидѣтельства услышали, то почти вся батюшкина рота, какъ она тамо въ близосты на квартирахъ была, прибежала и доложила о себе майору что прозбу имѣютъ, майоръ съ афицерами самъ къ нымъ вышелъ, оны всѣ стали говорить и просить: какъ де мы слышимъ, что нашъ господинъ капитанъ страдаетъ и терпытъ арестъ невыно, а мы его

любя и почитая скорбѣмъ по нѣмъ, и мы де безъ его какъ овцы безъ пастыря печалымся, что ево здесь пред нами нѣтъ, то и просимъ всѣ вообще дабы отъ стороны нашей салдатской прозбу на писме принять и представить, ибо де мы безъ его весь свой куражъ тѣряемъ, а онъ де страдаетъ напрасно и мы всѣ жизнью нашею за него ручаемся, что онъ ни вчомъ невыненъ и того ничего не было что на его донесено.

Майоръ я велѣлъ принять на писме ту выраженую отъ ныхъ прозбу и засвидетельствовать отъ той роты афицерамы, а кой были ундеръ-афицеры я капралы грамотные а некоторые и редовые, то тѣ самы за себя подписались, и тако совершивши все сие, зделалъ майоръ особливое еще отъ себя къ фелтмаршалу представленные, отправили меня обратно.

Взялъ я свою тутъ поспешно тоужъ прежднѣю дорогою и прибылъ къ тому замку, где фелтмаршалская квартаера была, но ужъ не засталъ тамо никаво, фелтмаршалъ прешолъ въ сторону своею квартаерою въ другой господской домъ, кой былъ весьма огроменъ и украшенъ великолѣпно, назывался Санктъ-Мартинъ, я неупуская времени хотя и весьма было холодно и снега, и морозы великие, однакъ поспешалъ и другимъ днемъ туда прибылъ.

Батюшка мой какъ меня увидѣлъ обьрадовался, тогожъ дня и срокъ двунедели что отъ слѣдственной камыси было отложено минулъ, батюшка мой распечатавъ писми увидѣлъ всио то чего желалъ, я ему пресказиваю что майоръ нашъ особливое еще писмо къ фелтмаршалу писалъ, и о протчемъ также пресказалъ, что при подписке свидительства отъ техъ двухъ капитановъ произошло и какъ всѣ афицеры мало съ ними не подрались.

На завтрешны день рано посилаетъ меня батюшка мой къ оберъ аудиторю обьявить, что онъ свои дела къ отчиске своей уже имѣетъ въ готовности и что желаетъ, дабы оныя отъ него были приняты, почему оберъ аудиторъ тотъ часъ пошолъ къ фелтмаршалу доложить а я тѣмъ временемъ зашолъ въ трактиръ и дождался тамо адинатцать часовъ, потомъ пашолъ къ фелтмаршалу чтобы ему отдать своеоручно то пиомо, каторое къ нему майоръ писалъ, а притомъ какъ мнѣ батюшка приказалъ просить отъ стороны своей по пристоинству о освобожденіи отца своего.

Вошедъ я во дворъ фелтмаршалски спросилъ стоящихъ у воротъ часовыхъ куда наверхъ ходють, анъ указали мнѣ болшую лестницу и ту сторону куда итять надобно, вошолъ я въ болшой залъ,

тамъ были ординарци и слуги, тѣ показали мнѣ двери дагь итуть ежелы мнѣ надобно, я по тѣмъ словамъ пошолъ ирямо чрезъ два шкоча и остановылся тамо предъ спалнѣю, у койей были адна половина дверей несколько отворены.

Фелтмаршалъ какъ прохаживалъ по покою, то чрезъ отворение двери меня увидѣлъ и позвалъ къ себе, онъ еще меня не зналъ, а также и я съ нымъ никогда прежде не говорилъ, я подошедъ възалъ его руку поцеловалъ, подаю письмо майорское, онъ сталъ распечатывать, а я оборота голову увидѣлъ на каначею сидитъ графиня фелтмаршала, о которой я прежде слышилъ но не видалъ, держала она въ рукахъ некое дамское рукоделые—показалось мнѣ что кошелиокъ вяжетъ, я подошедъ къ ней и также руку поцеловалъ, а потомъ сталъ противъ фелтмаршала, графиня на меня прилѣжно смотрела однакъ ничего неговорила, между тѣмъ фелтмаршалъ письмо прочелъ и говорить ко мнѣ: кто вы таковъ и какое ваше дело, я отвечалъ что я адютантъ ландь-мылицкаго подунайскаго полка, и что я сынъ того несчастнаго капитана Пищевича, которой здесь въ железахъ подъ арестомъ содржитца, и выговоря сие припалъ къ нему, сталъ просить о освобожденіи отца моего, причемъ и прослезился.

Я толко что свою прозбу представылъ, какъ вдругъ графиня стала къ фелтмаршалу говорить: ахъ Боже мой какъ сего молодчика слезы и нѣжная его прозба меня тронуло, зделай мылость надъ нимъ беднымъ и утешь его; я услышивъ отъ графини такой отъзывъ падошолъ скорде къ ней и поцеловалъ руку, сталъ ее просить предъставляя отца своего невынѣность и что онъ обнесень отъ злоковарныхъ и ненавистныхъ людей, и носить такое несчастые по напрасву, графиня отвечаетъ мнѣ насмеявшись: будъ надеженъ что фелтмаршалъ вамъ зделаетъ справедливость, а я буду твой стряпчей.

Потомъ фелтмаршалъ сталъ меня спрашивать где я учился и давномъ служу, на сие я отвечалъ что стараниемъ отца моего учился въ Виенѣ и в другихъ городахъ, а таперъ говорилъ я какъ отецъ мой пошолъ въ сей походъ, то для практики и чтобъ повидеть оветъ и чужие края, а при томъ по нашей природе, чтобъ и въ военныхъ действияхъ въ моихъ еще молодыхъ летахъ приобрести привычку, възалъ онъ меня съ собою и былъ съперва волонтеромъ, а потомъ что при главномъ смотре г-мъ оберъ кригсъ камысаромъ фонъ Клейномъ произведенъ въ сей чинъ.

Послѣ сихъ разговоровъ говорить мнѣ фелтмаршалъ, я де приказалъ оберъ аудитору, чтобъ онъ дело отца твоего принесъ ко мнѣ,

а вы будете спокоенъ, отцу де твоему все то вделаетца, что по справедливости надлежитъ, и с тѣмъ меня отпустыль, я поклоняюся фелтъмаршалу и графинѣ, повторяя при томъ мою прозбу, пашолъ прочь.

Скоро я вышолъ изъ квартиры фелтъмаршалской, зашолъ къ оберъ-аудитору пресказываю ему, что фелтъмаршалъ сказалъ, на что онъ говорить поежайте вы скоряе и принесите все дѣла отца вашего, какіе онъ представить къ своему оправданію имѣеть, сюда ко мнѣ, мнѣ де уже о томъ приказано чтобъ въ часу четвертомъ после полудень поднести на разсмотрение.

Я после того скоряе поскакалъ обратно къ батюшке моему (а было то место небольшая деревня, где онъ содержался разстояніемъ отъ туда за маленькіе польмыли), сказавъ ему обо всемъ и забравши все дѣла отънесъ оныя къ оберъ-аудитору, онъ принявши все то сталъ читать (а оныя были въ полку сочинѣны полковымъ квартирмейстромъ по немецки) и говорить оберъ-аудиторъ, добро вы имѣите до завтра терпение, я де севодни понесу все и представляю фелтъмаршалу, съ сѣмъ я и уехалъ назадъ.

Утрении день въ десеть часовъ поехалъ я къ оберъ-аудитору, онъ меня встрѣтылъ видомъ приятнымъ и говорить: пойдите таперъ вы къ господину фелтъмаршалу, онъ вамъ скажетъ резолюцію.

Я поспешилъ скоро туда и войдя по прежднѣму въ залъ и далѣ въ другіе пакои, фелтъмаршалъ меня увидѣлъ и позвалъ къ себе въ спальню, тамъ и графиня была, я имъ обимъ поклонился и сталъ, фелтъмаршалъ подошедъ ко мнѣ положылъ свою руку на мое плечо говорить: пайди скажи твоему отцу что онъ севодни будетъ выпущенъ, а графиня также тутъ сказала, видишь я де тебы вчера съговорила, что я твой стряпчи буду, таперъ спокоенъ лы ты, я поблагодаря за высокую мылость поклоняся поцеловалъ обимъ руку, вышолъ отътуда сѣвъ на лошадь, повхалъ скоро къ батюшке моему; онъ какъ меня чрезъ окошко увидѣлъ что я на лошади скачу, догадался что конечне весты будутъ приятне, вышелъ къ дверямъ встречаетъ меня и говорить что естлы мылость, я отвечаю ему: слава Богу дело кончено и вы севодня будете выпущены.

Съпустя часа полтора едетъ фелтъмаршалски флигель-адютантъ, несетъ батюшки моего саблю и объявляетъ ему освобождение исподъ ареста, тутже при нѣмъ съ батюшки и железа снялы.

Мы тотъ часъ убрамы свои экипажъ въ каласку и верховыхъ лошадей посадамы, коихъ батюшка мой при себе на другомъ дворе содержалъ, подаривъ караульныхъ переехалы къ фелтъмаршалской

квартире въ состоящій тамо трактеръ, тамъ особливую горницу взяли и велѣлы казину дать намъ покушать.

После полдня под вечеръ пашолъ батюшка мой и я съ нимъ къ оберъ аудитору, поблагодаря ему за ево оказанъную помощь и трудъ, и на томъ тотъ день прошолъ.

По утру въ обыкновенное время убравшись мы въ свои новые мундиры пашли къ фелтмаршалу, я ужъ тутъ былъ батюшки моему провожатимъ, шолъ я предъ нимъ показывая куда итти надобно, и вошедъ въ залъ и далѣ, тамъ былъ адинъ лакей сидѣлъ у окошка, коего мы попросили чтобъ об насъ доложилъ, онъ то зделалъ и насъ въ спадню въпустилы.

Батюшка мой по немецки не могъ чисто говорить, для чего представляя фелтмаршалу свою благодарность за выпускъ исподъ ареста и говорилъ о своей невинности своимъ природнымъ сербскимъ языкомъ, я ужъ тутъ служылъ переводчикомъ и изяснялъ всю то, что батюшка мой говорилъ.

На сіи слова фелтмаршалъ видъ даволно приятни показалъ, даетъ батюшки моему въ руку запечатаной конвертъ на имя нашего корпусного генерала барона фонъ Перьклау, сказиваетъ при томъ что де я ето пишу къ генералу объ васъ, что вы исподъ ареста освобождены, и что выности никакой неподвержены, и чтобы по прежднѣму командованные роты вамъ принять, тотъ конвертъ батюшка мой принялъ и сталъ говорить, зделайте ваше сиятельство надо мною еще адну мылость, скажите мнѣ за что я былъ подъ арестомъ и кто меня обънесъ, я будучи говорилъ батюшка мой столъ долгое время въ службѣ, никогда небылъ ни в какихъ порокахъ и служылъ всегда честно и верно, а таперъ подъ такимъ стидомъ и петномъ чтобъ остатца, считаю то за велькую себя обыду.

Фелтмаршалъ выслушалъ чрезъ мой переводъ сіи слова осмехнулся говорить: слушай оставте вы то требовать, честь де ваша ни мало тѣмъ что вы претепѣлы неможеть вредима быть, а человекъ всякъ подъверженъ претерпѣвать и сносить зло и добро, и с тѣмъ остантесъ вы с покоемъ.

Батюшки моему за симъ болѣе не оставалось чего говорить, поклонился поблагодаря и графинѣ поцеловавъ ей руку, пошлы готовитца къ своему отъезду.

У насъ какъ всю было готово, то по утру поехали въ свою путь къ полку, но первее надобно было заехать къ корпусному генералу, чтобы подать тотъ фелтмаршалски конвертъ и объявить о себе

батьюшки что онъ выпущенъ, для чего и взяли мы дарогу чрезъ прежній городъ Шартингъ, было то немного въ сторону, куда приехавъ остановились въ трактире где и преночевали, а генераль былъ еще далѣ въ городе Пасау.

Какъ можетъ быть что ужъ не доведетъ судьбина богве въ сей землѣ бывать, то между прочимъ не хачу пропустить, чтобъ о семъ городе Шартинге не упомянуть, его положение состоитъ на плоскомъ мѣстѣ близъ реки Дуная съ полуденной стороны, городъ самъ собою не очень великъ но довольно хорошъ, а строение все каменное и дома этажа въ два и въ три есть, и купечества имеетъ довольно.

Мы изъ Шартинга по утру рано выехали и продолжали свою путь онегами великими и с трудностію до города Пасау, куда приехавши явились корпусному нашему генералу; батьюшка мой объявляетъ ему, что онъ исподъ ареста освобожденъ и подаетъ конвертъ фелтъмаршалски, генераль принявъ оной распечаталъ, и читалъ, показывая при томъ ласковой намъ приомъ, говорить что онъ много тому радъ о оказаной батьюшки моему фелтъмаршалской милости, и что сожалѣтъ о его понесеномъ аресте, и приказываетъ своему секретарю писать по силѣ фелтъмаршалскаго повелѣнія къ нашему маіору ордеръ.

Батьюшка мой началъ говорить, представляя ему какъ онъ считаетъ то за великую себя обиду, что напрасно терпѣлъ арестъ, и что сле конечно на него нанесено злоковарными людьми, и какъ онъ не сумнѣваетца чтобъ о тѣхъ людяхъ его превосходительство не зналъ, то и проситъ чтобъ учинить великую милость объявить ему чтобы оны таковы были, (у генерала былъ переводчикъ которой съ сербскаго языка переводилъ, потому что все сербские ландмилицкие полки въ походе находящиеся состоялы у него въ каманде, и безъ такова переводчика обойтца было никакъ нельзя, каторой и тогда что батьюшка мой говорилъ, генералу переводилъ, а я на то время стоялъ слушалъ что говорятъ).

Генераль отвѣчаетъ, что ето де правда, я хоть и знаю о томъ и могъ бы тебы объявить, но зная васъ Сербовъ и ты захочешъ за то отмстытъ, такъ или убыешъ или срубышъ человека, чрезъ что можешъ еще болшъ несчастья на себя навѣсть и тако лучше будетъ говорить генераль, что ни ти о томъ спрашивай ни я буду сказывать, а бросаю де то дѣло въ забвение; послѣ того какъ болѣе делать было нѣчего, то отклонясь у генерала пашлы въ трактиръ, где еще и в слѣдующую ночь преночевали, и завтрешни еще день пробуды,

хадилы по городу и были въ лавкахъ и скупалы кое чего что мамъ надобно было.

Городъ сей Пасау есть великъ даволно, лежитъ между двумя реками въ вылахъ, съ правой стороны онаго течеть река Дунай, а слевой река Ина, и обе тѣ реки имѣють чрезъ себя мосты на судахъ по берегамъ къ средине города, сіи обе реки соединяютца ниже города вмѣстѣ и ужь Ина тѣрлетъ на томъ устьѣ свое имя, а пошолъ далѣ Дунай и течеть на востокъ, городъ хорошъ, народенъ, дома всѣ каменные, улицы чистые и купечества доволно за рекоюшъ пошли превеликіе каменистые горы и другая уже земля называемая оберъ-Фалцъ что выше я говорилъ, и где полкъ нашъ свой квартиры имѣеть.

На другой день оставилы мы сей городъ и землю Баварію поехали оберъ-Фалцомъ къ полку, путь наша была очень трудна, что горы и леса великіе, то бы еще въ такое зимнѣе время сносно было если бы где порядочно было заехать и преночевать, а то села такіе беднѣе и народъ скуденъ, избы всѣ черныя и нечисто, что на некоторыхъ мѣстахъ и вовсе туда войти было невозможно, чрезъ что принуждены были ехать съ прибавкою дагѣ и изискивать, гдебы чрезъ ночь подклонитца могли, а хлебъ у тѣхъ бедныхъ людей весьма неприятенъ и челоуѣку непривичну вовсе есть и в пищу употребить не можно, въ немъ смешано весьма малая часть рожы а къ оной прибавлено овесъ, горохъ, и бобы болшіе, и всѣ то вмѣстѣ смолото и хлебъ спеченъ, котораго оны очень велика делаютъ и покудова теждой, то еще несколько будто есть можно до и то намазавши масломъ, коего а также и мясо имѣють достаточно способомъ горъ и лесистыхъ мѣсть, где скотъ водить могутъ.

На противже того где въ той землѣ города и местечки состоятъ, хоть оныя не весьма часто лежать, но ужь тамо и строение хорошее и всякая выгода проежему можетъ быть, и всио достать, хоть слышломъ дорого да есть, кроме одного вина итъ и того не спрашивай, а веселысь хорошимъ пивомъ, и таимъ образомъ по той трудной дароге едва мы двенатцатымъ днемъ къ полку прибыли.

Тотже самой день нашего приезда было у майора собрание и случилысь всѣ офицеры тамо при штабъквартиры, какъ скоро увидѣлы что мы приехали тотчасъ пришли и всѣ рады, целуютъ батюшку моего сожалѣя о его страданіи, и стѣмъ всѣ пашли вмѣстѣ къ майору, онъ также весьма радъ былъ что батюшка освободился, батюшка мой поблагодаря майору и всѣмъ офицерамъ за присланой ате-статъ и свидѣтельство, причѣмъ зачалъ говорить, что де я даволно при-

метыгъ могъ изъ словъ господина фелдмаршала, а также и нашего корпуснога генерала что между нами въ полку есть злоковарные люди, кои по ненависты меня обнеслы и я безъвынно страдалъ, хотя де сие говорилъ батюшка мой и не можетъ меня безъчестнымъ учинить что я претерпѣлъ, яко не по винѣ моей и напрасно, однако пропустить такъ не могу, чтобы о семъ при собраніи таперь не объяснить, хотя тѣ злоковарные люди и не вышли на публику, но однако—рано или поздно не оставлю доказать тѣмъ какъ честь моя мнѣ дорога, на сіи слова всѣ афицеры тоже повторялы, при чемъ я тѣ два капитаны были, кои послѣ сего всячески старалысь завести дружбу съ моимъ батюшкою, и видя напоследокъ что имъ тутъ места нѣтъ, препросились въ другіе полки куда и преведены.

Афицеры на другой день всѣ разехалысь, также и батюшка мой поехалъ къ своей ротѣ, где и квартера ему уже готова была, я ево туда проводылъ, а на треты день возвратыся къ майору въ штапъ квартеру къ своей должности, а помынованіи несколькихъ дней приехалъ ко мнѣ нашего полка капитанъ Антоновичъ, какъ онъ былъ со мною очень друженъ, просить онъ меня чтобы я съ нимъ на ево квартеру поехалъ и тамбы у него чрезъ всю зиму и стаятъ, яко отъ штапъ квартеры онъ всего разстоянемъ съ польмыли состоялъ, я на сию прозбу согласился, просилъ майора о увольненіи, на что получа дозволенные, но съ тѣмъ чтобы для сочинения семыдневныхъ рапортовъ приехать всякой суботы въ штапъ, и тако я съ моимъ другомъ капитаномъ Антоновичемъ поехалъ, онъ стаялъ квартерою въ одномъ селѣ прозиваемомъ Мылдахъ въ доме у барона Шенбрунъ, домъ весьма изрядной каменной и обширенъ довольно, на хорошемъ местѣ надъ рекою называемою Регнъ, мы скоро вошли въ пакой где баронъ съ женою насъ встретила ласкаво, а капитанъ Антоновичъ сталъ говорить (онъ немного нонемецки говоритъ разумѣлъ): вотде господинъ баронъ мой братъ, о коемъ я вамъ много кратъ пресказовалъ и вы его выдѣтъ желалы, потомъ оборотыся къ баронесе говорить, ви де судариня великая охотница къ танцамъ а братде мой тоже, такъ таперь сошлася пара.

Мнѣ отведена особливая комната возлѣ моего друга, а тутже близости чрезъ сенци толко и баронъ съ женою спалню свою имѣлы, потомъ я съ ними скоро познакомыся и такъ что стады меня обою отмено любить.

Мы чрезъ всю зыму проводилы время весело въ танцахъ и въ машкарадахъ, хазяинъ собыралъ къ себе часто своихъ сосѣдовъ, и

свойственныковъ, а также и мы къ нимъ въ гости ездили и такими забавами чрезъ всю зиму время проводили.

Ездили мы иногда верхамы въ полѣ на охоту, а баронеса за нами на санихъ и нигде отъ насъ отстать не хотѣла, у насъ также въ соседстве былъ городокъ небольшой називался Камъ, мы и туда на санихъ по тамошнѣму обычаю зимою с колоколчиками для прогулки иногда ежали.

Въ одинъ день хатѣль я ехать къ своему майору отклонясь у барона и у баронеси обещавъ имъ, что тогоже дня въ вечеру возвратыцца назадъ, съ тѣмъ пашолъ въ низъ где уже и моя верхова лошадь была подведена (у меня была еще и другая верховая лошадь отмено доброежа), я тогда на ее селъ и поворотылъ, хотѣль было здѣлать баронеси удовольствие, какъ она на окошке стояла и глядѣла, чтобъ пропарадировать, а тотъ день на дворе было очень сколко, я несмотря на то (какъ обыкновенно молодые люди ни что при такихъ случаяхъ не уважають) тронулъ свою лошадь немного шпорою, она стала передними ногами подниматца зделала разъ и другой небольшие по привычке курбеты, а на тотъ часъ сколзнула задними ногами и повалылась со мною бокомъ на землю, и придавило мнѣ стремя ногу такъ болно, что меня на силу поднялы и почти на рукахъ люди на верхъ понесли, я отъ сего испужался очень что нога крепко распухла, для чего послалы скоряе за нашимъ лекаремъ, онъ приехалъ и сталъ делать припарки и спиртомъ мазать, хотъ то посабыло мнѣ много однакъ болшъ недели еще храмалъ, а пуще досадно было что долго танцовать немогъ.

Наше таково увеселение прекратилось скоро и время таково прошло какъ одинъ день, и мы я стоварищемъ моимъ принуждены съ нашими хазяиномъ и съ хазяйкою проститца и ужъ на веки разлуку отъ нихъ понестъ съ собою, ибо время тогожъ 1745-го года уже къ веснѣ приближилось, а армия наша чрезъ ту зиму къ военному действию дѣлала свои приуготовленія, о чемъ и в корпусе нашемъ повелѣние было, чтобы вси состояло къ выступленю въ готовности, яко съ Французами а также и съ новымъ цесаремъ курфирстомъ баварскимъ Карломъ седмымъ еще мыра небыло, каторой изъ своей земли уклонился и жилъ въ Франкфуртѣ съ самага того времени, какъ онъ тамо коновался, и былъ нашей королѣвы Маріи Терезіи вовсѣмъ противень, чрезъ что наиболше и война сия произошла, онбы можетъ быть на то самъ собою не отважился, еслибы его Французы къ тому невозбуждали и помочь свою дали, а дабы Марія Терезія удержатъ въ на-

омѣдстве свое право и слѣдуемою по отце своемъ Карле шестомъ цесарскою короною овладѣть, то и было ее о томъ намеренныя чтобы еще далѣе противъ учинившагося цесаремъ Карла седмого въ его баварскомъ курфирствѣ и противъ Французовъ продолжать войну, къ чему и для командованья арміею уже было пришолъ супругъ королевны Маріи Терезіи велики герцогъ тошкански Францискъ первы, каторой вступивши къ реке Рейну предпринялъ противъ Французовъ военныя дѣйствія, однако все сие прекратилось тѣмъ, что новы цесаръ Карлъ седмы тамо въ Франкфортѣ тогожь 1745-го годе скончался, а на его место владетельнымъ въ курфирствѣ баварскомъ герцогомъ вступилъ его наследникъ Максимилианъ Юзефъ, каторой выдѣ свою державу курфирство Баварское чрезъ происходившую сколко лѣтъ войну уже почти все разорено, а дабы и вовсе народъ и землю свою въ погибель не подвергнуть, то и пожелалъ могущпе еще быть худіе слѣдствія чтобы утлыть и прекратыть, прибѣгъ онъ съ прозбою къ королевны Маріи Терезіи и подвергаетъ себя въ покровытелство, отстуетъ отъ всего того что отецъ его было предпринялъ, и полагаетъ свой голосъ на выборъ цесарской короны на супруга королевны Маріи Терезіи великаго герцога тошканскаго и лутрингскаго Франциска перваго, и потому уже всѣ военныя дѣйствія въ ево землѣ оставлѣны и учинѣны съ нимъ миръ, а Французи хотя еще воевать не преставалы однако напоследокъ и оны успокоилысь, осталось толко (окроме что въ Италіи противъ Гишпанцовъ) еще съ королѣмъ прускимъ Фридерикомъ вторымъ каторой противъ Маріи Терезіи съ великимъ числомъ своей арміи было въ Бохемью вошолъ и уже столычнн той земли городъ Прагу взялъ чрезъ что с нимъ были великыя и кровопролитныя въ Слезіи баталіи, по какимъ обстоятелствамъ требовало тогда надобность чтобы войски наши состоящія въ Баваріи поспешалы туда противъ Прусака, для чего и было велѣно нашимъ ландъмылицскимъ полкамъ чтобы въ мае месяце изъ своихъ винтеръ кварталъ выступыть. *

Мы по сему повелѣнью въ томже мае месяце выступыли и толко что оберъ Фалцъ прошли и вступыли въ Баварию и мысляли маршъ свои продолжать въ Бохемью, но вдругъ получили повелѣнныя

* Я уже здѣсь прекращаю что далѣе происходило яко сие есть особливая исторія, а стаю говорить о самъ себе и о полкахъ нашихъ, что съ ними восслѣдовало и какая онымъ реформа учинѣна, ктоже, о той бывшей съ Французами и съ Баварцами войнѣ обстоятелно ведать желаетъ, тотъ можетъ удовольствіе свое илучить въ универсалной о Германіи исторіи.

чтобы нашимъ полкамъ маршировать къ своимъ границамъ въ Славонию.

Сему повелѣнію всѣ наши были рады и пошли полки въ рознь по поданнымъ маршрутамъ къ Австріи прямо, нашижъ марши отъ зачала выступленіемъ изъ кварталъ продолжались весьма худою погодою, провожали насъ ежеденные и непрестанные дожди, и такую распутицею вошли въ Австрію; примечать было въ семь марше чего достопамятного время и худая погода того не позволяла, я ежеденно при полку на марше будучи весь отъ дожда мокръ, радъ и тому былъ когда толко могъ чрезъ ночь плащъ посушить и часть другой заснуть и отъпочинуть, и такую дорогою вступили мы въ Венгрію, и прошедъ оную уже въ іюль мѣсече вошли въ нижнюю Славонию.

Полкъ нашъ со всѣми ротамы маршировалъ весь вмѣстѣ еще несколько дней, а потомъ на марше разпущены роты всякая въ свои жилищи, где каму ближе и опособиѣ дорога быма.

Меня уволялъ майоръ на несколько дней съ отцомъ паехать дамой, и велѣлъ патомъ къ себе приехать, мы вступивши въ свои жилищи слышимъ поговорку между людьми, что наша ландмылиця такожь и всѣ другіе будутъ раскасированы и зделаютца изъ того же народа новые поселеныя регулярніе полки, хотя сямъ слышамъ мы сперва верить не хотѣлы, однакъ наослѣдокъ зделалось точно такъ.

Я поехалъ съ отцомъ моимъ къ нашему майору а отъелъ къ полковому настоящему командиру подполковнику Секулы Витковичу (дяди моему о коемъ еще съперва я упомыналъ), мы тамъ будучи узналы о томъ точно, что всѣ ландмылицкіе Сербскіе полки будутъ касированы, а вместо оныхъ изъ тогоже народа учреждены будутъ регулярніе поселеныя полки, и что для такова учреждения уже назначена отъ двора камысія.

У насъ того года остальные мѣсечи и зима прошла еще безъ никакова по той камысіи зачала.

А въ слѣдующій 1746-и годъ на веснѣ приехалъ означеной отъ двора для такова учреждения камысаромъ генералъ фелтмаршалъ лейтнантъ баронъ фонъ Ангелсъхофенъ въ Славонию и взялъ свою квартиру въ крепосты Петроварадине, куда и всѣмъ штапъ и оберъ офицерамъ нашего подунайскаго полка собратца велѣно.

При томъ собраніи генералъ камысаръ какъ о касированіи всѣхъ ландмылиціевъ такожь и о учрежденіи новыхъ регулярныхъ полковъ объявлялъ, и велѣлъ чрезъ секретаря преводъ на сербокомъ языкѣ съ

даннаго ему отъ императрицы королевы Маріи Терезіи * предъ всѣми читать публично, въ коемъ написано что ея величество объявляетъ всѣмъ бывшимъ какъ подунайской, такъ и прочимъ Сербскимъ ландмилициамъ отъ самаго большаго чина даже до нижняго военослужащимъ свое благоволеніе и благодарность за ихъ всегдашнюю и верную службу, съ кою ея величество всегда была даволна, а притомъ симъ повеленіемъ изъявляетъ всемыслостивѣише, что высочайшии интересъ въ молзу государства требуетъ того, дабы учредить на границе турецкой по Саве реке поселенные регулярные полки, изъ того же Сербскаго народа въ техъ местахъ живущихъ, а для такова учрежденія препоручена и возложена камысія на господина генерала фельдмаршаль лейтнанта барона фонъ Енгельсхофена обчемъ всѣмъ и всякому да будетъ известно.

Преждѣи же ландмилицији яко оными остаются во внутре земан то для того ихъ касировать, но стѣмъ однако ежели кто изъ бывшихъ ландмилицикихъ полковъ отъ солдатъ пожелаетъ въ тѣ вѣновь назначенные военные места преселитца, таковымъ безпрепятственно дозволяйтца и время даетца на три года, чтобы тѣмъ временемъ могли успѣть въ своихъ прежнихъ жилищахъ грунта и дома свои продать и прейтуть куда и въ каторіе места кто пожелаетъ, ктоже по прошедствіи трехъ летъ не перейдетъ, тотъ уже изъ нижнихъ чиновъ долженъ будетъ на томъ преждѣмъ своемъ жилище остатца въ поданстве въ казенномъ ведомстве подъ камарою Венгерскю.

После сего генеральъ объявлялъ всѣмъ офицерамъ, что ежели кто по старости летъ своихъ, а другіе по нуждамъ домашнимъ не могутъ переходить въ новые места и желаютъ отъ службы отъстать, то чтобы таковы подавали свои прошеніи, которіе будутъ къ ея величеству императрице представлены на разсмотреніе.

Междужъ тѣмъ какъ генеральъ еще въ Петербурдинѣ бавился и свои дела заготовлялъ и списки по службѣ о офицерахъ сочинялись, то всякой почти день у него было ообрание.

Ему было нужно узнавать офицеровъ, для чего самолично онъ со всякимъ кто по немецки умѣлъ, а съ другимы чрезъ переводчика го-

* Тогда уже герцогъ Тосканскіи и Лутринскіи супругъ королевы Маріи Терезіи былъ коронованъ цесаремъ Римскимъ и принялъ власть на престоле застрискомъ, и потому писалась Марія Терезіи въ титуле императрица и королева Венгеро-Бохемская.

ворилъ и спрашивалъ то и другое, дѣлалъ притомъ свои отъметки, на послѣдокъ дошло дѣло до меня, какъ я съ протчими офицерами тамо стоялъ и меня генералъ увидѣлъ, то спросилъ кто я таковъ и какой фамиліи, на что отвѣчалъ ему дядя мой тогда бывши подполковникъ Секула Витковичъ указывая на отца моего, что я его синь и состою въ полку адютантомъ и былъ въ чужихъ краяхъ и въ прошломъ французскомъ походе, а притомъ далъ говорилъ дядя мой что имѣю надежду на его господина генерала, что при нинѣшнѣй формираціи новыхъ полковъ не оставленъ буду ево милостию.

Сие генералъ выслушалъ что дядя мой ему докладывалъ съ удовольствіемъ, яко генералу по службѣ прежнихъ временъ бывшіе дела прапредковъ моихъ были известны, а также и отца моего довольно зналъ, почему и далъ знакъ своимъ ответомъ, что мнѣ можно было надѣяться и ожидать отъ него милости, какъ онъ вскоре потомъ в самомъ деле то и сдѣлалъ.

Генералъ окончивши съ дядѣю моимъ свою речъ подошелъ ко мнѣ, зачалъ меня по немецки самъ спрашивать упомыная, умѣю ли я тѣмъ языкомъ говорить, и где я учился и получа отъ меня на все свои вопросы тѣмже немецкимъ языкомъ ответы (что в то время унасть Сербовъ была редкость, кто понемецки и другимъ какимъ языкамъ говорить умѣлъ, а еще болше кто былъ учонъ другимъ математическимъ наукамъ).

Изъ сего перваго случая понравился я моему генералу, почему и приказалъ онъ, чтобы мнѣ оставатца при нѣмъ, а потомъ были часто случаи, что генералъ при свободномъ времени со мною говорилъ и продолжалъ разные запросы, кои касались иныя до науки моей а другіе до разговоровъ и обстоятелствъ по его камысіи, при чемъ такъ удачно мнѣ было, что я ему всегда по мыслямъ отвѣчать могъ, чрезъ что еще и болшь вошелъ я къ нему въ милость и приобрелъ совершенно отъ него слѣдующую къ счастью моему склонность, для чего и представилъ онъ отъ себя особливо обо мнѣ съ хорошею рекомендаціею къ ея величеству императрице Маріи Терезіи свою прозбу, и назначилъ меня въ чинъ поручика.

Потомъ какъ генералъ поехалъ во всѣ роты въ селеніи бывшей Подунайской ландъмилиціи, тогда уже и я при немъ вездѣ былъ, онъ во всякомъ военномъ мѣстѣ где роты состоялы велѣлъ собиратца всѣмъ военослужащимъ, объявляя имъ то самое вышочайшее повелѣніе что и офицерамъ скавано, изъ чего въ народѣ произошло было велики мятежь, потому что о касированіи ландъмилициевъ и что оста-

ватца въ поданстве у Венгровъ и преселятца и разорять свои дома, сочлы себя за великую обыду и нарушение ихъ привелеגיעвъ, однако напоследокъ какъ нѣчимъ инымъ таково определение было можно премѣнить, то и остальсь на томъ: * мнѣ ничто не было такъ приятно какъ то, что я съ моимъ генераломъ вездѣ ездылъ, мы проши и другіе въ Славоніи ландъмилиціи какъ Посавскую, такъ Бродскую и Градишканскую и дошли въ верхъ до границъ Кроатскихъ, осматривали по границе всѣ места, назначивали где карауламъ и главнымъ редутамъ на берегу Савы реки противъ турецкой страны быть, вымерялы чрезъ глухіе леса дистанціи, на коихъ велѣне дѣлать просеки въ длину и въ шерину для разѣздовъ, сочинялы новые планы, я при томъ деле будучи спознался съ правителѣмъ генеральской канцеляріи и с протчими чинами въ его штате состоящими, отъ коихъ приобрелъ къ себе любовь и приязнь, имѣлъ доводны случай акуратно узнать обо всемъ по той камысіи происходящемъ, дѣлалъ я на случай надобности у себя о разныхъ делахъ записки, кои мнѣ полезныя об томъ подалы сведенія.

Генералъ мой въ наступившую осень возвратившись отъ туда выбралъ себя место въ нижнѣй Славоніи въ городе Вуковаре, яко оной состоитъ о всей той страны посредине, гдѣ весь свой штатъ въместылъ, и покудова въ Славоніи камысія продолжатца будетъ, тамо и свое пребывание быть назначилъ.

А въ наступившую зиму 1747-го года какъ генералъ получилъ повелѣніе, чтобы ему ехать ко двору въ Выену, то онъ всѣхъ своихъ тамо въ городе Вуковаре оставылъ взявъ толко секретаря и адного писаря, съ коими хотелъ было и меня взять, но случай приключившійся мнѣ предъ тѣмъ воспрепятствовалъ мнѣ ехать, что въ дароги будучи лошады разбыли мою каляску на коей я седелъ и тѣмъ жестоко было руку себя повредылъ, отъ чего принужденъ после него остатца, и что генералъ въ Выенѣ (по некоторымъ важнымъ отъ Венгровъ занесенымъ къ императрице яко своей королѣвы по той

* «О семъ деле чтобы таперъ повторять и описывать какъ я что далѣ происходило, не нахожу за надобность, яко уже предъ симъ (възъ чего такое касированіе ландъмилициевъ взялось, а также и о переходе народа сербскаго въ Россію) я въ моемъ особливомъ о сербской націи сочинѣніи обстоятельно описалъ, въ каторомъ читатель мой къ сведенію свое удовольствіе имѣть можетъ».—См. статью Н. А. Попова: «Военныя поселенія Сербовъ въ Австріи и Россіи», въ Вѣстникѣ Европы за 1870 г., № 7, составленную на основаніи указываемаго С. С. Пищечемъ сочиненія его.

реформе требованьямъ о местахъ прежде бывшихъ военными, а особливо о Поморинской и Потиской ландштыицяхъ) оставался даже до будущей весны, то тѣмъ временемъ прешолъ я къ дядѣ моему подполковнику Витковичу, каторой еще находился въ Петроварадинскомъ шанце на прежнѣмъ своемъ мѣстѣ, а отецъ мой преведенъ комендантомъ на время въ городъ Карловци, что въ Сирмыи, куда со всемъ домою уже преселился и жылъ тамо безъ мала два года.

Мое намерение было чтобы отъ предстоящегоъ счастія не отставать и ползватца по моимъ тогда молодымъ летамъ тѣмъ случаемъ, каторое показовало мнѣ путь къ моему благополучию.

Я хотѣлъ ехать въ Виену къ моему генералу, но судьбына все то упредила и приуготовила мнѣ преграду такую, отъ каторой все воспослѣдовавшие мнѣ несчастія и разные приключенія моего страданія родилысь, и зачало тому отъ сего времени зделалось.

Выше сего я говорилъ, что по отъездѣ моего генерала прешолъ я къ дядѣ моему подполковнику Витковичу въ Петроварадински шанецъ, отъкуда въ скорѣ поехалъ къ отцу въ городъ Карловци, ¹¹ (яко сіи оба города разстояниемъ одинъ отъ другаго толко въ двухъ мыляхъ состоятъ) съ тѣмы мыслямы, чтобы доложить отцу о томъ своемъ намерении, что въ Виену ехать хочу, однако сие отъвело меня въ другую сторону и отецъ, а паче мать моя о той поездке моей слышити не хотѣлы, и велѣлы до приезда генеральскаго тутъ при нихъ быть.

Городъ же сей Карловци именуется общенародская столица и митрополита Сербскаго резиденция, где привелегіи народскіе и вся архива хранитца, а на то время былъ тамо выежы съ народомъ еще прежде во время цесаря Карла шестаго въ тогдашнюю съ туркамы войну въ 1737-мъ годе изъ турецкой области сербской патриархъ Арсеній Іоановичъ Шакабента, ¹² онже и четвертымъ нысая, каторой на порожую тогда митрополитскую ваканцію туда определѣнъ былъ.

¹¹ Карловци стари или дольни, по нѣм. Karlowitz, подлѣ Петроварадина на правомъ берегу Дуная, прославились въ исторіи, какъ мѣсто заключенія ширнаго договора въ 1699 г. между Австріей, Польшей, Венгріей и Россіей съ одной стороны и Турціей съ другой, по которому Австрія получила всѣ земли, составляющія такъ называемый Банатъ и часть Трансильванія. Въ тоже время Карловци стали мѣстопребываніемъ патриарха Австро-Венгерскихъ православныхъ Сербовъ вслѣдствіе перехода изъ Турціи ипекскаго патриарха Арсенія Черноевича.

¹² Арсеній Шакабентъ, послѣдній ипекскій патриархъ изъ Сербовъ, пере-

Онъ тогда какъ отецъ мой преселился въ Карловци, былъ еще живъ въ высокой уже своей старости, я къ нему часто хаживалъ и сделался ему такъ знакомъ, что онъ весьма меня полюбилъ, также и отецъ мой часто къ нему хадылъ, и онъ по своей доброй натуре былъ нашимъ визитамы весьма доволенъ и всегда за то благодарилъ.

У него же сестра родная за мужемъ за вышедшимъ съ нимъ же патриархомъ, за подковникомъ Афанасиемъ Рашковичемъ княземъ Сербскимъ (имѣвшимъ въ турецкой области свое владѣние въ землѣ называемою Стари Влахъ и городъ Нови Пазаръ что въ Расци, каторое владение онъ оставилъ и вышелъ на визывъ въ цесарскую державу).¹³

Онъ имѣлъ съ тою патриарховою сестрою детей, сына одного, каторой уже капитаномъ служилъ, да еще четыре дочери изъ коихъ старша была вышла замужъ за капитана Петра Шевича, а по нѣй осталась старшею вторая именемъ Дафина, оны приезжали всею фамилиею иногда къ патриарху въ гости, где и былъ мнѣ случай ихъ всѣхъ видѣть.

Матъ же моя имѣла съ отцомъ моимъ четырнадцатеро детей и всѣ прочіе померли, кроме что остался я да меншой братъ мой Гаврила, после каторыхъ жалостей за детмы, матъ моя стала весьма здоровьемъ своимъ слаба, для чего сердечно желала чтобы видѣть меня женатого, и потому предприняла она съ отцомъ моимъ такое намерение, чтобы понеже намерение свое исполнить, о чемъ однажды на одинъ матъ моя въ приятномъ разговорѣ зачала мнѣ говорить, отъ-

шолъ въ Австрію въ 1737 году и занялъ мѣсто Карловицкаго патриарха. Не да-
лѣе какъ за четыре года до повелѣнія о расквартированіи сербскихъ милицій, ему
подтверждены были отъ Вѣнскаго правительства всѣ привилегіи Австро-Венгер-
скихъ Сербовъ, но Мадыры потомъ настояли на подтверженіи сербскихъ военныхъ
поселеній венгерскому управленію. Арсеній Шакабентъ умеръ въ 1748 году и по-
гребенъ въ Фрушкогорскомъ монастырѣ Крушедолѣ.

¹³ Рашка, отъ рѣки того же имени, юго-восточная область средневѣковой
Боснии, съ главною крѣпостью Раза, впоследствии городъ Нови Пазаръ. Рашко-
вичи—старинная фамилія, имѣвшая нѣкогда значительныя земельныя владѣнія въ
названной области, Афанасій Рашковичъ, какъ родственникъ патриарха Арсенія
Шакабента, участвовалъ въ переговорахъ его съ австрійскими властями, получилъ
чинъ полковника и привелъ съ собою 1500 хорошо вооруженныхъ людей, какъ
сербскаго, такъ еще болѣе албанскаго происхожденія, поселившихся въ низовьяхъ
Савы подъ именемъ Клементиновъ.

кривъ мнѣ то свое желаніе, и что она намерена сватать за меня ту полковника князя Афанасія Рашковича дочь Дафину, спрашивая при томъ моего на то согласія, и говорить что де ти дѣвицу видѣлъ и что она есть фамиліи первой изъ нашего народа, а также и отецъ ее человекъ и господинъ есть великъ и можетъ во всякомъ случаѣ быть въ помощь.

Я на таково извѣстіе промолчалъ и ничего не отвѣчалъ, ибо въ то время о женидбѣ мнѣ ничево въ голову еще не входило, а толко то воображалось лошады хорошия, мундиры новіе и экипажъ офицерски, надѣясь еще и чинъ большъ получить, чемъ я тогда весьма лстился и болѣе ни о чемъ не думалъ, какъ толко о томъ одномъ и тому подобномъ.

Но что я на учинѣную мнѣ пропозицію ни чего не отвѣчалъ, то и приметила матъ моя въ томъ мое несогласіе, стала какбы повелительно мнѣ говорить, спрашивая что же ти молчишь и не отвѣчаешь на мои слова ничего, твое де молчаніе предвѣщаетъ какое ни есть несогласіе, я и на то потупивши глаза молчалъ, тутъ она ужъ заплакала укоряя меня словами, что она какъ матъ то произвестъ намерена съ доброю надеждою, и что сколъ много понесла она за дѣтми жалостей, чрезъ что и здоровыя своего лышилась, и какъ она и отецъ мой много старались о воспитаніи и о наукѣ моей, а ти де говорила она всио то презираешь неблагодарной, говорила тако мнѣ моя матушка, и не хочешь повиноватца моему желанію; я выслушавъ всѣ сіи слова, пременялась толко со стыда краска въ лицѣ моемъ и видя пред собою льющую слезы родительницу свою, каторую я паче всево на светѣ любилъ, съжалылось во мнѣ сердце мое, падошолъ я къ ней възавши руку поцеловалъ, говорю не положите въ гнѣвъ милостивая матушка моя, что я въ томъ предъ вами выновать и не далъ вамъ на запросъ вашъ тотъчасъ отвѣта и довелъ васъ тѣмъ до того, что вы оскорбылисъ и слези предо мною пролили, мнѣ сие говорилъ я не толко что чувствительно есть, но и всю кровь мою тронуло, я вамъ милостивая моя матушка, продолжалъ я къ ней мои слова, донестъ хочу и прошу выслушать, что я всѣмъ вашимъ распоряженіямъ долженъ повиноватца и ни в чемъ не прекословить, но какъ говорилъ я еще толко что изъ детскаго возраста вышолъ и женидба мнѣ по моимъ еще молодымъ летамъ ни мало не пристала и я стужусъ назватца женатымъ, а ктому что я томко зачинаю служить и чинъ у меня маленькой, сверхже того говорилъ я есть нѣчто противное и будто предвѣщаетъ мнѣ, что изъ сего намеренія напоследокъ не вы-

деть конецъ доброй*; она какъ услышала сіи последние мои слова говорить вотъ угадчикъ какой, ты ли то можешь знать что въ периодъ быть можетъ и какие пустие изговорки; поднявши она руку свою ударила меня по щеке однакъ не с гнѣвомъ, но такъ какъ мать коя дитя свое любить, и притомъ ударе еще спрашиваетъ на чомъ и какъ чтобъ я объявлялъ.

Я не зналъ болѣе что, а говорю вы матушка можете со мною дѣлать всио то что вамъ угодно, и я прекословить ни в чомъ не долженъ.

Она видно о всемъ томъ что со мною говорила презкасала отцу моему, для чего онъ завтрешни день какъ сталъ мнѣ свою проповедь говорить, возпрещая мнѣ въ томъ противитца, то и положился я на томъ быть какъ ихъ родительская воля есть.

Родители мои скоро потомъ стали делать свои приуготовленіи, хотя всио то делалось безъ дальнѣй публики и не объявляя еще ни кому своего намерения, однакъ люде примечать стали, и догадывались что такое приуготовление ни к чему болѣе какъ толко къ веселью принадлежить и что дело около меня идетъ, да на какой девыце и отъ кого въ томъ никто угадать не могъ.

Въ адинъ день слышимъ мы что у патриарха гости, приехалъ полковникъ Рапковичъ со всею фамилею, мы на другой день, отецъ мой и мать моя и я съ ними, паехали туда въ патриарши дворъ, где и квартера для полковника съ фамилиею на другой половине была отъведена: учинили имъ нашъ визитъ, коимъ оны были очень довольны, принялы насъ ласково, я при семъ случаи познакомылся съ синомъ полковничимъ капитаномъ, каторой думаю былъ десетмы летамы меня старее, но еще не женатъ, хотя прежде я съ нимъ и виделся, да знакомство дальнего между нами не было, такъ ужъ тутъ мы какъ сошлысь учинились познакомее, поцеловались адинъ съ другимъ, разговаривалы и прохажывалы по покаямъ, хадылы и туда къ патриарху на его половину, онъ насъ принялъ ласково, подчивалъ фрѹктами и конфектамы, а патомъ пашли опять въ собрание.

Я съ моею назначеною невестою виделся, но ничево обое одно съ другимъ не говорили, адно по тому сие я оставылъ что въ тог-

* Въ самомъ деле збылося такъ, что скоро мать моя скончалась и не дождалась видетъ совершено того своего желанія, а друго ужасное со мною приключеніе и горкая смерть моей супруги (что во второй часты сего сочинѣнія).

дашнѣ время весмабы то было обычаю противно, когда съ девыцею хотелбы кто разговорамы обьходитца волно, хотябы еще я и могъ ту смелость на себя вѣзять, какъ я съ братомъ ее прохаживалъ, чтобъ подоитить и спросить о здаровыи, тѣмъ оказатъ ей мое почтенье, где и бымби случай съ нею слово и другое поговорить, но сие не отважился я учинить по тому, дабы при первомъ случаи не податъ старикамъ притчины помыслить о себе какова либо неудовольствія, однакъ при всемъ томъ вѣзглядамы адно на другое глаза наши вѣстречалысь, и показалась мнѣ девица приятна и лицемъ весма хороша, она летамы была аднимъ годомъ меня моложе, а мнѣ тогда было семнатцатъ летъ отъ роду, таковъ то женихъ я еще былъ.

Старики мон и я бавилысь тамо до подъ самой вечеръ а потомъ поехали дамой, на завтрежъ рано по утру приходить къ отцу моему посланой отъ патриарха, просить насъ всѣхъ на тотъ день къ себе отобедатъ, отецъ мой благодарылъ и обещался быть, мнѣ приказала матъ моя чтобъ одетца въ лучшей своей мундиръ, а въ одинатцатъ часовъ поехали во дворъ къ патриарху, онъ насъ принялъ весма выдомъ приятнымъ, куда въскоре и полковникъ Рашковичъ со всею фамилею пришли и с нами поздравились, а затѣмъ какъ настоль блюда были поставлены, то селы обедатъ.

Патриархъ при всей своей старосты жылъ очень великолепно, у него во всемъ было порядочно и служительѣи имелъ, какъ дворецкой такъ и протчие люде были по болшой части всѣ Немци, и какъ тотъ день былъ празникъ его рожденья, то всѣ служащие его люде были въ богатой лывереи одѣты и музыка при столе играла.

По окончаніи стола пашлы мы всѣ въ другой пакой, что предъ спалнѣю, тамъ поставленъ былъ десертъ и поднесено кофи.

Къ намъ после обеда прибавылось еще гостей, приехалъ изъ Петроварадина постъдиректоръ Андреевичъ съ женою, синомъ, и съ двумя дочермы, да еще два афицера Сербы отъ Буданна полку, для подравления патриарха празникомъ, что и сотворило у насъ компанію даволно велику и тѣмъ подало оказію въ тотъ день намъ быть веселымъ.

Патриарху угодно было чтобы мы танцовалы и просить начатъ и отькрытъ балъ, сие предиринялъ синъ полковничей а за нимъ послѣдовалъ я, тутъ ужъ побудила меня смелость, что поднялъ я свою назначеную невесту къ танцу.

Мы продолжалы время такими приятными забавами даже въ самую глубокою ночь, и старикъ патриархъ былъ отмено веселъ и угодно ему было таково собрание по чему и резвилысь мы танцамы

слышкомъ много, и тако тотъ день на томъ прошолъ, а полковникъ на третей день после того поехалъ дамой.

Спустя потомъ несколько дней призвалъ меня отецъ мой къ себе въ спальню, заставилъ письмо писать къ полковнику Рашковичу, онъ диктовалъ а я пишу умышленая между прочимъ, что естли судьбуна божеская благословитъ и его господина полковника на то соизволенне есть, то де намеренъ онъ заручитъ дочь ево господина полковника Дафину за меня, о чемъ буде согласитца то бы пожаловалъ учинить ответъ и назначить день, когда туда къ нему приехать; на сие письмо чрезъ тогожъ нашего нарочного господинъ полковникъ отвечалъ приятнымъ отзывомъ и что онъ на то согласенъ, назначивъ время нашему приезду чрезъ две недели (было то ужъ время предъ великимъ постомъ на масленой).

Отецъ мой получа таково ответное письмо поехалъ со мною къ дядѣ моему подполковнику Витковичу и объявляетъ ему о своемъ намереніи, показывая и то письмо полученое во ответъ отъ полковника, просить отецъ мой чтобъ на назначеной терминъ съѣмъ обще туда поехать (дядя мой такому отца моего намеренію радъ бытъ, но самъ ехать не могъ по причине тогдашнѣго ево нездоровья, а обещалъ съ нами послать свою супругу а мою тетку).

Мы всѣ собравшись отъправились въ путь и прѣехали къ полковнику въ понедѣльникъ на масленой недели.

Только мы того не знали что полковникъ къ такому предпріятію и патриарха къ себе просилъ, каторой тогоже дня какъ и мы туда прѣехали.

Пріемъ и встреча нашъ была отъ господина полковника очень приятна, а на завтращний день учинѣно условие и мнѣ съ моею невестою обручение совершили, отложивъ свадьбу до после Светлого Воскресения.

Пробуды мы тамъ чрезъ всю масленую неделю въ приятности и въ веселости, а на первой день великаго поста отъправились въ свою путь обратно.

Спустя после того неболѣе какъ дней десеть, пришло время зачаломъ скорбы, каторое претворила злая судьбуна все то наше предпріятіе въ великую мою жалость: ибо дражайшая моя родительница заболѣла жестоко и чрезъ четыре недели не могли отъ докторовъ и лекарей получить никакой ползы жызнъ свою скончала.

Всякъ можетъ поверить каково мнѣ въ то время было горестно, видя свою родительницу въ гробѣ лежащую, каторая во всю свою жызнъ

чего желала видѣть того недождадась и оставила меня въ такомъ по себе состояніи, которае уже нанесло мнѣ болшь печалы нежели от-рады.

Я повинуясь ей воли согласился еще будучи въ детскихъ лѣтахъ на женидбу, считая что мать будетъ всему наставительница, и мнѣ бы ни о чемъ не старатца какъ только по службе своей итуть къ предъ-будущему счастью, но все сие вдругъ обратилось чежелымъ камнѣмъ на мою голову.

Таковы уменя тогда были расмышлѣніи, а притомъ воображалось мнѣ въ голове ежеминуто ея будучи въ болезны нѣжные слова, каторіе она мнѣ говоривала (видевши уже близкую свою кончину) о томъ сожалѣніи, каторое она обо мнѣ на сердце своемъ съ собою въ гробъ понесеть, требовала того чтобы я неотступно при ней у постелы быть, и с какою жалостию она духъ свой окончивала при всемъ своемъ до конца разумѣ, держа меня заруку глазъ своихъ с меня ни мало не спускала до послѣдняго конца своего, напоследокъ выговоря съ великимъ жало-стнимъ стенаниемъ: оставайся съ Богомъ а я де въ свою путь иду, и съ тѣмъ Богу духъ отдава.

При семъ моемъ горестномъ ударе я думалъ, что съ нею вмѣ-стѣ въ гробъ пойду, такъ силно съхватывала меня жалость, я упалъ на ее мертвое и уже халодное лицо, обливалъ оное слезамы моины, паверъ мои любезной читатель, что я и таеръ, какъ сталъ сие пы-сать по прошедствіи уже болѣе тридцаты лѣтъ, въспомнилъ о семъ, то едва отъ слезъ слова и строки выжу.

Отець мой тогда неменше меня въ жалосты будучи приказыва-еть мнѣ скоро пысать къ назначеному моему тестю полковнику Ра-шковичу и уведоить его о несчастливомъ семъ случае и просить ево, чтобы съ моею невестою приехать для отъдания преселывшейся въ вечную жызнъ послѣдняго целования.

Я тотже часъ писалъ писмо и отправывъ чрезъ нарочнаго, но тому статца было не можно чтобы оны такъ скоро могли приехать, ибо только туда съ поспешностью за два дни едва приехать можно, а тело мерт-вое нельзя было такъ долго держать, то протчие наши сродники кои въ близосты были и къ нашей жалосты съехались, а также и при-дворной патриаршей архиерей, коего онъ для отправлени погребения прислазъ, присоветовалы чтобы не ожидать, почему и учинено приуго-товление, и тело въ томже городе Карловци въ верхній церкви по учинѣномъ по долгу христіанскому церковномъ нѣными положено въ зем-лю, и похоронъ конченъ.

Между тѣмъ какъ готъ нарочно отъ насъ съ писмомъ посланой туда къ полковнику прибылъ, и увидѣлы на конверте черную печать услыша словестное притомъ о смерти матери моей уведомление, то какая тамо жалость происходила а особливо отъ невести моей, о томъ не хочу читателя моего чтеннемъ трудить, а довольно и того что отъ жалосты моя невеста занемогла и лежала болна дни несколько, а приехала къ намъ уже после похоронъ адна только моя теща съ синомъ и съ меншою дочерию, оны проводили обще съ нами жалостные дни целую неделю и потомъ поехали дамой.

Посля сего восполдовавшаго намъ жалостнаго удара я и отецъ мой оставаемъ тутже въ городе Карловцы еще до маия мѣсяца, тогда уже какъ на представлени 1748 года отъ главнаго камысара господина генераль-фелтмаршалъ-лейтенанта баронъ фонъ-Енгелскофена пришло по команде о афицерахъ повелѣние, а также отъ ея величества о новыхъ регулярныхъ поселеныхъ полкахъ конфирмация, где и въ каторыхъ мѣстахъ онымъ бытъ подъ названьемъ 1-й Петроварадински пехотни, 2-й Сирмиски гусарски, 3-й Бродски пехотни, 4-й Славонски гусарски, 5-й Градишкански пехотни, тогда отцу моему сказано, что онъ причисленъ старшимъ ротмистромъ въ Сирмиской гусарской полкъ и патентъ новой ему присланъ, а роту свою имѣтъ на новомъ месте въ шанце Керчедине; а обо мнѣ прислано повелѣние что по представлению моего генерала особливо ея величество жауетъ меня поручикомъ (лейтантъ) въ тотже Сирмиской гусарской полкъ.

Въ сейже полкъ помещенъ тестъ мой полковникомъ же а подполковникомъ дядя мой Секула Витковичъ, что и было къ моему утешению несколько надежда, однако и то скоро прекратилось, ибо тогоже года зделалось оуптъ изъ аднаго полка въ другой афицерамъ преводы, то меня генераль мой превель въ Славонской гусарской, отъ коего онъ ицкаберомъ и въ шефомъ пожалованъ, вполуча я о томъ преводе ордеръ съправился къ полкъ, куда приехавши засталъ тамо овоего новаго полковника назывался Петранды, онъ не былъ сербынъ, но албавецъ (типрованъ), переведенъ изъ вонгерскихъ гусарскихъ полковъ къ намъ, да человекъ онъ былъ енающій и ученой на разныхъ языкахъ въ томъ числѣ и по славенски харошо говорилъ.

Я у него явился также и у маюра, каторой мнѣ весма знакомъ и одцу моему велькой былъ другъ, назывался Михайлъ Продановичъ.

Меня полковникъ мой принялъ ласково и тотже день остался я у него обедать, а казавтре получилъ я ордеръ что определѣнъ въ первую роту.

Сему я весьма радъ былъ, и болѣе тѣмъ что при штабъ-квартиры жить, где всегда люди и офицеры собираются и будетъ мнѣ весело съ ними время проводить.

У меня въ тойже ротѣ былъ корнетъ немного старше меня летамы назывался Степанъ Янковичъ, каторой съ перваго раза нашего свиданія подружился со мною, и потомъ жили въ любви весьма согласно.

Я принявъ роту учинилъ о людяхъ списокъ, и табель привезенныхъ новымъ вещамъ, подалъ при рапортѣ своему полковнику и вступилъ въ свою должность.

Въскоре потомъ получилъ мой полковникъ повелѣніе чтобы ехать ему въ Виену, яко генералъ нашъ еще въ Виенѣ при учрежденіи при дворе о техъ новыхъ полкахъ военномъ советѣ цѣлой годъ оставался.

Таковъ резонъ что полковникъ отъезжаетъ подалъ мнѣ способъ чрезъ майора выпроситца у моего полковника, чтобы до приезда ево отъехать къ отцу для исправления себе экипажемъ.

На ту мою прозбу полковникъ позволялъ, и я скоро полковника выпроводилъ, нымало немешкавъ поехалъ дамой къ отцу моему, коего я засталъ подлинно въ жалостномъ состояніи, онъ будучи въ превеликой скуке не зналъ куда повернутца и что дѣлать, однимъ словомъ всно домашнее содержание стало было опадать, а управлять въ доме по внутрѣности хазяйствомъ нѣкому, чего онъ при покойной матери моей почти ничего не зналъ, а смотрѣлъ толко свое дѣло по службе.

Проходить уже шестой мѣсяць после смерти матери моей, стали отца моего советовать о женидбе, и что онъ такъ не можетъ безъ хазяйки быть, къ чему наиболшъ дядя мой Витковичъ советы свои подалъ.

Отецъ мой сперва къ тому никакъ не соглашался и такъ скоро траурное платье съ себя съдеть не хотѣлъ и намеривался вовсе не женитца, но какъ непрестано о томъ стали ему говорить (или такъ сказать что на то и судьбина ево вела), то напослѣдокъ и далъ онъ дядѣ моему слово, а где и како за себя сватать того и самъ онъ еще не зналъ, но дядя мой ему говорилъ я де самъ о томъ старатца буду и опосла де тебы скажу.

Спустя потомъ мало дней пишетъ дядя мой къ отцу моему писмо чтобы онъ къ нему приехалъ, куда и отъправился, онъ какъ скоро туда прибылъ то дядя мой показиваетъ ему писмо ответное отъ млови что за капитаномъ Арсениемъ Зоричемъ была, она въ ответъ на писмо

дядя моего пишетъ, что она его съ отцемъ моимъ по ихъ намерению къ себе въ домъ ожидаетъ и что на запросъ его согласна.

Вотъ тутъ узналъ я сей секретъ, ибо въ то время и я съ отцомъ моимъ тудажъ къ дядѣ моему было приехалъ, а прежде о томъ сватанью я ничего не зналъ, дядя мой самъ о томъ мнѣ открылъ, онъ какъ уже съ отцомъ моимъ условился, то позвалъ меня одного съ собою въ садъ, зачалъ о томъ пресказывать ласкавими словами увещавая меня чтобъ я не оспорбылся, на что я не могъ ничего отвѣчать окроме что залылся слезами, дядяже мой кого я весьма боялся глянулъ на меня, говоритъ что ты плачешь, разве де лучше думаешь было бы когда отецъ твой остаецца неженатымъ, какая бы тебы говорылъ онъ истого полза была что упустить домъ и еканомую вовсе къ разорению, а сверхъ того ти де знаешь что и твое веселие кончить надобно, а безъ настоящей въ доме хозяйки того предпринять и совершить неможно, такъ разсуждай говоритъ онъ какъ хочешь, я на то отвѣчалъ говорю ему что я не прекословлю нимаю, но женидба батюшкина делаетца очень скоро, хотя бы по крайнѣй мере после смерти матери моей годъ адинъ прошолъ.

Онъ на то отвѣчалъ, что отецъ мой въ подобныхъ случаяхъ ни первой ни последни, такъ де оно бывало и будетъ, а чему быть тому не миновать, и тако поедемъ де говорилъ онъ мы всѣ туда и дело кончимъ, я на то сказалъ извольте делать какъ угодно.

После сего чрезъ дней четыре поехалъ дядя мой съ отцомъ моимъ и тетка моя съ дочермы и съ невестками своимы туда къ выше-сказанной вдове Зоричевой, было то всего отъ Петроварадинскаго щанца день адинъ езды разстояниемъ, тамъ уже отецъ мой с нею обвенчался, а я на то время оставался въ доме дяди моего и ожидалъ ихъ обратнаго приезда, оны чрезъ несколько дней возвратилысь и тутъ у дяди моего гости были собраны и веселье повторялы.

А чтобы и меня успокоить, моя новая мать или мачиха, умела она весьма наружную политику производить и около меня сперва стала ласкатца чрезвычайно, старалась всячески привести скорле въ действие и мою женидбу, зачалы к тому делать приуготовленіи уведомивъ о томъ также и тестя моего полковника Рашковича, и получа на то отъ него соизволение и назначивъ время къ настоящей туда поездке, и тако после женидбы отца моего на третьемъ месеце кончили и мою свадьбу.

Я ужъ сталъ женатъ, однако какъ я такъ и жена моя обое по машой тогда молодости въ хозяйстве ничего не зналы, а в то время

всякой афицеръ въ тѣхъ новыхъ полкахъ долженъ былъ имѣть свою экономью, потому что въ штате положено въ мирное время имѣть афицерамъ половинное только жалованье, а за другую половину определень всякому по чинамъ грунть, коего и должно было работать и не того жить.

Хотя таково положеніе мнѣ и было извѣстно и грунть подлежащій мнѣ отъведенъ, но по тогдашней еще моей молодости, я никакова зачала на томъ грунть предпринять не умѣлъ, а отъдалъ одной другимъ людямъ въ малую весьма цѣну подъ заплату, для чего разсудилъ чтобъ на некоторое время оставить жену свою у отца моего въ доме, а самъ поспешая ехать въ полкъ чтобъ не пропустить срокъ, яко уже слышу что и полковникъ мой изъ Виены приехалъ.

Я приехавши въ полкъ тутъ скоро было известно что я уже женатъ, и всѣ меня тѣмъ поздравляютъ и пеняютъ а особливо бариня, за что оставилъ молодую свою жену и не привезъ ее съ собою, напоследокъ и полковникъ мой о томъ уведалъ, спрашиваетъ меня видно что онъ и незналъ о томъ, что я давно былъ засватался и по какой притчине отложена была моя женидба, а какъ ему майоръ Продановичъ въ подробности пресказалъ, а при томъ и я тутже повторилъ всю притчину женидбы моей и какъ моя покойная мать тому учинила зачало, а не дождалася привести ко окончанию, то полковникъ а особливо полковница весьма сожалѣлы, и для того мой полковникъ такъ былъ великодушень, что тотъчасъ велѣлъ мнѣ ехать къ моей молодой женѣ обратно.

Приездъ мой дамой сколько мнѣ былъ приятень, столко же нѣчто меня тронуло, что я нашолъ жену мою плачну и невеселу, хотя она притчины настоящей мнѣ и не сказала, а только то что ей безъ меня скучно было, однако о томъ узналъ я опосля, что теперь пропускаю мыма.

Чрезъ несколько дней поехали мы обое къ тестю моему и къ дядѣ Витковичу, какъ оны въ одномъ мѣстѣ соседствомъ квартиры имѣлы и прешли изъ прежнихъ жилищъ в полкъ, то я успевалъ всякой день у обеихъ бывать и тѣмъ время было намъ несколько весело, но поехавши обратно въ полкъ не взялъ я жены съ собою, а оставилъ ее у тощи своей съ тѣмъ толко намерениемъ, чтобъ на малое время она тамо была, покудова я въ ротъ своей квартиру новую поисправляю и чтобы уже совсѣмъ туда пребратаца, однако таково мое намереніе превратилось на другіе дела и приближающа мнѣ на ветречу другіе обстоятельства, ибо какъ я въ полкъ приехалъ

заняну что оныя поляны будутъ передѣлки, а что и какъ того еще въ точности никто не знала, но потомъ была оказана мнѣ о томъ занятѣ (какъ выше видно будетъ), что венгерские господа жестоко о тѣхъ новыяхъ пограничныхъ поляхъ не завидятъ и стараются искоренить и чтобы яна не бытъ, представляя императрице яко своей королевы проектъ, что Венгерская земля длетъ войска въшовъ сорокъ тысящъ на своемъ кантѣ, и содержать оныхъ, будетъ по границе, где и въ ка- торыхъ мѣстахъ сказано будетъ, построя для нихъ каменные кавармы, а цародъ Сербскъ состоящій въ Славонии, въ техъ поляхъ обратитъ бы въ подданствѣ короны подъ власть венгерскую.

При всемъ же томъ что Венгри тому назадъ уже третей годъ что есть отъ 1746 года непрестанно работали, домогались о касирьвании всихъ сербскихъ ладмиллищевъ и уже поморишские и потискіе прежде бышше военные мѣста овладѣли * и не были тѣмъ довольны, но еще и въ Славоніи новоучрежденное пограничное сербское войско чтобы уничтожить предприняли свои замысли, къ чему было и доволы императрицу Марию Терезию, чтобы на такие ихъ Венгровъ обещаніи согласитца и было бы действительно тагъ не сделалось, естлибы ни вѣлоя того дела самъ его величество цесарь Супругъ Маріи Терезіи Францозъ верды, вѣны велѣлъ прейти къшому генералу съ своею камыоню въ другой разъ въ Славонію, а къ нему определены были члены отъ короны венгероной самы первоначалны камаралны президентъ графъ Кражалковичъ да баронъ Вайи и графъ Патачичъ, коимъ вообще данна доверенность чтобы объехать всѣ пограничныя мѣста и всѣ полки, также и планы вѣноу по всей границе сънять.

Въ 1749-го года сѣя камысия бѣдила вездѣ и по всѣмъ погранич- нымъ мѣстамъ, генералъ нашъ старался удержатъ целость полковъ;

* Черезъ что были тамо великие въ народѣ замешательства, и подало то самое резонъ полковнику Ивану Хорвату съ фамилиею и со всѣми своими сродни- ками и братъ его Дмитрій Хорватъ съ фамилиею, и за тѣмъ подшожовишиъ Миауъ Мередчъ съ двумя мѣстными сирани. Мядонъ и Петроу съ фамилиею, да капетаны Николай и Феодоръ Чорбы съ фамилиею и всеми сродниками, а къ тѣмъ еще и другіе согласившиє подзлы отъ себя объявленіи что въ Росію преселитца хотѣтъ, коимъ вскоре потомъ (яко своего намеренія отменить уже имъ хотѣлы) и паспорты отъ двора даны, почему жъ обѣимъ какъ Хорвату такъ и Мередчу чрезъ полномочнаго російскаго посла къ Вѣнѣ нахрдыцгероя по доведанью російской императрицы Елисаветъ Петроуны чины генералские объявлены.

а Венгры всеми мерами хотѣли и желали видѣть, чтобы полки и народ подали какое нибудь о томъ новшество учрежденіе свое неудовольствіе, дабы тѣмъ доказать что Сербы и сами не хотятъ быть военныи, а хотѣть остаться въ чинѣ коронныхъ подданныхъ, однако таково господь Венгровъ желаніе осталось учтено и народа никакова своего неудовольствія не объявлять.

Генералъ мой какъ скоро въ Славонію приехалъ, то меня брать изъ себе взять и покуда онъ съ тою камысней тако у насъ въ Славоніи находился, то я безъотлучно при немъ былъ и вездѣ съ нимъ ездилъ, гдѣ и были даволіи случаи мнѣ обо всѣмъ томъ что по сей камысид происходило узнать.

Полки сихъ господь камысаровъ вездѣ встрѣщали строемъ и полковою церемоніею, и продолжали далѣ, и тако окончивши осмотромъ всю дограничность господа венгерские поехали въ свою шуть, а нашъ генералъ для подачи рапорта цесарю отъправился въ Виену, и потомъ полки остались на своемъ фундаменте, а противъ венгерски уничтоженъ.

А чтобы таково войско тѣхъ новоучрежденныхъ полковъ самодельно ихъ величества цесарь и Марія Терезія увидѣть могли, то и велѣно было учредить лагерь въ Венгрии подъ городомъ Цинтою, куда отъ техъ новыхъ полковъ командировано отъ каждаго пехотнаго по одному батальону, а отъ гусарскихъ по два ескадрона, кои и велѣно на веснѣ туда слѣдовать.

Между тѣмъ той осены Петроварадинскаго пехотнаго полка въ Славоніи умеръ полковникъ Юсифъ Манастерлій, а за нимъ вскоре также и мой полковникъ Петрандіи скончался, и тако вдругъ въ нашихъ полкахъ учинились две полковничьи вакансии, на место воишь не было еще другихъ определено, а только что преведенъ на место умершаго Манастерлій изъ Сирмыскаго гусарскаго въ пехотной Петроварадински тестъ мой Афанасій Рашковичъ, а за его отбытіемъ остались два гусарские полка ваканціею безъ сводхъ полковниковъ, а потомъ вскоре изъ свихъ обенихъ гусарскихъ назначено, что будетъ админъ на въ двухъ частяхъ и на техже местахъ где и прежде были, поды названіемъ однимъ Сирмыски гусарски полкъ.

Я послѣ умершаго моего полковника Петрандіи оставался въ тойже ротѣ въ которой и прежде былъ, однакъ фундамента своего не полагаю, потому что ожидалъ видѣть кто у насъ полковникомъ будетъ, и какъ обыкновенно новые полковники, новые и распорженіи свои дѣлають, то на случай таковъ, ежелибы захотѣлъ офицеровъ изъ одной роты

приводить въ другую или иногда приведетъ каковыя новыхъ съ собою офицеровъ, захочеть гнѣвъ про себя: въ первой рѣчь удержитъ, а мнѣ бы довелось перейти въ другую, то дабы напрасно убытка не понести, а сверхъ того какбы нѣчто мнѣ предвещало, что я тамъ недолго еще останусь и будто ожидаю въ скоросты нѣкакой со мною времени, меня не престало мысли мои о томъ тревожны.

Томже зямя приехалъ къ тестю моему зить его что старшую дочь держитъ Петръ Шевичъ для свиданія, о комъ и прежде упоминалъ, что отецъ его подполковникъ Иванъ Шевичъ получилъ увольнительный паспортъ въ Россію, и какъ о приездѣ его мнѣ дано знать, то и я съ женою тудажъ къ тестю приехалъ, надобно знать что я моего сватка и свояченины еще не выдалъ и тутъ былъ случай съ ними въ первое свидѣніе и познаніица, правда что мы другъ друга полюбывали сердечно: и я въ намѣ потому друга великаго себя нашолъ.

Между тѣмъ въ разговорахъ о Россіи и повторяя оныя много кратъ возгорелась во мнѣ желаніе чтобы также итти въ Россію, о семъ я женою сватку и женѣ его о моей свояченине подѣ секретъ объявляю, советую съ сваткомъ что и какбы дело о увольненіи зачать, ибо формою чтобы просить никитова резба мнѣ не было, а тому и то что самъ нашнхъ славонойхъ пограничныхъ полковъ никто в то время абичителъ не в Россію и поуды не просилъ, а я какъ того зачю требовать то и буду шевилтъ, и чтобы иногда за образецъ такова зачала не подьвергнуть себя какому либо несчастію, и будучи въ такнхъ размышлѣніяхъ колебальтъ мысли мои не престано, и гнѣвъ даиъ то еще болше раздалось во мнѣ побуждаица, и будто нечто ведетъ меня и показываетъ путь къ смелости и сколько ни таиъ я своего намеренна однако въ короткомъ времени открылось, ибо какъ обыкновенно женски подѣ въ секретѣ надолго воздержатца можетъ, то и сие мое предпріятіе вышло наружу скоро.

Свояченица моя сказала о томъ женѣ моей радуясь что будутъ вместе, а затѣмъ согласившись обе сестрицы сказали матери своей а моей теще, а она тотчасъ пресказала тестю моему и сину своему а моему шуруну, вотъ тутъ попался я въ хорошее обстоятельство, меня атаковали всѣ и с пидаемъ и съ угрозами, тестъ мой представляеть мнѣ всякой могущій изъ того быть страхъ въ глаза, возпрецають мнѣ о томъ не токмо что не предпринимать но дыже и не думать, о чемъ не сколько и да сводка моего былъ напускъ, обьынная его тѣмъ что онъ мнѣ вселый мысли такие въ голову.

Я всѣ тѣ выговори претерпѣлъ не говоря въ отвѣтъ имъ ничего,

дабы тѣмъ отвѣсть нѣтъ къ усовершеню; на односторонне намеренны одиноке на отставала, въ нему белѣе жена моя возвышла волю и раздѣляла къ скорейшему предпрятно о получении увольненца мнѣ пономѣнныа.

Своиже мой Шевичъ промышля тѣмъ у насъ бѣще мѣсець делой и что ему чрезъ жена быть маленькой выговоръ, то ужъ мы оба перестали явно о нашемъ деле говорить, а случаемъ иногда тѣмъ же между собою разсужденіи, напоследокъ говорить оцъ мнѣ я де о своемъ деле, чтобы можно было достигнуть до желаемого, не! Наконецъ другаа средства какъ только одно; те, чтобы просить вашего генерала шефа, оцъ генеръ какъ известно что изъ Вышны преходѣл и оцъ въ Томошварскомъ Банатѣ генераломъ губернаторомъ и оцъ нашего дома недалеко, а прежде сего былъ отцу моему вышней приятье, те де я какъ приведу дамой, говорить оцъ моему генералу, о нашемъ намереніи отцу моему и оцъ конечно поведетъ въ городъ Томошваръ и станеть о увольненіи вашемъ генералу просить, а потомъ что въ резолюцію воспослѣдуетъ, те де я не оставлю вскорости васъ извѣститъ.

Мы оба на томъ согласились и своижъ мой въскоре поехалъ обратно дамой, и отцу двоуму генералу Шевичу, о томъ что я намеренна имъю итти съ вами въ Россію объявилъ, таковы вѣсти ему были весьма прятны, оцъ дождавъ догядасъ въ Томошваръ къ моему генералу шефу, коницъ принять былъ ласкава и между прочими разговорами изяскалъ Шевичъ случаи допросить о моемъ увольненіи и о ашшите.

Генералъ мой моему весьма удивилоа отвѣскалъ, какъ шей шаруевичъ Пипчевичъ хочеть въ Россію скагъ и просить ашшита, то куда немощно стагца, чтобы оцъ хотѣлъ оставить свое отчество безъ никакова резона, я будучи оцъ у меня въ полку въ отменномъ почтеніи, а также я знаю говорилъ мой генералъ, что у него отецъ есть и другой родни и свойственыковъ много и вою тѣмъ же слушуть въ полка и моде знатныа а особливо тестъ его полковникъ Раичковичъ, что те ево не допустить ашшита просить.

На что какъ Шевичъ уверилъ моего генерала, что точно есть мое желание о ашшите, и что мнѣ въ томъ никто изъ моихъ свойственыковъ препятствовать nebudeтъ, те тогда генералъ мой сказаъ: дабро я де за нѣмъ пошло приназъ чтобы оцъ ко мнѣ явился, и буде оцъ точно такъ же намереніе имѣеть те я разьсмотрю, и оцъ де долженъ будетъ просить формою своего ашшита съ прописаніемъ своихъ резоновъ, а иначе сделать ему отъпуска неможно.

"Своижъ мой по возвратѣ отца своего осведомилъ о резолюціи моего

апшита и узнавъ склонность моего генерала, тотчасъ чрезъ нарочнаго данъ мнѣ знать и слышать обстоятельно о всемъ томъ что генералъ говорилъ.

Я получа сие известіе возчувствовалъ несколько въ себе радость, тѣмъ болѣе что ужъ зачало есть и воображалось мнѣ что ужъ получу скоро и совсемъ свое увольнение, а о томъ немало не думалъ что изъ того далѣе воспослѣдуетъ и какие мнѣ беды къ понесенію навстречу предстоятъ.

Я до сего часа о своемъ намереніи съ отцомъ моимъ еще не говорилъ и какъ ему такъ и дядѣ Витковичу не открывалъ, а таперъ уже осмелылся мнѣ обаять о томъ сказать, но къ моему удивленію оны оба не то были согласны и благословляютъ мое намереніе, а особливо дядя мой говорить мнѣ ты де еще молодъ иды за своимъ счастьемъ, тебѣ бы Богъ тутъ управлять, аде же высокихъ фамиліевъ поворотъ старикъ ходить по своему и въ чужихъ государствахъ, бывають не вско, но нужде а дае правтви и приобретени просвещенія, таде и ты можешь тамо некоторое время бытъ и послужить, а потомъ буде не захочешь далѣе оставатца возвратиши навадъ, и ти тамо говорилъ дядя мой найдешь себе предстителя какъ и самому тебѣ известно, что братъ мой двоюродни Степанъ Витковичъ есть в Россіи бригадиромъ и онъ де верно твоему приезду радъ будетъ какъ и я об тебе къ нему писать буду, а отецъ мой тоже повторылъ съсмыслась также на бригадера Витковича что есть в Россіи и что оны оба де отъсада онапо были въ дружбе и росли и учились грамате вмѣстѣ, ибо Степанъ Витковичъ оставши после отца своего и матери въ сиротствѣ не имѣлъ уже друга пристанища къ воспитанію, какъ что въ доме отца моего, которой былъ принитъ и содержался до настоящаго своего возраста и до отъезда въ Россію.

Мало дней спустя после того полученъ въ полку отъ генерала приказъ, чтобы меня отъправить къ нему въ городъ Темешваръ, почему я и поехалъ, причемъ имѣлъ я въ готовности уже челобитную на случай надобности, въ каторой немногъ резоновъ о апшитѣ было писано, а только что по моимъ молодымъ лѣтамъ хочу светъ видѣть и счастья далѣе искать и для того прошу апшить.

Приехавши я въ крепость Темешваръ явился къ моему генералу, онъ какъ скоро меня увидѣлъ, то позвалъ въ спаяню и зачалъ меня спрашивать, говорить какъ вы слышу я хатите изъ службы апшита просить, скажите вы мнѣ какой о томъ резонъ имѣете и правдалы то, вы де человекъ еще молодой и въ ваши лѣта чинъ имѣете доволны, го-

ворилъ мнѣ генералъ. Васъ также въ цѣлу любить должъ и ваше де счастье вы мало васъ еще не оставляютъ и вы можете надѣяться, что по заслугамъ вашимъ и впредь далѣ производимы будете, а сверхъ того говорилъ еще генералъ, что знаютъ о томъ вашемъ намереніи отецъ вашъ, также дядя Витковичъ и тестъ полковникъ Рашкоичъ и позволятъ ли онѣ вамъ, чтобъ ихъ оставить и итти въ чужое царство и чтобы изъ того не вышло какихъ затрудненій, я на то отвѣчалъ что какъ отецъ мой такъ и всѣ прочіе мои сродники оставилъ то на мою волю и препятствовать не будутъ, а мое уволенные говорытъ я состоитъ отъ милости вашего высокопревосходительства.

Генералъ выслушавъ мои слова началъ говорить, такъ поестому и есть правда то что вы хотите сдѣлать службу и отечество свое оставить, я де не понимаю какъ вы безъ никакой вамъ досады могли на то мысли свои положить, разве де не видите вы многихъ старее васъ лѣтаны въ полкахъ отъ націи вашей служащихъ офицеровъ, кои въ адномъ чинѣ понесколько лѣтъ остаются и тѣ объ обыде ничего не говорятъ, а почитаютъ за долгъ отечеству служить, а вы де предъ прочими многими получили свое произхождение и нимаю ни в чемъ не можете сказать о какой либо вамъ обыде, и не будутъ на васъ нація ваша роптать и обвинять васъ тѣмъ, что вы отечество свое безъ всякой нужды оставляете и не хотите самовольно обществу и такимъ многимъ тысящамъ воиннаго народа отъ націи вашей состоящимъ быть въ полку, какъ вы молодые господа по природе вашей не иное что ищете, а есте точные наследники всѣхъ тѣхъ чиновъ и достоинствъ, коими предки ваши пользовались и были обществу въ надѣреніе, и не грехомъ вечной вашимъ отходомъ вы на себе чрезъ то понесете, вы де сами знаете когда вы въ сей порутчи чинъ по моему представленію произведены именнымъ ея величества королевы повелѣниемъ, что въ патенте вашемъ написано, не упомянуто въ ономъ что за службу предложъ вашихъ чинъ сей жалованъ вамъ и недовольно дѣлаетъ то честь фамилии вашей, о самъ самомъ хачу я вамъ таперъ признатца говорить генералъ, что тогда при зачале фармираціи полковъ въ Славоніи писалде я особно объ васъ къ королевы съ объявленіемъ и справедливою похвалою, какъ давныхъ лѣтъ фамилия ваша двору австрийскому служить и что всегда отъ племени вашего выходили люди достойные, упомянувъ при томъ объ васъ что вы изъ тѣхъ самыхъ достойныхъ людей состоите отрослюю такую, что всякие въпредь къ службе касательные дѣла къ исполнению надежду велику предвещаютъ, и потому де вы таковую въ производствѣ высочайшею милость получили, что и

должно вамъ сие знакомъ особливаго монаршего благоволенныя признавать.

Вы не считайте совершенно счастливыми и тѣхъ господъ, продолжалъ генералъ свою рѣчь, кои изъ поморинской и потиской ландмылицемъ какъ Хорватъ, Шевычъ, и протчие съ ними согласившиесь новелькъ имѣвъ резонъ, а толко что погорячились противъ Венгровъ оставили свое отечество и пошлы въ Россюю.

Хотя де тѣ ландмылицин и раскасированы, но нымало тѣмъ волность и привелегя ваши ненарушены и Венгри народу ничего худого ~~шесть~~ ихъ замысламъ и требованымъ сделать не могли, какде и вы самы при той тогда кампои со мною были и выдѣли, слѣдовательно и не доходило ни до какой еще крайности, чтобы отечество свое бросить и преселитца въ чужое царство, можетель вы и то знать какъ весьма есть предъсудительно тѣмъ людямъ, кои изъ одного толко пренебреженныя а не по нужде оставляють свое отечество, и что оставшее отъ наций общество невадѣль уже отъ нихъ вечно никакой пользы не должно таковыкъ своимы собратимы почитать, и не думайте вы, что тѣ одишадше еще о своей шеступке вапца не стали.

И не спорю, продолжалъ генералъ непрестано свои слова, чтобы оны не были тамо хорошо приняты, въ томъ наблюдаецца политика, но со временемъ всю то изчезнетъ и обратытца иначе, а внукамъ и правнукамъ ихъ не будетъ известно настоящаго дромзредствя и тѣмъ потѣряють водность своего природнаго названья, чего, здесь никто ва веки нарушитъ и ту волность и преимущества касающыяся по привелегямъ до наций вашей превратыть иначе не можетъ, а въ протчемъ о вашемъ апшите можете делать по своей волѣ какъ вамъ угодно.

Такова отъ моего генерала учинѣнная мнѣ проповедь и подлино было меня тронуло такъ, что я самъ себя стидился и не зналъ что говорить и чутъ не отсталъ отъ своего намерения, но какъ опомнился, то зачалъ я съ учтивостью генералу моему говорить съ тѣмъ признаньемъ, что во все время продолженныя моей службы въ полку вашего превосходительства ничиво инова не знаю сказать окроме, что былъ вашимъ высокопревосходительствомъ отьменно любымъ, и пользовався ~~вашей~~ милостью много, а также и в полку говорилъ я ни от кого ~~ни~~ обидѣ или гонѣнныя не имѣлъ, и признатца по сираведливости долженъ, что болѣе ничто не побудило во мнѣ желанность просить апшита, какъ что толко хоту еще светъ выдетъ и свое счастье далѣ пробовать, тутъ генералъ подхватылъ мое слово говорить (ja, das Glück probieren und Wind treiben) то есть да ща-

отже пробовать и вестеръ гнать, я ему поклонился отъо предъ нимъ ничиво болѣе не говорю, а онъ ходитъ по покою възадъ и въпередъ несколько минутъ молчитъ задумавшись, а потомъ оборотясь до мнѣ сказалъ, добро ежели ужъ ти такъ положылся и хочешь конечно свои апшитъ имѣть, то подай о томъ прошение.

Я тотчасъ вынулъ свое уже у меня заготовленное подаю ему, которое онъ развернувъ сталъ читать, и потомъ сказалъ завтра же получишь свое желание, съ тѣмъ я отъѣхалъ цѣлодъ въ трактиръ где и квартера моя была.

На завтрашній день пришолъ я къ моему генералу; онъ меня принялъ весьма ласково, подастъ мнѣ апшитъ, въ коемъ именно пропысано что уволемъ въ Россію, при томже и ордера въ полкъ за известно, чтобы меня изъ полку выключить и удовлетворить вполученнымъ жалованьемъ.

Тотже день удержалъ меня генералъ у себя къ обеду, а по окончаніи онаго прашалъ я у моего генерала съ слезами, причесть тебѣ мои чувства вострепеталы отъ тѣхъ невыносимыхъ мнѣ отъ всего при последке наиприятнѣйшихъ словъ съ тышущу несчастнѣйшихъ мнѣ жадательностей во всѣхъ моихъ предпріятыхъ, и потомъ отъѣхалъ у него паехалъ.

Я взялъ путь мою не в полкъ, а захалъ къ своему новому командиру генералу Шевичу, чтобы явитьца и показать ему свой апшитъ и учинить условіе, на какой срокъ чтобы совсѣмъ къ нему пребратца и когда и в какое время движение пути нашего будетъ.

Шевичъ увидя меня и узнавъ что уже я апшитъ имѣю десма былъ тѣмъ доволенъ, поздравляетъ меня чиномъ капитанскимъ, яко онъ въ томъ отъ состоящего въ Виенѣ полномочнаго російскаго министра графа Безтужева былъ уполномоченъ, чтобы едущимъ съ нимъ въ Россію афицерамъ давать по одному чину въ награждение, о чемъ и ордеръ онъ мнѣ далъ, побулъ я у Шевича дня три и условясъ чтобы въ наступившую осень въ сентябрѣ месяце положили такъ, чтобы и въ дарогу подынатца.

и что

Съ тѣмъ паехалъ я въ полкъ, и скоро прибылъ первое авылся къ дядѣ моему подполковнику Витковичу яко полковому командиру, австалъ я его несколько здоровьемъ по его старосты слаба, онъ командовалъ полкомъ, ибо у насъ еще настоящаго полковника послѣ смерти Пазрандїи опредѣлено не было, дядя мой узнавъ отъ меня обо всемъ, что генералъ бывшии мой шефъ со мною въ Темешварѣ говорилъ, и

прочитавъ, ордеръ о моеи полку выключити, приказываетъ мнѣ отъ-
нести оной къ майору и авытца уного.

У насъ было тогда какъ назначено, что изъ общихъ гусарскихъ
полковъ будетъ одинъ то и состоялось майоромъ два, первой Продано-
вичъ котораго на то имени при полку не случилось, а другой былъ ба-
ронъ Рылбергъ; и къ нему какъ авылосъ и онъ прочитавъ генеральской
ордеръ, что написано о моеи полку выключити, сталъ человекъ видъ
себя, говорить что это ты ко мнѣ привнеслы, и де самъ себе нто чи-
таю не верю и не можетъ тому статца; да и тово до еще не знаю го-
варилъ майоръ, можетъ ли нашъ генералъ самъ собою отпускатъ
афицеровъ изъ полку въ чужие царства безъ дозволения двора;

На то я майору отвѣчалъ, что генералъ конечно знаетъ какъ да-
леко власть его простираетца, и онъ бы говорилъ я верно мнѣ апшита
не далъ, естлибы въ томъ власти не имѣлъ, а насъ прѣшну докладываю
и майору о скорейшемъ моемъ отъпрращении, майоръ потерѣлъ въ
томъ оубо удивленне много кратъ, и смотря на меня, говоритъ:
скажи пожалуйста что вамъ это вздумалось, не сочтутъ ли васъ не-
благодарнымъ, не были ль вы у насъ въ полку иво всехъ афицеровъ
первымъ любимцемъ, да и по летамъ вашимъ имѣете чинъ жаромъ *
и да что вы такъ делали; тутъ какъ обралось еще афицеровъ, то
и тѣ напали на меня словами такими жъ угаваривал, чтобы я апшита
возвратилъ назадъ, я говорю мнѣ что ужъ задано те на томъ, и быть,
и апшита возвратитъ нелая, ибо я его ртыдалъ своему новому коман-
дирю генералу Швабчу, да при себя имѣю тогда до онаго засвидѣ-
тельствованую копыцу.

Я объ апшита сказалъ нарочно, какъ бы оной отыдалъ генералу
Швабчу два важныхъ случая, какъ о семъ ниже видно будетъ (что
и подинно на повѣдокъ въ достижению желаннаго послужило мнѣ въ
помощь много):

Майоръ отыдалъ приказъ въ полкъ за известие, что я изъ полку
выключенъ и требуетъ рапортовъ какъ не состоятъ ли на мнѣ какихъ
долговъ, такожъ и о задаче мною роты другому афицеру učinылъ по-

* Всѣмъ о томъ что я будучи тогда въ молодыхъ лѣтахъ произведомъ по-
ручникомъ было то чудно, и за редкость почитали, ибо въ австрийской службѣ
такова чина афицеръ бываетъ обыкновенно уже сорока лѣтъ отъ роду, а капы-
танъ многіе съ великими сдѣланамы на головѣ, и старшинство тако малю смот-
рять.

важно, а между тѣмъ приказала заготовить мое отъ полку отъправленныя.

Таковы требуемые рапорты отъ роты поданы съ объявленіемъ, что никакихъ долговъ и начетовъ по командующей мною роты не состоитъ, и тако о всемъ отъ полку меня отъправлено, кроме что доводилось получить заслуженное жалованье, яко при прѣзѣ на то время казны еще въ привезе небыло, то и писано къ оберъ-крѣтск-камисару Гарчулы *, отъ коего на всѣ пограничные полки на его ассигнаціи подлежащая денежная сума отъпускается, а то отъ полка представление дано мнѣ, чтобъ я самъ туда къ нему съѣздить и доводящееся къ получению мнѣ деньги, отъ него потребовать.

Я поехалъ къ одному оберъ крѣтск камисару въ крепость Петроградинъ, где онъ съ своею камисіею тогда находился, ему подаю то представление и требую своего жалованья.

Онъ прочитавши во представление возгорелся жестоко, сказавъ было несколько по своей природной гордости шумитъ и требуетъ своего аппанта чтобъ ему показатъ, а на то отъказалъ что оригинала у меня нѣтъ и что оной отдалъ я моему новому командиру, а вышло у себя говорю я эту со снаге заовидательствованую кошель.

Онъ на тановъ учинивши отъ меня отвѣтъ осердился еще и болше выговора, что вамъ отъпуска денегъ нѣтъ, а я де отъѣзду къ главному месту о такой непозволительной отъ генерала вашего поступке и вы де увидите что еще не того выдетъ; потомъ отворотясь проворчалъ по немецки сии слова (Ich werde Euch dasz nach Moskau Reisen fergessend machen), что значить я де вамъ ту въ Москву ездю сделаю забвеную.

Силь ево словъ я ужъ не могъ стерпеть; говорю ему, вы гёсударь мой болше стражаете мене вашими угрозами нежели въ самомъ дѣле чего сделать можете, а я не пришолъ слушать всего что вы говорите, но за моиы денгамы, крихъ ежели вы отпустишь не соизволите, то хотя по присторичеству резонъ сказать можете а не кричать.

Онъ былъ природни Грекъ родомъ отъ Приморья изъ города Кореу, былъ онъ учонъ на разныхъ языки, и что перешолъ въ законъ католика рын-скаго исповѣданья, то азъ то былъ сперва определенъ крѣсудомъ нашихъ отъправленныехъ, а потому и къ сей должности удостоивъ, но для всемъ томъ былъ чрезъ меру гордъ и прегрубая тварь, и к тому еще и великой гонитель на состоящихъ въ законѣ Греческомъ.

За один момент къ нему отъездомъ, Грекъ такъ осердился что я думалъ онъ, лопнуть, я говорю (ja Sie denken, dass ich Ihnen soll das Geld noch auf die Reise geben, dein Sie bringen keins), что значить, да вы думаетъ еще чтобъ я вамъ и денги на дорогу дамъ, вѣтъ, вы дхъ не получите.

Такова буровство мнѣ было нѣчимъ провесити, а с нить дамъ въ дивизитъ въходить не возелось, отворотелъ отъ него пашого протчь.

Отъ на томъ своей злосты не оставилъ я вознамерился учинить моему рути пренятчию, какъ и въ самомъ дѣлѣ онъ то и здѣлалъ.

Не знаю я ужъ почему у него было съ нашимъ генераломъ несогласие, и потому какъ пришло снѣзъ случаемъ ему на руку чтобъ генералу добадытъ, то и представилъ отъ себя доносъ прямо въ етотолщій въ Виенѣ хофъ-критеъ-ратъ (тѣсть военн при дворе советъ); то генералъ фелтмаршалъ лейтенантъ баронъ фонъ Енгельс-хофенъ дамъ отъ себя состоящему въ полку его порутчику Пишчевиту аппиттъ въ Россю, и прислано де къ нему отъ него полка требованнѣ объ отпуске оному порутчику заслуженно жалованья, а какъ де онъ о томъ сумнѣваетца, чтобъ генералъ могъ самъ собою таковы аппитты въ чужое царство афицерамъ дамъ безъ дозволения двора, то потому онъ требуемаго жалованья отпусчеттъ удержался о чемъ проситъ резолюціи.

Вотъ чрезъ сие дѣло послѣдовалъ моему сердечному генералу ударъ не малъ, отъ него требовано отъветъ, почему онъ отвѣчался мнѣ дамъ таковы аппиттъ изъ службы выключитъ, о чемъ ва извѣстие отъ хофъ-критеъ-рата прямо писано въ полкъ и строжайше повелѣно, чтобы дамъ мнѣ отъ генерала аппиттъ отобрать, и мнѣ бытъ по прежднѣму въ полку въ служба.

Сие повелѣние мнѣ объявлено и требовано моего аппитта, но какъ я на томъ утвердился о чемъ выше говорилъ, что аппитта въ оригинале у меня нѣтъ, а толкъ мнѣю заведителоствовану ковыю, съ которой я еще друту въ полковой канцелярн снысаль, то и дамъ оную.

Такова спысанная копия отъ меня принята и отослана въ Виену, откожь скоро изъ хофъ-критеъ-рата друто приелано повелѣние: чтобы меня арестоватъ и отослатъ къ генералу губернатору графу Кайзъруку въ крепость Ессекъ для учинѣния тамо надо мною судбннѣвъ порядкомъ слѣдствна.

Меня при полку арестовали и отослали туда при афицере на

моемъ кѣбитѣ; езда наша продолжалась два трѣ, и прибывши въ ту крепость Ессекъ (которая лежитъ въ нижней Славоніи на полуденной сторонѣ рѣки Дравы) мой провожатой пашоль къ генералу губернатору съ докладомъ о прибытіи нашемъ, а я остался съ каляскою нашею у воротъ при первой стражи отъ крепосты, дожидаясь обратнаго прихода моего товарища, которой возвратившись объявилъ мнѣ что де: господинъ генералъ губернаторъ приказалъ васъ представить къ нему, (но я безъ сабли).

Я скоро отворилъ свой сундукъ выпилъ свой новый шундиръ потомъ пошелъ оба туда, и скоро я вошелъ довередь въ генеральские пакои, и генералъ насъ увидѣлъ, то тотъчасъ я узналъ менцъ, ибо еще какъ мой подковникъ Петрады мнѣ былъ и генерала сего раза два являвалъ къ себѣ въ лагерь и представлялъ ему полкъ, то для встрѣчи и обратнаго препровожденія съ концомъ посылать былъ я, а также несколько разовъ что былъ отъ подковника а деломъ къ пошукѣ посылать, тѣ по тому онъ меня зналъ.

Человекъ онъ былъ еще въ силѣ въ оловнѣ среднихъ лѣтахъ, а при томъ въ речахъ и въ разговорахъ весьма суррозенъ и несколько гордъ (какъ обыкновенно въ австрийской службѣ, и редко есть кто въ тѣхъ и въ штабныхъ чинахъ чтобы небылъ гордъ).

Генералъ говоритъ мнѣ по немецки: *Wie ich höre, dass er will ein Moskowiter sein, ich denke aber, dass er das wird wohl bleiben lassen.*—то есть, какъ я слышу что вы хотите Москальмъ быть, однако де я думаю что вы то оставите.

Немцы въ Австрійи мало когда въ разговорахъ упоминаютъ Россію, или Россіане, а обыкновенно говорятъ Москва, и Москалы.

Но знаю какъ теперь превращуется а: прежде какъ было, и несколько какбы съ пренебреженіемъ.

Такова встрѣча отъ генерала губернатора въ его словахъ мнѣ не очень приятно было, я еще сочелъ двѣяко: первое что можетъ быть я самъ есть того намеренія отъсгану, а другое: нечелъ я за некрайне утросы, спреть что доведу я тебя до того что ты го оставишь, каковы слова было несколько меня смешали, и я ожидалъ не станеть ли: еще чего говорить, однако разговоръ былъ на томъ конченъ, а тогда, то прибавилъ, что велѣлъ указать мнѣ дорогу итти на гаубтъ-вахтъ, где я квартера мнѣ данна обще съ караулнымъ офицеромъ въ адномъ палатѣ.

По прошедствіи несколькихъ дней нарѣчена была для меня слѣдственная камыня, меня туда потребовали и провожаема былъ до при-

судетвія и пизахъ аднымъ ундеръ афидеромъ и аднымъ редовымъ салдатомъ безъ ружья.

Задачи мнѣ въ запросахъ давали разные съ великими выдумками, между коими вышли и тѣ вопросы, какъ и что и для чего я службу оставляю и апшита просилъ, и чтобы я тотъ данной мнѣ отъ генерала барона фон-Енгельсхофена апшитъ къ суду въ оригинале представилъ.

Я на всѣ тѣ даніе мнѣ запросіе пункта отвчалъ сколько къ своему оправданію зналъ, а о апшите всіо адно говорылъ, что онаго у меня нѣтъ, а отъданъ мною моему новому командиру, Россійскому генералу Шевичу, съ коимъ и я намеренъ былъ въ Россію ехать.

Комысія потребовала отъ полка въ коемъ я служылъ известія о моемъ поведеніи, на что получила въ отвѣтъ что я былъ въ ономъ полку не точию по службе исправенъ и поведенія хорошаго, но сверхъ того во всемъ изъ моихъ сверстниковъ субалдернъ-афидеровъ былъ первымъ.

Всѣ мои отвѣты были въписиваны и такжежъ почты запросы ежененно мнѣ повтораы, и думаю что нарочно и для того не приметать ды какова въ отвѣтахъ моихъ разноречія, и крепко того добывались нѣтъли еще каво со мною въ согласіи, также и то кѣмъ я подгово-ренъ; чтобъ въ Россію итгыть и тому подобное.

И такимъ образомъ продолжалось то слѣдствие дней девять, на-послѣдокъ какъ ничево болѣе изъ того слѣдствия вытгыть не могло окроме толко то адно, что я службу оставылъ и апшитъ получилъ, о совершивши комысія всіо то дело поднеслы мнѣ тѣ учинѣнные запросы и при оныхъ мои отвѣты, чтобъ я оныя подпысалъ.

Я взявши прочолъ и сталъ подписывать свое имя и новой свой чинъ, рытмейстеръ Россійски, какъ вдругъ презесъ и оберъ аудиторъ подхвата ту бумагу у меня изъ рукъ не дали совѣтъ и допысать, говорятъ, что де вы должны подпысатца тѣмъ чиномъ, какимъ вы въ службе нашей состоите а не чужей.

Я имъ не то отвчалъ, что я уже не поручикъ и отъ полка въ которомъ служылъ совѣтъ отпавленъ и въ службе здесъ не состою и тѣмъ преднымъ чиномъ подпысатца мнѣ не слѣдуетъ, вынувъ при томъ ордеръ данной мнѣ отъ генерала Шевича, въ которомъ онъ меня пышетъ ротмистромъ и объявляетъ мнѣ сей чинъ, показываю нтъ оной и говорю, вотъ извольте видетъ что вы имѣете у себя подъ арестомъ Россійскаго ротмистра а не здешнѣй службы поручика, по-

чему я и подписатца тѣмъ Россійскимъ чиномъ долженъ я не бывшимъ здесь.

Мои господа какъ презесь (какой былъ подполковникъ пехотнаго полка тамо въ крепосты состоящаго) такъ и оберъ аудиторъ выслушавъ мои слова поглядѣли адмиъ на другаго, потомъ взявши ту бумагу на которой я было зачалъ подписатца пошли оба къ генералу губернатору, а мнѣ тутъ пообождать сказаны.

Оны тамо видно посоветовали, чтобы тотъ допросъ и мой отвѣтъ переписать въ другой разъ и засвидѣлствоват бы тождо оберъ аудиторю по пунктамъ, а мнѣ уже не подписывать, что принесши назадъ отдады писарю преписывать, и я тутъ пообождавъ коудова прецисано и при мнѣ оберъ аудиторъ засвидѣлствовалъ, послѣ сего присудствие разошлось, а мнѣ сказано итуть на свое место.

Я въ крепосты Ессеку содержался подъ арестомъ всего два мѣсяца, допросъ мой съ тѣмъ присланнымъ отъ полка о поведеніи моемъ извѣстіи отослано въ Виену въ хофъ-кригсъ-ратъ, отъ коего учинѣнъ докладъ ея величеству королѣвы.

Между тѣмъ сентябрь мѣсяць какъ поспѣлъ, то генералъ Шевичъ совѣмъ выбрался въ дарогу и выехалъ изъ Венгріи за границу а я остался.

Продолжение моего въ крепосты Ессекѣ ареста безъ рещимости было притчиною то, что на то время былъ въ Венгріи подъ городомъ Пештою учрежденъ отъ войска большой лагерь, где присудствовала сама ея величество императрица, королѣва Марія Терезія съ супругомъ своимъ императоромъ Францискомъ первымъ, и потому докладомъ обо мнѣ дело продолжалось, я было отчаялся и думалъ что ужъ мнѣ тутъ въ той крепосты и навсегда жилищемъ остатца, ибо то место многимъ людямъ послѣдніи конецъ былъ, однако видно что моя сѣбывина не преставала предо мною действовать и моимъ дѣломъ управлять и вела на то, чему еще съ мною сѣбытца должно.

Генералъ губернаторъ напоследокъ получилъ отъ хофъ-кригсъ-рата повелѣніе, чтобы меня не подъ ареста освободить и велѣтіе явилца къ генералу фельдмаршалъ лейтнанту барону фонъ Енгельс-Хофену моему бывшему шефу, на коего де нима уже о моемъ дѣле по докладу онаго хофъ-кригсъ-рата отъ ея величества королѣвы конфирмація послѣдовала, где и будетъ мнѣ о томъ объявлено и что на томъ я долженъ остатца въ службе по прежданьму.

И тако освободившись я не подъ ареста поехалъ немедленно въ крепость Темешваръ къ моему бывшему генералу шефу, егда моя

продолжалась дней пять, я какъ къ нему явился, то встрѣтилъ онъ меня сердцемъ жестокииъ, онъ дѣлалъ мнѣ такие выговоры что и по-
длинно не находыгъ я чѣмбы предъ нимъ могъ оправдита, а толко
болшь молчаннемъ отъбывалъ и терпѣлъ покудова его воля была го-
ворить, а какъ онъ приступылъ ко мнѣ своимъ требованнемъ, чтобъ
я данной мнѣ отъ него апшитъ возвратыгъ; тогда ужъ зачалъ я го-
ворить повторяя всѣ тѣ его мылости, коймы я много ползовагъ, го-
ворю съ понызеннѣмъ духомъ: ваше высокопревосходителство не мо-
жете стойко верить сколь много я скорблю о томъ, что вы чрезъ меня
понесли затрудненіи, и что таперъ чрезъ то выжу надъ собою вашъ
гнѣвъ, предъ каторымъ не могу никакъ чѣмъ инымъ оправдита и
себя защититъ окроме адною толко вашею высокою мылостію; я
ежеля бы знагъ что таковы досады чрезъ меня вамъ моему благоде-
телю зделаны будутъ, то бы, говорилъ я, никогда нехотѣлъ приступать
къ такому дѣлу, хотя бы оно мнѣ самыя наилучшыя щастій прино-
сило, какъ и таперъ баюсъ доложить вашему высокопревосходител-
ству, дабы не подать еще и болшь вамъ неудовольствія о семъ что
требовать изволите, апшита данного мнѣ отъ васъ я у себе его не
имѣю, а взягъ оной у меня Шевичъ (я ужъ и не смѣлъ Шевича гене-
раломъ упомынатъ), а имѣю толко говорыгъ я съ онаго апшита за-
свидѣтелствованую копыю.

Ну тутъ досталысъ и Шевичу со мною вмѣстѣ харошыя пѣсни
и говорятъ генералъ, чтожъ ты таперъ изъ того думаешъ быть, что
апшитъ у Шевича остался, не домавшъ лы ты еще о Москве чего,
говорить, такъ ужъ тогда могъ бы ты путь свою и подлинно въ другую
какую сторону управыгъ.

Я отвечаю что о семъ говорить мнѣ ужъ нѣчево, а я прехалъ
говорю съ тѣмъ толко къ вашему высокопревосходителству, что мнѣ
ведѣно у васъ явытца и о учинѣнной, по слѣдствию бывшему надо
мною, высочайшей ея величества конфирмаціи, чтобы получить отъ
васъ повелѣныя.

Генералъ будучи еще въ сердцахъ ходитъ по горнице говорить: да
конфирмація! ты ужъ недоотолитъ того, для тебя бы не такая мылость
надебна а другое что, чтобы тебя поуасмирить и вывести тѣ ветри
мѣзъ головы, и на томъ тотъ день у насъ разговоръ кончился, было
то ужъ козодо подъ вечеръ, съ тѣмъ я вышолъ и пашолъ по дорож-
камъ, у своихъ знакомыхъ при свите генеральской что и какъ про-
ведивать.

Мнѣ показалъ директоръ канцеляріи, какіе моему генералу чрезъ

меня репреманды были и отвѣтъ требованъ о томъ что она мнѣ апшитъ далъ, и что послѣ того посредствомъ придворной адмой особы вынна ему прощена, и что вѣновь повелѣниемъ ея величества отъ хофъ-кригс-рата къ нему уже склонностию о моемъ же дѣле рескриптомъ писано и конфирмація въ ползу мою прислана.

Я того просилъ прочесть но не дали, а сказали что генералъ завтре самъ вамъ о томъ объявить.

Завтрешни день въ часу десатомъ поутру пашолъ я къ моему генералу, ему уже выдно пресказады, что я жестоко скорблю о томъ что чрезъ меня ему послѣдовало, для чего отозвался ко мнѣ, поклоннѣе и говорить, вотъ видите вы, сколько затрудненія чрезъ ваше дело произошло и доходило до худыхъ слѣдствїй и твое де счастье что еще на томъ обошло.

Потомъ приказалъ чтобы принесть изъ канцеларїи тотъ полученной рескриптъ, въ коемъ положена конфирмація обо мнѣ.

Директоръ канцеларїи пришолъ и тотъ рескриптъ принесть, генералъ взявши оной подаетъ мнѣ и говорить, я де подаю вамъ къ прочтеню учинѣнную объ васъ конфирмацію и такову ея величества милость, какова редко кому другому случитца можетъ, и вам де советую я чтобы ни о чемъ болѣе не думать, а повиноватца высочайшему повелѣнїю какъ вы здесь о учинѣнной вамъ милости къ произвожденю вашему усмотреть можете, каторое вамъ при послѣдующемъ вѣскоре въ Славонїи всѣмъ полкамъ ревы (главной генералной смотръ) данно будетъ, на чомъ вы съ благодарностию и спокойемъ остатца должны.

Рескриптъ я держалъ въ рукахъ и слушалъ покудова генералъ слова свои окончилъ, а потомъ сталъ читать, выжу я что для меня милость велика и въ конфирмаціи отъ ея величества положено мнѣ дать чинъ, я ужъ на то согласился, поклонясь генералу отдалъ рескриптъ ему обратно, представляя свою благодарность, говорю си слова что и при семъ случаи выжу свое назначеное счастье, что оно единственно отъ милости вашей произошло есть, чѣмъ будучи много обязанъ не нахожу столько словъ къ изреченїю моеи такъ великой благодарности, а заключаю толко симъ что на всѣ предбудущее время жызни моеи долженъ чувствовать и признавать ваше высокопревосходительство своимъ благодетелѣмъ.

Генералъ приказалъ писать ордеръ въ полкъ о причисленїи меня по прежднѣму въ службу съ изьясненїемъ о учинѣнной обо

ИМЪ КОНФИРМАЦІИ, ЧТО О ТОГО РЕСКРИПТА ПРИКАЗАЛЪ ДАТЬ ИМЪ КОНЫ, СЪ КОЕЙ ДЛЯ ДОБОВИТЕЛЯ ЧИТАТЕЛЕЮ ПРИЛГАЮ ПРИ СЕБЪ НА НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ И ПИШЕТЪ ТАКЪ ИМЪ ОНА ЕСТЬ:

№ 111

Eines an dem Herrn General Feldmarchal-Lieutenant Freyherrn von Engelshofen erlassenen Rescripts.

Wohlgebohrner,

Sonders geliebt und geehrter Herr Feldmarchal-Lieutenant, ob der mit deszen Schreiben de datb Temesvar den 20-ten Elapf an Uns eingeschickten Erklärung, dasz bey seinen unterhabenden Syrmischen Houszaren-Regiment bestellten Lieutenants Simeon Pisczhevics ist erschienen, warum er solch bekleidete Charge quittiren wolle, und dazu die Erlaubniesz neuer Dingen ersuche, gleich wie es aber bey dem, was Wir dem Herrn Baron in dem ausgefertigten Rescripto von 26 des leszt verflaszenen Monats Augusti zu erkennen gegeben, dasz nömlichen Jhro Kays. Königl. Maj. keinesweges gesinnt seyn diesen Lieutenanten als dero Unterthanen in fremde Dienste tretten, sondern bey der demnächst resolvirten endlichen Regulirung derer Slavonischen Grantz-Regimenten auf seine Unterbringung dem Bedacht nehmen, auch eine Charge nachstimmender seiner Tüchtigkeit Ihnem verleyhen und den hinreichenden Gehalt anweisen zu lassen, sein unabänderliches bewenden gewinnt, und eben andurch die Haupt-Ursach der vorhabenden Quittirung sich von selbst aufhebet, also hat der H. Feldmarchal-Lieutenant solches dem Wiederholten Lieutenanten Pisczhevics zu bedeuten seine Resignation nicht anzunehmen, sondern dasz er der jertz bemerkten allerhöchsten Gesinnung sich füge mithin seine Ubication in der Grantz continuire, und darinnen die Anstellung in dem Character, als Hre Kays. Königl. Maj. für gut finden werden geruhig und gelassen abwartha, selben ernstlich an einzubinden, sich allestatts gegenwärtig zu halten. Joseph. Graf von Garrach.

Ad Mandatum Sacrae Caes. Reg. Majestatis ex Consilio Bellico.
Wien den 3. Novembris 752 Jahr.

Aug. Thomas Edler von Wöber.

Я получаю сию копию и ордеръ отъ моего генерала, донимъ повеленъю причислить меня въ службу и вступить по прежнему, въ

должность, поехать въ поле и поселиться на томъ уже и быть и думать о Россіи стало у меня въ головахъ истовато, но что у меня ашпиль лежить спрятанъ, то иногда вспоминалось мнѣ въ мысляхъ и будто предвещаетъ что еще чему нибудь быть изъ того дела.

Въ тоже время какъ жестоко Венгры домогались о чемъ прежде я говорилъ, чтобы всѣ Сербскіе полки въ Славоніи состоящие раскисировать, а на ихъ места для охранения границы отъ стороны турецкой по Саве реке состоящей обещали оны дать войско на своемъ коште, что и было оны почти приклонили корольву на свою сторону, но цесарь Францискъ первы супругъ корольвы Маріи Терезіи взялся за то крепко не допустить тому быть, для чего и велѣно учредить, какъ уже я ч то тамъ видѣ говорилъ, въ Венгріи подъ дорогомъ Пештою отъ войска большой лагерь, куда для обозрѣнія ихъ офицеровъ императорскихъ величествъ при своемъ присутствіи отъ того новоучрежденнаго по границе Сербскаго войска всего Венгры опытали было неустойчивымъ и ненадежнымъ, велѣно притытъ отъ каждаго пехотнаго полка по одному батальону, а отъ гусарскихъ по два ескадрона что и сделано, а къ онымъ туда же въ лагерь соединилось какъ Немецкіе какъ и Венгерскіе полки тамъ по близости состоящие, и безъ мала вся армія была въместѣ.

Лагерь былъ въмощенъ и маневры военные дѣлались при чемъ батальоны и ескадроны Сербскіе соединили въ войска предъ противнымъ, а зоблавно предъ Венграми своимъ проворствомъ и живостію въ полке и въ маневрахъ себя отличили, что и заслуживало возаго давало къ стигу венгерскихъ проектовъ конь, бродякъ, и поможено на томъ, чтобы смыгнать Славонію полкамъ быть депокалобымо на той нощи шашъ оны уже учреждены, а для укрежденія ихъ определено уншимъ главныя рѣвы (то есть генералы смотръ), къ чему определены были генералы отъ кавалеріи графъ Сербелоны.

Ему во всемъ какъ смотрѣ делать, такъ и въ прочемъ что только до сихъ пѣковъ касатца можетъ пѣлая власть данта, оны приехалъ въ Славонію въ крепость Ессекъ, яко это место противъ средины всѣхъ тѣхъ военныхъ дистриктовъ состоитъ, куда на то время сѣхъ пограничныхъ полковъ всѣ Молноіе командиры и протвѣ штапы офицеры собрались, въ томъ числѣ и я туда къ поехалъ.

Явился я къ сему главному инспектору генералу графу Сербелоны, подаю ему мою прозбу упоминаю при томъ, что я уже имѣлъ свой ашпиль, и что повинуюсь воли и повелѣнію ея величества останѣ по прежнему въ службѣ, и что распритомъ на подтвержденію

отъ величества вскидоставленъ повелѣно мнѣ при извѣщеніи въ реву и формации награждать чиномъ, что и прошу вашу графскую excellenciam, писати я такъ въ своей прибои, не обмануть не вѣзеты данной вамъ чиномъ меня награждать.

Генералъ принявъ мою прозбу и видно что онъ о томъ уже имѣлъ повелѣніе, для того что то мое писмо отдалъ своему правытелю канцларію съ приказаніемъ выразити, естли что между прочимъ обо мнѣ упомянуто въ той запискѣ, генералъ ему отъ ея величества врученъ.

Справка учинивъ и директоръ канцларіи ту записку принесть, показывать генералу состоящую во оной обо мнѣ отметку.

Генералъ погледѣвъ и обративъ ко мнѣ объявляетъ мнѣ именемъ ея величества чинъ капитаномъ, и приказываетъ чтобы мнѣ являца у генерала губернатора графа Майнрука для получения моего опредѣленія въ полкъ.

Таково повелѣніе было потому, что главной инспекторъ съещилъ ехать въ верхъ къ границамъ Кроатскимъ, для обозрѣнія всѣхъ тамо положеніемъ и состоящихъ смежностей къ верхній Славоніи, местъ, а потому зачнетъ, делать смотръ полкамъ и учрежденіе военнымъ дистриктамъ въ Славоніи, а между тѣмъ препоручилъ чтобы помещеніе присланныхъ изъ Виены немцамъ офицерамъ, и некоторымъ другимъ до того времени сверхъ комплекта состоящимъ учинить оному генералу губернатору распределение по полкамъ, яко генералъ губернаторъ былъ отъ Бродскаго пехотнаго полка шефъ, а при томъ и всѣ прочіе Славонские полки въ его губерніи состоящи были по службѣ въ своеи командѣ, то такое распределение и положено на тотъ случай на него, для чего чтобы скорѣйше учинить-то могло быть, оставилъ генералъ инспекторъ некоторыхъ изъ своихъ канцларскихъ чиновъ для описыванія и приуточьявленія къ смотру всего дела, и потому съ ехилъ чтобы туда къ нему съещить приказавъ, по концѣ уже онъ зачнетъ отъ верхній страны и внизъ всѣмъ полкамъ смотръ делать.

Все сие сделано въ самой скорости и отъкровенно, а я тамъ будучи получилъ отъ генерала губернатора повелѣніе что помещенъ въ комплектъ капитаномъ въ Бродской пехотной полкъ, а чѣмъ для похода въ полкъ и ордеръ мнѣ данъ.

Таково опредѣленіе мнѣ причинило досаду велику, понеже о томъ я ни мало не думалъ, чтобы меня изъ гусарскаго полка выключи-

читъ, а оспытати чиръ въ ономъ въ до прохлѣтѣму, буау, для чего и не стараясь я, о томъ пробы, кой изараиѣ употребити, но какъ сче вы прозвимость, моеи воли, зладаетъ, то просидъ я о томъ генерала губернатора представляя ему что въ пехоте быть и служить не желаю, а прошу и оставить меня въ томъ же полку въ коемъ я и прежде былъ.

Генералу то было противно, что въ ево полку я быть воли не имѣю, отвѣчала мнѣ несколько отъ неудовольствия говорить, вы о томъ можете просить генерала инспектора, ибо дела и всѣ свѣдѣния уже къ нему отпрываны, а мнѣ де пределать болѣе не можно.

Выжу я что со мною въстрѣчаютца новые досады и что даль то больша радуются хлопаты, не зная на тотъ часъ что другае делати какъ что согласился съ мыслимои своими ехать въ Бродской легкой полкъ, и дожидати приездъ генерала инспектора тамъ.

Я приехавши въ тотъ Бродской полкъ явился у полковника барона Януса и подполковника барона же Рыта, оны какъ давно меня знали и много старались, чтобъ я къ нимъ въ полкъ переишолъ, то тогда принялы меня выдомъ приятнымъ и ласкью, говорятъ: ну вотъ сколько ты ни спесивылся сперва, что не хотѣлъ къ намъ перейти въ полкъ, а таперъ де само собою на то пришло и вы таперъ нашъ, а въ томъ не хотѣлы признати что оны тому причиноу, что меня генераль губернаторъ въ сей полкъ поместылъ, какъ я о томъ опосля узналъ.

Однако я имъ отвѣчала, что въ пехоте быть не желаю, вы говорыль а самы анасте, каковъ я по форме гусарской экипажъ имѣю каторой таперъ долженъ у меня остатца безъмолсно, и я чрезъ то почесу такъ великой убытокъ, по напраску, а сверхъ всего говорыль а несколько отъ неудовольствіемъ; какъ скоро я не аъ пугарской службе въ каторой я прежде былъ, то ужъ я и не едуа ея величества ласкью, каковъ еще могъ быть и аслужити ту выочайшую милость, которая надо мною оказана.

Син мой господа употребилъ мои слова за надешешу, говорятъ мнѣ чтежъ вы думаете разве де толко в службу у государя что гусаре, етъ мы де надежда и отсна прелосты а вы за шана, а даль ужъ и не хотѣлъ с ними диспутатца, оловыль на томъ, думашъ въ себе что не буду я у васъ долго пехотинцемъ въ томъ разуме, что препрошусъ у инспектора по преднѣму быть въ гусарскомъ полку, а также

и на своего бывшего шефа надвѣялся что онъ меня отъ пехоты выводить, а о Россіи уже совсѣмъ у меня дѣтъ мыслей вышло.

Послежъ сихъ разговоровъ опредѣлыть мнѣ полковникъ роту, кою до того времени командовалъ порутчикъ, онъ былъ немецъ звался Горичка, но по большой части хваралъ, я туда въ то селение поехалъ и тому порутчику о здаче мнѣ роты принесъ ордеръ, тотъ дѣтъ у насъ прошолъ такъ праздно, а на завтра зачали мы делать дѣло и людей по списку и осмотръль.

Тую же наступившую ночь какъ квартера у порутчика была толко одна горница съ маленькою комнаткою и съ сенмы (коя то ужъ должна была быть моимъ въпредъ жилищемъ но неудалось), то мы оба я и порутчикъ положились въ горнице всякъ на своей постелѣ а въ комнаткѣ у него была служанка и экипажъ не великой, человекъ онъ былъ доброй но очень бедень, и толко всего добра что мундиръ да три лошады имѣлъ, кои стоялы тутже поблизосты въ несколько шагахъ по зады квартеры въ конюшнѣ, при коей и сараецъ маленькой для повоски.

Подъ сумеркъ взяла порутчика трести лыхорадка и онъ бедной потомъ въ превеликомъ жару безъ чувства почты лежалъ а я было уже заснулъ, какже вдругъ нѣчто стало стучать, отъ чего я разбудылся и покудова опомнился изъ просоня прошла минута и другая, у насъ въ горнице поставленная на землѣ въ шандалѣ свеча еще горѣла, а тутъ опять со двора у ставни стучить стало непрестано и слышу голосъ отъ часоваго, что говорить вставайте вы погибли, я какъ скоро то услышилъ всталъ и кличу порутчика, однако всеу, онъ въ жару какъ мертвой лежитъ.

Добыраюсъ я до своего ружья чтобъ оборонитца, ежелы кто какое нападение на насъ здекаетъ, какъ часовой крычалъ что погибли, каторой непрестано у ставни и у двери отъ сенѣй стучить и кричить, между тѣмъ зачала служанка въ комнате кричать и плачеть, я скоряе ее спросилъ что такое и что она кричить, отворивъ при томъ и двери отъ комнаты; окошечко невелико у той комнаты было также заперто и что отъ свечи сияние изъ горницы туда въ комнату вошло, то я и не могъ приметить сперва что на дворе дѣлаетца, а повторяю слова къ служанке что она кричить, на что она какъ встала съ постелы и прибираетъ свое платѣ, говорить мнѣ, мы згорымъ посмотрите чрезъ расчелыну вотъ у окошка, какъ на дворе пожаръ великъ.

Я отъ сихъ словъ бросился къ дверамъ отворылъ оныя а у сѣночныхъ стѣлы было салдаты ломать, почитая насъ еще спящихъ и подлинно мало и на веки тамъ не заснули, я лишь толко что горнишние двери отворылъ, алъ ужъ и въ сѣняхъ сталъ огонь показиватца, кровля была изъ тростника, которая весма буйно горѣла.

Двери сѣношние я отворилъ, кричу на салдаты чтобы скорѣе вынесли порутчика; оны кинулись туда взыли его съ периною и со всѣмъ и вынесли вонъ, а онъ ничего того не чувствуетъ и покуда оны съ тѣмъ возилысь, то я успѣлъ взять свой мундиръ, а слуга мой подскочилъ подхватылъ постель, и другіе стекшіися салдаты хваталы, кто что могъ въ горнице, выносили и тѣмъ спаслись, но бедного порутчика всѣ трое лошадей сѣгорѣло съ повоскою, ибо пожаръ изъ конюшни взялся, слуга его былъ пьянъ, положился съ трубкою въ сѣно и тѣмъ запалылъ, каторой полужареной едва изъ огня выскочилъ а ветръ великъ какъ поднялся и поломень понесъ на домъ, то отъ того и домъ скоро загорелся и всѣ безъ остатку зделалось пепелемъ.

Вотъ встреча какое предвещаные зделала, о чемъ было тамошние жители стали угадывать, что де нашему новому капитану недолго здесь быть, оны чему нибудь иному такъ угадывали, а судьбына моя иное приуготовляла какъ на то всякъ человекъ итытъ повиненъ, и точно слѣпому подобенъ, куда его ведутъ туда онъ и идетъ.

Я роту принявъ и возвратился въ штабъ для донесенія о томъ полковнику и между прочимъ приметылъ полковникъ, что я весма смутенъ спрашиваетъ меня здоров ли я и что такъ невеселъ, о чемъ какъ узналъ изъ словъ моихъ, что мнѣ въ пехотѣ служить неприятно, то и сталъ мнѣ говорить слушайте вы, я де вамъ советую престать отъ того, вы де чрезъ то потѣрять можете много, естлы станете противытца и вновь просить захотыте, а служба де всеи ровно въ каком бы то полку ны било.

По симъ обстоятелствамъ я ужъ и положылъ на томъ быть и ожидалъ приезда инспектора графа Сербелоны, но какъ тогда уже настигла зима и онъ не могъ далъ по своей камыси хадытъ, окроме толко что адынъ Градишкански пехотной полкъ смотромъ кончилъ, то потому и продолжился приездъ его къ намъ даже до будущей весны.

Между тѣмъ отпросился я у полковника своего чтобы съездытъ къ отцу, нашолъ я его въ великой печалы тѣмъ болѣе, что при новой формираціи Славонскихъ полковъ, какъ я въпереды говорылъ, что изъ двухъ гусарскихъ зделанъ адынъ, то и велѣно ему прейтытъ

одять въ другое назначенное военное место и тамъ и другую роту принять где почти пустое место соотомтъ, и надобно бы было совсѣмъ вѣновь заводытца, отъ чего а также и от прежнихъ частыхъ преселеньевъ съ адного места на другое вовсе почты разорылся, чѣмъ весьма будучи огорченъ, а к тому еще и то что стали ежегодно съ моею новою матерью у него раждатца дѣты коихъ уже было шестеро, то и подошль отъ службы отъстать и прѣсѣть отъотавки, что потомъ въскоре и зделалъ и прешолъ на жилище въ водной королѣвской городъ называемы Новы Садъ (противъ крепосты Петроварадина чрезъ реку Дунай толко разстояниемъ лежащій), где на время нанялъ домъ пакудова постротца вѣновь или готовой купыть изищеть.

Потомъ поехалъ я съ женою къ тестю моему полковнику Рашковичу въ городъ Митровицъ, где онъ съ фамилиею жилище свое имѣлъ, обстоятелства со мною бывшие были уже ему известны, и что на томъ такъ обошлось и дело кончено, то тѣмъ хотя онъ и былъ доволенъ, но не оставль онъ мнѣ великие выговори учинить, и почти ежедено сколко я тамъ у него былъ всио о томъ принужденъ былъ я отъ него слышнить, упомыная что и для чего безъ никакой нужды доводьтъ я себя до того, представляя при томъ мнѣ въ глаза какъ я уже близъ погибелы былъ и что еще съчастия что могло на томъ обойтытца, и что напоследокъ таюи милости какая со мною зделана еще никому не было, и то первая редкость со мною послѣдовала и чтобы я вѣпрядь безъ его воли нивакихъ дѣлъ самъ собою не зачиналъ, на крепко мнѣ о томъ подтвердылъ, а что де ты тѣмъ недоволенъ что въ пехотной полкъ определънъ, то де еще можно будетъ пределать или говорыль онъ возму я тебя сюда въ свой полкъ, и стоить де толко ободномъ или о другомъ попросить инспектора какъ онъ приедеть, что надѣюсь верно онъ и зделаетъ, я ужъ на всио сие согласился и обнадежыль тестя моего, что конечно вѣпрядь обо всемъ его спрашиватца буду, на чомъ я думаю и осталосбы навсегда, естлибы другие обстоятелства еще не родилысь, мое тогда свидание съ тестомъ было почти какбы на веки простытца съ нымъ.

Я всего у тестя моего бавылся дней шесть и потомъ поехалъ въ полкъ, всю ту зиму и до весны провелъ я въ великой скуке, и напоследокъ уже дождался приезда генерала инспектора графа Сербеловы, онъ первее зачалъ Бродской пехотной полкъ смотрѣть, вѣсьмъ намъ съ перваго раза показался громомъ страшень, и мало почти с кѣмъ говорыль разве съ полковникомъ и то не много а толко о какомъ деле что спросить, онъ власть велику имѣлъ яко поверенная

особа отъ государя; дѣлалъ великіе въ штатѣ прѣмены; всѣ третѣ-талы предъ нимъ, а мнѣ то его просить о своемъ дѣлѣ было надобно не зналъ я какъ зачатъ, напоследокъ рѣшился, взялъ на себя смелость изыскавъ случай за одинъ день прежде нашего смотра под вечеръ, такъ онъ вышелъ самъ адынъ изъ горнишнихъ дверей на галитъ, а я тутъ подступылъ подаю ему на писме мою прозбу, въ ней объяснилъ все мое дело какъ я имѣлъ апшитъ въ Россію, и что меня подъ арестомъ держали, и какъ на рескриптѣ хофъ-крисъ-рата и конфирмацію ея величества королевы я повиновался и остался въ службѣ, и чинъ капитански мнѣ данъ чѣмъ я и доволянъ, но что въ пехотной а не в гусаркой полкъ определѣнъ то тѣмъ остаюсь обиженъ, ибо служба пехотная мнѣ ны мало не сродна, и я имѣю весъ свой офицерской экипажъ по форме гусарскаго полка, котораго нинѣ съ великимъ своимъ убыткомъ я потѣрять долженъ, и потому просилъ разсмотрѣния и превода въ гусарской Славонской полкъ, въ коемъ я и прежде былъ.

Я сию прозбу что подалъ неспросясь тѣста своего, почитая оное малостью чтобы его въ томъ трудить, а намереваясь ежели не сделаетца, тогда уже возложитца на него и преиты въ ево Петроварадинскій пехотны полкъ.

На завтревши день было у генерала инспектора большое собрание, и какъ нашего полка всѣ штапъ и оберъ офицеры, такъ еще и другихъ полковъ некоторые понриезали и всѣ стоялы въ залѣ ноутру дожидались, покуда онъ къ намъ выдетъ.

Генералъ вышелъ въ превелькихъ тушоносихъ съ раструбамы сапогахъ и съ стальными шпорами при шпаге и въ своемъ мундире, какъ онъ былъ адного киросирскаго полка шефъ, то по той формѣ и одевался, однако сапоги слышкомъ были грубые, въ коихъ онъ тупалъ и хадылъ по залѣ въ задъ и въ периодъ съ полчаса не говоря ны скѣмъ ни слова, напоследокъ между прочими офицерами увидѣлъ меня, остановился и подошедь смотря на меня, я думаю онъ гледѣлъ я лы тотъ что ему вчерасъ прозбу подалъ, ибо вчерашни день адѣтъ былъ я въ вицеундире, а сего дня въ парадномъ, а какъ узналъ что я тотъ самой, то пристуцылъ поближе и говоритъ мо немецки (*dein Bitten ist billig*), то есть твоя же прозба есть справедлива, я ему за тѣ слова поклонился, а онъ отъворотясь пашолъ ошатъ по залѣ хадытъ.

На меня стали всѣ мои штапы и полковникъ смотрѣтъ, не зная что сие значить и какую прозбу я генералу подалъ.

Мы долго ждали не начнет ли съ кѣмъ еще чего говорить, а какъ то молчание почти еще с полчася продолжалось, то архиепископ на встречу генералу отъ Петроварадинскаго пехотнаго полка майоръ баронъ Ланиусъ такъ въ залѣ будучи (какъ онъ человекъ на все языки вострой и ученой да толко что несколько былъ втреновать), онъ былъ еще с первого зачала у моего бывшего шефа генерала барона фонъ Биндльсгофена адютантомъ, и мешался при формации полковъ много въ кое какне проекты чѣмъ и навелъ на себя много критиканья, то толко свои фертило, а въпретчемъ былъ хорошей модной афиперъ и смелость вполну въ себе имѣлъ, онъ тогда подошолъ къ генералу инспектору сталъ доиздаивать, что онъ архиепископъ на встречу для предпроеденныя генерала до полка, и на какое время прикажетъ, полку быть для смотра въ готовности.

Генералу былъ природою Италианецъ и худо по немецки говорилъ а болше по французски и по италиански; видно онъ зналъ или слышалъ о Ланиусе, для чего какъ Ланиусъ къ нему подошолъ, то генераль остановился и припулъ по немецки: (still) то есть молчи, а далѣ громко говорить сталъ подынявъ свою руку въ верхъ сколько могъ выше сказалъ (Lanius so gross), а потомъ опустилъ, кынизъ руку почти на поларшина отъ земли сказалъ (ich mahen so klein) слова то сказани накриво, однако мы разумели что значить, то есть Ланиусъ де такъ великъ а я сделаю такъ маленкимъ и то выговорд помню опять по залѣ ходить, а потомъ спросилъ нашего полковника что вамъ полкъ готовъ, на что отвчалъ что готовъ и на какоя время прикажетъ на пачи выступить, генераль приказываетъ (ich will morgen um acht Uhr frie sehen) я де хочу завтра въ восемь часовъ поутру видеть, и с тѣмъ насъ оставилъ, самъ пашолъ въ другие пакод.

Лишь толко что мы въ зала вышли; началъ меня мой полковникъ спрашивать что я генералу подалъ; и в чомъ моя прозба состоитъ; и какъ я могъ осмелитца чего подавать де сказавъ ему о томъ на периодъ, я пред полковникомъ сколько могъ аскузовался представляя ему мою небыность и что въ моей прозбе никакой важности нѣтъ, а толко говорю я что то самое о чемъ и вамъ извѣстно, что я въ походъ одужить охоти не имѣю, и просилъ превода въ тожде гусарской полкъ въ коимъ я де прежда былъ.

Полковникъ на то съ сердцемъ отвчалъ: дабро, я де тебы веду гусарство изъ головы и выгучу де я тебя по пехотному шагать,

и то сказавъ пашолъ отъ меня протчь, и потомъ въ самомъ дѣле онъ началъ делать кое какіе штришки и за самую маленькую бездельну делала мнѣ шпанства, адмаже я то оносилъ терпелиде съ учтивостью кадылъ въ нему часто, также и въ подполковнику, барону Рыту, ка-
торой могу сказать меня даснаво всегда встречалъ олованы, но я не могъ никакъ на то сидонитца, чтобъ въ нихъ долку быть а ожи-
далъ въ терпенія своего времени и какая на мою прозбу, отъ генера-
рала инспектора мнѣ резолюция будетъ.

Полку нашему завтрешни донъ былъ смотръ, генералъ всякаго
человѣка по списку смотрелъ, и чрезъ смотръ при своей ротѣ про-
шолъ а потомъ была инспекция, и всѣ эволюція съ палбомъ цѣлымъ
полкомъ.

Генералъ по окончаніи всего того бавылса у насъ еще дня три
пресматривалъ всю амунизию, делалъ некоторымъ вацдамъ кои были
отпущены не по форме прѣмену, назнанивалъ жевогихъ по ста-
росты олужить офицеровъ въ отставку и потомъ похлалъ далъ въ
Петроварадински пехотни полкъ, въ коемъ какъ я выше упоминалъ
былъ тесть мой полковникомъ.

Я почиталъ что на мою прозбу будетъ мнѣ въ преводе резолю-
ция, надѣясь на отзывъ генерала инспектора, какъ онъ мнѣ сказалъ
что прозба моя есть справедлива, однако надежда вышла тщетна, ибо
генералъ при своемъ отъездѣ далъ о томъ полковнику ордеръ съ
прописаніемъ, что за неимѣниемъ въ гусарскомъ Славонскомъ полку
капитанской ваканціи, должно мнѣ оставатца въ томъ Бродскомъ
пехотномъ полку въ комплектѣ какъ я во оноиъ и вричмогънымъ со-
стою, о чемъ чтобы мнѣ дать знать.

Полковникъ призывалъ меня, дасть мнѣ тотъ ордеръ читать при
чемъ повелѣваетъ, чтобы мнѣ отъ своего такова намеренія отъстать
и быть при своей должности съ пакоемъ, советуя при томъ бро-
сить всѣ думки, кои болшь вреда наносятъ нежелъ пелзы, и что
со временемъ я привыкши къ пехотной службе самъ болше въ гуса-
рахъ быть не захочу.

Мой ответъ на то былъ учтивымъ образомъ, какъ обыкновенно и
съ ними обходился духомъ смиреннымъ и тѣмъ отводилъ много отъ
себя гоненій, и сказалъ что уже и быть такъ когда иначе быть не
могло; но о томъ что таковъ ордеръ на мою прозбу послѣдовалъ по-
казалось мнѣ сумнительнымъ, и болшь думалъ претчиною моихъ шта-
повъ, нежелъ что генералъ самъ такую резолюцію положытъ, какъ и
въ самомъ дѣле опосля ихъ хитрость я узналъ, что полковникъ мой,

а особливо подполковникъ баронъ Ритъ, старалась упробить о томъ правытели канцелярїи генералской, какъ обыкновенно таковы люде могутъ много и криво и добро зделать.

А дабы на томъ не осталось, то положилъ я ехать скорее къ тестю своему и тамъ съ нимъ посоветовать, чтобы онъ о моемъ преводе у генерала инспектора испросилъ млы въ гусарской, въ коемъ я и прежде былъ, млы къ нему въ ево Петроварадински пехотни полкъ.

Я не терявъ времени вышолъ къ полковнику прошу о увольненїи меня на сколько дней онъ изволить, сказываю что имѣю надобность выдетца с тестомъ какъ давно я его не выдалъ, полковникъ подумалъ, несколько а потомъ сказалъ: хорошо изволите поехать а срокъ вамъ дам на десеть дней, на тоже время случился тамъ и мой подполковникъ баронъ Ритъ и видящъ, что меня полковникъ увольняетъ говоритъ осмехнувшись къ полковнику: дабро вы де ево увольняете, поештрите ежелы гавъ не будетъ, что мы въ последы разъ ево таперъ видимъ и онъ конечно отъ насъ отойдетъ протча, я на во отвечалъ ему поклонясь говорю, не подумайте вы господинъ баронъ, чтобы я былъ столко лехкомысленъ и хателбы что либо зачинать не сказавъ вамъ моимъ командирамъ, какъ я даволно выжу къ себе вашу мылость и что желанье ваше имѣть меня въ полку есть для меня знакъ вашей привязны, и дѣлаеть мнѣ честь, вы увидите говорылъ я къ нимъ, что я опять скоро возвращусь и къ вамъ буду, съ тѣмъ отклонясь вышолъ, и тотже день поехалъ въ свою дарогу.

И подлино что я не о другомъ чомъ думалъ предпринимать какъ о томъ толко что выше говорылъ, чтобы с тестомъ о моемъ преводе посоветовать, въ чемъ и не состояло ни какова секрета, но приутовленное время мнѣ моею судьбною къ понесенїю всего того что еще со мною быть назначено уже приближилось.

Мнѣ надобно было ехать целые два дни покудова бы могъ доехать до местечка Мытровицы, где тестъ мой жылъ и полковая штабъ квартара была, для чего тотъ первой данъ ехалъ я очень скорое, чтобы мнѣ можно было заутреннать деньъ туда носить.

Тужъ первую ночь провелъ я въ поле на траве для корму лошадей и всталъ очень рано запрегши лошадей въ калыску поехалъ.

Спусти часть места моей езды выжу я издалы скачетъ человекъ верхомъ по дороге мнѣ навстречу, коего какъ онъ приближился узналъ я, что онъ есть человекъ изъ служителей конюшенныхъ тестя моего, я остановился что и онъ узнавъ меня также зделалъ, спра-

щиваю я до куда ехать, онъ ни него болѣе не говоря окромѣ, что позволите сударь скорѣе ехать вотъ де вамъ и письмо, я взялъ оно е вижу по надписи что рука шурина моего, распечаталъ скорѣе и сталъ читать, пишетъ, уведомляя меня что батюшка нечаяно заболѣлъ и что ненадежно о его выздоровленіи, для чего чтобы я скорѣе поспешалъ и ехалбы просто въ село Купыново, где уже вся фамилія собралась въ томъ числѣ обѣ отце моемъ и о женѣ моей упоминаетъ что и оны тудажъ приехали.

Я еще слугу спрашивать не умѣлъ что сказать; на что отвѣчалъ что болѣе ничего не знаетъ какъ только что осмотръ пожу уже конченъ, и генералъ де после осмотра поехалъ въ нынѣ границую по надъ Савою рекою, куда и наша господинъ было поехалъ, но въ селѣ Купынове заболѣлъ и остался тамъ, для чего наша пришло отьтуда известіе третова дни, что наша госпожа полковница тотчасъ поехала, а письмо де сие отьтуда вчерась во дворъ приславо съ приказаніемъ чтобы скорѣе съ онымъ за нами ехать, почему вотъ я еду и встрѣтился съ вами.

Таковы вѣсты каковы тѣ мнѣ были можешъ мой читателю вообразить себе, я весь смутился отъ радости велѣлъ слуге поганять лошадей болшою рысью, но тово дня мнѣ туда ни какъ поспѣтъ не можно, однако ехалъ с поспѣшностью даже въ глыбокую ночь, выжу что уже лошады приходятъ до усталы, принужденъ въ полю остановитца и покормить лошадей, а предъ светомъ предъпринялъ опять свою путь, и приехалъ въ то село Купыново после полдня въ часу шестомъ уже под вечеръ.

Меня встрѣтили всѣ съ великою радостію оказываютъ, что тебѣ мой уже при подлѣдѣхъ издиханіи, я скорѣе куда дощолъ выжу его лежащаго въ великомъ стананіи безъ языка и десь пременился лыдомъ, что едва я его узналъ, ужъ глаза помутылись.

Я подошелъ къ нему, целую его руку, объявляю что я приехалъ и не можетъ лы мнѣ чего акакать; теща моя также и прочіе тоже повторялы стараясь не могутъ лы гнѣть моимъ приездемъ хвѣтъ мнѣ въ чувствѣ его примрестъ (дакъ онъ сказывалы мнѣ, дошолова еще говорытъ могъ несколько разъ, обо мнѣ спрашивалъ и приказалъ за мнѣ послать нарочнаго), для чего тутъ непрестано ему всѣ говорили что ужъ я приехалъ и по многомъ о томъ упомынаніи повернулъ не много голову и хотѣлъ было руку подынять, я подъхвата одну держу, а онъ только что немного глаза отворылъ и погледелъ, но говорить не

могъ ничево, и съ тѣмъ чрезъ четверть часа и Богу духъ дасть, оставивъ по себѣ всѣмъ вечную жалость.

О смерти его данно тотъ часъ генералу инспектору знать, каковой какъ по границе поехалъ находился тогда въ городе Землине, что противъ турецкой крепосты Бѣлыграда лежить.

Генералъ приказалъ, чтобы къ погребенію весь полкъ туда собрался и церемонію по военному обычаю отъправилъ, тело его анатомлено, ибо иначе нельзя было обойтица Покудова весь полкъ собрался, и потомъ понесли тело съ церемоніею великою въ монастырь Крушедолъ где положено въ землю, а генералъ инспекторъ о смерти такова славнаго господина отъправилъ съ извѣстіемъ ко двору нарочнаго отъ себя куриера *.

* О причинѣ смерти сего славнаго господина не могу оставить, чтобы не пояснить стоже, сколько мнѣ о томъ есть извѣстно, по разговорамъ бывшимъ тогда между людьми, о чемъ и онъ едѣтъ покойникъ тотже часъ какъ заболѣлъ одычасты сказалъ, какъ наже видно будетъ. Я ужъ выше сего несколько разъ удомыналъ о томъ что 1731 г. подъ городомъ Пештоу въ Венгріи былъ учрежденъ отъ войска большой лагерь въ присутствіи обеихъ императорскихъ величествъ, цесаря и супруги его Маріи Терезіи, куда и отъ славонскихъ полковъ войско пришло было и соединены батальоны въ одно, предъ коими былъ командиромъ нашъ умершій тестъ мой полковникъ Афанасій Рашковичъ, и по счастливой удаче въ произведеніи всѣхъ аволюціевъ были ихъ величества много давности, для чего одному тестю моему оказано особенное предъ тѣмъ протчимъ монаршее благоволеніе: его ихъ величества удостоили съ собою за столомъ обѣдать, где всѣ министра и протчие господа стоялы на ногахъ, а за столомъ седело толко цесарь съ супругою да тестъ мой троты, где отъ ихъ величествъ ему изъясняемы были всякые ладки въ словахъ съ похвалою народскою о ихъ всегдашней службѣ а даче великой ро великихъ случаяхъ верности, съ обнадѣживающимъ какъ ему такъ и всему народу высочайшей милости. Таковъ приемъ теста моего обратилось у некоторыхъ господъ въ ненависть, дои потомъ старались кады сего предъ двигеля искоренить: дабы тѣмъ получить могли себе поху, почему и приуготовили ему чашу смерти, одио для того чтобы открытъ нападениемъ поболше какъ тогда великаго произвождена въ штабскае чины при тѣхъ въ Славоніи подѣлахъ ожидали, а другое—и къ предметъ былъ—какъ таково предводителя, каковыя тожко онъ адмѣтъ сего и. бытъ (предъ народомъ у Сербовъ), не будетъ, то ужъ болѣе мѣзъ прочихъ оставшихъ не споро кому на такой степенѣ доведетца быть, почему та слава и честь чрезъ службу народа можеть приписано быть имъ. Для чего таковъ душегубитель, замысливъ удобней случай къ исполненію своего намеренна, въ то время когда генералъ инспекторъ былъ и рожеванъ многими аницерами по границе того дистрикта и будучи въ томъ селѣ Кушинева бытъ обѣдой столъ вообще, при комъ къ услуженію также разные тѣхъ господь слуги были и послѣ обѣда под-

Мы всё что свои были после погребенія поехали изъ монастыря Крушедола въ местечко Мытровицу для препровожденія нашей жалосты, отъкогда писалъ я моему подковнику извѣщая его о приключившейся смерти тестя моего и что не могъ я на назначенной ерокъ къ полку явитца, а находытца буду некоторое время у оставшейся вдовы тещи моей и въ томъ прошу позволѣнія.

Я въ Мытровице у тещи пробугъ еще дней шесть и оставивъ супругу свою тамо, дабы матеръ отъ той великой жалосты удерживать хотя словами, ибо она почти какъ безъ ума ходыла и лежала, такъ сильная жалость ея обняла, а самъ я съ отцомъ моимъ поехали въ Новы Садъ, гдѣ уже онъ по отставке отъ службы совсѣмъ пребрался и живетъ тамо.

Тотъ день не могли мы еще туда поспѣть, а ночевали у знакомова приятеля по пути, а назавтре поехали далѣ.

Тѣмыжъ днямы напали на меня разные думки и размышленія а наиболѣе тревожила приключившаяся смерть тестю моему, воображая о той учинившой съ нимъ душогубительной поступке, отъ чего вдругъ пришли мнѣ всѣ дѣла тамошныя въ омерзѣныя и стали мнѣ напоминая мысли мои некоторое сожалѣніе о томъ, что я отъ намеренія въ Россію отсталъ и что далѣ, то болшъ зачалъ я о томъ думать, и наполнилась тѣмы днямы полная моя голова таковыхъ мыслей, но что и какъ зачать, не могъ еще резолюціи себе положить, зная что формоу просить уже никакъ мнѣ не можно и пропабы верно,

носили была кофя, кофѣ чашку адму между протчимы неизвѣстно чѣмъ то слуга былъ поднесъ тестю моему; онъ какъ скоро оную винылъ, то спусти мынуть несколько возчувствовалъ великую колючку и режь на животѣ, отчего не могла тамо болѣе въ собраніи былъ пашолъ на квартиру, и тотъ часъ стало его рвать и чрезвычайная боль за сердце его схватила, такъ что онъ предвидявша сместа ни место, выговорылъ только предъ тѣмы кон при немъ случившю, что де въ злой я часъ на путь сію поехалъ, а еще болше, что денную ему чашку кофя выпылъ; онъ хотѣлъ было ехать дамой но не могъ, ссызавило его съ лога и привела та жестокая мука въ немощенныя; лаваръ хотя и случился тамъ, но утъ и онъ ничѣмъ помочь немогъ, для чего и велѣлъ скорее за фамильнымъ своею поехать, кой какъ на другой день туда собрались нашли его уже въ великомъ мученіи и мало что говорить могъ, отъ чего иидъ я и выше говорилъ и писалъ своею кончалъ. То самое, что онъ о несчастливой чашки кофя упомянулъ, свидѣтельствовало, когда его алатомыли и увидали, что вся внутренняя печерѣва и знаки выдны были также каковы доказывали, что ему отъ того и смерть приключилась.

на послѣдокъ о ашпите имѣющимся у меня также сталъ я размышлять, какбы по немъ чего предпринять и не находыль другога средства но чтобы ехать въ Виену и явитьца къ находящемуся тамъ Россійскому полномочному Министру и просить его о домогательствѣ моего увольненія, и то моглобы возымѣть успѣхъ думая естли бы мнѣ туда дозволено было ехать, ибо зналъ я то, что безъ особливаго дѣла по службѣ или какой отъ полка посланке никому изъ афицерскихъ чиновъ состоящихъ въ полкахъ въ Виену ехать быдо тогда не позволено.

Таковы мысли ожыли у меня въ голове и воспламенность о Россіи желаные болше еще перваго, для чего и положилъ себя на отвагу, что ехать въ Виену неупуская времени хотя и безъ дозволенія.

Я о такомъ своемъ намереніи никому нислова неговору и будучи въ дороге тогда съ отцомъ моимъ, какъ я выше говорыль, спрашиваетъ онъ меня говорыть: чтожь ты всю такъ жестоко задумавшись молчишь, я де примечаю вотъ сею дѣя да и вчерась ты ничего еще не ель, ты де можешъ отъ такихъ думокъ занемочь, такъ скажи мнѣ говорыть отецъ мой о чемъ ты такъ много думаешъ, ежели о томъ что покойнику тестю твоему смерть приключилась и скорбышь понимъ, какъ онъ тебя много любыль, то что делать это де уже возвратыть нельзя. Я на то отцу моему говорыть зачалъ представляя, что какъ время и обстоятельства превертаютца и выходыть надежда человеческая всю на другое, нежелъ что человекъ чему бытъ полагаетъ, какъ и таперъ со мною худіе обстоятельства представляютца, была мнѣ говорю я надежда осталась толко на тестя, каторой бы могъ во всякихъ случаяхъ бытъ мнѣ въ помощь; такъ таперъ и того лишился.

При сихъ разговорахъ открыль я отцу свое намереніе. говорю что воображаетца мнѣ непрестано надежда, что я еще по моему ашпиту могу получить увольненіе въ Россію и что решился учинить отвагу ехать самому въ Виену и просить пашпорта.

Отецъ мой подумалъ несколько и на мои слова отъвечалъ говорыть дабро де, это твое намеренные было бы и есть дѣло хорошее естлы удастся достигнуть того, и я де тебѣ въ Россію ехать благословляю, да опасарсь чтобы иногда неопасысь въ какое несчастіе, и тогда де и я на оветъ живымъ бытъ не желаю, ты выдишь говорыть мнѣ отецъ, что я уже собираюсь къ старосты, и какая мнѣ шлоза изъ того, что таперъ стали дѣты у меня раждатца, это де болше къ ихъ и къ моему несчастію, а мнѣ де подъ старіе мои лѣта естлы оныхъ дожду толко что на тебя вся моя и надежда, да и дѣтямъ симъ еще

малолѣтнѣмъ; болѣе не на ково обычныхъ старанье возложить какъ на тебя.

Ежели счастливо ты въ Россію выедешь, то ужъ конечно надобно старатца тебе самому, чтобы и насъ всѣхъ отсюда вывести, и чтобы совсѣмъ намъ тудажъ пребратца, ибо инаково мнѣ одному здѣсь послѣ тебя остатца неможно, а чтобы я о своемъ увольненіи, говорить онъ, зачалъ искать, въ томъ какде и ты самъ знаешь что нѣтъ способа по сей строжайшей отъ двора здешняго учиненной недавно публикаци и о Россіи запрещенія *, чего де я и боюсь и несмѣю того зачинать, а буду ожидать что Богъ дастъ, когда ты такъ уже вознамерился, чтобъ въ Виену ехать и по твоему апшиту дѣло оботпуске возобновить хочешь, для чего и небуду говорить отецъ мой ничего ни строить, ни грунтовъ здѣсь покупать.

Притомъ нашемъ разговорѣ просилъ я отца, чтобъ онъ о томъ моемъ намереніи ни матихи моей ни никому другому ничего не сказывать.

* Таково запрещеніе учинено отъ двора потому, что Хорватъ какъ въ Россію выехалъ дознамерился скоро послать въ Венгрію въ свои прежніи жилища отъ себя нарочнаго, съ тѣмъ, чтобы вывести оттуда оставшихъ сродниковъ тѣхъ людей, кои съ нимъ уже выехали, съсилаясь на повелѣніе королевы Маріи Терезіи, что при увольненіи его Хорвата и снятъ еще другихъ чиновъ упомянуто отпустить съ нихъ фамиліями, почему Хорватъ и сочелъ такими фамиліями и тѣхъ кои остались, а состоятъ въ родствѣ адынь другому, можетъ быть даже и до десятаго колена, для чего и послалъ Хорватъ, для таково дѣла майора тогда бывшаго Никлая Чорбу, каторой приехавши въ Венгрію, вступилъ въ свои прежніи жилища подъ видомъ другой надобности, а между тѣмъ назначилъ многихъ еще желающихъ къ выходу, упомянувъ ихъ фамилію тѣхъ, кои уже въ Россію вышли; но что таково увольненіе инаково получить было не можно кроме что подать прозбу самой королевы, онъ поехалъ въ Виену напысалъ доношеніе, напослѣ въ одишь день рано во дворецъ, на которое время никакова собравши небыло, стада въ переднихъ покояхъ ожидая выхода королевы; тоужъ утро цесарь хотѣлъ выехать въ полѣ, и проходомъ своимъ чрезъ пакой увидѣлъ столцаго Чорбу, остановился спросилъ его, кто онъ таковъ и какое дѣло имѣеть, Чорба отвечалъ о себѣ и что имѣеть доношеніе къ поданію королевы, цесарь то доношеніе сталъ требовать, а Чорба не узнавъ цесаря яко былъ одѣтъ въ платьѣ егерскомъ, почитая его какимъ другимъ придворнымъ человекомъ не далъ доношенія а сказавъ, что онъ самъ изъ своей ружи хочетъ королеву подѣть, цесарь осердившись выгналъ его изъ двора сповеленіемъ, что ежели въ два раза двадцать четыре часа за границу не выедетъ, то велеть его повесить. Изъ сего самаго учинено такое строгое повелѣніе, что ежели кто въ Россію будетъ просита, тотъ будетъ казнѣнъ смертию.

Тотже день въ вечеру приехали мы въ Новы садъ и живу у отца уже дня четыре, приготавливаю мысли свои какъ намѣренныя свое зачать и въ дарогу ехать, и въ такихъ размышленіяхъ будучи объѣзжать, пашоль проходитца по городу и зашоль къ купцамъ въ лавки, люде были всѣ знакомы, седелъ у одного и у другога, разговаривалъ и отбывалъ тѣмъ скуку, при чемъ увидѣлъ нечаяно мѣждущаго полка нашего аднаго знакомова мнѣ ундеръ-офицера, позвалъ его къ себѣ, спрашеваю зачѣмъ и съ кѣмъ приехалъ, на что отвѣчаетъ, что присланъ отъ майора за кое какою покупкою, и что уже исправилъ свое дѣло хочеть въ полкъ завтра ехать, я его попробилъ чтобъ онъ поутру ко мнѣ зашоль и возметъ у меня письмо къ полковнику, что и обещался онъ эдежать, а я вѣстивши пашоль дамой, тутъ уже я рѣшилъ что скорѣе выехать и тѣмъ скрыть свои слѣды, чтобъ неизвѣстно было гдѣ я обретаюсь, взялъ бумагу и перо сталъ писать письмо къ своему полковнику объдующее:

Высокородный Господинъ Баронъ

и Высокопочтены Господинъ Полковникъ

мой особливо благовадежни патронъ.

Я вашему высокородію изъ города Мытровицы предъ несколькими днями писалъ, что по приключившейся смерти тещи моего полковника Рашковича не могъ я на назначенной мнѣ срокъ къ полку прибыть, а также и таперь честь имѣю донести, что по моимъ обстоятельствомъ какъ и вамъ самымъ есть известно, что определены-емъ въ мехотной подкъ остаюсь обиженимъ и продолжать службу въ нехотѣ нымало охоты не имѣю, для чего и принужденъ изыскивать способъ изъ оной вытти, о чемъ сию уведомляю васъ и къ полку, для продолженія службы болѣе не буду, а развѣ для отданія щета о ротѣ во свое время повынецъ буду явитца въ полкъ, между тѣмъ хотя мое место въ полку уже и ваканцією щитать изводыте, я о томъ прекословить небуду.

Затѣмъ съ менѣи всегдашнимъ къ вамъ высокопочтенымъ пребываю!

Вашего Высокородіа

пакорной слуга.

" Сіе письмо какъ завтрешни день по утру тѣтъ ундеръ-офицерь ко мнѣ явился; то я подаю ему оное сказать притомъ, чтобъ самому

полковнику вручилъ, а о себе говорю ему, что я исправляюсь здѣсь въ городѣ нужникъ мнѣ по формѣ пехотнаго полка артиллеріи и мундиромъ (какова я ни маде не намеренъ было дѣлать) и что потомъ говорю ему въскоре въ поляхъ буду; ундеръ офицеръ взявши тотъ отъ меня конвертъ отъерывался тогожь дня въ поляхъ, а я нымало не медля пашолъ улыцею будто прохаживатца за городъ, а тамо былъ одинъ знакомой мнѣ извозникъ, латорой завсегда въ разные места и города наймаецца людей возить куда кому потребно, подошолъ я къ двору его, спросилъ случившагося на улыще у воротъ малчика дома лы Діока (такъ звали того извозника), малчикъ отвѣчаетъ что де воть толко что со двора пашолъ въ кудлицу, и ежеды вамъ надобемъ то я побегу и призову его, мнѣ то бымо и надобно посплау малчика за нымъ, а я тамъ прохаживилъ по пути къ нему на встрѣчу.

Діока идетъ, спрашиваетъ меня о надобности, я ему говорю, что ты мой давны знакомецъ, хочу тебя нанять чтобъ меня съвесты въ городъ Темешваръ и что просить хочешъ, онъ отвѣчаетъ, что въ ту сторону правда и не рука мнѣ ехать и давно уже несколько лѣтъ тамо не бывалъ, по притчине частыхъ преправъ и болотнистой многода дороге въ ту сторону отъ извоза отъсталъ, однакде по вашей знакомосты и что много я отъ васъ кое когда ползовался извольте я соглашаюсь съвесты васъ туда, а цену говорытъ онъ для васъ не требую большъ какъ четыре червонца.

Я тотъ часъ вынулъ одинъ червонецъ, даю ему въ задатокъ и говорю, чтобъ онъ завтра рано ко мнѣ на дворъ приехалъ и завтра и въ дорогу поедемъ, съ темъ условясь съ нымъ пашолъ я дамой, и говорю въ слухъ, что мнѣ надобно скоро въ поляхъ ехать а также большую надобность имѣю побывать у моего благодетеля бывшаго генерала шефа барона фонъ Енгельсъ-Хофена, для чего говорю я и хочу завтра ехать къ нему въ городъ Темешваръ (отецъ мой приметымъ что то значить и говорить: да и надобно тебы у него побывать, ты де и такъ давно у него не бывалъ).

По утру рано извозникъ мой ко мнѣ на дворъ приехалъ я, нымало немедля и обеда не дожидалъ, а толко тамъ на скору руку не много поелъ и потомъ поехалъ, взявъ толко одного слугу съ собою (а экипажъ всего одинъ небольшой чамаданъ да сундучокъ съ мундиромъ).

Мы выехавши за городъ на полъ чистое где разные дароги разделяютца, сълѣзъ я съ калясочки дамой, пошолъ несколько шагомъ въ полъ назвавъ извозника за собою, а слуге велѣлъ стоять у лошадей,

говорю я извозчику: слушай другъ мой Дюка, а вѣть не въ Темешварѣ еду, а хочу въ городъ Пешту ехать, куда тебѣ и дорога способнѣе и ты туда на извозъ непрестано ездншь, а разстояние все одно, то тебѣ я о семъ таперъ оказываю и мы должны въ Пешту ехать.

Извозчикъ мой было о томъ задумался, и говорить мнѣ за чтожь вы дарогу свою скриваете, и спрашиваетъ не сделали я чего худого (онъ разумѣлъ какъ иногда бываетъ, что чрезъ дуель убегиваютъ иные и скриваютъ слѣды свои), я догадался словамъ его чего онъ мыслить бытъ, говорю, что нѣтъ другъ мой за мною дурнова ни чего нѣтъ, какъ и ты самъ меня давно знаешь (извозчика сего я знавалъ по тому какъ дядя мой тамо въ Новомъ садѣ прежде жилъ, то часто онъ заминался возить кое куда), а есть въ томъ моя надобность говорю я ему такая, какъ иногда бываетъ злые люди и воры прихватить право куда онъ направляющагося въ дорогу, то выходить встречаются или догадываютъ и грабятъ, какъ и ты говорю я ему самъ, о томъ знаешь, то для того я такъ сделалъ и въ городе некоторые думаютъ, что и подлинно я въ Темешварѣ поехалъ.

И тѣми словами моего извозчика уговорилъ и онъ уже согласился вестъ меня въ Пешту, при чемъ однако просилъ прибавки на овесъ хотя полъ червонца, я ему и то обещалъ и туожъ вечеръ на ночлеге и далъ.

Мы ехали почти всю ночь, потому что днемъ покуда жаръ минулъ стали довольно, а предъ светомъ остановились у одного по большой дороге заезднаго двора, покормя тамо лошадей поехали далъ.

Третьимъ днемъ прибыли мы благополучно въ предместье города Пешты, стали въ одномъ заездномъ дворе, где обыкновенно проезжающие останавливаца, въ томже городе былъ у меня одинъ купецъ весьма великой прїятель, прозывается Георгій Ракозлавлевичъ, къ коему послалъ я тогда сказать, что я приехалъ, а самъ не пошелъ въ городъ, потому что у воротъ стоятъ караулы и неравно меня остановить и станутъ спрашивать какъ обыкновенно, кто таковъ и куда еду а там же и о пансиортѣ хотѣлось знать, между темъ мало едутъ времени идетъ тотъ мой прїятель самъ ко мнѣ, я ему открылся и сказалъ всю правду моего туда приезда, и прошу его, чтоб онъ мнѣ былъ въ помощь яко тамошнїи обыватель нашкобы способъ пронестъ въ городъ къ нему на домъ мой маленькой экипажъ, и на завтра также чрезъ

реку Дунай на ту сторону въ городъ Будимъ *; онъ охотно то сдѣлалъ говорить мнѣ, пойдемте мы оба пешкомъ въ городъ, а экипажъ препоручу я хазяину, онъ де человекъ доброй и мнѣ знакомой а потомъ пошлю своихъ людей чтобъ перенесли.

На сіи моего прїятеля слова я согласился, призвавъ моего извозчика заплативъ ему уреченое и сверхъ того далъ еще два сибенценера (денга въ семнадцат копеекъ) на пропойку говорю ему, вотъ видишь какъ я тебя подарилъ, поезжай съ Богомъ назадъ да пожалуй не сказывай ни кому, что ты меня сюда въ Пешту возилъ, а говори ежели кто спроситъ, что въ городъ Темешваръ и что я тамъ остался, извозчикъ и обещался такъ сдѣлать.

Мой прїятель призвавъ хазяина отдаетъ ему на руки мой чаманданъ и сундукъ, проситъ чтобъ цело было и говорить, что де я тотъ часъ пришло моихъ людей чтобъ оной взять.

Хазяинъ въ приеме моего экипажа согласился, а я заплатя ему за тотъ недолгой у него простой и что мнѣ онъ покушать далъ, надѣвши я на себя плащъ (вотъ уже буду я впредь о плаще много говорить. какъ оной не токмо для дождя есть способенъ, но и на другіе потребности надобенъ) пашолъ я съ моимъ прїятели въ городъ и минувъ стоящей у воротъ караулъ, насъ никто ни о чемъ неспрашивалъ почитая насъ, что тамошніе жители, какъ обыкновенно народъ много възадъ и въпередъ проходить, а слуге моему велѣлъ я итти за нами несколько въ отдалъ, который также въ плаще былъ и тако пришли мы въ домъ моего прїятели, я прошлы уже первое мытарство.

Прїятель мой посылаетъ своихъ людей за моимъ экипажемъ, коего скоро къ намъ и принесли, я тутъ у прїятеля моего преночевалъ, а на завтра какъ онъ имѣлъ надобность отъправлять по своему купечеству на ярмарокъ на ту сторону чрезъ реку Дунай въ городъ Будимъ своей возъ съ товаромъ, то и велѣлъ людямъ своимъ по ставитъ тудажъ и мой сундукъ и чаманданъ, а мы оба пашли пешкомъ къ перевозу, при чемъ я опять плащъ надѣлъ на себя, пришли мы мимо караула сходящего у другихъ воротъ, вошедъ на перевозъ преправились на ту сторону въ городъ Будимъ благополучно, и пошли прямо форштатомъ на засѣдней дворъ, гдѣ Выевские извозчики ста-

* Сей городъ лежитъ на правомъ берегу Дуная противъ города Пешты, разстояніе толко теченіе той реки и оба славные и первые города въ Венгріи.

новятца; мнѣ послужило счастье, что засталъ одного фурманчика, которой съ своею кривою каляскою отъправился въ Виену и было еще попутчиковъ, однако и для меня на той же каляске место было, я уговорился съ фурманчикомъ, отдалъ ему по обыкновенію тамошнему мой сундучекъ и чамонданъ на руки, а онъ то взявши увязалъ на зады каляскѣ, поехали еще тогоже дня въ свою дарогу.

Простясь я съ своимъ приятелѣмъ поблагодаря его за доброе его сердце, отъправился въ свою путь.

Мы чрезъ несколько дней приехали къ столычному городу Виены, гдѣ первой караулъ состоитъ, что лынія называетца, тамъ для осмотра нашихъ экипажей насъ остановили, при чемъ какъ у всѣхъ моихъ попутчиковъ втомъ числѣ и меня о пашпортахъ стали спрашивать, тутъ ужъ я несколько пременялся и струсилъ, однакъ скоро своимъ отъветомъ оправился и говорю тамошнѣму караулному афицеру, что я есмь апшитованой афицеръ и показавъ ему свой вь оригинале данной мнѣ отъ моего генерала апшитъ, и что еду въ городъ Виену для истребованія въ главномъ кригсѣ камысарнате заслуженнаго мною жалованія.

Сему моему показанью сей доброй афицеръ поверылъ и говорить къ таможенному ундеръ-цолнеру, что я пропущенъ въ городъ; почему тотъ таможены осмотра наши экипажи далъ намъ о пропуске маленькой на карте значекъ, что заповедныхъ товаровъ у насъ нѣтъ.

Отъ сего перваго загороднѣго караула съ даннымъ намъ правожатымъ салдатомъ въехали мы въ городъ до другаго караула, где отъ насъ тотъ пропускной значекъ отобрали и пропустили въ городъ.

Я квартиру себы нашолъ въ одномъ известномъ мнѣ давно трактире на улице (називаемой Альтфлейшъ маркъ), гдѣ по большой части иностранные купци становятца и въ найомныхъ домахъ съ своимы товарами живутъ, ту первую ночь я преночевалъ, аднакъ лучше сказать, что всю ночь не спалъ а разсуждалъ, что предпринять и какъ свое дело зачать, на послѣдокъ положылса такъ, чтобъ первее явитьца Россійскому полномочному министру, разьяснить ему обо всѣмъ моемъ дѣле, но не знаю где онъ живетъ, и что ни какова знакомства тамо при его свите ни скѣмъ неимѣю, о томъ безъпокоили меня мысли мои много, на послѣдокъ въздумалъ я искать себы проважатаго, кто бы мнѣ въ томъ пособилъ и къ послу на дворъ повелъ.

О чемъ вспомнилъ я ободномъ купце тамо живущемъ, онъ былъ грекъ и банкерь, каторой промыслъ свои имѣлъ толко адними денгами въ переводахъ въ разные государства, називался сей купецъ Дмитрии Хауса, человекъ онъ былъ честной и помагалъ людямъ много; я его на завтрешни день по утру нашолъ еще въ квартирѣ, хотя я ево преже и знавалъ да не было снимъ далнего знакомства, однако онъ принялъ меня ласково; между протчими разговорами какъ мы толко были двое, то чтобы намъ приходомъ кто нибудъ не помешалъ, поспешалъ я поскорѣ съ нимъ о своемъ дѣле поговорить (мало я не позабулъ сказать, что тотъ день какъ я изъ квартиры вышолъ, то и плащъ на себя надѣлъ не смотря, что день теплой и жаркой былъ).

На сей первой случай, что я сему честному человеку отъкрылъ свое дѣло и просилъ его, чтобы мнѣ показать посолской дворъ, по-собыло мнѣ доволно, и хотя онъ самъ по ево съ купцами обращению и не могъ изъ дому отлучитца и со мною туда итцѣ, яко господа россійские далеко за городомъ на форштатѣ живутъ, а говорить мнѣ что де я тотъ часъ найду другога человекъ, каторой здѣлаеть вамъ удовольствие и свама туда пайдетъ, и посилаеть слугу своего съ приказаніемъ, чтобы попросить того человекъ къ намъ, а между тѣмъ говорить мнѣ сей мой приятель советуя, чтобы неизвѣстно никому было о томъ, что я къ россійскимъ господамъ намеренъ въхожъ быть, какде таперъ, продолжалъ онъ разговоръ свой, о непрошеніи въ Россию увольнения учинѣно жестокое запрещенные, то дабы я иногда не могъ быть къмъ здѣсь въ городѣ познанъ и тѣмъ могу подвергнуть себя несчастью.

Мало времени въ нашихъ разговорахъ прошло, вотъ идетъ тотъ человекъ за конемъ мы послазлы, ему мой приятель по грецки пре-сказалъ обо мнѣ, что имѣю надобность видѣтца съ секретаремъ Россійскимъ и просить его, чтобы меня туда на посолской дворъ отъвестъ, а мнѣ также мой приятель говорить: вы де не сумиѣвайтесь о семъ человеке, онъ васъ хорошо туда отъведетъ и онъ есть купецъ изъ Россіи, изъ города Нѣжина, находитца здѣсь за долгами, изискиваетъ должниковъ своихъ и потому часто бываетъ у господъ Россійскихъ и у секретарей посольскихъ.

Я сего моего провозатаго сталъ также о томъ просить, чтобы потрудиася и со мною туда бы сходылъ, онъ охотно къ тому согласился и говорить, хотъ сей часъ изволите я васъ туда поведу, и сѣмое де къ тому время вотъ толко что десятой часъ предъпольдень, то

мы всѣхъ господъ еще въ квартерахъ заставемъ и можете съ кѣмъ вамъ есть надобность говорить сколько угодно, анъ де все люде ласковые и приятны, я сталъ его спрашивать о мынистре также кто при нѣмъ есть секретарь, на что отвечалъ, что де таперъ другой здесь мынистръ графъ Кейзерлингъ, а тотъ преждни, что былъ графъ Безтужевъ отъправился въ Саксонию, аднакъ тѣ преждни легационскы секретари остались здесь.

После сего моего спрашиванья просилъ я моего проважатаго, чтобъ на часъ меня пообождалъ покудова я на квартиру схожу, онъ обещался то сделать, а я скоряе пошолъ на квартиру, забралъ съ собою свой абшитъ и тотъ ордеръ, что мнѣ генералъ Шевичъ далъ, и возвращаюсь туда къ своему проважатому, онъ скоро меня увидѣлъ тотъ часъ пашолъ попередъ меня улыцюю, а я смонимъ плащемъ въ слѣдъ за нымъ.

Повелъ онъ меня просто чрезъ цесарской дворець, куда есть пропускъ для пешихъ людей идущихъ на форштаты за городъ и отътуда опять въ городъ.

Мы вышедъ, мимо караула во дворецъ цесарскомъ стоящаго, уже за городъ, и идучи тою ровною и широкою площадью къ форштатамъ, какъ всѣ тѣ места мнѣ давно знакомы были, говорю я моему проважатому, далече лы намъ будетъ ходыть до двора посолского, онъ отвечаетъ вотъ видите на Юзефъ-штату (такъ назывался тотъ форштатъ где посолъ живетъ) тотъ большой дворъ туда де намъ итыть надобно, было то еще подалеко, а чтобы идучи сократыть время въ разговорахъ, то зачалъ я сего моего проважатаго спрашивать о самомъ господине послѣ, можно лы его всегда видѣть и съ нымъ говорить, также и о другихъ господахъ Россійскихъ тутъ находящихся; таково мое спрашиванье было мнѣ знать нужно, но во отвѣтъ на оное весьма мало могъ разуметь, понеже сей мой проважатый отвечалъ мнѣ языкомъ Мало-Россійскимъ, коего я уже съ своимъ природнымъ сводыть былъ долженъ, и приходило мнѣ во многомъ не сходно, а во многомъ вовсе не разумель, однакъ кое какъ повторяя речъ угадывалы сколько было досегнутъ можно, между протчимъ даволно мнѣ было и того, что онъ мнѣ расхвалылъ секретаря Чернева, что онъ есть человекъ учтивой, ласковой, приятень въ разговорахъ, и вчомъ толко возможно, то де онъ всякому пособляетъ и помочь подаетъ.

1. Вошедши мы до дворъ посолской къ большой лѣснице, встрѣчаетъ насъ стоящій тамо по обыкновенью швайцарь, каторой всѣхъ

приходящихъ у первомъ въходе принимаетъ, онъ былъ немецъ, спрашиваетъ, чего мы хотимъ и да ково надобность имѣемъ.

Праважатой мой говоритъ мнѣ, изволите съ симъ человѣкомъ итѣть онъ васъ поведеть, а я де иду назадъ имѣю свое дѣло.

Я швайцару говорю по немецки, что надобность имѣю видѣтца съ господиномъ секретаремъ Черневымъ, на то отвечаетъ швайцаръ извольте за мною итѣть, пошли мы въ верхъ по леснице въ первой этажъ, говоритъ швайцеръ мнѣ, вы де конечно здесь у насъ въ первое, я на то говорю, что да такъ, онъ потомъ указываетъ мнѣ, что здесь въ евтомъ этаже самъ господинъ пасолъ живетъ, и повелъ меня далѣ на другую лѣсницу на второй этажъ и вошли въ передній пакой господина секретаря Чернева, говоритъ мнѣ швайцаръ, извольте здесь немного пообождать, покудовъ я господину секретарю объ васъ доложу, онъ стѣмъ пашолъ далѣ и мало погодя идетъ ко мнѣ указывая, чтобъ итѣть во внутрь другихъ покоевъ.

По сему показанью прошолъ я еще адынъ пакой, а вдругомъ нашолъ господина секретаря Чернева сидящаго за столомъ нѣчто писалъ, а со всемъ убранъ, что толко выходить хатѣль, онъ какъ меня увидѣлъ, всталъ и подошедъ ко мнѣ спрашиваетъ, но какъ сие было спрашивано рускимъ языкомъ, то я ничево не зналъ чего онъ говорилъ, на что въ отвѣтъ по немецки я сказалъ говорю, что было бы то въ мое удовольствіе, если бы его мылость тѣмъ немецкимъ языкомъ хотѣлъ говорить.

Онъ тотъ часъ и зачалъ спрашивать, кто я таковъ и какое мое дѣло, я ему на сие отвѣчалъ объявивъ первее свое имя и чинъ, а потомъ зачалъ пресказивать все по порядку, что со мною происходило, онъ все мои слова выслушалъ съ примечаніемъ и говорить, чтожь вы таперь хатите, на то я ему отвечалъ, что я взявъ на себя отъвагу безъ дозволенія своей каманды приехалъ сюда въ той надежде, что получу отъ васъ въ томъ моемъ намереніи мылость и защиту, и что вашимъ стараніемъ о свободномъ отъездѣ въ Россію, изходатайствуете мнѣ отъ двора здѣшняго пашпортъ. Отвѣтъ господина Чернева на мои слова былъ мнѣ великимъ ударомъ, какъ зачалъ онъ спрашивать, кто меня къ нему ставимъ дѣломъ прислалъ, и говорить еще далѣ, что де мы въ такие трудности въхадить не будемъ, а вы говорить онъ мнѣ, ежели имѣетъ намеренные ехать въ Россію, то старайтесь о вашемъ увольненіи самы, и когда получите, тогда можете ко мнѣ явытца; а тѣ кои уволены оны уже и поехали, и таково увольненіе въновь зачинать при дворе здешнемъ и вросить,

было бы то говорилъ онъ для васъ великимъ затрудненіемъ и совсемъ невозможность, и советуетъ меня что бы я о томъ болѣе къ нимъ не хадылъ, и то выговоря съ нѣкоторою досадою отвернулся отъ меня прочь.

Я было подошолъ къ нему повторяя мою прозбу, но онъ прекратилъ мои слова, давъ мнѣ короткую резолюцію говорить, вы де я думаю слышали, каково есть отъ двора здешняго учинено строжайшее повелѣніе и опубликовано, чтобы никто о увольнении въ Россію изъ сего государства не просилъ, то потому мы и не можемъ въ ваше дѣло вступатца, и стѣмъ говорить онъ изволите итытъ.

Такова встреча отъ господина Чернева тогда мало меня въ обморокъ не ушибла, не зналъ я гдѣ стою и болѣе какъ онъ не хотѣлъ со мною говорить не зналъ, что дѣлать какъ толко что поклонился ему вышолъ вонъ, и пашолъ на свою квартиру.

Я тотъ целой день ни елъ, ни пилъ, а былъ почти внѣ ума воображая, что я здѣлалъ самъ себя въ винѣ, для чего поехалъ въ Выену, а ктому приходится мнѣ на память и то, что не было для меня по моимъ молодымъ лѣтамъ и того довольно, что я имѣю чинъ капитанси и свою роту, въ какихъ лѣтахъ изъ моихъ сверстниковъ тогда въ такомъ чинѣ не было ни одного, яжъ еще какъ былъ любимъ вполку ото всѣхъ, и таперъ какъ я исполку такимъ не позволительнымъ образомъ отлучился и что къ своему полковнику при отправленіи своемъ изъ Петроварадына письмо писалъ, та ужъ думаю я въ себе таперъ меня тамо вездѣ ищутъ, и какъ можетъ быть еще проведатъ и узнаютъ что я здѣсь, то не иначе а напишутъ сюда и по тому меня здѣсь найдутъ, тогда уже я совсѣмъ не точию что чина лышусь, но и процессъ на меня навалятъ и могу со всѣмъ пропасть; въ каковыхъ размышлѣніяхъ будучи проклиная и себя и Шевича, и тотъ часъ когда вздумалъ въ Россію итытъ, тутже еще секретаря Чернева браню, приписывая ему жестокосердіе и нелюбовь къ людямъ, хотябъ говорю я самъ въ себѣ по крайнѣй мере онъ меня поучтивее и ласково словами своимы встретилъ, видя что какое усердіе и ревность Сербы двору Россійскому оказали, оставя свое отечество и разорили свои дома безъ никакой дальнѣй еще нужды, хотя некоторые и распродали при отходѣ свое имущество ни за половину цены, а многіе и ни чего не получа бросили вовсе и такъ пошли, съ такою горячою желанностью поспешали и преодолевая всѣ встречающіеся съ ними трудности, подвергая себя у двора цесарскаго въ немилость и учиня такую отъвагу вздумали выходить въ Россію,

употребя на такую дальную и трудную путь свое послѣднѣ иждивенныя и великой убытокъ.

Все сие приписывалъ я тогда неблагодарность господина Чернева, и говорю самъ въ себѣ какъ онъ мнѣ показался тогда грубъ и суровъ, что естлы и всѣ прочіе Россійскіе господа таковы суть, то я незнаю какъ можно статца, чтобы между ими иностраніе люде жить могли. *

Таково разсужденіе во весь тотъ день и во всю наступившую ночь было великимъ сметеніемъ въ моей голове, напоследокъ положилъ на одно, чтобы пайтить еще и на завтра къ Черневу и просить его, что бы онъ по крайней мере хотя то для меня сдѣлалъ доложилбы обо мнѣ господину послу, и чтобы представить меня къ нему, у коего бы я самъ могъ просить, а буде и пасолъ не зделаетъ мнѣ никакой помочи, тогда уже другога средства нѣтъ окроме поспешать и какъ скоряе упредить, покуда не будетъ известно что я здесь и подать прозбу ихъ величествамъ: цесарю и супруге его королевѣ Маріи Терезіи, объявля свою ошибку возвалыть всю вину на свою молодость и донестъ, что я непозволительнымъ образомъ отъ полка отлучился, а что преступылъ высочайшее повелѣніе какъ въ рескрипте всемыслывейше обо мнѣ конфирмовано, и что мнѣ чинъ данъ и рота, и какъ я хотелъ возобновыть приездомъ жоймъ сюда объ отпуске меня въ Россію прозбу, и раскаявшись признатца въ томъ, а также и данной мнѣ отъ генерала моего в оригинале абшитъ коего я тайлъ отъдать назадъ, и просить по тому объясненію всемыслывейшаго прощениа.

И тако положи я на томъ свое намереніе назавтре, надѣвъ на себя падащъ пашолъ на посолской дворъ, меня встретылъ у лесницы швайцаръ, говоритъ доброй вамъ день государъ мой, ви де тотъ что вчерась здесь были, и хатыте конечно опять съ господиномъ секретаремъ Черневымъ видѣтца, говорю я ему, да хочу, онъ учтиво показиваетъ на лесницу говоритъ извольте итить, таперъ нѣтъ надобно-

* Однакъ я тѣмъ своимъ тогда размышденіями ошибся, ибо, господина Черневъ со всемъ инова достоинства человекъ былъ, а также и всѣ прочіе Россійскіе господа тамо бывшіе, какъ я потомъ коротко ихъ узналъ, то нашолъ въ нихъ совершенно качества честныхъ людей; я имъ и всѣмъ мое обычныхъ размышленіе какъто было пресказовалъ и предниимъ изъвынялся и особливо предъ господиномъ Черневымъ, а чемъ далѣе будетъ видно.

сты объ васъ докладывать, можете и самы туда къ нему войтыть; я швайцару отвечаю, какъ мнѣ безъ доклада туда войтыть, можетъ быть что то не было бы господину секретарю угодно, на сеи мои слова отвѣчаетъ швайцаръ, что нѣтъ и не изволыте ни мало въ томъ сумнѣватца, это де прелюбезной человѣкъ нашъ господинъ секретарь, онъ никогда ни о чемъ не досадуеть и виѣтъ де спеси нимаго нѣтъ, я тутъ на сіи швайцаровы слова сталъ въ пенъ, зная каковъ мнѣ вчерашнѣй день отъ Чернева приемъ былъ, а опять что сіи швайцаровы слова съ вчерашнымъ ни мало не сходствуютъ, говорю я швайцару, хорошо другъ мой благодарю тебя за такое мнѣ объявленые, но между тѣмъ пожалуй примы мой плащъ и положи туда въ твою избушку, покуда я ворочусь; онъ охотно снялъ съ меня плащъ и по несъ въ оной покоикъ, а я пошолъ въ верхъ по леснице, и възошедъ на первой этажъ, иду мимо дверей посолскихъ покоевъ—выжу въ коридоре поды окошкомъ двухъ лакеевъ одѣтыхъ въ богатой ливрецъ, чистятъ кафтанъ не знаю чій. Какъ скоро оны меня увидѣлы, тотъ часъ адынъ изъ нихъ подошолъ ко мнѣ на встречу говорить сталъ по немецки, не изволытель къ господину послу, и поворотяся къ дверямъ хатѣлъ было отворить оныя, но какъ я сказалъ что нѣтъ, а имѣю надобность къ господину секретарю Черневу, то говорить лакей указывая мнѣ въ верхъ на лесницу—изволыте туда итыть, я сказалъ ему что знаю, идучи я по сходпамъ на верхъ разсуждать сталъ о словахъ, что внизу швайцаръ говорилъ, а также и сихъ двухъ лакеевъ прятной ихъ видъ и учтивые слова, думаю самъ въ себе, что это немцы, оны обыкновенно принимаютъ людей учтиво, а секретаря Чернева посмотрю каково онъ меня тапаръ встрѣнетъ.

И вошедъ въ переднѣй къ секретарю пакой, нашолъ слугу его сядящаго у окошка, онъ всталъ спрашиваетъ меня также по немецки, что отъ како я присланъ, сего слугу я вчерашни день не выдалъ, а онъ также видно не зналъ что я уже тутъ былъ, говорю я ему доложу пожалуй господину секретарю обо мнѣ и скажи, что я тотъ офицеръ, которой вчарасъ къ нему приходылъ, слуга пошолъ, и идетъ скоро обратно ко мнѣ, указываетъ итыть вовнутрь далъ, я отворилъ двери вошолъ къ господину Черневу, онъ подошолъ ко мнѣ спрашиваетъ не имѣюль я сказать чего новаго, отвечаю я ему, что всио старое и то самое о чемъ и вчерашнѣго дня вамъ я докладывилъ, а притомъ прошу выслушать мои слова; онъ говоритъ изрядно изволыте тутъ зачалъ я рѣчь симы словами, вы государь мой давольно известны, сколь много мы Сербы аделалы и оказали наше усердце ко

въспреспѣтлѣйшему престолу Россійскому, учинили отвагу объявляемъ что итѣть хотимъ въ Россію, и тѣмъ подверглы себя здѣшнему Австрійскому двору въ немилость, оставили многіе свое отечество сказать такъ безъ никакихъ нуждъ, жили здѣсь мы и предки наши, говорилъ я господину Черневу, сколько вековъ, а таперъ разорили самы свои дома, пошли многіе въ такую дальнюю страну, претерпѣлы толь великіе затрудненіи и понесли не малой убытокъ, поспешали толь изъ усердыя, несмотря ни на какіе препоны и на великой своей убытокъ, обращали мысли свои съ радостію, какъ бы толь поскорѣе достигнуть подъ крыло къ своимъ единовѣрнымъ, изъ числа которыхъ остался я адынъ какъ овца заблудшая, незная таперъ какъ дорогу ко стаду найтѣть, а вы государь мой, говорилъ я ему, будите пастыръ и направите путь мой и дайте мнѣ помочъ и утешеные въ желаніи моемъ, ибо мнѣ уже здѣсь остатца и службу продолжать ни какъ нельзя для того, что было бы то уже мнѣ во всегдашнюю укоризну, и болшъ къ несчастію нежели къ ползе; вы же государь мой, говорилъ я господину Черневу, были при отъправленіи моихъ братьевъ началымъ старателѣмъ и подали поводъ къ выходу, какъ мнѣ о томъ сведомо есть и я довольно слышалъ, а инаково бы никто о томъ не мыслилъ, да и дѣло мое, говорилъ я, конечно должно быть вамъ известно, ибо мое имя у господина генерала Шевича по моему абшиту спротчимы отъежающими написано, почему и ордеръ отъ него я имею, котораго вчера съ я вамъ показывалъ. Для чего пришолъ я и сеюдня васъ трудить и прошу вашего вспоможенія, какъ я уже въ то дѣло вошолъ, а не знаю куда судьбына моя меня ведетъ, но однако отъ своего намеренія не отстаю.

Хотя бы государь мой, говорилъ я Черневу, въчера съ я сказали мнѣ, чтобъ я самъ объ отпуске и о полученіи отъ здѣшняго двора пашпорта старался, но я къ тому не нахожу никакова средства, и зачатъ дѣло тою дорогою не смѣю, понеже обо мнѣ здѣсь уже отъ ея величества королевны конфирмовано и я чинъ и рогу получилъ, и стой конфирмаціи въчера съ я показовалъ вамъ я копию, кою таперъ здѣсь при себѣ имѣю, для чего прошу васъ говорилъ я ему, будте вы мнѣ ходатаемъ въ моемъ предъпріятомъ дѣле, и усчаствивте мѣня тѣмъ, чтобы я чрезъ васъ могъ господина посла выдѣтъ и съ нимъ говорить. Естлы же вы государь мой и по симъ моимъ отъ усердыя моего представленымъ вамъ словамъ меня безъполезно отърыните отъ себя, и я потомъ какимъ нѣбудъ образомъ душевно и телесно себя погублю и подвергну съ какому либо несчастію, то пусть вы предъ Богомъ

отвѣтъ, дадите, а я буду знать и, по несчастныи могущемъ, иногда быть, терпѣть, и буду образцомъ всѣмъ тѣмъ, кои бы еще задумывались выходить въ Россію, и то будетъ имъ примеромъ къ ихъ воздержанью.

Сколько я речъ мою продолжалъ и говорилъ, то секретарь господинъ Черневъ не спустылъ глазъ своихъ съ меня, и стоялъ предо мною и слушалъ, напоследокъ какъ я окончилъ, то онъ зачалъ говорить, первое просидъ меня сестъ, что и онъ также зделалъ и возлъ меня селъ, а потомъ сталъ спрашивать какой я націи, на что говорю ему, что я есмъ природы Сербинъ, и родомъ изъ Славоніи, онъ на то отвѣчаетъ, говорить: не погневайтесь вы, что я вамъ сказать хочу, я де тому и вчера съ удивлялся, а также и сего дня еще болше, что вы такъ по немецки хорошо говорите какъ немецъ природны, а тѣ господа Сербы, каторыхъ а имѣлъ честь видѣть, и въ Россію пошлы мало кто изъ ныхъ тѣмъ языкомъ говорить умѣлъ, а кои и говорили но мало и несовершенно, а вы конечно говорить господинъ Черневъ учились где, а можетъ еще и воижировали.

На сія запроси я благодаря ему за такую похвалу говорю, что родители мои въ томъ старались и я учился и воижировалъ, онъ еще повторилъ другой вопросъ, какъ де есть некоторые отъ ваше сербской націи живущіе въ Славоніи и держать изъ давна законъ католицкой рывони, ты же истеклы и вы состоите.

Отвѣтъ мой былъ господину Черневу, что нѣтъ а законъ и въра есть моя православная Греческаго исповеданья, тогда зачалъ онъ ко мнѣ говорить учтиво и приятно, что де надобно вамъ взятъ терпение до завтра, а я между тѣмъ проищу дѣла генерала Шевича и пресмотрю, о всѣхъ тѣхъ кои съ нымъ пошли и получили отъ здешняго двора уволенные, между коими не найдулы и ваше имя, а также не оставлю, говорить господинъ Черневъ, объ васъ доложить господину послу, и вы завтра въ начале одинатцатаго часа изволите ко мнѣ явытца, а де вамъ что мнѣ въ резолюцію сказано будетъ объявлю.

Вотъ тутъ успокоилъ я уже неколко духъ свой и хотѣлъ только что встать и отклонитца господину Черневу, какъ вдругъ отворились двери, и входятъ къ намъ двое господъ хорошо весьма одѣтые, стали кланятца господину Черневу, и онъ также имъ тѣмже отъ вечалъ, я какъ съ стула всталъ такъ и стою, выжу что оны между собою завелы разговоръ своимъ рускимъ языкомъ, чего я ни мало не разумерю, а разве где какое слово сходное съ моимъ природнымъ серб-

скимъ попаду, а особливо какъ оны скоро говорятъ, то для меня очень чудной и непонятной языкъ показался.

Господинъ Черневъ указываетъ на меня говорить къ нимъ по руски же видно, что объявилъ имъ о моемъ намереніи, анъ оба поворотясь ко мнѣ говорить стали спрашивая умъюлы я по руски, а какъ господинъ Черневъ въ место меня отвечалъ и бывъ превотчикомъ сказалъ, чтобъ онѣ со мною говорили по немецки, то и зачалы оны оба меня одно и другое спрашивать, я одного изъ нихъ по наречію тотъ часъ приметылъ, что надобно ему природному немцу быть, потому какъ я поосмелыся сними въ разговорахъ, то сталъ я господину Черневу говорить, что вы государь мой на первой сей случай дѣлаетъ меня съ симы господамы знакомымъ, но не имею чести ихъ знать, онъ указываетъ на одного говорить ето де господинъ Волковъ и мой товарищъ и есть легационсъ секретарь при посолствѣ, а тотъ другой при посолствѣжъ господинъ баронъ Ащъ (того то я и узналъ по наречію, что есть природни немецъ), а объ другомъ что Волковъ слышалъ я давно.

Сей первой случай, что я съ симы двумя господамы видѣлся, и хотя не много тогда знакомства съ ними зделалось, но потомъ въ слѣдующее время было мнѣ то много въ помочь.

Побулъ я еще немного у сихъ господъ и выжу, что господинъ Черневъ беретъ свою шляпу и хочеть выходить, то я отклонясь пошолъ прочь идучи внизъ по лѣстнице, нашолъ швайцара стоящаго у своего места, встречается онъ меня приятнымъ выдомъ, и подаетъ мнѣ мой плащъ говорить, вы де позабавились на верху, и видѣлды господина секретара, я ему отвечаю что у него то я такъ долго и проседелъ, на то говорить швайцаръ не таклы, какъ я вамъ сказывалъ, что онъ есть человекъ приятной, я ему отвѣчаю, что подлинно такъ и что я еще и завтра сюда буду, съ тѣмъ надѣвши я на себя плащъ цашолъ своею прежднью дорогою въ городъ, что чрезъ дворецъ и мимо караула и часовыхъ.

Скоро я пришолъ на квартиру было то уже во исходе перваго часа велѣлъ подать себѣ отъ хозяйна покушать, тотъ часъ то зделано было и поставлено на столъ, я покушалъ и всталъ, хажу по горнице разсуждаю и собираю себе въ голову, ежелы господинъ Черневъ представить завтра меня къ послу, то что мнѣ ему говорить, и въ тѣхъ расмысленныхъ будучи вдругъ вошолъ ко мнѣ человекъ знакомой, а то былъ нашъ сербски при мытропольте общенародски секретарь,

Павель Ненадовичъ * (сей чинъ почитаетца тамо великъ), онъ на то время тамо былъ въ Виенѣ для исходатайствованья по представлѣніямъ митрополытскимъ резолюциевъ.

Я изъумлся какъ его увидѣлъ не зная, ктобъ ему о моемъ въ сей городъ приездѣ сказалъ, хотя онъ и блиско есть мнѣ знакомъ, но зная я что онъ къ Россійской сторонѣ противенъ и тѣхъ кои въ Россію пошлы осуждаеть и ненавидить; онъ вошедъ ко мнѣ въ горницу отозвался своимъ комплиментомъ ласково, спрашиваетъ о здаровьѣ и давноль приехалъ; мнѣ ужъ надобно было свои предпріятыя мысли о послѣ россійскомъ пременыть, что зачалъ было компоновать; что преднимъ завтра говорить, а занялся я думать о семъ пришедшемъ ко мнѣ гостѣ, каторой естлы узнаеть о моемъ предпріятомъ дѣлѣ, моглобы для меня и опасно быть.

Чтожъ делать надобно мнѣ было также ласкавыми словами комплиментовъ, я его просилъ сестъ, и отвечаю ему на его о моемъ приездѣ запросъ, что вчерась приехалъ, онъ на то показалъ мыну несколько съ усмешкою, и завелъ другую матерію говорить, а я позадумался покуда онъ разговоръ продолжалъ и ожидаю что еще будетъ; а о своемъ же дѣле я ему конечно не смелъ объявить и опасался, дабы иногда онъ кому нибудь въ нызъ въ Славонію о томъ, что я въ Виенѣ не писалъ и какъ отъкрытца, то бы отъѣлъ было сюда къ главному месту писано, и потому могбы я себя въ великую опасность и въ несчастье подвергнуть, для чего и надобно было мнѣ свое дело на некоторое время въ секретѣ хранить.

Хотя онъ о томъ что я отъ полка безъ дозволенья отлучился и не зная, но однако обо всемъ томъ, что прежде со мною происходило, довольно былъ сведомъ.

Между прочимъ спрашиваетъ онъ какая нужда привела меня въ Виену приехать, я ему отвечаю и пресказиваю другіе кое какіе резоны, на что говорить онъ, я де буду почитать себя за удовольствие, естлы по вашему дѣлу возмогу вамъ оказать свою услугу и конечно де постараюсь у здешнихъ господъ въ пользу вашу быть въ помощь; я ему поблагодаря за такой ко мнѣ отъзывъ и говорю, что кодещце и я самъ о томъ васъ трудить и просить хачу, и етими днямы какъ съ своимы дѣламы пособерусь, то и открою вамъ всю мою надоб-

* Такимъ же именемъ (Павель Ненадовичъ) и самъ нашъ тогда бывшій митрополитъ назывался и былъ ему секретарю родной дядя.

ность и съ тѣмъ окончили мы нашъ разговоръ, онъ побуль еще тутъ у меня и потомъ всталъ и пошолъ протчъ.

На завтрешни день по утру рано послалъ я привать парниъ-махера, заставилъ его убрать мнѣ волосы, одѣлся потомъ въ новой парадной отъ бывшаго Славонскаго государскаго полка мундиръ (а прежде я къ секретарю хадылъ въ старомъ мундире), надѣлъ однако на себя плащъ дорогою чрезъ дворець и пришедъ на посолской дворъ оставилъ плащъ у швайцара, а самъ пошолъ въ верхъ къ секретарю; онъ какъ скоро меня увидѣлъ и въдругомъ уже убранстве, то поцривился я ему очень, и принимаетъ меня гаразда ласковее противъ прежняго просилъ меня сесть, а самъ одѣватца сталъ, между тѣмъ говорить мнѣ, что де я объ васъ докладивалъ господину послу и пресказивалъ ему всѣ ваше дѣло, и господинъ пасолъ приказалъ мнѣ чтобъ васъ къ нему представить, я поклонясъ господину Черневу за оказанную мнѣ мылость и предстательство, и какъ онъ одѣлся то говорить таперъ де извольте поидемъ къ господину послу.

Пошли мы оба ввызъ по леснице и вошедъ въ залъ говорить мнѣ господинъ Черневъ, остантесъ вы здесь а я первое доложу объ васъ, мало потомъ погода идетъ лакей спрашиваетъ меня о имени, и какъ я ему оное объявлялъ, то говорить онъ, извольте итытъ васъ де господинъ пасолъ спрашиваетъ.

Я вашолъ, а лакей попередъ меня отворить двери и вошедъ далъ въ спальню увидѣлъ я господина посла сидеть въ кресле, а мой патронъ господинъ Черневъ стоитъ вовлѣ его и нѣчто говорить, я полкочился господину послу, и принявши отъ него ласковымъ встречу говорить мнѣ, я де объ вашемъ дѣле уже сведомъ, какъ господинъ Черневъ о вашемъ страданіи пресказивалъ, и будте благонадежны что я всѣмы мѣрамы въ ползу вашу старатца буду, и чрезъ два или три дня будетъ вамъ резолюция, при томъ сталъ господинъ пасолъ спрашивать обо всемъ, какъ о ново-учрежденныхъ регулярныхъ пограничныхъ полкахъ, такъ и о народѣ нашемъ, на какой ноге таперъ по раскасованіи старыхъ ландмилициевъ народъ остался и какие обстоятельства при формированіи новаго войска происходили, на что я сколько мнѣ было сведомо пресказовалъ.

Господинъ пасолъ при отходе моемъ повторялъ свое обещаные обънадеживая меня, что конечно не оставитъ въ моемъ предпріятіи помогать, и сказавъ, что де я буду съ канцлеромъ графомъ Каоничемъ говорить, и тутъ отъ меня взялъ и мой въ оригинале абшитъ къ себе.

Я вышелъ отъ господина посла и взявши свой отъ швайцара плащъ шапкой опять тою же дорогою чрезъ дворець, и пришедъ на квартиру не выходя въ уже никуда, а на завтрашний день очень рано какъ я еще въ постелѣ лежалъ, вижу, что мимо окошка моего гангомъ прошолъ человекъ въ беломъ мундире, показався мнѣ солдатъ какъ обыкновенно тамъ вся пехота въ белыхъ кафтанахъ ходитъ; думаю въ себе, что онъ такъ за чѣмъ нибудь въ трактиръ зашолъ, однако мало погода стало стучать тихонко въ мои двери (по тамошнему обычаю ежели незнакомой войти хочетъ), я зная что то значитъ отвечаю что изволь войди, онъ видно не дослушался моего отъзыву, повторилъ свой стукъ въ другой разъ, на что я погромчѣе сказалъ, что изволь войди по чему и двери отворились, а какъ я увидѣлъ по значку, что онъ есть ундеръ афиперъ отъ дворцоваго караула, то и смотрю на него что будетъ и затрепеталъ вѣсь, такъ жестоко меня тронуло зная что не напрасно онъ ко мнѣ пришолъ и думаю въ себе что вотъ доехали уже меня.

Онъ немного комплиментовъ строилъ, а сталъ тотъ часъ говорить по немощи: «Mein Herr, ich bin geschickt von dem Herrn Capitain von der Burgwacht Sie aufzusuchen und zufragen: wer sind Sie, woher Sie gekommen und ob Sie in Dienst stehen, und unter was für Regiment, ihre Charge und Namen und was Sie hier luthum haben», то есть государь мой, я посланъ отъ господина капитана отъ дворцовой стражи, васъ чтобы поискать и спросить кто вы такой, откуда приехали, и во службе вы, и въ какомъ полку, и ваше званіе и чинъ, и какое ваше здѣсь дѣло.

Все онъ запросилъ какъ онъ выговорилъ, то вынулъ изъ кармана свою записную книжку и держитъ въ готовности карандашъ записать то, что во отвѣтъ я буду говорить, вотъ я ужъ тутъ ежели когда въ жизни отчево спугался такъ было то въ тотъ часъ.

Я вдругъ зделался боленъ сталъ протирать глаза и голову, а на тотъ часъ слугу я было послалъ въ состоящей на улице кафейной домъ, чтобы мнѣ принести кофе, и потому оставался въ горнице я одинъ, а какъ сей гость пришолъ то стало насъ два.

Скоро онъ свои слова кончилъ и дожидаетца что я отвѣчать буду, то я ужъ было со страху почти свою резолюцію въ голове потѣралъ, и не зная что сказать, однако оправился тѣмъ, что поболше сталъ стонуть, указывая ему рукой на стоящей на окошкѣ съ усусомъ карафинчикъ (оной тамъ остался отъ ужина какъ козяннъ мнѣ оалать къ жаркому приносилъ), говорю ему пожалуй вдѣлай любовь подай мнѣ

тотъ карафинчикъ съ окошка въ немъ есть уксусъ, хачу голову при-
мочить, я вотъ видишь болѣнь лежу въ постелѣ а слуги при мнѣ
нѣтъ, послажь его за лекарствомъ.

Сей учтивой человекъ тотъ часъ подалъ мнѣ карафинчикъ, а я
между тѣмъ собираю скоро на наметь что ему во отвѣтъ сказать, лью
тотъ уксусъ на платокъ и привязываю голову, тру руки, нюхаю ук-
сусъ въ носъ і стону, отдаю ему карафинчикъ назадъ, онъ взявши
поставилъ опять на окно, а я чтобы его далъ не держать и не подать
ему какой приметы говорю, поклонись твоему господину капитану,
скажи что я Славонскаго гусарскаго полка рытмейстеръ Шимоновичъ
(а также и в подку тогда былъ капитанъ той фамилии), я приехалъ
говорю ему сюда предъ несколькими днями посланъ отъ полку за дѣ-
ломъ, и обо мнѣ ея величество королева и другіе господа знаютъ,
сѣв мои слова ундеръ-афицеръ тотъ часъ записалъ отклоняясь гово-
рить прощайте желаю вамъ скорейшаго отъ болѣзны облегченія, и
стѣмъ вышедъ, опять мимо моего окошка гангомъ прошолъ.

Я видя что прихоль ово ундеръ-афицера къ мнѣ предвещаетъ
что нибудь худое, бросилъ платокъ помянутой уксусомъ отъ головы,
всталъ споспѣемъ скорѣе сталъ одѣватца и совсѣмъ ночи былъ тотъ
покуда слуга мой прихоль и за нимъ человекъ изъ кафейнаго дво-
ра носить ша подносое кофе, молоко, и чашку мадритое самфетномъ, и
ту кофу не знаю какъ пилъ скоро и заплативъ за оную отыправилъ
человека съ кафейникомъ назадъ, а человекъ сей говоритъ мнѣ, что
вы государь мой такъ поспешно извольте кофе пить, монечно до у
васть, есть некакая экстра и куда итить хатите, я ему говорю да ты
угадалъ другъ мой, я спешу чтобъ мнѣ застать еще въ домѣ того го-
сподина до коего надобность имѣю; съ тѣмъ онъ собравши свою па-
суду пашолъ прочъ, слуга мой тоже смотритъ что я такъ тороплюсь
и что я ему приказываю скорѣе складать платъ въ сундукъ, и по-
стель въ чамайданъ, говорю ему поскорѣе въкладай, мы сей часъ
выежатъ будемъ, а не сказываю ему ничего о томъ, что у меня ундеръ-
афицеръ былъ и онъ также его не выдалъ, слуга сталъ въкладатца
тутже и я ему помагалъ и зделалы выдругъ всею готово, говорю я
слуге пайди призови хазяина чтобы ему за квартиру заплатить, онъ
пашолъ и скоро возвратылся, и хазяинъ идетъ.

Я говорю хазяину обращай другъ мой я отъезжаю, получилъ говорю
я письмо, что мнѣ немедленно надобно приехать въ городъ Пренбургъ
тамъ найдено моего должника, а я чрезъ несколько дней опять сюда

изъ тебѣ буду, а заборъ оставайся, заарою меня. уже попутчики и фурманчикъ дожидають, и что я вамъ виновать хочу разсказать.

Хазяинъ сожалеть о моемъ такъ скорошъ отъездѣ, объявилъ свое за квартиру и за столъ требованія, я вынулъ и отсчиталъ денги ему отдавъ, а слугѣ приказалъ привести трогора, тамъ такие люди есть что темъ имейтъ называютца, кои изъ дома на другой дворъ и куда надобно приносить, а таковыхъ людей вездѣ по трактирахъ и на улицѣ даволно есть.

Слуга мой пошолъ и вестъ двухъ таковыхъ людей, я имъ указую, что везитъ говорю адинъ изъ васъ етотъ сундукъ, а другой чамайданъ и неситъ за мною.

Я вышедъ со двора иду просто ко двору того знакомова мнѣ купца, что баннеръ о комъ я прежде говорилъ, засталъ его еще въ доме, онъ нашь увидѣлъ что я съ еквипажемъ къ нему прищолъ и приметилъ изъ лица моего, что я пременялся, говоритъ мнѣ чтобы его значило вы такъ рано вѣстали, да и еквипажъ свой съ собою носите.

Я ему отвѣчаю и прошу чтобы позволилъ на малое время еквипажъ тутъ у него положить, и послѣ вамъ скажу что то значить.

Онъ охотно позволилъ и указываетъ людямъ, чтобы тутже въ его пакое положить, я тѣмъ людямъ что носилы заплативъ отпустилъ, а моего приятеля взявъ за руку попросилъ въ другую горницу; тутъ я ему открылъ что со мною случилось, онъ выслушавши мои слова самъ задумался, и говоритъ, что ето конечно ничто иное какъ кто нибудь объ васъ донесъ, или не приметилъ съ стороны васъ, что вы часто на дворъ къ Россійскому послу ходите, какъ о томъ таперъ по той строгой публикаціи запрещено, чтобы никто не отважился въ Россію уволенныхъ просить, и дѣлаютца о таковыхъ примечаніи.

Говорю я моему приятелю, что не знаю кто бы обо мнѣ могъ что додесеть, ибо о моемъ намереніи никто въ городѣ не знаетъ окромѣ васъ, а я крепко надѣюсь, что отъ васъ то не вышло, а разве то можетъ быть какъ обще-народскіи нашь секретаръ Ненадовичъ находитца здесь и онъ меня видѣлъ и знаетъ мои обстоятельства, которые прежде о Россіи при подку со мною происходили, то несказали онъ кому нибудь что я здесь, ибо иначе какбы тотъ ундеръ афицеръ мою квартиру могъ знать, иды не приметилъ и подлино меня, какъ я всегда въ плаще и безъ дожда проходилъ чрезъ дворець тою дорогою

на престоу за городъ, косою ношой народъ обавковено приходять мимо караула и часовакъ тѣмъ отойдуть.

Мой приятель говоритъ мнѣ, что такъ точно и есть, или секретарь, обь васъ, крму сказалъ, иды приметлы васъ караулие, да чтожъ таперъ, хатите вы делать, я говорю, ему, что за то и преседылся, я къ вамъ, что егда иногда одать пощдотъ, меня искать и не найдуть на квартири, то чтобы на могли слѣдъ мой найтыть, покудова дѣло мое кончено будетъ, и я поспешу скоряе за городъ къ господину послу съ объявлениемъ что со мною случилось; говорить мой приятель это де весма хорошо пойдите скоряе, однакъ говорю я ему кудажъ мнѣ таперъ на квартиру перейтыть, чтобы хотя на несколько дней безопасну бытъ, разве вы мнѣ въ томъ помочь подадите; на то говорить онъ, добро есть де здесь некоторыи мнѣ знакомыи, иностраные купцы, кои со мною по веселямъ и въ проводахъ денегъ дело шгыють; я тотъ часъ призову одного старика онъ де тамъ въ угле, на Поштейне живеги самъ одинъ и нанимаетъ два покоя, я его попросу, онъ васъ верно примыть, а ему и не надобно овашемъ дѣло сказывать, и тако послалы за нимъ, онъ пришолъ и на прозбу моего приятеля, согласился и меня примыть охотно, говорить что де мнѣ итакъ одному скучно, а какъ съ товарищемъ, то будетъ веселѣе время проводить; я тотъ часъ велѣлъ слуге найтыть трогорovy и принестъ туда экипажъ, куда вслѣдъ за ними и я самъ пашолъ, и узнавъ свою новую квартиру въ коей оставилъ слугу, пашолъ подь прикрытиемъ моего плаща поспешно и широкими шагами за городъ на посолской дворъ, аднакъ не чрезъ дворець, а взялъ дорогу главноу улицу, коею преможество народа непрерывно възадъ и въпередъ ходотъ, и просто пашолъ къ воротамъ что называютьца Карньторъ, мнѣ сего кругу и накладу въ ходбе было съ польчаса лышнѣго, нежелъ какбы чрезъ дворець шолъ, да чтожъ дѣлать хотъ кружнѣе да здоровее, толко то было досадно, что какъ день былъ очень жаркой, а я скоро хадылъ и въ плаще, то въспотѣлъ было слышкомъ и вишедъ за ворота на ту веселую и широкую площадъ, тутъ ужъ я сталъ потише ходыть, обтеръ платкомъ потъ съ лица и пришелъ во дворъ посолской отьдаю плащъ швайпару; онъ принимая смеетца говорить, чтожъ это вы государь мой всио въ плаще хадыть изволите, а день какой харошей да и мундиръ на васъ не такъ ветхой, хтобы плащемъ закрыватца; говорю я ему, да ты правду говоришь да надобность есть такая, чтобы въ плаще на несколько еще дней бытъ; тутъ онъ потупя голову сказалъ, простите жения въ моей ошибке, что я не свое дѣло спрашиваю, възявши съ меня плащъ понесъ въ свой покойкъ, а я

цѣнѣнъ; въ верѣхъ, къ господину секретарю Черневу, онъ увидѣвши меня удивляясь, говоритъ что вы изволели сево дня пожаловать, вамъ де господынь пасоль сказалъ, чтобы вы послѣ завтра приходили, а ему отвѣчаю: государь мой меня нужда и страхъ понудили сево дня быть у васъ, на что говоритъ онъ чтожъ оно такое, тутъ зачалъ я ему прескаравать, какъ ко мнѣ ундеръ афицеръ приходилъ и что спрашивалъ и какъ я спужался и сдѣлался болнымъ и укусомъ годову мочилъ и что скоряе преселыся на другую квартиру, и прошу его чтобы о томъ доложить господыню послу и дать мнѣ наставленные что дѣлать.

Господинъ Черневъ выслушавъ мои слова сталъ смеяться говорить: какже вы такъ робки и боитесь такова малова дѣла, вамъ де надобно съ крепкимъ духомъ быть, имѣя добрую надежду, вы знаете какъ вамъ вчера съ господынь пасоль далъ свое слово и обнадежилъ васъ, знайтежъ, вы и то, что естлы мы каво примемся, то ужъ не оставимъ въ тунѣ а доведемъ конечно дѣло до совершенства, такто и объ васъ будетъ, вчера съ вамъ сказано, а сево дня уже об васъ и записка послана къ канцлеру графу Каоницу, а такжъ сево дня въ вечеру какъ господинъ пасоль во дворце будетъ, то обещался еще и словесно объ васъ съ канцлеромъ говорить и требовать по той записке скорейшей резолюціи.

Мы уже, говорить господинъ Черневъ, не требуемъ вамъ отъпуска въ новъ, а толко изьясняемъ, что нашъ афицеръ, имѣвъ свой чистой абшитъ и уволенны изъ службы здешней, былъ невинно удержанъ подъ арестомъ, и требуемъ толко о свободномъ проездѣ пашпорта, и таково докладывать господыню послу о томъ, что вамъ случилось нѣтъ надобности, возьмите—продолжалъ господинъ Черневъ терпение до послѣ завтра, тогда приходите и вамъ резолюція будетъ.

Я услышавши сіи слова обрадовался благодаря господина Чернева, называю его своимъ благодетелѣмъ, какъ онъ и подлинно того стоить, говорю притомъ, что ето всею хорошо, но естлы сохрани Богъ какъ нубудъ да меня найдутъ и везмутъ, то тогда что дѣлать и какова спасены я могу надѣяться, на что говоритъ господинъ Черневъ, вы хотябы васъ и взяли не опасайтесь ни чего, будьте мужественны да и таить себя и скрывать ни для чего, вы знайте, что вашъ абшитъ естъ уже у нашихъ рукахъ, то по оному и нашли бы мы васъ, оно таперь такъ значить, что вы подъ протекціею нашею состоите и для того не опасайтесь ничего, будьте съ покойнымъ духомъ и положитесь на томъ что я вамъ сказалъ, ваше де дѣло пашчо харошою да-

рогою и ваще имя, въ поданной намъ при отъездѣ генерала Шевича табели, написано и нашолъ при чемъ отмечено, что абшичь имѣеть а удержанъ подъ арестомъ, следовательно намъ своего офицера и выручить должно, а господинъ посоль знаетъ, въ какую сыгу свое требованье употреблять будетъ, между темъ, говоритъ господинъ Черневъ, дайтѣ мнѣ запыску о вашей квартире для всякихъ случаевъ чтобъ я зналъ.

Я взявши перо изъ чернильци, тутъ у его на столику что стало и на бумаге пишу по сербски: имя купца приятеля моего, того банкира Дмитрия Хапси, и ту улыцу въ городѣ, и домъ гдѣ онъ живеть, подаю господину Черневу, онъ увиделъ письмо мое и слова сходные съ рускимъ, говоритъ что де это вы такъ писали, какъ что и мы пишемъ, и потому де васъ и не трудно будетъ скоро къ нашему языку навикнуть; между тѣмъ пришло тутъ адинъ офицеръ, коего прежде я не выдалъ и очелъ я его за немца потому что на нѣмъ былъ белой пехотной кафтанъ, онъ вошедши поклонился и началъ нѣчто говорить съ господиномъ Черневымъ рускимъ языкомъ не знаю о чемъ, а по окончаніи своихъ словъ отошолъ къ окну и сталъ.

Господинъ Черневъ, какъ держалъ въ руке ту мою запыску поворотясь къ тому офицеру, сталъ ему по немецки говорить спрашивать изъ той моей запыски, незнаетлы онъ въ города ту улыцу, и того купца Дмитрия Хапсу, на что сей офицеръ отвечалъ, что давольно знаетъ и что тотъ купецъ есть банкиръ и честной человекъ, и великой къ російскимъ людямъ приятель, говоритъ ему господинъ Черневъ указывая на меня, видишь сего господина естлы онъ по чемъ ныбудъ послѣ завтра сюда не будетъ, то чтобъ вы знали его тамъ въ томъ доме и у того купца спрашивать.

Тотъ офицеръ говоритъ хорошо, я де и завтра могу туда наведатца, я тутъ съ тѣмъ офицеромъ познакомылся и узналъ, что онъ есть точно немецъ закона лутеранскаго и въ службѣ въ Россіи, а родомъ изъ верхней Венгрии, изъ города Кашау, прозываетца Пекинъ, онъ тогда былъ порутчикомъ, имѣлъ отпускъ и находился въ Вѣнѣ по своему дѣлу, отыскивая доводящагося ему наслѣдства.

Я послѣ того отклонясь пошолъ въ нызъ по лѣсенице прошу отъ швайцара своего плаца, коего тотъ часъ онъ вынесъ и надѣваетъ на меня говоритъ, желалбы де я скоро видѣть чтобы сей плацъ открылъ ваще желаемое удовольствие, я поблагодаря его за учтивые

слова пашолъ опять, тоже же во округъ дорогою въ городъ, а неболшъ на простецъ и чрезъ дворець.

Но хотѣлъ я вставить чтобы мимоходомъ не зайтить въ своему приятелю, тому кушцу Дмитрию Хапси, я ево нашолъ за столомъ обедаетъ, было то уже въ начале втораго часа въ полдня, просить меня мой приятель за столъ сестъ и покушать, чего я не отказался и охотно къ тому приступилъ, такъ я тотъ день моею ходьбою истощалъ и голодалъ, что есть хотѣлъ чрезвычайно.

Послѣ обеда я моему приятелю всю то что мнѣ господинъ Черневъ говорилъ, открылъ, а притомъ и то объявилъ, что я записалъ ево имя и квартиру, и о томъ офицере Пекине также сказалъ, которой естльбъ завтра пришолъ меня искать чтобы зналъ.

Мой приятель, взявъ тѣмъ что я ему пресказалъ былъ даводѣнъ и радъ, что мое дѣло взяло свой успѣхъ, послѣжь сего разговора сказиваетъ мнѣ мой приятель, что онъ какъ былъ тотъ день въ лавкахъ видѣлъ одного господина и говоритъ, что сербынъ и человекъ харошъ виденъ собою и толко вчерасъ что приехалъ, называетца Марко Продановичъ.

Я услыша о Продановиче крайнѣ радъ былъ, ибо сей майоръ тотъ самой есть что въ Славонскомъ гусарскомъ полку состоитъ, въ коемъ и я доплученія моего абшита служилъ, говорю я моему приятелю: не можнолъ знать где онъ на квартири сталъ, на что отвечалъ что де ето тотъ часъ узнать можно, и посилаетъ слугу своего въ ту лавку где майоръ матерню покупалъ, кою за маноромъ на квартиру понеслы, какъ то приятель мой видѣлъ и потому узнать можно, слуга туда пашолъ и скоро возвратился сказиваетъ, что квартаера господина майора Продановича за городомъ на форштатѣ называемомъ Ландштрасъль трактире у Енгель Бирта.

Сей форштатъ и тотъ трактиръ мнѣ даводно известны, и хотъ оно совсѣмъ въ другую сторону города и въ другие ворота выходитьъ надобно, нежелъ куда я проходъ свой за городъ имѣю, но не могъ я никакъ оставить чтобы сего господина не видѣтъ, имѣя къ нему мое доброжелательство и почтеные, а притомъ яко онъ есть человекъ изъ старинныхъ дворянскихъ фамилиевъ и самъ заслуженой, и добраго нраву, то потому я особливо любовь къ нему имѣлъ, а сверхъ всего что онъ меня всегда отменно любилъ.

Говорю я моему приятелю, что пойду я въ вечеру къ сему знакомому мнѣ господину, имѣю великое желаные его видѣтъ и пресказиваю о томъ въ какомъ дружелюбии я съ нимъ состою.

Приятель мой говорить для чего бы не поитьте, когда онъ вамъ такъ блиско знакомъ и васъ любить, а опасатца чего по обвѣденный вамъ Россійской протекціи кажетца нѣтъ резона, хотябы таперъ обь васъ и узнала что вы здесь, то ужь не можетъ вамъ вредить почтенно

Я положилъ на томъ чтобы видѣтца съ майоромъ, и дождавши вечера взялъ слугу своего съ собою, надѣвши плащъ на себя (я ужь такую привычку съ плащемъ здѣлалъ, что какъ нѣтъ плаща на меня, то думаю я безъ одежды, и было мнѣ потому безъ него несколько дней трудно отвыкать); пошелъ туда, зная что хотябы по возврате моемъ и были болшия ворота въ городе заперты, но однако оставляютца всегда маленькія дверци для прохода пешихъ людей, и зато плотитца по одному грейцару отъ человека, я таковыхъ два грейцира,—адынь за себя а другой за слугу, ужь заготовилъ какъ назадъ воротусь что заплаыть.

Пришоль я уже темная вечеръ туда за городъ, къ тому трактиру спрашиваю у воротъ человека хазайскаго, где тутъ на квартири майоръ гусарской стоитъ, слуга указалъ мнѣ второй этажъ и нумеръ тѣхъ покоевъ, я туда вошедъ, а майоръ какъ скоро меня увидѣлъ подынялъ руки отърадосты, сталъ меня целовать и взявши за руку повелъ далѣ въ другой пакой, тутъ я узналъ что онъ и съ супругою своею приехалъ.

Майорша также увидѣвши меня рада была и удивляюща обою, какъ я такъ искусно умѣлъ слѣди свои спрятать, что никто обо мнѣ нигдѣ сказать ничего не могъ и куда я дѣлся неизвестно, оны мнѣ стали пресказивать какъ меня тамъ вънызу въ Славоніи вездѣ ищутъ, а особливо говорить майоръ, что когда онъ проездомъ своимъ былъ у моего полковника и видѣлъ на то время посланое къ нему изъ Петеръ-Варадина отъ меня пысмо, и что по тому пысму за самовольную атылучку отъ полка сочли—и что процесъ произвестъ надо мною полковникъ намеревъ, и что о томъ уже и по команде представленные послано.

Я всио то что мнѣ майоръ и майорша пресказиваютъ выслушалъ и говорю имъ, что воля ихъ пусть дѣлають что хотять, а я здесь въ столычномъ городѣ, майоръ сталъ меня спрашивать что и зачѣмъ я въ Выену приехалъ, на то отвечалъ я ему всио иное, упоминая о томъ какъ и ему о моемъ прежднѣмъ обстоятелствѣ естъ известно, что меня сверхъ моего желанья определилы служить въ пехотѣ, и что я собираюсь на сихъ дняхъ податъ ея величеству королевы о томъ мою прозбу, чтобы определить меня по прежднему въ Славонской гусарской полкъ.

Майоръ на то отвѣчаетъ, что онъ бы сердечно тому былъ радъ когда бы намъ по предѣльному вѣкунѣ быть въ одномъ полку; между тѣмъ осмѣхнувшись сказалъ, нѣтъ ли у тебя иногда другихъ замысловъ, я де тебя знаю ты можешь быть иныя стези себѣ направляешь; и по первому твоему намеренію о Россіи думаешь; я прекратилъ тебе речъ отърѣкаюсь отъ того и говорю, что о томъ уже я нимало не помышляю, и увѣрляю его, что чрезъ два или три откромлица уже дѣло и будетъ вѣдѣть извѣстно.

Тутъ оны обоѣ майоръ и майорша стали мнѣ пресказывать, какъ вчера въ вечеру у нихъ былъ тотъ обще народски секретарь (о комъ я выше говорилъ) и что онъ имъ обо мнѣ что я здесь сказалъ и упоминалъ, что я квартиру свою пременяю, а хазину сказалъ что отъезжаю въ городъ Прешбургъ, и что онъ потомъ меня вездѣ искалъ и найтить не могъ, и какъ онъ знаетъ что я въ Прешбургѣ никакова дѣла не могу имѣть, а конечно слѣды свои здесь скрываю, и тѣмъ подаю притчину о себе ему сомнѣванца, и нѣтъ ли иногда у меня предъняго моего о Россіи намерения, и что онъ сожалѣть дабы тѣмъ я не подвергъ себя въ какое либо несчастье, зная какое о томъ отъ двора здѣшняго острѣйшаго запрещеннаго учинено и публиковано, слѣдовательно потому извѣстна подозрѣнна и будучи приложнымъ челоукомъ долговѣ имѣть и объявлять томъ, что только для интереса двора здѣшняго противное оны узнавать, и доносить ажъ

Тутъ окончили сихъ словъ майоръ и майорша говорятъ мнѣ, слышите какіе сѣты за вами плетутца, да пожалуйте вы о нашихъ словахъ не сказывайте ни кому, мы дубя васъ сказываемъ вамъ дабы вы могли противъ того свою осторожность взять, и не забывайте благодареніе сихъ моихъ доверенныхъ приятелей, да ихъ чести нуди душу и по прошувшей ульглубокой мори, отъклоняюсь у ныма хочу стѣтъ; тутъ любовнои майоръ и майорша стали меня просить чтобы я заврѣкъшииъ пришлохъ отобедать, я наяръ сказалъ дабра ноготъ тѣмъ условившамъ, чтобы вы секретаря не звали, оны обещались и говорятъ что ничего друвова не будетъ; опроче мы самы, отъ тѣмъ я вѣхъ оставилъ и шашоль хъ слугою монимъ къ породекомъ веротамъ; заплативъ тамъ ва пропускъ насъ двухъ преицаромъ, нашольт на квартиру и положили опать, а на завтре въ часу аднаццатомъ мымои туда явнымы

Мы сидѣли въ разговорѣхъ даже до исхода двенадцатого часа, и ужъ столь стали накривать, алы идетъ улыцею секретарь Ненадѣвичъ и повернулъ къ впротамъ сюда къ намъ, сие было обѣтъ намъ

оро и маіорше весьма досадно, какъ увидѣлы чрезъ окошко что онъ уже у ворота вошелъ, хотѣлы было чтобы я уклонился, однако я того зѣлать не хотѣлъ, говорю пушай идетъ, нѣтъ ничего, а я отъ него прятатца не буду, между тѣмъ и онъ съ дверей къ намъ вошелъ, маіоретца всѣмъ и говоритъ къ маіорше, я хотъ и незванъ, но яко вашъ пріятель пришолъ нарочно сево дня у васъ обедать, маіорша отвѣчаетъ ему, что имъ есть пріятно такова гостя у себе имѣтъ, потомъ поворотясь онъ ко мнѣ поклонился, спрашиваетъ ѣ здоровыи и осмехнулся говорить, я де думаю что въ дароге утрудилысь и давнолъ изъ Прешбурга приехать изволены, отвѣчаю я ему что приехалъ сево дня и что мнѣ дарога нымало трудна не была, потомъ говаритъ онъ, можетъ быть что я не ошибусь когда скажу, что вы етими днями стодео были въ Прешбурге сколко и я, а я де говоритъ онъ искалъ васъ на вашей старой квартиры аднакъ не нашолъ, и спрашиваетъ мена, где я таперъ квартиру имѣю и на которой улыце, на то отвѣчалъ я, что улыцу какъ зовутъ не припомню, а квартера моя въ Виенѣ, онъ видя такой атъ меня отвѣтъ пересталъ со мною далѣ говорить.

Сеы мы за столъ обедать а потомъ вставши иза стола не хотѣлось мнѣ тамо много бавитца, дабы иногда не завести словъ претныхъ, какъ оны позаговорились, то я удалылся тихонка и пошолъ въ городъ на свою кватреру, и ужъ весь тотъ день и вечеръ проседелъ дома, дожидаясь утрашняго дня, чтобы итты къ господину послу какъ мнѣ приказано.

По утру рано я вставши велѣлъ слуге призвать парикмахера, заставилъ его причесать мнѣ волосы и потомъ одѣлся въ свой новой кундиръ и надѣвши плащъ поверхъ онаго, нашолъ улыцею за городъ на посолской дворъ, встрѣчаетъ меня знакомой швайцаръ пріинимаетъ попрежитиу отъ меня плащъ, а я панолъ на верхъ къ господину секретарю Черневу, онъ какъ меня у видѣлъ отозвался пріятнымъ видомъ и былъ уже совсѣтъ одѣтъ, спрашиваетъ моии шуты, нѣ видѣлымы мнѣ чего во снѣ, я посмѣляю отвѣчаю, хотябы чѣ таковое и случылось во снѣ то яко сонъ и прошло, а лучше на мѣ пріятность омпидать; на то говоритъ онъ, такъ когда вамъ во снѣ ни чего не явылось, то хачу я вамъ вестникомъ быть, что по вашему желанью дѣло збылося, я изъ сихъ словъ могу уже приметытъ, что полезная для мена резолюция есть, и прошу его чтобы мнѣ оную отдрылъ; снѣ я говоритъ онъ сказать не могу, а тотъ де вамъ скажетъ кто зѣлалъ, и пойдемъ господину послу тамъ вы услышите. Го-

сподинъ Черневъ взявъ шляпу хотѣлъ итти, а я его остановилъ, говорю: прошу на минуту остановитца за мною я вамъ еще нечто сказать хочу новое, онъ остановился а я сталъ пресказывать, что я былъ у майора Продановича и какъ тамъ слышавъ слова обще. народ. наг. секретаря Ненадовича, и что я опасуюсь ево какихъ либо интригъ.

Господинъ Черневъ выслуша меня насмѣлся говорить, дабро пойдѣмъ въвызъ къ господину послу, а я де думаю что сево дня вѣс ваши опасности уже кончельсь, и тако воншедь мы въ залъ, онъ пашоль во внутрь дадѣ, а мде дадѣлъ пробождатъ.

Смере потомъ повзвалъ и меня тудажъ я пошедь къ господину послу поклонилел, а онъ вставши съ кресла зачалъ мнѣ говорить, повдравало васъ совершеннью Россійскаго двора претенцию, и вы уже ваше желанне получили, я де ужъ имѣю въ полученіи, что на мое объ ваше требованне, каторое докладывало чрезъ канцлера графа Каоныца ея величеству королеве, и ея величество указала вамъ о свободномъ отъездѣ въ Россію дать пашпортъ, о чемъ для ведома дано мнѣ знатъ.

На еню радѣстную вѣсть бровился я къ руке господина посла и благодаря его, тутъ сталъ господинъ Черневъ пресказывать послу, о томъ что я ему въ верку объявль, о словахъ митрополитскаго секретаря, также и о томъ какъ ко мнѣ ундеръ-афицеръ съ дворцоваго караула приходилъ спрашивать, и что я спужился перешогъ на другуя квартиру.

Господинъ посолъ выслушавъ сие и оборотилъ ко мнѣ говорить, вамъ де таперъ опасатца ничого, и котабы кто васъ спрашивалъ можете объявить смѣло, что Россійской афицеръ, чтеже о пашпортѣ дашемъ принадлежить, то оной на снхъ дняхъ конечно выдетъ и приидѣтца ко мнѣ.

Я повторялъ мою благодарность господину послу за оказанную мнѣ милость и старательство, говорю при томъ что когда ваше старательство столю много для меня уже зделали, то еще адну милость ярашу мнѣ оказать и меня принять къ себе во дворъ, и чтобы я здѣсь могъ быть до получения пашпорта, господинъ посолъ поворотилъ къ Черневу говорить, что ето правда и определите ему здѣсь во дворе квартиру, Черневъ отвѣчаетъ, что во дворе ни аднаго покоя нѣтъ порожего; а разве поместить бы его у секретаря Волкова на томъ другомъ нашемъ дворе, посолъ говоритъ, что и то хорошо, пошлите ва Волкованъ и объявите ему, чтобъ онъ такъ зделалъ.

Таковы обо мнѣ приуготовленіи показалось мнѣ тогда обновленнымъ жизни моей и съ радостнымъ сердцемъ отъклоняясь у госпо-

дина досла, пашоль наверхъ въ покой господина Чернева, куда онъ немного погодя пришолъ и посылаетъ за Волковымъ.

и с : Волковъ не умедлил и пришолъ къ намъ, поему объявляетъ Черневу поролокое повелѣныя и отдааетъ мени ему въ товарищество, чему господинъ Волковъ много радъ былъ, и тотъ чабъ повель мени съ собою на тотъ дворъ въ коемъ онъ живеть, гдѣ и мнѣ квартера въ второмъ этажѣ показана, изъ коей выходы и въ садъ былъ, а домъ сей разстояниемъ отъ поролокаго толка чрезъ три двора се стоялъ.

При отходеже моемъ съ Волковымъ отъ господина Чернева, говоритъ онъ мнѣ, что приказалъ господинъ посоль часъ спросить и сделать вапуюку, кто съ вами въ Россю едетъ, и сколько слугъ, и повозокъ, и во оныхъ лошадей, дабы и о семъ къ напшеру дать знать для высеня въ вапъ паспортъ; а тутъ у него базалъ перо и бумагу хатылъ былъ сиривавною и побашне слугъ напысать, но господинъ Черневъ остановилъ мени въ томъ и говоритъ, что нѣтъ и непадобно того дѣлать, дабы илегда не могао быть въ чемъ либо остановки, и лишняго ль проныскакъ ятрудненія, а лучше де вы напшрите всего помашне, и тѣмъ окажетца легче въ требованіи, а вы говорить оны, можете одоса самы изискать одорбъ и людей падобныхъ вамъ ко услуженыю прибавитъ и вывестъ съ собою, почему я и напысаль что одну съ женою и съ двумя трома, бывшими у мени малоскими детмы, да две служанки, две повозки, и трое слугъ, падово кодинство потомъ и въ данномъ мнѣ паспортѣ напысано.

Потомъ будучи я у господина Волкова и осмотревъ у него свою новую квартиру, немного тамо бавилоя пашоль въ городъ, и степилъ каибъ носирне изъ города съ своимъ сквинажамъ вывратца и вытытъ на форштатъ, было то уже за полдень въ начале второго часа чабъ я въ городъ пришолъ, однакъ не хотѣлъ я оставить ктобы мымоходомъ не зайтытъ къ моему приятелю, что бандеръ о коемъ выше часто я говорилъ, и объяваю ему, что прехожу за городъ на посолской дворъ, прося его чтобы онъ никому о томъ не сказовалъ, что и общалъ онъ дѣлать, я не хотѣлъ болѣе у него бавитца, дабы мени на моты кто посторонны тамо загтатъ, пашоль прекорде на свою квартиру, пашоль моего товарища хазяица дома, и онъ уже было отъбежалъ, юднако и для мени майдемо чего покушати, сказываю я моему хванничу что сей часъ отъѣжаю въ свою дорогу, и спрашиваю ескамо онъ съ мени за постой квартиры денегъ извельтъ требовать, однакъ онъ былъ столко доброй человекъ, что ничево взять не хотѣлъ, а сожалѣлъ что такъ скоро со мною разлучаетца.

Приказываю я слуге моему, чтобы онъ нашолъ людей трогоровъ для пренесенія экипажа, то было скоро сделано и трогори пришли, я имъ указываю вѣзъ экипажъ и итытъ просто улыцею съ слугою моимъ на Карнъ-торъ, куда въ слѣдъ за вами и я сей часъ иду, и договорясь съ ними о заплате за ихъ трудъ, оны поднявши себя на плеча мой сундукъ и чамайданъ, увязавъ оное около себя веревкою пошлы, я простясь съ хазяиномъ пашолъ въ слѣдъ за моимъ экипажемъ, и вышедъ изъ города на площадь догналъ я своихъ, оны остановилысь, чтобы спочинуть и сели на траву спрашиваютъ, тутъ ли снять съ себя сундукъ и чамайданъ или еще куда дагъ носить, я имъ показалъ что на форштатъ Иозефъ-штатъ, на что было поспорили и итытъ не хотѣлы, а требовали прибавки еще по десяти граицаровъ, я имъ то обещалъ дать, почему уже встали и повеслы за мною, и пришедъ на дворъ къ господину Волкову расположился въ своей новой квартире, потомъ пашолъ я наверхъ къ господину Волкову, объявыгъ ему что я уже со всѣмъ къ нему въ гости пребрался.

Я тамъ нашолъ еще и другихъ господъ Россійскихъ, коихъ прежде не видалъ, люде молодые Галицинъ и Мусинъ-Пушкинъ, оны были вояжирамы и на то время находылись въ Выенъ, мнѣ тутъ былъ случай съ симы господамы познакомитца; здесже на дворе у господина Волкова жили еще при посолстве счисляющіесь господинъ Левашовъ и баронъ Ашъ.

Мы всѣ тотъ день и до вечера были вмѣстѣ и проседѣлы въ разговорахъ очень долго, оны непрестано меня і много кое о чемъ спрашивали и всѣ мнѣ были рады, и оказывали свою приятность, и были тутъ у господина Волкова на ужине, а потомъ разошлысь всякъ по своимъ квартирамъ.

Чтожъ меня принадлежить, то я почти всю ту ночь до света не заснулъ отъ радости, воображая себя, что какъ счастливо для меня дѣло зделалось, и что я отъ всѣхъ опасностей избегнулъ, для чего сталъ уже помышлять о своей дароге.

На завтрешни день въ часу адинатцатомъ посидаетъ ко мнѣ господинъ Волковъ своего слугу спрашивая о здоровыи и что онъ желаетъ меня видѣтъ и ожидать будетъ къ обеду, по такову приятному комплименту поспешилъ я на верхъ, где нашолъ всѣхъ тѣхъ господъ кои и вчерась тамъ были уже въ собраніи, оны приняли меня съ отменою ласкою и обедали вмѣстѣ, а послѣ обеда кто охотникъ былъ селы играть въ карти, а другіе проводили время въ разговорахъ;

хадилы мы по саду, принесли намъ туда въ бесѣдку чай пьтъ, на томъ и вечеръ поспѣла и пошлы на верхъ, тутъ объявилъ мнѣ господинъ Волковъ съ приказанья господина посла, чтобы я у него всякой день столъ имѣлъ и ненадобно де вамъ для себя ничего особливо готовить, и тако я все время моея тамъ бытности всякой день у господина Волкова обедъ и ужинъ имѣлъ.

Съ того времени мало по мало сталъ я съ симы господамы обходитца посмеляе, а онѣ также показаватца мнѣ приятнѣе, при чемъ зачалъ я у ныхъ изъ разговоровъ понимать несколько русской языкъ, и когда накрыво что выговору, то оны направляютъ меня, и тако въ томъ моемъ положеніи прошло семь дней, я и не зналъ какъ тѣ дни минулы, выходъ мой не былъ никуда болѣе какъ дома, и по саду хадить.

Однѣмъ дномъ послѣ обеда навестилъ меня мой патронъ господинъ Черневъ, сѣдѣлъ онъ у насъ въ собраніи до подъ самой вечеръ, ласковъ былъ ко мнѣ очень, спрашиваетъ каково мнѣ таперъ между рускими жить показалось, я ему отвечалъ объявляя великое свое во всѣмъ удовольствіе, и далъ вступивши съ нымъ и спротчимы въ разговоры подало мнѣ случай отккрытъ господину Черневу и признатца предъ нымъ въ своей ошибке и о той первой учинѣной мнѣ отъ него вьстрече, какъ онъ мнѣ показался неприятенъ, и какъ я отошолъ отъ него съ великимъ огорченіемъ и о прочемъ всѣмъ томъ какъ я выше говорилъ.

Сеи господа всѣ кинулы на меня глаза свои и слушаютъ, какъ я зачалъ говорить изъвыняя себя предъ ними, говорю что какъ человекъ можетъ иногда въ людяхъ сперваго разу учинить своимъ мнѣніемъ великую ошибку и зато я при окончаніи словъ моихъ просилъ у ныхъ, а особенно у господина Чернева прощенья.

Всѣ стали смѣятца повторяя мои слова, а господинъ Черневъ говоритъ мнѣ: не погневайся государь мой, что вамъ моя встреча не понравилась, я де точно и объ васъ то самое заключалъ и вашъ приходъ не былъ мнѣ приятенъ, и болѣе думалъ что вы конечно кѣмъ нибуть ко мнѣ подосланы, языкъ вашъ немецкой подалъ мнѣ причину о томъ еумнѣватца, для того что сколко мнѣ ни случалось вашихъ господъ Сербовъ видѣтъ однакъ ны одного не видѣлъ, чтобы такъ хорошо тѣмъ языкомъ говорили какъ вы, и потому сочель я васъ за Немца или за Венгра, и тотъ вашъ абшитъ коего вы мнѣ показовали, думалъ я что оной также для какова нибуть искушенныя чрезъ васъ присланы, и

за то я, говорилъ господи́нь Черне́въ, его́ отъ васъ не принялъ и васъ отъ себя съ темъ отъправилъ, а таково сумнителство объ васъ имѣлъ потому, что зная какиѣ строжайшіи отъ двора цесарскаго публикаціи учинѣны во всѣхъ мѣстахъ, чтобы болѣе никто не отважился уволненыя просить въ Россію, и что всѣ тѣ кои уволнены уже давно поехали, а вы вдругъ ко мнѣ вошли и представлять стали свое желаніе и что были удержаны, то я изъ тѣхъ вашихъ словъ посумнѣвался и за то недалъ никою въ удовольствіе ваше резолюціи и повода своимъ ответомъ, дабы иногда кто неподумалъ что мы къ такимъ выходамъ дѣлаемъ науценыи, и какъ вы отъ меня пошли, говоритъ господи́нь Черне́въ, то я на томъ точно мнѣнии и оставался даже до-завтреши́го дня, покуда вы опять ко мнѣ явились, и прозбу свою повторили, гдѣ ужъ я и приметилъ, продолжалъ господи́нь Черне́въ свою рѣчь, что въ васъ сумнителства нѣтъ, и естѣ вы самы тотъ, которой о себе и просить, а потомъ, пребывая дѣла генерала Шевича, нашолъ въ списке афицерскомъ ваше имя, при которомъ отъмечено что удержанъ подъ арестомъ, но какъ таперъ всио то сделано чего вы желалъ и вы уже стали нашъ Россійской, то мнѣ съ вами говорить яко съ своимъ откровенно можно, и вы также извыныте меня, говоритъ господи́нь Черне́въ, за учинѣную тогда отъ меня вамъ такую встрѣчу; послѣ сихъ словъ мы другъ друга обнялы и поцеловались, и заключенъ союзъ дружества, онъ въ вечеру пашолъ къ себе, а мы остальсы, проводили еще время въ разговорахъ до ужини, послѣ ко-его разошлысь всякъ въ свой пакой.

Такимъ образомъ проходило мое время и уже дней десеть минуло, стало мнѣ уже скушно, что пашпорта моего такъ долго нѣтъ, и будто стало несколько во мнѣ воображатца страхъ, разсуждая чтобы иногда не сделалося въ томъ какое препятствіе, хотя я и нахожусь въ такомъ безъопасномъ мѣстѣ и никто обо мнѣ что я тутъ не знаетъ, но кинулы меня мысли чтобы иногда отецъ мой тамъ вънызу помюгимъ меня исканіи, какъ я отъ подка непозволительнымъ образомъ отлучился, немогъ чрезъ то пострадать.

Господи́нь Волковъ сталъ примечать, что я не веселъ и увиделъ меня изъ своего окошка, что хожу самъ адынь задумавшись по саду, сошолъ вънызы и подошедъ ко мнѣ спрашиваетъ здоровлы я, я де изъ лица вашего примечаю, что вамъ нѣчто естѣ, я тутъ ему отъкрылъ и сказываю, о чемъ меня мысли мои тревожатъ, на то отвѣчаетъ онъ, напраено вы суетытеесъ, а вашъ пашпортъ конечно чрезъ девъ или два къ господину послу присланъ будетъ, и тако ходилы мы по саду

еще съ часъ Места, а потомъ пашлы въверхъ, на томъ такъ и день тотъ прошоль и завтрешны тоже, а на после завтре знаю что была субота, я поранше обыкновеного всталъ и хажу по горнице задумавшись, аль идетъ ко мнѣ слуга отъ Волкова (онъ былъ немецъ), говоритъ мнѣ: извольте на верхъ, господинъ мой васъ къ себѣ просить да поскорѣе, я де примечаю что объ васъ нѣчто господинъ мой чрезъ служителя господина Чернева въ записочке получилъ.

Услышавъ я сія слова говорю, что вотъ тотъ часъ стану одѣватца и приду туда, я скоро одѣлся и пашоль на верхъ, Волковъ меня встречаетъ приятнымъ видомъ, говоритъ пойдите одѣнтесь лучше и поидемъ оба къ господину Черневу, онъ васъ дожидаетъ и вашъ пашпортъ уже туда къ господину послу принесенъ.

Я воротылся въ свой пакой, одѣлся въ свой новой мундиръ, пашоль къ Волкову, и пошли оба вѣместѣ къ господину Черневу, онъ скоро меня увидѣлъ подходитъ ко мнѣ веселымъ видомъ, говоритъ что уже таперъ все ваше желаніе совершилось, пашпортъ вашъ присланъ, пайдемъ къ господину послу, онъ его вамъ отдасть.

Мы все трое пашлы вънизъ къ господину послу, я отъ него пашпортъ получилъ и поздравляетъ меня тѣмъ, и при томъ обнадеживаетъ меня, что обо мнѣ будетъ пысать рекомандацию, до каво онъ знаетъ къ господамъ въ Россію, что онъ и здѣлалъ, и приказываетъ мнѣ чтобъ тотъ день остатце у него обедать.

Я получа пашпортъ не зналъ, какъ слова собрать къ изьясненію моей благодарности господину послу за толь велико оказанную мнѣ мылость и старательство, все сіе онъ принялъ отъ меня въ свое удовольствіе, отвечая вѣзаимно приятными словами, я притомъ спрашиваетъ, долголь я еще въ Выенѣ буду бавитца, и какъ и когда намереваю отъправытца въ путь свою въ Россію, я отвечалъ, что изъ Выены выеду дня чрезъ четыре, а въ путь свою въ Россію спешить буду хотя и подь осень доведетца ехать, однако намеренъ еще сего года отъправитца и выехать; мы оба: я и господинъ Волковъ, остались у посла обедать, а после обеда простясь со всѣмъ у господина посла пашоль я на свою квартиру, и сталъ надосуге читать мой пашпортъ, выжу во ономъ, что написано между прочимъ, что ея величество толко за сей разъ всемылостивѣйше соизводела указать таковъ отпускъ учинить и то не во образецъ другимъ.

Тотже день пысалъ я по почтѣ письмо къ отцу моему, уведомляю его, что уже пашпортъ я получилъ и что скоро къ нему буду.

Завтращны день была Неделя *, говорить мнѣ господинъ Волковъ, что падемъ таперъ къ обеднѣ въ городъ, пусть всѣ васъ увидать. Тамъ въ городѣ пивють греки кушци наемной дворъ, въ коемъ есть большой залъ, изъ коего зделана церковь и держуть на своемъ коште священныка, каторой имъ на греческомъ языке служить обедню.

Мы оба, я и господинъ Волковъ, сѣлы въ карету и поехали въ городъ къ обеднѣ, скоро мы въ церковь вошлы, где уже всѣ люде собралысь, и обедня зачалась, и какъ люде увидѣлы что секретаръ Россійскаго посла идетъ, то и зделалы учтивость уклонились и дали намъ тутъ пройтыть въпередъ къ левой сторонѣ къ олтарю, мы оба стали возлѣ кавроса, смотримъ мы чрезъ церкву на правую сторону, алъ стоитъ тамъ маиоръ Продамовичъ и маиорша возлѣ его; говорить мнѣ Волковъ, кто ето таковъ тамъ стоитъ, я отвечаю, что ето тотъ маиоръ Продановичъ, что я вамъ сказовалъ, а ета бариня что возлѣ его кто она такова, я отвечаю Волкову, что ето естъ его супруга; смотрю я еще на ту сторону по людахъ вижу, что немного отъ майора позады стоитъ митрополитскій секретаръ Ненадовичъ, поворотясь я къ Волкову говорю, знаетель вы мытрополитскаго секретаря, Волковъ говорить, что нѣтъ и здеслы онъ, укажи мнѣ его пажалуи, я по приметамъ лица и на нѣмъ платья говорю къ Волкову, вотъ посмотрите тамъ то онъ, Волковъ не вдругъ туда повернулся, а мало погода его узналъ.

Я часто възглаговалъ на маиора и на маиоршу, а оны обое также почти глазъ своихъ съ меня не снималы.

Предъ окончаннемъ обедни говорить мнѣ Волковъ, какже вы мнѣ сего господина маиора хвалилы и я таперъ изъ лица его примечаю, что ему надобно быть честному человеку, то и хачу я снымъ поздравытца, а вы при семъ случаи яко знакомой подойди со мною туда къ нему, между тѣмъ, какъ обедня кончилась и свещеникъ съ антидоромъ вышолъ, то Волковъ подошолъ туда, и поворотясь къ правой сторонѣ, мы оба подошлы къ маиору и къ маиорше, оны пооставились, а Волковъ сталъ къ маиору говорить, вотъ ето мой другъ ука ивая на меня хвалытца вашею приязною, для того и я, говорить Волковъ, при семъ случаи не могъ оставить, чтобъ незасвидѣтельствовать вамъ мое почтенныя и желалъ бы выпредъ съ вами быть знакомымъ; маиоръ тому былъ очень радъ и благодарилъ, но дальнего еще

* т. е. Воскресенье.

разговора не могло быть, потому что публика и всё смотреть, и на томъ разошлись, я съ Волковимъ какъ въ карету садямысь, то маюръ и маюрпіа вышедши изъ церкви на насъ смотреды.

Я тотъ день побулъ еще у господина Волкова и преночеваль, а на завтре рано сталъ укладиватца, чтобы перейтиць опять въ городъ на квартиру, потому что болѣе нигде фурманчика искать къ отъезду какъ въ городѣ, и убравшись со всѣмъ пашоль къ господину Черневу чтобы съ нимъ простытца, подаетъ онъ мнѣ два запечатанные конверта писанные отъ господина посла, адынъ на имя господина генерала аншефа Степана Федоровича Апраксина, а другой на—Петра Спиридоновича Суморокова, и ктому еще и третьей конвертъ въ государственную военную коллегію, и при подаче сихъ конвертовъ объявляетъ мнѣ Черневъ, что во оныхъ сдѣдуемое въ мою рекомендацію отъ господина посла писано, и съ тѣмъ, проетаясь я съ моимъ патрономъ господиномъ Черневымъ, пашоль къ Волкову и простаясь і съ нимъ, взялъ свою дорогу въ городъ, и сталъ въ трактире тамъ, где и съ зачала приезда былъ.

Хазяинъ мой, какъ меня увидѣлъ, изъумылся человекъ и говорить, ахъ Боже мой вы еще здесь, и давнолы изъ Прешбурга приехали, и сталъ мнѣ сказывать сколько тутъ меня искали и ево спрашивалы, и что онъ ничего болѣе сказать не умель окроме, что я въ Прешбургъ поехалъ.

Я ему говорю, что оставимъ о прошедшемъ говорить и я вотъ сей часъ опять къ вамъ приехалъ и мнѣ квартера надобна, онъ говорить, изволте войтыть въ ту самую, где вы и прежде были.

Сие было въ тотъ день порано, и было мнѣ до обеда еще времени проходитьца, для того пашоль я въ кафейной домъ, выпилъ две чашки кофе с молокомъ и заплативъ за оную денги, пашоль къ моему приятелю купцу что банкиръ и уже безъ плаща, я съ нимъ увидѣвшись, говорить онъ мнѣ, сказывайте пожалуйста что и какъ ваше дѣло, вы де не знаете что етими днямы какъ вы изъ города вышли, какъ тутъ васъ вездѣ искали, и по всѣмъ местамъ изъ палыціи послание спрашивалы и кто васъ знаетъ, и кто не знаетъ и тѣ мнѣ о томъ говорили, а вчерасъ вдругъ какъ васъ въ церкви съ секретаремъ Россійскаго посла увидѣлы, то еще болше люде говорить стали для чего я говорить мой приятель съ великою нетерпелывостию желаю знать, что съ вами зделалось.

Я на тѣ моего приятеля слова говорю, вотъ другъ мой въ чомъ

мое дѣло совершилось и показывая ему паспортъ, онъ какъ увидѣлъ большую государственную печать, сердечно обрадовался и говорить, ну таперь слава Богу всё опасности уже минулись.

Мнѣ не было много свободнаго времени съ нимъ говорить, а толко объявлялъ ему, что я уже преселился въ городъ и сталъ на квартиры тамъ гдѣ и прежде былъ у трактирѣ, и что спешу за городъ на фор-цатъ (Ландъ-штрасъ) къ майору Продановичу обедать, а стобою другъ мой говорю ему, опосля буду далѣ разговоръ имѣть и съ тѣмъ на-шолъ по улыще и за ворота городские къ майорской квартири.

Въходъ мой къ майору въ горницу былъ ему великимъ удивле-ниемъ, онъ сидѣлъ съ женою на канапею, а какъ меня увидѣлы, то вскочилы обои ко мнѣ на встречу и говорить зачалы: о Боже мой, какъ вы съ собою рыскуете и какъ вы осмелились съ господамы Рос-сійскими такъ публично ездить, вчерась какъ мы васъ въ церкви съ секретаремъ Россійскимъ увидѣлы, то показаласть намъ та ваша сме-лость весьма чудна, и продолжаетъ майоръ речъ свою говорить, разве вамъ вашей жизни не надобно, и что еще на послѣдокъ изъ того бу-детъ? Богъ знаетъ, вотъ ужо, говорить майоръ, двенатцать дней какъ васъ нигде не видать и не слышать куда дельсь, вы не иначе какъ въ воду пропали, а объ васъ уже по команде представленные сюда въ Хофъ-Кригсъ-ратъ (воены советъ) прислано, и-меня де говорить май-оръ объ васъ спрашивалы, незнаю кто бы то объ васъ слухъ разсѣялъ что вы здесь, и я де отвечалъ, что знаю и васъ вездѣ ищутъ.

По окончаніи сего разговора, я еще не хотѣлъ майору и майорше сказывать, что я паспортъ имѣю, а говорю аставимъ таперь сей слова, а будемъ опосля о томъ говорить, и пушай меня ищутъ, а я сево дня для того къ вамъ пришолъ, что хачу у васъ какъ у моихъ приятелѣй обедать, и желалъ бы, говорю я, чтобы и митрополитеки сек-ретаръ также здесь былъ, майоръ и майорша отвечалы мнѣ, что оны мнѣ искрено рады, а о секретаре говорятъ оны что я угадалъ, ибо оны его къ обеду просилы.

Потомъ мы сели и вѣлы свой разговоръ, я наиболее съ майор-шою шутѣлъ, упомыная прошедшие года и дни веселые, какъ я еще въ полку съ ными вмѣстѣ былъ и смеялысь кое чему что происходило.

Майоръ примечаетъ мои слова и видитъ, что я очень весель, ходытъ по горнице взаадъ и впередъ и оборотясь къ супруге своей говорить, посмотрижь то ежелы у него чего нибудь да нѣтъ, онъ вѣтъ

не дарма такъ резвитца, я отвечаю, что всему тому, что къ моему благополучію служить, знаю твердо, что вы яко мои приятели рады, и на сей часъ для васъ сего будетъ довольно.

За сими нашими разговорами уже и обедать время поспѣло и настоль набирать стали, мало затымъ погода идетъ и секретарь нитрополитски, онъ къ намъ вошедши поздравился съ маноромъ и съ маюшою, а потомъ и ко мнѣ лице свое повернулъ, спрашиваетъ о здаровыи и говоритъ, какъ давно онъ меня не выдалъ, а при томъ выговорилъ, что я думаю вы ужъ хорошо таперъ и по руски говорить умѣете (оно то значить, что онъ меня вчерашни день въ церкви съ Россійскимъ секретаремъ видѣлъ).

Я ему отвечаю, что на сие время несколько того языка я уже понималъ, а можетъ быть говорю ему, что въпредь еще лучше выучусь, онъ далѣ не сталъ ничего говорить, а я также оставилъ его въ сторонѣ, а наибольшъ разговоръ я имѣлъ съ маюшою.

Сели мы всѣ за столъ и окончивши обедъ встали и ходили по горнице, а потомъ подынесли намъ кофе, и то кончивши пришло ужъ тогда время, чтобы съ секретаремъ поговорить и укорить его по его поступке, для чего и зачалъ я ему сія слова говорить, что зная его каковъ онъ мнѣ есть доброжелатель, и что тогда какъ я сюда въ Виену приехалъ, пожаловалъ онъ ко мнѣ на квартиру, спрашивалъ зачѣмъ я въ Виену приехалъ и отозвался своими словами, что въ случае моей надобности по дѣламъ у здешныхъ господъ беретъ онъ на себя трудъ мнѣ помогать, и говорю ему, что я какъ и въ то время вамъ на вашу пропозицію отвечалъ, что какъ скоро съ дѣлами своими пособирусь, то намеренъ конечно первее вамъ о своемъ дѣлѣ объявить, почему нинѣ будучи я уже всео изготовылъ, то и не хотѣлъ оставить чтобы своего слова не удержать, и вамъ первому оно показать, я желалъ, говарю ему, сево дни какбы васъ найтытъ и мое дѣло вамъ представить, а какъ довелъ случай намъ здесь сойттыца, то и предпринимаю о томъ васъ трудытъ и прошу васъ то мое дѣло пресмотрѣтъ и не найдетелъ вы еще чего недостающаго или иногда чтобы вы пременить могли, при чемъ выныалъ мой паспортъ, поданъ ему и говорю, вотъ государь мой вчомъ всео мое дѣло состоятъ.

Онъ смотритъ, что я ему такъ выговорилъ, ничего не отвечаетъ, а взялъ отъ меня паспортъ развернулъ и сталъ читать, куда и маюоръ подошолъ и слушаетъ где тотъ читаетъ, оны оба языкъ немецки довольно разумѣлы.

Я отдавши секретарю паспортъ повернулся къ маиорше, взялъ ее за руку, говорю пусть оны читають, а мы пойдемъ въ ту другую горницу.

Маиорша пошла со мною и спрашиваетъ меня, что етакое вы подали секретарю, я говорю ей, а вотъ тотъ часъ узнаеть судариши о вѣсѣхъ томъ и о притчине моего сюда въ Выену приезда, между тѣмъ оны уже паспортъ прочлы і идуть къ намъ.

Секретарь подаетъ мнѣ паспортъ обратно и сталь было говорить, но я прервалъ его слова и зачалъ самъ къ маиору и къ маиорше говорить: какъ я изъ давнаго времени имѣю честь с вами знатца и всегда пользовался вашею приязнью, и сколько напротивъ того я къ вамъ отъ искренности безъ всякаго лицемерия истиннымъ былъ приятельмъ о томъ уповаю, что и вы сами засвидѣтельствовать можете, таперже пришло время за всѣ ваши оказываемыя мнѣ благопріятствы вамъ поблагодарить, и ужъ то время пришло, любезные мои приятели, говорю я маиору и маиорше, чтобы свамы простытца, а можетъ быть и на весь векъ болѣе не доведетца имѣть съ вами свиданье, вы одишилы, говорю я къ маиору, что Россія атьсая естъ весьма ль дальнѣмъ разстояніи, куда судьбина моя ведетъ и назначиваетъ мнѣ тамо новое мое отечество, где и пребыванье мое вечно уже будетъ. Хотя я свамы нинѣ и расстаюсь, но вѣрте мои любезные приятели, что где бы я нибылъ то не престану никогда я васъ любить и почитать, и останусь на весь векъ мой къ вамъ такъ преданнымъ, какъ вы меня знаите, и желать вамъ буду всякаго благополучія и счастья, а васъ прошу въ заимность съ стороны вашей также хотя помнуть и скажите, что вы меня налицемернога друга себя, имѣлы и простыте, я ужъ чрезъ дня три въ свою путь отправляюсь,

А потоужъ повернулся я къ секретарю и говорю ему, а вы другъ мой оставайтеся съ Богомъ и будте увѣрены, что я нимало на васъ злаго сердца не имею, а знаю довольно, говорю ему, что сколько вы хотѣлы дѣлать мнѣ препоны, и вслѣдъ за мною ходили, но всио то ужъ судьбина моя прекратыла и сохранила меня невредима; вы не подумайте говорю я ему, чтобы взаимно я вамъ чего худаго жалалъ, а болше вертѣ что я съ вами расстаюсь таперъ такъ, какбы отъ васъ я никакихъ досадъ не имѣлъ.

Секретарь изъвыняя себя предо мною своими словами говорить зачалъ, вы де государь мой можетъ быть имѣлы какое сумнителство и подозревалы на меня, какъ я таперъ отъ васъ слышу, да иногда

приметель я изъ словъ вашихъ, что вы отъвѣтомъ вашимъ разумѣть подавали, но я боюсь честию, что съ стороны моей противъ васъ ничего не было изъ злости, я съ вами речъ имѣлъ точно изъ приязни и сожалѣлъ толко, дабы иногда не могли вы себя подвергнуть какому либо несчастію, а мнѣ говорилъ онъ, по моей должности, инаково и говорить не можно, таперже какъ вы уже желаемое получили, то и желаю вамъ отъ искренности моей счастливаго пути, а меня пакорно прошу, говорить онъ, сочестъ вашимъ приятельмъ, какъ я во всю мою жизнь хачу таковымъ къ вамъ быть.

И тако мы всѣ тутъ простились, оказывая пріятствомъ другъ другу взаимные поклоны, майоръ и майорша обняды меня руками и не могли отъ слезъ болѣе чего говорить, какъ что ждали мнѣ всегдаго счастья, и съ тѣмъ я у ныхъ отклонясь пошелъ на свою квартиру и сталъ готовитьца въ дорогу.

На завтрешни день рано послалъ я своего слугу на заездные дѣмы изыскать фурманщика, котораго и нашлы, я съ нимъ договорился за свозъ меня до города Будима и далъ въ томъ задатокъ, а чрезъ день чтобъ совсѣмъ изъ Выены и выехать.

Тотже день пришло ко мнѣ майоръ Продановичъ седѣлъ у меня и просилъ, чтобъ еще ихъ не оставитъ и зайтѣбы къ нимъ, я то обещался сделать шымоездомъ, какъ отъезжать буду.

Тотже день простылся я еще и съ моимъ пріятельмъ купцомъ что банкиръ, а на завтрешни день и совсѣмъ изъ Выены въ свою путь отъправился, не оставилъ я обещанные свое исполнитъ и заехалъ къ майору Продановичу и простясь съ ними обейма поехалъ въ свою путь.

Четвертымъ днемъ поспѣлъ я въ городъ Будимъ и сталъ на квартиры въ адномъ по большой ульце трактире, где бавился всего адинъ день покудова другога фурманщика нашолъ, а также и въ тамошнихъ теплыхъ водахъ мылся (сїи воды въ томъ городе почитаютца за весьма здаровые и исцелительные); таковыхъ домовъ, нарочито для того здеданныхъ въ самомъ городе, главныхъ есть четыре и всѣ каменное хорошее строены подъ горю называемою Герзелезъ, изъ которой трубама въ тѣ дома приведена горячая и холодная вода, въ тѣхже домахъ окроме общей бани еще есть понесколко особливыхъ покойковъ такихже, что вода горячая и холодная приведена, где ежеды кто пожелаетъ особливо мытца то можетъ имѣть.

На завтрешни день оставилъ я городъ Будимъ, преправился чрезъ реку Дунай на другую сторону въ городъ Пешту, и не оставилъ мымо-

сѣдомъ чтобъ не побывать у моего пріятели купца Георгія Ракославлева, у коего я первое былъ, и простясь съ нимъ взялъ свою путю въ Петроварадину, куда четвертымъ днемъ поспѣлъ.

Приехавши туда еду прямо къ отцу своему, нашолъ ихъ всѣхъ въ доме здаровыхъ, приездъ мой скоро въ городе былъ извѣстенъ, и зная что послѣ моего отъѣзда какая тревога была и какъ меня вездѣ искалы и что никто не зналъ куда я подѣлся, а тутъ вдругъ какъ услышали что я приехалъ, то всякъ желалъ изъ пріятели мои хъ поскорѣе со мною выдетца.

Таперъ сталъ я уже готовица въ дальнюю свою путю и посещалъ всячески исправица потребнымъ экипажемъ и лошадми, и чтобъ успѣть еще той осени выехать, я подределъ у каретника, чтобъ сделать новой крытой палубъ и другу повоску для поклажи, а также и карету четвероместную, кою я имѣлъ чтобъ поисправить, а лошадей далъ мнѣ отецъ въ карету шесть вороныхъ молодыхъ жеребцовъ своего стада, а къ онимъ потребное число еще лошадей, въ палубъ пять а въ повоску три, взялъ я свойхъ кои хъ я имѣлъ да верховыхъ две лошады, въ карете жеребцы мои были славные и росту болшаго, я опосля будучи уже въ Россіи имѣлъ лошадей много, толко таковыхъ кановы тѣ были не имѣлъ.

Досталъ я хорошихъ и надежныхъ слугъ, кои пожелалы со мною въ Россію итуть, а особливо кучера такова человека, какова редко гдѣ видѣть можно, и естлибы не сей кучеръ у меня былъ, то бы я въ такой трудной дороге съ моими жеребцами много заботы имѣлъ и никтобы другой онимы управлать не могъ, такъ сыльные то лошады были.

Все подлежащее къ путю моему распорядилъ я чтобъ было исправлено, и покудова то делатца будетъ, то тѣмъ временемъ поехалъ я въ полкъ, чтобъ явитица у моего бывшаго полковника, какъ я къ нему при отъездѣ моемъ изъ Петербурга и писалъ, что для отъданныхъ по ротѣ моей отъчета явитица во свое время къ полку буду, забралъ я съ собою и свои писменные дѣла и прибылъ въ полкъ въ штабъ квартиру.

Сталъ я у полковата квартирмейстера, онъ былъ немецъ и коротко мнѣ знакомъ и всегда дружился со мною, сей какъ скоро меня увидѣлъ встречаетъ меня своими словами и говоритъ, для Бога где вы были, вотъ завтра третья объ васъ публикация наряжена, которая уже и последняя будетъ, и естлибы не явились на сей срокъ то ужъ приуготовленн вамъ процессъ.

Говорю я ему, что не такто еще страшно какъ вы себя воображаете, онъ на то отвѣчаетъ, оставте вы ваши шулки на сторону и пойдите поскорѣе явитесь у полковника, вы де увидите какая вамъ отъ него встреча будетъ, онъ на васъ чрезвычайно сердытъ и едвагь обойдетца, чтобъ вы небыли арестованы, я насмеялся говорю ему, что можетъ быть намереные господина полковника и было таково, но ты другъ мой увидишь, говорю я ему, какъ господинъ полковникъ на противо того будетъ ко мнѣ ласковъ а колы не веришь, то пойдн со мною и увидишь, потомъ оделся я въ свой отъ преждняго полка гусарской мундиръ паполъ къ полковнику, онъ видно уже знагъ что я приехалъ, встретылъ меня весьма гордо и сердытымъ выдомъ, причемъ зачалъ репремандние слова мнѣ выговаривать, обвиняя меня за самовольную отъ полка отгучку, и что онъ уже опредѣлыгъ надо мною произвестъ слѣдствие и учинытъ процесъ, и повелѣваетъ меня арестовать.

Я выслушавъ всѣ ево слова, и далъ время покудова сердце его несколько отошло, зачалъ тогда я ему говорить сіи слова: прашу господинъ полковникъ теперъ меня выслушать и везимте на несколько мнунуть терпение; лышь толко что я сие выговорилъ, то онъ еще большъ осердился и зачалъ было громчее перваго кричать и отсылаетъ меня подъ арестъ, на то принужденъ я былъ поближе къ нему приступить и повторатъ сталъ мои слова, говорю ему, что етому господинъ полковникъ уже быть негзя и вы меня арестовать не можете, а вислушать меня что я вамъ говорить хочу вы должны; тогда онъ какъ я сие сказалъ остановился и говорить, ну что вы мнѣ говорить хотыте, я сталъ предъ нымъ съ учтивостию и зачалъ говорить, что я вамъ пысалъ изъ Петеръварадина о томъ, что явитца во свое время въ полкъ буду для отьдачи о бывшей моей ротѣ щета, таперъ то время и пришло, и я для того таперъ приехалъ, а при томъ говорю я ему, хочу вамъ донестъ, что я уже не состою въ здешнѣй службе и въ вашей каманде, а имѣю я по моему прежнѣму абшиту отъ двора Австрискаго увольнителны пашпортъ въ Россию, и сие выговоривши подаю я пашпортъ полковнику.

Онъ ваявши тотъ пашпортъ развернулъ и зачалъ читать и сталъ въ ценъ предо мною не говорить ни слова, а потомъ согнувши плечамы пременялся изъ яросты въ учтивые слова, зачалъ тихо и ласкаво говорить, вы де конечно счастливы родились и вадна еудьбина и фортуна велика, етакую отьвагу говорилъ онъ и что многократно рысковалы съ собою, то-редко кому другому удалосъбы счастливо

наконецъ вытѣтъ, я де таперь вижу, что вы всё строгосты упреждаи и освободили себя, желаю вамъ всякаго счастья и благополучья.

Послѣ сего прошу я полковника, чтобъ онъ приказалъ о бывшей моей ротѣ со мною подлежащей щеть учинить, а потомъ доводящееся къ полученнымъ мнѣ жалованымъ выдать, онъ тотъ часъ отдалъ въ полкъ приказъ, требуетъ рапортовъ, не состою ли я кому чѣмъ долженъ, а въ роту мою написалъ о томъ же особливой ордеръ и повелѣваетъ со мною щеть учинить.

Я тотъ день остался у полковника обедать, я покудова еще я тамъ до моего отъезда бавился, то просилъ меня полковникъ чтобы всякой день у него при столу быть.

Промедлылъ я тамо въ полку дней шесть, покудова все подлежащее дело кончилъ и свое жалованые по день моей отъ полка отлучки получилъ, а потомъ простясь съ полковникомъ и со всѣми офицерами кои тамо случились, всё меня дружески проводили, а особливо подполковникъ баронъ Рыть крайнѣ сожалѣлъ, что я изъ службы тамошней вышолъ, и съ тѣмъ я исполка поехалъ.

Дарогу свою мымоездомъ взялъ я по своей роднѣ, где кто по пути мнѣ случился и простясь со всѣми, заехалъ на послѣдокъ къ старикку дядѣ моему полковнику Секуды Витковичу, у него я былъ два дни, пысалъ онъ пысмо къ двоюродному брату своему въ Россію, тогда бывшему бригадиру Стефану Витковичу, каторой изъ Цесарии вышелъ прежде еще, нежели я родился и дослужился въ Россіи того чина, однако по приездѣ моемъ въ Россію я его не выдѣлъ, ибо онъ тогожь времени уже будучи въ старосты скончался, отъ коего и потомковъ не осталось, супруга же за нимъ была изъ Смолѣнскаго шляхетства изъ дому Енгельхартова, звалась Ѳедора Николаевна что прежде за мужемъ была за Апостоломъ, что въ Малой Россіи.

Я простясь съ дядѣю моимъ и съ всею его фамиліею поехалъ обратно въ Петръварадынъ, не оставылъ я чтобъ не быть у тамошнѣго отъ крепосты оберъ коменданта, каторой мнѣ былъ довольно знакомъ и меня любылъ, онъ старикъ былъ уже около восьмидесять лѣтъ назывался баронъ фонъ Елфенрейхъ.

Сей достойной старикъ принялъ меня весьма ласкаво, а какъ я ему сказалъ, что я не хотѣлъ промынуть чтобъ съ нимъ непроститца и что увольнительны нациортъ имѣю въ Россію, то онъ о томъ дивовался много и сожалѣлъ, говорилъ къ случившимся тогда у него отъ крепосты господамъ, вотъ какіе мы ошибки дѣлаемъ, отъпускаемъ отакыхъ достойныхъ и большихъ фамилиевъ людей въ чужое государ-

ство служить, не лучше было бы имъ у насъ быть, вы увидите, говорилъ старикъ мой, господа, что въ ваши еще лѣта дождетесь видѣть и слышать, какъ етне господа современемъ тамо, куда оны уже пошлы и еще въ слѣдъ за ними тудъжь поедуть, выдутъ людмы большымы, и неубытокъ ли то нашъ собственной, я де знаю сихъ людей лучше нежелъ кто другой и вотъ въ глубокую старость, продолжалъ старикъ речь свою, что ужъ я вошолъ а всегда и наиболее съ симы людмы я служилъ и знаю ихъ верность и службу, которую оны двору нашему оказывалы, и когда мы въ великихъ опасностяхъ обстоятельства нашихъ состоялы какъ въ бывшей съ Туркамы войнѣ, такъ и при бунтахъ изменыковъ Венгровъ, кои тогда были Туркамъ подалысь, то въ то время никто другой нашей армыи не былъ въ подкрепленные окромѣ что Сербы аднѣ то дѣлалы, и намъ верны осталысь, и говорить еще старикъ, я де знаю отца сего господина, указывая на меня, которой завсегда въ моей каманде былъ и служилъ съ великой отлычностію; а также и дѣда его знавалъ я, съ которымъ я служилъ и видѣлъ, какіе храбросты на войнѣ онъ самъ и подкомандные его противъ Турковъ и бунтовщиковъ Венгровъ оказывалъ, а таперъ мы тѣряемъ такихъ людей, о коихъ опосля какъ увидимъ дѣла ихъ, тогда узнаемъ свою ошибку, что ихъ отпустилы; сей старикъ и еще много подобныхъ сему словъ тогда говорилъ и просилъ меня, чтобы остатца у него обедать, что я въ удовольствие его и здѣлалъ, а послѣ обеда протяся съ нимъ пашолъ дамой.

И ужъ исправившись всѣмъ подлежащимъ, а при томъ что уже наступыла осень, спешилъ какбы поскоря выехать, но никакъ нельзя было ранѣ уснетъ, какъ что октября месяца 24-го числа 1753-го года, выступылъ изъ Петербурга въ свою путь.

Меня проводылъ толко отецъ мой самъ, одынъ до перваго ночлега до местечка Сентьомаша, где была у меня двоюродная сестра за мужемъ, за капитаномъ Симеономъ Руничемъ, она была родная дочь дяды моего полковника Секуды Витковича, о коемъ я прежде говорилъ.

Тамъ, у сестри преночевавши и по утру протяся со всѣмы, отецъ мой воротылъ назадъ, и я ужо самъ съ женою и съ малецкымы двумя детмы, две служанци и семъ человекъ слугъ поехалъ далѣ.

Продолжалъ я путь свою съперва неболшымы преходамы, а иногда и разлахи дѣлалъ, нарочно для того, чтобы молодымъ своихъ лошадей сперва не утомытъ, и вою у меня нѣло порядочно и хорошо, даже до пятаго моего ночлега; тутъ встретило меня первое прѣшлоченые, какъ время стало дождливое и ветри холодные, а венгерская

степь и пустыня голая, чрезъ которую мнѣ проехать надобно, а селеніи хотя и состоятъ, но одно отъ другаго подалеко, для чего я всталъ поранѣе съ намеренымъ уже по болше преходы делать, и о томъ еще съ вечера слугамъ приказалъ, чтобы и оны рано встали, и лошадей накормить овсомъ, а потомъ и шоры на ныхъ наладать, что оны и здѣлали, и кучеръ мой по его прилежности зачалъ всио то дѣлать что ему приказано и всталъ ранѣе всѣхъ другихъ слугъ, и шоры какъ наладать хотѣлъ тронулъ рукою цуговаго жुरебца, а онъ въ тотже часъ обеими задними ногами ударилъ кучера въ грудь, отчего кучеръ мой упалъ на землю за место мертваго, тутъ прибежалъ адынъ изъ слугъ объявляетъ мнѣ что зделалось, я скоряе туда въ конюшню прибежалъ и нашолъ кучера простертаго на землѣ безъ чувства и безъ диханія; таперъ можешь мой читателю поверить какому мнѣ въ тотъ часъ было, а одно что такова добраго человека почиталъ я уже потѣранымъ, а друго тронуло меня жестоко, что будучи въ дороге зделалъ мнѣ такое приключеніе и въ такой пустинѣ, где ни какой помочи сискать не могу, окроме толко хазина, у коего я ночевалъ и которой никакой надежды не подавалъ, а гледѣлъ толко, чтобы у меня получить за плату, за ночлегъ и за фуражъ, и за съестное что давалъ, и какъ видѣлъ случившееся съ кучеромъ моимъ, и узналъ что мнѣ тутъ будетъ должно забавытца, то онъ безъсовестной (онъ Венгеръ) тотъ часъ зачалъ говорить, что илы выежайте, илы когда намерены еще здѣсь забавытца, то какъ за ностой такъ и за все прочее, что я у него буду братъ долженъ буду заплатитъ въ двое противъ перваго, принося въ резонъ, что другой никто изъ проежыхъ не будетъ места имѣтъ где стать, а сие онъ изобрелъ себы въ профитъ, потому что на томъ мѣстѣ гдѣ мой ночлегъ былъ не состояло болше никакова селения, окроме толко тотъ адынъ заездной домъ да и то не совсемъ выгодно.

Я ему отвечалъ, чтобы онъ о его претензіи ни мало не сумнѣвался, и что онъ всио то получить чего требуетъ, и говорю ему, недокучай мнѣ пажалуй, я не уеду чтобы стобою нерасплатытца да ти видишь, какое мнѣ приключеніе здѣлалось, и бросилъ болше съ нимъ говорить, а приказиваю слугамъ чтобы скоряе внести кучера ко мнѣ въ горницу.

Слуги взяли и простерды попону и превалили на оную помаленку моего кучера, и понесли въ горницу где принесено сено на подстилку, однако болной ничего и ни мало не подаетъ знаку, чтобы онъ еще живъ былъ, я смотря на его не могъ отъ слезъ воздержатца, на

послѣдокъ дѣлать было иного нычего, окроме старатца узнать пер-
вее живъ ли еще онъ, а потомъ употреблять средства къ его помощи.

Горница, въ которой я ночевалъ и где болной лежить, была де-
волио тепла, однакъ велѣлъ я еще затошить, потомъ велѣлъ слугамъ
помаленку разотегнуть съ кучера поясъ и пуговицы на камзоле, кате-
рой въ два места отъ подковъ былъ разодранъ, и какъ сие слуги де-
лали что мнѣ я приказалъ и показалаъ вся рубашка въ крови и на
самыхъ грудяхъ опухлъ и знаки отъ подковъ, отъ которыхъ одна уда-
рила видно покрепче, даже что шпыль адынь въ тело вошоль и рану
большую сделала, изъ которой и кровь шла, а отъ другой подковы знакъ
синѣй былъ, такова нужда заставила меня быть лекаремъ; я тотъ
часъ велѣлъ служанкамъ мнѣ, чтобы сгърѣтъ отрубей съ уксусомъ
и тѣмъ сделалъ непрестано припарку, а ктому употребилъ и другое
оредство, которое на всякъ случай въ дороге, а наиболѣе мысли мои
были для лошадей, чтобы имѣть съ собою канфорной спиртъ, коего
я изъ Петеръварадина взялъ штофъ целый, и сей часъ послужилъ
моему болному наилучшимъ лекаремъ.

Я взявши того спирта вьлилъ на платокъ, потеръ болнаго по
лицу, по рукахъ и поднесъ къ носу, и то непрестано обще съ при-
парками продолжалъ болѣе одного часа, послѣ чего сталъ немного на
руке пульсъ являтца, коего прежде нымало ни было приметно, сему зна-
ку весьма я обрадовался и говорю воокругъ меня стоящимъ слугамъ,
что живъ и чтобы припарки одно за другимъ подавали.

Такимъ образомъ производилъ я мое лекарское искусство отъ са-
маго утра и даже за полдень до втораго часа, тутъ уже мой болной
зачалъ дышать и не много ворущитца, но говорить ни слова не могъ
даже до вечера, а въ наступившую ночь сталъ стонуть и немного
говорить, показывая рукою на грудь боль свою, а повернутца никакъ
не могъ ны самъ ни чтобы кто его трогалъ.

Въ такомъ положеніи болной мой провелъ всю ту ночь и до ут-
ра, и котя ему на другой день было и полегче, и уже понемногу се-
дѣть могъ, но ехать мнѣ было никакъ не можно, а принужденъ былъ
тамо на томъ мѣстѣ простоять трое сутокъ, покуда мой кучеръ могъ
уже понемного ходить.

На четвертой день видѣтъ онъ, что замедляли на томъ мѣстѣ
долго а ехать надобно, то самъ сталъ о томъ говорить и обнадежи-
ваетъ, что можетъ на козле сидѣть и лошады править, я с моимъ
безъсовестнымъ хазяиномъ расплатился и за всео въ двое съ меня
взялъ, и тако поехали мы отьтуда помаленку, и всео шагомъ,
потому что мой кучеръ хотя и надѣялся здоровымъ быть получше,

однако едва могъ сидѣть и особенно спать никакъ было невозможно, и мы тотъ день не болѣе могли уехать какъ две вѣли, и заночевали опять въ пустинѣ, въ одномъ заездномъ доме или карчме.

Оттуда намъ былъ въпереди городъ Сегединъ еще въ трехъ шыляхъ, куда въ завтрашни день въ позднюю ночь едва доехать могли, одно что кучеръ весьма слабъ, а друго что дождь сильно въ тотъ день шолъ и сделалась грязь преведакая.

Мы какъ ужъ подъ городъ подъехали и между сады вошли, а сделалась такая темнота, по коей не знали куда ехать, то принуждены я быть проводникомъ, селъ на верховую лошадь, остановилъ карету на томъ мѣстѣ, самъ съ однимъ слугою поехали нерколко въпередъ рассматривать дорогу, и по известноты мнѣ того города, какъ я еще въ училище тамо былъ, а потому доводилось еще во ономъ разъ и другою бывать, то потому и по приметамъ мѣсть угадалъ хорошо, и вернувшись велѣлъ каретѣ и обозу за мною ехать, и приехавши къ одному известному мнѣ трактиру остановился и сталъ у ворота стучать, хозяинъ то услышавши отозвался спрашивая чего надобно, и узнавъ что гости къ нему захать хотять, отворилъ ворота и побежалъ скоро въ свои пакой, вынесъ фанаръ съ свечою, принялъ насъ харащо и отвелъ для меня особливую горницу, а для людей другую и затопилъ въ обе скоряе, а потомъ сискалъ для насъ и ужинъ, и тѣмъ провели мы ту ночь съ покоемъ.

Въ томъ городе простоялъ я поневогъ три дня, дабы тѣмъ временемъ подождать моего кучера, для чего рекомендовали мнѣ одного лекаря, за коня послалъ и съ провѣдою, онъ чѣтъ часъ приполъ и на первой случай пустилъ изъ руки кровь и далъ мазъ и фластеръ, отъ чего ему лучше стало и въ дарогу пустынца была надежда; я для сего человека принужденъ былъ всѣ средства употребить къ его позофанью, дабы иногда по слабосты здаровья не отсталъ отъ меня, одѣлъ я его какъ можно теплее и взялъ отъ лекаря побольше той мазы и фластера, поехали въ свою путь.

Отъ Сегедина къ Токаю была намъ дорога весьма трудна и грязь превеликая, а дожди почти ежедневно шли.

Приехали мы ужъ въ городъ Токай, въ которомъ было мнѣ известно что находитца Россійской майоръ прозивался Николай Жолобовъ, онъ тамъ былъ съ командою у покупки ко двору венгерскихъ вынъ, къ коему я на утрейши день пашолъ и объявилъ о себе, что еду въ Россію, принялъ онъ меня отмено ласково, и тотъ день я у него обедалъ.

Въ Токаѣ простоялъ я одынъ день, а тую ночь какъ на завтра

высказать было наморозъ, аделалось мнѣ другое приключенье, что ушолъ у меня форейторъ и унесъ съ собою весь новый мундиръ, а по утру узнавши о томъ пашолъ тотчасъ объявить мамору Жолобову, а онъ также послалъ о томъ объявить въ тамошнее судебное место, почему хотя веде обыскъ и былъ, но найтыть не могли, и тако принужденъ я былъ остатца въ Токае еще адинъ день, и суетница безъполезно, напоследокъ какъ другога средства не было а ехать надобно, то посадылъ я другога человека на форайтерску лошадь, которой никогда при лошадяхъ не служилъ, а былъ маистеровой человекъ, а лошади мои сильные, но потому набрался я давольно беды, покуда сой человекъ въ дароге привычку аделалъ управлять подъ собою лошадью.

Отъ Токаа какъ мы выехали, тутъ уже показиватца намъ стали горы, и теснѣе дароги, и частые преправы, и мосты худие, а время въ глибокую осень настигло, стало весьма холодно, и что далѣе то хуже, на последокъ къ самой Полской границе въехали въ превеличайшие горы и стѣны каменные, доводилось въ день понесколко разъ подниматца на тѣ страшные высоты и опять спускатца вънизъ въ пропасти, я о карете почты нимало не боялся, полагался на своего добраго кучера, которой во всѣхъ мѣстахъ где опасности были умѣлъ управлять лошадми, а что палубъ мой то тотъ оприкидивался разовъ несколько, и напоследокъ такъ мнѣ наскучилъ что я его мало не бросилъ.

Черезъ сіи горы продолжали мы путь весьма прихворбную, а болѣе тѣмъ, что деревни бедныя и мужики ничего не имѣютъ, на многіе мѣстахъ ни фуража лошадямъ, ни хлеба людямъ, ни за какие денги достать было невозможно, а гдѣ хлебъ и находылся, то по болшей части овсяной ошощенъ съ гречихою, дотараго намъ имѣть есть было невозможно, а къ тому въ тѣхъ горахъ была еще и опасность отъ разбойниковъ и воровъ, какъ въ одну нѣчь было на меня покушенныя; приехалъ я въ одну маленькую деревушку уже подъ вечеръ, где и заночевалъ въ тамошней бедной ярчме, и по наступившей ночи положились спать, однако мнѣ какбы нечто перевозещало, не могъ заснуть и дождался времени около полночи, вдругъ слышу я что при моей горнушке съ заднѣго отъ горы окошка нечто есть и какбы люди, а потомъ мало погодя зачали потихонку отдырять ставню отъ окошка, по сей примѣтъ не ожидая болѣе въскочилъ я взявъ зараженной мой пистолетъ, выстрелылъ въ окошко и черезъ ставню, незнаю ужъ попалъ ли ково или нѣтъ, и подскочилъ къ другому окошку въ ту сторону что на дворъ, где люди мои у лошадей подъ сараешъ лежали,

задала окрестъ, почему все мои люди вѣселились, куда и въ ночь на дворъ вышло и проказывало мнѣ что было.

Мы всю ту ночь до света уже спать не спали, и дожидаясь света поехали далѣ, и тотже день едва выбрались изъ той пропасти и пришли чрезъ границу на Полскую сторону, где первое найтъ полское местечко было называлца Дукая, въ которое въ вечеру мы приехали, и стали въ одной большой жидовской карчме.

Въ снѣгъ местечко простоялъ я двое сутокъ, одно чтобы проехать лошадей а друго, чтобы и люди одѣ трудовъ могли спочинуть, где уже насъ и снѣгъ встретилъ и зима настояща стала:

Изъ Дукая какъ мы поехали, то показалось намъ дарога гаврада палехче, хотя и были горы и преправы трудныя, да всею несравнено противъ венгерскихъ горъ и тамашныхъ проходоу, и вѣтъ еще спосебнѣе чрезъ Полву ехать, что селеніе частыя, а ктому большіе заезжие дома съ сараиши, каторыя подаютъ проезжающимъ людямъ великую выгоду и за деньги вездѣ и всею достать можно, что только кому надобно, и тако доехали мы до города Жуливы, гдѣ простали одѣ сутки.

Оттуда выехавши была намъ дорога трудна и досадна, потому что частіе преправы и мѣсты, какъ обыкновенно въ Полше мало о томъ стараются чтобъ дароги исправни были, а снѣгъ встречалъ насъ всеюй денѣ, и зима уже настояща стала, то съ великою трудностію едва до города Броды доехать могли.

Я задумалъ было тутъ въ Бродахъ оставатца чрезъ всю зиму по притчине невозможности въ ездѣ, но какъ сталъ свой щотъ сводить и увидѣть, какая бы суша денегъ чрезъ всю зиму меня стоило, а ктому еще и то, что Поляки по ихъ тогдашней гордости и недоброжелательству къ Россіи, какъ на многихъ мѣстахъ довольно о томъ я узналъ, то и отъсозналъ я таково намереніе простоять только тамъ въ Бродахъ трое сутки, чтобъ лошадей покормить, пуеются опять въ дорогу:

По выездѣ изъ Бродовъ продолжалъ ежедневно свою путь съ превеликою трудностію, и по такой несносной стужѣ и заметынахъ едва, едва могъ до местечка Хвастова достигнуть, где по притчине большой метелицы простоялъ два дни, тамъ сказываютъ мнѣ, что уже граница Россійская недалеко и что прямою большою дароугою на первой и главной караулѣ, где обыкновенно пропускъ бываетъ, называемой Василковъ, въехать не можно, не знаю покакой притчине тогда тотъ пропускъ былъ запертъ, а надобно было ехать вправо повыше на другой караулъ и пропускъ называемы Шелеговка.

Меня сн весты, что Россійская граница уже не далеко, побудили, чтобъ небавитца а ехать и достигнуть до желаннаго, для чего и подъялся въ дарогу, а чтобы езда была мнѣ безъ остановки и утрафиты просто къ тому Шалеговскому форпосту дарогу, то нанималъ я отъ места до места себѣ проводниковъ, и съ тѣмъ въ местечка Хвастова выехалъ, а принужденъ былъ по весьма холодному времени, и что худая дарога дѣлать не великие проходы, отъ чего а также что снѣгъ большой началъ и заметны, чрезъ каторые мнѣ парному довелось пробыватца и дарогу самъ себе дѣлать, то на многихъ местахъ не иначе, а тонулы совсѣмъ съ каретою и с лошадѣ въ снѣгъ, напоследокъ съ тою нуждою поспѣлы на тотъ Шалеговскн форпостъ.

Насъ тутъ предъ рогаткою остановилъ часовой, коего какъ я увидѣлъ въ какомъ онъ убранствѣ былъ смутыло меня чрезвычайнѣ, а того не зная прежде, что въ Россіи есть особливныя гарнизонныя салдаты, а почиталъ какъ и въ Цесаріи, что вою адно отъ армии салдаты, то и подумалъ я, что и всѣ прочіе таковы будутъ; сей часовой сдѣлъ у рогатке въ своей часовнѣ шлы бутке, коя была обвернута старими рогожами, на себѣ онъ имѣлъ старой изодраной кожухъ, наверхъ коего имѣлъ шерстяную бурку, а на ногахъ ланты и на голове съ ушамы шапку, мужикъ оброслой весь въ бородѣ, въ престарелыхъ уже летахъ.

Онъ какъ насъ остановилъ, то началъ вричатъ до своихъ, кои за рогаткою были въ караульной кабе, отътуда вывелъ кэпралъ не въ лучшей форме, а такъ какъ и часовой, спрашиваетъ, кто таковъ едетъ и отъкуда, мы кое какъ разуметца могли, и я какъ ему о себе объявилъ, то началъ онъ рашортовать своего капитана, и покуда снѣ происходило, принужденъ я былъ тутъ у рогатки простаять на холодному ветру болѣе адного часа, на послѣдокъ въпустили насъ во-внутрь границы и показали квартиру въ адней холодной карчмѣ, где я и расположился.

Путь свою отъ Петербурга, какъ изъ дому выехалъ по снѣ место, продолжалъ я съ радихамы ровно шестьдесятъ дней, а приехалъ на границу Россійскую тогоже 1753-го года, декабря мѣсяца дватцать втораго дня. Вотъ таперъ я уже въ Россіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ читателю.

Лѣстная сего свѣта жизнь побуждаетъ человѣка предъ-принять на себя трудъ, отвагу, страхъ, не считая ны во что изнурены своего здаровья, а толкомъ достигнуть до желаемаго, и тѣмъ почитаетъ себя уже на высокой степени своего счастья, но сие есть слѣно, а должно сазать, что очастливѣйшій можетъ назватца тотъ, которой при всѣхъ своихъ трудахъ обратитъ предприятие свое съ добрымъ намереніемъ, не выдетъ притомъ изъ границъ благопристойства, і здѣлаетца полезнымъ отечеству и своему государю, и оставитъ по себѣ свои добрые дѣла.

На противожъ того какъ можетъ быть вредно, что иногда по навичкѣ а иногда отъ подлаго корны родившихся или отъ худаго воспитанія въсеецца въ чедовѣка злобравне, лихоимство, гордость, великое честолюбие и ненависть къ въ ближнѣму своему.

О семъ, что значить и о комъ мысли мои идутъ, можно будетъ усмотрѣть въ разныхъ страницахъ сего сочищныя.

Говорилъ я о самомъ себе въ первой части сей моей повести, въ каторой изьяснилъ о всѣмъ случившемся со мною будучи въ своемъ отечестве и въ службѣ австрійской, также по выездѣ мое отъелъ и слѣдуя въ дароге до границы Російской что случалось, но въ тѣхъ молодыхъ лѣтахъ въ каковыхъ я тогда былъ околко пенесъ я труда, страхъ, препоны разныя, каторое всею некоторымъ образомъ предъвозвещало мнѣ, что и напредьбудущее время тому подобное или и болше, счастье и несчастье, со мною встречатца будутъ, но однако ничто меня отъ моего предъприятія удержатъ не могло, и слѣдовалъ путемъ за своею фортуною.

Спешилъ я какбы скорые достигнуть по своему намеренію до желаемаго, а таперъ вижу что когда судьбына чедовеку

чего опредѣлыла, то конечно и понестъ онъ долженъ, шоль я въ неизвестную мнѣ страну съ намереніемъ однако добрымъ, предъпринялъ такъ далнюю и трудную путь, употребя на то великую свою издержку и прибылъ въ Россію.

Повѣсть моя таперь въ сей второй части наполнена будетъ всеѣмъ тѣмъ, что случалось со мною по вступленіи моемъ въ Россію, и чрезъ продолжение въ семь государстве безъ всякаго порока моея долготѣной службы, какъ о томъ далѣ сказано будетъ.

Принять я былъ и опредѣленъ въ военную службу, а потому посланъ для выводу изъ далнихъ странъ желающихъ выходить въ Россію людей, претерпѣлъ въ пути заключеніе невинно подъ арестомъ, и въ томъ страдалъ мною, мысленно сию еднакъ въ выводе людей хотя съ великою трудностію во исполнилъ порядочно; а послѣ того служилъ при дворѣ императорскомъ, и посланъ по особливой камисіи въ Венгрію, при которой посланъ будучи въ чужемъ государствѣ несчастливимъ случаемъ потѣралъ свою супругу и детей горкою смертію, лишился всего имущества, экипажи и лошадей, при чемъ мало и свою жизнь тамъ не оставилъ.

Подавъ способъ еще своему къ выходу со всею фамиліею въ Россію и доставилъ ему выеждой съ великимъ трудомъ нашпортъ.

Женился въ другой разъ и дѣтѣи имѣлъ, которыхъ такъ же несчастливимъ случаемъ какъ и предидикъ мало не потѣралъ, при чемъ однако лишился своего экипажа и лошадей.

Пронходялъ я чинами по службѣ съ некоторыми пренюнами, частіи хотя и дотыкались до меня, но съ великими пребивками и обращались иногда въ несчастіи.

А при всеѣмъ томъ былъ я у всеѣхъ первоначальныхъ господъ знакомъ и любимъ, служба моя была известна и признаваема съ честію и съ похвалою всегда, всякъ желалъ изъ господъ командировъ имѣть меня въ своей командѣ, давали мнѣ по службѣ атѣстаты и свидѣтельства.

При окончаніи первой части (принадлежащей до сего) моей повести, сказалъ я, что дождьъ изъ отечества моего и сѣвдуа чрезъ Польшу приездъ мой былъ на границу Россійскую промежуточно 1753-го года декабря 22-го дня на форпостъ Щедеговку, что почти ничего и прочитатъ сей годъ, ибо тогда осталась онаго до истечения непомножко дней, а настоящее зачало моего вступленія стану я почитатъ съ 1754-го года гевваря съ 4-го дня.

Вступленіе мое на сей Щедеговски форпостъ было мнѣ несколько неудобно и досаждало, а тѣмъ болѣе, что отведенная мнѣ квартира была неба дустая и холодная, которую чтобы затопить принужденъ я былъ дровъ у лаврудианъ заимать купить, а также что на фуржка лошадакъ, ни съѣстнаго для меня и людей ни за какіе деньги достать было не можно, и потому надобно было форпостнаго капитана просить о дозволеніи послать за рогатку въ состоящую тамо на Полской сторонѣ недалеко деревню, въ которой искупили и привезли, что намъ было потребно; тогоже дня къ вечеру поздно пришло къ мнѣ форпостной капытанъ, зделалъ мнѣ визитъ, и счастиемъ что онъ былъ Немець и могъ я съ нимъ тѣмъ языкомъ говорить.

Онъ сказалъ мнѣ, что объ моемъ приездѣ умъ онъ привилъ чрезъ нарочнаго въ Киевъ къ оберъ-коменданту рапортъ, я съ нимъ не могъ дальнихъ разговоровъ имѣть, потому что старался болѣе какбы поскорѣ согрѣть свою избушку.

На завтрашній день въ габонту уже вечеръ возвратился изъ Киева тотъ нарочно посланной и привезъ ордеръ къ капитану о томъ емъ безъ карантина пропуске, о чемъ долже часъ далъ мнѣ капитанъ знать.

Я не притупивъ времени поутру 24-го декабря рано вставши поехалъ и поспешалъ, чтобы еще тогоже дня могъ въ Киевъ поспѣть.

Оберъ-комендантъ Киевски далъ знать нашимъ прежнимъ выходцамъ тамъ находящимся обо мнѣ, что я на форпостъ Шелеговски приехалъ, и что онъ велѣлъ меня пропустить, почему некоторые знакомые выехали ко мнѣ на встречу и, встрѣтясь со мною на пути, были мнѣ до города провожатимы.

Тогоже дня подъ вечеръ приехалъ я въ Киевъ, меня встретили еще некоторіе знакомые, нарочно высланные отъ свояка моего майора Шевича, которой тогда тамъ былъ, и тѣ высланіе проводили меня чрезъ городъ и показали отведенную для меня квартиру на Подолѣ, гдѣ и всѣ прочіе выходцы были.

Тамъ на квартиры моей дожидаяся меня мой своякъ и свояченица, сестра супруги моей, оны рады были приѣзду нашему чрезмѣрно, а мы также адно что съ ними увидѣлись, а болѣе что до своего места доехали и дорога кончалась, которая намъ была крайнѣ наскучила.

На завтешни день 25-го декабря праздникъ Рождества Христова приехалъ ко мнѣ мой своякъ и снымъ еще некоторіе знакомыя, поехали всѣ вмѣстѣ въ крѣпость къ господину оберъ-коменданту тогда тамъ бывшему, Ивану Ивановичу Костюрину, адно что по обычаю, какъ мнѣ о томъ пресказывали, поздравить его праздникомъ, а друго чтобы я самъ себя ему яко новопришедшій представилъ.

Господинъ оберъ-комендантъ принялъ меня очень ласково и выдомъ приятнымъ, умѣлъ онъ несколько говорить по немецки, и тѣмъ лучше могли мы въ своемъ дискурсе разумѣца, онъ въ самомъ дѣлѣ, какъ я ево опосля сталъ коротко знать, былъ человекъ отъ природы весьма обхаженымъ своимъ приятенъ, и сказать что въ такомъ мѣстѣ на границе былъ онъ и надобенъ, какъ тамъ часто чужою странною проезды случаютца быть, то по ево учтивосты и пріятству всякому проезду онъ нравился.

Я тутъ въ Киевѣ изъ прежнихъ нашихъ выходцовъ засталъ две команды или зачало новыхъ полковъ: первой генерала Шевича, а другою генерала Прерадовича, толко на то время сихъ обеихъ господъ генераловъ тамъ не было, а находились въ Москвѣ, где въ то время и дворъ былъ.

Семы ново-названныя полкамы командовали: однимъ подполковникъ (Живанъ или) Иванъ Шевичъ, синъ старши генерала Шевича, а Прерадовича полкомъ синже его, премьеръ майоръ Георгій Прерадовичъ.

Всѣ оиъ господа были мнѣ знакомы, однако сожалѣтельно было гледѣть, что засталъ я у нихъ великіе междуусобны и несогласіи и ссору, всякъ желалъ свою команду людьми умножить, и тѣмъ преманивали другъ друга людей и афицеровъ, наущая подавать о преходе прошеній, чрезъ что напоследокъ драки и междуусобіи происходили и много о томъ конфузій было.

Я какъ прежде имѣлъ свои ежедневныя записки, такъ и тогда вѣступивши въ Россію не преставалъ тамъ же дѣлать, и сталъ вести и записывать все что происходило.

Слустя несколько дней послѣ моего въ Киевъ приезда вознамѣрился я ехать въ Москву, какъ о томъ и самъ господинъ оберъ-комендантъ меня советовалъ, чтобы явѣтца самому въ военной коллегіи и объ опредѣленіи въ службу просить места, на тотже проездъ дасть онъ мнѣ подорожную, а со мною ехать согласился и своакъ мой майоръ Петръ Шевичъ.

Мы оба отъправились въ дарогу и приехавши шестымъ днемъ въ Москву, стали съперва на квартиры у господина генерала Шевича, которой какъ меня увидѣлъ весьма тому былъ радъ, и спустя дня два повелъ меня къ господину генералу аншефу и военной коллегіи вице-президенту Степану Федоровичу Апраксину.

Сей господинъ принялъ меня отъменно видомъ ласкавымъ, говорилъ онъ по немецки достаточно, спрашивалъ меня о продолженіи моеи дароги и обо всѣмъ подробно, я ему подалъ письмо обо мнѣ писанное отъ полномочнаго посла изъ Вены, также и тотъ конвертъ, что въ военную коллегію писано, при чемъ сей господинъ объявлялъ мнѣ, что ужъ онъ извѣстенъ, и чрезъ другое отъ господина посла письмо, какъ о моемъ отъ двора Австрійскаго увольненіи такъ и о томъ, что я тамъ былъ удержанъ, обнадеживъ при томъ меня, что во всякихъ случаяхъ не оставитъ онъ дѣлать мнѣ вспоможеніи, и приказалъ чтобы подалъ я въ военную коллегію челобитную, куда и въ какой полкъ желаю опредѣленнымъ быть въ службу.

Потомъ повелъ меня господинъ генералъ Шевичъ и къ другимъ господамъ присутствующимъ въ военной коллегіи, которые также отзвались мнѣ приятнымъ видомъ, какова встреча, на то время оказанная мнѣ отъ сихъ господъ, возбуждала во мнѣ такую горячую любовь къ Россіи, что я не пожелалъбы свою жизнь безъ всего жертвовать, и дочиталъ совершеннѣйшимъ счастьемъ и своимъ удовольствіемъ

одно только то, что судьба моя привела меня въ такое государство, где уже и жить и умереть съ радостью готовъ буду.

Я ужъ и не хотѣлъ просить опредѣленія въ другой какой полкъ, какъ некоторые советовали меня чтобы проситца въ старіе полевые гусарскіе полки, упомыная что Шевичевъ и Прерадовичевъ будутъ поселены, и что не такъ почитатца стануть какъ другіе, однакъ я такъбы пустіе советы оставилъ въ сторону, а подалъ челобитную съ изъявленіемъ, что желаю быть опредѣленнымъ въ полкъ господина генерала Шевича.

По сочинѣннй той моей челобитной прежде нежели я оную подалъ, абынъ изъ коллежскихъ чиновъ отозвался и говорить мнѣ, что де всё вышнее наши господа получили здесѣ чины болше нежели что въ Цесаріи были, почему и вы говорить оны мне явче слѣдъ просить чинъ секундъ-майорски; я о семъ советѣ думалъ и разсуждалъ целой день, проситца чина болше или оставить, но въ сей оцѣлѣ проситъ чина бодше показалось мнѣ, чтобы иногда на первой случай такою прозбою не подать о себе господамъ какова неудовольствія, выдѣ въ какомъ наши выежне несогласіи, ссоряхъ, и что болшіе господа о такиѣхъ поступкахъ крайнѣ недовольны, то для тѣхъ резоновъ упустилъ я о награжденіи чиномъ просить (что таперъ и выжу свою ошибку велику и не умелъ воспозоватца предстоящимъ предо мною счастиемъ), а толко въ челобитной упомянулъ, что желаю вступитъ въ службу и опредѣленнымъ быть въ полкъ господина генерала майора Шевича тѣмже капитанскимъ чиномъ, какииъ я и въ цесарской службѣ былъ, но чтобы предъ тѣми капитанами команды господина генерала майора Шевича, кои въ цесарской службѣ тѣми чинами не были, дать мнѣ старшинство.

Сию челобитную я такъ сочинивши подпысалъ и подалъ генералу Шевичу, онъ принялъ оную и ничего по той моей прозбѣ противнаго не сказалъ и представилъ въ военную коллегію при своемъ рапорте, такъ какъ оная отъ меня подана.

Потомъ, чрезъ дней шесть, призвали меня въ военную коллегію въ присутствіе, где тогда полное собраніе было, спрашиваееть меня господинъ вице-президентъ Степанъ Федоровичъ Апраксинъ и господинъ генералъ аншефъ Петръ Спиридоновичъ Суворукъ, оба оны харашо по немецки говорили, что при поданой той отъ меня челобитной не прошу-ль я еще чего, я отвѣчалъ на то, что не нахожу резона просить и трудытъ яко человекъ новой незнающій еще обычаю,

и можетъ быть говорилъ я, что мною выпроше что и упущено, однако въ томъ полагаюсь на милость господь присутствующихъ и между надеждою на нихъ, если что мнѣ слѣдуетъ, то оны конечно не оставятъ о томъ учинить свое определенныя.

На сии мои слова, какъ я выговорилъ, то повернулъ стуломъ попрямее къ мнѣ Петръ Спиридоновичъ Суморукъ, жи я ему несколько насюсъ сталъ, и говорить мнѣ, мы де известны чрезъ письмо господина полномочного посла въ Виенѣ находящагося, коимъ оиъ военной коллегіи изъяснилъ, какъ вы были удержаны и арестъ тѣрпѣлы и по нашему абшиту какое затрудненіе происходило, покуда напоследокъ вы могли свой настоящій паспортъ получить, а также получа тотъ паспортъ вы продолжали изъ своего отечества до границъ российскихъ путь на свои коштѣ, и какъ вы ни о какомъ награжденіи въ поданной отъ васъ челобитной не упоминаете, а только о принятіи васъ въ службу тѣмже капитанскимъ чиномъ, какимъ вы и въ цесарской службѣ были, то для того вы васъ спрашиваетъ, не имете ли вы особливой еще какой просьбы, а и на сие сказавъ что нѣтъ не имѣю, а полагаюсь на милость господь присутствующихъ какъ оны заблаговраждуютъ.

Вотъ тутъ и вторителнымъ разомъ представало предъ меня мое счастье, но я и тогда его упустилъ и чина не просилъ.

Послѣ сего велѣно мнѣ лѣтъ тридцатая на малое время выйти, покуда опять меня позовутъ, а по тому приказанию вышло въ аксекторскую и просидѣлъ не болѣе четверть часа, потомъ позвали меня и опять туда въ присутствіе, и объявляютъ мнѣ господа, что я по прозбе моей въ челобитной принять въ службу и опредѣленъ буду въ полкъ господина генерала Шевича съ тѣмъ старшинствомъ, какъ я въ челобитной прописалъ, а сверхъ того государственная военная коллегія опредѣляетъ мнѣ жалованые съ раціи и порціи этого времени, какъ я изъ службы цесарской свои абшитъ имѣю и въ команду господина генерала майора Шевича записанъ былъ, сие де вамъ сказаны мнѣ господа и будетъ въ место награжденныя за вашъ выездъ и на путешествие вашу поддержку.

Я на сие определение поблагодарилъ и былъ тѣмъ доволенъ, сочиняло мнѣ сихъ денегъ всего за полтора года по московскимъ тогда справочнымъ ценамъ за раціи и порціи и съ окладнымъ тысяща сто двадцать одинъ рубль двадцать копеекъ получить, причѣмъ говорить еще господина вице-президента Андраксина, чтобы я въ полкъ

въ будущее воскресенье то есть послѣ завтра явился, съ тѣмъ я поключаясь изъ присутствія вышелъ и пошелъ на свою квартиру.

Послѣ завтра въ воскресенье, какъ мнѣ было приказано, явился я къ господину вице-президенту, где засталъ я собравшихся многихъ господъ и дожидаясь, покуда къ намъ Степанъ Федоровичъ придетъ, и мало погодя какъ онъ вышелъ и меня увидѣлъ, то тотъ часъ сталъ со мною говорить и объявляетъ мнѣ, что онъ хочетъ представить меня государинѣ императрице Елизаветъ Петровнѣ и чтобы шло въ дворецъ къ обѣднѣ, потомъ какъ онъ селъ въ карету и поехалъ во дворецъ, то и я въ слѣдъ за нимъ туда же поехалъ и дошелъ туда, куда и всѣ прочіе идутъ, не зная еще ничего, ибо въ первой разѣ я дворецъ и такое большое собраніе увидѣлъ, и стою съ прочими въ большомъ покое, а то было предъ дверми куда въ церковь въходить, въскоро потомъ пришелъ генералъ Шевичъ и стоялъ мой майоръ Петръ Шевичъ, я подошелъ къ генералу и сказываю ему, что меня представить хотять къ государинѣ, и стали ужъ мы всѣ на такомъ мѣстѣ, чтобы намъ видно было между народомъ, какъ государиня будетъ въ церковь проходить.

Государиня изволела пройтись, и обѣдня зачалась, а предъ окончаніемъ обѣдни подошелъ къ намъ одинъ изъ придворныхъ господъ, о коемъ я опосля узналъ что то былъ дежурной камеръ-херъ, спрашиваетъ онъ насъ, кто изъ васъ есть капитанъ Пищевичъ, я на тотъ запросъ отозвался, и говорю что я, онъ говоритъ изволяете за мною итти, и приведши меня въ большую галерию поставилъ на такомъ мѣсте, куда государиня проходитъ будетъ, где и онъ самъ возлѣ меня сталъ.

Государиня какъ приближилась идучи, то сей господинъ доложилъ обо мнѣ, а тутъ тотже часъ и господинъ вице президентъ скоро поспешилъ и подошелъ сталъ обо мнѣ докладывать, государиня покуда тѣ слова выслушала, кои ей отъ вице президента докладываны, то непрестано на меня глядѣла, я былъ въ новомъ богатомъ гусарскомъ мундирѣ, потомъ государиня пожаловала мнѣ ручку.

Послѣ сего поехалъ я съ генераломъ Шевичемъ и съ своимъ своякомъ майоромъ Петромъ Шевичемъ домой, а въвечеру были мы во дворцежъ на балу, гдѣ въ первое къ моему удовольствію видѣлъ придворное въ Россіи увеселеніе, которое мнѣ чрезвычайнымъ показалось.

Тотже вечеръ, какъ мы на балу были во дворце, видѣлъ меня царской полномочія посолъ графъ Естерхазъ, онъ былъ пришедши

Венгеръ, самъ онъ со мною не говорилъ, а подслалъ стороною изъ своей свиты адюта, о которомъ я послѣ узналъ, что онъ назывался графъ Ветловичъ, сей подойдя ко мнѣ поближе остановился возлѣ меня, и смотрѣлъ на дамъ и кавалеровъ кои танцуютъ, а потомъ зачалъ ко мнѣ по венгерски говорить, какъ онъ примечаетъ обо мнѣ что конечно я Венгеръ или покрайней мере изъ Венгрии родомъ; и хотя сей языкъ и разумѣю, но правильно онымъ говорить не могъ; однакъ выразумѣвши его спросъ отвечалъ ему по немецки, говорю что я не Венгеръ дародился и выросъ тамъ въ той странѣ, онъ выслушавъ мой отвѣтъ осмехнулся, говорить уже и онъ по немецки, вотъ это де хорошо я васъ природнымъ языкомъ спрашиваю, а вы мнѣ отвечаете чужимъ, и когда вы, говорилъ онъ, мой спросъ выразумѣлы и на то отвечаете то конечно вы не хатите своимъ языкомъ говорить, а нашде господинъ пасолъ желаетъ объ васъ знать какъ онъ севодня видѣлъ, что васъ представлялы императрице, я опять и на то отвечалъ, что я не Венгеръ а Сербинъ и родомъ изъ Славоніи и что отвѣтъ съ дозволенія двора австрискаго выехалъ и прибылъ на сихъ дняхъ сюда и принялъ службу, после того онъ о тошолъ отъ меня и потомъ видался часто при дворе, по кудова я еще въ Москвѣ былъ.

Черезъ несколько дней спустя вышло указъ изъ военной коллегіи и прислалъ къ генералу Шевичу о мѣстѣ въ службу определеніи и меня въ военной коллегіи привели къ присяге, и тако осталось уже я въ командѣ Шевичевой старшимъ капитаномъ.

Мнѣ не было резона далѣ оставатца въ Москвѣ, а ехать было надобно въ Кіевъ, но какъ господинъ генералъ Шевичъ еще далѣ забавился въ Москвѣ въ ожиданіи своего отъправленія, то желалъ онъ, чтобъ я при немъ на некоторое время еще остался, и потому прожилъ я въ Москвѣ четыре мѣсяца.

Тѣмже временемъ не оставлялъ я, чтобъ вездѣ въ Москвѣ не побывать и видѣть, где что есть достопамятное, бывалъ также всегда праздниками у большихъ господъ и во дворце какъ тогда частіе при дворе бывады куртаки, машкарады, балы, фейерверки, то я было ладочно чего видѣть.

И покудова въ Москвѣ находылся, имѣлъ случай узнать о нашихъ выходцахъ о ихъ обстоятельствахъ и несогласіяхъ о чемъ изъясню, первее какъ генералъ майоръ Іванъ Хорватъ выехалъ, что онъ отъ него былъ принятъ и данна ему привелегія о волности выходящаго народа и отведена ему подъ поселеныя земля въ пустыхъ мѣстахъ, за-

завъ сверху отъ западной стороны и отъ Сидюхи реки, где она вѣ Буль, впадаетъ и поворотъ на северъ до Сидюхежъ до Выса реки и не одной понадъ границей полской Украйны въ низъ до Тасмита реки жъ, и далѣ по правому берегу реки Дибра до границы тогда бывшихъ Запорожскихъ казаковъ, что и оговариваетъ длиною болѣе тридцати миль географическихъ, на коихъ мѣстахъ, определено для заселенія выходцами подъ названіемъ Новая Сербія.

Хорватъ выехалъ первой въ прошедшемъ 1764 году и зналъ, что вскоре за нимъ съѣзды тамъ выедетъ и генералъ Шевичъ, то и упрядилъ Хорватъ ту привилегію на имя свое походатайствовать; и сделалъ того выхода первоначальнымъ, почему и требуетъ, чтобы повелѣно было всѣмъ выходившимъ селитца на тѣхъ мѣстахъ, кои подъ Новую Сербію отведены, и быть въ ней у него Хорвата въ командѣ, что и сделано было; и съ тѣмъ отъ Хорвата поехалъ изъ Петербурга въ Кіевъ, гдѣ въ то время находилась его команда, и поднявшись немедленно со всѣми оными пашою на ту отведеную ему землю, гдѣ и расположился на первой случай окопомъ успѣть.

Распределылъ всю землю на два селенія, одну половину подъ гусарскіе полки, а другую часть подъ пехоту кою называлъ пандурамы, распределылъ также и назначылъ апаши или роты в офицеровъ съ пашою имѣломъ редовыхъ, сколько тогда для выходцевъ при немъ случилось.

Къ нему жъ Хорвату определено отъ Сената для всякихъ порядковъ и содержанья казны одинъ генералъ съ принадлежащими еще инженерными чинами; сей генералъ назывался Іванъ Феодоровичъ Глебовъ, каторой долженъ былъ або видѣть, что до поселенія принадлежать съ Хорватомъ жить сношенныя.

И того жъ года для прикрытія сего поселенія отъ страны Крымскихъ и Очаковскихъ Татаръ заложена крепость святца Елизаветы, въ каторой потомъ генералъ Глебовъ съ командою своею и съ гарнизономъ пребывающе свое имѣдъ.

И тако на томъ фундаменте Хорватъ по повелѣнію ему привилегій и остался въ Новой Сербіи и въ ожиданіи всѣхъ выходцевъ съ собою въ команду, каторыхъ и велѣно было, какъ кто въ Кіевъ прибудетъ снабди подлежащимъ на проездъ, отъправлять въ Новую Сербію къ Хорвату.

Генералъ Шевичъ выехалъ изъ Цесарви послѣ Хорвата чрезъ одинъ годъ и приехалъ въ Кіевъ, когда приехавши ушелъ отъ Хор-

вату такова привелегня данна и что онъ со всѣми своими долженъ ехать на поселение въ Новую Сербью, и быть уже у Хорвата въ команде, яко о всехъ выходцахъ тако гласить.

По такимъ обстоятельствамъ генераль Шевичъ, не бывъ тѣмъ доволенъ, оставилъ въ Кieve всѣхъ своихъ поехалъ самъ въ Москву, какъ я выше говорилъ, что вто время и дворъ тамо находилса, онъ былъ также какъ и Хорватъ хорошо приманъ и представленъ императрице.

Послѣ того подавъ Шевичъ отъ себя представленныя, изъясняя что нежелаетъ быть никогда у Хорвата въ команде, и что онъ будучи и въ Цесарьской службѣ былъ всегда старше Хорвата, а также и то что онъ болше людей и фамилиевъ въ Россію вывелъ нежелъ Хорватъ, и требуетъ по тѣмъ резонамъ особливой привелегнн и для поселенныя другую зѣмлю.

Въ тоже время какъ и генераль Райко Прерадовичъ выехалъ и въ Москвѣ также находылся, то и онъ представлять сталъ, что не желаетъ быть въ командѣ ни у Хорвата, ни у Шевича, молчтя себя отъ обеихъ старшимъ по службѣ цесарской, требуетъ также особливой привелегнн на имя свое и къ заселенію другую землю.

И тако я сихъ обеихъ господъ генераловъ нашель въ Москвѣ въ превелькомъ замѣштелствѣ, о чемъ приметить я могъ довольно, что болшие господа тѣмъ были весьма недовольны и что изъ того вышло великое затрудненіе.

Между тѣмъ какъ Хорватъ узналъ сихъ господъ Шевича и Прерадовича требованіи, то и сталъ онъ употреблять способы и во всѣмъ имъ препятствовать и чтобъ конечно ихъ обидѣхъ определить къ нему въ команду, а ктому еще и представление на нихъ подалъ опорочая ихъ выходы, а болше Прерадовича яко онъ никово болше съ собою не вывелъ окроме только своей фамиліи, и что онъ Хорватъ есть первоначальный того выхода, показывая себя въ томъ болше другихъ, и какбы не онъ отважился просить увольненія и пашпортъ отъ двора цесарскаго въ Россію, тобы конечно ни кто другой учинить того не смѣлъ и онде всѣмъ образецъ былъ и дарогу отъкрылъ.

Шевичъ напротиво того опорочая то Хорватово представление объявляя о себе, что онъ и тоже самое время не по слѣду Хорвата, а самъ собою увольненіе отъ двора цесарскаго просилъ и не вообше съ

Хорватомъ, и что онъ большъ людей съ собою вывелъ нежелъ Хорватъ, я былъ всегда старее его Хорвата.

Сии обстоятелства происходили долгое время и многократно было въ Сенате и въ военной коллегіи о томъ советы, напоследокъ положено такъ дабы прекратить всѣ безпокойства, и дать выгоду всѣмъ, то отведена Шевичу земля особливая, въ Бахмутской провинціи на пустыхъ местахъ по рекамъ Донцемъ и Луганию, а Прерадовичу тамже по Донцу и по другимъ речкамъ по суседству више Шевича и къ крепосты Бахмуту поближе, и адинъ другому въ команде не быть, а имѣть всякъ свое поселеные особно, а земля вся вообще названа Славено-Сербья, однако особливой привелегіи не данно.

Хорватъ какъ о самъ уздалъ, то чтобы имъ обеймъ Шевичу и Прерадовичу учинить препону, послалъ въ Киевъ своихъ афицеровъ подъ выдомъ покупки на полкъ свой суконъ и протчихъ къ строеныю мундировъ вещей, а всакомъ дѣле были тѣ афицеры подоманы, чтобъ стороною подговаривать Шевичевыхъ и Прерадовичевыхъ людей о подаче по команде прошеныевъ, что анѣ желаютъ быть на той землѣ, которая Хорвату отъведена, а туда за Шевичемъ итыть не желаютъ.

Таковъ Хорватовъ замыслъ и подлино зделалъ Шевичу великой недѣривъ и не точно что таковы нашлись, кои о томъ къ оберъ-команданту Киевскому прошеніи подавали, но многие способомъ реки Днѣпра отъ Кіева въ нызъ на лодкахъ къ Хорвату въ Новую Сербыю уходили, коихъ онъ Хорватъ потомъ и удержалъ у себя, и естлибы еще Шевичу адно толко то не пособыло, что военная коллегія не была съ Хорватомъ доволна за то, что онъ подъ коллегіею быть не захотѣлъ, а выпросилъ завѣсьмостьюю быть прями отъ Сената, чего Шевичъ делать не хотѣлъ, а остался подъ коллегіею, то потому ужъ коллегія его сторона была и зделано Хорвату запрещеніе въ приеме Шевичевыхъ людей, а тобы на то время, какъ было возгорелось, Шевичъ могъ потѣрять всѣхъ своихъ людей, и тако послѣ того по многимъ затрудненіямъ Шевичъ и Прерадовичъ изъ Москвы выехали и прибыли въ Киевъ.

Къ симъ обеймъ господамъ определенъ былъ тогда генералъ Илья Александровичъ Быбиковъ, на томже основаніи какъ что къ Хорвату Глебову, и велѣно ему имѣть свое место въ крепосты Бахмутъ, и смотрѣть при той комысіи, дабы поселенцамъ достаточная съ угодыями земля была отъведена, такожъ чтобъ оныя всѣмъ подлежа-

щимъ какъ жалованьемъ, такъ провіантомъ и фуражемъ, на тѣ первые положенные по штату года, снабжены были.

Генераль Быбиковъ приехалъ въ Киевъ и вскоре потомъ подъялъ обеихъ господъ генераловъ Шевича и Прерадовича съ ихъ команды, снабдя ихъ маршрутомъ и подводами выпроводилъ изъ Кіева къ Бахмуту.

Я также вообще съ другими изъ Кіева выехалъ, и продолжалъ путь свою чрезъ Малую Россію и слободские поля прибыли къ Бахмуту; отколь насъ повели и расположили въ провинціи Бахмутской, по близости нашихъ селеніевъ по слободамъ казеннымъ поквартирамъ.

Мнѣ таперъ отъскудова надобно на малое время моею повестью опять возвратитца въ Москву, и сказать что еще въ мою тамо бытность особливо происходило.

Таперъ зачинай мой читателю обо мнѣ сожалѣть, ты увидишь изъ сего, что я буду ныже своею повестью продолжать, каковы несчастливые случаи со мною встречались и на какую путь судьбина человека ведетъ.

Въ то время какъ я въ Москву приехалъ, первой разы и определенъ въ службу, то чемъ выше значить, тогда всталъ я въ Москве приехавшаго изъ Чорной горы владыку, Василя Петровича; онъ отъелъ приежаютъ въ несколькохъ лѣтъ за мылостинью, какъ обыкновенно безъстилние калугеры вездѣ шатаютца, и изискиваютъ способы какбы набогатитца, то и сей владыка послѣдствуя тому подалъ отъ себя въ сенатъ прожектъ, объявивъ, что онъ можетъ учинить ползу Россіи, и вывести изъ Чорной горы народа до несколько тысячъ на службу, прописавъ о себѣ что есть въ Чорной горы самовластной повелитель и ни откого независимъ, и что весь тамошны народъ повиуется его повелѣнью, и что онъ какъ скоро о семъ выходе приехавши туда публикуетъ, то весь народъ по ево повеленію готовъ будетъ поднятца и въ Россію выходить, а толко бы определено было на путевое содержанье, казну, и офицеровъ для препровожденья, и приняты ихъ на цесарскихъ граньцахъ, гдѣ способно будетъ.

Сей прожектъ въ сенатѣ принятъ былъ, и по нѣмъ, учиненъ докладъ императрицѣ, Елисаветѣ Петровнѣ, почему и конфирмація воспослѣдовала, и велѣно учредить комисію, и писать до двору цесарскому, просить о дозволеніи на свободной проходѣ чрезъ державу цесарскую народу Черногорскому, и на карантинныхъ пограничныхъ

заставахъ, гдебы тѣ Черногорцы къ переходу удобность изобрели, чтобы ихъ тамо принято было, и что для предпровождения оныхъ присланы будутъ афицеры. *

Между тѣмъ, покудова по той конфирмаціи ко двору цесарскому писано, а также покудова на то отъветъ полученъ, то и остался Черногорскій владика въ Москвѣ, ожидая своего отъправленія, онже къ той своей камысіи пригласилъ къ себе изъ команды генерала Шевича секундъ майора Степана Петровича, каторой предъ тѣмъ служилъ въ Старомъ Сербскомъ полку капитаномъ и преведенъ по прошенію его съ награжденіемъ того чина майорскаго къ Шевичу въ команду, сего майора назвалъ владика роднымъ племянникомъ, коего по всѣмъ господамъ водылъ и о томъ объявилъ, въ чемъ и удачно было. владика то сделать, яко сей майоръ прозывался Петровичъ, и приписавъ на его всю свою камысію и просить, чтобы при томъ дѣле быть начальникомъ, сие принято и владика тѣмъ обнадеженъ.

Яжъ на то время будучи въ Москвѣ, слышу о той камысіи, коя состояла подсекретомъ, и не могъ обстоятельно знать, а при томъ и не было мнѣ надобности, трудитца и доходить до того, а сверхъ того и владика мнѣ незнакомъ, то оставилъ такіе дела въ сторону, кои до меня не принадлежать, а съ майоромъ Петровичемъ виделся у моего генерала разъ и другой, но и съ нымъ блискаго знакомства еще не было.

Владика какъ узналъ обо мнѣ, что я недавно изъ Цесаріи выехалъ и нахожусь въ Москвѣ, вознамерился меня къ себе пригласить, для чего въ одинъ день посылаетъ онъ за мною, и просить къ себе, я поехалъ къ нему, и въпервое его видѣлъ, прінялъ онъ меня весьма ласково называя адноземцомъ, сказиваетъ притомъ, что ему фамилія моя довольно известна ** и что въ Албаніи въ провинціи Паштроевичей отъ поколенія нашего состоятъ люди хорошие и суть тамошние

* При чтеніи слѣдующихъ за симъ страницъ необходимо имѣть въ виду стр. 264—266 въ XXIII томѣ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева, гдѣ вкратцѣ разсказаны неудавшіяся дипломатическія сложения между Петербургомъ и Вѣною о задуманномъ владыкою Василиемъ Петровичемъ переселеніи нѣкоторыхъ Черногорцевъ въ Россію.

** Сие онъ потому говорилъ что прапредки мои началомъ своимъ происходятъ отъ Албаніи изъ провинціи Паштроевичъ и что сия провинція состоятъ (какъ я о томъ въ первой часты уже довольно посылалъ) подпротекціею республици Венеціанской, а къ Чормой горѣ смежна.

властоды и господа начальные, и какъ онъ радъ что меня видѣлъ; у насъ тотъ день такъ на дѣхъ комплиментныхъ разговорахъ процудъ.

А спустя потомъ несколько дней посылаетъ владика опять за мною просить къ себе, и что желаетъ меня видѣть, я сие почиталъ толко за одну дружбу, не хотѣлъ отказатца пашоль къ нему, онъ втотъ разъ принялъ меня гораздо ласкавее противъ прѣжняго, и между разговорами говоритъ мнѣ сїя слова, что онъ имѣетъ весьма секретное дѣло мнѣ объявить и просить, чтобы до овоего времени оное сохранишь въ тайнѣ, я ему на то отвечаю, что ежели нѣтъ надобности о томъ азать, то хотя я оставте и не сказывайте мнѣ, понеже я человекъ здесь еще молодой, дабы иногда въ чомъ не споткнутца, на что изволил владика мнѣ говорить, что нѣтъ вы не откажитесь чтобы не принять того дѣла на себя, о коемъ я вамъ открытъ хану, и какъ вы отъ нашихъ странъ есте родимецъ и я могу во всемъ на васъ положитца, а ктому еще говоритъ владика, что онъ можетъ сделать мнѣ великое счастье и благополучие и что таперъ есть къ тому самое наилучшее время, и для того хочетъ онъ объявить свое намерение.

Потомъ зачалъ пресказывать о своемъ проекте и что уже онъ о томъ въ сенатъ подалъ, и что по тому и конфирмація отъ ея величества императрицы положена есть, и обо всемъ подробно мнѣ владика оное дѣло пресказалъ, причемъ и о мажоре Петровиче упомянулъ, что онъ еще больше со мною будетъ говорить, коему онъ владика уже приказалъ во всемъ со мною отыровену быть, и вы говоритъ владика оба яко люди военные обо всемъ можете имѣть свое разсужденіе.

На сїю открытую мнѣ отъ владика тайну, я поблагодарилъ за доброе обо мнѣ мысли, говорю ему что дѣло ваше владико светы и проектъ еотъ важно, и естлы вамъ удастся во всемъ такъ исполнить какъ вы мнѣ пресказали, то и подлинно великова будетъ то стоить; а что до меня принадлежить, говорю я ему, чтобы и мнѣ быть при той дѣле, то не знаю какъ положить резолюцію, ибо одно что то будетъ далная и трудная дорога, а друго и прискорбна будетъ та комысія, потому что таковыхъ людей проводить чрезъ чужие государства, кои никакому устройству непривичны а болшь склоны къ своеволству, для чего тѣ кои будутъ проважатимы могутъ легко пострадать и попасть въ несчастые.

По сїимъ модѣ словамъ, приметылъ владика что я при той ево камысія быть склонности не имѣю, зачалъ еще далѣ говорить совѣ-

туя, чтобы я о предстоящемъ своемъ счастьи подумалъ и решительно сказалъ майору Петровичу, съ тѣмъ я ево оставилъ и пошелъ на свою квартиру.

На завтрашннй день послѣ полдень приехалъ ко мнѣ майоръ Петровичъ, поседѣлъ у меня и просить чтобы поехать съ нимъ на ево квартиру, въ чемъ не могъ я отказатца сделать ему то удовольствіе.

Майоръ Петровичъ зачалъ мнѣ говорить то самое что и владика говорилъ, при чемъ толкуеть еще что какъ онъ несколько лѣтъ есть въ Россіи и по службе ему всѣ порядки уже сведомы, и что снй камысія тѣмъ афицерамъ, кои при провожденіи того народа будутъ употреблены, въ великую пользу и къ счастью послужить можетъ, и за то де нашъ владика желая вамъ яко нашему одноземцу всякаго благополучія вознамерился пригласить васъ къ себе; и какъ скоро онъ изъ Москвы отъезжать будетъ, то де тогда и требовать хочеть некоторыхъ афицеровъ для препровожденія народа, въ томъ числѣ васъ перваго уже назначено, толко вы въ то время какъ повелѣно будетъ слѣдовать, чтобы не отказались и дали бы въ томъ свое слово, ибо вы, говорилъ майоръ, намъ при сей камысії необходимо надобны первее по известности о фамиліи вашей въ нашихъ странахъ, и что народъ выходящій будетъ боишь имѣть привязанности къ своему, нежели къ чужему, а другое и то, пролжалъ майоръ свои слова, что вы въ цесарской службе были и вамъ тотъ языкъ и обычаи тамошніе известны, и народъ какъ выходить будетъ въ разныхъ местахъ по границе цесарской, гдѣ и въ каторыхъ местахъ заспособно найдуть, а также и проездъ должно имѣть чрезъ Цесарию и Венгрію, и принимать ихъ будемъ какъ выходить стануть на учрежденныхъ по границе цесарской карантинахъ, то въ такихъ случаяхъ вы намъ необходимо потребны, для чего нашъ владика, говорилъ майоръ, приказалъ мнѣ васъ просить чтобы вы не отреклись отъ сей камысії, онже обещаетъ вамъ сделать за вашъ трудъ великое счастье, какъ таково дѣло во всемъ отъ его рекомендаціи зависеть, и како онъ чемъ назначить, то тому такъ и быть и вы не иначе какъ чинъ полковника получить можете, и будете послѣ меня первымъ.

Таковы непрестанные советы тогда такъ смутили меня и набыли мнѣ голову, что я не зналъ на чомъ положитца, и какбы предвещало мнѣ нечто страшное и опасное, такъ оно мнѣ представлялось, но что ежедневно о томъ мнѣ толкують употребляя къ тому всякіе ласканыи и обнадѣживаныи, кои къ несчастью моему такъ сильно за меня

прилепились, что ужь мысли мои стали махчицца, и склонность уже къ ихъ волѣ стала во мнѣ раждацца, но однако ещѣ воздержался и не далъ настоющаго слова, а толко отвѣчалъ майору то самое, что предъ тѣмъ и владике говорилъ.

Онъ выслушавъ мои слова говорить мнѣ, такъ видно что вы склонности не имѣете, и предстоящимъ счастиемъ пользоваться не хотите, а другой бы и за денги того кушуть желалъ, напоследокъ ещѣ говорить онъ мнѣ, паедемъ пожалуй оба вмѣстѣ къ владике, вы услышите болше отъ него, какие онъ мысли объ васъ имѣетъ, я согласился ехать съ нимъ.

Владика какъ увидѣлъ насъ обоихъ вмѣстѣ къ нему приехавшихъ, встречаетъ и титулуетъ насъ словомъ стариннымъ Сербскихъ воеводовъ, проситъ сестъ, подчевалъ виномъ шампанскимъ, и завелъ у насъ разговоры, между прочимъ зачалъ майоръ къ владике обо мнѣ говорить, какъ онъ всио о камысии ихъ мнѣ объявлялъ и что ещѣ слова къ согласию отъ меня не получилъ.

Изъ оному отъ майора рапорту, владика оказался несколько оскорбленъ, говорить мнѣ, ви де ещѣ любезной мой другъ не знаете, какое я для васъ счастье приуготовить намеренъ, хотя я говорить владика, и есмь сего дела предводитель, но мнѣ чиновъ военныхъ и тѣхъ достоинствъ не принимать на себя, я конечно хачу вотъ васъ два чтобъ тѣмъ пользоваться чемъ кто другой, и вы два хачу я чтобъ были начадствующи.

Я ужь видя оного меня что столко ласковости и обнадеживания сказалъ къ владике, что мнѣ проситца къ той камысии нѣтъ никакова резона, а естли приказано будетъ итуть, то не откажусь.

Мое объявление какъ я приметылъ владiku несколько успокоило, для того что онъ меня обнялъ и поцеловалъ, и зачалъ опять говорить что де вы оба хотя и поедете въ полкъ, но тамо оставатца вамъ не надолго, а я таперь говорить онъ, дожидаетъ толко здѣсь въ Москвѣ своего отправления, ибо резолюци отъ двора цесарскаго на посланное требование о пропуске и о приеме на границахъ приежающаго туда народа ещѣ въ получении нѣтъ, а какъ скоро то присладо будетъ и я отсюда отправлюсь, тогда объ васъ обоихъ пришлетца повелѣние куда вамъ слѣдовать.

Генералъ Шевичъ и мы все изъ Москвы выехали и прибыли въ Киевъ и стали въ путь къ новымъ нашимъ местамъ готовитца какъ я о томъ уже выше сказалъ, между тѣмъ предъ самымъ нашимъ

выездомъ дни за два прежде, прибылъ владика изъ Москвы въ Кіевъ, мы я и майоръ пошли къ нему съ выговоромъ.

Показался онъ мнѣ нѣчто съмущенъ и невеселъ, объявляетъ что нездоровъ, онъ пашолъ съ майоромъ въ другую комнату нѣчто тамъ говорили и какъ сие показалось дожидатца долго, то я вышолъ тихонко и пашолъ на свою квартиру.

Подъ вечеръ тотже день пришло къ мнѣ майоръ и говорить, для чего вы такъ скоро севодни отъ владика пошли, онде васъ спрашывалъ и хатель съ вами говорить, такъ поедемде таперъ къ нему, я согласился и пашлы.

Владика зачалъ мнѣ говорить, что онъ отъезжаетъ въ свою путь въ Чорную гору, и что какъ скоро туда прибудетъ, зачнетъ дѣлать приуготовленіи къ выходу народа, яко уже отъ двора цесарскаго въ пропуске есть дозволеніе, и что не уедлати прислать чрезъ нарочнаго свое въ сенатъ представленные, почему тогда какъ майоръ Петровичъ такъ и я съ протчими афицерамы, туда къ границамъ цесарскимъ отъ страны турецкой, такожъ и къ Венеціанскимъ отъправлены будемъ, а вы де до тѣхъ поръ говорить владика оставайтесь при своей команде и ожидайте своего отъправленія.

Между протчимъ еще владика сказалъ мнѣ, что онъ послѣ нашего изъ Москвы отъезда подалъ въ сенатъ прошеніе о истребованніи отъпуска изъ службы цесарской полку Славонскаго гусарскаго капитану Ивану Подгоричанину, и что сей капитанъ также при той камісії будетъ, я де такъ писалъ говорить владика, что мнѣ необходимо капитанъ сей потребенъ, и потому уверяю что отъпущенъ будетъ.

Владика оботпуске изъ канцелярскаго службы капитана Ивана Подгоричанина учинилъ таково представленіе, для того что майоръ Петровичъ и сей капитанъ состоятъ нескылко въ свѣдѣствѣ, и родомъ въ турецкой области изъ аднаго города изъ Подгорицы, и о томъ какъ я опосля узналъ, чтобъ его потребовать старался майоръ Петровичъ прозбою около владика много, я сего капитана знавалъ весьма коротко, и мы оба я и онъ служили въ цесарской службѣ въ томже Славонскомъ гусарскомъ полку вмѣстѣ, объ немъ буду я въ порядѣ еще говорить болше.

Чрезъ день владика поехалъ изъ Кіева въ свою путь, а мы также съ генераломъ Шевичемъ изъ Кіеважъ советимъ подынялись и приехали на свои места, какъ я о томъ выше сказалъ, и расположились

по квартирамъ, снабждая насъ нашъ камысаръ господинъ генералъ Бибыковъ всею потребнымъ, и ту зиму провели безъ нужды.

Выступление наше на квартиры было подъ осень въ августѣ мѣсече и время хорошее и дни еще теплые, проводили время разными забавами, а я какъ имѣлъ охоту къ стрѣлбѣ, то въ томъ наиболѣе мое упражненіе было ѣздить по поляхъ, и хадылъ по лесахъ стрѣлялъ птицъ и зверей разнаго рода, какова тамъ въ тѣхъ мѣстахъ было многое множество, на томъ у насъ та осень и вся зима прошла.

По наступившей веснѣ, какъ въ томъ краю климатъ отменно хорошей, то и весна скоро и рано отъкрылась, послано было отъ генерала Бибыкова штаба его землѣмеры офицеры, кои съ тѣхъ мѣстъ где тому новому поселенію быть снималы планы, и потомъ означено где Шевичу и где Прерадовичу селеніи свои зачинать, вся та пустыня разделана на две части, и на роты или шанци, означены урочища и речки съ принадлежащимъ грунтомъ и угодыями, и тѣ планы отосланы въ военную коллегію на апробацию, и покуда то такъ происходило, то мы еще на тѣхъ квартирахъ оставались целое лѣто, и въ зиму другую вошли.

Планы въ военной коллегіи апробованы и присланы обратно и потому генералъ Бибыковъ на веснѣ приехалъ изъ Бахмута къ намъ, и генераламъ Шевичу и Прерадовичу о томъ объявилъ, почему уже господа генералы дѣлали свои распоряженія и означивали, куда и въ которые шанци или роты намъ изъ капитановъ быть и къ нимъ опредѣлили офицеровъ съ приказаніемъ, чтобъ немедленно въсякъ на назначенное свое мѣсто изъ квартиръ выступили, и туда для зачинанія селѣннѣмъ слѣдовали.

На наши строенія былъ способъ довольно на первой случай, ибо почти всякая рота имѣла въ близости лѣса весьма удобные, мнѣ досталась рота надъ рекою Донцемъ, прозывается то урочище Райевка, где былъ у меня лѣсъ не далеко.

Выехали мы на чистую и глухую пустыню, тутъ то возчувствовали все вообще, а особливо тѣмъ кои по Луганю селитца зачали что есть нужда и жизнь прескромная, нѣгде подклонитца и что насамъ перодъ зачинать не знали, для того что всякая вещь вдругъ и въ аднѣ разъ надобна, а особливо я яко еще никогда хазяиномъ не бывалъ и что то есть строитца и экономію заводитъ, по молоткамъ тогда монхъ лѣтъ, совѣтъ мнѣ въ голову нешло.

Стаялъ я долго лагеромъ имѣлъ небольшую палатку, а потомъ здѣлалъ сарай оштетеной изъ хвороста и надѣкрнулъ травою, мастеровыхъ людей нигдѣ еще достать было не можно, хотя селеній по той сторонѣ реки Донца и есть, но къ намъ на работу никто ни за какие денги итыть не хатѣлъ, такъ то тамошней народъ сперва отъ насъ дичился, ато дѣлалось отъ того что народъ тамошни родылся, взросъ, и состарѣлся всю на одномъ мѣстѣ, въ глушинѣ такой, что никаво другаго никогда не видитъ окроме себя и своихъ, то потому тогда какъ мы и вту сторону пришли и насъ увидѣлы что убегивалы отъ насъ какъ дикіе, о чѣмъ оны потомъ какъ съ мамы пообзнакожились самы намъ сказовалы, какъ мы имъ страшными показались, и за то де къ вамъ въ работники приходить не хотѣлы.

По какимъ обстоятельствомъ, что съ перваго нашего туда прихода не могли работниковъ достать, то я принужденъ былъ съ своимъ четырьмя человекъ слугъ тотъ свой сарайецъ исправить, ибо у меня въ ротѣ состояло съ перва толко одиннадцатъ человекъ гусаръ, бравахмистръ адынъ и капрала два, конхъ я не могъ на свое дѣло употреблять, а должно имъ было также строитца и другъ другу въ томъ помогать.

И тако я, построивши тотъ для своего жилища небольшой сарайецъ, укрепилъ его кое какъ сколько къ тому моего знанія достигало и въселылся во оной, было въ нѣмъ два покойка и небольшіе сеницы съ коморкою, и считалъ такъ что лучше на то время я не надобно, однакъ ета моя резиденция не долго меня веселила, какъ тамъ часто бываютъ ветри, то въ одну ночь какъ пашолъ дождь съ громомъ преужаснымъ, отъ крѣго дожда промокла на моей резиденци кровля насквозь, и вода во внутрѣ ручеемъ текла.

Я съ женою и съ маленькыи детмы промокли такъ, какбы въ водѣ купалысь, а притомъ страхъ отъ преужасной той блискотни и сильныхъ громовыхъ ударовъ, сидѣли мы во ожиданіи послѣдняго конца своего, на послѣдокъ здѣлалась буря гораздо сильнѣе съ ветромъ превеликимъ, отъ чего зачалъ мой домъ ламатца.

Кровля какъ надавила сверху та изъ мокрой травы кровля, то ужъ камарку мою въдругъ совсѣмъ повалило и доходитъ дѣло до моихъ покойковъ, я выдя сію опасность поснешилъ скоряе съ женою и съ детмы чтобъ вонъ вискочить что едва уснетъ могли, и ужъ моя резиденция совсѣмъ повалилась, и мы совсѣмъ въ адныхъ рубашкахъ подъ небомъ остались а подъяклонитца болѣе нѣкуды, принуждены такъ на томъ дождю и на ветру стоять безъ прибежища.

Слуги мои изъ своихъ шалашиковъ прибежали, коней также тамъ поприкидывало, зачали скорее мнѣ дѣлать помочь и палаточку мою разбивать, однако покудова сие новое строение успѣли поднять и поставить, то премогаи мы еще болше, и предрогли почти до смерти, тѣмъ хуже было что какъ повалило мой сараецъ то осталось тамъ платъ и постель наша придавлено, и тако принуждены въ такомъ положеніи провести ночь до самаго света, тутъ ужъ было и плачу и проклинанія довольно.

По утру какъ та буря прошла и день ясной показался и стало солнешко грѣть, то вышли мы изъ палатки велѣли огонь большой раскласть чтобъ скорее могли просушитца, смотрю я на мою резиденцію, которая развалилась до основанія, и лежитъ на землѣ кучею, и тѣмъ болше досадно было, что паденіе оной привнесло мнѣ двойной убытокъ, одно что лишился жилища, а друго что пропала постель моя, кой вся отъ той мокроты что зрѣвъ кровля помаралось и зделалось гноемъ, а к тому еще что было въ каморке въ бутылкахъ небольшого того напиту, и также на хазайство искупленные горшки и кувшины, то всео тамъ въ каморке пребыло вдребезки.

Тотъ цѣлой день имѣлъ я трудъ довольно, покудова разобрать тотъ унадиши мой сарай и отвалыгъ всео с'того места протчь, а потомъ послалъ въ лесъ за другимъ деревомъ, послалъ также въ ближнюю деревню за реку Донецъ сискать и купить двухъ свердловъ, одинъ поболше, а другой поменше; и заступъ одинъ, то всео принесено и дерево изъ леса вывезено.

И тако съ тѣми инструментами взялся я за новую свою архитектуру, зачалъ строить такой же сарай, на коемъ клалъ уже покрепше дерево, привертывалъ сверддами и прибывалъ клынями кроквы и преводины чтобъ покрепше держалось, а к тому зачалъ еще одно подъ землѣю жилище, выкоралъ землянку съ двумя покоями и небольшою кухенкою съ чуланчикомъ, и около того суетился я многие дни, полагая на томъ что в томъ жилище и всю будущую зиму провести, покудова успѣю и найду способы какбы лучше домъ себя построить.

Однако до окончанія сего строенія нашолся доброй человекъ, каторой мнѣ зделалъ нечаяно великую помочь, проездомъ по дороге мимо того моего места, гдѣто я строитца зачалъ, едущей изъ-за Донца старикъ, онъ былъ аднодворецъ изъ слободы Новой Айдары, возыгъ муку продавать, онъ то былъ первой, каторой отважился на нашу

старону приехать и въ безопасности обраснемь другимъ былъ, онъ какъ увидѣлъ мою около того строевныя забѣту то остановилася, оставилъ свой возъ съ мешками на улицѣ, а самъ подошолъ ко мнѣ, спрашиваетъ не надобнолы мнѣ муки пшеничвой купыть, я тому весьма радъ былъ, ибо у меня мука уже была вся еемла, и дошло дѣло было до салдатскаго провизанту что нѣз магазейца давано.

Старикъ просить за мешокъ муки полтину а было у него всего мешка четыре, то я ни мало не торговавшись отдалъ ему денги и муку къ себе взялъ, онъ поставилъ еще тутъ гледѣлъ на мою работу, а потомъ говорить зачалъ: господишь мнѣ жаль тебя смотрѣть, какъ ты трудишися съ твоими людьми около того строевныя, а мнѣ кажетца говорилъ онъ, что то ваше строение для васъ не харошо и не надежно, то не извольшица купыть у меня есть домъ новой рубленой изъ харошого липоваго дерева, а де тебы его продамъ и привезу совсѣмъ сюда на своихъ подводахъ и поставлю здесь где тебы угодно.

Сего старика объявленью какъ я былъ радъ никто тому верить не можетъ, онъ просить за домъ съ превоскою и съ поставкою пятьдесятъ рублей, я ему болѣе ничего не говоря такъ то меня обрадовале, отошолъ толко отъ него несколько шаговъ прочѣ призвавъ слугу своего, даю ему десеть рублей денегъ говорю, садься на лошадь и поезжай вотъ съ тѣмъ старикомъ осмотри домъ что онъ продасть, и сторгуйся тамо съ нимъ ежелы можно будетъ чемъ меньше дабро, а буде нѣтъ то уговорись съ нимъ такъ, какъ онъ просить за пятьдесятъ рублей съ его превоскою и поставкою здесь, и дай ему си десеть рублей въ задатокъ, потомъ позвалъ я старика говорю ему, что вотъ етотъ человекъ поедеть с тобою чтобъ осмотреть твой новой домъ, и онъ уже с тобою сторгуетца и задатокъ тебы дать, а ты доброй мой старикъ, говорю я ему, не бавысь превоскою, дабы поскоре могли успеть его здесь поставыть.

Старикъ съ слугою своимъ поехали и на треты денъ слуга возвращаетца объявляетъ, что домъ хотя не великъ да харошъ и дерево всио новое, и что онъ уже сторговалъ за сорокъ за шесть рублей и задатокъ десеть рублей далъ.

Превоска дома скоро зачалась и тотъ старикъ такъ былъ доброй человекъ, что еще несколько подводъ себѣ въ помощь нанялъ и въ два раза всио привезъ, а затѣмъ съ своими тремя ешнами и племянникомъ складать зачалъ и въ скоромъ времени кончилъ, я ему под-

лежащие денги заплатилъ, и сверхъ того еще одного рубля на дорогу подарилъ, поблагодаря его за его добрую душу отпустилъ цимой.

Домъ у меня выжу я что уже есть коего очеретомъ или тростникомъ укривать сталъ, и состоитъ того строены адныи нащѣ въ небольшую спальню да сенци, и адынъ чуланчикъ, но печи и стекаа на окышка нѣтъ, въ чемъ была мнѣ трудность велика, покудава на послѣдокъ и то досталъ и совсѣмъ исправилъ.

Землянку, каторую я зачалъ строить, я ее также кончилъ, кои потѣмъ послужила мена для моихъ людей и для караульныхъ.

У всѣхъ насъ поселенцовъ вообще на той пустинѣ была тогда въ первое дѣто жизньъ точно такая, какъ у тѣхъ инзулановъ, кои по несчастнымъ разбытиемъ кораблей занесены морскими волнами на пустые острова и пытались зелиемъ, кореннымъ, ловлю рыбы, птицъ, и зверей, такто и мы тогда что вышли на пустую степь и землю такую, гдѣ отъ созданыя света никакихъ жилищъ не было, и достать нигде ни за какие денги ничего не можно, а кто чего имѣтъ хотѣлъ тотъ долженъ былъ за несколько дней послать далеко и изыскивать и покупать дорогою ценою.

Огородовъ и зелены какой на пищу на первой годъ ни у ково не было, и покудава тѣмъ завелысь должны были дикимъ чеснокомъ, лукомъ (родъ травы такой тамъ на поляхъ есть) и другою травою способною къ варенью пособлять себя, а простой народъ толко однѣмы сухарямы и такою дикою травою и водою да овощъ, когда кто чего на поляхъ ягоды или что другое найдетъ, пытались а болѣе ничего не имѣлы, я многихъ видѣлъ сперва въ жалостномъ состояннѣ, а особливо тѣ кои по Луганы реки селылысь, тѣ претерпѣлы нужду болѣе нежелъ другие, ибо по той реке лесу ничево нѣтъ а чистая и голая степь, для чего въ постройке домовъ видѣлы нужду велику а за лесомъ ѣздить далеко принуждены были.

Напитковъ у всѣхъ вообще и болшаго и маалаго никакихъ не было окроме воды, а естли у ково простая горелка случитца, это ужъ трактamentъ великъ почитался (дѣлалы еносла квасъ изъ сухарей да изъ дикихъ яблокъ и терновыхъ ягодъ кислую воду, и то служило самымъ лучшимъ напиткомъ, покудава узналы дарогу на Домъ въ городъ Черкасскъ и въ Таганърогъ, что тамъ есть пристань на морѣ Азовскомъ и что привозють туда изъ Царяграда Греки вино и всякую бакалю, то было отъ насъ разстояннемъ около двухъ сотъ

перста, однако мы кто достатокъ еще имѣль посылалы туда на другой годъ и помышлялы кому что было надобно).

Ездилъ я иногда наведоватца и къ другимъ соседямъ своимъ, и смотрѣль каково оны строитца и тѣмъ заводять себя, но вездѣ находилъ плачь и рыдание, у каво еще денги водилысь, тотъ хотя съ нуждою потребное доставалъ и далеко посылалъ и дорого платилъ, однако еще тѣмъ могъ пособить себя.

А кто запасныхъ денегъ не имѣль, а толко полагался на одно окладное жалованье (а рацисъ и порцисъ уже не было), тотъ въ црвелькой бедности состоялъ, ибо то жалованье на мундиръ и на другую къ службѣ исправность, какъ разчислыть, то и не оставалось ничево на другую свою къ поселеню надобность, а особливо у кацо семья и в доме много душъ было, тотъ съ тѣмъ жалованьемъ никогда на конецъ не могъ выходить, и тако естлы адынъ другому не пособить, и у ково что есть хоть мало что запаснаго не дать въ зайдѣ иды, по свойству не подаруетъ, то тотъ не имущій доходилъ до крайности.

У генерала Прерадовича съперва такнежъ во всѣмъ нужды были какъ что и у Шевича, но однако съ тою разницею что Прерадовичъ имѣль подъ бокомъ своего поселеня городъ Бахмутъ, и другие напротивъ себя чрезъ реку Донецъ въблизи казенныя слободы, въ каоторыхъ местахъ и могли ево подкомандные покупкою всего потребнаго скоряе пособлять себя, и тѣмъ Прерадовичъ, а паче что къ строеню способные лѣса блиско были, имѣль предъ Шевичемъ выгриши болше, а въ протчемъ земля у обейхъ сихъ частей наривилъ добротю.

Всѣ сии нужды встречалысь съ нами первой толко годъ а послѣ того все лучше стало, зачали на весну сѣять хлебъ и огороды, также скотомъ и овцами, имѣлы дворовую птицу всякую, и стали жить уже повеселѣе.

Что же меня принадлежить, то я ту первую осень былъ очень смутонъ, и не зналъ что дѣлать и с какова конца что зачать, хавяшномъ никогда не бывалъ и что бывало зачну дѣлать, то оно идетъ на выворотъ и шито не успѣваетъ, а толко чте той осени могъ себратца дворянородить и то толко съ одной огороны вздеишь съ переды, а съ зайдѣ имѣль я натуральной прегибокой ровъ во всю длину двора, и потому иной стороны и городить было не надобно,

Напоследокъ какъ уже осень наступила и холодно стало, то ужь нужда научила меня хавяничить, я отагъ старатца на сама: периодъ запастись на всю зиму дровами, нанялъ двухъ работниковъ и купилъ две пары валовъ съ возами, на конки велъ въ просташе на дворъ дрова возить, да еще той осени конюшню и ваозню сделалъ, хотя то и не было слышкомъ великокомъно, однако на то время, пожалуй было довольно.

Потомъ пришло мнѣ на память о томъ старикѣ, каторой мнѣ домъ продалъ, чтобъ въ нему послать и искупить тамъ: капусту, свеклы, и другой кое-какой зелены, послалъ я по той надобности того моего слугу, каторой тамъ прежде былъ и далъ ему на всю покупку денги.

Слуга мой какъ туда къ тому старику приехалъ, онъ принялъ его къ себе въ домъ по приятелски, пособилъ всю то сискать и искупить что я приказалъ, я наиболѣе какъ слуга мой возвратился радъ былъ кислой капусты коей было бочка ведеръ восемь, а свеклы, морквы, репы, всего того привезено возъ полный.

Послаю я опять слугу своего кудажъ, хотя то и не далеко было, да чтобъ дѣлать нужда то велеть дватъ, дабы было видѣть зиму въстретить, даю денги опять на другую покупку, приказываю слуге найтить и купить дойную корову также муки пшеничной, и ржаной, масла, сыра, одно сало, всякой птицы дворовой по часты, а для лошадей овса, и для людей крупъ, а оно уже у меня гусаре мелъ за напойку горелкою скирда два нанесли, вся та моя покупка удачно сделана и привезено, смотрю я въ свой регистеръ не пропущеноль еще чего чтобъ искупить, нашолъ что солъ пропущена, за коею также послалъ сискать и купить, вотъ ужь я спокоень казалось быть и что совсѣмъ къ зимѣ приуготовилъ себя.

Пришло мнѣ на мноли чтобъ поехать куда нибудь свеклать пива купить, хотя бы то было и самое простое нѣтъ ничего, ибо въ то время пиво лучше нежели другой какой напитокъ пить, да былъ, для чего опять моего добраго слугу послалъ я и въ ту надобностью, онъ поехалъ и промедилъ дней десеть, я ужь по нѣмъ и тужить было началъ, сумнѣвался не проваляли онъ какимъ нибудь случаемъ, однакъ нѣтъ слуга мой приехалъ обратно благополучно, привезъ съ собою бочку пива ведеръ въ шесть да ведра четыре мыду, я сему напытку весьма обрадовался, ибо у меня болѣе дилево не было кроме яблочной кислой воды.

Я тѣмъ привезеннымъ мнѣ новымъ насапкомъ мылою и пивою захотѣлъ уже и пощоголатъ, зная наверно что на у бога еще чего нѣтъ, для чего попросилъ я къ себѣ подполковника Шевича, и моего своего мастера Петра Шевича отобедать, оны пожаловали и приехали, обедали у меня чѣмъ Богъ послалъ, напылись мылою и пивомъ, показывая что напытаны хороши. спрашивали где такое добро найдено, я имъ сказала отъкуда привезено, почему потомъ и оны туда же послали и себе привезли.

Но исправленія всѣмъ потребнымъ на зиму, казалось что ужъ другое выкасова дѣла нѣтъ, однакъ у меня занасного никакова мяса нѣтъ, а птица дворовая кою было покушылъ уже сошла, и осталось толко отъ каждаго рода по одной паре, чтобы тѣмъ на весѣ къ разплоду зачаю сделать, денги же у меня что было отъ великой такой по новости издержке изътопились почти совсѣмъ, изъ которыхъ своему одному другу въ помочь далъ въ займы недавно пятьдесятъ рублей, а осталось затѣмъ у меня еще толко тритцать, а до жалованья еще месяца два ожидать было надобно, то по такому въ денгахъ недостатку необходимо мнѣ было для пищи зачинать стрелять птицъ и зверей, а на то была надобеть порокъ и драбъ, когото я что еще изъ Киева съ собою привезъ уже сошло, то и приказанья была посылать зачати покунать нарочно ажъ въ Бахмутъ, что составляло ехати болѣе ста верегъ, да чтожь дѣлать когда въ томъ была необходимая нужда, для чего изъ тѣмъ послѣднихъ тритцаты рублей далъ слуге десять рублей, съ приказаньемъ купить ведро одно водки а на остальные драбъ и перохъ икупить.

“Слуга мой поехалъ и чрезъ шесть дней с покупкою возвратился назадъ, а между тѣмъ покуда онъ приехалъ, то я исправилъ свои четыре ружья вычистылъ и былъ готовъ къ намереной ловлѣ, сабакъ гончихъ было у меня три пары весна добре, коихъ я будущи въ Киевъ и по дороге едучи къ нашему посаденю у разныхъ господъ выпросилъ, и тако собравшись совсѣмъ зачалъ я съ монны гусарами коихъ было стрѣлцвъ четыре, да слуга мой пятой и я шестой, а коому приобщился ко мнѣ изъ адпорцовъ мужикъ: адытъ, когото я приласкалъ къ себѣ подарками, бывало когда поятину когда рубль ему дамъ, то онъ и жылъ по болюй части у меня, онъ былъ и стрѣлецъ и рыболовъ, и такъ я отъ него два профита нилъ.

Нашли мы по левамъ насъ уже семь человекъ, коимъ разрешилось мои ружья, а что не доставало то употребляли казенные карабины. Зачали стрелять зверей кои намъ попадались, ибо онаго в то время

было довольно, а особенно козъ дикихъ и зайцовъ превеликое множество, намъ удавалось иногда въ день по десети козъ застрелить, а редкой день чтобъ на двухъ или на трехъ обошлось, а что зайцовъ мы въ ту осень и чрезъ зиму престрелили, тому и щета не нахожу кроме птыць тетрелей, куропатокъ, утокъ и гусей, того всего было довольно.

И тако в оныхъ жирныхъ козъ и козловъ, какъ оны обыкновенно въ осени и до генваря мѣсяца наилучши въ телѣ бываютъ, настроились довольно, употребляя свежее мясо всякой день къ столу въ пищу; также и гусарамъ моимъ давалъ, а что затѣмъ оставалось козыное и зайчье мясо въ изышестве, то резалъ оное порционно на куски клалъ въ бочку и солилъ, а потомъ коптилъ въ диму, изъ коего делалась деликатная вытчина, и что далѣ то прибавлялось того у меня еще больше, и казалось что уже за всемъ расходомъ остатца и на запасъ въ периодъ довольно, то потому зачалъ я мою хорошую вытчину въ подарокъ разсылать, генералъ мой и другіе приятели много меня за то благодарили.

Я и прежде того умѣлъ стрелять хорошо, а потомъ какъ здесь зачалъ ежедневно въ томъ упражненіи и навичку къ тому аделать то и аделался стрелцомъ великимъ, у меня испредъ ружья моего ничто не уходило, хотбы оно летело или скакало, лишьбы только въ пропорцію было выстрелить, то ужъ оно тотъ часъ и падало въ чего многде заключали обо мнѣ, что моя стрелба не натуральная вчюмъ однако оны ошибались.

Напоследокъ положилъ я съ моими гусарамы стрелцами въ нашемъ промысле такъ, что кто застрелить то ужъ оно и ево, но чтобы за то всякъ себя порохъ и дробь на свои денги покупалъ, оны на то охотно согласились и аделали между собою складку, послали въ Бахмутъ и такой провизии привезли, и потомъ такую охоту себи взяли, что всякой день въ лѣсъ ходить хотѣли, для того что итъ сверхъ продовольствія мясомъ еще и денги хорошие за шкуры волчье, лисичье, козыные, и зайчье получать доставалось, я съ моими стрелцами и по несколько ночей въ лесахъ почевалъ, и не думаю чтобъ какой кутокъ и бойракъ въ той нашей отъ поселенія окружности остался где ноги мои не доходили.

Талерь етану опять говорить о Черногорской камыѣи.

Послѣ отъезда изъ Кіева владки Черногорскаго, какъ я и выше говорилъ, что майоръ Петровичъ остался въ камандѣ у генерала Ше-

всё какъ и прежде: шашки на нашихъ квартирахъ и скоро потомъ вдумавшись женитца на доверы генерала Шевича на девять весьма хорошей, и зная родители, за шашки были согласны, то и веселье совершилось еще той осенью.

Майоръ съ своею молодою супругою оставался на квартире въ дозволенной своего тестя въ одной казенной слободе недалеко нашихъ новыхъ селенцевъ где и презымевадь, а на военныя наслани укажь изъ военной кодегии, чтобъ майоръ Петровинъ шоль въ Киевъ къ тамошней фирму оберъ-коменданту, до особливой секретной камысией, гдѣ ему и наставление данно будетъ и выдочить его изъ команды генерала майора Шевича.

Онъ при отъправлении своемъ со мною выделся; хоти въ томъ указе и не извѣстно по какой камысией ему въ Киевъ ехать велжно, однакъ мы догадавца могли что то не иное что а по той Чернопорской камысией значить, обо итихъ и другихъ афицерахъ въ томъ указе ничего не упомянуто, и потому обещалъ майоръ, что изъ Киева чрезъ письмо обо всѣмъ меня уведомишь будетъ.

Вскоре потомъ получалъ я письмо отъ майора койицъ дѣтъ мнѣ зная, что точно онъ по той камысией туда командированъ, и бытъ уже чинъ примеръ майорски получилъ и что къ той камысией определены еще адынъ мелковникъ именемъ Пучковъ, коему бытъ при томъ же камысару, и что въ его рукахъ будетъ казна коя определена на препровождешы Черногорцовъ, и что въскоре онъ Петровинъ отправляетца въ Цесарию, въ Виену для получения отъ тамошняго двора о свободномъ вездѣ по границамъ проездѣ пашпорта, и что изъ Виены ко мнѣ пысать будетъ въ Киевъ къ господину оберъ-коменданту, отъ коего то письмо прислано бытъ имѣеть.

Целью того какъ майоръ изъ Киева уехалъ и зыма посылалъ, то я уже болге о той Чернопорской камысией и не думаю, я бытъ при оной не имѣлъ воли, для чего и положилъ на томъ что хоти бы моя владики и потребовалъ, то чтобы отъказатца и желытъ, а остатца на поселеню и завнать заводитца ономовику, какъ я уже неколко къ тому привыкать сталъ и первые горесты и трудности уныманулись, а земля наша показалась намъ приятна и плодородна.

Той же зымы командированъ я былъ въ Бахмутъ для принятыя изъ камысией тамошняй, ва команду Шевичеву жалованья и въ мою бытность тамо, говорить мнѣ генералъ Выбиковъ, какъ онъ меня отъмено любылъ, что де теперь у васъ въ прику, есть секунда ма-

перекла валанция, а вы состоите старшиной капитаномъ, то и не упускайте вы говорить генералу Бибыкову обо мнѣ, дабы иногда съ стороны на ту ваканцію Другова или не овредомны; и просите вы въ Петербургъ и тамъ слѣдующаго вамъ чина просите, а я говорюль оны махину объ насъ рекомендацію до тимеиныхъ генералъ, до того и знаю и оны вамъ будутъ въ прозвѣ вашей помогать.

Я сей советъ принять и поблагодарилъ, и положилъ что ехать въ Петербургъ.

По принятии же казны отъправился я въ полкъ и денги съдалъ, а потомъ сталъ проситца у моего генерала Шевича о дозволении въ Петербургъ и о неоставлении обо мнѣ къ получению слѣдующаго мнѣ чина учинить представленные.

Генералъ Шевичъ не отказался сделать мнѣ въ томъ удовольствии, оны не токмо что меня отъпустить, но еще учинилъ какъ въ военную коллегію представленные, такъ и къ прочимъ господамъ писалъ.

Я предъ моимъ выездемъ коти жалованье ва треть и выучилъ по того было бы мнѣ на мою дарогу мало, то выпросилъ у генерала въ щегъ предбудущаго жалованья сто рублей и съ тымъ выехалъ.

Было мнѣ необходимо надобно видѣтца съ генераломъ Бибыковымъ и взять и отъ него письма, кои оны обо мнѣ писать обещалъ, хотя то мнѣ и здѣлало къ ездѣ несколько кругу, однакъ повернулъ я свою дарогу къ Бахмуту.

Генералъ Бибыковъ не оставилъ те сделать что обещалъ писавъ мнѣ письма на восторжкъ: согласно и я съ тымъ аллирвантца выехалъ въ дарогу.

Предъ моимъ же приездемъ туда въ Бахмутъ дня за два приехало изъ Цесаріи два человека, изъ коихъ былъ адинъ изъ города Петроварадына, где отецъ мой после моего отъезда отъезда остался, привезъ сей человекъ ко мнѣ отъ отца письмо, въ коемъ пишетъ что оны весьма о томъ скорбытъ, что со мною разлучился, и приказываетъ мнѣ чтобы я величесь старался изъходатайствовать при дворе нашемъ помочь обо отпуске ево изъ Цесаріи въ Россію, и что оны намерены все недвижимое имѣние разпродать, также скоть и прочее учинить въ денги, и что все конечно вознамерился за мною ехать въ Россію, да средотва Другова едмъ собою о удовольствии ево не махдытъ, орднннго орднннста моего объ томъ старанья.

Я сихъ обещъ выходцовъ пригласилъ, чтобъ они шли къ генералу Шевичу въ команду на поселенные, что я общалъ они такъ сделать, чрезъ...конкъ я къ генералу Шевичу писалъ и уведомилъ его о томъ, что отецъ мой ко мнѣ пишетъ я прошу его, чтобъ не оставилъ мнѣ въ томъ засвидѣлствовать и о точномъ желанымъ отъ моего выехать въ Россію учинитбы въ военную коллегію представленныя и прислатьбы оное ко мнѣ по почтѣ въ Петербургъ, что по той моей просьбѣ онъ и сделалъ.

Мнѣ ужъ не было надобности въ Бахмутѣ болѣе бавытца, отправился въ дорогу, и какъ зимній путь была хараша, то девятихъ днемъ поспѣлъ я въ Петербургъ, а на другой день явился у господина военной коллегіи вице-президента Степана Федоровича Апраксина, подалъ ему представленіе что обо мнѣ писано, также и письма партикулярные отъ господъ генераловъ Шевича и Бибыкова, онъ меня тотчасъ какъ скоро я къ нему вошелъ узналъ и говорить, не ви ли тотъ самой капитанъ что изъ Вьены съ рекомендаціею полномочнаго посла къ намъ вышелъ, на что сказалъ я что предстоитъ предъ вами тотъ самый вашего высокопревосходительства даякорной слуга, коему въ то время много мылости оказать изволены, коему и нинѣ всепакорнѣйше прошу меня не оставитъ, какъ изъ сихъ поднесенныхъ мною писемъ притчину моего сюда приезда усмотрѣтъ изволяте, а сіи слова принужденъ былъ по немецки говорить, потому что по руски еще не былъ я довольно твердъ.

Степанъ Федоровичъ прочитавши письма отозвался ко мнѣ очень ласкаво, говорить, что вы по вашему старшинству и достоинству будете чиномъ на открывшуюся у васъ въ полку секундъ маюрскую ваканцію награждены, и тотъ часъ чрезъ ардинарца то привезенное мною представленныя отослалъ въ военную коллегію отдать секретарю, съ приказаніемъ чтобъ объ ономъ въ первомъ полномъ присутствіи доложить.

Потомъ зачалъ меня сей господинъ спрашивать о нашемъ поселеніи, и каково намъ на тѣхъ местахъ жить показалось, я ему разхвалылъ сколько могъ больше, и что мы всѣ довольны, (всамомъ дѣле что до той земли Славено-Сербыи принадлежить, о коей я Степанъ Федоровичу хвалылъ, то втомъ я есправедливо говорилъ, ибо сия земля всѣми своими угодыми несравнено лучша нежели Новая Сербыя гдѣ хорватъ поселился и гораздо теплѣе климатъ нежели что въ Новой Сербыи).

Однакъ при всѣхъ моихъ тогда къ Степану Федоровичу похвалныхъ словахъ поберегся я, что и о тѣхъ наивнѣхъ ошербѣ бывшихъ

трудностейъ и прискорбью, которое мы всѣ вообще понесли, упомянуть и я умолчалъ о томъ.

Онъ мнѣ разскажетъ какъ я примѣтилъ весьма радъ былъ, для чего повторялъ свои запросы разъ и другой а всю объ одномъ уже сказанномъ дѣлѣ, причѣмъ обнадеживъ меня своею мыслію, приказываетъ чтобъ я почасту къ нему приходилъ и стѣмъ меня отпустилъ.

Тотже день успѣлъ я еще и другіе письма разнести и отдать господамъ до кого слѣдовало, и всѣ оны принялы меня хорошо и ласково, а особливо господинъ генералъ аншефъ Петръ Спиридоновичъ Сумороковъ присвоихъ ласковыхъ ко мнѣ словахъ подалъ доволно надежды къ полученію мнѣ моего счастья.

Всѣ сіи господа спрашивали меня также о нашемъ поселеніи, коимъ я сколько зналъ болше столю разхвалялъ, чѣмъ были оны мною доволны.

Такова отъ господъ съ перваго раза оказанная мнѣ встреча и обнадеживаніе принесло мнѣ мысли веселыя, и я ужъ почиталъ что дѣло мое въ полученіи секундъ-майорнаго чина никакова затрудненія болше не имѣетъ, толко бедная тварь человѣкъ къ чему онъ сего суетнаго свѣта не можетъ быть подверженъ, не всякиелъ трудности понестъ онъ повиненъ, и не всѣлы его счастья и несчастія покрыты темнотою, а нѣмая его судьбина обовсѣмъ томъ что съ нимъ случитца должно въ недрахъ своихъ укриваетъ и ни кому о приуготовленныхъ случаяхъ въ периодъ знать не даетъ.

Я говорю то что въ самомъ лучшемъ и мнимомъ благополучіи долженъ человѣкъ на всякъ часъ ожидать съ собою другой какой встречи и премены, такто тогда и со мною здѣлалось, и превернулыся мои веселыя мысли и вся надежда скоро въ великую печаль и прискорбье, отъ того что я сей слѣдуемой мнѣ чинъ мало не потерялъ, коего съ великою трудностью потомъ едва получилъ.

Здесь надобно на малое время намъ поостановится и восвратитца назадъ въ мою повѣсть, гдѣ увидить мой читателю что тому моему приключенію притчина была, при чемъ будетъ случай еще некоторые дѣла узнать.

Выше сего говорилъ я о томъ что здесь повторяю вамъ, генералъ Хорватъ посылалъ подгаваривать въ Киевѣ изъ команды Швед-

человекъ къ себѣ людей въ Новую Сербыю, и между тѣми посланными былъ первоначальны Дмитрій Перичъ.

Сей офицеръ правду надобно сказать что былъ достоинны человекъ, да ошибка и пополозновение въ совѣсты отъ него учинило быда тогда на две стороны, кое состояло въ томъ какъ нынѣ я дачаламъ и окончаниемъ буду говорить.

Перичъ выехалъ въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, и будучи въ Цесарии еще прежде своего выезда жедать былъ на старшей дочери (тогда бывшаго въ Цесарии капитаномъ и выехавшаго потомъ въ Россію) генерала Шенича; и выездъ его Перича былъ в Россію давній нежелъ Хорвата и Шевича, и еще тогда и во время Императрицы Анны Ивановной, какъ было дозволено отъ двора цесарскаго, вербовалъ для укомплектованья старой Сербской полкъ, которой зачаломъ своимъ состоялъ еще отъ времени Императора Петра Перваго и было въ маломъ весма числѣ людей и не полкомъ еще назывался а такъ зборная команда легкаго воиска подъ командою капитана Ивана Албанеза, каторый будучи съ государемъ въ Молдавіи надъ Друтомъ въ разныхъ военныхъ действияхъ тотъ Албанезъ съ своими жолнирами (такъ ихъ тогда называли) оказывалъ себя противъ Турковъ храбро и былъ Государю веренъ, для чего Государь и вознамерился чтобы изъ тѣхъ Албанезовыхъ жолнировъ учинить полкъ и назвать Сербскимъ Гусарскимъ, яко тѣ жолнири по болшой части илы и всѣ Сербы были.

Хотя тому полку тогда зачало и было здѣлано, и набралось некоторая часть людей и поболше нежелъ что прежде было, однако вси еще небыло такова средства чтобы можно привести онаго въ полное число гусарь, и потомъ на томъ оставалось даже до времени Анны Ивановной, а отъ ней изпрошено таково дозволеные, чтобы можно въ Цесарии изъ волножелающихъ людей вербовать и вывести оныхъ въ службу въ Россію для укомплектованья того Сербскаго Гусарскаго полка, и потому на тотъ вербунгъ посланъ былъ изъ Россіи съ невеликою командою Сербынъ, бывший тогда капитаномъ Божичъ (онже и Паничъ назвался), каторый опреся былъ въ малой Россіи въ Черниговскомъ казачьемъ полку полковникомъ.

Онъ вто время въ Цесарію потому вербунку какъ выехалъ, то успѣлъ весма вскоромъ времени набрать изъ Сербовъ охотниковъ полкъ цѣлой, съ нымъ тогда и сей Перичъ въ Россію вышелъ, каторой служба въ томъ старомъ Сербскомъ Гусарскомъ полку даждо да

чина капитанскаго, природою же своею былъ изъ дворянъ, но отецъ его былъ въ Цесаріи несчастливъ, будучи въ ландмилиціи Помори-
ришской оберъкапитаномъ, по некоторымъ отъ Венгровъ тогда случившимся противнымъ замысламъ неправильно казнѣнъ смертію, для чего оставилъ его еще, сей Димитрій Перичъ осиротѣвъ по отцѣ двоимъ оставя дѣтъ и отечество вышелъ какъ выше значить въ Россію.

Потомъ какъ Хорватъ въ Россію же выехалъ, старался всячески чтобъ пригласить къ себѣ изъ состоящихъ изъ прежде въ Россіи старихъ гусарскихъ полковъ офицеровъ, о коихъ онъ проводивалъ кто какова состоянія есть, и потому яко иностранныхъ требовалъ объ определеніи чины отъ награжденіемъ чинами къ нему въ команду, въ томъ чинѣ будучи первый разъ съ приезда своего Хорватъ къ Петербургу, увидѣвъ сего Перича, зная и то, что конечно Перичъ нашъ тестъ его Шевичъ выедетъ пожелаетъ бысть у тестя въ командѣ, для чего Хорватъ предъупреждавъ сие зачалъ Перича ласкать и приглашать къ себѣ, обладавши его премьеръ-майорскимъ чиномъ, и что потомъ вскоре и подполковникомъ его здѣлаетъ.

Перичъ видя что Хорватъ приманъ при дворѣ королю, а также и то что обещаной премьеръ-майорской чинъ приносятъ ему велики предпротчины авантажъ, а ктому и обладаживаніе въ полученіи и подполковничья чина подадо ему еще болшь къ Хорвату быть въ командѣ охоту, и потому оутисился Перичъ исполнить волю Хорвата.

Хорватъ подавъ въ сенатъ представленіе, просить о определеніи Перича къ нему въ команду съ награжденіемъ премьеръ-майорскимъ чиномъ, что въ короткомъ времени и здѣлано, а ктому въ самомъ дѣле скоро и до выѣзда Шевичева Хорватъ своимъ представленіемъ доставилъ Перичу и тотъ обещанна подполковничья чинъ, чрезъ что и остался на то время Перичъ къ Хорвату уже такую любовь обвязавъ, что во всемъ слѣпо готовъ былъ волю его творить, хотябы то и чрезъ совѣтъ было.

А какъ Шевичъ въ Кіевъ выехалъ и не хатѣлъ съ своими выхотцами быть у Хорвата въ командѣ (какъ я о томъ выше говорилъ), а лѣхалъ въ Маскву для испрошенія себѣ подвселенныя другой земли, то вто время Хорватъ подилаетъ Перича еще съ некоторыми офицерами въ Кіевъ подъ видомъ покупки для офицеровъ на мундиры суконъ и другихъ на полкъ потребностей, а между тѣмъ исподъ руки подгаваривать Шевичевыхъ офицеровъ и людей, чтобъ

подавали прошенїя о преводѣ ихъ къ Хорвату въ Новую Сербыю на поселенные (очемъ уже я говорилъ) и тѣмъ самымъ привелъ было Хорватъ Перича у тестя своего генерала Шевича въ такое омерзѣныя, что у нихъ сделалась великая ненависть и сора.

Таковымъ предпрїятиемъ въ подговоркѣ людей Перичъ преступилъ чрезъ советъ, стараясь исполнить волю Хорвата тѣмъ и возбудилъ во многихъ о преходѣ желанїй, исхода воспослѣдовало велики мятежъ и безпокойствы, и мало не остался Шевичъ совсѣмъ безъ людей, если бы скоро не воспослѣдовало Хорвату отъ вышшаго места въ томъ на прозбу Шевичеву запрещенные.

Перичъ какъ возвратился тщетно изъ Кіева въ Новую Сербыю, то и писалъ ему Хорватъ въ той наложенной на его камысли нестаранїе, и зачалъ того времени Перича гнать, и что далъ то хуже, на послѣдокъ сделалась у нихъ превеликая сора, и Перичъ вышедъ изъ терпѣнїя пашолъ на Хорвата въ похищенїи въ даносъ, почему наехалъ Перичъ въ Петербургъ и подалъ на Хорвата въ Сенатъ челобитную.

Хорватъ призванъ былъ въ Петербургъ къ отвѣту, куда приехавши нашолъ къ своему оправданїю средства, а Перичъ остался обвиненъ арестованъ и разжалованъ въ редовые до выслуги и какъ надъ нимъ таково несчастные сдѣлалось, то Хорватъ показавъ мышу сожалѣнїя, выпросилъ въ Сенатъ таперича мылость, чтобъ ему возвращать тотъ чинъ, ис коего онъ его къ себе въ зачалъ въ команду взять, то есть капитански.

Сие увеличило Хорвата великодушїе и Перичу чинъ капитански данъ, после того Хорватъ уехалъ въ Новую Сербыю, а Перичъ остался въ Петербурге, хадилъ онъ и старался въ Сенате много, просилъ прежняго своего подполковничьего чина, аднакъ самъ собою не могъ нычего достигнуть, на послѣдокъ, видя себе въ послѣдней своей крайности, пишетъ онъ чрезъ посланого отъ себя по почтѣ нарочнаго къ тестю своему генералу Шевичу, приносить предъ нимъ свою повинную втомъ, что онъ ему въ Кіевѣ дѣлалъ, и просить помылованїя изъясняя что ежели Шевичъ (такъ видно ево советовалъ) объ нѣмъ въ Сенатъ представить, и къ господамъ Сенаторамъ просителныя писми напишетъ, то потому конечно онъ Перичъ можетъ быть счастливъ и прежнїи свои чинъ получить.

То всїо дѣлалось всамое то время, какъ я готовился въ Петербургъ ехать, и тотъ отъ Перича нарочно посланой приехалъ къ

Шевичу въ тотже день послѣ моего изъ дому выезда, когда я въ Бахмутѣ узналъ, что мнѣ было кругу болѣе ста верстъ, а ктому еще что я въ Бахмутѣ несколько дней забавился, чѣмъ и утратилъ я въ своей дороге времени много.

А Шевичъ получа таково отъ Перича прашеніе склонился къ нему своею милостію, учинилъ чрезъ тогоже нарочнаго въ Сенатъ объ нѣмъ представленіе, и пынулъ къ господамъ сенаторамъ писми партикулярные съ прозбою, дабы Перичу возвратитъ чинъ хотя примеръ маюрски, и определитбы его къ нему въ команду на окладъ порожей ваканціи выключенаго секундъ маюра Петровича, и совѣмъ тѣмъ отъправляетъ Шевичъ того нарочно присланаго отъ Перича по почтѣ обратно, каторой, и успѣлъ прежде меня за несколько дней въ Петербургъ приехать, о семъ уже и погрешилъ Шевичъ что таково представленіе послалъ, зная съ чѣмъ онъ меня въ коллегію отъправилъ.

Перичъ, получа таково отъ Шевича по своему желанію представленіе, и зная уже о томъ что я за тоужо ваканцію въ Петербургъ еду, то и поспешилъ своимъ стараніемъ, чтобы ускоритъ въ Сенатъ по тому Шевичеву представленію приобрести себѣ ползу.

Ему такое счастье послужило-что въ несколькихъ толко дней вошю сдѣлалось и онъ чинъ примеръ маюрски получилъ съ тѣмъ определеніемъ что въ команду генерала маюра Шевича по его требованію на окладъ порожаго места выключенаго секундъ маюра Петровича.

Я о томъ что с Перичемъ и съ Хорватомъ происходило при приездѣ моемъ въ Петербургъ хотя и слышалъ и его Перича еще тамо засталъ, но что онъ къ Шевичу чрезъ своего нарочнаго писалъ и что объ нѣмъ въ Сенатъ представлено, а также что уже и чинъ примеръ маюрски получилъ и определенъ на ту самую ваканцію, о коей я проситъ приехалъ, о томъ какъ мнѣ такъ и въ военной коллегіи не было извѣстно, покудава тотъ изъ Сената указъ невышломъ, что и прешибло мою линию и сдѣлалась мнѣ въ производствѣ препона.

О семъ какъ я уведалъ, то можешь мой читателю легко поверитъ каково мнѣ тогда было, я почиталъ свое прискорбые безъ утешенія, и сей ударъ былъ мнѣ какъ стрела огненная, отъ какой грусты не могъ я несколько дней ни пыть, ни есть, ни спаты, а ходылъ и лежалъ какъ человекъ безъ ума, а болѣе тѣмъ что клонитца стало дѣло мое

мнѣ на отказъ, и прѣмена зделалась болшая, съслалось на сенатской указъ что уже онаго применить никому невозможно, а должно на томъ тагъ остацца какъ ваѣно.

Перичево дѣло потому изъ Сената указу въ коллегію предъпринато, и онъ тѣмъ примеръ казѣнскимъ чиномъ на окладъ включенаго селудъ маюра Петровича въ команду Шенштору определенъ а отъправился въ полкъ, а я въ Петербурге остался.

Мое несчастье было еще больше и то, что тѣмы днямы какъ я зачалъ грустытъ свалыся совсѣмъ въ ночь и такъ сильно заболѣлъ, что не могъ со двора ни къ господамъ ни вколлегію целую неделю выходить, отъ чего прѣменился было совсѣмъ въ лице какъ бы я въ лазаретъ былъ, и ежелибы человекъ доброй мнѣ не пособилъ своими разговорами, которой со мною въ одной квартеры стоялъ, отъставной капитанъ бывшаго тогда старого • Молдавскаго гусарскаго полка, звался онъ Врѣмовъ, то бы отъ грусты и великой печалы совсѣмъ могъ пропасть.

Сей честной души человекъ старался всячески отъшибыть отъ меня мою печаль, какъ онъ веселаго былъ права, то сидя по целой день уменя при постелѣ разъказывалъ иногда что забавное и шуточное, а притомъ и другіе произшедшіе по службѣ случающіеся разнымъ людямъ дѣла, и много такихъ подобныхъ сему моему несчастью, и что люде при всѣхъ таковыхъ неудачахъ еще не отчаявались, а ходили, просили, и многимъ удавалось наитытъ и достигнуть до своего счастья, такто и вы, говорилъ мнѣ сей мой приятель, встанте возьмите въ голову мысли другіе и духъ бодросты, бросите всю печаль въ сторону, придите къ господамъ, просите и изясните о себе, какъ вы тѣмъ остаетесь обыжены, что занята слѣдующая вамъ ваканція другимъ, и для чегобы не надеятца вамъ говорилъ онъ еще получить то произвожденные, какъ васъ господа хорошо съ вашего сюда приѣзда принялы и обнадежилы.

Мнѣ таковъ совѣтъ моего приятеля капитана Врѣмова показался полезнымъ, и потому повернулъ я мысли свои изыскивать средства къ достижению потѣрянаго своего счастья, я обвинялъ самъ себя, для чего съ приезда моего въ Россію при определении меня въ службу упустилъ и не просилъ тогда чиномъ награжденныя, какъ и всѣ протчіе выѣжне чины получалы, а некоторые и вовсѣ небывши въ службѣ цесарской досталы въ Россіи чины капитанскіе, а я толко изъ пустаго одного мненія воображалъ, будто тѣмъ, естлы я буду просить чиномъ награжденныя, здѣлаю у господъ о себе какое

неудовольствие и остался съ своимъ усердиемъ толко на томъ чинѣ довольнымъ, скоимъ я изъ цесарской службы вышюль, съчитая себя въ авантажъ толко одно-то, что старшинство мнѣ предъ прочими капитанамы дано.

Вотъ каково изъ того затруднение вышло и какъ закоснить назадъ своимъ счастиемъ челоуѣкъ можетъ, когда не воспозуетца вто время, когда само чѣмъ ему на руку приходытъ, какъ и я признатца надобно тому подобное здѣлалъ, что при определеніи меня въ службу чина секундъ майорскаго не просилъ, о коемъ тогда господа самы мнѣ напоминали, но я будучи столь много усерденъ не могъ того предвидѣть, что то опосля уже будетъ мнѣ съ трудностью достигать, а хотѣлъ пустимъ мнениемъ показать себя образцемъ, что не для чиновъ выехалъ, а для усерднаго моего желанія съ коимъ жить и умереть хачу въ службѣ Россійской, и что достигнуль до своихъ по закону единовѣрныхъ, и тѣмъ былъ доволенъ и за наилучшее счастье себя почиталъ, что и доказываетъ мнѣ сколь много я тѣмъ проронпль и не умѣлъ воспозоватца предъстоящимъ предо мною счастиемъ.

Правдаже и то есть что всякъ честной челоуѣкъ наиболши и первы долгъ имѣеть быть своему государю веренъ, и во всякихъ случаяхъ усерденъ, и то усердие должно быть всегда въ своемъ положеніи такъ твердо, чтобъ никогда не оскудѣвало, и употреблять его попустому аднимъ толко мнениемъ никогда ненадобно, а старатца всегда подкреплять свое усердые службою и по оной приобрести себы пользу.

Государь и правителство того не требуютъ, чтобы тотъ усердны тѣрялъ чрезъ то свое счастье и благополучие которое ему слѣдуетъ, а паче подають способы установленымъ закономъ, чтобы воспозоватца всякому тою государскою милостыю, коя на всѣхъ вѣрноподанныхъ вообще предстоить, и усердие не можетъ быть тѣмъ опорочено, когда кто веренъ и по службѣ справедливо отъ государя своего чего требуетъ.

Усердиеже адно само собою, когда не приноситъ ны дѣла ны пользы, есть подобно мертвому тѣлу лежащемъ безъ души, для чего и должно, чтобъ всякъ старался свое усердие подкрепить доказательствомъ службы, яко оная есть первое челоуѣку основание, чрезъ кого всѣ слѣды будутъ къ его благополучию, при чемъ не упускать воспозоватца случаемъ приносящимъ честь и славу имени, а сіи две вещи раждають пользу и пропитание, то есть по чину жалованые, а по

службы вѣрной и долготойной кто себя достойнымъ учинить получаетъ въ награждение отъ государя деревни или пенсия.

Когдаже кто столь несчастливъ, что его служба невидна или самъ собою свое счастье проронить, и тѣмъ не приобрететъ себѣ пропитанья, хотя и съ честью будетъ, но ужъ та честь остаетца въ бедности, чрезъ что и не можетъ то его усердие долго въ своей твердости быть, ибо тотъ кто пропитанья не имѣетъ подвергаетъ себя въ послѣднюю крайность, и долженъ со всемъ своимъ усердиемъ остатца беденъ, и поитыть въ нищие и умереть съ голоду, и тѣмъ ны государю ны отечеству своему ползы принести не можетъ.

Таковы размышленія были у меня тогда въ голове, и разсудилъ что мнѣ ужъ не осталось въ помочь ничево инова, о кроме что вѣставать хоть чрезъ силу съ постелы и ходить по своему дѣлу и просить у господъ милосты, дабы достигнуть таперъ хотя уже и поздо то свое счастье, каторое я усердиемъ своимъ тогда при вступленіи въ службу проронилъ.

И тако я, съ симы мислямы вѣставши спостелы, одѣлся пашолъ первѣе въ коллегію, спрашиваю въ повитіи не вышлагъ къ нымъ въ повитіе моя челобитная, на что отвѣчаетъ повитчикъ что нѣтъ и что онъ объ моей челобитной ничего не знаетъ.

Я потомъ пашолъ къ секретарю въ его прегородку гдѣ пинеть, онъ какъ меня увидѣлъ спрашиваетъ чего я изволю, я ему поклонился, пониже спрашиваю о моей челобитной и нѣтлы по одной какова отъ господъ приказанья, онъ отвѣчаетъ что челобитная тутъ у него лежитъ, а приказанья другова по ней нѣтъ, кроме что сказано было еще тогда, говорить онъ, какъ вы ее подады чтобы въ полномъ собраніи доложить, что де я и здѣлать хотѣлъ, но какъ вскоре затымъ по указу сенатскому на ту ваканцію, о которой вы просите, помещенъ маіоръ Перичъ, то потому и осталась ваша челобитная безъ решенья и мнѣ нѣтъ слѣду говорить секретарь докладивать, а разве господа присутствующіе самы спросятъ, съ такою отъ секретаря резолюцією я потупивъ голову пашолъ на свою квартиру.

А поутру рано цашолъ я къ господину вице-президенту Степану Феодоровичу Апраксину и вошедъ мимо часовыхъ въ залъ, вижу что никакъ нѣтъ, стаю самъ одинъ тамъ, потомъ мало погоды пришлоъ одинъ лакей, коего я спросилъ не видетли скоро генералъ, онъ отвѣчаетъ что генералъ еще не вставалъ и лежитъ въ постелѣ.

Погода еще съ полчаса идетъ и другой лакей онъ видно былъ дежурной или дневальной, отворилъ въ залѣ двери вошедъ въ другой маленькой покоикъ что предъ спальнѣю, и тамо у дверей сталъ, я подошедъ къ нему тихонка спрашиваю не встали генералъ, на что сказалъ что можетъ быть уже проснулся, а вотъ скоро де увидимъ не позовели каво.

Я сего лакея прошу, какъ войдетъ чтобы обо мнѣ доложилъ, онъ отвѣчаетъ, чтобъ я пообождалъ какъ камердинеръ придетъ и ево бы о томъ попросить, а мнѣ де докладывать не можно.

Подождалъ я тутъ еще съ четверть часа и дождался камердинера, онъ носилъ нѣчто въ рукахъ завернутое въ бумаге, я ево также сталъ просить чтобъ обо мнѣ доложилъ, только какъ обыкновенно у большихъ господъ таковы слуги, кои у господина блиски бываютъ, надути спесию, а особливо ежели чрезъ нихъ кому приступъ нуженъ, что сн твары тако дѣлаютца горды что съ лучшимъ человѣкомъ говорить не хотятъ,* такъ то и сей мнѣ такуюжъ встречу дѣлалъ, говорить обождите здѣсь ежели вамъ угодно, какъ генералъ выдетъ тогда можете ево видѣть, а мнѣде обо всякомъ не бегать докладывать, и то сказавъ хатнѣ было отъ меня итти далъ; (но какъ я желалъ и стѣмъ такъ рано туда пришолъ, чтобъ ускорить съ господиномъ вице-президентомъ самъ адынъ по своей нужде говорить, нежелъ чтобъ ждать и когда еще оберетца большъ людей, причемъ бываетъ что и неудастца иногда получить слова поговорить), для чего сталъ я повторять къ камердинеру мою прозбу съ уклнами чтобъ обо мнѣ доложилъ, на что ужъ склонился, спрашиваетъ кто вы таковъ чтобъ умѣлъ генералу сказать, я и то ему объявлялъ, и погода потомъ немного, зазвенѣло въ спальни колоколчикъ, и потому знаку камердинеръ туда пашолъ, а спустя немного, и меня тудажъ въ спальню позвали.

* Однако съ другой стороны и то есть нужно, естли хочешь итти къ большому господину скорой приступъ, то старайся цервее узать слуги его, и проводивай каторой есть къ нему навблжши, и сконимъ онъ частие разговоры итти, слуги таковы что блискии бываютъ по разнымъ случаямъ, иные по верности своен и давнѣй службе у господина, а другіе по другимъ какимъ обстоятельствамъ, однако я еще ни одного господина не видалъ, кторойбы такова слугу при себе не иттилъ, такъ ежели иттишь нужду и желаешь итти приступъ, то старайся завестъ стакимъ слугою знакомство, оны знаютъ когда удобное есть время объ тебе докладывать или словами рассказывать, для чего и нежалъ о томъ естли тебѣ то чего, будетъ стоить.

Степанъ Федоровичъ какъ меня увидѣлъ спрашиваетъ, что такъ много дней меня не видѣлъ и что я такъ худъ и влице не боленъ я.

На таковъ приятной спросъ отвѣчаю я, что притчина тому ваша екселенція, такъ титуловалъ я его по немецки, что я заболѣлъ отъ грусти и печалы по случившемуся несчастію, что мнѣ въ моемъ дѣле учинилась препона, и на то мосто о коемъ я прошу, уже опредѣленъ другой а я остался, и таперь остаецца говорить я толко ожидать мне своего счастья единственно отъ високой вашей милости, и сие виговоривши припадъ я къ нему къ руке усугубляя свою прозбу, (изъясняя что и при определении меня въ службу тогда, какъ я изъ Цесаріи выехалъ, остался противъ протчихъ выходцовъ обыженнымъ, какъ всѣмъ вто время чины даны болшъ нежели оны въ царской службе были, а я принять толко тѣмже капитанскимъ чиномъ своимъ выѣхалъ).

Мой високой милостивецъ Степанъ Федоровичъ вислушавъ меня что я говорилъ до послѣдняго слова, отвѣчаетъ мнѣ и говоритъ, что ваше дѣло состоитъ таперь несколько въ затрудненіи, потому что ту ваканцію коя вамъ слѣдовала уже заступилъ Перичъ, и полагаетъ Степанъ Федоровичъ выну на Шевича, говорить что онъ учинилъ отъ себя представление объ одной ваканціи въ двойнѣ, одно въ сенатъ о помещеніи на оную Перича, а другое въ коллегію на туюжь ваканцію о помещеніи васъ, и что Шевича таковъ поступокъ есть весьма непохвалонъ, коимъ нанесъ въ коллегіи затрудненые, а таперь шнаково уже и нельзя будетъ, говорилъ Степанъ Федоровичъ, о вашемъ дѣле какъ что пообождать, покудава будетъ наше собрание въ коллегіи и мы о томъ предъпримемъ наше разсужденіе.

Я тѣмъ отъ моего милостивца отвѣтомъ былъ много доволенъ, отклонясь вышолъ, и поспешалъ какъ еще было порано, чтобы и другова моего благодетеля Петра Спиридоновича въ доме застать.

Тотъ день послужылъ мнѣ хорошою удачею, я какъ и къ сему господину на дворъ пришолъ и вошедъ въ пакои засталъ его одѣвающимся, готовился во дворецъ выехать, онъ встрѣтилъ меня ласково, а также приметылъ изъ лица моего премену, спросилъ что вы такъ худы стали и здаровылъ вы, я ему на то отвѣчалъ тѣ самыя слова, что и Степану Федоровичу говорилъ, повторяя прозбу о моемъ дѣле.

Онъ столко былъ милостивъ, что сожалѣлъ обо мнѣ говорить, что вы и вто время какъ васъ въ службу принялы проронилы самы

чинъ, тотже о коемъ таперь уже съ трудностью ищите, и на сей случай надобно вамъ взять терпѣныя и пообождать до своего времени, яко та просимая вами ваканція уже занята другимъ, о чемъ не иначе могу вамъ сказать какъ только то, что коллегія объ васъ будетъ имѣть свое разсмотрѣніе.

Объ сіи отъ господъ въ тотъ день встрѣчи подады мнѣ некоторую надежду, почему уже и не осталось болѣе что дѣлать, какъ терпѣть и ожидать решимости отъ коллегіи.

Тотже день подъ вечеръ пашолъ я еще и къ третѣму господину, Василию Івановичу Суворову, каторой былъ генераломъ майоромъ и присутствовалъ также въ коллегіи, я прежде у него бывалъ, однако не много въ пользу склонности отъ него видѣлъ, а в тотъ вечеръ еще и меньше.

Я какъ сталъ ево о своемъ дѣле просить, то онъ по своей милости прямо совѣтъ мнѣ отъказалъ, и говоритъ, что вы по прозбе вашей награждены чиномъ быть не можете потому, что та ваканція уже занята, и вы напрасно, говоритъ онъ мнѣ, тутъ живете и указываетъ ехать къ своей команде.

Сей господинъ былъ своимъ сложениемъ отъменъ отъ всѣхъ протчихъ господъ, и никакъ изъ иностранныхъ не любилъ, почему и мнѣ отъ него такой отзывъ былъ.

Были тогда обстоятельства, что предвозвещалы съ прускимъ королѣмъ Фридерикомъ вторымъ воину, почему частіе происходили при дворе конференціи, и прошло время долго что въ коллегіи полнаго собранія быть не могло, и потому оставалось мое дѣло въ предидѣмъ своемъ положеніи безъ действия и протекло времени мѣсяць целый.

То время празно мѣсяць целый жить въ Петербургѣ и со днямы прежде прошедшими, а ктому были еще и другіе издержки, отъ чего въ моемъ карманѣ душа стала исчезать, что и принесло мнѣ еще болше думать; если еще надалѣ продлитца мое дѣло какъ недостатокъ встрѣчать, я непрестано всякаго праздничнаго дня хотя къ господамъ и хажу и оны меня видятъ, и случаетца иногда что со мною говоря, а иногда и такъ проходить, но еще о своемъ дѣле ничего непередвижу, и напала на меня такая скука, что тѣ дни показались мнѣ не иначе, а какъ пучина морская, а только мнѣ и забавы было что ходыть по улицамъ въ превеликомъ уныніи, напоследокъ

вздумалъ пойти въ коллегію отъ скуки, тамъ посидеть и посплетать не услышавъ чего о собраніи, было то въ тотъ день поутру рано въ четвергъ.

Я пришедъ туда вошелъ въ ексекторскую, засталъ на своемъ месте ексектора, назывался Гаврило Петровичъ Череповъ, онъ былъ человѣкъ обходительной, умѣлъ довольно хорошо говорить по нѣмецки, мы вошли въ кое какіе разговоры, между прочимъ говоритъ онъ что утра будетъ въ коллегіи полное собраніе; я какъ сие услышалъ тотъ часъ пошелъ прямо на дворъ къ Петру Спиридоновичу, засталъ его еще въ доме, просилъ его съ наибольшою пониженостію о неоставленіи меня въ моемъ дѣле, на что отвѣчалъ что завтра будетъ онъ о томъ старатца, и съ тѣмъ я отклонясь пошелъ на свою квартиру.

По утру рано пошелъ я къ Степану Федоровичу и такъ ускорялъ, что прежде къ нему пришелъ нежели онъ выехалъ въ коллегію, просилъ его прилежно о неоставленіи меня по моему дѣлу, на что сказалъ пайдите въ коллегію и тамъ дожидаетесь меня.

Я тотъ часъ поклонясь ему пошелъ большими шагами и пришедъ въ коллегію, сталъ на такомъ мѣстѣ куда онъ проходить будетъ.

Спустя свольчасъ одеть мой благодетель Степанъ Федоровичъ, я ему у дверей сделалъ большой поклонъ напоминая о себе, онъ толко что немного уклонилъ голову прошолъ мимо въ присутствіи.

Выжу я того секретаря у коего моя челобитная лежитъ, что онъ въздъ и въперіодъ съ делами къ докладу бегаеть и носить туда въ присутствіе.

Дождася я тутъ при дверяхъ даже до начала третьяго часа, покуда было время присутствующимъ выходить, и какъ Степанъ Федоровичъ вышелъ и меня тамо стоящаго увидѣлъ, то остановился говорить мнѣ, что ваша челобитна слушана и что принадлежитъ по оной зделать о томъ уже приказано, съ тѣмъ онъ пошелъ, а я еще остался дожидатца и друга моего благодетеля Петра Спиридоновича Суморукова, онъ также какъ вышелъ и меня увидѣлъ говоритъ мнѣ мымоходомъ, что по челобитной моей подлежащее здѣлать приказано.

Далъ и не было уже мнѣ надобности стаять и дожидатца выхода изъ присутствія генерала Суворова зная его недоброхотство, а также и генерала царевича Грузинскаго, которой хотя въ коллегіи

и присуствуетъ, но онъ былъ человекъ доброй, ничего не спорить и никому ни добра ни зла не дѣлалъ, и для того пошелъ я къ секретарю поклонитца и спрашивать.

Онъ сказалъ мнѣ вѣсти пріятныя, что по челобитной моей приказано сделать выписку и занести во оную всю отъ зачала моего въ Россію выхода и определенія въ службу, почему тогда говорить мнѣ секретарь, какъ то въ будущее присуствие разсмотритца, тогда и резолюція настоящая положена будетъ.

Таперъ уже стало мнѣ немного полегче, и тѣмъ довольнѣе что дѣло возбудилось, челобитню мою отдалъ секретарь въ повитіе съ приказаніемъ, чтобы по оной подлежащую здѣлать вышивку и заготовивши подать къ нему, (я повитчика упростилъ и на другой недѣлѣ во вторникъ было уже мое дѣло готово и подано секретарю).

На тойже недѣлѣ въ четверкъ было въ коллегіи полное собраніе, я въ тотъ день дождался всѣхъ господъ въ коллегіи стаялъ у дверей и всѣмъ въ мымоходѣ кланялся, оны меня видѣлы, и остался я уже на томъ мѣстѣ, дожидаясь великой и богатой милосты.

А въ часу двенадцатомъ позвали меня въ присуствие объявляютъ мнѣ господа присуствующіе, что дѣло мое разсматривали и что коллегія никакъ определить не можетъ, яко та просимая ваканція уже занята и на тотъ окладъ определѣнъ сенатомъ майоръ Перичъ, а вы, говорили мнѣ господа, что при определеніи васъ въ службу противъ прочихъ выходцовъ тогда чиномъ не награждены, а приняты тѣмже капитанскимъ чиномъ съ какимъ изъ Цесаріи вышли, то будетъ вы таперъ довольны какъ коллегіи положить, чтобы вамъ чинъ секундъ майорски дать и остатца сверхъ комплекта на окладѣ капитанскомъ въсредѣ до ваканціи.

Напротиво такой великой милосты, немного хотѣлъ я уже говорить какъ только что доволенъ, и прашу втомъ учинить определенныя, по сямъ моимъ словамъ Степанъ Федоровичъ, яко первоначалны въ присуствіи, поздравляетъ меня секундъ майорскимъ чиномъ, я поклоняясь поблагодаря вышолъ изъ присуствія въ ексекторскую, гдѣ и многіе штабъ-офицеры еще стаялы; а на другой день хадылъ я ко всѣмъ господамъ на дворъ благодарить.

А покудова определенныя подписано и потому вышолъ указъ, то прошло еще несколько дней, однако между тѣмъ не было мнѣ скучно того ожидать, и проводылъ время забавою, хадылъ во дворецъ на опе-

ру и на балъ когда случались, и увеселялъ себя зрениемъ по тогдашней великой при дворе веселосты.

При томже свободномъ времени сталъ я помышлять какбы зачать дѣло о избавленіи отца своего изъ Цесаріи, почему вознамерился я подать въ коллегию о томъ мою прозбу, но по моей въ Россіи новости не зналъ, какъ зачать и како о совете спрашивать, на послѣдокъ сталъ я самъ сочинять челобытную сколко въ рускомъ языкѣ тогда мой разумъ достигалъ чтобъ толко вывести матерію, я ее писалъ и пречернывалъ несколько разъ, и сочинивши оную содержалъ у себя до настоящаго къ тому случая, между тѣмъ о моемъ новомъ чинѣ указъ вышелъ и определенъ въ команду Шевичеву, съ коего указа какъ тогда списана въ коллегии копия и мнѣ данна, то стого времени между прочими моими бумагами и нинѣ оную храню.

Адинъ день по утру рано нашолъ я къ господину вице-президенту Степану Федоровичу Апраксину, онъ меня какъ увидѣлъ, сталъ спрашивать скороли я отъправлюся въ полкъ, я ему на то отвѣчалъ, что болѣе не имѣю дѣла здесь бавитца, толко еще нужда одна меня удерживаетъ, о которой осмеливаюся вашему высокопревосходительству донести, онъ прехватилъ моя слова, говоритъ добро, объявы мнѣ вчомъ твоя нужда состоитъ, и ежели втомъ будетъ возможность то я не оставлю сделать тебѣ вспоможеные, на сей приятной мнѣ отъ Степана Федоровича отвѣтъ, сталъ я ему докладывать, и пресказиваю объ отце своемъ все обстоятельно, упомянувъ при томъ и то что для того отецъ мой и меня въ Россію отъпустилъ, и я такой великой трудъ, страхъ, и рыскъ понесъ, покуда могъ увольнение сво отътель получить, какъ вашему высокопревосходительству уже о томъ моемъ выездѣ извѣстно, единственно для того чтобъ также отца со всею фамилиею отътуда могъ вызволить, и таперъ говорилъ я къ Степану Федоровичу получилъ отъ отца моего писмо, коимъ приказываетъ мнѣ, чтобъ о увольненіи его я самъ старался и просилбы здесь у господъ втомъ милостиваго вспоможеныя, ибо онъ самъ собою по строгимъ тамошнымъ запрещеннымъ просить такова увольненыя не смѣетъ, для чего я и прошу таперъ вашего высокопревосходительства оказать мнѣ въ такой моей нужде высокую свою милость и принять отъ меня въ томъ прошеные.

Сей господинъ, вслушавъ мои слова, говоритъ мнѣ чтобъ подать въ коллегию челобытную, по которой что можно будетъ сделать не оставить коллегия учинить рассмотрение, похвалялъ притомъ Сте-

панъ Федоровичъ таково ѣзда моего намеренье и также что я обнѣмъ стараюсь.

Я отвѣчалъ съ прозбою изъясняя, какъ я человекъ еще новой и недавно вышелъ и что незнаю какъ дѣло зачать и каковы просить чтобъ сочинить мнѣ челобитную, дабы иногда говорилъ я нездевать какой ошибки, и для того прошу вашего высокопревосходительства, когда вы мнѣ при моемъ выездѣ въ Россию и таперъ въ моемъ производстве также оказали отеческую мылость, то и всемъ моимъ дѣле будьте мнѣ наставитель, ибо я никою другаго себя благодѣтелемъ не знаю окроме васъ.

Моя прозба была ему видно угодна, что сталъ говорить я де всѣхъ васъ люблю а особливо тебя, и хачу быть во всякихъ случаяхъ тебя въ помощь, сие сказавъ, приказываетъ мнѣ пообождать въ переднѣмъ пакою, а яде тебя опосля призову, при чемъ приказываетъ ординарцу чтобы изъ коллегіи призвать секретаря Немова, ординарецъ получа приказъ пашолъ въ коллегію, а я вышелъ въ залъ.

Потомъ спустя часъ места идетъ секретаръ Немой (такъ онъ звался и силенъ весьма по своему дѣлу былъ въ коллегіи) онъ пашолъ далѣ во внутръ, куда вскоре и меня позвали, я какъ вашолъ туда, сталъ мнѣ Степанъ Федоровичъ говорить указывая на секретаря, вотъ етоде господинъ всио то напишетъ что вамъ надобно, вы явитесь у него и объясните свою нужду, я поблагодаря за такую високою мылость и поклонясь вышелъ опять въ залъ, дожидаясь покудова секретаръ выдетъ, онъ мало погодя какъ вышелъ говоритъ мнѣ, чтобъ я къ нему въ три часа после полъденъ приходымъ и стѣмъ разошлись.

Я тотже день какъ назначено въ три часа послѣ полъдня пошелъ къ секретарю на домъ, взялъ съ собою мою челобитную которую я составлялъ, нашолъ секретаря въ доме, онъ меня павелъ въ свою спальню, приказавъ слуге еслибы кто постороны пришолъ, то чтобъ сказать нѣтъ дома, дабы ему въ дѣле не было помешки.

Господинъ секретаръ посадилъ меня на канапеи, и самъ возлѣ меня селъ, зачалъ потомъ спрашивать какое мое дѣло, объявивъ при томъ мнѣ чтоде Степанъ Федоровичъ, какъ я примечаю говорилъ секретаръ, конечно хочеть вамъ въ вашемъ дѣле вывести въ вашу ползу, я вынулъ сочинѣнную мною челобитную говорю ему, что вотъ вся моя нужда написана здесь, но не погнѣвайтесь говорю я что писано можетъ быть въ речахъ накриво, яко я еще человекъ новой и росій-

скаго языка твердо не знаю, такъ прошу преемотреть и что слѣдуетъ преправить.

Онъ говорить что это нѣтъ ничего, а мнѣ только матерія о дѣлѣ надобна а потомъ я знаю какъ сложить должно, взявъ отъ меня читалъ и ничего не пречерчивалъ окромѣ некоторые речи, что съ Сербскаго языка съ рускимъ были накриво и несходно напысаны, кои онъ разумѣть не могъ, то о тѣхъ спрашивалъ что оное значить, о чемъ какъ я ему претолковалъ и онъ настояще понялъ, то только тѣ речи пречернылъ, и говорить мнѣ чтобы я чрезъ два дни къ нему явился, а онъ между тѣмъ обещаетъ составить дѣло какъ ему быть надобно. Потомъ отъклонясь я секретарю пашоль на свою квартиру.

А въ назначеной день пашоль я опять къ нему на домъ, засталъ его дома, показываетъ мнѣ составленную челобытную, въ которой вся та матерія состоитъ, какъ что и я напысалъ, но другимъ тономъ выражено, и по прочтеніи спрашиваетъ меня секретарь угодноль мнѣ будетъ такъ что онъ напысалъ.

Я ему незналъ что болѣе говорить окромѣ моей благодарности и что тѣмъ самымъ обовязаннымъ останусь навсегда признавать его своимъ приятельмъ, я поднесъ ему въ знакъ моей благодарности финифтовую хорошую табакерку, какъ оныя тогда носить въ модѣ были, только онъ отъказался и взять нехотѣлъ, и говорить что онъ естли удастся потомъ видѣть желаемой мною успѣхъ, то тѣмъ будетъ онъ доволенъ, отдавъ мнѣ ту начорно писаную челобытную сказалъ, чтобы въ коллегіи отъдать въ его повитыи повитчику для препыски на бело.

Я отъклонясь господину секретарю пашоль просто въ коллегію, отдаю ту челобытную повитчику, каторой и прежде былъ мнѣ знакомъ, онъ принявши прочолъ и велѣлъ одному писарю переписать, которую я потомъ держалъ у себя покудова въ коллегіи полное присутствие собралось, которое завтрешни день и было.

По утру рано пашоль я въ коллегію и дожидаюсь у дверей, куда господа присутствующіе проходить будутъ, и какъ пришоль мой благодетель Степанъ Федоровичъ, то я подойдя къ нему, подалъ челобытную, онъ отъ меня оную принялъ и понесъ съ собою въ присутствие.

Потомъ пришло время часъ второй во исходѣ, стали господа присутствующіе выходить и всѣ ужъ вышли, спрашиваю я секретара небылоль по моей челобытной какова приказаныя, на что отвечалъ что де ваша челобытная у меня, и приказано оную въ будущее со-

бравые доложить, а сегодня нельзя было говорить секретарю по ней ничего сделать, ибо много дѣлъ нужнейшихъ было въ докладѣ.

Дождатца мнѣ ужь было необходимо другаго собранія, что продолжилось дней шесть, между тѣмъ хадылъ я спробою къ моимъ высокимъ молостивцамъ къ Степану Федоровичу Апраксину, и къ Петру Спиридоновичу Суморукову, оны оба меня обнадежили что по челобитной моей о вызволеніи отца моего въ первомъ собраніи въ коллегіи не оставятъ учинить подлежащее рассмотренные.

По мынованіи уже семь дней уведомыся я что завтра во вторникъ будетъ въ коллегіи собраніе, для чего поспешилъ я въ тотъ день поранше въ коллегію, и сталъ тамъ на такомъ мѣстѣ и гдебъ меня господа мымоходомъ могли видѣть.

Оны въ тотъ день въ присудствіи сидѣлы поменше преждныхъ дней, и при выходѣ Степанъ Федоровичъ какъ меня увидѣлъ, то проговорилъ ко мнѣ понемецки, чтобы я не скорбылъ ваше де дѣло сегодня слушано, я ему поклоняся благодарилъ.

Я потомъ пашоль къ секретарю спрашивать о резолюціи, на что отвѣчаетъ что по челобитной моей есть приказаніе чтобы написать отъ коллегіи докладъ государыни, и просить коллегію милостивѣишаго повелѣнія, дабы повелѣно было по прозбе вашей писать къ полномочному министру въ Виенѣ находящемуся о исходатайствованіи отцу вашему съ фамилиею при дворѣ цесарскомъ увольненія въ Россію.

На завтрешни день былъ я у Степана Федоровича, онъ мнѣ тоже самое сказалъ, и обнадежилъ меня чтобы я втомъ надѣялся, ходилъ потомъ и къ Петру Спиридоновичу спробою, отъ коего также получилъ хорошую надежду, что по моей прозбе докладъ будетъ написанъ.

Спустя дней шесть при полномъ собраніи въ коллегіи тотъ докладъ подписанъ и поднесенъ государыни, на что ея величество всемилостивѣише указать изволела въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, чтобы изъ оной писать Виену къ находящемуся тамо полномочному министру графу Кейзерлингу о исходатайствованіи отцу моему съ фамилиею въ Россію отпуска, съ прописаньемъ резоновъ, яко я сянъ его съ дозволеньемъ двора цесарскаго выехалъ въ Россію, а отецъ мой остался тамъ съ малолетними дѣтмы, и что обе стороны остаютца одна по другой по разлукѣ въ великомъ сожаленіи, для чего полно-

мочни министеръ, чтобы употребилъ свое стараніе о такомъ увольненіи отцу моему въ Россію.

Сие именное повелѣніе въ коллегію иностранныхъ дѣлъ възнесено и потому стали отъправление дѣлать, я туда всякой день хадылъ и просилъ, бывалъ также часто у вице—канцлера графа Воронцова просилъ его, онъ былъ господынъ весьма ласкавой обещалъ, что вскорости отъправлено будетъ, и что еще и онъ отъ себя къ полномочному министру писать будетъ, обнадеживалъ меня своею милостію, и чтобы я до своего времени имѣлъ терпѣніе.

Минуеть уже дней десеть моего въ коллегію иностранныхъ дѣлъ хожденія и дождался того дня, въ которой мое дѣло отъправлено будетъ, мнѣ сказано что курьеръ нарочны едетъ въ Виену, которой тутже въ коллегіи случился, спрашиваю я его когда отъезжаетъ и можетлы отъ меня писма взять съ собою въ Виену, на что отвечалъ что отъездъ его будетъ завтра съ полдня въ четвертомъ часу, а писма говорить курьеръ, ежелы оныя идутъ на посолски дворъ въ Виену, то лучше будетъ когда поутру рано принесете ихъ сюда въ коллегію и попросите оберъ секретаря, чтобы вложить въ большой пакетъ, где и другіе партикулярніе писма кладутъ, я скоряе пашоль на квартиру, пишу писмо къ отцу моему уведомляю его тѣмъ, что я нахожусь въ Петербургѣ, и что исходатайствовалъ такую о увольненіи его резолюцію, и что о томъ писано въ Виену къ полномочному министру и что въскоре пашпортъ о выходе въ Россію получить будетъ, а другое писмо пишу я къ господину легаціонсѣ секретарю Волкову, ибо Чернева уже тамъ въ Виенѣ, нѣтъ а прешоль по указу въ Царяжъ къ тамошнѣму посолству.

Въ тоже писмо что къ Волкову вложилъ я и оное, что къ отцу моему пишу съ адресомъ въ то место где онъ находится, и прошу Волкова чтобы отдалъ на почту, а также просилъ я Волкова и о томъ что когда пашпортъ отцу моему видетъ, чтобы отослать въ городъ Петроварадинъ къ нему, где онъ тогда находился.

Во всемъ томъ зделался успѣхъ по желанію нашему, господинъ полномочни пасоль графъ Кейзерлингъ по рескрипту писанному къ нему изъ иностраной коллегіи приложилъ свое стараніе чрезъ тамошнѣго канцлера, и пашпортъ отцу моему о свободномъ съ фамиліею въ Россію выходе изъходатайствовалъ, и отосланъ по команде тамошнѣй въ Петербургадинъ къ тамошнѣму оберъ коменданту генералу

баронъ фонъ Елфенрейху (о коемъ я въ первой части моей повести упоминалъ) съ повеленіемъ, чтобъ онаго отцу моему въручить.

А до присылки туда пашпорта, отецъ мой получилъ по почте присланое ему отъ господина Волкова мое письмо и уже онъ былъ обо всѣмъ сведомъ, но никому того необъявлялъ а содержалъ у себя въ болшомъ секретѣ, и спустя потомъ мѣсяцъ послалъ за отцемъ моимъ тамошны оберъ комендантъ, (о коемъ више сказано), требуетъ его къ себе, хотя сие и предвещало о благополучномъ успѣхѣ известнаго уже дѣла, но однако отецъ мой, какъ онъ потомъ мнѣ пресказивалъ, о такомъ повелѣніи чтобъ ему въ крепость явитца посумнѣвался жестоко, а тѣмъ болше что посланной за нимъ отъ артилеріи сержантъ не хотѣлъ безъ него назадъ итуть (крепость Петроварадинъ лежитъ на правомъ берегу реки Дуная, а на левомъ напротивъ оной, лежитъ городъ Петроварадински шанецъ преименованъ Новы Садъ, или по-немецки die statt Neysatz, въ которомъ отецъ мой пребываніе свое имѣлъ).

Отецъ мой по такой за нимъ сержанта отъ артилеріи посланке въпалъ въ великое сумнительство, ибо сіи люде ежели за кѣмъ пошлютца бываетъ двойко, первое изъ почесты, а другое по какому либо несчастію, такъ тогда и отецъ мой болшь думалъ къ несчастію нежелъ къ приятности, понеже вто время некоторые изъ нашихъ Сербовъ по тогдашнѣй учинѣнной отъ двора царскаго къ выходе въ Россию строгой публикаціи были въ ихъ намереніи изъобличены чрезъ что пострадали, что и подало отцу моему притчину боятца и жестоко было испужался, воображая что какая ни есть въ полученіи пашпорта учинилась остановка или и вовсе невозможность, и тѣмъ осталось известно что онъ въ Россию выехать желаетъ; и что конечно потому его въ крепость требуютъ, ибо онъ того не зналъ что пашпортъ къ нему чрезъ тамошную команду пришлѣтца, а ожидалъ онаго получить чрезъ почту или чрезъ какую другую оказію, а какъ посланой за нимъ итуть самъ одинъ назадъ не хотѣлъ, то ужъ отецъ мой будучи страхомъ великимъ обнять привужденъ съ тѣмъ за нимъ посланнымъ итуть въ крепость, и явитца у оберъ коменданта.

Оберъ-комендантъ, зная моего отца весьма коротко, встречаетъ его словами говорить, что вы господинъ Пишчевичъ хатите въ Россию итуть, на сей запросъ отвечаетъ отецъ мой что нѣтъ и не знаетъ, тогда сказалъ оберъ-комендантъ какъ не знаешь вотде и пашпортъ вашъ присланъ, отецъ мой не видитъ еще пашпорта посумнѣ-

вался, не делаетцаль наднимъ какое искушение, отвѣчаетъ вторително своимъ незнаниемъ упомянувъ при томъ что разве сямъ мой, каторой отъ двора здешняго уволенъ и таперъ находитца въ Россіи самъ собою не просиллы о моемъ увольненіи, а яде говорилъ онъ ничево не знаю.

Тогда оберъ-комендантъ приказалъ принести изъ своей канцеляріи пашпортъ, отдааетъ его отцу моему сожалѣя о его отъездѣ, говорилъ что де вы напрасно свое отечество покидаете, вы здѣсь и предки ваши много служили, и во всякомъ почтеніи признаваемы были, а таперъ безъ никакой нужды отъезжаете и оставляете всю ту честь, кою здесь заслужили, въ туиѣ, разоряете самы свой домъ, и имѣние продадите въ безценокъ, и хагите въ чужемъ царстве зачинать подевою лѣта вѣновь себя заслуживать, что можетъ быть по какимъ нибудь обстоятелствамъ и неудачно вамъ будетъ, и на послѣдокъ чтобъ не сожалѣлы, а впрочемъ какъ угодно сказалъ оберъ-комендантъ, желаю вамъ счастливой путь.

Отецъ мой изъявлялъ болшь притчину своего отъезда въ томъ что я въ Россіи, и что такъ видно судьбина быть определяла, простяся у оберъ-коменданта пашоль дамой.

По полученіи пашпорта отецъ мой зачалъ продавать всео свое недвижимое имѣние и скоть, и подлино въ безценокъ, зачалъ потомъ готовитца въ дорогу съ тѣмъ намерениемъ, чтобъ еще тогожь лѣта успѣтъ выехать.

Яжъ по совершеніи всего дѣла небаавився болнѣ въ Петербургѣ отъправылся въ апрелѣ мѣсече къ своей команде къ генералу Шевичу на поселеные и прибылъ благополучно дамой, явылся къ своему генералу и указъ о производстве моемъ подаль, и потому на мой новой чинъ приведенъ къ присяге.

Весна какъ уже отъкрылась, взялся я за свое хозяйство, стало у меня по економыи воображатца о всякомъ дѣле охота и приятность, зачалъ сѣять хлѣбъ и заводить себя потребнымъ, помышлялъ и о томъ какъ отца своего принять когда приедетъ, для чего хатѣлъ пристроить еще два пакоя, однимъ словомъ ни о чемъ болше не думалъ, а толко о томъ какбы мнѣ во всемъ достигнуть и узнатъ силу что до економыи надлежить, и тѣмъ назватца хазяиномъ, но таково мое предприятие не надолго меня весельмо, а надобно было вдругъ всео бросить і итытъ туда куда судьбина ведеть, и при-

нимать на себя трудъ, прискорбые, и встречать всѣ тѣ несчастія кои для меня приуготовлены.

Съприезда моего изъ Петербурга не болѣе я тамъ на поселенію былъ какъ недельъ восемь, вотъ и указъ къ господину генералу Шевичу изъ военной коллегіи присланъ, коимъ повелѣно чтобъ немедленно меня, и адютанта Маркова, да вахмистра Крестича, и еще другихъ двухъ вахмистровъ, отъправить въ Киевъ къ господину оберъ-коменданту Костюрину, и отъколь отъправлены будемъ въ чужое государство по секретной камысіи.

Меня призвалъ генералъ Шевичъ, объявляетъ тотъ указъ и весма былъ тѣмъ недоволенъ, а я еще болшъ какъ о томъ услышиль, исчего лехко догадатца было можно, что то зделалось по требованію черногорскаго владѣици и маіора Петровича, я говорю своему генералу что ехать не хачу и что моей воли къ тому нѣтъ, и что я сталъ заводитца хазяйствомъ и экономыею на поселенію, и что я какъ поеду лышусь всего своего имущества.

Генералъ Шевичъ такому моему отъзыву былъ доволенъ и вознамерился было чтобъ меня и ту всю наряженую каманду удержать, но на тожь время онъ о томже получилъ изъ Бахмута отъ генерала Бибыкова сообщеніе, коимъ уведомляетъ что по такомужъ военной коллегіи указу надобно насъ камандированныхъ удовлетворить изъ его камысіи жалованьемъ, то и требуетъ чтобы мы мымоездомъ къ нему въ Бахмутъ явились, на сие къ Бибыкову генералъ Шевичъ и отвѣчаетъ что онъ удержалъ, и намеренъ чрезъ куръбра представить въ военную коллегію сиропысаниемъ нашей прозбы, яко мы зачалы на поселенію заводитца экономыею и строеныемъ и что нашей нѣтъ воли ехать, и что можемъ чрезъ то по нашей новости лышитца всего имущества, генералъ Бибыковъ не умедлилъ скоро къ Шевичу въ отвѣтъ напысать советуя чтобъ того недѣлать, ибо чрезъ такую остановку можетъ подвергнуть себя великому отъвѣту, и ехать конечно надобно куда велѣно, повторяя втомъ сообщеніи, чтобы насъ скоряе къ нему въ Бахмутъ отъправлять для выдачи намъ жалованья.

По сему обстоятельству и нельзя было иначе дѣлать, а должно мнѣ съ тѣми другими камандированными ехать куда велѣно о чемъ мнѣ отъ моего генерала и ордеръ данъ.

Я симъ дѣломъ оскорбился жестоко видя, что чрезъ такую путь лышусь всей моей зачатой экономыи и потѣряю всю что имѣю, для

чего вознамерился было ехать самъ адынь, а супругу свою съ маленькими дѣтми оставить въ доме тутъ напоселеную, о семъ какъ я супруге своей объявлялъ, то она, не бывъ тѣмъ даволна, говорить что ни подкакимъ выдомъ остатца после меня не хочетъ, а желаетъ чтобы конечно со мною вмѣстѣ ехать, принося въ резонъ къ возможности что и маиоръ Петровичъ свою супругу съ собою же взялъ, а кому еще что при сей оказіи можетъ видѣть своихъ оставшихъ въ Цесаріи мать, брата и сестеръ, коихъ опосля, говарила она, можетъ быть и не доведетца никогда болшъ видѣть.

Вижу я что мнѣ супругу свою отъ ее намеренія никакъ было неможно уговорить, чтобъ остатца въ доме на поселеную, принужденъ согласитца и взять ее съ собою, разпродавъ всио что было на хозяйство приуготовлено, также скоть рогатой, овци, и табунъ лошадиной, чѣмъ было къ приплоду зачало здѣлать, всио то продалъ, и приуготовилъ себя въ дорогу какъ можно полегче, зная уже какая мнѣ чрезъ горы Венгерскіе прискорбная путь будетъ, а оставилъ толко домъ непроданой, въ коего въпустылъ одного капрала для при-смотру до моего обратнаго приезда, и съ тѣмъ отъправился в свою путь.

Заехалъ я съ своею командою въ Бахмутъ, явились у генерала Бибыкова, отъ коего получили жалованные въпредъ на полгода, толко одно окладное безъ рационъ, а отътуда предъпріялы дорогу въ Киевъ.

Изъ Киева отъправляетъ насъ господинъ оберъ-комендагъ Костюринъ за границу съ повелениемъ, чтобы намъ всѣмъ ехать просто чрезъ Польшу въ Цесарию, и явитца уполномочнаго россійскаго посла графа Кейзерлинга тамо въ столичномъ городѣ Виенѣ находящагося, отъ коего что далѣ предпріянуть дано будетъ мнѣ повелѣніе; а при семъ господинъ оберъ-комендантъ Костюринъ выдаетъ намъ на проездъ по указу сенатскому денги, мнѣ наровнѣ съ адютантомъ каждому по двѣсти, а вахтъмейстрамъ каждому по сту рублей.

Но какому несходству докладиваю я господину оберъ-коменданту что я по моему штабъ-офицерскому чину и чрезъ такъ далнюю путь съ двести рублями не могу вытить наконецъ, и принужденъ буду разоритца и войтытъ въ долги, онъ на то отвечалъ что такъ указомъ предписано и что онъ самъ собою не можетъ никакой болше прибавки учинить, и даетъ мнѣ ордеръ съ приложениемъ при ономъ

о свободномъ нашемъ до Виены проездѣ изъ киевской губернской канцеляріи пашпортъ.

По сему докладываю я господину оберъ-коменданту, изъясняя о такомъ пашпорте что мнѣ со онымъ нельзя будетъ проехать до Виены, и сказываю какіе въ Венгріи и въ Цесаріи строгосты и что для такова дальнѣго чрезъ чужіе госуларства пути и проезда надобно мнѣ необходимо имѣть пашпортъ отъ иностраной коллегіи съ государственною печатью, а инаково проѣхать мнѣ будетъ невозможно.

На сей мой докладъ господинъ оберъ-комендантъ не былъ доволенъ и говорить что де губерныя киевская вездѣ есть известна, и потому конечно и в Цесаріи объ ней знаютъ и я чтобъ ехалъ съ тѣмъ пашпортомъ въ свою дарогу.

И тако принужденъ я былъ съ такимъ отъправленнымъ изъ Кіева выехать, и вступивши въ Польшу чрезъ всю дарогу были мнѣ давольно отъ Поляковъ препоны, какъ онѣ тогда въ великой силы почитали себя, и проежимъ російскимъ ни мало приятства а болше грубосты оказывалы, какъ и меня съ командою на многихъ мѣстахъ что останавливалы, экипажъ нашъ прекидивалы, пошлины требовалы, и на другихъ мѣстахъ мостовые денгы и тому подобное, чрезъ что лышние остановки и затруднены случалысь, покудова напоследокъ едва до границы Венгерской доехалы.

Въехавши мы въ Венгрію на первомъ карауле, где таможенные осмотръ дѣлають, насъ своимъ порядкомъ осмотрѣлы, и какъ я съ ними умѣлъ говорить и сказался російскимъ маноромъ и что еду въ Виену въ нашему російскому послу по дѣлу важному, то послужило счастье такъ что насъ пропустилы.

Я тотже день въ вечеру встрѣтылъ отца моего едущаго съ мачихою моею и с детьми со всѣмъ въ Россію, мы ночевалы вмѣстѣ въ одной случившейся по большой дороге между горами, карчме, онъ мнѣ пресказывалъ обо всемъ томъ, что снимъ дѣлалось при полученіи пашпорта, о чемъ я више говорилъ; провѣлы мы всю почти ночь въ разныхъ разговорахъ, онъ мнѣ между прочимъ сказалъ и о той черногорской камысіи, что едвалы изъ того чему хорошему быть, и что майоръ Петровичъ приежалъ въ Петербурдинъ, где супруга его заболѣла и умерла, а онъ потомъ поехалъ къ Венецианской границе въ Цесарской тамо состоящи городъ Триестъ, поутру я простяеъ съ отцомъ моимъ далъ ему маршрутъ до Кіева, онъ доехалъ къ границе Польской, а я во внутрь Венгріи.

Предо мною и вокругъ меня показались уже тѣ превеличайшія горы и стены каменные, чрезъ которые мнѣ пребыратца надобно, и такою прискорбною дорогою ехалъ четыре дни, чрезъ разные села и деревны безъ никакой остановки, и проехалъ на пятомъ дню городъ Еперьешъ, за которымъ, отѣхавши мыли две какъ уже вечеръ наступила, остановился въ адномъ селѣ въ тамошней карчме ночевать.

А поутру какъ я всталъ и зачалъ слуге лошадей къ упражке готовить и возы и карету подмазывать, тогда пришолъ ко мнѣ человекъ незнакомой изъ тамошнихъ людей спрашиваетъ у меня пашпорта, и отъкозь и куда еду и кто я таковъ, и где границу преехалъ, я напротиво его запросовъ спрашиваю также, кто онъ таковъ и какая ему надобность о всемъ томъ знать чего онъ спрашиваетъ, онъ на то отвечаетъ что онъ есть изъ пограничныхъ надсмотрщиковъ чиновной человекъ, и что его прислалъ пограничны генераль камысаръ графъ Старай меня о томъ спрашивать и пашпорта требовать.

Я ему на то требованые сказалъ что я есмь росіійской службы майоръ, и что еду въ столичны городъ Виену, къ находящемуся тамо нашему полномочному росіійскому мынистру по дѣлу важному съ командою при мнѣ находящеюся, и показываю ему тотъ пашпортъ данной мнѣ изъ киевской губернской канцеляріи, а границу преехалъ на такомто местѣ.

Сей посланой показался мнѣ грубаго вида, потому что безъ всякой уваги о посолстве своемъ со мною говорилъ, и хочеть мой пашпортъ отъ меня взять и носить къ своему камысару, въ городъ Кашау, разстояниемъ отътедь съ небольшимъ две мыли.

На таково требованые я ему пашпорта самому не отдалъ, а хотѣлъ ехать въ свою путь далѣ, и говорю ему что городъ Кашау есть въ переды преднамы, и я тамъ на попасъ останавлюсь, такъ вы можете с намы вмѣстѣ ехать, и тамъ пашпортъ мой вашему камысару представить.

Онъ на тѣ мои слова отвѣчаетъ грубо и говоритъ, что ти далѣ ехать отъсюдова не можешъ, покудова твой пашпортъ господинъ камысаръ не увидить, и онъ дозвольти далѣ ехать или нѣтъ того не знаетъ, а буде я сопротивлятца стану, то указавъ онъ мнѣ приехавшихъ с нимъ пограничныхъ оружейныхъ караулициковъ шесть человекъ, говоритъ что я тебя далѣ ехать не допущу и вотъ караульныхъ къ тебѣ приставлю, и требуетъ пашпорта.

Вижу я что встреча сѣя предвещаетъ чѣмъ нибудь да быть худому, принужденъ былъ послать съ нымъ моего адного вахтмейстера съ пашпортомъ къ его камысару и на томъ мѣстѣ ожидать, покуда вахтмейстеръ мой возвратитца назадъ.

Тотже день подвечеръ едетъ мой вахтмейстеръ съ тѣмже пограничнымъ чиновникъ ко мнѣ назадъ, и сказиваетъ мой вахтмейстеръ, что пашпортъ удержалъ камысаръ у себя съ обьявленіемъ, что онъ тотъ пашпортъ къ своей каманде отошлѣтъ въ Виену, а впротчемъ не знаю говорилъ вахтмейстеръ, что онъ еще сему приехавшему со мною приказивалъ.

Я сего приехавшего чиновнаго спрашиваю, что запричина что камысаръ пашпортъ мой у себя удержалъ и мнѣ въ пути моемъ сделалъ остановку, онъ отвѣчаетъ что де твой пашпортъ есть сумнительный, и писанъ неизвестнымъ намъ языкомъ и безъ печати государственной, ежели то правда какъ ти говоришь что ты есть маіоръ російской, да и границу где преехалъ неизвестно и не можетъ быть вероятно, чгобъ ти на томъ мѣстѣ прошолъ о коемъ ти упоминалъ, ибо тамъ долженбы ти быть остановленъ и держать карантинъ.

Сколко я сего грубияна ни уверялъ, что я точно на такомъ мѣстѣ по большой дороге чрезъ границу проехалъ и что меня тамо свидѣтельствовали и пропустили, а о карантинѣ что принадлежитъ говорю я ему, ежели бы у васъ по границе въ томъ учрежденіе и повелѣніе были, то бы конечно тамъ меня удержали и не пропустили бы меня безъ того, а здѣсь меня говорю я для карантина въехавшаго уже во внутръ земли какой резонъ имѣете удерживать, а ежели о моемъ чрезъ границу проездѣ имѣете какое сумнительство, то хотъ послать туда на тотъ пропускъ справитца.

Однако сей чиновной моихъ словъ немного слушалъ и въ резонъ ничего не принявъ, отвѣчаетъ мнѣ, ти говори сколько хочешь а я буду то дѣлать что мнѣ приказано, онъ приставилъ ко мнѣ тѣхъ караульщиковъ и еще приведшихъ съ собою адного ундеръ-афицера и адного редоваго, приобща къ тѣмъ первымъ всего восемь человекъ меня и подкомандныхъ моихъ тутже на томъ мѣстѣ заарестовалъ, поставивъ часовыхъ при возахъ и у моихъ дверей съ приказаніемъ чгобъ меня и моихъ подкомандныхъ никуда со двора ходить не допускать, причѣмъ и втомъ селѣ началнику приказъ отъдалъ, чгобъ на ночной караулъ давать въ прибавокъ еще по четыре человекъ мужиковъ.

Сне учредивши тотъ чиновной уехалъ неизвестно мнѣ куда, а я съ подкомандными своими остался подъ арестомъ.

Тотъ день минулъ на томъ такъ, а на завтра взялся я писать къ нашему полномочному послу рапортъ въ Виену, изъяснилъ всю обстоятельство которое сонною случилось, запечаталъ конвертъ и напысалъ на ономъ съверху по французски адресъ; упросилъ адного караульнаго чтобъ позвать ко мнѣ почтмейстера въ томъ селѣ состоящаго, онъ былъ столко учтивъ что по прозбе моей тотъчасъ пришолъ, хотя онъ и былъ природою Венгеръ, но говорить умѣлъ и по немецки, пришедъ ко мнѣ съ учтивостію спрашиваетъ что я ему приказаать имѣю.

Я отвечаю ему благодаря за то что пожаловалъ ко мнѣ притытъ, и объявляю о всемъ томъ что сонною случилось и какъ арестованъ, при чемъ подаю ему конвертъ что къ послу, и прошу чтобъ принялъ и отыправилбы по почтѣ въ Виену, и далбы мнѣ въ приеме росписку, притомъ и другой конвертъ подаю ему что пишу къ состоящему въ городе Такае майору Жолобову, которой обретаецца тамо у покупки венгерскихъ винъ ко двору нашему, (о семъ маіоре писалъ я и въ первой часты сей моей повесты).

Почтмейстеръ принявъ оба тѣ мои конверта далъ въ приеме росписку, говоритъ что де сей наступившей ночи почта въ Виену отъезжаетъ, а другая завтра въ Такай, обнадеживъ притомъ меня что сіи конверты верни туда дойдутъ, и с тѣмъ пашолъ отъ меня прочъ.

Караульщики мои такъ меня стеснили, что со двора никуда и проходитца мнѣ не дають, и когда изъ горницы выду то тотъчасъ и приставъ за мною ходять и прилежно за мною смотрять, у меняжъ запасу для пици себе и людамъ также и для лошадей ничего нѣтъ и надобно тутъ у хозяина въ три дарого братъ на щотъ свой, просилъ я чтобъ дозволить мнѣ лошадей въ полѣ пустытъ, а также чтобъ кое чего съестного испупытъ въ городъ своего человека послать, однако караульщики ни одно ни другое не дозволяя, о чемъ хазяинъ весьма старался и караульщиковъ поилъ чтобъ недозволятъ, дабы я принужденъ былъ всю потребное у ево покупать и тако въ томъ положеныи прошло восемь дней.

А на девятый день какъ я после обеда прохаживалъ по двору слышу что почталионъ по болшей дароге отъ стороны Такайской трукыть въ рожокъ и крепко въ почтовой калясочке лошадей поганяеть,

и подъехавши просто къ той карчме где я подкарауломъ содержусь, остановылся, вижу я что человекъ сидитъ на колясочке въ плаще, весь запылался, къ кобму подошолъ караулной ундеръ-офицеръ спрашивать; онъ тогъчасъ снялъ съ себя плащъ, выходитъ изъ колясочки въ нашемъ російскомъ кавалерискомъ мундире, коего я узналъ по нашивномъ на абшлагахъ позументе, что вахмистръ и надобно ему быть изъ Токая, позвалъ я его къ себе, спрашиваю отъкуда едетъ и куда, онъ отвечаегъ что изъ Токаю толко до сего места посланъ къ нашему російскому маіору, здесь содержашемуся подъ арестомъ, и какъ узналъ что со мною говорить, снялъ съ головы шляпу поклонился, винимаетъ изъ сумки письмо отъ маіора Жолобова подаетъ мнѣ.

Караульщики все подскочили слушать, что вахтмейстеръ со мною будетъ говорить, а какъ наши слова были по руски, то оны не могли разуметь отошли въ сторону, а я възявши письмо позвалъ вахтмейстера съ собою въ горницу, вахтмейстеръ свидѣтельствуегъ мнѣ поклонъ отъ маіора Жолобова сказуегъ, что де и самъ господинъ маворъ, какъ наше письмо получилъ, хотѣлъ сюда къ вамъ приехать, но что боленъ на ногу и не можетъ одѣтца, для того де меня сюда съ писмомъ прислалъ.

Потомъ распечаталъ я письмо и вижу то самое написано что и вахтмейстеръ говорить, что маіоръ Жолобовъ хотѣлъ самъ ко мнѣ приехать, но по причине болезни не можетъ, а также пишетъ что онъ о приключившимся со мною писалъ въ Виену господину послу.

Тотъ день удержалъ я вахтмистра у себя, и писалъ къ маіору Жолобову письмо, а на завтра отъправилъ его обратно.

Спустя потомъ дня три приходитъ ко мнѣ почтмейстеръ съ визитомъ, седелъ у меня долго, и между разговорами пресказываетъ мнѣ что онъ вчерашны день былъ въ крепосты Кашау и у того пограничнаго комысара графа Старай, которой де таперъ самъ не радъ что онъ здѣлалъ и васъ удержалъ, видя что вы писали къ вашему російскому послу въ Виену, а также извѣстно уже въ городѣ и то что къ вамъ нарочны присиланъ изъ Токая, то ужъ и веритъ онъ таперъ, что вы точно такова чина есте, каковымъ вы себя объявили и что вы російской службы, о чемъ онъ прежде сумнѣвался, а темъ болше что пашпортъ вашъ писанъ неизвестнымъ ему языкомъ и безъ государственной печати, что и подао ему притчину сумнѣнья, и не подъ видомъ лы російскихъ пробрался чрезъ границу кто другой отъ стороны намъ противной, какде въ недавнѣ и случилось, что отъ

прускаго короля были посланы и пробралысь во внутрь Венгріи тайно для возбунтованья калвиновъ и лютеровъ, дабы тѣмъ при нонѣшнѣй съ нами войнѣ могъ воспользоватца, что и отъкрылось, и тѣ посланные словлены, почему отъ вышшого места секретные повелѣнія къ намъ пограничнымъ камысарамъ присланы, о крепкомъ по граныце смотре-ніи, дабы никто не могъ тайно во внутрь Венгріи пробратца, а ко явно идутъ и люде незнакомые и въ нихъ предъвидитца какое сумни-тельство таковыхъ удерживать, для чего де я пресказываетъ почтмей-стеръ слова камысаровы и съ симъ господиномъ такъ зделалъ и оста-новылъ его подъ видомъ выдержанья карантина, а пашпортъ его ото-слалъ къ главной каманде, почему уже таперъ инаково и нельзя зделать а должно ожидать резолюціи.

При сихъ разговорахъ сказываетъ еще почтмейстеръ, что въ го-роде комендантъ о той учинѣной отъ камысара поступке, что меня удержалъ въехавшаго уже во внутрь земли, весьма дивуетца и гово-ритде комендантъ, какъ таперъ російская армия идетъ намъ на помощь противъ Пруска, и между нашими и російскимъ дворами есть алы-янция, то де пограничной господинъ камысаръ за то великую беду будетъ имѣть.

Прошло потомъ еще несколько дней, слышу я, что тотъ погра-нични камысаръ графъ Старай приехалъ въ свою деревню, состоящую отъ того места где я арестованъ въ польмыли разстояниемъ, немного отъ большой дароге въ сторонѣ гдѣ дворъ большой каменной и садъ хорошей имѣеть, посилаетъ онъ аднѣмъ днемъ подъ вечеръ ко мнѣ адного своего чиновного съ визитомъ, объявляетъ мнѣ отъ своего господина графа комплиментъ, и что проситъ графъ на завтрешний день меня къ себе обедать, я сему посланому отъвечалъ, что благо-дарю господину графу за присланой его визитъ, а обедать къ нему говорю я быть не могу, по притчине что я нездоровъ.

Посланой сей съ тѣмъ моимъ отъветомъ нашолъ отъ меня, а на завтре въ часу девятомъ по утру едетъ ко мнѣ графскій сынъ мал-чикъ летъ восемнатцаты, одѣтъ хорошо и видно что и воспитанья хорошого, оказалъ себя весьма учтиво, говорилъ по-венгерски а по-томъ и по-немецки, представляя свое посолство, что батюшка его весьма желаетъ со мною видѣтца и проситъ, чтобъ его усчастливить на се-воднѣшнимъ день быть у его на обеду, какде и вчера съ такою прозбою онъ къ вамъ присилалъ.

Я сколко ны отгаваривался что не здоровъ и быть туда не могу, однакъ сей мальчикъ такъ приятнымъ выдомъ и словами просителными

увертивался около меня, что напоследокъ разсудилъ и поехать къ нему, не столко для обеда, а болше для того чтобъ сего господина видѣть и узнать, причежь будетъ случай о томъ что онъ мнѣ сделалъ съ нѣмъ преговорить, и потому согласился и сказалъ графскому сыну что буду.

Онъ бывъ тѣмъ доволенъ отклонясь у меня поспешалъ ехать обратно, приказываетъ своему вершнику, каторой съ нымъ приехалъ, чтобъ тутъ остался и меня ко двору проводить, а самъ селъ въ свой полукаретокъ поехалъ къ отцу своему.

Тотчасъ приказалъ я карету мою очистить и обтереть съ нее пылъ и заложить лошадей, между тѣмъ одѣлся я въ свой новой мундиръ, велѣлъ и слугамъ одѣтца также въ новые мундиры, взялъ съ собою адютанта Маркова, поехали съ целымъ нарядомъ къ графу на дворъ.

Онъ видно изъ своего двора увидѣлъ насъ чрезъ окошко, что мы ужъ на дворъ въехали, то встрѣтилъ меня на крыльце онъ самъ съ двумя своими синами, показывая приятной видъ изъясняя великое свое удовольствие въ томъ, что я не оставилъ его прозбы и приехалъ къ нему обедать, потомъ повелъ меня далѣ во внутрь своихъ пакоевъ, представляетъ къ своей супруге графинѣ и двумъ дочерямъ своимъ, кои еще девыци были.

Посадила меня графиня возлѣ себя на канапеи, продолжала разговоры свои со мною на немецкомъ языке, не зная ничего о томъ что я родымецъ той же земли, а считаетъ меня природнымъ русскимъ человекомъ, а и я также ны мало приметы не подаю, что я прежде былъ въ австрискон службѣ и что родился въ Славонии, а говорю такъ на ее запросъ что русской природной.

Оны дивовались нашему рускому языку, когда я что съ адютантомъ Марковымъ говорю: Марковъ былъ природный изъ Украины въ Малой Россіи, а служилъ въ гусарскихъ старихъ полкахъ прежде нежели на поселены къ Шевичу определенъ, и довелось ему въ первое тогда Венгрію и Цесарию видѣть. А болше всего чудно графинѣ показалось о моемъ въ разговорахъ съ нею немецкомъ языке, и не хотѣла тому сперва верить чтобъ я не былъ Немецъ, но какъ я ее уверилъ что я природной Руской, а языкъ немецкий говорилъ я ей что училъ и не есть мой природный, она на то отвечаетъ, мы де по ся поры какъ таперъ я выжу о російскихъ людяхъ никакова понятія не имѣлы, а считалы де мы обь ныхъ совсѣмъ инаково.

Спрашиваетъ графиня о дамахъ въ Россіи и о убранствѣ и обхожденіи, даже и то спрашивала умѣютли танцевать европѣйскіе танцы, на что какъ я ей подробно обо всѣмъ пресказалъ, а особливо что и какъ при дворе нашемъ есть, и не токмо что дамы россійскіе танцовать умѣютъ и убираютца по модѣ европейской самымъ лучшимъ убранствомъ, но и всякіе европейскіе языки разумѣютъ и говорятъ.

Графиня прилежно выслушала мои слова, стала шутѣть, поворотясь къ мужу своему говорить, вотъ видишь что не весь светъ толко здесь у насъ въ Венгріи, я де какъ таперь слышу и возбудилось во мнѣ желаніе, тобы хоть севодня готова поехать въ Россію и тотъ край повидѣть.

Графъ во все время нашего разговора молчалъ, и прилежно смотрѣлъ на меня, а потомъ говорить къ графинѣ, яде думаю что при всѣхъ тѣхъ разговорахъ надобно гостѣй еще до обеда попотчевать, онъ всталъ и пашолъ въ другой пакой, и мало погодя принесли слуги на подносахъ, на одномъ две великіе рюмки водки, а на другомъ нарезаной хлебъ и сирь, и подносятъ ко мнѣ тѣ рюмки съ водкою, вижу я что то есть умышлено зделано, зная ихъ обычай что оны такъ великіими рюмками никогда водку не пьютъ, да и на тотъ часть не поднесено ни графу, ни графинѣ а толко намъ двумъ мнѣ да адютанту, для чего я не принялъ ни одной и пить не хатѣлъ графъ тутъ было подошолъ взялъ отъ слуги подносъ и говорить, чтожь, это не извольте выкушать, я ему отвѣчаю что для меня порція слишкомъ велика и пить не могу, онъ сталъ намагатца повторяя прозбу чтобъ выкушать, однако я отказался, и говорю смеючись давнолъ у васъ такой обычай сталъ, чтобъ такими большыми рюмками водку пить какъ мы слышмы, что въ Венгріи у господъ такова обычая не бывало, и тако обе тѣ рюмки понесли назадъ.

Между тѣмъ сказано что на столѣ ужо блюда поставлены, я всталъ и взялъ графиню за руку, она говорить я де буду васъ проводить, вошли мы въ залъ где приуготовлено было къ обеду, сели за столъ я между графинѣю и старшою дочерью сѣлъ, у насъ за обѣдомъ были разные разговоры, а потомъ вставши иза стола пашимъ въ тотже пакой где и прежде были и потомъ поднесли намъ коффы.

После того зачалъ графъ говорить, какъ много онъ сожалѣеть о томъ что со мною такъ восносѣдовало и что ему не можно было иначе зделать по притчинѣ строгихъ отъ вышшаго места о сохра-

неніи пограничности повелѣныевъ, и что карантинъ должно мнѣ выдержать, но что я не на форпосте на границе остановленъ, а пропущенъ и потому ужь здесь удержанъ, о томде тотъ форпостный офицеръ подверженъ суду, а обвасде говорилъ графъ я въ подлежащее место представилъ и надѣюсь что въ скоросты и резолюция будеть, изъвыняясь притомъ чтобы на него за то не имѣть злой воли.

Я на сіи изговореніи сказалъ ему во отвѣтъ коротко, говорю, что что вы государь мой извольте говорить, претворяя будто по резону карантина я здесь удержанъ, то естлы меня по какимъ поветршиимъ имѣете сумнительнымъ, а севодня какъ я въ вашемъ доме надожусь и у васъ обедаю, то и должно вамъ со всею вашею фамиліею со мною вмѣстѣ быть въ карантинѣ.

Чтожь до того вашего форпостнаго офицера привадлежитъ, каторой меня пропустилъ, то онъ ни мало въ томъ обвинѣнъ бытъ не можетъ, ибо у васъ по границы естлибы были о держаніи прожжающимъ карантина какие повелѣныи, то бы конечно меня тамъ удержалы, и какъ сего ничего нѣтъ, то какой резонъ вы имѣлы меня во внутрь земли въехавшаго подъ видомъ карантина удержать и на такомъ мѣстѣ, где никакова на то учрежденія и заставы не состоитъ; также говорилъ я ежелибы и по моему пашпорту, какъ вы о томъ прежде говорили что неизвестнымъ языкомъ оной писанъ и тѣмъ призналы вы меня сумнительнымъ, то надлежало жогда не имѣете другова переводчика, призвать толко изъ окружныхъ здѣсь въ селахъ вашихъ уныятскихъ священниковъ, кои бы вамъ могли легко прочесть и претолковать, ако сіи ваши уныате говорилъ я грамату російскаго языка давольно знаютъ и на російскихъ книгахъ службу въ церквахъ отправляютъ, и потомубы вы узнать могли, что пашпортъ мой естъ справедливъ. Съверхъ же того вамъ въ доказательство, когда бы я и по другому какому резону показался вамъ сумнительнымъ, то бы я публично и по болшей дароге такъ не ехалъ, а то видно господинъ графъ говорилъ я ему, что вы самы собою такъ со мною захотѣлы зделать и меня арестовалы, а такой крепкой караулъ ко мнѣ приставленъ, каторой по приказанью вашему меня никуда со двора вытѣтъ не дозволяетъ, да и покупки потребниѣ мнѣ, послать куди въ деревню или въ городъ запрещають, и я въ семъ вашемъ заточеніи терплю такую строгость вотъ ужь три недели.

Онъ какъ выразумѣлъ изъ словъ моихъ о такой строгосты караула зделался, якобы ничего о томъ не знаетъ и обвиняетъ того, котораго онъ первее за пашпортомъ ко мнѣ прислалъ, и что конечно

не оставить онаго за то штрафовать, и приказывает тутъ одному изъ своихъ подкомандныхъ, чтобы тотчасъ караульныхъ снять, а оставить только четыре человека для ночнаго времени, въ томъ будто разуме, дабы иногда изъ проежающихъ кто не могъ учинить мнѣ какой обиды.

На сие приказанье говорю я, что вы напрасно господинъ графъ такову политику таперъ употребляете, хотя бы вы и весь свой карауль снять велѣли, то я однако съ того места где удержанъ не выеду, покуда на то отъ своего начальства не получу повелѣнья.

Послѣ сихъ нашихъ съ графомъ переговоровъ немного я уже съ ними быть хатѣль, приказалъ слуге своему чтобы карета подъехала, отклонясь графинѣ и ее дочерямъ, также и графу слова учтивые сказалъ и поблагодаря за ихъ угощенье, говорю что не могу болшъ бавитца, а спешу яко арестантъ къ своему месту, и съ тѣмъ селъ въ карету и поехалъ.

Сей господинъ бавился въ томъ своемъ доме еще дня четыре и два раза между тѣмъ ко мнѣ синовъ своихъ съ визитами прислалъ съ прозбою, чтобы я еще къ нему побуваъ, но я болшъ не поехалъ.

На четвертой неделѣ моего ареста получилъ чрезъ почту изъ Виены отъ нашего полномочнаго мынистра писмо, коимъ даетъ мнѣ знать, чтобы я заключеннымъ учинѣннаго мнѣ ареста имѣлъ на некоторое время терпѣнье, покуда онъ о томъ доложить ея величеству королевѣ и что не останетца то дѣло безъ заключеня.

А затѣмъ терпѣлъ я тотъ арестъ еще три недели, напоследокъ прислалъ ко мнѣ господинъ пасолъ по почте конвертъ большой и въ вѣмъ писмо, съ приложениемъ отъ двора цесарскаго о свободномъ моемъ проездѣ пашпортъ съ государственною печатью, а всего продолжался мой арестъ на томъ местѣ ровно семь недѣль, таперъ же надобно ехать и приуготовить себя другіе несчастливые случаи вѣстречать.

Господинъ нашъ полномочни пасолъ графъ Кейзерлингъ пишетъ и приказываетъ мнѣ, чтобы я ехалъ просто въ Петербурдинъ, и тамъ бы ожидалъ далшаго повелѣння, а что я терпѣлъ арестъ, о томъ уведомляетъ господинъ пасолъ, что оному пограничному камысару велѣно прибыть въ Виену къ отвѣту.

Я получа таково повелѣнне сталъ тотчасъ готовытца къ отъезду, а караульщики мои то видя, немедленно одинъ изъ ныхъ поскакалъ по

почте рапортовать, я тотъ день совѣмъ въклялся экипажемъ въ возы, и приказалъ и своимъ подкоманднымъ быть готовымъ, чтобы завтре поранѣ выехать могли, между тѣмъ по утру рано приехалъ адынъ изъ подчинѣнныхъ того графа Старай, несетъ ко мнѣ также другой пашпортъ писаной на латинскомъ языке, объявляя что де гор сподинъ графъ хотя еще и не имѣетъ на его объ васъ представленныя резолюціи, но слиша что вы повелѣныя получили отъ вашего господина посла изъ Виены чтобы отъселя выехать, то де господинъ графъ уважая сие не делаетъ вамъ далѣ въ томъ предѣтствія, для чего и прислалъ о свободномъ вашемъ чрезъ Венгрію проездѣ сей пашпортъ.

На то отвечалъ я что вашего графа пашпортъ у меня ничто не значить и мнѣ онаго не надобно, и говорю вотъ каковъ пашпортъ я имѣю, показавъ отъ цесарскаго двора мнѣ присланой, скопѣ я и отъезжаю.

Потомъ расплатился я съ хазяиномъ за всемо то что у него бралъ, что меня великихъ денегъ стоило.

И тако я отътуда выехалъ, приказавъ и всѣмъ своимъ за мною ехать, кои уже и совѣмъ готовы были и на улыще у нихъ и возы стоялы, отъехавши я мылю одну остановился, вижу что вахтмейстера Крестича за мною съ ево повоскою нѣтъ, спрашиваю другихъ, где онъ и для чего не всѣ въместѣ за мною выехали, на то отвечаютъ мнѣ другіе, что де онъ садился въ повоску какъ мы поехали и надобно ему скоро бытъ, я паехалъ далѣ и отъехавъ еще мылю одну остановился, спрашиваю не догналы насъ Крестычъ, на что сказалы что нѣтъ, я ужъ тутъ и подумалъ, что надобно бытъ чему нубудъ худому зная что онъ невоздержная пыяница, говорятъ мнѣ на то другіе мои что нѣтъ, севодня де онъ не былъ пыянъ, но слуга его былъ несколько подъ хмелькомъ, я тутъ на дороге еще съ четверть часа пообождалъ, и какъ онъ насъ не догналъ, то я по приближившейся ночи а притомъ что ветръ очены жестокъ былъ, не могъ болшъ на дороге стаятъ поехалъ далѣ къ городу Кашау, куда приехавши въ самую уже вечеръ остановился предъ крепостыю въ адномъ заездномъ дворе на форштатѣ, где показалъ намъ хазяинъ пакои особливые, и ужъ положылъ я на томъ что въ семъ мѣстѣ пообождать, естли вахтмейстеръ Крестичъ въ ту ночь за нами не поспѣетъ, то чтобы завтре послать назадъ искать его.

Мы послѣ ужина взяли свой пакой, и толко что я было заснулъ какъ стало въ дверы мои стучать, отъчего я разбудился слышу опять

стукъ и говоръ двухъ человекъ, всталъ я съ постелы и падошолъ къ дверямъ спрашиваю кто тамъ, на то отвѣчаютъ оба разомъ чтобы я отворилъ дѣло де есть, я сихъ обеихъ узналъ голосъ, что адинъ есть адютантъ Марковъ, а другой почтмейстеръ изъ Лемешанъ (такъ называлось то село, где я подкарауломъ содержался), исчего и могъ я заключить что то не есть попустому, а надобно быть чему нибудь худому, я отворилъ дверы и оны оба ко мнѣ вошли, и почтмейстеръ зачалъ мнѣ сказывать, что онъ изъ любви ко мнѣ прискакалъ по почте съ вестмы худимы, и что вахтмейстеръ Крестычъ убилъ своего слугу на смерть, и потому взято его тѣмы караулимы, говорилъ почтмейстеръ, что тамъ остались, подъ арестъ, положи на его железа готовилысь весты въ городъ Елсрьенъ для отъ дачи его тамо въ тюрьму, къ Земскому Суду.

Я тотъ часъ послалъ къ болшимъ отъ крепосты воротамъ къ караульному афицеру съ прозбою, чтобы отворить ворота и дозволить выехать ко мнѣ почтовымъ лошадямъ с коляскою.

Афицеръ отвѣчалъ что ключи обыкновенно по пробытіи вечерной зоры отъносятся къ коменданту, и потому воротъ отворить не можетъ, а также что уже поздняя ночь, то и коменданта онъ будить не смѣетъ, и с тѣмъ мой посланой вернулся ко мнѣ.

Посему принужденъ я въ другой разъ послать и просить хазяина своего, чтобы онъ съ моммъ посланнымъ къ тому афицеру шашолъ спрозбою, чтобы онъ хотя и поздно разбудилбы коменданта и объявилбы мою прозбу.

Сей афицеръ обещалъ то сдѣлать, но не прежде какъ въ четыре часа съ полночи, а чтобы толко ему сказать сколько лошадей надобно и втожъ время почта ко мнѣ прислана будетъ, мой посланой объявилъ что четыре лошады съ почтовою коляскою потребно, и съ тѣмъ известьемъ мой посланой съ хазяиномъ возвратилысь ко мнѣ.

Между тѣмъ покудова почта ко мнѣ изъ крепосты выедеть, какъ жестоко взяли меня мысли и болѣе спать не могъ, то зачалъ я почтмейстера спрашивать, какимъ образомъ то адѣлалось что Крестычъ слугу своего убилъ.

Онъ и зачалъ мнѣ пресказывать, говорить какъ вы поехали то и вахтмейстеръ хотѣлъ тотже часъ за вами ехать и селъ было въ повоску, но слуга его пашолъ въ ту карчму где квартера его была, сказавъ что нѣчто тамъ позабулъ, и какъ онъ долго промедлылъ, то па-

шолъ вахтмейстеръ его искать, а слуга тамъ въ карчмѣ будучи стоялъ и пилъ вино, и былъ уже слышкомъ пьянъ, и увидѣвъ идущаго къ нему вахтмейстера спалкою, побоялся видно штрафа вискочилъ вонъ и побегалъ просто улыцею ко мнѣ на дворъ, а я говорить почтмейстеръ какъ васъ выпроводимъ и стаялъ еще съ тѣми караульными на улыще, увидѣвъ что вахтмейстеръ за слугою своимъ погнался и вбежалы оба на мой дворъ, то и я съ тѣми караульными побегалы тудажъ за ними, чтобы оборонить и развестъ, и видимъ уже что вахтмейстеръ какъ догналъ слугу, быеть палкою немилосердно и потомъ схватя за волоса таскалъ и топталъ ногамы.

Мы подбѣжавъ зачалы оборонять а слуга лежалъ разпростершись ныщъ на землѣ, то думалы мы сперва что онъ крепко былъ пьянъ а притомъ и бытъ, что можетъ битъ адно и другое ево такъ обезпамятыло и лежить, но какъ прошло съ четверть часа а слуга не встаетъ, то де взямысь мы поднимать его, однакъ безъполезно и увидѣлы что ужъ мертвъ, и потому тѣ караульные тотъ часъ взяли вахтмейстера подъ арестъ, отъвели на тотъ дворъ где вы были и тамъ стали на него класть железа, и подводу готовилы везтъ его въ городъ Еперьешъ для отдачи къ Земскому Суду, а я говорить почтмейстеръ поскакалъ къ вамъ съ известьемъ.

Я выслуша всѣ слова что мнѣ почтмейстеръ пресказывалъ и какъ сей неприятные весты замешалы мнѣ голову и обнять будучи такими мислямы, то ужъ и не ложился болше и спать всю ночь не могъ, разсуждая что дѣлать и что предпринять говорю самъ въ себе, что вотъ какъ человекъ претерпѣвать долженъ въ светѣ какъ и я, что толко успѣлъ изъ адной беды вытитъ, а вдругую уже попалъ (а не знаю того что впереды меня еще ожидаетъ).

Венгерские права и судъ каковы, о томъ было мнѣ довольно сведомо и что у ныхъ законъ таковъ в чомъ кто прилыченъ въ томъ и судють и безъ далшихъ обстоятельствъ казнятъ смертно, почему я могъ и легко предвидѣтъ что мнѣ сие великаго труда и клопотъ нанесеть, а ктому еще и почтмейстеръ прибавылъ мнѣ думать, онъ говоритъ что ежелы я самъ туда не поспешу приехать и не постараюсь избавитъ вахтмейстера, то де конечно его повесють, толкуя ихъ Венгерской судъ что онъ весьма коротокъ и смерть за смерть конечно должно быть.

Въ оныхъ осадныхъ думнахъ преседѣлъ я всю ночь, и дождался уже четвертаго часа за полночь, но что изъ города почти еще

нѣтъ, то принужденъ опять къ тому афицеру посылать, и справитца будущи ворота отворены или нѣтъ, на что отвечалъ что уже приказанные есть, и что почта тотъ часъ ко мнѣ прислана будетъ, мой посланной вернулся и о томъ мнѣ сказалъ, а за тѣмъ ждалъ я еще сполъчаса, и хатѣль было опять туда къ воротамъ посылать, но какъ усляшиль почтовой рожокъ что почталионъ трубытъ, то ужъ и узналъ что едетъ, онъ въехавши на дворъ, трубытъ непрестано и тѣмъ даетъ о себѣ знать что ужъ приехалъ.

Я поспешилъ скоряе ехать, взявъ съ собою адютанта Маркова и почтмейстера, яко онъ своихъ лошадей въ вечеру едучи поутомылъ и оставляетъ тутъ чтобы покормить; ночь была очень темна и мало что дорога видна, а незнаю могуль на почталиона надѣятца, ибо по большой дороге на некоторыхъ местахъ были каменья, о чемъ спрашиваю я почтмейстера, онъ отвечаетъ что ему сей почталионъ знакомъ и что детына проворной и лошади хорошо править умѣеть, мы какъ хатѣлы въ калаяску садитца, то я говорю къ почталиону смотрижь другъ мой где худо тамъ потише, а где хорошо тамъ поспешай и даю ему сверхъ обыкновенного на вино еще два сябенценера (тритцеть четыре копки).

Мы сели и поехали чрезъ форштатъ обыкновенною рысью а потомъ какъ выехали на полѣ, говорю я почталиону поспешай другъ мой мнѣ надобно скоряе ехать, думалъ я не застануль тамо еще вахтмейстера Крестыча и ежелы его не увезлы, то нельзя будетъ ево какъ ни есть вырвать и тѣмбы хлопоты коротче кончились.

Почталионъ будучи хорошо награжденъ не пожалѣлъ своихъ лошадей, размахнувши бычь ударыль по всѣмъ и зачалъ летѣтъ, я кричу чтобы потише и что это ужъ слышкомъ скоро, а ночь еще темна, онъ отвѣчаетъ не бойтесъ мнѣ де дарога известна и на такой порѣ скакаль онъ снамы съ четверть мыли, какже вѣдрукъ наша калаяска ударилась переднымъ правымъ колесомъ объ камень, отъ чего калаяска опрокинулась и насъ одного чрезъ другаго бросило на землю, и счастье еще что отъбросило насъ изъ калаяски несколько протчь въ сторону, а то иначе какбы кто изъ насъ попался подколяску, кою еще несколько шаговъ такъ опрокинутую лошади таскалы, и едва почталионъ свою лошадь на которой онъ на седлѣ сидѣль и другихъ также удержатъ могъ; тобы еще хуже было.

Мы кто прежде могъ встать, - помагаеть и поднимаетъ другаго, кто говоритъ болить рука, кто нога и голова, и такъ какбы изъ об-

морока едва на ногахъ стоялы, счастье еще хотя и поушиблысь на поврежденныя никому не было, потому подьянны мы каляску. стали со-бырать съ земли свои плащи и другое коио што, что съ собою имѣ-лы, селы и поехали далѣ, однакъ скакать почтилиону я и не дозво-лылъ болше потому что ночь еще темна была, а потомъ отъехавши несколько стала разныматца заря, и на расветѣ приехали вто село Лемешаны, остановились предъ тѣмъ заезднымъ дворомъ где я ста-ялъ, спрашиваю я моего бывшаго хазяина о вахтмейстере Крестиче, ибо тѣхъ караулщиковъ что тамъ были уже никово нѣтъ, хазяинъ отвѣчаетъ что еще вчерась отъвезлы его въ городъ Еперьешъ и тамъ закованаго въ железахъ посадили въ тюрьму.

Я тутъ принужденъ много думать, что зачать и къ кому адре-соватца, не могъ средства никакова изобрестъ, понеже всео были лю-де мнѣ незнакомые, а бросить и ехать въ свою дарогу, и того зде-лать нельзя, вахтмейстражъ яко своего подкомандного конечно какъ нибудь да надобно выручить, и положивши мысли что то надобно сделать такъ, взятца за тотъ судъ, куда вахтмейстера повезено, спра-шиваю почтмейстера кто началныкъ втомъ Земскомъ Судѣ и тутли онъ въ городѣ.

Почтмейстеръ отвѣчаетъ что началнымъ въ томъ Земскомъ Судѣ есть оберъ-ишпанъ (сей чинъ не могу инаково назвать какъ пре-зидентъ того суда), и что онъ тутъ въ городе бываетъ толко въ по-ложенные судебныя дни, а впротчемъ живетъ онъ въ своемъ доме по ту сторону города мыль за четыре разстояниемъ.

По сему известью я небаваясь болѣе селъ съ адютантомъ Марко-вимъ на почту, поехали къ городу Еперьешу и то была толко одна премена, при въездѣ въ городъ остановылъ меня стаящій у воротъ часовой, почему вышелъ караулны ундеръ-афицеръ спрашиваетъ по обыкновенью кто едетъ, и пашпорта требуетъ, я ему о себе ска-залъ, а о пашпорте говорю ему что хочу самъ у коменданта быть и что тутже въ городѣ остановлюсь въ трактире.

Меня пропустилы и я заехалъ въ трактиръ, тамъ заказалъ ха-зяину чтобъ поскоряе заготовилъ маленькой фриштнкъ, послалъ спра-витца въ канцеляріи Земскаго Суда о президенте тутли онъ въ го-родѣ, на что сказано что ево въ городе нѣтъ и находитца въ сво-емъ доме, отъ города за четыре мыли.

Потомъ пашолъ я къ коменданту, онъ принялъ меня очень учти-

во, говорилъ я снимъ о причинѣ моего вахтмейстера и что за тѣмъ сюда приехалъ, и прошу его чтобы въ томъ подалъ мнѣ помочь.

Онъ отвѣчаетъ что съ великимъ удовольствіемъ радбы пособить, если бы то дѣло чѣмъ нибудь до него принадлежало, но какъ онъ только таковы дѣла кои до крепости принадлежателны въ своемъ управленіи имѣеть, а по судамъ земскимъ не мешающа ни во что, и что оное остающа во власти господъ Венгровъ и ихъ ктому поставленныхъ начальниковъ, кои всѣхъ тѣхъ преступниковъ въ тюрьме у нихъ содержащихся власть имѣютъ разпрашивать, судить, штрафовать, и по обстоятельствамъ изобличенаго злодейства, виноватаго по правамъ своимъ казнить смертию, и я де сумнѣваюсь говорилъ комендантъ чтобы вы вашего вахтмейстера освободить могли, ибо онъ яко убійца судимъ долженъ быть.

Я еще коменданта просилъ не можнотъ ему хотя то сделать, чтобы изътребовать отъ того Земскаго Суда моего вахтмейстера къ себе подъ военную стражу, покуда что о семъ дѣле разсмотрено будетъ.

Онъ отвѣчалъ. что и того ему учинить нельзя объявля въ резонъ, что онъ съ своимъ немецкимъ гарнизономъ только въ одной крепосты повелѣваеть, а внѣ оной что дѣлающа то ужъ до него не принадлежитъ и онъ ни во что таково мешающа не можетъ, а если бы сие вашего вахтмейстера дѣло говорилъ комендантъ приключилось здѣсь во внутри крепосты, то бы конечно тогда и долженъ онъ быть предъ стражою въ ведомствѣ моемъ.

Мнѣ ужъ не осталось надобности болѣе тамъ бавитца, отъклонясь у коменданта съ невеликою надеждою пашолъ въ трактиръ, и положилося на томъ, что ехать искать того земскаго президента и снимъ преговорить.

Пришедъ я въ трактиръ велѣлъ хазяину подать на столъ покушать, а между тѣмъ посилаю адютанта Маркова въ ту земскую канцелярію, какъ оно тутже не далеко было, чтобы справитца о томъ селѣ, где того суда президентъ живетъ и какою дорогою ехать надобно, а притомъ испросить доступъ, видѣтъ вахтмейстра Крестича, и тѣмбы ему дать знать что я здѣсь приехалъ и стараюсь его избавить.

Адютантъ Марковъ пашолъ, виправку о домѣ президента здѣлалъ и потребилъ стараніе упросилъ начальника что надъ колодниками досмотръ имѣеть, и допущенъ чрезъ решетку у дверей отъ тюрь-

мы вахтмейстера Крестича видѣть, и с тѣмъ возвращаетца скоро до мнѣ назадъ, мы покушались на скорую руку а почта ужъ была готова, заплатя хазяину за фриштикъ селы и поехали.

Путь мнѣ была на двухъ пременахъ по большой дароге даволно хараша, а на третой то есть на последней надобно было свернуть с большой почтовой дороги въ лево проселочною до того места, где президентъ живеть, и потому должень я былъ заплатить двойные прогонные денги, а сверхъ того что тамъ худая дарога то поспорилъ почтмейстеръ и не хотѣлъ дать четырехъ лошадей, а конечно шесть чтобъ заплатить, коихъ я и принужденъ взять.

Приехалъ я просто на дворъ къ президенту, было то уже подвечеръ засталъ его въ доме, онъ принялъ меня сперва яко незнакомава несколько холоднымъ видомъ, однакъ какъ узналъ, а притомъ видить что я на шести почтовыхъ лошадяхъ къ нему на дворъ приехалъ (что тамъ редко случаетца кроме весма великихъ особъ) и что я приехалъ къ нему по делу взятаго моего вахтмейстера подъ караулъ, то онъ вдругъ пременялъ свой видъ и сталъ ласкавъ, просить меня сесть, и зачалъ разговоры и харошо умѣлъ по немецки говорить, между прочимъ сказалъ, я де думаю какъ ужъ скоро будетъ ночь что вы здесь преночуете и не прикажетель квартеру вамъ показать и экипажъ туда несть.

Я на то ему отвечалъ что я здесь ночевать и свое время упускать никакъ ненамерень, а прошу васъ говорю я ему приказать моего вахтмейстера изъ вашей тюрьмы освободить, дабы я могъ скоряе въ свою дарогу ехать, ибо я важние по секрету дѣла къ исправленью имѣю, и втомъ дѣлалась таперъ мнѣ болшая остановка что мой вахтмейстеръ взять, и я вотъ сколько почтовыхъ премень сего дня сделалъ ищю васъ, а чтобы вы могли верить о томъ что я вамъ сказиваю, представляю вамъ въ доказательство вотъ пашпортъ, которой мнѣ на сихъ дняхъ изъ Виены отъ двора здешняго прислалъ, вы въ ономъ разуметь можете, что меня съ командою моею никто и ни гдѣ удержатъ несмѣеть; президентъ взялъ пашпортъ и сталъ читать.

Тамъ было харошо нанисано съ повелѣнымъ чтобы меня и командою ни где неудерживать, и не точию въ проездѣ пропускать, но во всякихъ случаяхъ въспоможениі оказывать.

Президентъ прочитавъ пашпортъ отдаеть мнѣ обратно и говорить важнымъ терминомъ, что онъ вахтмейстера освободить не мо-

жетъ, ибо онъ есть убійца, и долженъ смертию по правамъ ихъ казнёнъ быть.

Я ему повторяя опять съ зачала мои слова и говорю, что я по секретному весьма важному дѣлу камысию, известную и двору вашему, возложеную на меня исправить имѣю, (мнѣ необходимо было нужно при семъ случай, камысию свою увеличить словами, дабы хотя тѣмъ что нибудь въ пользу достигнуть), и что я получилъ на встречу будучи в дароге отъ нашего россійскаго полномочнаго министра изъ Виены повелѣние, чтобы какъ наискорѣе предъпринять возложенное на меня дѣло, почему и спешу туда ехать куда мнѣ велѣно.

А вы государь мой говорилъ я ему никакой власти надъ подкоманднымъ моимъ неимѣете, и тѣмъ меня отъ моего пути удерживать, а еще меньше казнить моего вахтмейстера смертию не можете, а ваши права и законы силу имѣютъ надъ вашими подданными, а не надъ россійскими.

Смертноежь убійство учинѣнное моимъ вахтмейстромъ, ежели бы оно здѣлалось надъ вашимъ человекомъ, то бы вы тогда могли въ томъ право имѣть и судить его по законамъ вашимъ, но понеже того неучинѣно, а убійство зделалъ россійской надъ россійскимъ же человекомъ, то потому и долженъ онъ судимъ быть тѣмъ правомъ, куда онъ принадлежитъ, а не здѣсь подъ закономъ вашимъ.

И ежели вы такъ намереваетесь какъ вы мнѣ говорите и за подлинно вахтмейстера моего къ смерти предать хатите, то решите вы свою резолюцію еще сего вечера и мнѣ послѣднѣ скажите, почему я тотъ часъ еду до первой почты, отькуда долженъ отъправить штафетъ въ Виену и донести именно на васъ нашему россійскому полномочному послу жалобу, съ тѣмъ объясненіемъ что чрезъ васъ я остановленъ и по своей камысії не могу далѣ ехать, и увидите говорилъ я ему подъ какой отвѣтъ вы подвергнете себя, упомянувъ ему и то что за удержку меня въ селѣ Лемешанахъ пограничнымъ камысаромъ графомъ Стараемъ, что повелѣние есть чтобы ехать ему въ Виену къ отвѣту.

Мы оба одинъ противъ другаго имѣли втомъ споры долго и вошли уже давольно въ ночь далеко, напоследокъ както я своимы резоны преодолѣлъ сего господина и сталъ я примечать, что онъ ужъ два и три раза всею одно слово и речъ повторяетъ указывая непрестано на свои венгерские права и законы, и что кровь убійства

изъявлялась на землѣ королѣвской, и потому де судъ производство дѣла предпринять долженъ.

Однако по моимъ на то доказательствамъ довелъ я его до того что онъ поумахчился и говорить сталъ, что де я самъ собою адинъ не могу сего дѣла решить, а должно о томъ имѣть разсужденныя при общемъ нашемъ собранныи въ судѣ, каторое чрезъ два дни и будетъ, и я завтра на ночь говорить онъ хачу ехать въ городъ, и тогда мы вообще на чомъ положимъ быть, естлы на то время пожалуете говорить онъ мнѣ, быть въ городѣ, то мы вамъ конечно не оставимъ объявить наше мнѣние; и просить чтобъ я взялъ свой пакой и оставилбы то дѣло до назначенаго времени.

Мнѣ ужъ не осталось болѣе чего говорить, согласился на послѣдніе сего господина слова, принужденъ такъ на томъ условии оставить и заночевать тамъ.

Квартера мнѣ была отведена у перваго сусѣда возлѣ двора президентова, я туда пашолъ призвавъ къ себѣ почталиона, которой уже былъ мнѣ накучилъ чтобъ его отпустить, говорю ему слушай вотъ тебы на вино и даю ему денги и ты преночуй здесь, а завтра повезешь меня обратно.

Онъ денги взялъ, но притомъ говорить я де останусь, ежелы вы почтовыхъ лошадей чрезъ ночь прокормите и въ двойнѣ прогоны у обратномъ пути заплатите, а иначе я отъ хазяина своего штрафованъ буду, естлы останусь, по сему требованью принужденъ я всио то заплатить и почталиона удержалъ.

Завтрешни день всталъ я рано, велѣлъ закладывать лошадей, видѣлся съ господиномъ президентомъ, онъ также готовился къ выезду въ городъ, и условясъ со мною что тотъ часъ въ слѣдъ за мною выедеть.

Я поехалъ къ городу Еперьешу, куда поспѣлъ того дня къ вечеру и сталъ въ томъ же трактире где и прежде былъ, а поутру осведомылся я естлы собранныи въ канцелярїи того Земскаго Суда, и уведавъ что есть, потомъ далъ я о себе президенту знать, что я дождаюсъ отъ него уведоменныи какъ онъ мнѣ обещалъ, на что сказалъ что въ адинадцатомъ часу предъ полъдень пришлѣтъ онъ ко мнѣ съ известьемъ, на чомъ оны въ судѣ свою резолюцію положутъ.

Въ часу адинадцатомъ идетъ адинъ изъ ихъ присутствующихъ ко мнѣ съ известьемъ, объявляетъ что судъ положилъ свое определе-

ше на томъ, чтобы истребовать отъ меня реверсъ, о вахтмейстере которой убилъ слугу своего на смерть, что оба оны подданио российскіе подданные; и какъ нѣтъ съ стороны здѣшней никакова въ томъ приличія, чтобы кто въ томъ дѣле какому допросу и суду подверженъ былъ, то онаго вахтмейстера судъ на таковъ отъ васъ реверсъ освобождаетъ, а какъ нашъ судъ говорилъ сей посланой о такомъ убытке долженъ отънестъ главному своему месту, а потому буде въпредь востребуетца вчомъ либо чрезъ российскаго полномочнаго министра въ Виене пребывающаго о томъ дѣле къ изслѣдованью, то бы я повиненъ онаго вахтмейстера представить туда куда приказано будетъ.

Я на сіе требованые согласился и таковъ реверсъ отъ себя далъ и вахтмейстера изъ тюрьмы освободилъ, и потомъ нимаю не медля поехалъ въ свою путь.

Тогожь дня въ вечеру поздно прибылъ я въ городъ Кашау къ своей оставшей тамо команде, где и преночевалъ, а по утру рано предъпринялъ путь свою къ городу Такаю куда третимъ днемъ поспѣлъ

Въ Такае остановился я въ королѣвскомъ трактире иды заездномъ большомъ доме, видѣлся я съ находящимся тамо нашимъ российскимъ майоромъ Жолобовымъ, о коемъ я прежде говорилъ, нашолъ я у него на имя мое изъ Виены присланные ныси меня ожидающие, между коими было повелѣныя отъ господина полномочнаго посла чтобы я ехалъ въ Петроварадинъ, какъ и что и прежде приказано было, а адютанта Маркова и вахтмейстера одного отъправить чрезъ Венгрію и Славонію на границу Венецианскую въ состоящій тамо Цесарской городъ Триестъ, лежащій на берегу моря адриатическаго, съ приказаньемъ адютанту явитца тамо къ нашему российскому полковнику Пучкову и майору Петровичу и быть у нихъ въ каманде.

Я адютанту Маркову далъ отъ себя по тому повеленію ордеръ и отъправляю съ нимъ вахтмейстера Крестича, о коемъ что онъ слугу своего на смерть убилъ и что едва я его вызволилъ, и что къ суду венгерскому обвинъ далъ я таковъ реверсъ, писалъ я къ господину полномочному послу а также и къ полковнику Пучкову рапорты, и простоялъ въ Такае два дни, а какъ намъ съ адютантомъ Марковымъ еще было по пути ехать адною дарогою на одинъ маршъ, то и согласылись не раставатца до того места где дорога разделяется.

Мы по утру рано встали и зачали готовитьца въ дорогу и ужь и лошадей стали люде выводить чтобь закладать, тогда синь мой малчикъ по шестому году яко ребенокъ возрадовался что ехать, вышелъ самъ одинъ изъ горницы, такъ случай тотъ несчастливой былъ что его никто и не приметилъ, пашолъ въ состоящій въ близости на углѣ дома большой сарай, где люде и лошады ночевали, тамъ были большіе въездные двойные ворота отъ которыхъ одна половина какъ отломилась давно, крюки на конхъ ворота висѣлы и подперта та половина была толко однимъ друкомъ, при конхъ люде ночью огонь клали, а синь мой вошедъ туда къ тому огню, тронулъ рукою или ослонылся на тотъ дручокъ коимъ та половина воротъ подперта была, и видно что тотъ несчастливой дручокъ слабо держался, то вдругъ какъ дитя въ него тронуло скознулъ или отскочилъ протчъ а ворота упали, и малчика подь себя придавило.

Люде кои еще тутъ около лошадей ходили услышили толко голосъ что дитя крикнуло, подбежали скоро туда ворота подыняли, и увидѣлы что дитя лежитъ спинкою и головкою между поперешниками техъ воротъ еще живое, но нога левая пополамъ въ бедре преломлена.

Тамъ его подыняли и несутъ люде его ко мнѣ въ горницу на рукахъ, таперъ мой читатель можетъ разсудить каково мнѣ тогда было, а паче матеры его, у насъ толко что онъ одинъ синокъ и былъ и первое еще дитя.

Я увидѣвъ такое случавшееся несчастые обняла меня жалость такая что почти безъ ума сталъ, не зная еще отъ чего то несчастые здѣлалось думалъ не ушибалъ его лошадь, супругажь моя отъ жалосты повалылась оногъ, ее стали поднимать и утѣшать, а малчикъ видно что большъ спужался, нежелъ что боль въ ноге слышитъ, говорить мнѣ чтобъ обмотать платкомъ ногу и онъ ходить будетъ и хотя бы одну слезу пустылъ, а кричить подай платокъ и привезить ногу.

Тутъ поскорее раздели мы его, и штанишки оногъ снялы, вижу я что нога стала пухнуть и косточки на двухъ местахъ подь перлы въверхъ кожицу, положили его на подушкахъ настолъ, и посламы скорее за лекаремъ.

Лекаръ пришолъ скоро осмотрелъ ногу, коя ужь была гаразда большъ распухла и синѣтъ стала, онъ велѣлъ скорее постелъ подослатъ, а самъ взялся готовить припарки.

Потомъ положылъ дитя лекаръ на постель, обложылъ сперва ногу припарками а потомъ зачалъ направлять пребытие косты тутъ сталъ малчикъ кричать безъмерно, даже что обморокъ его ушибалъ для чего непрестано спиртомъ его потирали, а я и мать его отъ жалости внѣ себя зделалась.

При семъ несчастливомъ случае, адютантъ Марковъ чтобъ насъ утешить всѣ силы свои употреблялъ, далъ онъ скоро знать и майору Жолобову, каторой тотъ часъ прибежалъ и насъ унималъ, насъ обеихъ меня и супругу мою, отвелы въ другую горницу, а малчикъ ни ково другаго до себе допустить не хотѣлъ, чтобъ его держали какъ толко одного адютанта Маркова, его онъ всѣхъ другякъ большъ любылъ, однако при такой необходимости надобно было чтобъ и другіе поддержать помагали.

Малчика тамъ держутъ а лекаръ своимъ искусствомъ направляетъ косты и увязываетъ дощечками, а дитя изо всей силы своей кричить, а я съ матерью его плачемъ и рвемъ майоръ Жолобовъ доброй души человекъ унимаетъ насъ, подаетъ намъ словами своими надежду о лекарѣ, что онъ его давольно знаетъ и что есть человекъ въ своемъ дѣле искусенъ и что онъ и прежде былъ въ такой практике.

Погодя потомъ сполъчаса дитя престало кричать и сказали мнѣ что меня спрашиваетъ, (оно меня почты большъ матери своей любыло и привязаность ко мнѣ имѣло), а за тымъ идетъ къ намъ и лекаръ, говоритъ сталъ что онъ честию своею обовязуетца и даетъ надежду что вскорѣ сина нашего здороваго учинить и на ноги поставыть, ибо де ему не одынь разъ такіе случаи были и что онъ и старыхъ людей вылечивалъ, а комы такое молодое дитя чтобъ онъ не могъ вылечитъ и тѣмъ уверяетъ насъ и проситъ чтобъ мы не скорбили.

Я и супруга моя вошли туда гдѣ синъ нашъ на постели лежитъ, онъ уже молчитъ и увидевши насъ спрашиваетъ здоровы ужъ нога чтобъ ехатъ, мы ему говоримъ указывая на лекаря что вотъ онъ знаетъ, и ногу твою вылечить.

Лекаръ былъ такъ доброй человекъ что непрестано тутъ сидѣлъ, умѣлъ онъ несколько по славенски говорить и тѣмъ съ малчикомъ разговаривалъ что оно могло его слова разумѣть, и напоследокъ дитя такъ того лекаря полюбыло что непрестано хотѣло чтобъ онъ тутъ былъ.

Тотъ день адютантъ Марковъ еще тутъ остался а на завтра отъправился въ свою путь.

Сянь же нашъ тотъ день и наступившую первую ночь въ великомъ жару былъ, и часто води спрашивалъ пить, что лекаръ и не запрещалъ, однакъ подымешивалъ изъ аптеки красной сиропъ, каторой для утоления жару много помогалъ, и такъ оставалась у него въ дощечкахъ привязана нога трое сутокъ, каторую почасто чрезъ дощечки примачивалы спиртомъ, а на пятомъ дню лекаръ попустилъ несколько тѣ дощечки, чрезъ кои и чрезъ завой сталъ напускать теплую мазь, и то употреблялъ всякой день.

Мы по сему несчастливому случаю принуждены были въ Такае жить мѣсяць целый, писалъ я между тѣмъ въ Виену къ господину полномочному послу, также и къ полковнику Пучкову въ Триестъ съ прозбою, чтобъ мнѣ непричтено было въ выну, что я посему приключеню остался на некоторое время въ Такае.

Таковы несчастливые приключеніи со мною встретившесѣ адно что долго содержался подъ арестомъ, и хлопоты вахтмейстера Крестича, а также и сие что съ синомъ моимъ случилось нанесло мнѣ какъ прежде такъ и таперъ, что принужденъ въ такихъ местахъ по неволѣ долго прожить гдѣ всио дорого а имѣвъ при себе лошадей и людей, а жалованья съ отъезда моего отъ полка не получалъ, а тѣ лвести рублевъ что въ Кieve на проездъ мнѣ дано уже давно сошли, то потому издержался совсѣмъ и дошолъ почты до крайности.

Между тѣмъ временемъ какъ я въ Такае находылся, слышу я что по черногорской камысіи приехалъ въ Петроварадынъ, а также и по граныце цесарской по реке Саве что противо турецкой области состоитъ, проходилъ майоръ Петровичъ и дѣло зачалъ, поставивъ тамъ при карантинныхъ местахъ некоторыхъ отъ себя присмотрщикова, ѣ чтобы зимою какъ Черногорцы выходить и пробыратца будутъ тайно чрезъ турецкую область и чрезъ реку Саву лдомъ ва цесарскую сторону, то принимать ихъ и снабдевать потребнымъ до моего приезда.

Сіи весты какъ я услышалъ сталъ сумневатца чтобъ изъ того дѣла могло что доброе быть, понеже майоръ Петровичъ адно что не тамошны родимецъ, и языка немецкаго не знаетъ, коего по той пограничности должно знати, а ктому еще и то что онъ прежде въ тѣхъ местахъ не бывалъ; мнѣ же вся та граница известна на коей

я будучи въ службѣ цесарской часто на форпостахъ по той рѣкѣ Савѣ стоялъ да и окроме того случилось часто проехать и знаю всѣ места и что на тѣхъ местахъ Черногорцамъ съ фамиліями, какъ владыка обещалъ, ныкоимъ образомъ выходъ быть не можетъ, а разве отъ той стороны что отъ Венеціанскихъ граніцъ, да и то не иначе а на корабль по морю Адриатическому до граніцы цесарской къ городамъ Триесту или къ Фиуме.

И еще я слышалъ что уже некоторые люди якобы изъ Чорной горы прешлы чрезъ реку Саву на цесарскую сторону и приведены въ Петроварадински шанецъ, но какъ сей вѣсти не отъ такова челоуека до мене дошли чтобы на томъ утвердыцца можно, то и заключалъ я что то происходятъ пустые басни.

Прошлоъ уже адинъ мѣсяць что мы въ Такае живемъ, а зима настагаетъ и становитца холодно, то зачалъ я о дороге номышлять чтобы уснетъ прежде венгерскіе пустыни проехать нежелъ зима большая станеть, и достигнутбы до назначеного мнѣ места какъ можно поскорѣе.

Сину нашему день отъ дня стало полегче, и уже привывки сняты, а толко что лекаръ мазъ и фластеръ прикладаетъ и приметно было что кости въ ногѣ уже срослысь и опухоли осталось мало, то на пятой неделѣ сделалъ лекаръ пробу.

Онъ взявши дитя за обе руки поднялъ его въ гору, и поставыхъ на ноги и тѣмъ меня и супругу мою поздравляетъ, синъ нашъ на тотъ случай выздоровѣлъ и хадить по маленку зачалъ, однакъ не надолго то насъ тешило, опосля скажу конецъ жизни его.

Лекаръ за его труды пятнадцать червоныхъ требовалъ, а я ему далъ дватцать и расплатившись съ хозяиномъ и простясь съ маиоромъ Жолобовымъ изъ Такаю выехалъ.

Дорога мнѣ была очень трудна и безъпокойна, ибо зима настигла и снегъ на землю упалъ, а ктому еще ветри холодные всякой день насъ проводили и потому продолжалась наша дорога изъ Такаю до Петеръварадина двенатцать дней.

Приехавши я въ Петроварадински шанецъ (что преименованъ Новы Садъ) сталъ квартерою въ большомъ заездномъ доме, на первой случай, покудова потомъ нанялъ себы другой дворъ.

На другой день надобно мнѣ было лывитца въ крепосты въ Петеръварадинъ у оберъ-коменданта (генерала фелтцейгмейстера баро-

на фонъ Елфенрейха, о коемъ я прежде съ зачала моего въезда въ Россію изъ службы цесарской говорилъ) и объявлялъ о себе что я приехалъ и по какой камысіи тамо находытца буду, и потому въ тотъ день пашолъ я къ преправе на реку Дунай, преправылся щлюпокою на ту сторону въ крепость пашолъ во дворъ къ оберъ-коменданту.

Я хотя сего много достойнаго старика еще живаго и застаю, однакъ по ево высокої старосты уже и глухъ и слѣпъ на оба глаза (сие ему зделалось въ томже годѣ и послѣ отъезда отъ туда отца моего).

Какъ я вашолъ въ пакой увидѣлъ его сидящаго въ креслѣ, адютантже его падошолъ тотъ часъ ко мнѣ какъ скоро меня увидѣлъ спрашиваетъ кто я и отъ куда, и какое мое дѣло чтобы генералу доложить, я ему что хотѣлбы я самъ съ генераломъ говорить, онъ говоритъ что де опосля можете вы въ томъ имѣть удовольствіе, а напередъ долженъ я, говорить адютантъ, о приежихъ доложить, потому какъ вы самы видите что вотъ и другіе предстоящие здѣсь къ ему подходятъ съ докладами своимы и кричатъ на ухо, ибо онъ ни слышитъ ни видитъ.

Адютанту я сказалъ имя и чинъ свой и что я приехалъ по Черногогорской камысіи о чемъ уповаю говорилъ я и его екселенция уже известенъ, и что здѣсь находытца буду, такъ чтобы обо мнѣ были сведомы.

Потомъ адютантъ подошедъ къ старику сталъ ему на ухо кричать объявляетъ о томъ что я ему сказалъ.

Старикъ какъ услышалъ о моемъ имени говорить что, какъ, майоръ Пишчевичъ изъ Россіи, это де конечно тотъ что недавно отъ селъ поехалъ но онъ былъ капитанъ, и какбы ему такъ скоро можно возвратитца, и спрашиваетъ что ужъ онъ немолодь.

Ему на то адютантъ опять на ухо кричитъ что мѣтъ не старъ а еще молодъ, сие старикъ услышавши въспомнилъ тогда обо мнѣ говорить, когда онъ молодъ я де не знаю другаго ни ково той фамиліи, а разве то есть сынъ старога Пишчевича, и думаю что онъ изъ Россіи приехалъ, для того я знаю говорить старикъ, что молодой Пишчевичъ былъ у насъ въ службѣ и взялъ свой абшитъ и пашолъ еще прежде отца своего въ Россію.

Я предупредилъ адютанта нежелъ онъ меня о томъ спросить говорю доложить генералу что я есмь тотъ самой о комъ онъ изволить говорить.

Адютантъ докладываетъ на ухо старику, что такъ ваша екселенция изволены угадать онто и есть молодой Пишчевичъ.

Сие также старикъ выразумевши, протянулъ свою руку говорить: пайди сюда синъ мой подай мнѣ твою руку, я падошолъ къ нему привалъ его за руку и поцеловалъ изъ почтения его такой высокой старости.

Възявши онъ меня за руку говорить пайди сюда по ближе ко мнѣ, вы говорилъ къ людямъ своимъ подаи стула, сажаетъ меня возлѣ себя, сталъ ощупывать рукою меня по лицу, по голове, и по платю, спрашиваетъ что ето мнѣ сказано ты маиоръ, я отвѣчаю также крикомъ ему на ухо говорю что такъ, онъ тотъ часъ спросилъ обо отце моемъ видѣлъ ли я его, отвѣчаю я что видѣлъ и встретился сънымъ въ дороге и что онъ поехалъ въ Россію.

Потомъ зачалъ меня спрашивать обо всемъ адно и другое и каково намъ въ Россіи и не каемсылы мы что оставили свое отечество и пашлы въ чужие государство.

Я ему на тотъ спросъ отвѣчаю, что намъ всѣмъ выпедшимъ очень хорошо въ Россіи и пресказываю, что отъведены намъ подъ поселеныя земли обширныя и плодныя и въ тепломъ краю (старикъ былъ очень шутливъ въ свое время то и при сихъ разговорахъ въздумалъ шутѣть): говорить какъ въ тепломъ краю земли вамъ даны ты говоришь, не ужелы Россія Италиєю претворилась, что тамъ теплой край есть, а я де думаю что у васъ и о Петрову дню на саняхъ и на оленахъ ездять, я отвѣчаю что наша Украина лучша Итали, потому что у насъ хлѣба болше, а на саняхъ и оленахъ говорю я ему, что въ Сибиріи и въ Камчатке правда что ездять долго зимою, но однакъ о Петрову дню и тамъ лето есть.

Старикъ на мои отвѣты осмехнулся говорить я де синъ мой шучу стабою, ты за то не погнѣвайся, я тебя люблю и знаю всѣхъ васъ, и за то я такъ стабою по приятелски обхожусь, а мнѣ де ваша Украина хотя я продолжалъ старикъ речъ, тамъ и не бывалъ да слышилъ довольно, и знаю что у васъ такія места есть, кой ничемъ не хуже здешняго и всякая овецъ родытъ и хлѣба много, мнѣ де о томъ многіе вонежиры пресказывалы, кои тамо бывалы и хвалилы, что гаразда дешевлѣ тамъ жить. можно нежелы здѣсь.

Сколько старикъ со мною разговоры продолжалъ, то всё тѣ кон-
туть при нѣмъ случилась гарнизонные чины между коими были пол-
ковники и еще штабъ-офицеры воѣ стоять и слушаютъ, потомъ сталъ
старикъ къ нымъ говорить, вы господа видители сего молодого госпо-
дина, вотъ вамъ въ доказательство какие мы ошибки дѣлаемъ и дс-
стойныхъ людей въ чужое государство служить отпускаемъ, для че-
го бы сей господинъ не могъ здѣсь у насъ маноромъ быть, такбы
и не надобно было ему ехать въ Россію, и остался бы онъ здѣсь
и была бы полза отъ него своему отечеству а не чужему, мы де
говорилъ старикъ чины людямъ не умѣемъ дать чего оны стоятъ,
а то наехалъ туда онъ одинъ, а потомъ отецъ со всѣю своею фамы-
лиею тудажъ пошли, а гдѣ еще сколько другихъ достойныхъ людей
мы потѣряли, а за что продолжалъ старикъ свои слова, за то что
не предвидѣли за службы своего авантажа, пошлы туда гдѣ и наш-
лы свое счастье, изъ копѣхъ со временемъ выдутъ тамо большіе люди.

Продолжалъ старикъ еще свои слова и говорить, я де воевалъ
съ симы людьми, служба сихъ людей такъ велика и верна нашему
двору, что надлежало имѣть имъ всякіе достоинства; ви де можетъ
быть говорилъ старикъ слышлы, а я самъ видѣлъ какъ Венгри дво-
ру нашему чинилы измену, и соединилысь было с Туркомъ и дохо-
дило до крайности, такъ въ то время ни ково болѣе въ подкрепле-
ные нашимъ войскамъ не было, окроме толко одны Сербы намъ вер-
ны были.

Турки разорили всю ихъ землю Славонію и Сирію, подьсту-
пыль подъ столичны городъ Виену, соединясь съ изменникомъ Венгер-
скимъ предводителѣмъ Текелиею, однако и тутъ Сербы отъ насъ не
отступилы а были въ помощь армыи, и пособствовали неприятеля
разбить и прогнать, и границы какъ тогда съ пролытиемъ крови
своей охранилы, такъ и по сей день анѣжъ Сербы содержатъ и це-
лость сохраняютъ.

Всѣмътежъ толко то въ доказательство говорилъ старикъ, естлы
где нибудь по границе турецкой, на такой великой обширности по
Саве реке, нашъ немецкой караулъ, а всіо оны Сербы то полкамы
своими содержатъ, и тѣмъ мы остаемся съ великою надеждою безо-
пасны и прикрыты.

По окончаніи сихъ разговоровъ старикъ, какъ онъ невидитъ,
спросилъ тутли Лапорта, сказали ему что нѣтъ, таѣъ пошлите за
нымъ приказывааетъ старикъ, я усамша о имени Лапорти въспомнилъ

обнѣмъ, онъ былъ директоромъ канцеляріи и мнѣ весьма знакомъ, мало за тѣмъ погода пришла Лапорта и меня увидѣлъ, а главнымъ мы адынь другому яко давние знакомые.

Потомъ подошолъ онъ къ старику кричить ему на ухо что онъ здѣсь и изволыть приказать, старикъ узналъ его голосу, спрашиваетъ нѣтъли у насъ какова повелѣныя отъ двора нашего объ приежемъ изъ Россіи господине маноре Пищевиче каторой вотъ здѣсь.

Лапорта отвѣчаетъ что есть и что о свободномъ по границе проездѣ ему и пашпортъ присланъ; на то сказала мнѣ старикъ что изволыте взять свой пашпортъ и по своей камыош можете съ Богомъ проехать куда вамъ надобно, только какъ я надѣюсь говорилъ онъ что вы есте другова сложоння человекъ, а не такъ какъ вьнедавно что здѣсь былъ адынь изъ вашикже російскихъ и также майоръ какъ и вы, каторой наделалъ много ветровъ нимало почесты его приличныхъ и яде съ нымъ не могу сказать чтобы былъ доволенъ,*

* На сіи слова что генералъ мнѣ говорилъ, я и догадался что то былъ майоръ Петровичъ, какъ я потомъ осведомился, что онъ будучи прель момъ приездомъ тато въ Петербургскія хатѣль себя весьма великимъ человекомъ представить, и дѣлалъ непростойныя кое какия поступки, между коими было и то что нанялъ себѣ мужичихъ шесть лошадей и запрегши оныя карету, хотѣлъ въ ехать къ генералу надворъ, куда никто каретою не ѣзжаютъ, ибо въ тамошнихъ крепостяхъ обыкновенно становятца на улице у приделаного нарочито для проезжающихъ такое крыльцо и дѣры, предкомны становятца зарѣзаны, а вовнутрь далѣ пешкомъ входятъ, чего Петровичъ не зделалъ, а хотѣлъ въехать просто надворъ къ генералу, дворже такъ маленькой и тесной, что ово передше лошады какъ онъ въехалъ были уже подъ большою лесницею, а карета еще заворотамы, для чего и принужденъ былъ тамъ остановитца, слѣзть, и войтыть пешкомъ чрезъ дворъ и туда ужъ далѣ наверхъ, а карету потомъ люде вытаскивали задомъ наудыцу а лошады попутавшись наделали во дворе генеральскомъ шуму и стуку слышкомъ много, и тѣмъ навелъ на себя нареканіе что генералъ нмъ небылъ доволенъ.

О семь старине хачу объяснить каковъ онъ человекъ былъ, чинъ ово такъ есть какъ я прежде говорилъ генералъ фелтценгмейстеръ и звался баронъ Фоль Флендренхъ, служилъ весьма верно и порядочно двору австрійскому, и былъ великой воинъ во свое время, отъ зачала еще известнаго славнаго фелтмаршала принца Евгенія Савуйскаго, и командовалъ болшою частью въ Славоніи и Границы отъ турецкой стороны содержалъ и нигѣль всегда Сербовъ въ своей командѣ, и дошедь въслужбе до високой старосты, былъ уволенъ отъ службы и определена ему пенсія въ гошниталѣ нештатскомъ; но послѣ уволенные его какъ другіе на ово мѣстѣ бывшіе оберъ коменданты, а особливо въ сей весьма важной пограничномъ Петровградской крепосты, немогды такъ наръ онъ дѣлалъ свои отъра-

такъ и вы поберегите себя говорилъ старикъ въ своихъ предъприятныхъ чтобъ явогда въ затрудненіи какие войтить не могли.

Я получа тотъ присланой мнѣ, по требованью нашего полномочнаго посла въ Виенѣ, отъ двора цесарскаго новой пашпортъ, отклонясь у генерала пашолъ на свою квартиру, писалъ рапорты къ господину послу въ Виену, а также и къ полковнику Пучкову въ Триестъ, уведомывъ ихъ о своемъ въ Петроварадинѣ приездѣ и что о свободномъ по Границе проездѣ присланой пашпортъ я получилъ.

Пробуль я въ Петроварадинѣ недели две, учредылъ свое дѣло, ежели черногорцы выходить будутъ гдѣ ихъ по тогдашнѣму зимнѣму времени поставитъ, и какъ ихъ содержать, между тѣмъ извѣстился я и о томъ что происходило тагда, какъ майоръ Петровичъ туда приежалъ и какие то люде были, кои вышли о коихъ я прежде будучи въ Такае слышилъ, и узналъ что заодною вышолъ изъ турецкой области тайно чрезъ реку Саву на Цесарскую сторону, нѣкто прозванымъ Ездимировичъ* и по выдержавши карантинъ въ

взять и происходили тѣмъ великие упущеніи, то потому опять сего старика изъ госпиталя взяли, хотя уже престарелаго но память еще добрую имѣвши, поставленъ къ первомъ его въ ту крепость должности, где и велѣно ему быть до конца жизни его.

* Самъ былъ праць тѣмъ въ Россіи вышедши симъ адмѣ въ то время какъ Шенякъ въ Цесаріи въ Кневъ прибылъ, и записался у него въ команду редовымъ гусаромъ, а потомъ какъ и я первой разъ въ Россію же вышелъ и определенъ въ службу въ команду генерала Шевича и по возвратѣ моемъ изъ Москвы въ Кневъ, какъ въ то время готовились мы выехать на назначенные намъ къ поселенію мѣста въ Бахтужской провинціи, тогда назначены были отъ Шевича капитаномъ роты и распределены были люде впошь числѣ между редовыми въ мою роту припомнилъ я, что въ списке былъ у меня адмѣ гусаръ Ездимировичемъ называющіися которон предъ выступленіемъ нашимъ бежалъ за границу въ Польшу, и после того слышно намъ было обнѣмъ, что онъ преодевши въ черное разодраное платье имѣлъ у себя фальшивон пашпортъ сказывался чернцемъ изъ святой Афонской Горы, и что ходитъ за изпрошеніемъ мылостины, пробравшись чрезъ Подшу и чрезъ Венгрію, дошедъ въ Славонію побавше къ границе Турецкой, бывалъ у некоторыхъ тамошнихъ господъ прося мылостины, сказывая также что онъ за такнмже изпрошенымъ мылостины и въ Россіи былъ, и такимъ образомъ скрывъ свои слѣды изыскавъ притомъ случай прешолъ чрезъ реку Саву на нашу сторону въ Турецкую область въ Боснію отъ кудова онъ и уроженцемъ былъ, и какъ неболю никому нуждъ знать объ нѣмъ куда онъ девался, то и осталось досего времени; однако онъ какъ услышилъ о той черногорской камисіи то не хотѣлъ оставить что бѣ невоспользоватца тѣмъ случаемъ, пошолъ пешкомъ

местечке Мытровицы обще съ вышедшими съ нымъ несколько человекъ объявивъ себя Черногорцами, пропущены и пришедь въ Петроварадынъ явился у манора Петровича съ имѣющимся у себя отъ владыки писмомъ, конимъ приказываетъ владыка что онаго Ездимыровича онъ назначаетъ чинномъ порутчика и чтобъ ему быть при той черногорской камыси, а людей конхъ онъ выводитъ будетъ именовать Черногорцами.

Маноръ Петровичъ, по такому отъ владыки повеленію, сего Ездимыровича принявъ, но какъ въ ту сторону выходъ Черногорцамъ со всѣмъ быть не можетъ и способности нѣтъ, то и обратилъ маноръ Петровичъ мысли свои въ другую сторону, согласившись съ симъ Ездимыровичемъ, чтобъ тайно въ Цесарской области вербовать людей.

Таково предъриятіе хотя оны и положили, но сами собою ико въ чужемъ государстве зачать не могли, для чего надобно имъ было изыскать изъ тамошнихъ какова на то способнаго человека, каторой бы имъ въ томъ дѣле былъ въ помочь, а на то время былъ въ городѣ Карловцы разстояніемъ отъ Петербурга за полтора миль, человекъ въ должности синдикуса, (сей чинъ не могу иначе претолковать какъ полицмейстеръ и секретарь Городскаго Правленія), звался Иванъ Балевицъ, вышедши изъ Турецкой области изъ Албаніи еще малолѣтнимъ будучи въ Цесарию, и потомъ хадылъ въ училища, гдѣ выучился достаточно немецкаго и латинскаго языковъ, почему и признанъ способнымъ быть къ той должности въ томъ городѣ, обнѣмъ какъ Петровичъ узналъ, то старался съ нымъ первее спознатца, посылаетъ за нымъ исподъруки съ обвѣненнымъ что оны оба адноземцы и что желаетъ снымъ видетца, (Петровичъ также былъ родомъ изъ области турецкой изъ Албаніи города Подгорицы).

къ Черногорскому владыки пробыравъ чрезъ разные Турецкія места въ томъ же своемъ чернечемъ нарядѣ, и пришедь туда объявилъ о себѣ кто онъ и что онъ можетъ вывести людей въ великомъ количестве тѣхъ, кои жилища свои имѣютъ въ турецкой области понадыграницею въ Цесарію, а за то просилъ онъ у владыки чтобъ ему далъ чинъ ашицерскія, почему и признавъ его владыка порутчикомъ спрказаннемъ, чтобъ тѣ люде конхъ онъ на цесарскую сторону въ карантинъ выведетъ сказывалисбы Черногорцами, онъ вывелъ правда вто время въ карантинъ цесарской въ местечке Мытровице состояшій двухъ своихъ братьевъ женатыхъ съ детмы, да зятя своего что сестру его держатъ съ детмы и ктому, еще двухъ мужиковъ съ женамы и едетмы, и втомъ тогда составлялась вся его команда кого и называли выходцами черногорскими.

Балевичъ на такую прозбу склонился, приехалъ въ Петроварадынъ и с маиоромъ Петровичемъ видѣлся и заключили знакомство, при чемъ маиоръ Петровичъ открылъ ему свое намереніе съ тою прозбою, чтобъ Балевичъ былъ ему въ томъ предпріятіи въ помощь, обещавъ ему за труды великое награжденіе, на что Балевичъ склонился; а зачало то ихъ дѣла было слѣдующее.

Какъ въ томъ городе Карловцы такъ и въ окружныхъ тамо другихъ мѣстахъ находятца всегда изъ разныхъ мѣстъ приходящие люде съ билетамы на заработокъ, называемые бурлаки (а по тамошнѣму названію бетяры), кои живутъ тамо иногда по целому году въ наймахъ по дено и по месечно у хозяевъ въ работѣ, наиболше около виноградовъ и въ овощныхъ садахъ, люде зашедшіе и незнакомые, то чтобы таковыхъ приглашать тайно и объявляли бы себя Черногорцами, и когда отъ работъ отъходить будутъ, (а должны въ городской канцеляріи свои билеты взять, яко оные бывають отъбираемы), и потомъ даютьца новыя, то чтобы таковыхъ имена въписывать съ изъясненіемъ что Черногорець вышедши такой то именемъ находилса некоторое время на заработке, въ городе или въ такомто въ уездѣ селѣ, вчемъ ему о свободномъ проходе въ другое мѣсто даетьца свидѣтельство, почему уже оны могутъ яко настоящие Черногорцы быть приняты къ Петровичу въ команды.

Такову сплетеную и опасную камысию Балевичъ принялъ на себя, зачалъ онъ многимъ таковымъ являющимся у него бурлакамъ, (кои уже были тайно научены и подкуплены) давать билеты въписывая разные числа, отъпуская, а оны потомъ являлись у маиора Петровича, каковыхъ въ скоросты набралось человекъ до петыдесеть, и то все происходило въ великомъ между ими секретѣ.

Петровичъ какъ скоро увидѣлъ что зачало его вербунга оказало успѣхъ, то и велѣлъ онъ тѣмъ являющимся у него нанимать самы себе за городомъ въ заездныхъ домахъ и въ харчевняхъ порознь или по два и три вмѣстѣ квартиры, яко бы оны такъ какъ и прежде обыкновенно проживають иокудова новыхъ наймовъ для за работку себы найдуть, давъ имъ каждому на первой случай по несколко денегъ, приказалъ притомъ тому названому порутчику Ездимировичу имѣть о томъ смотренные, и зналъбы гдѣ кто на квартирахъ стоять будетъ.

А между тѣмъ не упуская времени Петровичъ, представлялъ въ Виену къ полномочному послу, что у него вышедшіе Черногорцы

присланные отъ черногорскаго владыки съ поручикомъ Ездимировичемъ уже явились и онъ ихъ къ отправленію въ Россію ищетъ въ готовности, и требуетъ въ присылку о свободномъ проездѣ за границу пашпорта.

Нашъ полномочныи посолъ по такову отъ Петровича рашпорту истребовалъ отъ двора Цесарскаго, на имя того названнаго поручика Ездимировича съ имѣющимися у него въ командѣ вышедшихъ Черногорцовъ на свободной проездъ пашпортъ, и присилаетъ оной по почте къ маиору Петровичу.

А Петровичъ ны мало не медля нанялъ изъ ближнихъ къ городу деревень фурманчиковъ, до другаго подавъ на премену места, конимъ назначилъ день, когда имъ въ край города собратца, а на то время ночью велѣлъ чтобъ и тѣ его набранные люде туда вышли, коихъ посода на возы съ тѣмже Ездимировичемъ отъправили въ дарогу, и потомъ самъ на другой день изъ города выехалъ, и отъправился къ Венецианской границе въ городъ Триестъ, где и полковникъ Шучковъ сказною находылся.

На тѣхже дняхъ послѣ моего въ Петербурдинъ приезда открылось сие дѣло совсѣмъ, ибо изъ тѣхъ людей что съ Ездимировичемъ пошла, ушло съ Польской границы два человека, кои пришедши въ Петроварадинъ объявили о томъ вездѣ, о чемъ какъ тотъ синдикусъ Балевицъ узналъ, то предъвидя свою беду не зналъ что болѣе дѣлать, окроме что скритца покудова въ судебномъ мѣстѣ о томъ не будетъ известно.

Онъ выпросился у начальника того города, чтобы ему на несколько дней можно было отлучитца на ту сторону реки Дуная въ Банатскую сторону въ городъ Панчево, и получа таково увольненіе не поехалъ туда, а приехалъ въ Петроварадинской шанецъ (или Нови Садъ) где вто время и я находылся*.

* О семъ городѣ, что таперъ я упомяну Петроварадински шанецъ, чтобъ читатель не сочелъ какимъ другимъ городомъ, а онъ есть тотъ самой о коемъ и въ первой часты сего моего сочиненія говорилъ, что онъ съ перваго своего издревлѣ созданныи такимъ именемъ назывался, а потомъ учяициъ королевскимъ волнымъ городомъ и названъ посербски Нови Садъ, а попомещки (die Königlichc frey Statt nen Satz) которои лежитъ на левомъ берегу реки Дуная въ Венгрии напротивъ цесарской крепосты Петроварадина, разстояниемъ толко что чрезъ Дунай.

Онъ приехавши въ тотъ городъ нечисто скрися у своего шурина и завтрешни день преднесалъ тамъ, а въ вечеру позо какъ я былъ на своей квартиры самъ одинъ и при мнѣ толко одинъ слуга, то вдругъ вошолъ ко мнѣ въ плаще человекъ незнакомой, объявляетъ мнѣ что имѣетъ нѣчто важное со мною говорить наодинѣ.

Я не зная кто онъ таковъ говорю ему что не имѣю чести васъ знать, и вы конечно не здешняго города, онъ отвѣчаетъ что онъ есть синдикусъ Балевицъ изъ города Карловецъ, я повторяю свою прозбу чтобъ со мною наодинѣ говорить, сей человекъ мнѣ не былъ нимаго знакомъ и я въ первой разъ тогда его видѣлъ, всталъ я и повелъ его въ другую горницу, онъ какъ шолъ за мною и вошедъ въ горницу, что и затворилъ за собою дверы, подойдя ко мнѣ поближе падъ предо мною на колѣны сталъ плакать и просить чтобъ я его жизнь спасъ, мнѣ сей поступокъ отъ такова незнакомога человека показался страннымъ, поднишаю я его чтобъ онъ всталъ и спрашиваю чтобъ мнѣ сказалъ, какое его до меня дѣло и вчемъ то состоитъ чтобъ жизнь его спасти.

Тутъ онъ мнѣ всю сию что происходило между имъ и маиоромъ Петровичемъ исторію пресказалъ подробно, такъ какъ више я говорилъ, и объявляетъ притомъ что онъ услыша таперъ о себе опасность, упредылъ уклонитца прежде нежели взять будетъ подъ арестъ, выпросился отъ начальника того въ Карловци подвидомъ якобы нужду имѣетъ ехать за реку Тысу, на Банатскую сторону на несколько дней въ городъ Панчево, яко на сихъ дняхъ говоритъ онъ конечно ево будутъ искать, о чемде ему изъ крепосты Петроварадина одинъ приятель далъ знать съ тѣмъ уверениемъ, что уже въ крепосты генераль аудиторъ-лейтнантъ известень и что подалъ отъ себя къ оберъ-команданту объявленные съ требованьемъ, дабы его взять подъ арестъ и предать суду, и потому просить чтобъ я своею защитою какъ ныестъ его жизнь спасъ, для чего де сюда ко мнѣ и приехалъ не зная уже никакой другой себы помочи.

Я не могъ на сию его прозбу согласитца, чтобъ его къ себе взять какъ онъ того желалъ, а еще меньше за него стать и съ судомъ дѣло имѣтъ, ибо о таковыхъ не позволительныхъ дѣлахъ и о не принятіи никакихъ другихъ людей къ себе въ свое ведомство окроме аднѣхъ толко выходцовъ черногорскихъ, крепкое повелѣныя отъ нашего господина полномочнаго посла я имѣю, съ такимъ притомъ подвѣрженьемъ чтобъ подъ опасеніемъ лишения чести ни вкаяне посторонныя дѣла не принадлежащія мнѣ и моей камыси отнюдь

не мешатца; я все сие Балевичу тогда сказалъ и говорю ему, что естлибы толко моя была сила и возможность тобы конечно не отказался вамъ помочъ, но какъ я самъ себя и свою честь хранить, долженъ то и не могу никакой вамъ помочи учинить, а вы говорю я ему изъищите другіе какия средства къ своему спасенію, а ша меня не полагайтесь, ибо мнѣ ничево болѣе дѣлать не можно окроме то что я вамъ сказахъ.

Онъ вслушавъ мои слова залылся весь въ слезахъ, падаетъ къ ногамъ моимъ просить чтобъ я жизнь его охранилъ; и что онъ никакова другога средства изобрестъ къ своему опасенію не можетъ, окроме что полагаетца на мою помочъ; на сие опять принужденъ я былъ повторять мои первые слова и говорю ему что не смѣю въ такіе дѣла входить и что опасуюсь, дабы самъ себя не подвергнуть въ несчастые, и прошу ужъ я его чтобъ онъ оставилъ меня спокоемъ.

Съ тѣмъ напоследокъ пашолъ Балевичъ отъ меня протчъ, а я остался по сему дѣлу въ великихъ размышленияхъ, и провелъ всю ночь безъ покою, предъставляя себы что таперъ какъ сие дѣло открылось, то конечно будутъ и обо мнѣ тамошніе господа имѣть подозреные, и дабы не подать въ томъ поводу собирался смысламы, что естлибы меня о чемъ спросили то какбы отъвестъ и загладитъ, что то не правда и напрасно выдуманно, и напоследокъ ежели бы до чего дошло, думалъ показать и повелѣныя имѣющееся у меня отъ господина полномочнаго посла, и тѣмъ доказать какия строгіе повелѣнія мы отаковыхъ не позвольтельныхъ делахъ имѣемъ.

На завтрешны день уже въ городѣ въ Новомъ Садѣ, о Балеви-че учинѣнъ обыскъ, спрашиваютъ вездѣ посланные изъ крепосты обнѣмъ, для чего и въ тамошны Городской Сенатъ (такъ въ томъ городе ихъ судебное место называютъ) дано знать, я о томъ слышу, а также сказано мнѣ что посланъ нарочны искать Балевиича и втомъ городе въ Панчеве, куда онъ сказалъ что ехатъ хатѣль, и тамъ еже-лы его найдутъ чтобъ арестовать.

Того же дня посилаетъ адинъ господинъ (не хачу ево здесь упомянать) ко мнѣ своего человека спрашиваетъ будуль я въ вечеру у себя адынъ; и что онъ имѣетъ надобность со мною видѣтца, (сей господинъ въ томъ городѣ Новомъ Садѣ естъ въ великомъ почтеніи, и мнѣ коротко знакомъ), отвечаю я тому посланному человеку что буду всю вечеръ въ квартире у себя, и что приходъ ево господина будетъ мнѣ приятенъ, съ тѣмъ тотъ посланой и пашолъ.

При наступившемъ уже вечеру пришлоъ тотъ господинъ самы адияъ ко мнѣ, я встрѣтилъ его по приятелски, мы разговаривалъ кое о чемъ съ полъ часа, между прочимъ сталъ онъ мѣня просить о Балевице, чтобъ я какъ можно зделалъ съ нимъ милость, и сохранилбы его, упомяная при томъ что Балевица ищутъ и что онъ какъ его найдутъ, преданъ будетъ суду и принужденъ будетъ все дѣло откритъ, которой де тапери хотя и находитца здесь подъ скритиемъ, но однако не можетъ сие быть въ его ползу надолго, а спасеніе его, говорить сей господинъ, зависить таперъ единственно отъ васъ, а иначе съ жизнью его будетъ конецъ несчастливой, и что онъ по осужденію или на веки въ тюрьме пропадетъ или зделаетца съ нимъ образецъ что казнѣнъ будетъ смертию, а какъ таково дѣло въ каторое онъ по ошибке вмешался, продолжалъ сей господинъ свою речъ, имѣеть сьвязъ сьвашими росіискими дѣлами, то и должно подать ему помочъ и старатца и его спасенію, сьсилаясъ въ томъ на меня что я конечно то здѣлать могу и отъправить его тайно въ Россію, советую меня тѣмы словами, чтобъ такъ зделать и что такимъ образомъ останетца сие дѣло не известно и по суду не можетъ быть далѣ открито.

Ежелибы сего господина я не зналъ такъ коротко, и что онъ есть честной человекъ, и билбы въ место его кто другой тобы я какъ учинѣной мнѣ визитъ такъ и слова его сочелъ за искушение, но какъ онъ ны вчемъ не былъ мнѣ сумнителѣнъ, то потому и могъ я съ нимъ о томъ дѣлѣ войти въ разговоры, претолковавъ ему все тѣ строгіе повелѣнныя каторые я имѣю, и говорю что конечно и все другіе наши афицеры кои по той камыси въ Австріи находятца такіежъ повелѣнныя имѣють, показавъ ему и ордеръ отъ нашего полномочнаго посла, таперъ говорю я ему представте вы себѣ смѣюлы я въ Балевицево дѣло войти, не имѣвши на то ни какой ны вла-власти ны способности.

Онъ все мои слова что я ему отвечалъ и представлялъ со вниманіемъ выслушалъ, разсуждалъ самъ въ мою сторону что долженбы я былъ преступить все тѣ повелѣнныя и здѣлать самъ собою отъвагу когда о Балевице что дѣлать предпріиму, при чемъ однако не преставаъ онъ своею прозбою, и требовалъ чтобъ учинить Балевицу какую нибудь помочъ и тѣмбы его обнадежить.

Меня та промба сего господина задала въ думки, и не могъ я ему никакова на тотъ часъ слова дать, а говорю чтобъ еще до зав-

тре оставилъ меня разсмотрѣтца и на чему положу, то о томъ не-оставлю его уведомить; съ тѣмъ мы разстались и онъ пошелъ дамой.

Сколько жъ я ны крепился чтобъ въ такие дѣла не входить, представляя себѣ что Балевичь дѣлалъ свое дѣло изъ користи, получивъ отъ Петровича денги а не отъусердия къ Россіи, а Петровиць также вошелъ въ сие дѣло не подолгу а единственно полегкомыслию дабы чѣмъ нибудь натянуть обще съ своимъ владикомъ, въ выводѣ обещанаго числа людей, что и представлялось предо мною въ резонъ не мешатца въ дѣло Балевица, однако какъ съ другой стороны сталъ я разсуждать, какое изъ того ежели Балевичь будетъ къ суду представленъ выдетъ затрудненные и откритца дѣло стыдное и предосудительное, что не токмо до нашего полномочнаго посла въ Виенѣ дойдетъ, но еще можетъ быть и ко двору нашему отънесетца, исчего чтобъ иногда не воспослѣдовало какова одной и другой стороны неудовольствія, и тѣмъ и вся сия камбѣсія прекратитца можетъ, то въ предъупрежденные всего того и дѣло чтобъ осталось безгласно, разсудылъ найтыть способъ, и Балевица отослать въ Виену, а оттуда случаемъ препроводить его за границу въ Польшу, и на томъ положеныя провелъ я ту ночь.

Поутру рано присилаетъ тотъ господинъ ко мнѣ своего чело-вѣка и просить чтобъ у него въ тотъ день отъобедать, исчего я могъ догадатца что онъ тѣмъ случаемъ хочеть со мною о Балевице еще говорить, слуга съ ответомъ моимъ что буду возвратился, а я между тѣмъ покудова время будетъ итыть обедать, селъ и писалъ въ Виену письма, одно къ господину послу а другое къ секретарю Волкову, изъяснивъ о Балевице какой онъ человекъ съ приписан-емъ ему въ похвалу, какъ онъ изъ усердия къ Россіи старался оказать свою услугу, и что таперъ о томъ его дѣле отъкрылось и что жизнь его подвержена опасности, а чтобы сие дѣло по суду не могло быть явно, упомянулъ я, что принужденъ былъ отъправить его тайно въ Виену, и просилъ о неоставленіи его своею милостыю и учинить ему помочъ и защиту.

Потомъ какъ пришло время къ обеду, пошелъ я къ тому господину, онъ съ супругою своею встрѣтили меня у дверей, были мнѣ ради, мы только адни были у стола а постороннаго не было никаво.

После обеда пашли въ другой ево пакой, сталъ меня тотъ господинъ спрашивать, на чомъ я о Балевице положилъ, я ему на то отвечаю что заготовилъ объ нѣмъ письма въ Виену, и что хачу его

завтре туда отъправить, толко чтобъ онъ, говорилъ я, иначе преодѣлся и пашпортъ подь видомъ купца чтобъ имѣлъ; на сіи мои слова сей господинъ благодарилъ меня, и былъ такимъ моимъ положениемъ много доволенъ, сказавъ притомъ что о пашпортѣ такъ и чтобъ преодѣтъ Балевича въ купецкое платъ, беретъ онъ ту камысию на себя.

Въ томже городѣ Новомъ Садѣ бываетъ извозчиковъ всегда много, и становятца за городомъ въ заездныхъ домахъ, кои приѣзжаютъ изъ разныхъ местъ съ попутчиками, и оиатъ съ такимыжъ назадъ возвращаютца, и ездятъ во всѣ места и города непрестано, то потому и легко было для отъправленія Балевича таково возъ наитытъ.

Балевичъ преодѣлся какъ купецъ проежи изъ турецкой области, каковыхъ тамъ полноъ городъ съ разными товарами есть и наиболше Греки, и ездятъ и товари свои развозютъ по вѣсѣмъ протчимъ городамъ а болшою частию въ Пешту, въ Будимъ, и въ Виену, то подвидомъ такова купца и онъ устроень былъ, а подводчикъ уже ему былъ отъ меня заготовленъ въ томъ заездномъ доме, где мой вахтмейстеръ квартирую стоялъ.

Я такимъ образомъ что Балевича отъправить намерень далъ въ томъ тому господину слово и говорю чтобъ онъ завтре въ вечеру явился, (надобно же знать что всѣ тѣ дни Балевичъ у своего шурина спрятанъ въ погребу лежалъ).

Онъ завтрешны день въ поздую вечеръ пришолъ ко мнѣ въ наряде яко Грекъ, купецъ изъ Туречшины каковъ и пашпортъ на свободной проездѣ до Виены подь чужимъ названьемъ онъ имѣлъ, я давъ ему тѣ заготовление два писма, а ктѣмъ и третое еще ему далъ, которое я объ нѣмъ на всякъ случай писалъ въ Виену, къ моему приятелю тому купцу что банкеръ, о коемъ я въ первой часты говорилъ, съ прозбою чтобъ онъ въ случаи нужды въ препровожденіи былъ Балевичу въ помочь, что въ самомъ дѣле наиболее ему помогло, какъ о томъ ныже видно будетъ.

Балевичъ, взявъ тѣ отъ меня писма, отъправился туюжъ ночь въ дарогу, благополучно такъ что ни кто обнѣмъ ни мало сведения не имѣлъ, и доехалъ въ Виену, онъ адресовался первее тому моему приятелю купцу, какъ я ему приказалъ и писмо подаль, каторой поставилъ его квартирую къ такому человеку где могъ безопасенъ бытъ, а потомъ показалъ ему дарогу какъ на посолски дворъ итытъ, куда пришедь явился къ секретарю Волкову, и писма мои ему подаль,

однако на то не много или никакой помочи ему сделано, ибо господинъ посоль не придвидѣлъ резона дать ему свою протекцію и сказалъ что онъ ежели имѣеть намеренные ехать въ Россію, самбы о своемъ проезде старался, почему уже Балевицъ принужденъ искать милосты у того моего пріятеля кушца о коемъ више я сказалъ.

Онъ по писму моему отъправилъ Балевица с купцами за границу въ Лейбцигъ, и писалъ объёмъ къ своимъ пріятелямъ купцамъ же тамъ находящимся, чтобъ отъправили его въ Варшаву, (во всѣхъ тѣхъ городахъ, есть купцовъ Грековъ даволно, кои иногда въ нужде людямъ помагають).

При выездѣ своемъ изъ Виены Балевицъ обо всѣмъ томъ писалъ ко мнѣ по почтѣ, о чемъ и я объявилъ тому господину о коемъ више часто говорено, и потомъ никто не зналъ куда Балевицъ делалъ и осталось уже его дѣло въ забвеніи, почитая его безвестно пропавшимъ.

Однако Балевицъ пробрался чрезъ Польшу, приехалъ въ Россію, въ Санктпетербургъ благополучно.

Я послѣ сей экспедиціи поехалъ на границу Цесарскую въ городъ Митровицу, которой лежитъ на реке Саве, на левомъ берегу въ Сирміи противъ турецкой области, где и главный пропускъ изъ заграницы есть, и карантинные дома и караулъ учреждены, въ томъ же городе жителство имѣлы, мать супруги моей и братъ полковникъ Александръ Рашковичъ съ супругою и съ детьми своими, мы пріехавши туда застали ихъ всѣхъ въ добромъ здоровіи, приняли они насъ къ себе во дворъ, отведены намъ были особливые пакои, и тутъ ужъ мы своимъ пребываніемъ расположились.

На семъ мѣстѣ надобно было мнѣ по моей камысіи что выбудъ дѣлать и устроить прежде нежели пограничная рѣка Сава разстанеть и промыслить къ пріобретению стой стороны изъ пограничныхъ турецкой области, хотя малое число людей, понеже о Черногорцахъ чтобъ они на тѣ места могли вытѣть никакъ не надежно, потому что имъ надобно бы было чрезъ всю Боснію величайшими горами въ турецкой области пробиратца, что и составляетъ дальную и опасную отъ Турковъ путь, и для того поехалъ я наберегъ Савы реки, которая тутже при томъ городѣ Митровицы вьнизъ протекаетъ и не далеко отъ города карантинной домъ состоитъ, при коемъ директоръ и другіе принадлежащие чины обретаютца и караулъ цесарской поставленъ.

Я видѣлся съ директоромъ и познакомился съ нимъ, показалъ ему имѣющейся у меня отъ двора цесарскаго пашпортъ, что по оному мнѣ на учрежденныхъ карантинахъ на границе выходящихъ Черногорцовъ принимать должно, испрашиваю нѣтъ уже каково вышедшаго отъ туда (мнѣ о семъ такъ надобно было спрашивать и говорить что конечше будутъ).

На таково мое объявленные директоръ сказываетъ, что онъ о моемъ туда приездѣ по команде своей уже известенъ, но Черногорцевъ говорить онъ еще ныково нѣтъ и не слышно чтобъ оны были, на что повторилъ я ему моимъ объявленнымъ что будутъ, и прошу на таково случай для приему оныхъ позволилбы быть притомъ карантине моему одному вахтмейстеру и капралу, которые будутъ тѣхъ выходцовъ записывать и денною пищею покудова въ карантинѣ свое время выдержуть доволствовать, на ту мою прозбу директоръ позволилъ, и вахтмейстера моего принялъ.

Таперь ужъ на первой случай намеренье мое малымъ зачаломъ основано, къ чему чтобъ достигнуть и точнымъ дѣйствіемъ, надобно было предпринять другіе меры, но такъ чтобъ не войтить въ затрудненныя и не подать о себе тамошней командѣ какова подозрѣнья.

Мнѣ вся та пограничность довольно была еще прежде извѣстна, а притомъ были на некоторыхъ местахъ по границе цесарской люде такие, кои доводилысь мнѣ несколько въ свойстве, а ктому и другіе знакомые добріе приятели, и своихъ я зналъ наково положитца можно, то и нашолъ я таковыхъ что по приятелски мнѣ въ моемъ предприятіи учинили помочь.

Я чрезъ оныхъ секретно на ту сторону въ турецкую сторону, въ лежащие по границе на реке Саве места далъ о себѣ знать, что нахожусь я въ городѣ Митровице дожидаясь для приему приходящихъ Черногорцовъ, и что втомъ числѣ будетъ можно подъ именемъ тѣхъ Черногорцевъ брать и другихъ людей, вышедшихъ изъ турецкой области къ себе въ команду, для чего ежели кто желаетъ то чтобы выходили и являлсы на учрежденномъ по границе Цесарскомъ караулѣ где кому способно, откуда приведены будутъ въ карантинъ и тамъ всео содержаные будетъ отъ меня имъ давано.

Меня къ сему предприятію ничто болше не побудило какъ только одна ревность и усердые къ моей присяге, и тѣмъ оказать услугу Россіи (кою уже я своимъ отечествомъ называю и потомковъ

своихъ во ономъ въ пользу оставить намеренъ), то для того приложилъ я свой трудъ и стараные чтобы сей случай учинить полезнымъ и вывести людей въ Россію.

О моемъ приездѣ въ сей городъ чрезъ моихъ приятелѣй какъ я выше говорилъ дано секретнымъ образомъ на ту сторону въ Турецкую область, въ лежащие на берегу Савы реки места живущимъ тамо Сербамъ знать, отъ куда и стали въ разные числа выходить какъ кто могъ изобрести случай чрезъ Саву реку лдомъ уже въ послѣднѣй преходъ, ибо река потомъ скоро въскрылась и являлась какъ имъ сказано на цесарскихъ караулахъ объявляя себя Черногорцами, коихъ приведено въ карантинъ люде всѣ холостые и выднне, о коихъ тотъ часъ какъ кто приходилъ давано мнѣ знать, и я оныхъ принималъ въ свое ведомство, каковыхъ всего собрались человекъ шестьдесятъ два, для коихъ здѣлалъ расположеные въ продовольствіи дневной пищи, а также некоторымъ покупалъ и давалъ одежду и обувь, а на то къ издержке были у меня казенные переведеные еще съ приезда моего денги триста червоныхъ*.

Не упустилъ я тотъ часъ какъ сіи люде ко мнѣ собрались и въ карантинъ вошли, послать отъ себя рапорты, адинъ въ Виену къ нашему полномочному послу графу Кейзерлингу, а другой въ Триестъ къ находящемуся тамо съ казною полковнику Пучкову, коимъ донесъ, что уже ко мнѣ прешло на цесарскую сторону выходцовъ съ стороны турецкой кои объявили себя Черногорцами шестьдесятъ два человекъ и что поставлены въ городѣ Митроваце въ карантинъ, по выдержанни коего переведены мною будутъ на Венгерскую сторону, за реку Дунай въ городъ Новы Садъ, где и ожидать буду далшаго повелѣнныя.

Мнѣ мои приятели тамъ по границе живущие о коихъ я выше говорилъ сказывали, какую желаность въ народѣ на той сторонѣ за

* Надобноже знать и о томъ что на той сторонѣ зарекою Савою въ Турецкой области въ Босніи и въ Сербии, живутъ турки не таковы какъ въ Анатоліи и въ Египте, а совсѣмъ другога рода люде, кои съ зачала своего изъ древности были христіанѣ, и тѣжъ какъ и прочіе тамъ живущіе сербы, но потомъ отъ наглости и варварства турецкаго истурчались и нынѣ живутъ наибольшъ въ тамошнихъ городахъ, а по селамъ кое гдѣ хотя и есть, но весьма мало, языкже и обычай держуть природны свои сербскіи: оны на своей сторонѣ по рекѣ Саве хотя и держуть караулы, но когда кто изъ жителѣй на цесарскую сторону уйдетъ, то ужъ въ томъ требованніи нѣтъ, почему и сіи что ко мнѣ прешли остались безъ претензіи.

границею возбудило къ выходу, что ежели бы не помешало худое время и распутица и что река Сава^а уже въскрилась, тобы подьялись было со всѣми своими фамилиями люде преходить ко мнѣ, въ чемъ и мои выходци что въ карантинѣ подтвердили, и говорятъ что естлы я тамъ еще на дачѣ находитца буду, то де на предьбудущее лѣто и на другую зыму целимы селениямы подымутца и выходить будутъ на сию сторону.

О семъ что мнѣ объявлено писалъ я къ владыки Черногорскому, каторой тогда было въ Триестъ приехалъ, а также и майора Петровича о томже известылъ, а приятелямъ моимъ сказалъ чтобы они на ту сторону народу дали знать, что или я тутъ буду или кто другой на место мое пришлѣтца то конечно примѣны будутъ, въ чемъ чтобы имѣлы надежду и билибы в готовности.

Сколкоже сие время какъ я тамъ на границе находылся было мнѣ съ своимы препроводить приятно и весело, столко же еще и больше принесло мнѣ скорбы и печалы, ибо синь мой, о коемъ я прежде говорилъ что несчастые ему въ Такае приключилось, заболѣлъ вдругъ такъ жестоко что на треты день тамъ же скончался, сей ударъ его смерти претворилъ всю нашу веселость и утеху въ великую жалость, отъчего супруга моя въпада въ болезнь и лежала на постелѣ неподвижна.

Я всѣ силы свои употреблялъ къ ее ползованью, изыскивалъ лекарей, но что при той болѣзны еще была она и бремена, то лекаря советовалы чтобы лекарствамы поудержатца, дабы тѣмъ нездѣлатъ еще чего хуже, она пролежала на постелѣ недѣлы две, и хотя ей немного и полегче стало, но однако была очень слаба и большъ лежала нежелъ хадыла.

Тѣмъ временемъ къ карантинѣ моимъ выходцамъ срокъ вышелъ и выпущены, я обныхъ что карантинъ выдержалы и сколько ихъ числомъ есть, а также и то что оны при выходе объявилы себя Черногорцамы выпросилъ отъ карантинога директора атестать, и потомъ превелъ ихъ за реку Дунай на Венгерскую сторону въ городъ Новы Садъ, объявилъ также о томъ въ крепосты Петроварадинѣ оберъ-коменданту, отъ коего посланъ былъ афицеръ освидѣтельствовать и осмотрѣтъ каковы оны и нетамошниелъ люде, потомъ нанялъ я тамже въ городѣ Новом Садѣ на выездѣ три болшия заездные дома, куда въместылъ всѣхъ своихъ выходцовъ, приставылъ къ нимъ вахтмейстера и капрала адного, учредывъ притомъ о ихъ содержаніи под-

лежащей порядкомъ, оставилъ ихъ на томъ, а самъ поспешилъ опять на границу где и прежде былъ, и тако уже поспѣла весна и дни хорошие показались.

Не много дней после того спустя получилъ я отъ полковника Пучкова ордеръ, коимъ даетъ знать что посидаетъ ко мнѣ ярець вахтмейстера Фишера двадцать семь человекъ, кои какъ скоро придутъ чтобы я соединивъ съ тѣми у себя имѣющими ехать и препроводилъ оныхъ въ Россію до Киева, куда какъ приеду ожидать сенатскаго указа, по преждѣму мы по той камыси ехать обратно въ Цесарію, или какъ приказано будетъ, а люди мною туда выведенные останутца въ ведомстве Киевскаго оберъ-коменданта, на дорогу же для препровожденныхъ людей такожь и подлежащее мнѣ заслуженное жалованье получить мнѣ чрезъ переводъ въ крепосты Петроварадинѣ денги.

Я получаю то повелѣніе что ехать сталъ ктому готовитца и ожидаю того отъправленнаго ко мнѣ съ людьми вахтмейстера Фишера, но другая мнѣ скорбь на голове что супруга моя еще на постели слаба, и какъ по немощи ее такъ и то что тяжело бремена, почему ни какъ въ такую дальнюю путь отважитца и трудъ на себя взять чтобы ехать была невсостояннѣ, для чего и положили на томъ что ей оставатца у матери, и какъ можетъ быть что указомъ сенатскимъ повелѣно будетъ опять по той камыси возвратитца мнѣ въ Цесарію, а она тѣмъ временемъ пооправитца здоровьемъ и отъ бремени своего разрешитца, то тогда и ехать будетъ можно, наше намеренное положено было хорошо, но человекъ бедная тварь на светѣ, не знаетъ къ чему судьбина ведетъ и какое несчастье понестъ долженъ.

Вахтмейстеръ Фишеръ прибылъ ко мнѣ самъ адынь а людей оставилъ по тракту прямой дороги въ городѣ Кечкеметѣ, я не медля болѣе простясь съ супругою своею отъправился въ дарогу, какъ можно было легче, взявъ толко одну каляку и четыре лошады да два человекъ слугъ съ собою, а проездомъ чрезъ крепостъ Петроварадинъ зашолъ къ оберъ-коменданту (старикъ о коемъ я прежде много говорилъ), объявилъ ему о себѣ что отъезжаю и простясь съ нимъ, получилъ также преведенные мнѣ тамъ въ крепосты денги, преправился чрезъ Дунай на ту сторону въ городъ Нови Садъ, нанявъ тамо фурманчиковъ съ большими фурамы, и посадя на оныя всѣхъ своихъ людей, отъправился въ путь.

Третьимъ днемъ поспѣлъ я въ городъ Кечкеметъ гдѣ и тѣ приведенные Фишеромъ изъ Триеста люди меня дожидались, и совокупя

онѣхъ обща съ своими что и составило тогда мою команду всего восемьдесятъ девять человекъ рядовыхъ да вахтмейстеръ адынъ и капитанъ адынъ, отъколъ взявъ дарогу свою далъ.

Вахтмейстера Фишера по задаче людей хотя и велѣно отъпривести обратно въ Триестъ, но я взявъ его съ собою еще на два ночлега, спрашиваю я его всѣли тѣ приведенные люди точнии Черногорцы какъ оны по списку значуть, ибо говорю я ему какъ примечаю изъ наречія ихъ, хотя оны языкомъ Сърбскимъ и говорятъ но надобно имъ быть какова нибудь другога краю людямъ.

Онъ на то мнѣ отвѣчаетъ что тутъ Черногорцовъ нѣтъ, а нѣтъ быралаы де мы тайно гдѣ како достать могли и тѣмъ именемъ въ писывали, а Черногорца говорить онъ ни одного мы тамъ не видали, и владки Черногорски хотя къ намъ въ Триестъ моремъ и приплылъ, но также отъ туда съ собою никаво не привелъ, окромѣ несколкихъ человекъ поповъ да чернцовъ, а говорено де что вслѣдъ занимъ изъ Чорной Горы туда въ Триестъ люди будутъ моремъ на кораблѣ; Фишера потомъ отпустилъ обратно, а маршъ свой продолжалъ я далъ.

На первомъ ночлеге было мнѣ безъ хлопотъ и спокоемъ, на другомъ же и на третьемъ стало несколько являцца безъспокойство а что далъ то хуже, напоследокъ и весьма хлопотливо стало, а то всею происходило одъ тѣхъ присланныхъ ко мнѣ изъ Триеста людей, кои были всею воръ наголо и пьяницы прегорские; наволочъ то такая была что хуже сискать нигде невозможно, между имижь были оружейные лѣсовые настоящи разбойники, и гдѣ только чего на ночлегахъ и проездемъ чрезъ жилища и въкарчмахъ захватють и сорвать могутъ то ужъ было ихъ.

И на многихъ местахъ принужденъ я былъ за нихъ что жителямъ надѣлають убытка платить денги; сверхъже того еще между имижь еженедно происходили страные не согласїи, ибо всякъ хатѣлъ болшь другаго быть, и также на фурахъ гдѣ каму сидѣтъ первенство въ местахъ выбирали, и на то место гдѣ кто сперва сидѣлъ, ужъ другому садитца воспрещали, исчего не токмо что ссоры но и драки иногда происходили.

Отъ какова безъпутства хотя и могъ я строгостью отъшеть уже къ границе Полской ихъ поудержать, но разсудилъ что такые развратные люди отъ того могутъ разбежатца и понесу я чрезъ то

опосля великое затруднены, для чего и принужденъ былъ обходитца съ ними всякою ласкою и тѣмъ привести ихъ къ послушанию.

Давалъ я имъ въ дароге пищу мясомъ и рибою, где толко было можно доставать съ излишествомъ, также поденно на пропой деньги, и говорилъ съ ними повсякъ часть ласково хвала ихъ храбрость, и достоинство, останавливался иногда проездомъ на дороге предъ корчмамы куповалъ пиво и горелку и поилъ ихъ невзачотъ, упомяная притомъ о ихъ своеволстве, что то имъ не есть прилично дѣлать и стыдно, и что нанесутъ тѣмъ на себя худое имя, а лучше говорилъ я имъ какъ вы будете воздержны и послушны и между собою согласны и дружелюбны, и такую хорошою поступкою приобретете честь своего имени, и можете за хорошее поведенье получать чины афицерскіе, толкуя притомъ имъ что въ Россіи по службѣ никто не останетца безъ награжденія.

И тѣмъ и тому подобнымъ едва я ихъ могъ довести до согласія и дружелюбія, и что повинovatца стали моимъ приказаніямъ, я съ ними сперва жизнь свою мучилъ да и самъ опасался чтобъ иногда бунтъ въ такой дальнѣй дароге и въ чужемъ государствѣ не сделали, и уйдуть къ Полякамъ въ службу какъ на многихъ мѣстахъ покушались Поляки и явно о переходе къ нимъ моихъ людей подгаваривали, для чего и не хотѣлъ я никогда въ городахъ и въ большихъ нестѣчкахъ становитца на ночлегъ, а располагалъ маршрутъ свои чтобы въ карчмахъ по дороге или въ селахъ ночлеги свои имѣть.

Тѣже другіе мои люди коихъ я вывелъ, были какъ съ зачала такъ и во всю дарогу до самаго Кіева мнѣ послушны и вѣрны, почему я будучи вдароге и большъ доверенности на нихъ имѣлъ, и такимъ образомъ и стою моею трудностью продолжалась путь моя чрезъ всю Венгрію и чрезъ Польшу до самой границы Россійской.

Между же тѣмъ что изъ Триеста присланы ко мнѣ люди узналъ я адного знакомова мнѣ издавна человекъ, Сербынъ родомъ изъ Славоніи, каторой былъ во время моей въ Цесаріи службы, въ Славонскомъ гусарскомъ полку, у манора Продановича во дворе при его дѣтяхъ учителѣмъ, звался Алексѣй Каляновичъ, былъ человекъ поведенія хорошаго и учонъ на своемъ природномъ Славенскомъ языкѣ давольно, и отышедъ отъ манора изыскивалъ себы другова мѣста, былъ въ Далмаціи, а отытуда приглашенъ былъ чтобы итытъ къ владикѣ Черногорскому въ секретары, какъ оной владика туда писалъ и просилъ своихъ знакомыхъ чтобъ такова человекъ изыскать постарались.

Сей человекъ былъ въ Черной Горѣ у того владыки Василія въ должности секретаря три года, и снѣмже и въ Триестъ моремъ приплылъ, а какъ услышплъ тамо что я по сей камысіи нахожусь въ Цесаріи (какъ онъ мнѣ о томъ сказывалъ) и что я отъправляюсь съ командою въ Россію, то потому не хотѣлъ болѣе при владыке оставца просить увольненія и пожелалъ съ отъправленными людьми въ Россію, почему обще съ оними отъ туда людмы, прѣехалъ ко мнѣ.

Я сему человеку былъ весьма радъ, и какъ онъ не подлаго рода, то сажалъ его съ собою за столъ, и вдароге сомною въ мѣстѣ въ каляске сидѣлъ, причѣмъ былъ мнѣ случай узнать о делахъ той черногорской камысіи, что тамъ въ той странѣ происходитъ, его я о томъ спрашивалъ на что въ подробность мнѣ прѣсказывать сталъ.

Что владыка Василій приехавши изъ Россіи въ Черную Гору собралъ къ себе сердара и другихъ тамошнихъ почотныхъ хазяевъ и отъ священства, объявплъ имъ что такова камысіа зачнется, и чтобы согласилсь ехать въ Россію на первой случай холостіе молодые люде а потомъ и съ женамы и съ детмы кто пожелаетъ выходить могутъ, и просилъ владыка чтобы втомъ никто не отказывался, ибо де онъ на первой случай обещалъ вывести изъ Черной Горы въ Россію тысящу человекъ, а потомъ еще и болше, и что на препровожденые ихъ отъ Триеста до Россіи будутъ употребляемы изъ казны денги.

Лышь толко что владыка тому собранью, говорить Калиновичъ, о своемъ намеренны объявплъ, какже всѣ на него негодовать стали и зделалсь две партіи, одна изъ свойственыковъ владыки на то согласилсь, а протчіе всѣ отказалсь і что ехать не хотятъ, упрекая что какую онъ власть имѣетъ приглашать людей, чтобы изъ своего отечества выходилы, и что онъ ежелы обещалъ, то можетъ выводить съ собою каво самъ имѣетъ подъ своею властью, а оны ехать не хотятъ, и стѣмде всѣ разошлись, между коимы былъ, говорить Калиновичъ, главной что спорилъ нѣкто именемъ Стано, за коимъ и всѣ протчіе одинако почты говорили.

Владыка послѣ того, продолжаетъ Калиновичъ, былъ несколько дней въ великомъ смущеніи, видя что его никто не послушалъ, а дѣло такое безъ согласія народа самъ собою зачалъ каторое исполнить должно, то и зачалъ приглашать своихъ свойственыковъ и некоторыхъ поповъ что вдовцамы были, давъ имъ благословеніе обриту бороды награда денгамы и назначивъ ихъ чинамы афицерскими и тѣмъ пригласилъ на свою сторону.

Потомъ владика избѣираетъ предства набы приласнать къ себѣ того начальника именомъ Стана, о коемъ выше сказано что наиболше спорилъ, а также воеводу и сердара Мойша, коихъ и пригласилъ къ себѣ подарками, а притомъ засваталъ за маиора Петровича Станову оверу, обещаваъ ему титулъ губернатора, (каково названіе и достоинство тако прежде не бывало) растолковавъ ему что то значить генераль, и владелецъ всей той земли, и что тѣмъ достоинствомъ по его рекомендаціи признанъ будетъ отъ двора Россійскаго, ежели только онъ въ Россію поедетъ, и что онъ изъ Россіи можетъ вернутца назадъ и будетъ уже начальникомъ во всей Чорной Горѣ, а только бы онъ согласился ехать, и старался бы пригласить къ выходу и протчихъ жителей.

Таковъ отъ владики предъпріятыя возымѣло некоторымъ образомъ желаемой успѣхъ, онъ согласивши того Стана на свою сторону и утвердивъ уговоръ что на его сестре маиоръ Петровичъ безъ сумнѣнія женитца будетъ и что невеста обще съ нимъ въ Триестъ къ жениху поедетъ, а также воеводу, и сердара, обнадеживъ что когда оны согласятца ехать въ Россію, где конечно по ихъ усердію будетъ отъ двора учинѣно награждение, то оное все имъ отъдасть.

Тѣмъ основавъ владика свое дѣло, и тѣ приступивъ къ его долгу, зачавъ протнихъ людей къ выходу приглашать, каковы и стали у владики являтца, изъ коихъ что почотныхъ домовъ были, объявляя онымъ владика афицерскіе чины, однако совсѣмъ тѣмъ не много таковыхъ желающихъ къ выходу явилось, какъ о томъ еще далѣ видно будетъ.

Подъ тотже случай послужило владики въ резонъ къ разговорке, что онъ своей камысію такъ какъ обещалъ исполнить не можетъ яко втожь время наступилы Турки отъ страны Албаніи на границы Чорной Горы, и Черногорци забавляясь о своей домашней бѣдѣ, выступилы всѣ къ своей защите и имѣлы съ Турками сраженіе, почему онъ владика положившись къ выводу техъ людей, комъ объявляли желаніе, на тѣхъ своихъ союзниковъ, собравшись на скорую руку выехалъ изъ Чорной Горы, нашедъ отъправляющееся по близости тамо на берегу Венецианской границы на море Адриатическомъ судно, селъ на опое и приплылъ на Цесарску границу въ городъ Триестъ, где уже былъ полковникъ Пучковъ съ казною, втожь время и сей его секретарь Калиновичъ съ нимъ тудажь пришоль, о чемъ что Турки таково на Чорную Гору учинилы нападеніе посоветовавъ владика съ маиоромъ Петровичемъ въ сочиненіи своего къ полковнику Пуч-

кову объявленыя, приписалы притчину въ выходе людей изъясняя, что Черногорцы забавились въ защите отъ нападения турецкаго своихъ жилищъ, не могутъ таперъ въ великомъ числѣ выехать и отъделяють некоторую часть и что вскоросты прибыть имѣють.

Потомъ какъ владика тамъ въ Триестѣ будучи получилъ чрезъ почту отъ меня письмо, что я къ нему и къ майору Петровичу писалъ и уведомиль ихъ о томъ числѣ людей, кои ко мнѣ изъ турецкой области въ городъ Мытровицу на границу цесарскую перешлы, и что еще и болше людей обещались ко мнѣ отъ туда притытъ, а зная уже владика съ майоромъ Петровичемъ что выходъ ихъ Черногорцовъ будетъ не великъ, и что обещанные свое исполнить не могутъ, для чего и надобна имъ было сводить свои концы иначе, то и побоялысь оны меня тамо на границе долѣ держать, дабы выходъ народа не могъ приписанъ быть въ похвалу болшъ на меня нежели на ихъ, и что конечно отъкроитца опосля что то не есть Черногорци а только что подъ именемъ такимъ пригласилъ я къ выходу другихъ Сербовъ къ себе, то и положили оны чтобъ меня стого места отъвестъ протчъ, докладывая полковнику Пучкову (какъ онъ самъ опосля по уничтоженіи той камыси и узнавъ всѣ ихъ дѣла будучи въ Петербургѣ о томъ мнѣ сказывалъ), чтобъ съ сиею командою въ Россию меня отъправить, а на мое место туда на границу послать адъютанта Маркова, а притомъ писано въ Сенатъ съ требованьемъ скорейшей присылки и того названнаго поручика Ездимировича, каторой съ первымъ транспортомъ людей пошолъ въ Россию, (о коемъ више говорено) почему того же года и зделано и тотъ Ездимировичъ по такому требованью изъ Россіи отъправленъ къ нимъ въ Цесарію, коего тудажъ на границу гдѣ я былъ поставилы и онъ обще съ адъютантомъ Марковымъ тамъ остальсь, и народъ въ летнѣе время какъ прешолъ изъ Турецкой области на Цесарскую сторону съ женами и съ дѣтми и холостые всего около тысяча душъ принялы, подъ тѣмъ названьемъ какъ имъ прежде чрезъ моихъ приятелѣй сказано, чтобъ при выходе Черногорцами себя объявлялы, (сие дѣлалось въ 1757 годѣ).

Таперъ оставимъ владикѣ и майора Петровича съ ихъ Черногорцами въ мѣстѣ, покудова опять до нихъ речъ придетъ, а будемъ говорить о моеи дароге какъ оная продолжалась далѣ.

Сколько мнѣ было труда и мучения будучи съ симы людми въ дароге, о томъ уже я више говорилъ, и такимъ образомъ продолжалась моя путь чрезъ всю Полшу, и дошедъ не далече уже отъ гра-

ницы нашей Россійской въ Полское местечко Паволочь (что на Украинѣ близъ перваго форпоста Россійскаго Василова).

Въ томъ местечке довелось мнѣ стать въ полдень на попасъ, незнающе я нычего что тамъ Полскіе команды стоятъ, и въехавши уже въ заездные жидовскіе дома, велѣлъ чтобъ фурманщики лошадей своихъ покормили а люде также пообедали, выжу я что на улыще ходють Полскіе жолыри, спрашиваю ихъ что и какъ и за чемъ тутъ находятца и кто предными командиромъ, на то сказали мнѣ что оны самы не знаютъ какая надобность имъ тутъ быть, и что оны толко вчера съ туда пришли, а о командире своемъ указали мнѣ домъ что въ ономъ ихъ региментаръ стоитъ.

Я разсудилъ чтобъ сделать ту политику пайтытъ къ тому ихъ началнику, адно что объявить о себѣ съ какою командою я проежаю, а болѣе что хатѣлъ отъ него узнать по какой надобности оны тамъ близъ нашей границы стоятъ, дабы по приездѣ въ Киевъ могъ оберъ-коменданту о томъ донести.

Пашолъ я туда на дворъ где караулъ его стоитъ и ундеръ афицеръ у воротъ сидѣлъ, спрашиваю я о началнике, на что отвечалъ что спитъ, однакъ можно его разбудытъ говорить онъ, я говорю ежелы не будетъ противно, то разбуды его и доложи обо мнѣ что желаю съ нымъ видѣтца, ундеръ афицеръ пашолъ и скоро возвратился указавъ мнѣ куда итытъ и что своего пана региментара разбудылъ.

Сей какъ я къ нему вашолъ сидѣлъ еще на краваты протираеть глаза отъ просонья, мужикъ претолстой здаровой, увидѣвъ меня всталъ, проситъ сестъ, спрашиваетъ кто я и какой имѣю до него интересъ, на что объявлялъ я ему о себе и что чрезъ сие местечко съ рекрутами проежаю и что не хотель оставытъ, чтобъ ему о томъ моемъ проездѣ не объявить.

Онъ такую почестыю былъ доволенъ, и вошолъ со мною въ разговоры, между прочимъ узналъ я о томъ что мнѣ было надобно знать, какъ онъ сказалъ что съ своею командою переходытъ сместа на место для охранения отъ гайдамаковъ (каковыхъ тогда по Украинѣ очень было умножилось) и съ тѣмъ я отъ него вышелъ, и велѣлъ своимъ запрегать лошадей и выезать; но не зналъ я что за местечкомъ на выездѣ еще адна такаяжъ ихъ войска толпа стоитъ, и что тамъ другой командиръ ихъ есть, фуры мои запрежены и люде селы.

Я чрезъ то местечко предъ своею командою еду на коляске, а остальные фуры съ людмы за мною, и проехавъ уже къ выезду, увидѣлъ на одномъ дворе возлѣ дароги на правой сторонѣ что караулъ стоитъ и ружи и барабаны, при коихъ часовой прохаживаетъ, а на дворе людей много, коихъ я сочелъ всю одну команду и адного командира съ тѣмы прежними у коего я уже былъ.

Дарога та лежала на томъ местѣ угломъ и заворотъ большою, отъ чего помешало что фуры мои съ людмы не могли такъ скоро выправитца и за мною блиско ехать.

Меня самага съ каляскою тѣ караульные пропустили и никто нычего неспрашивалъ, а какъ изъ за того заворота показались мои фуры съ людмы, то часовой закричалъ къ ружью а самъ выскочилъ на улицу и переднюю фуру остановилъ хатѣлъ видно узнать кто и что за люде едутъ.

Я увидя что фуры мои остановлены выскочилъ изъ каляски поспешилъ чтобъ самъ тамо отвечать, но покуда я поспѣлъ то адинъ изъ моихъ разбойниковъ скоча съ фуры дамой и того часоваго ударилъ и повалилъ на землю и ужъ крикъ зачался, караульные выбежали изъ двора и прегородили дарогу, барабаны ударили тревогу, и потому скоро и звона на колоколнахъ набать бытъ стали, народъ и саадаты стали стекатца поднялась тутъ такая тревога и шумъ и крикъ отъ народа что ни слова разумѣть не можно кто что говорить, и такъ окружили и стеснили насъ втою улице что доходить до убывства, я отъ такова смущенія не зналъ что дѣлать и скѣмъ говорить и толко что могъ едва прорватца и въбежать въ тотъ дворъ гдѣ караулъ стоялъ, въ коемъ отъ той команды самъ региментаръ былъ, онъ также спалъ какъ и тотъ предны къ коему я хадылъ, и услыша на дворе тревогу въскочилъ скраваты, засталъ я его такъ полусонного, саблю на себя привязивалъ.

Счастье мое что я еще успѣлъ такъ скоро къ нему войтытъ, сказываю ему о себе что я россійской штабъ-афицеръ и веду новыхъ рекрутъ изъ Цесаріи въ Россию, (ужъ я о Черногорцахъ ничего не упоминаю) и обвиняю его караульныхъ что меня обыдили и моихъ людей быють, и требую отъ него скорейшаго защищенія.

Онъ по моимъ словамъ тотъ часъ выбежалъ на улицу, сталъ на своихъ кричать и унымать, подошедъ въ ту собравшуюся толпу народа разганять сталъ, что пролжалось около двухъ часовъ покуда мало что утишитца могло.

На тотже крикъ и тревогу подоспѣла была и та и другая изъ местечка каманда и ужь было стали на ветрѣ стрелять подавая тѣмъ по ихъ обыкновенію большъ шуму къ тревоге; и при всемъ томъ естли бы сей региментаръ не подоспѣлъ и самъ къ моимъ фурамъ не подошелъ, при коемъ и я неотступно былъ, то бы наверно много мертвыхъ тутъ осталось, ибо и мои люде ужь всѣ дружелюбно взялысь было себя защищать притиснившись къ одному углу за фуразы приуготовились было со всѣмъ къ оборонѣ, а у всѣхъ почти было что нибудь ружейное, сабля, пистолець, ружью, и мало кто былъ чѣмъ хоть кинжалъ за поясомъ не имѣлъ, и то много помогло что Поляки жестоко сунутца не посмѣлы, видя что всѣ мои были соответать боемъ въ готовности.

Региментаръ самъ и еще некоторые изъ его подкомандныхъ пособлялы и разганивалы людеи протчѣ, и не допустилы до драки, а какъ все по утихло тутъ взялысь дѣлать слѣдствие, ибо региментаръ еще не зналъ и счего то дѣлалось, для чего собрались оба регимента и еще некоторые ихъ старшины и такъ по разобраніи дѣла найдено то, что и я самъ видѣлъ какъ адынъ изъ моихъ подкомандныхъ часоваго ударилъ въ рожу и съшибъ съ ногъ на землю зачалъ было таскать.

Можеть быть что по изслѣдованіи обошлось и безъ штрафа виноватаго, или бы то было можно повернуть какъ нибудь иначе и еще съ претензіею, но доказательство къ изобличенію предстояло явно, ибо тотъ часовой крепко кулакомъ ушибень, что у его глазъ подбить и кровью изъ носа весь окрававленъ, и сидѣлъ на дворе подь окошкомъ уже не могши быть при должности, коего къ намъ въ избѣ къ присудствию приведено, и тѣмъ доказано что мои люде самы виноваты и подалы случай къ тревоге, для чего по многимъ между нами преговоркамъ не могло быть иначе, а должно было виноватаго оштрафовать, а ушибенаго удовлетворять и тѣмъ весь процессъ кончить.

Поляки требуютъ яко ихъ часовой обыженъ, то чтобы надъ моимъ подкоманднымъ езекуция была ихъ, я на то не позволялъ, а говорю чѣмъ оставилы на меня и что я имъ надъ тѣмъ виноватымъ самъ чрезъ своихъ ундеръ-афицеровъ полное удовлетвие дѣлаю, у насъ о томъ долго споръ происходилъ однакъ осталось на моемъ.

Я приказалъ того виноватаго, каторой часоваго ударилъ, положить тутже предполскимъ карауломъ на землю и отштрафовать па-

лчѣмъ, въ самомъ дѣлѣ я самъ того хатѣлъ чтобъ былъ жестоко наказанъ, и тѣмъ показать къ воздержанью образецъ другимъ, ибо онъ былъ самой тотъ, каторой меня въ дароге наибольшъ своимъ воровствомъ и пьянствомъ безъпокоилъ.

И какъ Поляки увидѣлы что уже за пятьдесятъ жестокихъ ударовъ прошло и что еще и далѣ штрафъ продолжаетца, то стали самы меня просить, признавъ втомъ свое удовольствіе, потомъ тому часовому подарилъ я за увечье два рублы, онъ тѣмъ былъ доволенъ и примечаю что онъ еще бы разъ далъ себя такъ ударить, когда бы столкожь денегъ ему подарить.

По окончаніи сдѣ исторіи, попросилы меня оба сіи региментара къ себе въ горницу, оказывая мнѣ по сосѣдству свою склонность, и поднося напитокъ по своему обыкновеню болшими кляхамы пить, я какъ втомъ нымало несроденъ и великова питыя снестъ не могу, отъгавариваяся своею не возможностью, но однакъ вызволитца не могъ, а принужденъ былъ здѣлать имъ удовольствие, и напылся несколько слышкомъ; стѣмъ выехалъ, было то ужъ близъ вечера и толко что могъ адну мылю отъехать, схватило меня жестоко на сердце, для чего принужденъ въ случившейся на дороге карчме^е остановитца и тамъ заночевать, а то здѣлалось мнѣ отъ того лышняго питыя, что всио миодъ твердой жидовской былъ, всю ту вечеръ и наступившую ночь меня мучило съ такимъ превеликимъ жаромъ что я и завтрешны день еще боленъ былъ, и патомъ двое сутокъ ныелъ ни пылъ покудова диетомъ едва освободитца могъ.

На треты день поспѣлъ я на границу нашу Россійскую на форпостъ Василювски, тамъ меня остановили и дней десеть карантынъ держалъ, а потому выпущенъ и прибылъ въ Киевъ.

Подалъ я господину оберъ-коменданту Костюрину о моемъ прибытіи рапортъ и о приведенныхъ мною людяхъ списокъ, коихъ онъ на завтрешны день осмотрѣлъ и привелъ къ присяге, а потомъ препоручилъ состоящему тамо по той камыси порутчику, въ команду (онъ былъ того манора Петровича братъ родной звался Николай Петровичъ).

Въ Киевѣ извѣстлся я, что тѣ приведеніе прежде меня порутчикомъ Ездимировичемъ перваго транспорта люде отъправлены съ нымже въ Аренбургъ на поселение, куда и сихъ мною приведеныхъ также отъправить надобно; а онаго Ездимировича указомъ Сенатскимъ велѣно отъправить отъ туда чрезъ Киевъ обратно въ Цесарю по

тойже камысіи въ команду Полковника Щучкова и майора Петровича (оно то и есть такъ, какъ я выше говорилъ что онъ поставленъ былъ на мое место на границе Цесарской въ городе Мытровице, и въ Новомъ Саду).

Люде мои что отъданы другому афицеру въ команду не были тѣмъ довольны и здѣлалось несколько изъ того затрудненныя; оны на другой день пришли ко мнѣ спрашивать, я ли преднимы и впредь командиромъ буду или кто другой, и просятъ чтобы я ихъ не оставлялъ, на что сказалъ я имъ что хотя бы кто и другой былъ какъ по службе случитца можетъ, но въ томъ чтобы оны не сумнѣвались и били бы съ покоемъ, ибо содержание ихъ жалованьемъ и прочимъ будетъ имъ все равно и на всякомъ мѣстѣ получать свое будутъ, однако оны тѣмъ не остались спокойны, а пошлы все къ оберъ-коменданту въ крепость просить, чтобы я при нихъ командиромъ остался какъ я ихъ вывелъ, и оны меня знаютъ, упомыная что ежели бы не я при нихъ былъ то бы ни адынь до Россіи не дошолъ, и мы де такъ говорили оны надѣялись, что сей нашъ господинъ и на всегда при насъ останетца, а что таперь насъ другому афицеру въ команду отъ дано тѣмде мы ни мало не довольны и быть у него не хотимъ, ибо мы не Черногорцы, а самы по своему желанью на вызовъ сего господина въ Россію и тыть согласилысь.

Оберъ-комендантъ за мною послалъ сприказаньемъ чтобы скоряе я къ нему явился, что я и сделалъ и засталъ еще всехъ моихъ людей тамъ, онъ было изъ сего дѣла засуетился и спрашиваетъ меня что то значить, и не ялы въ томъ притчиною и чтобы какъ можно старатца людей успокоить.

Я принужденъ былъ тутъ предъ оберъ-комендантомъ божитца что и не знаю и неведаю и что я самъ при нихъ оставатца не желаю, яко оны отправлены должны быть туда куда приказано, а моего намеренныя нѣтъ туда ехать, но чтобы ихъ успокоить говорю я, прикажите быть имъ еще на несколько дней въ моемъ ведомстве, покудова оны привикнуть и того афицера узнають и тѣмъ останутца спокойны.

Оберъ-комендантъ на томъ быть приказалъ и людямъ сказано, я все старани къ тому употребилъ и труда много имѣлъ, и ужь подено денги кои имъ давались велѣлъ тому афицеру имъ раздавать покудова ихъ успокоить, а тѣмы днямы о издержке, что будучи въ дароге мною употреблены, обо всемъ сочинилъ щеть подаль оберъ-

каменданту и остальные денги въ Губернскую Канцелярію представилъ.

Послѣ того докладываю я господину оберъ-коменданту о себе и показываю имѣющейсѣ у меня отъ полковника Пучкова ордеръ, коимъ велѣно мнѣ въ Киевѣ ждать Сенатскаго указа что и тытли по той камысіи мнѣ опять назадъ въ Цесарію или какъ приказано будетъ.

На что господинъ оберъ-комендантъ отвѣчалъ что онъ о томъ никакова повелѣнія не имѣетъ, а толко де объ адномъ Ездимировиче есть повелѣніе, чтобъ его какъ скоро онъ изъ Аренбурга прибудетъ, коего на сихъ дняхъ и ожидаю, отъправить по почтѣ въ Цесарію къ полковнику Пучкову, а вамъ ежелы здесь ждать Сенатскаго указа говорить оберъ-комендантъ того будетъ долго, но лучше вамъ ехать въ Петербургъ и тамъ изъпросить повелѣніе.

По такову совѣту согласился я ехать въ Петербургъ и взявъ подорожную поехалъ съ аднимъ толко слугою, а коляску съ лошадми и съ кучеромъ оставилъ въ Киевѣ.

Я приехавши въ Петербургъ явился къ господамъ какъ военной коллегіи членамъ, такъ и къ господамъ сенаторамъ, докладывалъ имъ первѣе на словахъ обо всѣмъ что сомною воспослѣдовало, и какъ я былъ удержанъ въ Венгріи съ зачала туда моего scomандою приезда и претерпѣлъ болѣе шести недель арестъ, также и о виведенныхъ мною въ Киевъ людей о коихъ и господинъ Киевски оберъ-комендантъ засвидѣтельствовалъ и рапортъ въ Сенатъ прислалъ, причемъ не оставилъ я господамъ сенаторамъ и о томъ доложить, что при отправлении меня по сей камысіи въ Цесарію какъ несравнено противу другихъ на путевое содержание мнѣ денги толко двести рублевъ такъ какъ и адютанту майору выдано, и что я будучи долго времени подъ арестомъ принужденъ былъ на свое содержание съ великимъ излышествомъ за все платитъ денги, отъ чего издержалъ и все последнѣе свое что имѣлъ, и тѣмъ понесъ великой убытокъ.

На сие мое словесное объявленные сказано мнѣ отъ господъ сенаторовъ, а особливо отъ господина генераль-прокурора князь Никиты Юрьевича Трубецкаго, каторой меня сперваго того раза возлюбилъ, и отозвался своею мидостію что не оставитъ мнѣ вспоможеніи дѣлать и я о своей нужде чтобъ въ Сенатъ подалъ челобытную, каторую я сочинивши и подалъ, и ожидалъ по оной подлежащей резолюціи.

Приездомъ моимъ въ Петербургъ засталъ я тамъ отца моего, онъ будучи определенъ въ ново формирующіеся тогда Белой Слободской гусарской полкъ, куда въ скорѣ потомъ и отъправился.

Моего хожденія по поданной отъ меня въ Сенатъ челобытной проходить уже мѣсяцъ целый, на послѣдокъ вышла резолюція, чтобы въ прибавокъ къ тѣмъ выданнымъ мнѣ въ Кіеве на путевое содержаніе выдать еще триста червонныхъ, кои я тамъ и получилъ, о чемъ и въ военную коллегію для ведома указъ посланъ, тѣмъже указомъ велѣно, какъ Черногорская камысія оставлена то отослать меня по прежнему въ полкъ къ генералу Шевичу.

Я сталъ о семъ выправлятца чтобы истого здѣлалось что Черногорская камысія оставлена, и узналъ скоро о томъ, что полковникъ Пучковъ писалъ въ Сенатъ рапортъ, какъ о выходе Черногорцовъ ненадежно, и что толко малое число людей къ нему въ Триестъ пришло а болѣе выхода отъ туда неожидаетъ, и потому посланъ къ нему указъ чтобы ту Черногорскую камысію уничтожить, а самому ему ехать обратно въ Россію, и явйтца въ Петербургъ.

Вотъ таперъ скажу я что мое пророчество исполнилось, какъ я и прежде о томъ говорилъ, что той камысіи быть не надолго, а толко по то время какъ отъкрытца дѣломъ, однако не осталося на томъ, а было съ ними дурной исторіи еще много, о чемъ въпереди въ своемъ мѣстѣ видно будетъ; мнѣ и не било бы надобности столь много о семъ дѣле говорить, но что оное неотступно дотыкалось до меня, и я и стого болшъ несчастія видѣлъ, а ползы никакой, то потому и не могу оставить чтобы здѣсь невывестъ всюю отъ зачала и до конца, какъ по сей камысіи происходили и на послѣдокъ само собою изъчезло.

Я не токмо о семъ что хачу пояснить самымъ дѣломъ какъ оно происходило, но и обо всякихъ другихъ дѣлахъ кои случались, и я у себя оныя въ своихъ дневныхъ ежегодно запискахъ имѣю, каковы съ зачала моего юношества я всегда водылъ даже что и поминѣ отъ того не отстаю, для чего таковъ мой трудъ чтобы не остался тщетно и хачу пустытъ въ свѣтъ во удовольствіе моихъ благосклонныхъ читателей.

Выше сего сказалъ я что сенатскимъ указомъ посланнымъ въ военную коллегію велѣно отъправить меня къ своей камандѣ къ генералу Шевичу, что и привело меня въ великую разстройку, и

мое положение что вернутца назадъ въ Цасарию за свою хазяйкою выходить невозможнымъ, ибо такую далнюю путь туда и обратно долженбы я былъ предпринять на своемъ коште, а у меня столько денегъ, какъ я самъ съ собою разочолся и не доставало бы, и при-нужденбы былъ въ долги войтытъ и тѣмъ себя со всемъ разорить.

То для того разсудылъ за лучше хотя бы и годъ целы, чтобы моя хазяйка оставалась тамо въ Цесаріи у своей матери и ожидала бы покудова изобрететца удобны случай поехать и ее оттуда вывести, а я между тѣмъ по продолжающейся еще съ Прусакомъ войнѣ, какъ всѣ наши гусарскіе полки при армии состоятъ въ томъ числѣ отъ командъ Шевича и Прерадовича соединены екскадроны, и по отбытіи моемъ въ Цесарию отъправлены тудажъ къ армии и составлѣны изъ оныхъ полкъ, то чтобы и я не упустилъ сего случая и былбы такъ какъ и протчіе при армии, и тѣмъ заслужу себѣ честь и счастье, а особливо что главнокомандующій арміею Степанъ Федоровича Апраксинъ пожалованъ уже фелтмаршаломъ, которой всегда былъ моимъ великимъ благодетелѣмъ, отъ коего и тогда уповалъ я приобрѣсть по службѣ моей себѣ мылосты, почему и положылъ на томъ чтобы къ нему ехать въ армию.

О такомъ моемъ намереніи подалъ я въ военную коллегію доношеніе, спрописанымъ что въ армии на войнѣ служить желаю, и прошу въ томъ указа и скорейшаго моего отъправления, о чемъ и словесно будучи въ домахъ у господъ присутствующихъ объявлялъ имъ и просилъ, меня за то всѣ господа похваляли и обещали еще съ рекомендаціею къ господину фелтмаршалу отъправить.

Тѣмже временемъ бывалъ я всегда во дворце, на балахъ и на куртакахъ, и празничными днями въ обѣднѣ, видѣлъ государиню Елисаветъ Петровну часто, и случалось раза два съ протчими господамы въ публичныя дни подойтытъ ея величеству къ ручке.

Меня всѣ придворныя господа давольно знавали для того, что я никогда не пропускалъ случая у всякаго празничными днями бывать, и тако на томъ еженеденно ожидалъ я своего къ армии отъ-правления.

Въ одинъ день поутру рано присланъ вестовой ундеръ-афицеръ отъ ексекутора военнѣй коллѣгій ко мнѣ, съ объявленіемъ чтобы я въ коллѣгію явился, я поспешилъ туда, думаю въ себе что конечно уже дѣло мое готово и я скоро поеду, пришедъ въ коллѣгію

гдѣ уже и присудствующіе были собралысь, явился къ ексектору спрашиваю какое приказанье что за мною послали.

На то отвѣчаетъ чтобъ я пообождалъ, а онъ пойдетъ доложить, мало потомъ погода позвали меня въ присудствие.

Господа присудствующіе объявили мнѣ что потребованію изъ кабинета извольте туда явытца гдѣ и счислятца будете, и болѣе нычего.

Мнѣ сия вѣстреча странною показалаь, я тутъ предъ господамы стоялъ мынуть съ две задумавшись, а после осмелыся спросить что не знаю сему дѣлу притчины, а мое намереные проговорилъ я было ехать въ армию о чемъ и доношеніе подалъ, и по оному ожидалъ своего отъправленія.

На то сказалъ мнѣ господинъ генералъ аншефъ Петръ Спиридоновичъ Суморуковъ, что можетъ быть вы ко двору за чемъ ныбудъ потребны, то и должны вы туда явытца, съ тѣмъ я вышелъ въ великихъ размышленіяхъ, а чтобы скоряе узнать, поспешилъ къ господину кабинетъ министру, тогда бывшему Ивану Антоновичу барону Черкасову, и пришедъ къ нему на дворъ доложилъ о себе чрезъ камердинера что имѣю къ его высокопревосходителству дѣло.

Тотъ часъ по докладу меня туда къ нему въпустили, я поклоняься докладиваю ему что велѣно мнѣ въ военъной коллегіи у васъ явытца и что приказать извольте.

Онъ отвѣчаетъ приятнымъ видомъ, дабро жаловать, велѣлъ слуге подать стула и приказываетъ мнѣ сестъ, такой вѣстречи я удивылся а предъстоящие еще и болше, для того что отъ него редко кому тому подобное имѣтъ случилось, сей господинъ былъ права старинныхъ еще людей и хотя уже былъ въ высокой старосты, но натуралную великую имѣлъ прозорливостъ и разумъ харошъ, на его напрасно многие кричали, а онъ былъ человекъ справедливъ.

Говорить онъ мнѣ что Государиня приказала тебя възять ко двору и ты тутъ находитца будешъ и дастся тебы и квартера и всѣ прочее подлежащее содержание, а къ столу всякой день извольтышъ приходить сюда ко мнѣ, а дѣло твое скажетца тебѣ опосля.

Мнѣ того же дня даны квартирные денги, и я нанялъ себе другую харошую квартиру въ Мещанской умыце, гдѣ мнѣ и приказано быть, хадылъ я всякой день къ сему господину и всегда у него

былъ у стола, онъ всегда со мною говорилъ и спрашивалъ о разныхъ дѣлахъ, напоследокъ я въ него такъ близко вошелъ и онъ меня полюбылъ, что всякой часъ хатѣлъ чтобы я тутъ при немъ былъ.

Въ такомъ содержаніи при дворе провожу я время весело, у меня ны вчемъ нычего не доставало, исправился всѣмъ потребнымъ экипажемъ, уже я не пешкомъ хажу, а хорошую каретою съ четырьмя запряженными лошадми разѣжаю и денегъ имѣю довольно, бывалъ во дворце почты всякой день, всѣ придворные меня узналы и знакомились со мною и такъ проходить уже два мѣсеца.*

Потомъ сказано мнѣ что я отъправленъ буду въ Виену къ нашему полномочному министру тамо находящемуся съ некоторымъ важ-

* Въ одинъ день будучи я на гостиномъ дворе встрѣтился со мною въ редакціи печально тогъ синдикусъ Базовичъ косяго я изъ города Новаго Сада въ Виену отъправилъ, какъ выше объ нѣмъ уже сказано, онъ бѣдны какъ мѣня увидѣлъ то заплакалъ, кинулся было меня целовать въ руку, называетъ меня своимъ отъ смерти избавителемъ, я его чтобы тутъ не стать взялъ съ собою въ карету и завесъ на свою квартиру, хатѣлось было мнѣ узнать что и какъ его дѣло и куда онъ проходилъ, нашолъ я его въ жалостномъ состояніи, у него не было ни копейки денегъ, и есть и пить нѣчего, просить меня чтобы не оставить его повтория признаньемъ и благодарностию то благодаріиіе каторое я ему здѣлалъ, и чтобы учинить ему помочь и показать путь къ достиженію своего благополучія, и что желаетъ вѣступитъ въ службу, и какде я говоритъ онъ вашимъ въспоможеныемъ изъ Виены отъправленъ по писму вашему тѣмъ вашимъ приятелемъ съ отъезжающими тогда купцами греками за границу въ Лейпцигъ съ награжденьемъ на дорогу несколько отъ него денегъ, тоде я съ тѣмъ туда прѣхавши по препорукѣ на другихъ купцовъ тамо находящихся отъправленъ въ Варшаву, гдѣ отъ великой печалы заболѣлъ и пролежалъ всѣ почты дѣто, а потомъ отъправленъ также купцами по ихъ милости чрезъ Рыгу и вотъ уже недели две какъ прѣехалъ сюда, и таперъ какъ я человекъ бедной и здѣсь еще повои, не хачу говорить онъ нескать себы другаго прибежища а полагаюсь на вашу милость. и вы управыте оо мною какъ заблагоразсудите.

Я вознамерился сему человекъ и въ другой разъ учинить свою помочь, не для того чтобы онъ потомъ былъ мнѣ чрезвычайно обовязанъ, а единственно изъ одной любви христіанской (по слову предавыи что сказано несите тягосты брата своего); оставалю далѣ говорить что происходило, а толко во кратце уноминаю что первѣе далъ я ему на прощытаніе несколько денегъ, и на наемъ по его состоянію квартиры (ибо мнѣ его у себя не можно было держать), потомъ повелъ я его къ генералу прокурору князь Юрьевичу Трубецкому, представилъ его, объявилъ и всѣ бывшее объ нѣмъ дѣло, а что не можно было растолковать что его чинъ синдикусъ значить въ томъ засвидѣтельствовалъ что то есть польцимейстеръ и городской секретарь, почему и велѣно ему подать въ Сенатъ челобитную и произведеиъ капитаномъ въ Белой Слободской тогда формирующійся гусарской полкъ.

нымъ дѣломъ (о коемъ не могу здесь упомынатъ), а отътуда чтобы ехать въ княжество Трансильванское искупить тамо для завода жеребцовъ и несколько кобылицъ, ко двору потребныхъ.

По заготовленіи того пренорученаго на меня дѣла выданы мнѣ на дорогу изъ кабинета денги, и какъ въ Киевъ прибуду то чтобы мнѣ дано было для препровождения двухъ челоуѣкъ надежныхъ рейтаровъ, кои тамо состоятъ нарочито для курьѣрскихъ посилокъ, о чемъ и къ оберъ-коменданту писано, и заготовившись со всѣмъ къ отъезду и получа пашпортъ отъ иностраной коллегіи на русскомъ языке съ переводомъ немецкимъ писанъной, представлѣнъ былъ государинѣ, ея величество пожаловала мнѣ ручку и притомъ подарила въ двухъ изъ бумаги свернутыхъ патроныкахъ пятьдесятъ имперяловъ, сказавъ при томъ что то мнѣ служить будетъ на мундиръ.

Я получа такову высочайшую милость падеъ предъ государинѣю на колѣны поблагодарилъ и съ тѣмъ изъ дворца вишелъ, отъклонясь у кабинетъ министра, отъправился въ дарогу, а въездъ мой изъ Петербурга во исходѣ октября месеца 1757 года.

По прибытіи моемъ въ Киевъ, лошадей своихъ что тамъ прежде было оставилъ продать, а кучера сколяскою оставилъ тамо у приятеля, и получилъ себѣ въ каманду отъ оберъ-каменданта что приказано тѣхъ двухъ рейтаровъ, выехалъ изъ Клева за границу въ Польшу.

Я будучи въ Киевѣ, услышилъ что скоро послѣ моего изъ Клева (какъ я того же лета съ людьми изъ Цесаріи прибылъ) въезда приехалъ туда изъ Аренбурга по почтѣ тотъ порутчикъ Ездимировичъ о комъ выше говорено, и что отправленъ въ Цесарию къ полковнику Пучкову въ городъ Триестъ, а моихъ выведеныхъ людей уже я тамъ въ Киевѣ не засталъ, и отъправлены въ Аренбургъ на поселенне куда и первы пошли.

Дарога мнѣ была отъ Клева чрезъ Полскую Украину очемъ худая; зделалась въ осенѣ время превеликая грязь, а почты регулярной нѣтъ, и надобно было нанимать фурманщиковъ отъ адного города до другаго, почему и не можно было никакъ поспешно ехать, и едва пятимъ днемъ до местечка Бердичева доехалъ, было то подвечеръ и надобно было уже тамъ ночевать и другога фурманщика сискать.

Я толко что въехалъ въ то местечко, вижу стоитъ карета предъ адною карчмою и челоуѣка два ходють и кое што изъ кареты берутъ

и носятъ туда въ карчму, люде сіи показались мнѣ по одеже каинне
 нѣбудъ иностраные, проехалъ я мыма и сталъ квартерою на дру-
 гомъ дворе напротывъ той где та карета стоитъ, посилаю справитца
 кто то тамъ приехалъ, мой посланой возвратившись сказалъ что Чер-
 ногорски владика.

Вотъ таперъ подумалъ я и пришолъ случай чтобъ мнѣ обо всеѣмъ
 узнать можно, на чемъ ихъ камысія кончилась и оны самъ адинъ
 едетъ или еще въслѣдъ за нимъ кто будетъ, одѣлся я поскорѣе въ
 мундиръ, пашолъ къ владике, засталъ его сидягаго и примемъ адинъ
 попь стаялъ нѣчто говорить, я вошедь поклонился владике, и хотѣлъ
 его яко архиерея поцеловать въ руку, но онъ того не далъ, всталъ
 и благословыль такъ какъ обыкновено, глѣдитъ на меня и говорить
 что меня не знаетъ.

Я отвечаю что можетъ быть и такъ, однако надѣюсь говорю я что
 вы мнѣ знакомы и сказалъ свое имя, тогда ужъ онъ признался из-
 гаваривая себя что нечаяно я къ нему вашолъ и тѣмъ будто узнать
 не могъ, я приметыль изъ его речей что сей старецъ несколько хо-
 лоднымъ духомъ ко мнѣ отъзывался и несколько спесъ въ немъ есть.

Спрашиваетъ меня куда еду, на что отвечалъ я что въ Цеса-
 рию, онъ на то говорить что ежелы по прежднѣй командираціи, то-
 бы я возвратился назадъ и туда ехать болѣе не надобно, (сие отве-
 чать и сказывать ему по какой надобности еду, я говорить оста-
 выль, а завелъ речъ другую), спрашиваю каково его преосвещенства
 здаровые, и думаю говорилъ я, что въ дароге утрудилысь и езда по
 такъ худой дароге была вамъ безъпокойна.

На то отвечалъ не многими словами, ходыть погорнице и не
 что какбы ему не угодно, я постаялъ съ четвертъ часа отъклонился
 ему, говорю, что не хачу васъ беспокоить, вы таперъ утрудилысь
 съ дароги и надобно вамъ взять свой пакой, а завтра поутру не
 оставлю еще съ вами видѣтца, съ тѣмъ пашолъ я на свою кварте-
 ру, и приказываю своимъ рейтарамъ сискать другога фурманщика
 коего и нашлы и сторговано до города Бродовъ, въ чемъ и зада-
 токъ далъ.

Потомъ какъ уже вечеръ наступыла вижу я что много фуръ
 съ людмы пришло, и стали на улыце предъ коими еще карета одна
 и вскрытие каляски, смотрю я чрезъ окошко узналъ что Черногорцы,
 а въ каретѣ былъ майоръ Петровичъ съ женою, и съслѣзши изъ

кареты пашлю къ владике на дворъ, а протчіе люде съ фурамы разошлись по карчмамъ жидовскимъ по квартерамъ.

Маиоръ Петровичъ видно тамъ отъ владики узналъ что я приехалъ, идетъ чрезъ улыцу ко мнѣ самъ адинъ, я его встретишь и принялъ по дружески (какъ мнѣ и не было ни какой нужды преднымъ претворятца), просилъ его сестъ говорю къ нему также обда-роге, что худа и что много можетъ быть безъпокоиства имѣлы, онъ соответствовалъ моему приому также ласкавыми словами объявляя какъ онъ радъ что меня видѣлъ, и между протчимъ видитъ онъ что я о ихъ камысиіи нычего не спрашиваю, а завелъ разговоръ о другой кое какой матеріи, то не могли стерпѣтъ, хатѣлъ онъ также какъ и владика знать о моей дароге, зачалъ спрашивать куда я еду упомы-ная ежелы по прежднѣй командиращи для вывода людей, тобы вернулса я назадъ, и ехалбы съ ними въ местѣ въ Киевъ, отвечаю я ему что идите вы съ Богомъ, а я еду въ столичны городъ Виену и по другому дѣлу.

Видитъ онъ что при мнѣ два человекъ есть Киевскихъ рейтаръ, спрашиваетъ объ нихъ куда оны едутъ, я и на то ему сказалъ что даны мнѣ для моего препровожденья и что оны при мнѣ находятца будутъ, долго онъ свомы спросамы около меня хадѣлъ и желалъ ве-дать куда и за чѣмъ я еду, покудова напоследокъ сказалъ я ему что я ужъ ко двору вѣзятъ и еду по важному дѣлу въ Виену и при томъ показалъ ему запечатанные депешы и пашпортъ свой отъ иностран-ной колѣлегіи.

Сие мое объявленные задалось ему думать и не много потомъ бавился пашолъ туда къ владике.

Надобно и то сказать что сей человекъ маиоръ Петровичъ ве-сма не былъ простъ, разумъ и понятие у него было хорошее, да та беда что великое честолюбие напимѣрь пасолствомъ куда нибудъ съ чиномъ генерала, и ленты чрезъ плечи то было оживыло ему въ голове, и всѣ способы прожектамы своими употреблялъ, и о томъ какбы достигнуть непрестано думалъ, военнымже настоящимъ быть слугою вовсе склоносты не имѣлъ, даже что и на лошады седеть не умѣлъ, а что къ штатской службе прежде всего былбы годенъ, кою онъ безъ сумнѣнія могбы имѣть, естли бы толко не было у него той замашки что вдругъ желалъ быть великимъ человекомъ; языковъ иностранныхъ окроме своего природнаго Сербскаго, а ктому не мно-

го по италянски и словъ несколько по турецки разумѣлъ, парускижъ говорить хорошо умѣлъ.

Онъ видно какъ отъ меня туда къ владике пашолъ, преговорилы между собою и надобно имъ было обласкать меня, для чего и посылаетъ тотъ часъ за мною съ прозбою владика, объявляя что желаетъ меня имѣть у себя на ужинъ, я отъговорился благодаря и что не могу быть по притчине имѣвшаго труда въ дароге, и вотъ ужъ раздѣлся хачу взять свой пакой.

Однако на томъ не осталось, какъ тотъ посланой туда пришолъ и сазалъ что не буду, то самъ майоръ Петровичъ и съ нимъ еще два Черногорца пришли ко мнѣ, просятъ не отъступно именемъ владика чтобъ пайтыть туда, и что владика желаетъ со мною вместе ужинать, почему не могъ иначе я отъговоритца здѣлалъ имъ то удовольствіе одѣлся опять и пашолъ туда.

Владика меня увидѣвъ вошедшаго въ горницу падошолъ ко мнѣ на встречу ласковыми словами, претворился со всимъ иначе своею учтивостію и не тотъ что давеча былъ повелъ меня за руку представляетъ тремъ тамо сидящимъ отъ своей свиты Черногорцамъ упомыная губернатора Стана сердара и войводу, я имъ здѣлалъ не большой уклонецъ вижу что люде простие, одѣты бедно по своему обычаю сидятъ и глядятъ на меня, а майоръ Петровичъ представляетъ мнѣ жену свою (она то была Станова сестра о коей я прежде говорилъ), указывая онъ ей что по обычаю нашему въ Росіи надобно поцеловатца со мною, она то здѣлала и опять на свое место села.

Слишу я изъ речей въ разговорѣ майора Петровича что онъ того названнаго губернатора называетъ его превасхадителство, а владикѣ высокопреосвещеннѣмъ митрополитомъ, меня сие привело въ недоумение, не знаю кто имъ таковы чины на давалъ, думаю въ себе вотъ еще беда къ какимъ болшимъ особамъ я вашолъ, и не знаю во что такъ скоро словами своими войтыть, такій ъ мнѣ ихъ называть или иначе, однакъ остался я при своемъ, и когда приходило къ владике что говорить то упомыналъ я титулъ ваше преосвещенство, а того другаго какъ онъ молчалъ то и я на томъ оставилъ и съ нимъ разговора не зачиналъ.

Погода потомъ набрали на столъ и подали намъ кушать владика посодилъ меня возлѣ себя а съ другой стороны села майорша; она столко была учтива что меня за столомъ на тарелки кунанѣмъ подчевала, и говорить со мною стала, барынка еще довольно молодая

и пригоженка, но воспитанія простаго, она за Петровича вдовою вышла.

Ужинъ нашъ былъ всеобщи, потому что и владика светы изво-лылъ мясо кушать, разговоры у насъ во время нашего за столомъ сидения происходили о храбрости Черногорцовъ пресказывая мнѣ релацию о томъ сраженіи какъ Турки на границу ихъ учинили нападение и что вто время много Турковъ побыто и прогнаны съ великимъ ихъ урономъ.

Тутъ зачалъ тотъ названы превасходительнымъ говорить со мною, мы де слышали указывая на меня что вы естѣ предкамы своимы отъ нашей страны изъ Паштроиевичъ смежно къ нашей землѣ, и ваши кровные однофамыльные что тамъ живутъ намъ знакомы и суть наши братья сусѣды, то надѣмся что и вы насъ любить будете какъ и оны; (я думаю что всио то время его молчанія онъ сие компоновалъ что таперъ выговорилъ) я ему на то отвечалъ что конечно съ моей стороны желателънь остаюсъ, чтобы быть своею дружбою всякому въ угожденные а колмы паче своимъ людямъ.

Владика прекратилъ намъ речъ, говорить что оставте церемонію на сторону, а мы здѣсь все свои люде такъ надобно рядомъ за всякаго здаровые вино пить, и велѣлъ принесть стаканъ большой и самъ въ него налилъ вина полной, коего величину какъ я увидѣлъ и что таковыхъ не токмо болше, но и адного мнѣ выпить не можно и смотрю что изъ того еще далъ будетъ.

Преосвещены владика взявши стаканъ первое мое здаровые сталъ пить, упомыная свою желаность къ моему благополучію, и что я долженъ быть сообщникомъ ихъ общества и во всякихъ случаяхъ помогать имъ, яко одноземецъ съ ними, и какъ имъ то честь дѣлаеть и славу что мене въ такой степени видать, онъ то говорить а тѣ другіе отвѣчаютъ амынь, тако богме, стаканъ владика выпылъ до капли, и наливають другой, подады' названому его превасходительству, что и онъ зделалъ и выпылъ до чиста, а тому послѣдовалы и всѣ протчие, дошло дѣло до меня чтобы благодарить, я принялъ налитой полень стаканъ поблагодаря въсьмъ за ихъ такъ харошой обо мнѣ отъзвѣвъ, уверяя ихъ что на всякое время дружба моя къ нимъ будетъ, но целаго стакана выпить не могъ, а едва толко до половины данолъ, и отьдаю стаканъ назадъ, какже всѣ вскочилы просятъ чтобы всио для такова общества и дружбы выпить, и конечно должно такъ здѣлать, я сколко ныизвинялся предними мо-

ею невозможностью что питья великаго снестъ не могу и что стакы великъ чрезъмеру, и что дружба не въ одномъ толко пѣтїю состоитъ а отъ добраго сердца и любви братской, толко нѣтъ а конечно надобно мнѣ выпить.

Я възглянулъ на маиора Петровича, даю ему тѣмъ знать что я не доволѣнъ, и хотѣлъ было вѣстать, онъ видитъ что ужь нельзя меня ктому пригласить и догадался о моемъ примечанїи вступился, и сталъ унимать, и чтобы дали мнѣ волю, свидѣтельствуя какъ онъ меня и давно знаетъ что я никакова лышняго питья снестъ не могу.

Свою хитрость какъ я приметилъ хотѣлы оны зделать для того, чтобы меня напоить пьяного, и выведать отъ меня чего нибудь, а особливо что обыкъ говоритца въ Петербургѣ, какъ изъ словъ владика потомъ я приметить могъ, что онъ на полковника Пучкова негодовалъ, упоминая его нерадивымъ къ ползе, и яко бы чрезъ него сия камысия оставлена и онъ не дождавши еще выхода людей поехалъ въ Венецію.

Питые тѣмъ стаканомъ еще продолжалось въ округъ за всѣхъ здоровые, но безъ принужденныя, а оставили на волю сколько кто хатѣлъ.

Владика потомъ сталъ словами своими гладить, упоминая о той цесарской пограничности, гдѣ я прежде былъ, что онъ потребовалъ въ присилку изъ Росїи Ездимировича для того, что не имѣлъ при себе никаво другога такова, каторой бы съ выходящимъ народомъ обойтытца умѣлъ, и потому де принужденъ онъ былъ онаго Ездимировича потребовать съ тѣмъ толко, чтобы онъ тамо былъ, покуда вы обратно прибудете, дабы приходящїй народъ, указывая на меня, коимъ вы къ выходу путь направили было каму принять, и тотъ выходъ народа должно вашимъ трудомъ признать, а не его Ездимировича, и онъ таперъ продолгалъ владика остался еще тамо обще съ адютантомъ Марковымъ, кои уже какъ известно по видержанїи карантина людей на граньце принялы и перевелы въ городъ Новый Садъ, то де потому говорить владика, ежелы таперъ туда поспешите можете всѣхъ тѣхъ людей взять въ свое ведомство и вивестъ въ Россїю, о чемъ ежелы изволите то я могу вамъ дать на имя того Ездимировича повелѣнїе, чтобы онъ во всѣмъ остался подъ вашимъ приказаньемъ и въ камандѣ, яко тотъ вишедши народъ хотя и несутъ настоящие Черногорцы, но какъ оны подъ тѣмъ названьемъ (по вашему старавью) вышлы и въ карантынъ цесарской приняты,

то и должны ужь сочтены оны быть къ моеѣ камысіи, и потому де я власть имѣю говорить владика со оными повелѣвать, покуль до Россіи доедутъ, и вамъ хачу ихъ въ команду отъдать.

И ему отвѣчалъ что теперъ ваше преосвещенство о томъ думать есть поздо и время ушло, и съ тѣмъ всталъ я иза стола, что и всѣ зделали.

Ночь прошла уже давольно и наступаетъ часъ адинатцатый, отклонясь я владики и всѣму тому обществу нашолъ на свою квартиру и сталъ раздѣватца, чтобъ уже положитца спать; вотъ съ дверей пришло ко мнѣ майоръ Петровичъ, говоритъ не погнѣвайся братецъ, что я моимъ приходомъ можетъ быть васъ обезнокою, а де изъ дружбы къ вамъ пришло желая съ вами еще несколько въ ночь проседеть, и не хочетца такъ скоро съ вами раставатца, я его принялъ учтиво чтожъ дѣлать, а спать хатѣлъ весма, вриказалъ слуге чаю нагрѣтъ и подать.

Мы селы и разгаваривали сперва о партикулярствахъ кое какихъ, и дошло время и до полночь, междужъ протчимъ зачалъ онъ повторять о томъ, что владика туюжъ вечеръ мнѣ говорилъ, советуя чтобъ я то на себя принялъ, и что онъ крайнѣ обще съ владикою желаютъ приписать тотъ выходъ народа на меня, и я чтобъ ни мало не сумнѣвался о ихъ ко мнѣ доброжелательстве, и что таперъ какъ я еду въ Виену хочетъ владика къ нашему полномочному послу писать и уведомить его о томъ, что онъ тѣхъ людей для препровождения до Росіи на меня возлагаетъ, и проситъ чтобъ на путевое содержанье людей денги подлежащие мнѣ отпустить.

Я ужь по сему принужденъ съ нимъ говорить отъкровенно и тѣмъ доказать каковы оны люде, говорю я чтожъ таперъ изъ того пользы, когда дѣло уже спорчено, вы говорю я ему, когда хотѣлы чтобъ честь и славу себя приобрести, то не надобно было на криво мыслить, а основать дѣло свое истинною, не писалъ я говорю я ему къ владике и къ вамъ съ границы еще тогда, какъ первые люде ко мнѣ вышли, и не далъ я вамъ знать, что подъ именемъ Черногорцовъ чрезъ мое стараные и моихъ тамошныхъ приятелѣй народъ изъ Сербии съ стороны турецкой, чрезъ границу реки Савы на Цесарскую сторону обещался ко мнѣ витьтъ и ожидалы толко веснаго времени, и вы будучи о томъ известны, то для чего прислалы повелѣние, чтобъ я съ присланными отъ васъ дватцатую семьи человекамы сообша съ тѣмы ко мнѣ вишедшими составивъ такую малую

команду, не по чину моему значущую, велѣлы ехать въ Россію, а между тѣмъ потребовали вы въ присылку къ вамъ ажъ изъ Аренъ-бурга вашего Ездимировича и поставили на мое место, чѣмъ и доказательно говорилъ я какое ваше доброжелательство ко мнѣ было, и не явно ли изобличили вы себя тѣмъ, что тотъ выходъ ко мнѣ людей не было вамъ и владике угодно, дабы не приписано было на меня, какъ я неинаково о томъ думать долженъ, и для того оторвали меня съ того места протчъ, а ежелы и такъ говорилъ я Петровичу, какъ вы и владика таперь говорите, что будто хатѣлы чтобъ я опять возвратился назадъ къ своему на той границе месту, то для чего въ ордерѣ, при отправленіи моемъ присланомъ отъ полковника Пучкова чрезъ вахтмейстера Фишера, не написано, чтобъ я изъ Кіева скоряе назадъ вернулся, а велѣно только чтобъ мнѣ по задаче въ Кіевѣ людей тамъ остатся и ожидалбы сенатскаго указа ехать ли назадъ въ Цесарию, или какъ приказано будетъ, (каково повелѣныя, что значить весьма догадатца было можно).

При томъ же не оставилъ я Петровичу и то упомянуть, что сколько труда было мнѣ, говорилъ я, покудова Балевича чрезъ ваши непозволительные поступки освободилъ отъ смерти, взявъ отъвагу скрылъ его, и отослалъ чрезъ моихъ приятелѣй за границу, единственно для того говорю я ему, чтобъ не вышла на публику ваши дѣла, и не было бы поношенія и стыда въ чужемъ государствѣ российскому штабъ-афицеру, что могло бы въ честь вашу тронуть и было бы изъ того напоследокъ, когда бы Балевича было поймали, (что за малымъ временемъ и въ несколькихъ часовъ только мынулось) и билъ бы онъ представлѣнъ къ тамошнему суду, то и отъкралобыся все то, что онъ съ вами дѣлалъ, и было бы явное на то доказательство, изъ чего бы могло быть много хлопотъ и затрудненія, а вамъ болше безъчестія.

Послѣ сихъ моихъ словъ майоръ Петровичъ зачалъ было въ свое оправданіе представлять, упоминая ордеръ отъ полковника Пучкова, якобы о томъ не знаютъ ны онъ ни владика, чтобъ писано было мнѣ изъ Кіева назадъ въ Цесарию не возвращатца, и что Пучковъ много виноватъ въ томъ, что сия камысія остановлена, и какъ о томъ еще владика намеренъ по прибытія въ Петербургъ на него жаловатца и еще далъ кое чего хатѣлъ Петровичъ говорить; каковы слова мнѣ ужъ слышкомъ наскучили, а притомъ что я ночь гаразда прошла и наступааетъ треты часъ полночи, то я прекратилъ его речъ, всталъ и говорю оставте уже пожалуй о томъ болѣе говорить, вамъ,

а также и мнѣ надобно какой взять, а я съ моей стороны заключаю тѣмъ, говорю я ему, что мнѣ по сей вашей камыси ничего не надобно, а предоставляю все въ вашу пользу, съ тѣмъ онъ со мною ту ночь разстался, потупивъ голову въ думкахъ пашоль отъ меня протчь, а затѣмъ и я разделся и положился спать.

По утру рано въставши велѣлъ я своимъ рейтарамъ итуть скорей за фурманникомъ и чтобы готовица къ отъезду, и было намеренъ уже болѣе и не итуть туда къ владике, но онъ не оставилъ чтобы со мною при разлуке еще не повидатца, присилаетъ ко мнѣ о томъ съ прозбою.

Чтожь дѣлать, надобно и то удовольствіе еще ему здѣлать, однакъ ужъ мундира я не надѣвалъ, а такъ въ подорожнѣмъ суртуке пашоль къ нему, а людямъ своимъ приказалъ между тѣмъ, чтобы все было въкладено и готово.

Владика светы меня принялъ много ласкавее вчерашнѣго, велѣлъ поднести мнѣ чашку кофе, посадилъ меня возлѣ себя, зачалъ говорить, какъ онъ сожалѣетъ о томъ много, что я не соглашаюсь на его ко мнѣ доброе желаніе.

Я на то не хотѣлъ много заводить разговора, дабы не завестись съ нимъ въ слова и утратить время отъ своей дароги, а сказалъ коротко, что таперь уже иначе быть нельзя и поправить того не можно, что уже спорчено и должно на томъ остатца, между тѣмъ майоръ Петровичъ съ женою и тѣ другіе бояре, съ некоторыми еще Черногорцами тудажь пришли, поздравились со мною, я поговоря съ ними несколько словъ, отъклонясь всѣмъ пашоль къ своей квартиры, гдѣ ужъ у меня было все вложено и готово къ отъезду.

Съ хазяиномъ жидомъ за ночлегъ расплатился, и только что изъ горницы выходитъ хачу, а въ дверь вошелъ ко мнѣ человекъ знакомой, каторой во время моей въ Цесаріи службы былъ у меня слугою и услышавъ обо мнѣ, прибежалъ чтобы меня видѣть, объявляя о себе, что при слѣдованіи сей черногорской каманде, чрезъ верхнюю Славонію приобщился къ нимъ и едетъ въ Россію, и проситъ какъ онъ человекъ бедной, чтобы ему сколько нибудь подарить денегъ на пропитаніе, я винялъ два червонца по его доброй прежде у меня службе подарилъ ему, сей случай былъ мнѣ чтобы наверно узнать сколько съ владикою таперь Черногорцовъ едетъ, ибо я вчерашній день о томъ не хотѣлъ ни владикѣ ни Петровича спрашивать, человекъ сей, на мой спросъ сказалъ, что всего на все не болѣе и съ

малычкы и съ разстриженными попами состоить, какъ сто пятьдесятъ три человекъ, (шопы разстрижены были тѣ, коиъ владыка благословилъ обрить бороды и мечи припоясать и некоторымъ изъ нихъ и чины афицерскіе далъ), сей человекъ тамъ остался, а я селъ и поехалъ въ свою дарогу.

Путь моя продолжалась чрезъ Польшу, какъ я выше говорилъ, по притчинѣ великой грязи и дождей весьма медлительно, а къ тому и то, что отъ адного города до другаго пременялъ фурманщиковъ, и вошедъ въ горы Венгерскіе, то ужъ и снѣгъ напалъ, и съ такою великою трудностью чрезъ тѣ каменные пропасти далъ во внутрь земли, едва пробратца могъ, и доехалъ до города Егра (по немецки Egrau) отъ колъ уже ровниною, но однако худою снежною дарогою продолжалъ путь до города Пешты.

Я тамъ ны мало не бавилъ, окроме толко что у воротъ караулы афицеръ потребовалъ отъ меня паспортъ и отослалъ къ коменданту, съ коимъ тотъ посланой скоро вернулся и меня пропустилъ, и съ тѣмъ поехалъ я просто на шревозъ къ Дунаю (шревозъ такой славной, какова на другомъ мѣстѣ подобнаго тому въ Европѣ нѣтъ) и преправившись на ту сторону въ состоящій напротивъ городъ Будимъ, въ коемъ принужденъ былъ простаять аднѣ сутки по притчинѣ болшой ветреной буры и метелицы, отъ коей никакъ ехать было не можно, приторговавъ къ отъезду делижанъ, фурманщики отъ того города до Виены по болшой дароге учреждены, что такимъ названіемъ именуютъ, и есть родъ почты, съ такою толко разницею, что пременяютца далъ на своихъ учрежденныхъ станціяхъ, а не такъ какъ обыкновенная почта и имѣють критіе кожею четвероместные большіе каляски запряженіе въ пять лошадей, и останавливаютца кормить своихъ лошадей въ учрежденные имъ часы, а впротчемъ ездятъ довольно скоро и платятца денги отъ лошады въ половину цены противъ почты.

На другой день изъ Будима я выехалъ съ великою трудностью, что снѣгъ силно шолъ, и принуждены останавливатца по дороге въ заездныхъ домахъ, чтобы кучеру огрѣтца, а иначебы и ехать было не можно, и съ такимъ худимъ временемъ и болшимъ холодомъ на послѣдокъ доехалъ въ Виену благополучно.

Остановился я тамо въ городѣ въ адномъ издавна мнѣ знакомомъ трактире, и толко что часъ места поогрѣлся пашолъ немедлено къ нашему полномочному паслу графу Кейзерлингу, и депеши мною

привезенные ему представилъ, о чемъ уже онъ чрезъ почту изъ Петербурга, что я къ нему отъправленъ, былъ известенъ.

Меня господинъ пасолъ по тѣмъ обстоятельствамъ съ какими я присланъ удержалъ у себя въ Виенѣ мѣсяца два, покуда онъ еще ко двору писалъ и другое повелѣніе получилъ.

Тѣмъ временемъ было мнѣ въ Виенѣ проводить время весело, бывалъ часто во дворце цесарскомъ и на придворной опере, видѣлъ всегда цесаря и супругу его императрицу Марию Терезію со всею фамиліею, здѣлалъ себѣ на тѣ денги, что при отъездѣ изъ Петербурга ея величество государиня Елисаветъ Петровна мнѣ пожаловала, богатой гусарской мундиръ, а также и другимъ коио тѣмъ надобнымъ себе исправилъ.

Не оставилъ также я писать по почтѣ къ моей супруге въ нынѣ въ Славонію, гдѣ она у матеры своей, послѣ моего отъѣзда отъѣзда осталась, какъ я о томъ выше говорилъ, уведомивъ ее о моемъ въ Виену приездѣ и что скоро къ ней буду, на что во отвѣтъ отъ нее также получилъ письмо, коимъ извѣщаетъ меня, что она здорова и отъ бремени своего освободилась и родила сына.

И какъ болѣе въ Виенѣ мнѣ бавитца не было надобности, а надлежало ехать въ княжество Трансильванское, (сие княжество есть особливая часть Венгріи, гдѣ живутъ разныхъ націй люде, въ томъ числѣ Валохи, кои обращены болшою частію римскимъ духовенствомъ къ униі, а болѣе всѣхъ Венгровъ тамо есть и почти половина законъ реформатскій держуть, границы свои сия земля имѣеть отъ полуденной стороны съ турецкою Валахіею и съ Молдавіею, а съ сѣверной съ Полшек.

И потому получивъ отъ господина посла свое отъправленые и на покупку ко двору лошадей преведеные изъ кабинета денги две тысящи червоныхъ, а притомъ и о свободномъ проездѣ отъ двора цесарскаго пашпортъ отъправился въ свою путь.

Изъ Виены выехалъ я въ 1758 годѣ, въ мартъ мѣсяце, причемъ долженъ я былъ господину послу объявить, что для възятыхъ съ собою супруги своей и экипажа, надобность имѣю первѣе заехать въ нижнюю Славонію въ городъ Митровицу, и что отътуда уже въ свою дарогу выеду, господинъ пасолъ въ томъ не прекословилъ а оставилъ на мою волю.

Продолжалъ я дарогу свою туда чрезъ Австрію и Венгрію, по самой великой распутыце, я проважаемъ былъ снѣгомъ и дождемъ

ежедено до самаго того мѣста, гдѣ супруга моя оставалась и меня ожидала, я нашолъ ее съ новорожденнымъ сыномъ здаровыхъ.

У насъ проходили дни въ забавахъ, собралось къ намъ своихъ довольно, всѣ сожалѣлы о нашемъ такъ скоро отъездѣ, желалы чтобы съ ними еще подалѣ быть вмѣстѣ, но что уже тому иначе быть не можетъ, а должно туда спешить и понести то, что судьбина определила.

Я будучи тамъ узналъ, что послѣ моего отътуда отъезда, люде въ прошлые лѣто и подь осень изъ турецкой области, какъ я прежде говорилъ, что пригласилъ ихъ къ выходу перешлы на Цесарскую сторону, и въ томъ городѣ видержалы свой карантинъ, и что оныхъ приехавшій поручикъ Ездимировичъ принялъ въ свое ведомство каковыхъ состояло людей, жонъ и детей около тысящи душъ, и отъвелъ всѣхъ на Венгерскую сторону за реку Дунай, въ городъ Новый Садъ, и что нинѣ весною отъправляетца въ Россію,

Зачалъ я готовитца и исправлять себя всѣмъ потребнымъ, павоски свои отъдалъ въ починку, и лошадей несколько для упряжки новыхъ хорошихъ испуылъ, нанялъ еще въ прибавокъ къ моимъ прежднымъ, надежныхъ слугъ челоуѣка три, и тѣмъ и время приближилось къ отъезду.

Априль уже во исходе, а май мѣсяцъ показалъ намъ благорастворенный воздухъ, и трава землю стала своею приятноію покривать и тѣмъ подало намъ время веселое и приятное къ пути нашему, я и супруга моя, простившись съ своими уже навѣки, отъправились въ назначеную намъ путь.

Продолжали мы ездку нашу чрезъ Венгрію, весьма способнымъ временемъ, и приехали въ Такай, въ семъ городѣ оставилъ я супругу свою и весь экипажъ, а взялъ съ собою адного толко слугу да тѣхъ двухъ рейтаровъ, и коновала немца, коего я для тѣхъ лошадей, что покупать буду въ Виенѣ нанялъ, селъ со всѣми на почту поехалъ къ Трансилваніи, и въехавши въ границы той земли, было мнѣ по дароге видѣтъ канюшню князя Шварценбургга, лошады довольно хороши но не такие, каковыхъ я ищю, отътуда приехалъ въ недалеко лежащій городъ Колошъ-варъ, (а по немецки die stadt Klausenburg), въ томъ городѣ имѣвъ надобность нѣкоторое дѣло исправить остановился и пробулъ дни два.

Для чего въ тотже день моего туда приезда, надобно мнѣ было явитца къ тамошнѣму коменданту, одѣлся я въ мундиръ и пашолъ

къ нему, объявлялъ о себѣ и о своей камыси, онъ принялъ меня ласково и приятно, разговаривалъ со мною болшъ о продолжающейся тогда съ Прусакомъ войнѣ и о нашей армии, какъ оны много тѣмъ даволны, что войско наше пришло къ нымъ на помочь, и что одерживаетъ великіе надъ Прусакомъ победы, каковыхъ въ скорости еще и болше слышитъ ожидаютъ, я проседѣлъ у него часа два и потомъ отъклонясь пашолъ.

Было то съ поддня въ часу пятомъ хадылъ по городу и идучи болшою площадыкъ зашолъ къ купцамъ въ лавки, гдѣ видѣлъ некоторыхъ тамошнихъ господъ и баринъ хорошо одѣты прохаживавы, я имъ кланялся яко незнакомы и потомъ пашолъ на почтовой дворъ, гдѣ и квартера моя была.

Въ городѣ обо мнѣ тогожь дня уже было известно, что я ко двору лошадей ищу покупать, почему на утрешний день некоторыхъ мнѣ показывали, но не таковы были, чтобы мнѣ купить было можно, тотъ день писалъ я писма въ Виену и въ Такай и потому былъ весь день въ квартере.

А подь вечеръ тутже въ городѣ живущая госпожа называлася баронеса Вешелины, присилаетъ ко мнѣ своего гайдука богато одѣтъ, съ объявленьемъ поклона, и что она имѣетъ хорошихъ жеребцовъ на продажъ, но не здесь въ городѣ, а на селѣ разстояниемъ отъ города за две мили называемомъ Жибовъ, и ежели я хочу согласитца, говорить гайдукъ, туда самъ поехать, то де и госпожа моя туда поедетъ, по утру рано и тамъ васъ дожидатца будетъ.

Я на сей инъвить согласился, сказалъ гайдуку, что завтра предь полъдень туда буду, гайдукъ съ тѣмъ пашолъ.

Хазяинъ мой почтмейстеръ человекъ забавной сидѣлъ на то время тутъ у меня игралъ на флайтѣ, видить того присланого гайдука и слышитъ съ тѣмъ онъ ко мнѣ присланъ, и что я обещался туда ехать, я его спрашиваю о томъ, и не знаетъ ли сказать, какіе у той госпожи лошады, онъ на то съ усмешкою говорить, что де у насъ въ городѣ ета госпожа и дворомъ и экипажемъ своимъ есть первая щоголыха и у нее есть лошады, каторіе вамъ можетъ быть что и угодни покажутца, но не знаю говорить онъ чтооь то значило, что она сама туда ехать хочеть, она де бариня молодая, вдова и живеть великолѣпно, жениховъ имѣла ужь несколько, да тѣмъ де несчастлива что ни за одного замужъ еще не выходитъ, а впротчемъ она бариня достойная и почтеная, говорить почтмейстеръ, какъ и вы самы увидите.

Мнѣ какъ не было до сего объявленія, о чемъ почтмейстеръ говорить, ни о вдовствѣ той госпожи, ни о вѣдикоѣпныю ея двора никакой нужды мисадѣтъ, а только по своему дѣлу, чтобъ ускорить сискатъ и испунытъ лошадей старался, а у нее говорить что таковы есть, то и не прменялъ я своего обещанья и положылъ на томъ, что завтра туда съездить и посмотрѣтъ, о чемъ сказалъ почтмейстеру и требую чтобы почтовыхъ лошадей и каляску для меня приуготовить.

По утру я въставши послалъ осведомитца о той госпоже. баронессе, дома ли она и намерена ли туда въ свое село ехать, мнѣ о томъ скоро въ отвѣтъ принесли извѣстие, что она прежде нежели жаръ надетигнетъ очень рано уже уехала.

Чась восьмой по утру въ начале, какъ день былъ ясной и солнце пригрѣвать стало, то чтобы и мнѣ ускорить также прежде нежели жаръ болше будетъ, велѣлъ поскоряе запрегать и ехать, взялъ только одного рейтара и коновала съ собою, и принужденъ былъ взять шесть почтовыхъ лошадей, какъ почтмейстеръ сказалъ, что туда буюеть ехать не по большой дароге, а въ сторону лѣсомъ и горами, оно и въ самомъ дѣле такъ было и дарога дурная.

Приехалъ я въ то село въ баронессе, выжу издали что дворъ большой на високомъ и веселомъ откритомъ мѣстѣ стоитъ, что я дворомъ почиталъ и лучшимъ новимъ строеныемъ въ глаза показалось то была канюшня въ двухъ этажахъ каменная и желѣзными лыстами покрита и окрашена, на верху пакой въ коихъ живутъ конюшение и другіе дворовые люде, а вънизу стаялы лошады, а домъ былъ также дяволно великъ, но поменше конюшни, и видно что давни, каменной же о двухъ этажахъ, да архитектуры стариннымъ Венгерскимъ манеромъ, и лежала дарога во оной до болшихъ воротъ несколько во округъ той высоты заворотомъ, а куда въехать то ужъ было моимъ почталионамъ извѣстно, оны въехали во дворъ и оставились подъ крылцемъ.

Меня встрѣчаетъ адинъ изъ служителейъ той госпожи, идетъ предо мною въверхъ по лѣснице на второй этажъ указивая куда итти, и пришедъ въ первой пакой, встрѣчаетъ меня сама баронесса приветствуетъ меня съ дароги словами на своемъ природномъ Венгерскомъ языкѣ, но я ей отвѣчалъ по немецки каковъ и она разумѣла и тѣмъ стала со мною говорить.

Взяда она меня за руку и говоритъ извольте со мною туда далѣ поидемъ, и повела меня въ свою спальню, пакой убранны всѣ

хорошо и чисто, просить хазяйка меня сестъ, и спрашиваетъ чѣмъ съ дароги меня подчевать, я сказалъ что ничего не надобно, неизволите трудитца, однакъ она велѣла поднести чашку кофе.

Сидѣлы мы тутъ и разговаривалы съчасъ места потому спросилъ я о лошадахъ чтобъ мнѣ оныхъ показать, на то сказала она, ви де таперъ съ дароги и поутрудилысь, оставте до послѣ обеда, почему ужъ я и не хотѣлъ ее словъ пребывать оставылъ на томъ.

Въскоре за симъ я обедъ сказано: что готовъ, пашлы мы въ друтую горницу, где на столѣ ужъ были и блюда поставлены, селы мы двое да старуха одна, кото ова называра овою сродницю, насъ трое обедалы, столъ былъ порядочной и вино было отъмено каронное, а послѣ обеда вѣставши поседелы еще съ полъ часа, а потомъ говорить баронеса что таперъ ежелы изволыте паитытъ въ канюшню лошадей посмотритъ, то де и я какъ давно тамъ не бывала хачу вамъ здѣлать кампанию.

Я тотъ часъ вѣсталъ и она тоже, законилась она отъ сонца маленькимъ зонтикомъ пашлы въ канюшню, вижу въ стойлахъ лошадей много ежалыхъ, на коихъ она приехала, также и другие молодые еще неuki но кладены, въ томъ числѣ стояло деветь жеребцовъ, между коими было два белыхъ на коихъ баронеса парою есдить, отъмено хороши и рослые, но влетахъ уже за десеть лѣтъ, а какъ бы не то, тобы я снимы было конечно не растался; а другие что тамъ были то ужъ не таковы, однакъ чтобъ трудъ не былъ по пустому, положылъ взять двухъ адынъ былъ рыжопегой, а другой соловой, попросилъ позволения чтобъ коновалъ мой тѣмъ жеребцамъ о лѣтахъ посмотрилъ въ зубы, что тотъ часъ приказала баронеса своему штальмейстеру допустытъ; штальмейстеръ наложивши трензены по-вернулъ жеребцовъ головами къ намъ, коновалъ мой въ зубы посмотрилъ и сказалъ что пять лѣтъ.

Жеребцовъ обейхъ вивелы на дворъ и проводилы по двору показалысь мнѣ хотя неотъмено, однакъ получше другихъ что я прежде коио у кого видѣлъ, и могли быть приняты, и какъ объявилъ я баронесе что сихъ двухъ намеренъ купытъ, и спросилъ о цѣнѣ, то она осмехнувшись говорить что не токмо сихъ двухъ, но и всѣхъ сколко вканюшнѣ есть взять можете, и вы ужъ мою канюшню видѣлы, говорить она, такъ таперъ пайдемъ далѣ и тамъ о цѣнѣ будемъ говорить.

По симъ словамъ не иное что я заключалъ, а толко то что такая дама конечно не будетъ тамъ въ канюшнѣ стоять и со мною предъ

конюхамы торговатца, почему такъ она сказала что, иттить, то я оставяла ее волю, пашли чрезъ дворъ просто къ крыльцу, хатбъ я вѣрждь оъ нею въ верхъ лесницы иттить, куда и шаги свои было направила, но она указала мнѣ въ право мимо лѣвнищу коридоромъ иттить, и говоритъ невольнитель въ садъ пайттить, яде думаю что тамъ будетъ лучше седесть покудова жаръ мынетъ нежелъ въ горнице.

Я согласился и тому послѣдовать, мы вошли въ садъ каторой былъ всема хорошими аледмы и фруктовыми деревьями высажень, и цветники съ разными цветами наполнены, мимо койхъ какъ мы шли то баронеса оторвала несколькихъ подаетъ мнѣ хвала ихъ приятный духъ, я по благодаря принялъ, и съ тѣмъ вошли въ среднюю покрытую листьями алею, пашли по оной до наконецъ сада гдѣ была беседка критая и съ крапеною решеткою, и въ оной стоялъ не большой столъ и адно канапей, на которой просить хазяйка чтобъ сестъ, я то здѣлалъ и она возлѣ меня села, у насъ илучи былъ разговоръ о Омъ садѣ какъ я оной хвалылъ что хорошъ и порядочно-высажень, то на тѣхже речахъ и въ беседку вошли, мало погоды идутъ тѣмже алеемъ две служанки носятъ нечто накритое салфетками въ рукахъ, положили на тотъ преднамы столъ и выкривши салфетки показали мнѣ на серебряныхъ блюдахъ прекрасные фрукты на одномъ черешны а на другомъ ранние груши, хазяйка тѣмъ меня подычевала, и потомъ завела другой разговоръ.

Баронеса говоритъ мнѣ что вамъ надѣюсь не будетъ противно государь мой въ томъ что я васъ хачу спросить, какъ я васъ вижу достойную особу то и желаю знать каво я имѣю честь у себя таперъ въ доме принять, я де васъ какъ вы вчерась въ лавкахъ хадыли видѣла и за тѣмъ къ вамъ (какъ слишно въ городѣ что за покупкою лошадей приехали, но о вашемъ приездѣ отъ куда и что не умѣлы мнѣ сказать) послала съ объявлениемъ что таковыхъ у себя имѣю, и просила чтобъ пожаловали сюда приехать и тѣхъ моихъ лошадей самы посмотрѣтъ, при какомъ случае таперъ и осмеливаюсь говорила она васъ спросить откудова вы родомъ, и какова закона, и подлинны вы природны Руской, какъ я въ томъ сумнѣваюсь а конечно надобно вамъ быть какой другой націи рождену, и въ первое лы вы таперъ здесь въ сию землю приехали, и еще говоритъ она каково мнѣ здесь показалось и нѣгли моего намерения здесь остатца.

Таково оей госпожи требованно показалось мнѣ цѣлимъ судебнымъ депрессомъ, не хотѣлъ я уже заводитъ дальнихъ попустому раз-

говоровъ и въ отъездѣ моемъ время трагичъ и обидница, а отвѣчалъ ей на всю то сколько можно коротче, что я подлинно русской человекъ и еду одсюдава изъ сей земля какъ исполню свое дѣло обратно въ Такай, гдѣ дожидаетца, говорю и ей моя супруга, отъ колъ намеренъ ехать въ Россїю, и то окончивши спрашиваю о ценѣ жеребцовъ.

Она послѣ моего отвѣта несколько какъ я приметилъ постидидась что столько много спрашивала, вѣстала и говорить не изволитель паитытъ на верхъ въ пакой, (а о ценѣ жеребцовъ не упоминаеть ничего).

Мы пашлы тѣмже алеемъ и идучи къ дѣснице отошолъ я къ крилпу, приказалъ своему рейтару, каторой тамъ возлѣ каляски сиделъ, чтобы лошадей запрегли и подъехали.

Баронеса между тѣмъ сама на верхъ по дѣснице пошла а я потомъ за нею, она просила сестъ и нѣчто какбы задумалась, я опять о жеребцахъ спросилъ, на что отвѣчала что поутру пришлѣтъ рано своего ко мнѣ штальмейстера и чрезъ него объявить мнѣ цену, съ тѣмъ я отъклонясь поблагодаря ея за приятное угощенье вышелъ, и севши на коляску поехалъ.

Было то уже подвечеръ какъ я въ городъ обратно на свою квартиру приехалъ, спрашиваетъ меня мой хазяинъ почтмейстеръ купилъ ли я лошадей и каково мнѣ показались, я ему всего того что тамъ говорено ничего не сказовалъ, а говорю что торговалъ двухъ жеребцовъ, но о ценѣ отъ хазяйки ничего не сказано а обещала говорю я ему что завтра своего штальмейстера ко мнѣ пришлѣтъ.

Провелъ я всю ту вечеръ съ моимъ хазяиномъ въ разговорахъ а наиболше по моей надобности, спрашиваю я его, какъ онъ есть давы тамошни житель не знаетли онъ мнѣ сказать, у каво бы и гдѣ наилучшихъ лошадей мнѣ сискать.

Нато отвѣчаетъ онъ когда здесь вы у сѣй госпожи не нашлы въ ея конюшни болѣе какъ двухъ, тоде и незнаю говорить онъ у другова нико во всей Трансилванїи а разве ещѣ у барона Бетлеема, а лучше всѣхъ графа Микоша, коего ееть адна маетность въ несколькихъ деревняхъ состоящая, отсюдава не далеко млы за четыре разъстоянемъ, гдѣ и заводъ лошадины содержитъ, то тамъ не найдетелы чего купить а болѣе нигдѣ не знаю, но графъ тутъ самъ не живеть говорятъ почтмейстеръ, а далѣ въ селѣ называемомъ Ма-

решь Ундарь гдѣ также и другой заводъ конски имѣеть и на конюшнѣ при себе лошадей содержать.

Мнѣ по сему извѣстию надобно было туда ехать и того графа Микоша искать, но наперидь хотѣлось въ сию ближнюю его деревню заехать и состоящихъ тамо лошадей осмотрѣть, и положижь на томъ что туда ехать.

Торговался я съ почтмейстеромъ за шесть почтовыхъ лошадей, чтобъ въ ту деревню где тотъ заводъ лошадины есть меня съвесть, и говорю ему что съ тѣмъ ежелы мнѣ жеребцы и кобылицы понавятца, то чтобы и туда к графу на тѣхже лошадяхъ съездить.

Почтмейстеръ скавиваетъ мнѣ что отъ той первой деревны гдѣ заводъ, и до графа ехать будетъ надобно еще миль восемь, что аднѣны лошады такую дарогу нелзя будетъ зделать, а притомъ что тамъ горы и леса, то лучше, говоритъ почтмейстеръ нанять тамъ въ деревнѣ свежихъ лошадей и выехать опять на большую почтовую дарогу, и тою уже по почтѣ до графа ехать можете, на чемъ такъ я и положижь что до той первой деревны сими лошады ехать.

По утру какъ я всталъ и готовился къ отъезду, прибылъ и явился ко мнѣ присланой отъ госпожи баронеси штальмейстеръ съ известиємъ, что его госпожа не намерена тѣхъ жеребцовъ продавать, а оставляетъ ихъ для приплоду и съ тѣмъ поехалъ обратно.

Я расплатившись съ моимъ хазяиномъ за всио что подлежало поехалъ въ свою дарогу, и приехавъ въ ту деревню где тотъ заводъ конски графа Микоша есть, заехалъ на его тамошны дворъ, нашолъ управителя и спрашиваю о жеребцахъ и о кобылицахъ, на что сказалъ что есть разныхъ породъ и повель меня въ канюшню, гдѣ какъ я увидѣлъ то и положижь что тутъ конечно куповать надобно, и болѣ на другомъ местѣ не искать, ибо здесь всѣ жеребцы и старис припускные, и молодые были отъменой красоты и роста болшаго, я попросилъ чтобъ всѣхъ молодыхъ по одиначки вывести и проводить по двору, было ихъ всѣхъ молодыхъ шестнатцать, при томъ смотре было несколько трудностию, ибо некоториее жеребци сильылись и пригали много что двухъ человекъ болно ногамы ушиблы, а другихъ едва и по два человекъ удержатъ могли, я тутъ назначилъ четырехъ.

Потомъ посламы за табуномъ въ полъ чтобы и кобылицы осмотрѣть, и пенудова то здѣлаюеть то я не выходяъ изъ конюшны и

дѣлать съ моимъ коноваломъ о каждомъ жеребце свои примѣчанія, иныя были очень злы а другія пошвырѣ, на то я не уважалъ а присматривалъ ихъ другія достоинства како каторой имѣлъ, между тѣмъ сказано что и табунъ уже пригналы.

Мы всё пашли туда въ загороженую диваду куда ихъ загнады и показались издалы, какъ я увидѣлъ всякая кабыла самымъ лучшимъ жеребцомъ, етакой гордосты и пригожества отъ того рода скотины я еще нигдѣ не видивалъ, и нельзя мнѣ болѣе ничего говорить окроме что толко назначивать, каторую кабылу нахожу за способную, а выбрать почты нѣчего, разве которіе старіе тѣхъ толко миновать, а впротчемъ всё адного вида и одной пригожесты, что редко гдѣ въ другихъ заводчикахъ видѣть можно, такто сей графъ свой табунъ пречистыль и содержитъ въ порядкѣ, у него всё кабылы зимою на конюшнѣ и всё ручныя, при жеребцахъ надконюшныя досматриваетъ старой его табунщикъ, каторой о всѣхъ породахъ знаетъ, а при табунѣ тутъ были два табунщика изъ его поданыхъ тамошныхъ Валоховъ.

Хадылъ я по табуну съ моимъ коноваломъ долго и присматривался до каждой и къ жеребятамъ и назначилъ двадцать кобылъ съ жеребятами, а некоторые были яловые что викинулы, какъ то безъ того въ заводахъ быть не можетъ, однако таковыхъ было толко четыре, тутъ хатѣлъ я чтобъ словить каждую кабылу и привязать въ гриву значки, толко управитель не дозволялъ, а говоритъ чтобъ толко я сказалъ каторую я назначаю, почему онъ уже будетъ самъ дѣлать записку къ своему господину, у коего де есть о всякой кобыле и о жеребце книга, въ каторую записано имена какъ жеребцонокъ родитца и въ то время даотца имена всякому.

Я сталъ показивать вотъ ту и ту кабылу хачу купить, онъ велѣлъ призвать того исконошны старого табунщика, каторой обще съ тѣмъ двумя другимы хадилы по табуну со мною и съ управителемъ, и каторую кабылу я скажу то сіи и объявляютъ еѣ имя и отъ каторой матеры родылась, даже бабу и прабабу упоминалы, и отъ котораго жеребца, то всю что табунщики сказиваютъ записиваетъ управитель по регистру, и то совершивши нашли въ конюшню и тоже о жеребцахъ здѣланы, и таковы списка сприметамы и шерстмы здѣланы два, одинъ взялъ я къ себе, а другой хатѣлъ управитель отослать къ своему господину, я тамъ во дворе преночевалъ, и просилъ управителя, чтобъ мнѣ далъ за деньги де первой почты лошадей, сказавъ ему, что едмѣ я дочу, ехать къ его господину, онъ обещался

лошадей мнѣ дать, и тую же вечерь отъправилъ къ своему господи- ну тотъ регистеръ чрезъ нарочнаго.

По утру рано подводчики пришли ко мнѣ на дворъ, а управи- тель далъ до первой почты свою каласку на кою я селъ и поехалъ, дарога мнѣ была тѣми лесамы и горамы весьма трудня, покудова могъ пробратца чрезъ пропасты и каменья до большой почтовой дароги гдѣ и заночевалъ, отътуда было мнѣ еще до графа одна почтавая времена.

У почтмейстера тамошняго сторговался за шесть лошадей и ноутру рано селъ и поехалъ туда, гдѣ графъ живетъ и домъ свой имѣеть въ село Марошъ Уиваръ, приехалъ я туда предъ полдень въ часу десятожь и заѣхалъ просто на его дворъ, въ томъ разуме что о моемъ туда приездѣ графъ чрезъ своего управителя уже известенъ, и знаетъ, что я его лошадей смотрѣлъ и съ тѣмъ еду, что купить оныя, почему бы кажетца и не могло быть никакой противности, а паче тѣмъ еще болшъ надобно бы даволну быть, и гостя такова при- нносящаго прибылъ принять и оказать свою ласкавую встречу, но нѣтъ, а напротивъ, и я такимъ мнениемъ тогда ошибся, и у насъ изъ того вышла маленькая комедия, и за малымъ чѣмъ осталось, что весь мой трудъ и осмотръ лошадиный не пропалъ безъполъзно, ибо графъ, увидя что я просто къ нему во дворъ въехалъ и подъ кри- цомъ остановился, то не былъ тѣмъ даволнѣнъ, сочелъ за пренебре- женье своей афини, и для того не велѣлъ ни кому меня въстречать, какъ мнѣ о томъ, (что не остановился я каласкою съ лошадми на улице за дворомъ, или на селѣ въ ваездномъ партикулярномъ дворе, и не далъ первѣе уведомленьемъ о себѣ знать и спроситъ, въ како- рое бы время могъ его видѣтъ), былъ опосля случай узнать, какъ ныже будетъ видно, онъ же надобно знать, что и не такъ чрезвы- чайно великъ господинъ, а значить толко той Вармеды Фейшпанъ, то есть уездный главный судья, то потому я яко штабъ-афицеръ, и не имѣлъ нужды его величать болшъ, нежели онъ есть, заехалъ къ нему на дворъ не челобитни подавать, а по своей надобности, коя ему въ ползу служить, и чтобъ поскоряе съ нимъ видѣтца и дѣло совершить, а что онъ богатъ и графъ въ томъ, протывъ моего чина, не можетъ ему ны какимъ преимуществомъ послужить.

Домъ сто былъ огромень каменной о двухъ этажахъ, накрытъ черепыцею, съ надлежащими службамы, всио каменное строенье и о оража воекругъ двора крашеною рашеткою съ большими варотамы, чрезъ кои я на дворъ въехалъ.

Я съвѣзъ предъ крыльцъ его дома изъ каляки дадой, и приказалъ, чтобъ съ коляской и съ лошады отступыть въ сторону и тамъ обождать, покуда я съ графомъ увижусь, и потомъ увидимъ, куда будетъ надобно экипажъ вънестъ, и тогда почтливо отпустыть.

Выжу я, что шиваво нѣтъ кто бы мнѣ показалъ, куда итти повернулся туда и сюда, пашолъ самъ въверхъ по лѣснице, отворилъ первие предъ собою двери вашолъ въ горницу, но и тамъ никакъ нѣтъ, я и въ другую одъ коей были двери отворены, увидѣлъ тамо трехъ человекъ слугъ сидящихъ, оны увидѣвъ меня встали, и подошедъ адынъ ко мнѣ, спрашиваетъ по венгерски, чего мнѣ надобно и кто я, тѣмъ венгерскимъ языкомъ, хотя я не могъ я достаточно говорить въ дискурсе, но разумѣлъ столю, что мнѣ по моей надобности было потребно спроситъ, или каму чего сказатъ.

На то отвечалъ я слуге, сказавъ о себѣ, и что имѣю надобность видѣтъ графа, слуга пашолъ чтобъ доложить, а меня останавливаетъ, но я въ той переднѣй съ слугамы остатца не хотѣлъ, а пашолъ далѣ въ другой пакой, ждалъ я тамъ мынуть несколько, покуда тотъ слуга вернулся и говоритъ, что онъ графу сказалъ и я чтобъ обождать.

Проходытъ времени съ четвертъ часа графъ не выходытъ, а мнѣ ушь и скучно етало, посылаю я опять того слугу спроситъ могу ли я графа видѣтъ, или нѣтъ, слуга пашолъ и въ другой разъ съ докладомъ, и возвратясь идетъ съ нимъ еще адынъ изъ придворныхъ его людей, оказался мнѣ афицантъ, или управитель дома; говоритъ мнѣ, что де графъ несколько недоволенъ, и приказалъ спроситъ, какое дѣло вы до него имѣтеъ.

Я ему отвѣчаю, что я о своемъ дѣле самъ съ графомъ качу говорить, и ежели не изволытъ сейчасъ со мною видѣтца, то я паеду въ свою дарогу далѣ, тотъ человекъ примерылъ, что я недоволенъ тѣмъ, что такъ долго дождаюсь, говоритъ мнѣ и проситъ, чтобъ я тамъ поседель, я де графу скажу и онъ конечно тотчасъ къ вамъ выдетъ.

Мало погода идетъ тотъ человекъ ко мнѣ съ объявленнемъ, что графъ уже идетъ и повелъ меня далѣ, я войдя еще и въ другой не великий пакойкъ, тамъ встрѣтился съ графомъ, мнѣжъ сказывалъ на послѣдней станціи почтмейстеръ, что онъ есть человекъ, несколько

нрава суроваго и въ обхожденіи грубъ, и что понемецки не много говоритъ умѣть.

Предъставился онъ мнѣ стариннымъ венгерскимъ видомъ усы предлинныя, сѣдой мужикъ, волосы на голове расплание, лѣтъ близъ семидесяти, росту большаго, сухощавой и въ венгерскомъ платьѣ, по тамошнѣму штатскому обычаю, проговорилъ толстимъ изъ горла голосомъ венгерскимъ языкомъ, я ему отвѣщаю по немецки, свидѣтельствую мое почтенныя, онъ также по немецки мнѣ отвѣчалъ, но весьма худо въ томъ видно учонъ былъ, и съ трудностью можно было слова выразумѣть, а къ тому еще, что съ пронунціаціи своей венгерской природы, то всѣ речи почти на выворотъ говорилъ, однакъ я ему пособлялъ: между собою разумѣтца, Венгрия всѣ свои права и судебныя отъправлены имѣютъ на латинскомъ языкѣ, и потому хотя бы кто и не умѣлъ по немецки говорить, то однако судебнымъ членомъ можетъ быть.

Спрашиваетъ онъ меня я ли тотъ, что въ ево селѣ Састъфенше, (такъ то село называлось), былъ и лошадей тамо смотрѣлъ, на то отвѣчалъ я что я тотъ самой майоръ и что изъ Россіи посланъ отъ двора, для ея величества моея императрице по надобности лошадей жеребцовъ и кобылицъ къ заводу покупать, и что нащолъ говорю я ему въ томъ вашемъ селѣ некоторыхъ къ тому способныхъ, о чемъ уповаю вамъ уже известно и дано вамъ отътуда знать; а притомъ ежели вы и здѣсь каковыхъ имѣте, то бы позволили мнѣ ихъ ихъ осмотрѣть, а за тѣхъ, коихъ я уже видѣлъ и назначилъ, извольте мнѣ объявить цену.

Онъ на то мое ему объявление отвѣчалъ коротко да грубыми словами, и говоритъ, что де мой управитель пишетъ и регистеръ прислалъ, о тѣхъ жеребцахъ и кобылицахъ, коихъ вы назначили и я ихъ знаю, но вы заплатитъ за оныхъ не можете, и тѣмъ толко меня напрасно утруждаете, (на то вѣремя какъ онъ ко мнѣ вышелъ и со мною говорилъ, то былъ еще ево придворной кацеляръ ксонъ Франчишканъ, да еще двое изъ его придворныхъ чиновниковъ).

Такова встрѣча и отвѣтъ сего господина было мнѣ досадно и какъ онъ сказалъ, что я заплатитъ не въ состояніи, то я принужденъ былъ повторить мои первые слова, думалъ я что онъ по худому своему языку меня не виразумѣлъ, и говорю, что я посланъ отъ двора російскаго, и что сіи лошады единственно для ея величества собственной каюшны покупаютца, а не для другой какой надобности изъяс-

нывъ ему о томъ, и еще въ прибавокъ говорю, ежели толко тѣ лошады ему состоятъ на продажъ, то бы ны мало въ платеже денегъ не сумнѣвался.

Онъ и на то тѣмыжъ самими словами отвѣчалъ какъ и прежде и повторяеть, что онъ меня разумѣеть что я говорю, и какъ бы нѣчто съ пренебреженнымъ отвернулся отъ меня, вотъ тутъ я весь згорѣлъ и всего меня жаръ обнялъ, умолкъ предъ нымъ стоя минуты съ две, покудова опять въ себе пришло, и потомъ съ досадою сталъ ему говорить сія слова безъ церемоніи: слушай графъ ти бы за честь еще себя ставилъ, что я такъ данную дарогу здѣлалъ, минувъ всѣхъ прочихъ здешныхъ господъ и приехалъ къ тебѣ, для такой великой императрицы твоихъ лошадей покунать, а ты говоришь такие непристойные слова, не объявляя мнѣ цены, а толко что я не въ состояніи заплатитъ, то знай напротиво того я тебы говорю, что та императрица, которая меня послала и я тебы о томъ уже объявль, но ты то худо разумѣешь, можетъ она не токмо твоихъ лошадей, но естан бы было потребно купитъ, и ты билъ бы на продажъ, то какъ за тебя самаго, такъ и за всю твое имущество есть въ состояніи заплатитъ и купитъ, и то я сказавъ отъворотясь повторилъ говорю стыдысь своихъ словъ, и жаль толко что такое имя на себя носишь и съ тѣмъ пашолъ прочъ.

Вышелъ я съ великою досадою на крицо чтобъ ехать, но между тѣмъ, покудова я тамъ у него бавился, то мой почтилионъ было ви-прегъ лошадей, чтобъ покормить, я видя сие крикнулъ къ людямъ своимъ, чтобъ скоряе запрегалы, а самъ прохаживаю тутъ предъ крицомъ на дворе дожидаясь, покудова готово будетъ.

Вскоре потомъ вышелъ тотъ ксонзъ Франчишканъ и тѣ ево двое чиновныхъ, что тамъ стоялы, за мной на дворъ, и просятъ чтобъ я назадъ въ пакой вернулся, и не имѣлъ бы злой воли, извиняя своего графа и что ему можно ту ошибку проститъ яко челоуѣку старому, я ни мало не хотѣлъ сихъ слушать осердясь говорю имъ, какъ оны не умѣютъ съ людмы обходитца, устиживая предъ ними ихъ графа, и выговорилъ я къ тому приличныхъ несколько еще речей на венгерскомъ языке, не могли отъ досады болѣе себя въ томъ языке скривать, говорю что ни адинъ бы простой пастухъ не могъ грубее быть, какъ что естъ вашъ графъ, какъ толко я сие выговорилъ, то оны всѣ удивилысь, что я ихъ языкъ венгерскій разумѣю, тотчасъ адинъ изъ тѣхъ двухъ отъ меня пашолъ туда на верхъ, затемъ спуста немного какъ Франчишканъ прозбою своею уверти-

вался, чтобъ мнѣ вернутца назадъ въ пакой и говорилъ со мною по немецки, но я никакъ къ тому не соглашался, а дожидаясь толко, покуда каляска подъедетъ, чтобъ отъ ныхъ протчѣ ехать, вотъ идетъ самъ графъ и вышедъ на крилцо сталъ просить, чтобъ я къ нему въ пакой на верхъ возвратился, но я къ нему и лица повернуть не хотѣлъ, и ужь каляска моя совсѣмъ готова и почтилюны селы на лошадей и стали подъезжать, надобно же и то знать, что моя поездка шестмы почтовими лошадми также въ глаза имъ показалось, ибо у ныхъ то велико почитаетца.

Графъ видить, что я ужь совсѣмъ ехать хачу и съ нимъ ничего не говорю, то онъ ускоривъ прежде нежели я въ каляску сяду прспешилъ съ крилца далой, подошедъ ко мнѣ снѣлъ уже и калпакъ свой съ головы, подхватя меня подь руку и називая меня моимъ титуломъ и господиномъ, просить чтобъ я простылъ его, и говорить я де вижу, что ошибся я тѣмъ васъ осердылъ, но не хачу на томъ оставить, чтобъ вы съ гвѣвомъ изъ моего дома выехали и для того прешу возвратитца ко мнѣ въ мой пакой.

Хотя сия сатисфакция и была мнѣ даволна, однако еще не могъ бы онъ меня тѣмъ пригласить, чтобъ я къ нему вернулся, естли бы мнѣ не представились въ мислы его жеребцы и кобилицы, каковыхъ наверно ни у како другога не нашолъ бы я нигде, и осталась бы моя езда и трудъ во пустому, что и принудило меня съклонитца, а къ тому вижу такова старика съ седими волосами съ чиномъ даволно великимъ, стоящаго на сонце держать въ одной руке свой калпакъ съ головы, а другою подь мою рукою, а съ другой стороны тотъ Франчишканъ, каторой ужь досадылъ мнѣ на ухо съ прозбою, то ужь и я пременялъ себя, снѣлъ также свою шляпу съ головы, (яко и графъ калпака своего еще не надѣвалъ), оборотясь къ нему и говорю, что вотъ видите господинъ графъ, какъ вы людей отъ себя отъбываете, и также не по честы вашей и со мною поступили, и таперъ говорю я ему хотя бы мнѣ и пайтыть съ вами въ ваши пакой, о чѣмъ вы просите, но можетъ быть, что вы такимъ же манеромъ въстренете меня опять какъ и давича что было, то убегая того лучше хачу ехать отъ васъ съ покоемъ.

Онъ а также и Франчишканъ съ другой стороны просятъ не престано, чтобъ я вернулся и чтобы о давишинѣму не помынать, и бросить въ забвение.

По симъ прозбамъ, а болѣе что жеребцы и кобилицы мнѣ стоятъ въ голове, вернулся я съ графомъ и съ Франчишканомъ назадъ, и

вошедъ въ пакой, (онъ жылъ въ нижнѣмъ этаже по своей старосты, что въверхъ лѣсници въ другой этажъ хадить не можетъ, а особливо что охотникъ великъ до лошадей и за то въ день раза дваи болѣе бываетъ въ канюшнѣ), и войдя мы въ последнѣй пакой, что предъ его спальнѣю тамъ просилъ меня сестъ, и ужъ учтивъ сълышкомъ зделался, мало погода вошла къ намъ съ другихъ дверей графиня, я ей (какъ мнѣ графъ сказалъ, что она его супруга), вѣставши поклонилса, что и она мнѣ зделала и приветствуетъ меня приездомъ, сажаетъ меня, я сама также села, видно что она ужъ известилася о нашемъ съ графомъ споре, показывая видъ приятной и веселой, умѣла по немецки горазда лучше нежелъ графъ говорить, была лѣтамы помоложе графа, однакъ ужъ старушкою назвать можно, и видно что въ свое время была красавицею, лице ее и талия въ томъ показывало.

Графиня оборотясъ ко мнѣ говорить съ усмешкою, я де слышала нѣкоторые здесь споры, то и пришла я чтобъ оныя успокомтъ и обратить въ пріятство, я ей поблагодаря за то, и указываю на графа говорю, что вашъ господинъ графъ несколько былъ не знаю чѣмъ не довольнѣ отъ чего завелся маленькой споръ, такъ вы судариня говорю я ей извольте за то по вашему разсмотрению ево штрафовать.

Она поворотясъ къ графу говорить стала по венгерски, ти де сведоми видно думалъ, что твой солга быровъ къ тебѣ приехалъ, (что значить усаднѣй камьсаръ), а не примечаешъ лы что ето господинъ, и разумѣешъ лы ты его слова говорить она.

Я спе, что она къ мужу своему сказала, выразумѣвши здѣлалса предъ нѣю еще болше въ моихъ съ нею разговорахъ учтивымъ и то ей весма понравилось, потомъ сталъ я графа спрашивать о ценѣ тѣхъ назначеныхъ мною жеребцовъ и кобылицъ, чтобъ мнѣ объявыгъ и поворотясъ къ графинѣ говорю, а васъ судариня прошу взять мою сторону и быть нашимъ медиаторомъ.

Графъ отгвѣчаетъ мнѣ, чтобъ я самъ цену положилъ чего оны стоятъ, на то говорю я ему, что никакъ того я здѣлать не могу, ибо всякъ хазяинъ своему дабру долженъ самъ цену показать, а я яко покупщикъ естлы наперіодъ стану цену класть, то можетъ быть покажетца не угодно и тѣмъ, чтобы не оказать вамъ неудовольствія.

На тотъ часъ графиня, подхвата мои слова, стала графу говорить по венгерски, смотри таперъ какой ты отгвѣтъ получилъ не пріятно лы слушать словъ его, я и то виразумѣлъ, что она сказала, графъ тотъчасъ вѣсталъ и пашолъ въ свой кабинетъ, и скоро назадъ

идеть, носить въ руке бумагу и говорить, что вотъ регистеръ тѣхъ лошадей, коихъ вы назначили какъ о томъ мой економъ ко мнѣ пишеть, посмотримъ таперь еще разъ, и приказалъ принестъ протоколъ лошадиныхъ пародъ.

Я винулъ также свой регистеръ, что тамъ будучи въ заводе записалъ, и стали сводить такъ лы какъ что економъ писалъ, и нашедъ ровное адынъ съ другимъ, п покудова мы съ графомъ то сводили вижу я, что отецъ духовной нѣчто графинѣ на ухо шепчетъ, а она на меня гледить и видно, что онъ ей пресказалъ о томъ, что я по венгерски разумъю, какъ онъ будучи на дворе предъ крицомъ несколько словъ отъ меня, что я виговорилъ, слышилъ.

Графиня въдругъ вѣставши подошла ко мнѣ говорить, какъ слышу я что вы по венгерски шивете, и конечно вы Венгеръ, хотя и въ чужемъ государствѣ служите, но таите себя, я отвѣчаю ей изъвиняясь, что говорить не умъю, а толко мало что и гдѣ какое слово понимаю, я то говорю я профитовалъ таперь какъ здесь въ Венгрии нахожусь, а родомъ я природный Руской, тутъ Франчишканъ вступилъ въ наши слова говорить, да вы не Венгеръ, а давича какъ были сердиты, виговорили по венгерски такъ хорошо и чисто, что и мнѣ того бы на память не пришло, мнѣ сие не было угодно, что онъ проболталъ, говорю оставте пожалуй таперь о томъ говорить, не помешайте мнѣ съ графомъ въ нашемъ дѣле.

Патомъ пресмотрѣвши графъ свой протоколъ и нашедъ имена тѣхъ жеребцовъ и кабылицъ, когда оны родилгсь показиваетъ мнѣ ихъ породу, изъ чего могъ я узнать, что двухъ жеребцовъ перваго светло-буланого съ черною гривой и другога гнедого беру я у него изъ породы гишпанской, а вароныхъ двухъ отъ неаполытонской кабылицы же, и той и другой пародъ также всѣ были означены.

Таперь говорю я графу изволите цену положить, какъ вы намерены ихъ продать, но съ тѣмъ говорю я что въ насъ въ двухъ словахъ торгъ могъ быть конченъ.

Онъ не хотѣлъ было жеребца буланого продавать, сказивая что для приплода намеренъ его оставить, да кобылу первую что въ регистре вимаралъ (називалась Фата, что значитъ на волоскомъ языкъ дѣвка), я то увидѣвъ говорю чтожь это значитъ, онъ отвѣчаетъ, что сию кабылу ни за что продавать не намеренъ, потому что подъ нею есть маленькой лошачокъ отъ такова породистаго жеребца, котораго взялъ синъ его съ собою въ паходъ и не знаетъ, что еще съ тѣмъ

жеребцомъ здѣлатца можетъ и придетъ лы назадъ илы нѣтъ, а отъ него болѣе приплоду не имѣеть, окромѣ только адного сего жеребенка, то потому я кабылы той отъдать не можетъ.

Вотъ таперъ говорю я у насъ будутъ новые споры, и когда вы буланого жеребца оставляете, и кабылы сей продать не хотите такъ и торгу у насъ не будетъ и трудимся вотъ почти целой день по пустому, и требую я чтобъ конечно и жеребець и та кабыла обще съ другими въ продажу пашлы, но нѣтъ графъ къ тому никакъ не соглашаецца, чрезъ что доходить у насъ, чтобъ разойтытца, и я вѣсталъ отъ столика протчъ, падошолъ къ окошку стою и думаю, что дѣлать, не хочетца мнѣ того оставить, ибо жеребець такой какова въ подобые ему на другомъ мѣстѣ верно смсать не могу, а кабыла также во вѣсѣмъ ого табуне первая и я такой никогда другой не видалъ и еще не старал.

Покудова я тамъ у окошка стоялъ и собырался съ мислямы, что дѣлать и на чемъ положитца, то между тѣмъ графиня нѣчто съ графомъ говорила, и потомъ вѣставши отътуда подьходить ко мнѣ, взяла меня за руку говорить, что де вы меня просилы, чтобы мнѣ между вами въ торгу съ мужемъ моимъ быть медиаторкою, такъ таперъ я приступыла къ тому, чтобъ вы могли быть даводны и сужу, чтобъ споръ разделить по поламъ, изводите со мною вотъ мужъ мой вамъ скажетъ.

Я подошедъ опять туда къ тому столику, гдѣ графъ седелъ и полагаалъ противъ каждой штуки свою цену въ томъ числѣ и буланого жеребца тутъ же поставляетъ, а кобылу нѣтъ, подаетъ онъ мнѣ тотъ регистеръ съ тою назначеною отъ себя ценою, въ чемъ и графиня проситъ чтобъ на томъ оставить, а о ценѣ говорить она, какъ сойтытца можете.

Регистеръ тотъ отъ графа я взявши пресмотрѣлъ и вижу, что съ моимъ мнѣніемъ сходно, и какъ бы я самъ сперва цену клалъ, то бы конечно еще съ прибавкою противъ того было положылъ, и взялъ оной регистеръ къ себе, спрашиваю нѣтъ лы у него еще и другихъ какихъ тутъ на дворе въ канюшнѣ лошадей, ись коихъ бы я можетъ быть въ прибавокъ къ симъ вибралъ, на что отвѣчалъ, что нѣтъ окромѣ цуговыхъ и некоторыхъ припускныхъ жеребцовъ, а кобилицы въ неболшомъ числѣ имѣеть въ другой по близосты деревны, за коймы я просилъ чтобъ послать, что и велѣлъ онъ тотъчасъ

слуге ехать и пригнать табунъ на загородни дворъ, но не прежде то можетъ быть какъ на завтра.

Графиня намъ помешала и прекратыла, что совѣтъ торгъ окончить не могли, она говоритъ намъ, что не изволитель оставить на сей часъ сие дѣло, вотъ уже три часа съ полдня какъ вы трудитесь, а обедать и давно время прошло, такъ что не окончено можете и потомъ совершить.

Мы оба я и графъ вѣстали и говорю я, что вашъ регистеръ господинъ графъ у меня каторой остаецца на томъ, покудова я вашихъ другихъ лошадей увижу, и какие мнѣ покажутся удобными и назначу сколько таковыхъ будетъ, такъ тогда обо всѣмъ вообще настоящую цену я вамъ по моему мнѣнию объявить буду, но притомъ прошу говорю я о квартире приказать мнѣ отвестъ, чтобъ люде мои туда экипажъ вѣнестъ могли, онъ и графиня тотъчасъ велѣлы показать въ верхнѣмъ етажѣ въ покояхъ, куда и людамъ моимъ вѣнестыюъ сказано и почтилионовъ съ лошады отъпустытъ.

Графиня взяла меня за руку говоритъ изволите пайдемъ таперъ къ столу обедать, мы пришли въ столовой пакой, гдѣ уже было на столъ поставлено, смотрю я что съ другихъ дверей идутъ три дамы изърядно по тамошнѣму обычаю одѣты и молодые, кои вошедъ здѣлалы мнѣ по обыкновенію комплиментъ и приступылы къ столу, графиня показиваетъ мнѣ объ нихъ, что то две ее дочери дѣвцы, а третья невестка за ее синомъ капитаномъ что въ паходъ пашолъ.

Сели мы за столъ обедалы, а я какъ возлѣ графини седелъ, то наиболше съ нею разговоръ имѣлъ, а вставши и за стола пашлы въ другой пакой, гдѣ намъ поднесли кофи, а потомъ что день очень жарокъ былъ, пашолъ я на верхъ въ отведеную мнѣ квартиру, пакоевъ тамъ было много, но мнѣ показано три, два для меня а третьей на сторонѣ для людеи, и мои два были хорошо убраны во всѣмъ принадлежащемъ, и постелы моей ставытъ не далы, а была хаяйская тамъ готовая чисто и хорошо подъ павилономъ.

Я было немного на канапею заснулъ и потомъ вѣсталъ и седѣлъ, было то уже блиско вечера, пришлоъ ко мнѣ тотъ Франчишканъ и графские люде принесли въ карафинчикахъ вина и воды и на талерки люду, говоритъ мнѣ Франчишканъ, что графу и графинѣ будетъ угодно естли я къ нимъ туда прииду, я то здѣлалъ и пашолъ, и пришедъ къ нимъ прашу графа, чтобъ мнѣ канюшню свою показалъ.

Мы пашлы, осмотрѣль я всѣхъ его лошадей, кои были отборные цуговые лошады хороши и велики, а между прочими стаяло девять жеребцовъ припускныхъ уже несколько въ лѣтахъ, каторие такъ были хороши, что я заглядѣлся въ нихъ и смотрѣль на всякаго порознь долго, и ежели бы были помоложе, то бы никакъ съ двумя, (коихъ я за лучшихъ почиталъ) не растаясь, но графъ сказалъ, что у него еще есть несколько молодыхъ жеребчиковъ и мереновъ недалече ходють въ ливаде пасутца, коихъ могу говорить онъ завтра, какъ и табунъ пригонють, видѣть.

Съ тѣмъ вернулись назадъ въ пакой туда где графиня съ дочермы седела, и тамо и я съ графомъ провели время въ разговорахъ до самаго ужына, а после стола отклонясь я, пашолъ на верхъ въ свой пакой и легъ спать.

На завтрашни деньъ вѣсталъ я рано и одѣлся не много лучше вчерашнѣго, тутъ принесли мнѣ кофи, а потомъ погода пришолъ адинъ изъ служителейъ графскихъ объявляетъ что графъ просить къ себѣ, и что изъ деревны уже и табунъ пригнали, и не угоднолы мнѣ онаго смотрѣть, я тотъ часъ пашолъ вънизъ, нашолъ графа со всѣмъ одѣлся и меня дожидаетъ, мы оба пошлы на загородни дворъ тѣхъ тамо лошадей смотрѣть, всѣ кабилицы были хороши, но не такы какъ тѣ другие что я прежде видѣль, а бракъ изъ того другаго табуна что онъ пречищаль и держитъ здесь при себѣ на продажъ, между коими однако были двѣ отъмено хорошия, коихъ я тотъ часъ въ свою поупку и назначилъ, да мереновъ троухъ выбралъ, каковыхъ мнѣ приказано для верховой езды поупыть, а жеребчики тролѣтки, коихъ графъ мнѣ тутъ на ливадѣ показоваль, тѣ не били для меня.

Отътуда вернулись мы во дворъ и пашли въ пакой и зачалы между собою торгъ, графиня тотъ часъ къ намъ пришла и села, слушаеть что между намы происходитъ будеть, я винувъ тотъ регистеръ, въ коемъ графъ вчерашни деньъ цѣну нааначилъ, подаю графу чтобъ онъ и симъ двумъ кобыламъ и тремъ меренамъ что я таперъ выбралъ цену также означилъ, онъ взявъ тотъ регистеръ полагаеть цену обеймъ кобыламъ на ровнѣ какъ и тѣмъ преднимъ, а мереновъ тоже въ адну съ кобылами цену что и выходило, жеребець буланой во сто червоныхъ а тѣ другие три по восьмидесятъ, а кобылицы и мерены по сороку по пяты что и вышло подьгуртъ за четырехъ жеребцовъ, и за двадцать адну кабылу и за трехъ мереновъ всего на всю тысяща триста восьмьдесятъ червоныхъ.

Я сталъ говорить графу что то дорого онъ поставляетъ, и чтобы спустилъ цену по ниже, а ктому жестоко приступилъ моимъ требованіемъ чтобы онъ уступилъ и ту кобылу, каторую онъ вчерась въ регистре вымаралъ, обещаю за оную я въ двое противъ прочихъ заплатить денги, наослодокъ давалъ я за нее сто червонныхъ, но никакъ отъдать не хотѣлъ, отгавариваясь непрестано тѣмъ что чрезъ того жеребенка что подъ нею есть, коего онъ надѣтца для приплода выкормить, я водилъ графа сполъ часа о томъ прося непрестано той кобылы, а ктому нарочно говорю что и цену високу жеребцамъ и кобыламъ положилъ, къ чему какъ я приметилъ что графиня стала ему упоминать чтобы онъ сошелся со мною, и графъ какбы уже къ тому скланяетца, и дожидаетъ толко отъ меня слово, ибо я еще своей цены не говорилъ, графъ спрашиваетъ меня о томъ и говорить, чтоже вы мнѣ нычего не говорите какую вы цену полагаете, исчего бы я видеть могъ сходствуемы оно съ моимъ положеніемъ.

Мнѣ ужъ не хотѣлось его далѣ держать и тѣмъ не подать имъ о себѣ мислей, что я какбы партикулярной какой купецъ пришелъ къ нимъ торговатца много, и хотѣлабы чтобы онъ червонецъ и другой отъ своей цены еще ниже спустилъ, видя и такъ въ томъ его ошибку, а болѣе всего доказать ему хотѣлъ о вчерашныхъ его словахъ какъ онъ сказалъ, что я всѣхъ тѣхъ назначенныхъ его лошадей заплатить не всостояніи, и говорю ему когда вы господинъ графъ о вашихъ лошадяхъ цену мою спрашиваетъ, то вотъ вамъ моя рука, и я плачу вашихъ лошадей такъ какъ вы онымъ цену положили, взявъ испредъ него тотъ регистеръ лошадины къ себѣ, поклонясь ему и графинѣ и говорю пообождите не много вотъ тотъ часъ я буду и денги вамъ принесу, но съ тѣмъ господинъ графъ говорю я ему чтобы ваши люде тѣхъ лошадей на своихъ лошадяхъ водили, и приныхъ былы вашъ адинъ табунщикъ, покудова я изъ Трансильваніи выеду въ Венгрію до города Дебрецена, а я имъ за трудъ заплачу денги и лошадей ихъ въ дароге кормить буду своимъ фуражемъ; графъ обещаея то здѣлать, а я пашолъ на верхъ въ свою квартиру, вынялъ изъ сундука мешокъ съ червонцами, принесъ туда къ нимъ и отщиталъ всю подлежащую суму и отдалъ графу, онъ и графиня принявши денги поблагодарили мнѣ и остались тѣмъ много довольны, но чтобы о вчерашнемъ не оставить не упоминуть, говорю графу осмехнувшись: вотъ господинъ графъ какъ моя императрица платитъ можетъ, а не такъ какъ вы вчерась о томъ сумнѣвались, а сверхъ того говорю я графу что еще вашему шталмейстеру и та-

бунчикамъ хачу на пропой подарить двадцать червонныхъ, тутъ сталъ и тотъ Франчишканъ косить, какъ оны обыкновенно при дворахъ господскихъ умѣютъ увертки свои дѣлать и пришучиваютъ по своему интересамъ то онъ выговорилъ, ну этого я неслыхалъ, а тобы я на сей день у графа хатѣлъ штальмейстеромъ быть, я услыша то, говорю ему будте вы добри пастырь, и вотъ вамъ за то я дарую пять червонныхъ, всѣ предстоящие тутъ взглянулысь глазами адинь на другаго о томъ что я дѣлалъ, а я собравши въ мешокъ свои оставные червонцы, пашолъ опять на верхъ въ свою квартиру, положылъ оныя въ сундукъ и возвратылся опять къ нимъ.

Засталъ я ихъ въ некоторыхъ между собою разѣмишленныхъ, и какбы нѣчто устидилысь, мнѣ до того не было нужды спрашивать, а подошолъ къ графинѣ и говорю, что у насъ въ Россіи судариня есть обычай, когда дѣло у людей по желанию въ чемъ совершитца, то бываютъ могоричи и веселятца, такъ и таперь здѣсь въ нашемъ доме таково дѣлалось и на обе стороны хорошо, то бы не худо когда бы приказалы подать намъ по чарки водки и тѣмъ напишемъ за здаровые ваше и счастливаго нашего торга.

Она вѣстала и говорить мнѣ да это таперь вы карошо говорите, но давича что вы намъ въ укореные сказалы, можетель повѣрить говорила она что мы не изобретаемъ словъ столко, конми бь могли вамъ отвѣчать, и вы намъ задачу такую сказалы что поверте остаетца намъ оное великимъ прискорбьемъ, и вы де конечно какъ отъ насъ поедете будете вездѣ о томъ говорить, а то било бы намъ на всегда немалую укоризною, такъ пожалуйста продолжала она будте намъ приятель и обещайте намъ что вы всею то бросите въ забвеныя, и чтобы не имѣлы мы притчины на васъ въ томъ сожалѣть.

Графъ тоже приступылъ, оправдивая себя, что онъ нысчего другаго то вчера мнѣ сказалъ, какъ единственно истого что бывало у него прежде такие покупщики, что обещаютъ платить, а потомъ выходило дѣло на вексель, и втомъ труда много имѣлъ покудова свои денги доправить могъ, я ему на то отвѣчалъ что можетъ быть у васъ съ другими людмы оно такъ и было, яко съ партикулярными покупщиками, но моя монархиня, каторая меня по сей камысії послала, не приказала мнѣ векселя давать, а платитъ велѣла готовыми денгами, что я и дѣлалъ, и вы видѣлы говорю я ему сколько за уплатою вамъ осталось у меня еще въ излишестве, однакъ говорю я ему поворотясь и къ графинѣ не изволите судариня ныже малѣйше обо

мнѣ вчелъ либо сумнѣватца, а вѣрте что я отъ нинѣ на всегда и на всякомъ мѣстѣ буду истинно вашъ пріятель, и не оставлю вездѣ вашей пріязни каторую я въ вашемъ домѣ отъ васъ имѣю хвалытца, зискатъ случаетъ естли бы толко могло быть таково время чтобъ оказать вамъ мою благодарность.

Сей разговоръ мы кончивши, приказала графиня принесть водки, хлеба, и сирѣ на тарелкахъ, пили водкою вѣзаимные здаровый желая счастливо мнѣ препроводить купеныхъ лошадей, а имъ позоватца полученны денгамы, и на томъ дѣло наше кончилось, но потомъ на другой день вышло у насъ не мношко і новое затруднение, какъ я о томъ скоро буду говорить.

Послѣ того просилъ я графа чтобы сихъ купленыхъ мною здесъ двухъ кабылицъ и трехъ мереновъ приказалъ изъ табуна вѣзять на конюшню, онъ тотъ часъ велѣлъ то здѣлать и лошады поставлены въ особливо мѣсто и для присмотру приставлены ево люде.

Время пришло къ обѣду и сказано что на столъ поставлено, графиня просить итыть кушать, мы собрались всѣ туда въ столовую, гдѣ уже обе графскіе дочери и невестка насъ дожыдалысь, одѣты были весьма хорошо, комплиментовалысь со мною, и графиня распоряджала мѣста гдѣ кому сестъ, меня посадила возлѣ себя, а съ другой стороны въ правой у меня руке велѣла большой дочери своей сестъ, и между протчимъ: съ графинѣю разговорами сказиваетъ она мнѣ что то возлѣ меня естъ старшая ее дочь, а засватана за полковника графа Форгача и что скоро веселѣ будетъ, я повернулся лицомъ къ новозарученой, поздравляю ее тѣмъ счастлиемъ и говорилъ къ ней по немецки, она на то тѣмже языкомъ отвѣчала свидѣтельству свою благодарность, и потомъ изъ сего была оказія тутъ за столомъ и большъ съ нею завестъ разговоры и познакомытца, и подлино девица достойная и разумна.

После стола не много въ мѣстѣ могли бавитца, потому что день былъ очень жарокъ, для чего и кофе не подавалы а оставили до опосля, я отъклонился всѣмъ пашолѣ на верхъ въ свой пакой раздѣлся и лежалъ наканапею гдѣ и заснулъ не много, потомъ какъ уже жаръ минулъ и я всталъ, то велѣлъ прислать моего кановала онже былъ и кузнецъ, приказиваю ему чтобъ сихъ новокупленыхъ лошадей подковать хотя на передние ноги, по притчине каменистой дароге чтобы которая естлы такъ некованыхъ водить не захрамала, а желѣ-

зо на зделку патковъ говорю я кановалу, чтобъ онъ отъ графскаго во дворе управителя потребовалъ.

Тоже было надобно здѣлать на каждую лошадь и попоны изъ холста летние, о чемъ къ исправленію положилъ я на своихъ рейтаръ чтобъ оны старались, и нашили бы на селѣ за денги потребное число аршинъ простаго холста, а какова нибудь партнова чтобъ пошить, а покраять оныя какъ надобно то я самъ покажу, и на то давъ рейтарамъ денги, велѣлъ изныхъ одному итытъ холстъ искать а другой бы остался, ежели за чемъ пазову.

Толко что я то кончилъ смотрю идетъ съ дверей ко мнѣ патерь Франчишканъ съ превеликою благодарностью, кланяетца мнѣ за учинѣное ему отъ меня сево дни по утру петью червоными подарокъ, за что обещаетца о здаровый моемъ на олтаре молитца, я его посадылъ возлѣ себя на канапею, и стали коио што говорить, а между прѣтчимъ зачалъ онъ сказивать о графе и графинѣ, о ихъ нравехъ и натуре хвала графиню, какая добрая и разумная бариня и какова она таковы и ее дочери, а что графъ, то ужъ сказивать не надобно, я чаю говорить онъ что вы самы его узналы, какъ и въ тотъ день вашего приезда каковъ онъ предъ вами неучтывъ былъ, и тѣмъ васъ грубо встретиылъ, на его де не иначе а время такое находить, ему де противно говорить Франчишканъ показалось что вы съ каляскою и съ лошады просто на дворъ заехали, а не остановились за воротамы или въ заездномъ доме на селѣ, и не послалы съ докладомъ первее спросить въ какое время съ нымъ видѣтца можете, и за то де не велѣлъ никому васъ на крилце встретиытъ, а знавъ что вы едете, будучи уже отъ управителя изъ той деревны гдѣ вы были уведомятъ, однако пакорно прашу говорить Франчишканъ пожалуйста не говорите ему о томъ ничево, и бросите не трудите себя, я ему на то отвечалъ что уже о томъ позабулъ (но думаю я въ себе что вотъ пять червоныхъ какъ глаголютъ, и что есть денги).

Мы еще будучи въ разговорахъ, присилаетъ графиня просить меня на кофи, я тотъ часъ одѣлся и пашолъ съ Франчишканомъ въ местѣ туда къ графинѣ въ ее пакой, гдѣ всѣ собрались я меня ожидалы, поднесена была кофи, а на другомъ столыке поставлены разные фрукты, конны подчевала меня графинина старша дочь, и я ужъ при семъ случае познакомылся съ нею еще болше и разговоры имѣлъ.

Потомъ уже подъ заходъ солнца по холоду пашля всѣ въ садъ, каторой цоложение имѣлъ подъ дворомъ на берегу рѣки Мароша, на

всма веселомъ мѣстѣ, и былъ устроенъ регулярно аллеямы и бесѣда-камы, и съ разными цвѣтамы и овощными деревьямы усаженъ, въ числѣ коихъ тогда были тѣ прекрасныя черешни съ спѣлыми своими ягодамы, графинины дочери и невестка яко молодые резвились по саду, черешни рвали что и я имъ, уже познакомившись съ ними, помагалъ и ветви съ ягодамы рукою доставалъ, и менялись кто что прежде достать успѣлъ, а за тѣмъ пашлы къ столу ужинать, и на томъ тотъ день прошолъ, а послѣ стола разошлись по своимъ покоямъ.

Я тотже день еще поутру просилъ графа, чтобъ онъ послалъ нарочнаго съ повелѣніемъ къ своему управителю въ ту дальнюю деревню, чтобъ тамо всѣхъ тѣхъ мною купленыхъ кобылицъ взять изъ табуна на конюшню и содержать до моего туда приезда, и были бы люде кои волить будутъ готовы, графъ то здѣлалъ, и таково повелѣніе туда послалъ.

Поутру рано я всталъ и зачалъ дѣлать свое къ отъезду приуготовление и намеренъ былъ завтра совѣмъ выехать, тотже день были мы до обѣда по прежднѣму всѣ въ мѣстѣ, хадылъ я съ графомъ на конюшню гледелы ево лошадей также и моихъ купленыхъ, коихъ чтобъ водить состоялы уже и люде въ готовности, и съ тѣмъ прошло время до полднѣ, обѣдали всѣ въ мѣстѣ и потомъ что въ день очень было жарко, то разошлись по своимъ покоямъ отдыхать.

Я пришедъ въ свою квартиру раздѣлся и сидѣлъ въ адномъ толко летнѣмъ халатѣ у окошка на приятномъ томъ ислъ тѣни отъ сада и отъ реки воздухе, никово болѣе при мнѣ не случилось о кромѣ что я адинъ остался, слышу я что чрезъ первой прихожей мсй пакой нѣкто идетъ и по походке примечаю какбы женской ходъ, и оглянувшись туда къ дверямъ алъ идетъ графиня старша дочь сама одна ко мнѣ, я какъ ее увидѣлъ въскочилъ отъ окошка къ ней на встречу взялъ ее за руку, экскузуюсь предъ нею что меня такъ раздѣтога застала, она на то отвѣчаетъ что нѣтъ ничего ви де яко хазяинъ въ своей квартире можете быть на своей волѣ, просилъ я ее, чтобъ пожаловала сестъ, она на канапеи и я возле ее, смотрю что то еще далѣ будетъ, а не знаю что приходъ такой госты значить.

Она какъ дѣвица разумная и ужъ несколько со мною тѣмы днямы обзнакомылась, то и говорить духомъ веселимъ, упомыная какъ хорошо здѣсь въ верхнѣмъ этажѣ лѣтнимъ временемъ жить на открытомъ воздухе, и лучше нежелъ въ нижнѣмъ, и еще далѣ кое о

чемъ зашли въ разговоръ, не много погодя слышу я что опять нѣкто идетъ и также по походке примечаю надобно быть женщина но не одна а две, такъ оно и было что две дѣвки вошли къ намъ и неся на подносахъ кафейныя и чашки, а на другомъ фрукты, поставили оны то на столикъ и придвинули къ намъ поближе.

Молодая графиня стала сама наливать кофи, подаетъ одну чашку мнѣ а другую себе взяла, после того тѣ дѣвки собравши кафейникъ и чашки отънесли прочь, а мы двое опять самы остались, нашъ разговоръ продолжался съ четверть часа, такъ о кое о чемъ мало важномъ, я ужь и думалъ что то толко и значило что кофи ко мнѣ пить принесли, однакъ что она молодая гостя пришла и сама еще одна о томъ понять я не могъ, напоследокъ зачала она говорить изъпрашивая первое чтобы я не погнѣвался о томъ, что она сказать хочетъ і пришла меня просить, и требуетъ моего на то согласія, я ей отвѣчаю что сохотою моею всио готовъ для васъ судариня здѣлать, что толко въ моей возможности состоятъ будетъ, она опять говоритъ что нѣтъ, а обещайте наперидь что неоткажете, и тогда я вамъ объявлю мое прошение,

Я сталъ смѣятца держу ее руку и говорю вы конечно судариня изволите нѣчто шутѣть, а ежелы есть какое дѣло то скажите лучше, и чтобы оно могло быть такое о чемъ вы сумнѣваетесь, чтобы я для васъ не здѣлалъ, и повторяю ей мои слова что съ великимъ моимъ удовольствиемъ готовъ исполнить приказаніи ваши, тутъ она не много покраснѣла и зачала мнѣ говорить, что де вы уже слышали что я заручена за полковника графа Форгача, и положено условье что сего лѣта и веселѣ будетъ, и на то уже родители мои приуготовили и весь подлежащій экипажъ, я же уведомылась сего дня отъ нашего штальмейстера, что изъ числа тѣхъ назначенныхъ къ моему веселью цуговыхъ лошадей, одну самую лучшую наручную молодую лошадь съ прочими купленныи отъ батюшки моего купили называютъ ее Муру, такъ о томъ прошу я васъ говорила она, чтобы ту лошадь уступить мнѣ, яко женихъ мой, будучи здесь говоритъ молодая графиня, ту лошадь видѣлъ и сказала мнѣ что онъ ее хочетъ себы подъ верховую езду обратить и дать выучить, а вы повторяетъ она можете въ место оной отъ батюшки моего другую какая вамъ будетъ угодно себе взять, и то сказавъ повторяла еще свою прозбу, чтобы я зделалъ на то свое согласие.

Сия нѣжная просьба тронула меня некоторою чувствительностью и какбы было не можно здѣлать ей въ томъ удовольствие, говорю я

ей что единственно оударити изъ моего къ вамъ почтенія соглашаюсь исполнить ваше требование и ту лошадь я вамъ оставляю, обвиняя при томъ графа отца ее, что онъ мнѣ о томъ ничего при нашомъ торгу не сказалъ, она на то отвѣчаетъ что де онъ яко чело-вѣкъ старой можетъ быть что не вспомнилъ, (и сказиваетъ что отецъ ее о томъ не знаетъ что она пришла меня просить, упоминяя чтобъ я самъ отъ себя стороною ему о томъ сказалъ и требовалбы на место оной другую лошадь, я всио то обещаю въ угодность ее такъ дѣлать).

Моя молодая гостя по такому отъ меня обещанью была много довольна, вынувъ изъ кармана визаной съ шелкомъ и золотомъ на деньги кошелекъ подаетъ мнѣ, и говоритъ примите отъ меня сей маленькой подарочекъ, отъ моего собственаго рукодѣлія, въ знакъ моей къ вамъ великой благодарности, съ тѣмъ желаньемъ чтобы вы нося его при себе меня въспомнили, и принесбы оной вамъ на всякомъ мѣстѣ желаемое благополучіе и доброе здаровье, съ тѣмъ она вѣстала и пошла, при моемъ препровожденіи до лѣстницы, вънизъ въ свой пакой.

Я вернувшись сталъ одѣватца и приказиваю слуге своему чтобъ шель вънизъ позвать коновала, коноваль пришолъ и стоять дожидаетца моего приказанія, а я думаю что съ графомъ дѣлать, и какую лошадь отъ него на место той требовать, показалось мнѣ что у него нѣтъ другой такой лошады, которая бы стояла той что я на прозбу молодой графинѣ оставляю, и спрашиваю коновала что не знаетлы онъ въ графской канюшнѣ или между молодыми на лываде еще какую харошую лошадь, чтобъ былъ меринъ молодой и не ученой способны въ верховой ездѣ, и что я такому хатѣлбы въ прибакокъ къ протчимъ ещѣ одну купить.

Коноваль отвѣчаетъ что де я вчерась къ вечеру прохаживалъ дарогою туда мимо лываду, гдѣ графские молодые лошады ходятъ, и видѣлъ чрезъ заборъ одну новую тамо лошадь шерстью голубая, каторой тогда какъ мы выбирали ее не было, а лошадь прекрасная, и видно говоритъ коноваль что та лошадь на то время была сирятана или въновь отькуда приведена и туда випущена, а лошадь отьменьная и чутлы не лучше тѣхъ мереновъ что вы купили.

Сие я услышавъ велѣлъ спросить что графъ дѣлаетъ и у себя ли въ своей половинѣ, слуга мой пашолъ справитца и идетъ скоро назадъ сказиваетъ что графъ спитъ, таковъ случай былъ мнѣ удо-

бѣнь, чтобъ пайтытъ самому съ коноваломъ тихонка чтобъ насъ ни кто невидѣлъ туда на ливаду какъ то тутже эа дворомъ не далече было и ту лошадь посмотритъ, куда пришедь вижу что такъ какъ коноваль говоритъ, что лошадь хороша молодая во всѣхъ статьяхъ и не хуже той что я оставляю, и подлинно тогда какъ я другихъ вы-бырала тамъ ее не было, и положилъ на томъ что сию взять.

Я вернулся и зашолъ на конюшню посмотрилъ своихъ лошадей, а отъ туда хатѣлъ къ себе наверхъ итытъ, между тѣмъ сказаны мнѣ что графъ уже всталъ, и что у графини: на ее половине всѣ собрались и сядять, было то уже подь вечеръ, я пашолъ туда нашолъ ихъ всѣхъ въ мѣстѣ, тутже и патерь Франчишканъ сядять и забавляются въ карты.

Меня графъ спрашиваетъ гдѣ былъ и спалъ ли я, на то отвѣчалъ я что не спалъ а былъ въ канюшнѣ, и вотъ говорю я что нѣчто чудное, у меня одна лошадь говоритъ, на то стали всѣ смѣятца спрашиваютъ какбы лошадь говоритъ умѣла, я повторяю имъ также смѣючись и говорю лошадь отказиваетца что со мною въ дарогу итытъ не хочеть, графъ было спужался подумалъ не заболѣлалъ какая, я сказалъ что нѣтъ, оны всѣ здаровы, потомъ сие я оставилъ и завелъ разговоръ о ихъ игрѣ и вижу что въ панфилъ играютъ, спрашиваю я старую графиню многолы выиграла или проиграла, и что я ей пособлять буду въигрище.

Я селъ тамо къ нимъ и смотрю у графини въ карты и въмешался въ ихъ игришние разговоры, а о томъ что лошадь будто говорила болѣе не упоминалъ чтобы имъ не подать въ игрѣ помешки.

Молодая графиня седела также тамо у столыка, поглядиваетъ часто на меня, она догадалась что мнѣ о лошады еще говорить надобно, и хотѣла было отъ столыка встать и прекратытъ игру, говорить что скушно такъ долго седеть, не лучше лы встать и поитытъ въ садъ, но я подалъ ей знакъ чтобъ поседела и говорю на что вставать не окончивши игру, подождите судариня время. еще есть до вечера успѣете и въ саду быть.

Оны окончивши игру оставили карты и поседалы кто на канапей кто на другое стула, а я стоялъ у окошка возлѣ графа и старой графини и зачалъ говорить, первѣе такъ надогадь какбы въ шутке, чтожбы стакимъ человекомъ надобно здѣлать говорю я каторой чужое что ныбудъ возметъ и продасть, графиня старая отвѣчаетъ что то весьма не хорошо и предъсудително честы, я потомъ говорю къ

графу а вы что скажете, онъ задумался молчить, а молодая графиня догадалась что тотъ мой запресь о ее лошады идетъ, стала осмехиватца и шептеть новестки своей на ухо, графъ приметиль и говорить къ ней ти де что нбыудъ да смудрила и неиначе а такъ есть.

Она отъгавариваетца что нѣтъ и не знаетъ, потомъ графъ спрашиваетъ меня чтобы то таково было, я ему отъвечаю чтобы онъ самъ догадывался ибо его вина въ томъ есть, онъ опять промолчалъ, (а молодая графиня видно никому о томъ не сказывала что съ прозбою своею у меня была, для того что и мать ее молчать или такъ притворилась будто не знаетъ о чемъ я речь веду).

Потомъ говорю я графу смотрите, вы чтобы вашъ новой зять графъ Форгачъ съ вами въ какой процессъ не вашоль, ибо вы нѣчто ему принадлежащее продали и я у васъ купылъ, и то оное есть какъ я давича вамъ сказалъ, что изъ тѣхъ мною у васъ купленныхъ лошадей адна говорить и не хочетъ итытъ со мною въ дарогу, тутъ уже онъ въспомнилъ о лошады проданой называемой Муро, и говорить, вить я угадалъ, смотря на дочь свою, что ты то смудрила, я де за оную отдамъ въ цугъ тебе другую, она на то отъвечаетъ нѣтъ батюшка, мнѣ де господинъ маиоръ сию лошады обещалъ оставить и она таперъ моя, а вы какъ хатите раздѣлитесь между собою:

Графъ проситъ меня чтобы оставить до утра, обещаетъ мнѣ на место той дать другую молодую на виборъ лошады, на томъ я и оставылъ въ томъ разуме что конечно ту голубую я достану, и вечеръ какъ настигла пашлы къ столу ужинать, и потомъ разошлысь по своимъ пакоямъ, и я легъ спать, но того я не догадался чтобы мой старой графъ хатѣлъ хитрость сыграть, онъ могъ знать, что между протчимъ его молодимы лошады нѣтъ другой такой каторую бы я възялъ, а конечно какъ увижу ту голубую, то захочу оную имѣтъ, и считая какъ ее прежде тамъ на ливаде не было, что я и не знаю объ ней, для чего и велѣлъ чтобы ночью ту лошады изъ ливады възять и отвезтъ въ сторону.

Поутру рано я вѣсталъ и будучи со всѣмъ съготовылся къ отъезду, а толко о сей лошады была адна остановка, и думаю скоро ее възять и подковать и потомъ выехать хотя до первой почты на ночь.

Мнѣ сказано что графъ и графиня уже повставалы и одѣлысь, я пашоль къ нимъ гдѣ и кофи намъ подады, сказываю я графу о

томъ что ехать хочу, и чтобы поскорѣ мнѣ отнего лошадь получить, онъ на то согласился пашолъ со мною на лываду.

Смотрю я нѣтъ голубой лошады, а графъ говоритъ чтобы я выбралъ какая мнѣ покажетца и что онъ велить ее словить и привести на конюшню.

Я ему отвѣчаю что здѣсь нѣтъ всѣхъ его лошадей и что изъ между сихъ не могу я ни одной себѣ избрать, онъ зачалъ меня уверять что точно всѣ тѣ здѣсь каторыхъ я прежде видѣлъ, однакъ говорю я ему хотя вы въ томъ правду и говорите господинъ графъ, что всѣ тѣ лошады здѣсь коихъ я прежде видѣлъ, но той одной голубой здѣсь нѣтъ, каторую я вчерась видѣлъ, и ту самую прошу я у васъ чтобы мнѣ ее отъдать.

Онъ зачалъ меня опять уверять о томъ будто у него такой голубой лошады нѣтъ, и что тутъ ее не было и онъ не знаетъ, мнѣ сіи слова досадни стали почитая за обманъ, говорю ему вы бы лучше ее еще сперва не пряталы а сказали тожко что не на пролажь, почему бы конечно силою не могла быть взята и осталабысь вамъ, а какъ вы того не здѣлалы, а потомъ я ее здѣсь видѣлъ, те и нахожу право у васъ оную. требовать, а ежелы не хотите ее показать говорю я ему, то чтожь по пустому здѣсь на жару стаятъ не лучше лы пайдемъ назадъ въ пакой и тамъ будемъ говорить, а изъ сихъ лошадей что здѣсь не возму я ни одной, а вы какъ изволяте, и стѣмъ вернулисьъ назадъ.

Пришлы мы въ пакой къ графинѣ жалуюсь я ей, что сделано и лошадь съпрятана и полагаюсь на ее правосудие, она съ графомъ говорить стала, а я хажу по горнице, досадно еще и то что въ отъездѣ здѣлалась мнѣ остановка.

Графъ оборотясь ко мнѣ и говоритъ, что де въ удовольствие ваше отъдаю вамъ одного изъ канюшны молодого трехъ летъ жеребчика, и чтобы я тѣмъ остался спокоенъ, однакъ и на то я согласитца не хотѣлъ, а требую ту голубую лошадь кою я вчерась на лывадѣ видѣлъ.

Изъ сего шутки на сторону а доходить у насъ до переговоровъ, онъ уже возвращаетъ мнѣ денги взятые за ту лошадь что я оставляю, и и то взять не хотѣлъ и говорю что прежде соглашусь выехать и безъ лошады нежелъ чтобы денги назадъ взять.

Доходить время часъ первой съ полдня и пора ужь обѣдать, а у насъ дело еще не кончено и вижу что тотъ день и выехать будетъ поздно, и жаръ большой настагаетъ.

Мена просятъ къ столу обѣдать, я и на то не согласился прежде покуда лошадь не достану или отъказъ что нѣтъ, и стѣмъ поведу.

Напоследокъ уже графиня вошла въ нашъ процессъ и стала явно графа мужа своего тѣмъ устиживать и требуетъ уже она чтобы конечно лошадь отъдалъ, на что признался графъ что спрятана та лошадь была и прежде и таперь единственно для того, что къ спну своему подъ верховую ездю въ армию хатѣль отъправить.

И ужь какъ нельзя ему было иначе повернуть, то и велѣлъ привести лошадь тутъ подъ окошка и приказалъ отъдать моимъ людямъ (звали ее Понграцъ), а ту обещанъную мною молодой графинѣ възять обратно, и съ тѣмъ нашъ процессъ кончился, я приказалъ ту лошадь подковать и быть совсѣмъ къ отъезду готовымъ, а графа просилъ чтобы далъ мнѣ о всѣхъ покупныхъ лошадяхъ атестать.

Сели потомъ обѣдать и вѣставши отъ стола просить старая графиня тутже и молодые пособляли, чтобы еще тотъ день у нихъ остатца, а по утру оставляють на мою волю я на то не хотѣлъ имъ отказать остался, а болѣе для того что день очень жарокъ былъ и первой маршъ былбы лошадямъ труденъ, и положилъ чтобы по утру прежде выхода солнечнаго выехать.

Мы тотъ уже последни день провели время въ разговорахъ ходили подъ вечеръ по саду, и пришло время къ ужину, были за столомъ всѣ вмѣстѣ, и вѣставши отъ стола отъклонился всѣмъ, скаживаю что рано хачу выехать и чтобы ихъ не трудить намеренъ говорю я таперь съ вами проститца, однакъ того не дозволили, а хотять и по утру еще со мною видѣтца, съ тѣмъ пашолъ я на верхъ, приказиваю своимъ людямъ чтобы рано вѣстать и били бы и почтовые лошады на дворе готовы, и потомъ я легъ спать.

Поутру рано на зорѣ я вѣсталъ и велѣлъ въкладатца, и лошадей изъ конюшни выводить, а графъ и графиня съ дочермы и съ невесткою видно что еще съ вечера приказалы разбудить себя также рано, дабы со мною при выездѣ видѣтца могли, для чего и пришли всѣ ко мнѣ на верхъ въ мой покой и велѣлы за собою и кофе принестъ, потомъ простылись всѣ со мною по приятелски, отъклонясь

я имъ съ моею благодарностью, за ихъ угощенные, селъ на почту и выехалъ со всѣми своими въ дарогу.

Тотъ первой день не далѣе я маршъ свой здѣлалъ какъ только до первой почты, чтобы на жару лошадей моихъ не утрудить и тамъ предневалъ, нанялъ тамъ нарочную подводу на коей отъправилъ адного моего рейтара съ коноваломъ въ периодъ въ ту далнюю графскую деревню, давъ имъ и посланой отъ графа къ своему управителю приказъ, коимъ повелѣваетъ чтобы меня оттель порядочно въ дарогу випроводить, и людей для вожденыя лошадей далъ, при чемъ приказалъ я рейтару и даю ему денги, чтобъ онъ поспешилъ до моего туда приезда испкупить на деревны холстъ и подѣлать на всѣ тамо купление мною кобылицы лѣтние попоны такіе каковы и здесь сделаны, а коноваль также поспешилъбы тамо своею тѣхъ кобылицъ подковкою.

Отъ сего ночлега до той графской деревны, яко оная лежить съ почтовой большой дароге въ сторонѣ, то для того чтобы мнѣ не могло быть въ изысканіи подъ себя подводъ остановив, нанялъ я у здешняго почтмейстера лошадей съ каласкою до самой той деревны, а по утру рано въставши поехалъ, и тотъ день также не великъ маршъ здѣлалъ; и такимъ образомъ еще и другіе переходы дѣлалъ, и прибылъ въ ту графскую деревню гдѣ засталъ всю исправлено что я приказалъ, и люде отъ управителя къ вожденію лошадей уже были готовы, а также и подводы подъ меня до большой почтовой дароги управитель заготовилъ, почему и не было уже болѣе надобности мнѣ тамъ бавитца, приказалъ тотже день чтобы всю къ моему отъелъ выезду было готово, а по утру рано выступилъ въ дарогу и отошедъ две мыли остановился въ одной деревнѣ и тамъ предневалъ, и такими не большими переходами ехалъ я весьма трудную дароگوю каменистыми горами и лѣсами, покудова выбрался на большую почтовую дарогу и по оной уже было получше ехать чрезъ Трансилванію до выезда той земли на границу, и далъ въ Венгрію до города Дебрецена, тамо отпустилъ я графскихъ людей что лошадей водили, а другихъ нанялъ даже до Токая.

Въ сей городъ я приехавши нашолъ свою супругу и нашего маленькова сина здоровыхъ, и зачалъ готовитца къ виступленію въ свою дарогу, получилъ здесь преведение мнѣ изъ Виены, на продовольствие въ путы лошадей и на наемъ людей въ прибавокъ къ прежде полученымъ мною денгамъ, еще пятьсотъ червоныхъ и пи-

саль рапортъ въ Выену къ нашему полномочному послу какъ о полученіи тѣхъ денегъ, такъ и о томъ что я въ скоросты съ купленныи лошадмы изъ Токая отправитца имѣю.

То что зачали непрестанные дожди падать, то было мнѣ великое затруднение покудова нашолъ для препровождения моихъ купленыхъ лошадей надежныхъ людей, кои согласилысь и уговорили со мною ехать въ Россію, чрезъ что а также покудова вѣновь всѣхъ лошадей прековалы и исправилъ всѣмъ потребнымъ, то потому и забавылся я въ Такае дней десеть.

Дарога моя изъ Такая продолжалась чрезъ Венгрію къ Полской границе весма великою трудностію, и не было ни адного дня чтобы дождъ и ночь и день не шолъ, и тѣмъ здѣлалась превеликая грязь и наводнение по всѣмъ мѣстамъ и на малыхъ переправахъ и на мостахъ что на всякъ часъ остановки были, и такъ доехалъ до местечка Ухеля, тамъ предневалъ чтобы людямъ и на себе просушить одежду, а также и лошадямъ немного отъпочинуть.

Изъ местечка Ухеля подынялся я въ свою путь и показалось несколько нибы воздухъ сталъ чиститца и сонце пригрѣло, что я подало надежду къ лучшей нашей дароге, для чего положылся я ехать дабы ускорить чрезъ горы пребратца и доехать къ Полской границе, но сие время послужило толко дни на два, а тамъ опять зачали дожди падать и здѣлалась дарога гаразда хуже прежняго, ибо отътуда зачинаютца уже самыя трудности, что подниматца на высоти, я опять съпускатца въ низъ въ тѣ пропасты, лѣсамы и узкими местамы, чрезъ кои конечно ехать надобно, и тако вошелъ уже въ горы и стены каменные, по коимъ хотя жилищи и есть и селеніи не далече одно отъ другаго, но всѣ въ превеликой бедности, такой что ни хлеба людямъ ни фуража лошадямъ достать не можно а на иныхъ ночлегахъ и вовсь ничего не досталы, а притчина болше была то, что отъ великихъ дождей посмывала вода съ горъ у жителей не токмо кошеное новое сено гдѣ что было и травы, но и хлебъ весь съ нывъ поносило и съ грязью смешало, что ниже чего целаго не осталось, люде тамошние и въ добрие года живутъ бедно и хлебомъ едва съ нуждою продоволствовать себя могутъ, а тогда и вовсь ничего не имѣлы, и жили толко аднимъ отъ скота малокомъ и сиромъ и то ежелы кто имѣлъ.

Въ тѣхъ горахъ рѣкъ никакихъ нѣтъ окроме толко частые ручей отъ самородныхъ въ горахъ источниковъ кои сълываютца адынь

въ другой и теченые имѣють по самымъ тѣмъ местамъ гдѣ дарога болшая лежитъ, и надобно въ день и по несколько разъ тѣмы по течениямъ кривынами переезжать тоны, кои однако на сухомъ времени ничто незначущіе и можно вездѣ пешкомъ по каменьямъ претитъ, а тогда отъ тѣхъ непрестанныхъ дождей зделался и всякъ маленькой ручеекъ рѣкою быстрою, каковы съ опасностью переѣхать было должно.

Я во всю дарогу какъ въ горы вступили былъ верхомъ на лошады, дабы на преправахъ всегда самъ могъ видѣть куда лучше переезжать, а чтобы насъ водили и показывали места въ проходы нанымалъ отъ адного селения до другаго проводниковъ всегда по два человекъ верхамы, кои попередь насъ ехали и места безопасныя вибирали, а иначе бы и съ сместа тронутца было не можно.

При чемъ надобно знать что дождь нымало не преставаля, а еще болше всякой день прибавлялся и всѣ верха отъ горъ облака прикрилы.

Мнѣжь крайнѣ нужно было поспешать какбы изъ тѣхъ пропасть поскорые вывратца и вытитъ за границу на Полскую сторону до перваго местечка Дуклы, чтобы тамо отпочинуть и лошадей покормить, кои уже въ половину и съ тѣла събылисъ и крайнѣ ослабевать стали, не евши овса ни мало а на иныхъ местахъ ни сѣна и травы достать не могли и принуждены и-день и ночь голодни быть, для чего и недѣлаля я раздиховъ нигдѣ а ехалъ, по сколко мнѣ въ день уехать было можно, чтобы толко поскорые изъ сихъ местъ вытитъ.

И съ такою нуждою приближился уже къ Полской границе и осталось толко еще два малые прехода, чтобы здѣлать и вытитъ въ Польшу, заночевалъ на Венгерской еще сторонѣ въ адномъ селѣ, называемомъ Верхній Свидникъ, тамъ нѣчто мало нашолъ у попа уныятскаго еще прошлогоднѣй саломы, кою за дорогую цену купылъ и подалъ лошадямъ.

Въ семъ селѣ нанялъ двухъ проводниковъ кои дорогу знаютъ и проводить будутъ до перваго въ переды ночлега, куда я намеренъ былъ въ тотъ день поспѣть, по утру рано я всталъ и выехалъ, а проводники попередь едутъ и ведутъ, куда дарога лежитъ, и тотчасъ за тѣмъ селомъ преехали ту воду благополучно и въ другое, и въ третое и болше разовъ переезжали, хотя вода по местамъ и по глыбоко была, однакъ остановки не имѣлы, а дождь уже такой спустился

не иначе какъ бы рѣка съверху на насъ льетца и облака густые и черныя прикрылы всѣ горы такъ, что почты какъ ночь темно стало, и выехавши помежду горъ и дѣсовъ на одну продолговатую поляну, коя имѣла некоторые въ сторону завороты, по коимъ и настоящій течей той воды состоялъ, однако вся та поляна покрыта водою была и ничево сухова не видно, проводники обънадеживаютъ, что то место плоское и ровное и что опасности нѣтъ, и скоро уже посцѣмъ къ тому ускому месту, что на гору подыниматца будемъ.

Хотя вода у нашихъ лошадей, индѣ по брюхо, андѣ и по глибе была, однако всю еще ехалы, но толко то адно, что вода великимъ стремленьемъ текла и такимъ съ горъ шумомъ, что почты не слышимъ адынъ другаго, что говоримъ. а къ тому еще и дождь болше жестокосты своей прибавляетъ, проводники говорятъ, что на той далине былъ овесъ посѣянъ, что таперъ рѣка течеть, оны угадывалы дарогу по той водѣ по приметамъ каменныя и деревъ стоящихъ, куда и насъ водилы, и сказываютъ, что преехавъ ту поляну, надобно будетъ подыматца ускимъ местомъ на гору и тамъ уже всѣ опасности мынутца и дарога пойдетъ висотамы, гдѣ болше воды нѣтъ.

Такою нуждою и съ страхомъ отъехали мы еще несколько впе-риодъ и ужь чрезъ густоту дождя видно было тотъ уской между горами проходъ; о коемъ проводники говорили, что тамо дарога на гору лежитъ, гдѣ уже и та далина въ горы концемъ своимъ доходить, и осталось было всего разстояниемъ отъ того, что на гору места саженьи на дватцать, проводники на своихъ лошадяхъ попереды едутъ, а я на лошады же за ними, а за мною моя карета, а тамъ позады оной ехалы повоски две, и купленныя мои лошады шлы, какъ же вѣдрукъ слышимъ мы преужасной и страшной шумъ и стукъ, накова еще векъ свой ни гдѣ я не слышалъ и представилось мнѣ, не иначе, а какъ бы гора и каменныя съверху къ намъ валытца, и видимъ къ намъ навстречу съ горъ прибавленныя воды жесточайшимъ стремленьемъ вътолщии человѣка, какъ стена черная съ грязью смѣшена ударила на насъ.

Проводники мои куда подѣлысь я ужь не знаю, ибо меня какъ та сильная вода поверхъ головы придавила и съшибла съ лошады, отъ чего порнулъ внизъ и заглушило меня такъ, что я о себѣ ничего не зналъ, съчастыя толко для моего спасения жизни осталось адно то, что удержалъ я (и самъ не знаю какъ) повода въ руке отъ лошады, и тѣмъ пособыло, какъ лошадь поплила, что и меня наверхъ воды вынесло, и тѣмъ немного духъ въ себѣ прибавылъ и успѣлъ.

взять другою рукою лошадь за гриву, на тотъ же несчастливой часъ потопыло и карету мою совсѣмъ и съ лошадмы.

Я далѣе ничево не знаю, что съ проводниками здѣлалось, а только немного еще видѣть могъ, что любезная моя супруга обратилась была чрезъ дѣры изъ кареты ко мнѣ простертыми руками, какъ то еще тутъ же блиско было и ни бы процаетца со мною и отъѣжаетъ въ такую горкую дарогу, каторая насъ уже на вѣки разлучаетъ, лошады съ каретою по водѣ поплилы опрометомъ и стало ламать и такъ скоро унесло тѣмы заворотамы вѣнызь, что я болѣе ничего не знаю.

Таковъ великій и смертоносный страхъ меня обнялъ и залылся водою, что едва толко себя чувствую, и пустылъ лошады своей волю, чтобъ плыла куда она хочетъ, и такъ понесла вода и меня и лошадь самъ не знаю куда и въ какую сторону, платѣжь на мены налылось воды и тѣмъ болѣе тянетъ на дно, едва толко, что душа во мнѣ есть, и естли бы плащъ съ меня вода не сорвала, каторимъ я было обвернулся и счастлиемъ не былъ около шеи застегнуть, то бы оной налившись води, конечно меня задавалъ, и такъ съ лошадыю пливучи нанесло меня къ одному маленькому отъ вербъ стоящему кустыку, отъ коего толко что верхи видни были, я прихватился одною рукою за стремящине въверхъ отъ онаго розги, а въ другой руке держалъ отъ лошады повода и досталъ своимы ногами немного до земли, однакъ такъ еще глибоко, что толко голова у меня изъ воды видна, тутъ несколько пришолъ въ чувство и духъ въ себе прибавилъ, лошадь же моя, что не можетъ ногами земли достать, то она бедная вертитца и пливетъ около меня, каторую я крепко за повода держалъ, и вижу чрезъ густоту дожда, въ правой отъ себя руке недалече что гора и лѣсъ по ней чернѣеть, я сталъ еще вѣокругъ себя оглядиватца не увижулы еще каво изъ своихъ такъ несчастнаго, какъ что и я на конце жизни стаю, однакъ ничево болѣе, какъ толко къ моему ужасному предмету увидѣлъ въ сторонѣ недалече моихъ изъ карети цуговыхъ лошадей всѣ шесть уже безъ карети, на той обнятой водою поляне объмоталысь отъ шоръ посторонкамы около одного стоящаго тамо дерева, и такъ упутанные на водѣ быютца, а на томъ дереве показалось мнѣ ни бы между ветвамы и человекъ есть, таковъ ударъ я видѣвши, вострепетала отъ жалосты душа во мнѣ и сердце мое окаментѣло, что ниже, какова помишленія уже на память мнѣ не приходило, и толко что еще живъ.

На томъ местѣ я держасъ за тотъ кустыкъ не могъ долго ста-

КОПИ СЪ ПИСЕМЪ

БЛАЖЕННЫЯ И ВЪЧНОЙ СЛАВЫ ДОСТОЙНЫЯ ПАМЯТИ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО

съ 1700 по 725-й годъ

и прочіе съ оригиналовъ подлинныхъ.

1

Федоръ Матвѣевичъ,

По указу Великаго Государя, Генералиссимуса Князь Федора Юрьевича, пороху 2000 пудовъ, такъ же и 1000 самашаловъ посланы, а ружьи взялъ стрелець Ивашка Адамовъ, порохъ на 2 недели, а ружьи на 6 недель отпущены до Вологды, а съ Вологды водою велено вестъ, а оружье хотя и незадолго до насъ придетъ, не опасайся для того, что zelo хорошо и переправки не хочеть, разве дорогою испортится, а я имянно наказалъ беречь, а блоки на карабль все зделаны и отпущены на четвертой неделе на Вологду, и о томъ пожалуй скажи нашимъ товарищамъ Никласу да Яну и великой поклонъ отъ насъ, да пожалуй о пиве не забудь, также и 24 пушки готовы, потомъ въ обеихъ естествахъ купно здравствуй.

Съ Ивановскаго озера 1700 году { Питеръ. }

Федоръ Матвѣевичъ,

Противъ сего 15 числа въ ночи въ шестомъ часу Князь Иванъ Димитріевичъ отъ тяжкия своей раны, паче же изволеніемъ Божиимъ, преселился въ вечныя кровы по чыну Аламову, идеже и всемъ намъ по времени быти, по семъ здравствуй. Писавы тожь съ Ивановскаго озера 1700 году.

Петрусь.

Федоръ Матвѣевичъ,

Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробну рука моя писати не можетъ купно и сердце, обаче воспомяная апостола Павла: яко не скорбети о таковыхъ, и Ездрыно: еже не возвратити день иже мимо иде, сія вся елико возможно, аще и выше ума и живота моего, о чемъ и самъ подлинно ведаю, еще по елико возможно разсуждая, яко всемогущу Богу и вся по воли своей творящи, аминь; по сихъ яко конь отъ бѣды мало отдохнувъ, и о невозвратномъ оставя, о живомъ пишу: понеже по обещанію моему паче же и отъ безмерной печали незапной, zde присетити хощу, и того для ямаю некія нужды, которые пишу ниже сего:

1.

Посылаю Никласа да Яна для строенія малаго карабля, и чтобъ имъ лѣсъ и железо и все къ тому было вскоре готово, понеже рано приехати имѣемъ.

2.

150 шапокъ сабачьихъ и только жъ башмаковъ разныхъ меръ зделать, о чемъ въ готовности не сумневайся и желаю отъ Бога купно здравія компаніи вашей.

Шхиперъ Питеръ.

Генваря 29 дн. 1700

Мингеръ адмирателцъ геръ,

Вашей милости не могъ я оставить новыхъ вѣдомостей, которые нечаянно учинились съ стороны Турокъ, ибо Турки со Шведами миръ окончали и некоторыми слухами отъ нихъ хотять вымогатца у посла нашего, а иные говорятъ и къ войне, и для

того изволте въ томъ, отъ чего Боже сохрани, подь нынешніе часы осторожность учинить, какъ въ Азове, такъ и наипаче въ Таганрогу къ обороне того мѣста; сама ваша милость сведомъ, какво Туркамъ Таганрогъ, а подь нынешней часъ и пуще, людей въ прибавку отколъ возможно сколько собравъ пошлемъ, также буде то въ скорости, отъ чего Боже сохрани, изволь довольное число казаковъ нанять Донскихъ, потому что отсель вскоре не поспеетъ; здесь иныхъ вѣдомостей нетъ, толко іюня въ 19 день былъ пожаръ въ Кремле загорелось на Спаскомъ пбдворье, отчего весь Кремль такъ выгорѣлъ, что не оцалось не токмо что иного, но и мостовъ по улицамъ, кромѣ житнаго двора, которые остались разломаны, хоромы въ верху и те згорели, также и садовники все отъ мосту до мосту, а каменной мостъ отъ пыльной мельницы отстояли мы; на Ивановской колокольне колокола обгоревъ попадали, изъ которыхъ большой успенской упалъ разбился

Питеръ.

Съ Москвы іюня въ 24 день.
1701 году.

Мингеръ адмирателцъ геръ,

Объявляю вашей милости, что помощію побододавца Бога крепость сія по жестокомъ и чрезвычайномъ трудномъ и кровавомъ приступе, которой начался въ 4-мъ часу по полуночи, а окончался въ 4-мъ часу по полудни, здалась на окордъ, по котромъ камендантъ Шлипейбахъ со всемъ гарнизономъ выпущенъ, а какъ тотъ белагаръ начался и какіе въ которой день были промыслы, также что въ городе взято пушекъ и протчаго, о томъ ныне въ скорости написать не успелъ, буду писать впредь; истинно вашей милости объявляю, что чрезъ всякое мненіе человеческое сіе учинено и толко единому Богу въ честь и чуду приписать.

Питеръ.

Изъ Шлютенбурга въ 13 дек. 1702 году.

Мингеръ адмирателцъ геръ,

Ни что иное могу писать, толко слава Богу за исправленіе нашего штандарта, которое зло такъ при Его помощи легко ис-

правлено, что только изъ 19-ти полкартауновъ десятию выстрелено, и чрезъ 10 часовъ бомбы метаны, непріятель тотъ часъ шамать ударилъ 1-й день сего мѣсяца, о состояніи той крепости и что в ней буду писать впредь.

Питеръ.

Изъ Шлонбурха 1703 году,
мая 2 дня.

СТАТЬИ ВО ВРЕМЯ ВОИНСКАГО ПОХОДУ.

1.

Чтобъ каждый начальный смотрелъ добраго порядку у своихъ подначальныхъ и всякое бѣ дѣло не торопясь дѣлать и не порывомъ, но тихо и порядочно подѣ жестокииъ наказаніемъ.

2.

Барварской мерской крикъ весьма оставленъ быти имѣеть, понеже во ономъ не только что добраго можно учинить, но ниже словъ и повеленія начальника возможно слышать, за преступленіе жъ въ которой роте стануть кричать, безъ всякой милости оныя начальные казнены будутъ смертію, все вышнія и нижнія, а салдатъ половина з жеребья.

3.

Во время стрелбы не спешить, ширенга за ширенгою, но высматривать, чтобъ могли исправиться стрельбою и гораздо смотреть, чтобъ ружье держали ниже нежели выше подѣ наказаніемъ смерти.

4.

Если Божіею помощію получимъ какую викторію, то ни за копейное не долженъ никто принятца до указу, а паче во время боя подѣ наказаніемъ смерти.

5.

Какъ идучи дорогою, такъ и на станехъ, безъ главнаго указу, отнюдь строенія не ломать, ни окончинъ, ни шново портить, ни жечь, подѣ наказаніемъ 4-й статьи.

6.

Коннымъ.

Зело надлежитъ смотреть начальнымъ, чтобъ дерзновенно не въѣхать въ ротъ непріятелю, также естли какою причиною или множествомъ непріятельскихъ людей назадъ пожмутъ, и тогда отнюдь не долженъ никто бѣгать назадъ, но стоять до послѣдняго человѣка какъ доброму салдату надлежитъ, подъ наказаніемъ смерти, также и во время бою приказано заднимъ стрелять изъ пушекъ и изъ ружья по темъ беглецамъ безъ всякаго милосердія.

7.

Во время бою, или приступа не долженъ никто не точію за мѣртваго своего, но ниже за раненова принишадца отводить, или относить, хотябъ главной начальникъ, или отецъ ево былъ, но итти и дѣлать настоящѣе дело, а когда оное съ Божіею помощію окончается, тогда воленъ всякаго съ спросу начальника своего сродниковъ или знаемыхъ искать и помогать, понеже многіе не добрые тѣмъ видомъ будто для раненова за однимъ человѣкомъ пять з бою убѣгаютъ, во время же бою точію слуги, которыя вне полковаго списка, такожде денщики, вольны суть своихъ господъ раненыхъ, или кого прикажутъ отводить, тожъ позволеніе могутъ имѣть лишніе барабанщики, профосы, писари, гобонеты, алебарщики, протчіе жъ никто подъ наказаніемъ смерти.

8.

Всемъ какъ коннымъ, такъ и пешимъ зъ Божіею помощію радеть и дѣлать какъ честнымъ и добрымъ салдатомъ надлежитъ по примеромъ и наказаніемъ 43 статей артикула воинскаго.

Александръ Меншиковъ.

Іюня въ 8-й день 1704.

ПУНКТЫ ДАННЫЕ ГОСПОДИНУ ГАГАРИНУ.

1.

Ехать ему къ войску Королевскаго Величества Прускаго, гдѣ оныя обретатися будутъ, и пріѣхавъ быть напредъ у господина Камеръ-гера графа Головина и требовать его совѣту, какимъ об-

разомъ ему удобнѣе принять службу воинскую его короля Прускаго, и съ его совѣту искати къ тому случая, и объявлять публично, что онъ, слыша о склонности Его Королевскаго Величества къ воинскимъ деламъ и о милости къ чужестраннымъ, особливо же Россійскаго народу людемъ, пожелалъ быть въ службѣ его и испросилъ на то соизволеніе отъ Государя своего Его Царскаго Величества, и сыскавъ къ тому удобной случай подать о себѣ Его Царскаго Величества рекомендацію и трудится, чтобъ получить такую службу, дабы могъ быть всегда блиско боку королевскаго.

2.

Получа такую службу, трудится всякимъ образомъ себя такъ показать, чтобъ могъ войти въ милость королевскую, и для того искати склонность къ себѣ тѣхъ, кто изъ генераловъ или офицеровъ, или иныхъ какихъ ближнихъ людей, въ милости королевской обретаются.

3.

Ежели случай иметь будетъ говорить съ Королемъ, такожь и въ разговорахъ съ ево генералы и офицеры говорить, что онъ слышалъ отъ Царскаго Величества склонности и пріязни къ Его Королевскому Величеству болши другихъ всѣхъ союзниковъ для того, понеже Его Царское Величество такоужь приклонность имѣеть къ воинскимъ дѣламъ, какъ видитъ что паче другихъ претенантовъ и Его Королевское Величество имѣеть, и прочае тому пристойное, чѣмъ можетъ внушить имеющую Его Царскаго Величества къ Его Королевскому Величеству, а особливо употреблять за аргументъ, что между обоими Государями та персональная пріязнь не можетъ нарушена быть ни чрезъ какое непріятство, ибо земли ихъ не сошлись выѣстѣ, и тако не имѣютъ притчины другъ другу вредить, но могутъ всегда единъ другому вспомогать и что та притчина вѣщше его побудила итти въ службу Его Королевскаго Величества, понеже изъ Россійскаго народа никто не чаеть, что когда какая ссора между обоими Государями произойтти могла.

4.

Ежели что услышитъ или проведаетъ достойное извѣщенія, а особливо касающееся интересу Царскаго Величества хотя къ ползе или вреду намеряемое при томъ дворе, о томъ искусно доносить министру Его Царскаго Величества, при томъ дворе обре-

тающемуся, такожь писать и ко двору Царскаго Величества что къ секрету надлежитъ цыфирью ему данною, подписывая свои письма на какую партикулярную особу, будто бѣ о своихъ домашнихъ делахъ, и весьма того стережся, чтобъ не признали, что онъ посланъ для такихъ дѣлъ къ Его Королевскому Величеству, но показываться буттобъ конечно собою пожелалъ искать службы Королевской для получения себѣ еартуны.

5.

Что въ войскахъ дѣлается будетъ, о воинскихъ операціяхъ, или какія совѣты, или намѣренія предвосприняны будутъ о томъ проводывая по тому же писать.

Мингеръ,

Я никогда не слыхалъ отъ васъ о худомъ деле брата твоего пропускъ галиотовъ, но сего дня слышалъ отъ господина капитана и товарища, что вы зелными слезами просили. Я иного не знаю писать: понеже онъ ни единой покорности во ономъ не приноситъ и не точію сіе, но еще и права говорить вмения намъ во младенчество. Однако вамъ яко другу объявляю, естли принесетъ публично нераденіе и неисправность свою, то я простить оставлю взысканіе; буде же инако, то можешъ разсудить самъ: какъ можетъ быть милость, когда согрешая и вину принестъ не хоцетъ.

Питеръ.

Изъ Копорья 1704 году
іюня 12

Прошу чтобъ сего конечно письма виноватый не выдагъ.

Копія съ подлинного аржинала.

Милостивы мои Государь Батюшка здравіе твое умножи Господь Богъ во многа лѣта; прошу у тебя Государя милости прикажи Государь меня о своемъ здравіи писаніемъ посетить.

Сынишка твой Алексей Благословенія прошу
и поклонъ приношу.

Изъ Нарвы октября въ 30 день
1704 г.

Мингеръ адмиралтенцъ геръ,

Извѣствую вамъ, что по многимъ трудамъ и десятичасномъ бомбондированію, сей zelo крепки замокъ на окартъ сего дни взяли, и теперъ ежели Господь Богъ помоществовать будетъ вдалѣ итти безопасны, ибо неприятель весма отрезанъ, артилери чаю съ 200 пушекъ и мартиръ такожь и протчаго з довольствомъ взято и от краткости времени ныне сіе отправляю, но потомъ буду довольню писать.

Питеръ.

Изъ Линаву 1705 году
Сентября 4.

Господинъ адмиралтенцъ,

Изволь приказать ботикъ, которой бегаеть по лду съ парусами, съ Воронежа прислать сюда въ Санктъ-Петербургъ немедленно, также и самъ по первому писму изволь приезжать.

Петръ.

Изъ Питербурха въ 11 день сентября
1706 году.

Господинъ адмиралъ Федоръ Матвѣевичъ, здравствуй!

Пишу вашей милости для извѣстія чтобъ ваша милость ведалъ: Господинъ генералъ порутчикъ Петръ Михайловичъ пожалованъ за ево многіе прежніе службы, а паче за нынешнюю показанную въ Голштиніи службу и трудъ надъ генераломъ фельдмаршаломъ Шведскимъ Штенибокомъ и над всею его армією, Генераломъ полнымъ, и тебе бъ оной ево чинъ объявить всемъ служащимъ при тебѣ вышнимъ и нижнимъ чинамъ, чтобъ все о томъ чине ведали, за которое ево радение и службу взыскано такою честию, чтобъ и все такожде с радениемъ искали такого чину, и о томъ какъ противъ сего писма учинишь, ко мне милость твоя писалъ бы немедленно.

У подлиннаго подписано: Князь Федоръ Ромодановской.

Мингеръ адмиралъ,

Отпустилъ я боцама Синявина к вамъ, с которымъ послалъ несколько картинъ, которой просилъ меня понеже на муткуре боцманматомъ братъ ево и протчихъ довольно, дабы я ходатайствовалъ ему у васъ одну изъ новыхъ моей манеры брегантиновъ, о чемъ прошу, чтобъ такъ было учинено по ево желанію.

Питеръ.

Изъ Дубны въ 4 день 1707 году.

Господинъ адмиралъ,

Какъ возможно поспешай въ Вилну, а буде въ Вилну уже приехалъ, далѣе не ѣзди, понеже непріятель уже у насъ.

Питеръ.

Изъ Гродни 1708 г. генваря 25.

Господинъ адмиралъ,

Письмо вашей милости отвѣтствованное чрезъ Татищева получилъ, на которое тогда ради болезни своей отвѣтствовать не могъ, но ныне отъ кореспонденціи пересылокъ съ Шведами изволте удержатца, ибо королевской секретарь Цедергемъ о всемъ томъ посланъ от насъ въ Стекгольмъ чрезъ Ригу, которой конечное привезетъ решеніе; тако жъ чаю, что за нынешнимъ случаемъ съ помощію Божіею учиненнымъ сами станутъ за нами ходить; въ томже писмѣ объявили ваше превосходительство намъ милость нашихъ монарховъ мне чинъ трети его флагмана, котораго еще не заслужилъ во оной службе, но молю Господа, дабы даровалъ оной чинъ также заслужить какъ и на сухомъ пути, и васъ господина адмирала за такое предстательство всеуниженно благодарствую вручая направленія сей моей молодой саржи вашему наставительному управленію, и пребываю вашими слугою.

Питеръ.

Изъ Кіева августа 13 дня
1709 году.

Господинъ адмиралъ,

Объявляя вамъ о первой zelo превѣликой викторіи, которую Господь Богъ намъ чрезъ неописанную храбрость нашихъ салдаты даровати изволилъ с малою войскъ нашихъ кровію, таковымъ образомъ: сего дня на самомъ утре жаркій непріятель нашу конницу со всею армією конною и пешею атакowałъ, которая хотя по достоинству удерживалась, однакожь принуждена была уступить, однакожь съ великимъ убыткомъ непріятели; потомъ непріятель сталъ во фронтъ противъ нашего лагерю, противъ котораго тотъ часъ всю пехоту вывели и предъ очи непріятели поставили, а конница на обѣихъ флангахъ, что непріятель, увидя, тотъ часъ пошелъ атаковать насъ, противъ котораго наши встречу пошли и тако онаго встретили, что тотъ часъ с поля збили; знаменъ, пушекъ множество взяли, такожъ генералъ фельдмаршалъ господинъ Рейншильдъ, купно с тремя генералы, а имянно Шлитенбахомъ, Гомалтаномъ и Розеномъ, такожъ первой министръ Графъ Пиперъ съ секретари Гимерлиномъ и Цидергелномъ въ полонъ взяты, при которыхъ несколько тысячъ офицеровъ и рядовыхъ, о чемъ вскоре подробно писать будемъ, а нынѣ за скоростію не возможно, и единымъ словомъ сказать, вся непріятельская армія Фаетоновъ конецъ восприяла, а о короле еще не можемъ вѣдать,—с нами ли или со отцы нашими обретается, а за разбитымъ непріателемъ посланы господа генералы порутчики Князь Голицынъ и Боуръ съ конницею, и сею у насъ неслыханною новизною васъ поздравляю и прошу господъ вышнихъ и нижнихъ морскаго и сухова пути поздравить.

Питеръ.

Изъ лагеря отъ Полтавы 1709 году
іюля 27 дня.

Ныне уже совершенно камень во основаніе Санктъ Петербурха положенъ съ помощією Божією. (Получено при Санктъ Петербурхе іюля въ 9 день чрезъ курьера Авонася Татищева).

РАЗСУЖДЕНІЕ О ДОБЫВАНІИ ВЫБОРХА. ВО ИМЯ ГОСПОДНЕ.

1. Батарейю А надлежитъ въ 40 пушкахъ состоящую, с которой стрелять брешъ.

2. Здѣлать другую батарею С на 20 пушекъ, с которой стрелять брешъ въ бастионъ D, такожь со оной же разорять фланги бастионновъ EF, при оной же батарее здѣлать катель, буде нельзя рядомъ, то хотя назади оной на 8 мартировъ, при ней же и 20 маленькихъ медныхъ, с котораго разорять болварки EF.

3. Здѣлать 2 катель HI, каждой по 5 мартировъ, с которыхъ разорять замокъ, отчастижь и на брешъ с одного метать, дабы не починивали онаго непріятеля.

4. Пред батарейю А здѣлать линеею К ниже оной и такъ далеко или ниско, дабы жаръ отъ пушекъ своимъ не вредилъ, на 100 человекъ мушкатеровъ и на 70 гантъ-мартировъ железныхъ, которыми по ночамъ непрестанно мешать брешъ заделывать, а мушкатеромъ оборонять своихъ на штурмъ идущихъ.

5. Противъ замку здѣлать у воды линеею на 50 гантъ-мартировъ медныхъ, которымъ какъ по ночамъ мешать делать, а нащаче во время шторму людей збивать съ стень.

6. Ежели возможно блиско приттить караблямъ къ бастионамъ FE, то конечно надлежитъ бастионъ E брандеромъ зжечь, а бастионъ F машиною инфорналисъ подорвать, буде же у оныхъ мель не допустить, а бастионъ D не довольно ис пушекъ разбить будетъ, то оною болшую машину употребить с нибрандеры и машины не надлежитъ ранее шторму какъ за день, или того дни по утру до свету.

7. На другой стороне надлежитъ наготовить прежде какъ возможно тайно фашищъ и шанць-корбъ столко сколько потребно занятія двухъ постовъ MN: в одну ночь оныя посты занять въ такой дистанціи, чтобъ постъ N з горъ ис полковыхъ пушекъ, а постъ M отъ поста N мушкетами оборонены быти могли, а потомъ когда сообщатся линеею курманикаціонъ, тогда ежели возможно, то лучше апрошами приближатца къ бастиону O, понеже бастионъ P зело укрепленъ, которое дело полагаю на ближнею обсервацію, где удобно господину адмиралу, понеже мы вчерась ради далности совершенно высмотреть не могли, при томъ же разсуждается, что родолинъ Q удобенъ есть къ отакованію, понеже земли довольно и онъ не отделанъ, точію земля выметана и

мало дерномъ снизу, такожъ и реданы каменные RR не отделаны же.

8. На сію атаку еще останетца артилеріи 20 пушекъ, 10 мартировъ и 50 гантовъ-мартировъ, а буде удобно будетъ еормальная атака на той стороне, а сей артилеріи покажется мало, то возможно и съ сей стороны по рассмотренію прибавить туда.

9. Штурму надлежитъ быть съ вышеименованныхъ двухъ сторонъ, такожъ смотря галерами и иными судами для лучшей диверзіи непріятелю и конечно оному надлежитъ быть въ день, а не ночью, въ чемъ уже довольно отведено, что ночныя штурмы не удаваютца ради многихъ притчинъ, которыя здесь выписывать оставлю. Пред онымъ же штурмомъ в начале Господа Бога молить подобаетъ всемъ о помощи, другое, добрую диспозицію учинить, 3-е, понеже все дела человеческіе отъ сердца происходятъ, того ради салдатскіе сердца Давыдомъ реченное веселіе же увеселить

Протчее что сделать и не упомянуто, а можетъ быть полезно сему делу, оное полагаю на разсужденіе и волю господина адмирала и генералнаго совету.

Питеръ.

Въ лагере при выборке моя въ 14 день
1710 году.

Господинъ адмиралъ,

Объявляю вамъ, что сего дня бракъ сына моего с помощію Божіею совершился здесь въ Торгау въ доме Королевы Полской, на которомъ браке довольно было знатныхъ персонъ.

Петръ.

Изъ Торгау въ 14 день октября
1711 году.

Господинъ адмиралъ Федоръ Матвѣевичъ, здравствуй,

Объявляю вашей милости, что господинъ контръ адмиралъ и мы при милости ево обретаемся слава Богу въ добромъ здравіи.

Прошу васъ, дабы вы изволили приказать въ техъ местахъ, где вы изволите обретатся, прискаты купить несколько коровъ тамошнихъ и прислать для заводу по мызамъ въ Санктъ Петербурхъ.

За симъ пребываю

Царица Екатерина.

Изъ Гримсвалда августа въ 30 день
1712 году.

Господинъ адмиралъ,

Сего дня получили мы подлинную вѣдомость отъ господина генерала фельдмаршала князя Меншикова чрезъ генерала адъютанта его Брюкентала, что Штецбокъ со всемъ въ полонъ отдался, о чемъ пространнѣе изволите усмотреть изъ приложенныхъ при семъ писмахъ, и сими вѣдомостями васъ и прочихъ с вами будущихъ всехъ поздравляемъ, желая дабы Господь Богъ вскоре даровалъ доброжелаемый миръ.

Петръ.

Изъ Полтавы въ 11 день юня
1713 году.

Копія с аржиналу.

Кирила Алексѣевичъ,

Ежели вы получите съ немецкой почты, или чрезъ кого изъ курьеровъ пакетъ подписанъ на имя галанскаго резидента Дебія, то оной не распечатавъ и не окуривая пришлите сюда, ибо во ономъ пакете есть к намъ присылка, а имянно кружева белыя.

Впротчемъ пребываемъ

Царица Екатерина.

Изъ Санктъ Петербурха
въ 12 день октября
1713.

Копія с аржиналу подлинного.

Господинъ оберъ камендантъ,

Понеже ренселеву пехотному полку изъ Нарвы указано итти въ Ригу, того для зберите имъ под правіантъ подводы, а имянно отъ себя съ Нарвскихъ обывателей 30, да съ Ямбургскаго уезду 70, итого 100 подводъ до Дерпта, а отъ Дерпта дать въ перемену ихъ другую 100 подводъ до Риги, буде же есть готовой провіантъ въ Дерпте, или можете тамъ вскорѣ собрать, а имянно: дни въ два только на проходъ до Риги, то дайте имъ подводъ до Дерпта и въ помы того числа, а имянно отъ себя дватцать да Ямбургскаго уезду 30, а отъ Дерпта тоже число 50 подводъ до Риги, и о даче вамъ подводъ къ ямбургскому коменданту указъ при семъ посылаемъ.

На подлинномъ подписано тако: Петръ.

PS. И для лучшего исправленія и чтобъ верили, сей нашъ указъ пошли въ Дерптъ показать тамошнему коменданту.

Топоры, которые есть въ Нарвской артилеріи, перешлите сюды немедленно съ симъ посланнымъ, которые зело здесь надобны для строенія здешней пристани.

Генваря въ 29 день 1714 году изъ Ревеля.

Копія с аржиналу.

Кирига Алексѣевичъ,

Посланъ к вамъ отъ насъ Василій Постелниковъ, которой будетъ вамъ предлагать о воре пойманномъ Якове, и вы о томъ изволте учинить по предложенію его по указамъ какъ надлежитъ.

Алексей.

Марта въ 7 день
1714 году подано 9 марта.

1715 году Генваря въ 3 день Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ по имянному своему Царскаго Величества указу, указать

соизволилъ, арирь адмирала Петра Михайловича за верную ево службу при бывшей баталиі на море у Агнута, написать въ вицъ адмирала и жалованье давати сего 1715 году Генваря съ 1 числа, какъ давалось прежде бывшему вицъ адмиралу Крейсу, сначала прибытія его въ службу по 2240 руб. на годъ, сей Великаго Государя указъ приказалъ записать Генералу адмиралу Губернатору Тайному Советнику Графу Федору Матвѣвичу Апраксину.

У подлиннаго подписано: Генералъ Маэоръ Чернышевъ.

Господинъ адмиралъ,

Ежели вы не имейте крайней нужды, то прошу дабы изволили приехать въ Санктъ Петербурхъ къ празднику къ 28-му числу сентября

Петръ.

Изъ Петергофа въ 23 день сентября
1715 году.

Господинъ адмиралъ,

Извѣствуя васъ, что вчерашняго дня племянницы нашей бракъ за герцогомъ Мекленбургскимъ при присутствіи Короля Полского, при многихъ знатныхъ особахъ, стрелбою пушечною и фейверкомъ торжествовано совершился и съ сею новизною васъ поздравляемъ.

Петръ.

Изъ Даяцыва апрѣля 9 дня
1716 году.

Господинъ адмиралъ,

Понеже дела наши еще все въ прежнемъ состояніи, Агличана еще ни чего не резолвовались, а Датчана отдались въ ихъ волю, а отъ насъ еще ничего по сей часъ не требовали, чему здесь дивятца ихъ глупости и темъ непріатели свободно со всехъ сторонъ учинили и хотя весьма не чаю, чтобъ сего лета отъ непріателей противъ насъ что было, однако верить нельзя во все, того ради изводте опаснее быть, какъ въ Лифляндіи, такъ и у Ревеля.

Петръ.

Изъ Гагъ, марта въ 19 день
1717 г.

Господинъ адмиралъ,

Писма ваши отъ 5-го и 16 апреля исправно до насъ дошли, на котораго инаго ответствовать не имѣемъ, токмо что писалъ къ намъ изъ Копенгагена нашъ князь Долгорукой, что два карабля арандевъ и лаиздѡву счастливо туда пришли, тако жъ и о фрегате самсоне имѣемъ вѣдомость, что у Ростока былъ и высадя школьниковъ отпущенъ назадъ немедленно.

Петръ.

Изъ Парижа маія 23 дня
1717.

Господинъ адмиралъ,

Писмо ваше я получилъ, въ которомъ пишете, что отъ ветру повредило несколько маштъ и стеньговъ и сіе всегда случается, отсель новою объявляю, что между королемъ Шпанскимъ и Цесаремъ начинается война, а съ Шпанскимъ Сицилской, и чаю вся Италія будетъ; предъ симъ писалъ ваша милость о зимовье флоту, где удобнее, и чаю лучше чтобъ оставить фрегаты и которые куплены кроме Ламбурга, Лиферма и 2-хъ галанскихъ, полумунда и девишера при Ревеле, а с прочими карабля и бомбандирскими галіоты хъ Кроншлоту итти съ 20 августа, мы отсель чаемъ съ половины сего мѣсяца путь свой воспріять.

Петръ.

Изъ Амстердама августа во 2 день
1717 году.

Господинъ адмиралъ,

Сего маменту прибылъ я въ гавань и начали флотъ выводить на рендъ, при самомъ же приезде капитанъ Бредаль слава Богу пришелъ счастливо хъ Кроншлоту.

Петръ.

Съ карабля Ингермоландія въ 22 день маія
1718 году.

Господинъ адмиралъ,

Объявляю вашей милости, что мы скоро противной ветръ получили третяго дни чрезъ надлежащей страхъ, отъ липънаръ-дныхъ день лавировали, но ни полторы мили аванжировали, к тому zelo пасмурной воздухъ по вся дни, того ради принуждены здесь дожидатца способнаго ветра; мы чрезъ нашего гостя уведали о латционахъ на оланте, для которыхъ посылаю писмо къ Павлу Егузинскому, при семъ изволь с нарочнымъ добрымъ оною ему послать, также сіе писмо содержать, дабы уведавъ не ушли.

Петръ.

Съ корабля Нингермоландіи отъ Гогланта
въ 13 день іюня 1719 году.

(Получено въ Пепниге въ 14 день іюня чрезъ Шхипера Василья Золотаго.)

Господинъ адмиралъ,

Сіе вложенное писмо изволь отправить въ Шлюнигъ подъ белымъ флагомъ Шведскому караулу, буде не допустятъ до Шведскаго адмирала; а оною писмо отъ графа Головкина къ ихъ президенту чужестранныхъ делъ.

Петръ.

Въ 11 день августа 1719 году
отъ Амеланта изъ флота.

Господинъ адмиралъ,

При семъ посылаемъ къ вамъ экстрактъ изъ писемъ нашихъ резидующихъ пословъ въ Галандіи и Даніи, изъ которыхъ можете видѣть, что приходъ Норисовъ не такъ чается быть скоро, какъ разглашали, и для того писали мы къ господину генералу князю Голицыну, ежели возможно до его прибытія делать, чтобъ не опуская времени делали, смотря по тамошнимъ случаямъ.

Петръ.

Изъ Санктъ Петербурха 1720 году
въ 11 день апреля.

Господинъ адмиралъ,

Посылаю при семъ письмо господина Оберъ Саварьева, писать о нужномъ деле, что надлежитъ исправить.

Петръ.

Изъ Риги въ 3 день мая
1721 году.

Господинъ адмиралъ,

Галерному мастеру Французу докторъ весьма велелъ ехать къ водамъ на Олоонецъ, а онъ не очень хочетъ; изволь ево неволею выслать, а денги на изживеніе его я отдалъ Калмыкову.

Петръ.

Изъ Петергофа въ 8 день іюня
1721 года.

Отъ Царскаго Величества къ полномочнымъ Россійскимъ Министромъ на Неиштатской конгресъ, писано собственною рукою.

Господа полномочные,

Я намеренъ былъ ехать къ Выборгу для границъ, но приезжая къ Дупкамъ получилъ отъ васъ уже подписанной и размеченной трактатъ, которая нечаяемая такъ скорая вѣдомость насъ и всехъ зело обрадовала, и что сія трехъ временная жестокая школа такой благой конецъ получила, понеже трактатъ вашими трудами зделанъ, хотя бъ написалъ намъ и толко для подписи послать Шведамъ, более бы того учинить нечего, за что вамъ зело благодарствуемъ, и что славное сіе дело ваше никогда забвенію предатся не можетъ, а особливо что николи наша Россія такого полезнаго мира не получала, правда долго ждали, да дождались, еже все да будетъ Богу всехъ благъ виновнику выну хвала.

На подлинномъ подписано тако: Петръ.

Изъ Савктъ Петербурха въ 10 день сентября 1721.

Господинъ адмиралъ,

Сего моменту куріеръ Чиботаевъ с нами встретился, съ которыми съ прочими посыланъ въ Гилянъ, и привезъ zelo пріятныя вѣдомости, того ради изволте морскихъ судовъ, которые годятца, приготовить, понеже чаю zelo нужно оное, о чемъ позавѣтнее самъ скажу, ежели завтра вамъ недосугъ сюды быть.

Петръ.

Съ Иванчуга въ 24 день октября
1722 году.

Господинъ адмиралъ,

Нужда есть здесь въ живописцахъ, которые мармаромъ пишутъ, того ради 6 человекъ такихъ, 3 для писма, 3 для золоченія немедленно пришли.

Петръ.

Изъ Петергофа въ 12 день іюня
1723 году.

Господинъ адмиралъ,

Я слышалъ, что хочешь ехать на второй недели къ Москвѣ, конечно не ездій, подлинно погубишь себя, понеже мокрота разжидилась чрезъ лекарства и когда на ветре будешь, тогда вдругъ такъ застудишься и будетъ горше перваго, конечно отъ сего самая смерть последовать будетъ, конечно дай покой и когда докторъ совершенное безопасство увидитъ, тогда поезжай.

Петръ.

Зъ Заводовъ въ 22 день Февраля
1724 году.

(Получено въ 23 день Февраля.)

Господинъ адмиралъ,

Когда прибудите вы въ Ладогу, тогда отправте Дебрина в то место, где былъ Алабердеевъ, а ныне туды поехалъ Волковъ и Лябрасъ, чтобъ съ ними вместе то место осмотреть.

Петръ.

Съ Канада въ 25 день сентября
1724 году.

Господинъ адмиралъ,

Мы сего дня были на Хутинскомъ озере, но за ночью прямо осмотреть не могли, того ради изволте осмотреть, и Дебрину вели написать, сколько людей и дерева надобно будетъ для отнятія пресной воды, дабы нынешнимъ временемъ къ весне мочно оное место опробовать.

Петръ.

На Хутоне въ 23 день октября
1724 году.

Великомощный Царь и Государь,

За дальнимъ отлученіемъ Его Королевскаго Величества отъ Её Королевина Высочества Шведскаго, имею я отъ Её Королевина Высочества нашей милостивѣйшей Государыни наследной кронъ принцесы и ихъ превосходителствъ Его Королевскаго Величества высокоблагородныхъ господъ общихъ советниковъ ордеръ Его Царскому Величеству всеуниженно донести, понеже вышеозначенная Её Королевино Высочество и ихъ превосходительство за нужнейшую разсудили до Вашего Царскаго Величества отправить майора Адолфа Сноилскаго и дабы ваше Царское Величество благоволили помянутому майору полной, доброй, чистой, временной и ясной пась пожаловать, и оной повелели ко мнѣ прислать, дабы онъ какъ туды, такъ и назадъ безъ помешательства могъ ездить, и чтобъ оному какъ въ пути, такожде въ бытности его при

вашемъ Царскомъ Величестве, никакой тягости и задержанія, та-
кожъ иные противности чинены не были, за симъ остаюсь з долж-
нейшимъ почтеніемъ

Великогощнаго Царя Государя

Вашего Царскаго Величества

* . штеть Его Королевскаго Величества шведскаго учрежден-
ный вице губернаторъ.

Въ 1698 году по приезде изъ Вѣны Его Царское Величество,
учредя 30 ноября орденъ Андрея первозваннаго, имъ жаловалъ,

Объявѣя кругъ Европейскаго свѣта всепресвѣтлое Россійское
солнце, подъ незнаемымъ облакомъ утаитися хотяще, но обаче
вездѣ лучи Его сляуще приятныхъ очеса увеселяя, прибылъ
изъ странствія въ царствующій градъ Москву 1698 Августа 27-го.

Господинъ маіоръ,

Объявляю вамъ, что сей ночи Богъ далъ мнѣ рекрута отцо-
вымъ именемъ, дай Богъ, чтобъ видѣть подъ мушкетомъ, прошу
Господамъ офицерамъ и салдатамъ мой отдать поклонъ и о семъ
объявить, а что изойдетъ на питья, пиши и то на мой щеть.

Петръ.

1719 году въ 29 день.

* Точками обозначено неразобранные слово.

У К А З Ъ.

Повелеваемъ всемъ кому о томъ вѣдать надлежитъ какъ духовнымъ, такъ и мирскимъ, военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы для всегдашнихъ нашихъ в сихъ войскахъ отлучкахъ определили управителями Сенатъ, которому всякъ и ихъ указомъ да будетъ послушенъ, такъ какъ намъ самому подъ жестокимъ наказаніемъ, или смертію, по вине смотря, и ежели оной Сенатъ чрезъ свое ныне предъ Богомъ принесенное обещаніе несправедно что поступитъ въ какомъ партикулярномъ деле, и кто про то уведаетъ, то однакожь да молчитъ до нашего возвращенія, дабы темъ не помешать настоящимъ протчихъ делъ, а тогда да возвеститъ намъ, однакожь справясь съ подлиннымъ документомъ, понеже то предъ нами будетъ суждено и виноватый жестоко будетъ наказанъ.

Петръ.

Въ Москвѣ въ 12 день марта
1711 году.

**БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ ЦАРЬ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ**

и прочая, и прочая, и прочая,

Намъ верно любезный,

Понеже не допуская мы дальняго кровопролитія между войски нашими и турецкими согласились чрезъ сіятелнейшаго визиря Мехмедъ пашу съ его Салтанскимъ Величествомъ вечный миръ учинить и для удовольствія во ономъ миру города Азовъ и прочія съ ихъ землями, которые отъ вышереченной области взяты въ прошлой войне, отдать, а новопостроенные раззорить, что повелеваемъ вамъ учинить по силе учиненнаго трактата, съ котораго о сей матери веденіе къ вамъ посылаемъ.

Петръ.

Данъ въ нашемъ обозе при реке
Пруте 1711 г., іюля во 12 день.

1709 года декабря въ 6 день Его Императорское Величество въ Санктъ Петербургскомъ адмиралтействѣ изволилъ заложить своими руками корабль, именуемой Полтаву, въ память бывшей баталіи подъ Полтавою въ 54 пушки, и повелѣлъ строить съ поспешеніемъ.

Копія с церемоніала свадьбы царевича Алексѣя Петровича.

Его Царское Величество со свѣтлейшимъ царевичемъ, которой бысть по правой руке въ четвертыхъ, шли, опять многіе знатныя особы и кавалеры, въ пятыхъ шли два маршалка, въ шестыхъ.

шла светлейшая княжна Волфенбителская, которая отъ деда своего Его Светлости князя Антона Урлиха Броуншвенскаго и Волфенбителскаго за левую руку ведена бысть; влокъ (сиречь хвостъ) отъ платья светлейшей невесты отъ трехъ дамъ королевскихъ, госпожи Дебрантъ, госпожи Дебрантштейнъ, госпожи Десебаръ, несенъ бысть, въ седмыхъ шла ее королевино величество, которая отъ его светлости князя Людвигъ Рудолфа, яко светлейшей невесты отца, за левую руку ведена бысть, хвостъ отъ платья королевина носили два пажъ Липдихеръ и Фурданъ, въ послѣднихъ—свѣтлейшая княжна Волфенбителская, за которую многіе дамы въ богатомъ убранствѣ шли. При венчаніи съ четверть часа умѣдили, при которомъ важные словеса на греческомъ языкѣ реченные быша. Во время венчанія изволилъ Его Царское Величество жениху и невесте короны, которые потомъ отъ священника сняты, на главы положить; отхожденіе въ полаты королевина величества такимъ способомъ, какъ прішли, учинился; отъ осми часехъ вечера къ столу пошли, при которомъ столе послѣдующимъ способомъ обрѣтались: въ первыхъ четверугольный длинный столъ по извычаю устроенъ бысть, при которомъ столе по срединѣ в длину сидѣль свѣтлейшій женихъ по правой, а свѣтлейшая невеста по левой рукѣ, у свѣтлейшаго жениха сидѣль Его Царское Величество, герцогъ Антонъ Урлихъ, и княгиня Волфенбителская, графъ Головкинъ царственной канцлеръ, и генералъ фельдцейрмейстеръ Бросъ, по левой рукѣ светлейшей невесты сидѣла королевина величество Полская, герцогъ Людвигъ Рудолфъ, князь Долгорукой, князь Трубецкой и князь Куракинъ внизу сидѣли; по окончаніи стола, опять во оную залу со всеми послѣдующими вступали и тамо несколько часовъ танцовали и темъ оное торжество съ великою утехою народу скончалося.

Копія.

Понеже въ битвѣ зорь великое въ войнѣ дело зависить, а имянно целость всего войска, понеже когда пробьютъ вечернюю зорю, тогда запрутъ ходъ и караулы умножатъ, и опасно ночь блюдутъ, за которыми все войско опочиваетъ безопасно, а когда утреннюю битъ стануть, повинны всѣ встать и не спать, понеже входъ отопрется, что уже господамъ офицерамъ въ коллегіи воинской, яко практикомъ, довольно вѣдомо есть; но нынѣ у насъ

оное дѣло в комплектъ вменено, и яко старые бояря и воеводы и стрельцы употребляемъ, быють въ такихъ городахъ гдѣ воротъ не заворяють во всю ночь, но дворамъ и слободамъ, и такъ людей заводимъ, что и у прихода дѣла какъ и безъ дѣла ни во что оной обычаемъ придѣтъ, шбо: «Отче нашъ» хотя и лучится молитва во христіанствѣ есть, понеже самимъ Христомъ предана, однакожъ ради частаго употребленія в обычай вошло, не такъ почетомъ какъ другіе, которые одна въ годъ читаются, хотя и человеческого сложенія суть: того ради надлежитъ твердо о семъ уставить указомъ и въ регламентъ внести, дабы туне не чинили.

Подлинной Его Императорскаго Величества указъ писанъ собственною Его Величества рукою, и подписанъ (такъ).

Петръ.

Въ Преображенскомъ въ 11 день генваря 1722 г.

(Отданъ отъ свѣтлѣйшаго князя генваря въ 15 день того же 1722 года.)

КОПИЯ

СПИСАНА ИЗЪ КНИГИ ЖУРНАЛА

ГОСУДАРЯ ПЕТРА ПЕРВАГО.

1689 году генваря 27 дня Его Величество Государь Императоръ Петръ Великій совокупилъ первымъ бракомъ, и понялъ за себя Благовѣрную Царицу и Великую Княгиню Евдокею Федоровну, дочь Федора Аврамовича Лопухина. 1690 году Его Величеству родился первый сынъ Благовѣрный Царевичъ Алексѣй Петровичъ, его же тезоименитство марта въ 17 день. 1708 году генваря 27 дня родилася Его Величеству вторая дочь Царевна и великая княжна Анна Петровна, которая была цесаревною въ супружествѣ за герцогомъ и наслѣднымъ княземъ Голстинскимъ съ 1725 мая 21, а будучи въ Голстиніи родила сына нынѣ благополучно во Всероссійской имперіи здравствующаго наслѣдника Ея Императорскаго Величества внука Петра перваго, Государя и великаго князя Петра Федоровича, *) но она Ея Высочество Го-

*) Сего рожденіе 1728 года февраля 28 дня, святыиъ миромъ помазанъ ноября 7-го 1742, а супруга Его Государя Екатерина Алексѣевна помазана миромъ

сударыня изволила изъ Санктъ Петербурга въ Голстинию и зъ супругомъ своимъ отъѣхать въ 1727-мъ июля 25, гдѣ поживъ и прѣставися маіа 4 дня 1728 году, откуда тѣло Ея Высочества привеземо въ Санктъ Петербурхъ и погребано въ Петропавловскомъ соборѣ съ родителями ея и Ихъ Императорскими Величествами, а житія Ея Государыни Цесаревны отъ рожденія было 19 лѣтъ 3 мѣсяца и 9 дней.

О ОПРЕДѢЛЕНІИ СЕНАТА, ОБЪЯВЛЕНІЕ ВОЙНЫ СЪ ТУРКОМЪ И ПОХОДЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КЪ ТУРЕЦКИМЪ ГРАНИЦАМЪ 1710 г.

По темъ извѣстіямъ Его Величество путь свой воспріялъ изъ Санктъ Петербурха къ Москвѣ Генваря 17 дня, а прибывъ въ Москву опредѣлилъ быть для отправленія дель Сенату. Февраля 25 Его Величество изволилъ быть въ Успенскомъ соборе у молебна, где объявленъ публично о разрыве съ турецкой стороны миру манифестъ, которой читанъ въ соборной церкви и напечатанъ особо, а предъ церковію стояли в строю два полка гвардіи, у которыхъ вместо первыхъ обыкновенныхъ белыхъ знаменъ былъ вновь сделанные красные знамена, на коихъ была подпись, за имя Иисусъ Христа и христіанство и наверху кругомъ креста изображена сіяніемъ подпись: сѣмъ знаменіемъ победиши, и пошли те полки въ походъ тогоже числа въ Польшу въ соединеніе къ главной арміи и генераль фельдмаршалу графу Шереметеву.

Марта во 2 день новоучиненному Сенату и губернаторамъ, чтобъ имъ чисто, честно, несленно, но паче ревностно исполнять званіе свое: во первыхъ, верность Государю и Государству, 2-е правду и правый судъ какъ между народомъ, такъ и въ деле государственномъ, 3-е, в збираніи казны и людей и прочаго всего, чего Государевы и Государства интересы требуютъ истинно исполнять, учинена присяга в присутствіи Его Государевомъ въ Успенскомъ соборе.

Тогоже числа указъ данъ сенату, слѣдующей, писанъ Его Величества собственною рукою:

1 Судъ имети недлицемерной, и неправедныхъ судей наказывать

1744 июня 28, а обрученъ 29 въ Москвѣ, а бракъ былъ въ Санктъ Петербурхѣ августа 21 дня 1745 году.

отнять имъ чести и всего имениа, тожь и ябедникомъ да послѣдуеть.

Смотреть во всемъ Государстве расходовъ, и ненужные особливо отетавить.

Такожь разсуждая, что въ войске многая часть офицеровъ произошло изъ подлаго народу, а дворяне многія кроются отъ служебъ, и такъ въ деревняхъ закосневаютъ, указалъ имъ Сенаторамъ всехъ дворянъ молодыхъ собрать для запасу въ офицеры, а наипаче техъ, кои кроются отъ служебъ.

Еще указалъ учинить во всемъ Государстве енскаловъ, а надъ всеми ими одного оберъ-енскала, которымъ указано тайно и явно проводывать и досматривать о неправомъ суде и о прочихъ вредителныхъ Государству делахъ касающихся, и о томъ доносить Сенату.

Тогда жъ указалъ корпусъ бывшей въ Лифляндіи, которой отъ моровой язвы немалой упадокъ имелъ, рекрутами дополнить, и собравъ техъ рекрутъ вести къ Волоскимъ границамъ, куды генералъ фельдмаршалъ графъ Шереметевъ маршируетъ.

Въ тожь время указалъ генералу адмиралу графу Апраксину ехать къ Азову, и тамъ того края смотреть и оборонятся отъ Турецкаго наступленія; а Донскими Казаками и Калмыками противъ Турокъ и Татаръ велено ему действовать с начала весны водою, а сухимъ путемъ какъ случай будетъ требовать, а генералу мазору Бутурлину указалъ обще съ гетманомъ казацкимъ съ Скоропадскимъ итти съ восьмью полками къ каменному затону и тамъ смотреть на обороты турецкой и татарской, и ежели Турки или Татары придуть, то велено оборонятся по самой крайней возможности.

Марта 6 числа всенародно объявлено о Государыне Царице Екатерине Алексѣевне, что она есть истинная и законная Государыня.

И того же 6 числа распорядя все вышеписанное изъ Москвы Государь путь свой восприялъ въ Польшу въ соединеніе къ своей арміи на почтовыхъ подводахъ кунно съ Государынею Царицею Екатериною Алексѣевною, а за ихъ Величествомъ министры и дворовые служители слѣдовали и ѣхали чрезъ Вязму, Смоленскъ и Горки, и прибыли 13 дня въ Слуцкъ, где тогда обретались пехотные полки подъ командою Генерала Фельдмаршала Графа Шереметева, и были ихъ Величества въ Слуцке до 18 числа, для то-

го. что зимней путь почитай уже рушился, и чрезъ реку Припеть перейти невозможно, того ради Генералу Фельдмаршалу Графу Шереметеву велено самому ехать къ Припети и тамъ на ледъ положить гати, чтобъ долѣе ледъ держался, и также мосты или бѣ перевозки сделать и собрать для гвардіи и рекрутъ на мѣсяць правіанту.

Сентября 12 дня поутру рано рекою путь свой воспріялъ въ судахъ и на другой день прибыли въ Торгау, где резиденція Королевы Полской, для совершенія брака между сыномъ Его Величества царевичемъ Алексѣмъ Петровичемъ и Принцессою Волфенбителскою Шарлотою Христиною, которой бракъ и совершился 14 числа въ день воскресный въ доме Ее Величества Королевы Полской.

И по окончаніи того брака Государь путь свой паки воспріялъ.

1712 Января въ 19 день въ Санктъ Петербурхе совершился бракъ Государевъ зъ Государынею Царицею Екатериною Алексѣевною съ немалою церемонією и съ великою пушечною палбою и фейверкомъ, где была ихъ вся царская фамилія, также чужестранные и свои министры и генералитетъ и прочіе духовные и мирскіе знатные персоны.

Тогоже году въ Апреле мѣсяце приехали изъ Москвы въ Санктъ Петербурхъ Генералъ Фельдмаршалъ Графъ Шереметевъ и несколько сенаторскихъ персонъ, и съ того времени сенаторы жить и сенаторское правленіе началось быть въ Санктъ Петербурхе.

Сообщ. Д. Ч. Архимандритъ Леонидъ.

ИЗЪ БУМАГЪ

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО ПЛАТОНА.

I.

УСТАВЪ СВОБОДНЫХЪ КАМЕНЩИКОВЪ.

Обрядъ пріятія въ ученическую степень свободного каменщичество.

Поручитель, прибывъ съ жемарцимъ, или ищущимъ, часа за два до открытія □, безостановочно отводитъ его съ завязанными глазами въ темную хранину, гдѣ оставляетъ его одного, сказавъ ему: что когда онъ услышитъ ударъ въ дверь, то развяжетъ бы себѣ глаза; самъ же вышедши изъ черной хранины остается при дверяхъ оной 5 минутъ, по прошествіи которыхъ дѣлаетъ сильный ударъ въ дверь, для знака ищущему, чтобы онъ развяжалъ глаза.

По открытіи □ посылается бр. риторъ, или другой способной бр. къ ищущему и бесѣдуетъ съ нимъ по особенному ланному для сего предписанію. Здѣсь предлежитъ ритору важнѣйшій подвигъ; ибо сей первый шагъ навсегда утверждаетъ судьбу ищущаго въ свободномъ каменщичествѣ. Риторъ имѣетъ здѣсь обширное поле къ обработанію какого бы свойства ни была сія земля: сухая ли, да стремится онъ смягчить ее слезами раскаянія, болотная ли, да осушить онъ ее возжегши огонь любви небесныя; дикая и заросшая, да очистить онъ ее

отсѣченіемъ всѣхъ заблужденій, невѣрія и предрасудковъ, — словомъ, да воздѣлаетъ онъ сію проклятую землю такъ, чтобы напослѣдокъ могла она произрастить райскіе цвѣты. Сего ради самъ риторъ да поучается всегда и нелѣпно отъ начальника своего: чѣмъ болѣе и чѣмъ прилежнѣе будетъ онъ разсуждать о своей должности, тѣмъ болѣе будетъ радоваться о важномъ званіи своемъ.

Прежде введенія ищущаго въ □ должны у него отобраны быть всѣ металлы, платье снято, лѣвая грудь открыта, правое колѣно обнажено, башмакъ на лѣвой ногѣ сдѣланъ туфлемъ, глаза же завязаны. По третіей послыжѣ бр. вводитель ведетъ ищущаго ко дверямъ □, приставя ко груди его обнаженную шпагу и держа за руку. При томъ старается ему путь его до □ сдѣлать труднымъ.

Темная хранина должна быть сдѣлана какъ со сводомъ погребъ, въ которомъ поставляются гробы. Стѣны оной должны быть обиты чернымъ; столъ одѣтъ чернымъ покрываломъ, на ономъ лежитъ мертвая голова, въ которой горитъ лампада; тутъ же полагается Библиа, въ которой открыто бываетъ Евангеліе святаго Іоанна гл. 1-я и поставляется отверстой гробъ съ мертвыми костями.

Примѣч. Какъ голова такъ и кости поддѣланныя.

Образъ приуготовленія въ ученическую степень свободныхъ каменщиковъ.

Прежде нежели □ откроется и бр. риторъ пошлется для приуготовленія ищущаго, надлежитъ ему имѣть предварительную бесѣду касательно до цѣли Ордена, которой содержаніе можетъ быть слѣдующее:

Вопервыхъ спрашивается у ищущаго:

- 1) Съ какимъ онъ намѣреніемъ вступаетъ въ Орденъ?
- 2) Что его побудило къ сему предпріятію?

Примѣч. На сіи вопросы обыкновенно почти отвѣтствуютъ ищущіе, что они желаютъ сыскать путь къ добродѣтели, или къ премудрости, или къ просвѣщенію и пр. сему подобное. Если же цѣль ищущаго окажется иная какая не относящаяся къ помянутымъ тремъ, то сомнительно, чтобы онъ могъ быть съ пользою Ордена и его принять въ свободные каменщики. — И такъ въ первомъ случаѣ риторъ продолжаетъ извѣдывать, спрашивая:

3) Не имѣеть ли уже онъ понятія какого, или предположенія о тѣхъ средствахъ, которыми думаетъ онъ въ каменщичество достигнуть своей цѣли? также:

4) Какое понятіе имѣеть онъ о вольномъ каменщичество?

5) Когда цѣль его есть исканіе добродѣтели: то не можетъ ли онъ найти путь къ оной чрезъ религію и гражданскіе законы? слѣдовалъ ли онъ имъ?

6) Если же ищеть онъ премудрости и просвѣщенія, то въ чемъ онъ ихъ полагаетъ? и пр.

Примѣч. Испытавъ такимъ образомъ мысли и сердце ищущаго бр. риторъ предлагаетъ ему, что Орденъ, принимая къ себѣ членовъ по свободному ихъ соизволенію, хочетъ, чтобъ и онъ свободно рѣшился, и для того дѣлается ему краткое начертаніе цѣли Ордена.

Краткое начертаніе цѣли Ордена.

I. Главнѣйшая цѣль и купно основаніе Ордена, на которомъ онъ утверждёнъ и котораго никакая человѣческая сила не можетъ низвергнуть, есть сохраненіе и преданіе потомству нѣкотораго важнаго таинства, отъ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ и даже отъ перваго человѣка до насъ дошедшаго,

Но какъ сѣ таинство такого свойства, что никто не можетъ его звать и имъ пользоваться, если долговременнымъ и прилежнымъ очищеніемъ самаго себя не приуготовленъ, то не всякъ можетъ надѣяться скоро приобрести его. Для сего въ Орденъ нашемъ число хранителей сего важнаго таинства всегда было ограничено.

II. И такъ, мы имѣемъ вторую цѣль, которая состоитъ въ томъ чтобы приуготовлять нашихъ членовъ сколько возможно, исправлять ихъ сердце, очищать и просвѣщать ихъ разумъ тѣми средствами, которыя намъ преданіемъ открыты отъ мужей, потрудившихся въ исканіи онаго таинства, и тѣмъ учинять ихъ способными къ воспріятію онаго. Слѣдственно, если и не достигаютъ члены наши до познанія сего таинства, однако самое стремленіе ихъ уже приноситъ имъ великую пользу, приближая ихъ къ совершенству.

III. Очищая и исправляя нашихъ членовъ, мы стараемся, въ третьихъ, содѣйствовать исправленію и всего рода человѣческаго, предлагая ему въ членахъ нашихъ примѣръ благочестія и добродѣтели, сей'убѣ-

дѣлительнѣйшій способъ наученія: ибо примѣръ сильнѣе всѣхъ увѣщаний дѣйствуетъ въ сердцахъ человѣческихъ.

Сія суть главнѣйшія цѣли нашего общества; если вы найдете въ нихъ и вашу цѣль, вы съ пользою вступите въ нашъ Орденъ.

Примѣч. По семъ совѣтуется ему размыслить о предложенныхъ цѣляхъ, и испытать свое сердце, одобряетъ оно, или отвергаетъ его предпріятіе.

1-я посылка изъ □.

Во первыхъ братъ риторъ спрашиваетъ у ищущаго: размышлялъ ли онъ о предложенныхъ ему цѣляхъ нашего общества, нашелъ ли онъ ихъ полезными и согласенъ ли вступить въ Орденъ нашъ. Когда согласенъ, то бр. риторъ по обычаю предлагаетъ ему 7 должностей слѣдующимъ образомъ:

Какъ всякое общество имѣетъ свои узаконенія и правила, наше также оныя имѣетъ, и отъ всякаго вступающаго къ намъ требуетъ непремѣннаго исполненія слѣдующихъ семи должностей.

I. Скромность.

По существу главнаго нашего намѣренія, мы имѣемъ нужду скрывать наши тайности, то есть: наши обряды, образъ правленія и пр. Не говорю я о тайнствахъ, ибо оныхъ никто не можетъ никому открыть: они, яко тайнства, тайно сообщаемы бываютъ отъ того, кто имѣетъ и власть и силу сообщать оныя. Вы должны обѣщать намъ соблюдать скромность, какъ словами, такъ и дѣломъ, во всемъ томъ, что хотя мало касается до нашего общества. Если со вниманіемъ разберемъ мы сію добродѣтель, то увидимъ, что скромность въ нашей жизни сохраняетъ насъ иногда отъ великихъ бѣдъ и нещастій. Нескромность часто имѣетъ ужаснѣйшія слѣдствія, нежели всякой другой порокъ.

II. Повиновеніе.

Общество наше, не имѣя гражданскаго права, наказаніями или другими какими насильственными средствами приводитъ своихъ членовъ къ повиновенію, требуетъ добровольнаго согласія на оное отъ

всякаго вступающаго члена. Никакое общество не можетъ стоять безъ подчиненности; тѣмъ паче наше, разсѣянное по всему лицу земли, имѣеть нужду въ строгомъ наблюденіи правилъ подчиненности.

III. Доброправіе.

Наша цѣль есть исправлять самихъ себя, а своимъ примѣромъ и прочихъ, въ нашего общества находящихся, приводить къ познанію добродѣтели. Слѣдственно, всякой нашъ членъ обязанъ строго соблюдать всѣ правила честности, правды и благопристойности. Нашъ Орденъ есть средняя линія между религіею и гражданскими законами, не токмо не препятствующій онымъ, но много имъ способствующій. Тотъ, кто съ нами соединился, обязанъ всѣ должности налагаемыя на него духовною и свѣтскою властію исполнять во всей точности, а не по одной только наружности.

IV. Любовь къ челоѳчеству, а паче къ Братіямъ.

Любовь къ челоѳчеству и ко Братіямъ есть столпъ не только нашего общества, но и самой религіи. Она подобна животворному бальзаму, разливающему въ душѣ челоѳческой силу, крѣпость и сладкое успокоеніе. Она дѣлаеть насъ любезными огу и людямъ. Челоѳкъ, котораго всѣ помышленія и дѣянія имѣють душею своею сію изящнѣйшую добродѣтель, бываетъ мужественъ въ своихъ предпріятіяхъ, твердъ въ исполненіи оныхъ. Грозный видъ тирана, муки и всѣ злощастія не колеблють его душу.—Вы должны стараться возрождать и усилывать въ душѣ вашей сіе благородное чувствованіе и учинить его основаніемъ всѣхъ вашихъ дѣяній.

V. Постоянность. Мужество.

Тотъ только прямо добродѣтеленъ, кто непрестанно во всѣхъ дѣйствіяхъ старается противиться злу. Тотъ только можетъ надѣяться достигнуть своей цѣли, который при началѣ своего предпріятія рѣшился преодолѣвать всѣ затрудненія, препятствія, скуку. Ежели сердце ваше одобряеть ваше предпріятіе вступитъ въ наше общество, то вы должны съ сей минуты рѣшиться переносить всѣ безпокойствія

съ какими сопряженъ путь къ добродѣтели, не совращаться съ онаго никакими соблазнами, никакими огорченіями, никакими обманчивыми и лестными видами. Вооружитесь мужествомъ, ибо безъ него никто да не льстится проникнуть тайства нашего Ордена.

VI. Щедрость или безкорыстіе.

Сія добродѣтель есть драгоценнѣе украшеніе нашего Ордена, каждаго брата и каждаго честнаго человѣка. Она есть первый знакъ благородной и высокой души. Низкая и подлая только душа вынимаетъ безчувственно воплю несчастнаго, угнетаемаго убожествомъ, или хотя и даетъ ему нѣкоторую помощь, но только изъ тщеславія, для похвалы, и съ внутреннимъ нехотѣніемъ. Но да отличится истинная щедрость, происходящая изъ благороднаго побужденія челоуѣколюбія, отъ расчужденности, которая часто подобна бываетъ щедрости, хотя источникъ ея есть нѣкоторая лѣнь, вѣтреность и безразсудность.

VII. Любовь, не смерти страстей своихъ.

Хотя таковая внутренняя смерть больна и мучительна челоуѣку, со страстными рожденному и привыкшему къ зло-прелестному владычеству ихъ, но не можетъ безъ нея возобладать въ душѣ добродѣтель. И для того смерть сія долженствуетъ быть любезна истинному свободному каменщику, яко единое средство освободиться изъ плѣну пороковъ. Непрестанное и о естественной смерти размышленіе учиняетъ насъ неустраслимыми, укрѣпляетъ нашъ духъ къ понесенію всѣхъ трудностей, огорченій, препятствій, бѣдъ, опасностей, кои встрѣтятся могутъ на пути добродѣтели; и навпаче полезно оное, яко побуждающее къ спасительному раскаянію въ злыхъ своихъ дѣлахъ и чувствахъ, для очищенія къ будущей жизни. Старайтесь частымъ помышленіемъ о смерти воспользоваться всѣми плодами онаго.

Примѣч. Предложивъ такимъ образомъ бр. риторъ оставляетъ ищущаго его собственному размышленію, отобравъ у него шпагу и шляпу.

2-я посылка.

Бр. риторъ опять спрашиваетъ о намѣреніи ищущаго; когда тверды въ оношъ, то онъ, повторяя кратко къ чему онъ обязуется,

вступая въ наше общество, даетъ нѣкоторое понятіе о іероглифическомъ языкѣ.

Орденъ нашъ ученіе свое преподаетъ не словами токмо, но и иными средствами, которыя на истиннаго искателя мудрости и добродѣтели дѣйствуютъ, можетъ быть, сильнѣе, нежели словесное только объясненіе. Сія храмина убранствомъ своимъ, которое вы видите, уже должна была изяснить вашему сердцу, ежели оно искренно, болѣе нежели слова. Вы увидите, можетъ быть, и при дальнѣйшемъ вашемъ принятіи подобный сему образъ изясненія. Орденъ нашъ подражаетъ древнимъ обществамъ, которыя открывали ученіе свое іероглифами. Когда вы съ откровеннымъ сердцемъ и должнымъ уваженіемъ къ великости той цѣли, для коей вы желаете быть приняты, будете взирать на все то, что съ вами происходитъ будетъ, то можетъ быть вы уже не тѣ отъ насъ выдете, каковы пришли.

Примѣч. Ежели ищущій не знаетъ что такое іероглифъ, можно подать слѣдующее объясненіе:

Іероглифъ есть назнаменованіе какой нибудь неподверженной чувствамъ вещи, чрезъ представленіе вещи подверженной чувствамъ, которая содержитъ въ себѣ подобныя качества изображаемой. И такъ для познанія изображаемой вещи и ея качествъ, надлежитъ познать всѣ свойства вещи изображающей.

По семъ приступаетъ къ опытамъ.

1. Въ знакъ Чистосердечія долженъ онъ открыть главное свое пристрастіе.

2. Щедрости—отложеніе всѣхъ металловъ и драгоценностей.

3. Повиновенія—снимается платье, завязываются глаза и пр.

Когда онъ совсѣмъ изготовленъ ко вступленію въ □, бр. риторъ, онъ нѣкоторомъ молчаніи, увѣщаваеъ его, чтобы онъ обратилъ свое вниманіе на самаго себя: блаженъ тотъ, кто имѣетъ случай, удался отъ мірскихъ суетъ и наложивъ цѣпи на свои чувства, возбуждающія волненія страстей, обратится на самаго себя и искать источника своего блаженства въ источникъ своей жизни—въ сердце. (Здѣсь, смотря по состоянію ищущаго, объясняетъ риторъ, что наше блаженство должно искать не внѣ, но внутри насъ.) — Послѣ сего остается онъ своему размышленію.

3-я посылка.

Спрашивается о твердости его намъренія.

Совѣтуется еще, чтобъ онъ, оставя за дверьми нашего храма все свои предубѣжденія о своемъ знаніи, дарованіяхъ и пр., очистилъ свое сердце для принятія нашего ученія, которымъ научится онъ видѣть, слышать и чувствовать.

Послѣ сего ведетъ его обыкновеннымъ образомъ съ затрудненіями, говоря: такъ труденъ путь къ добродѣтели и пр. Такъ мы въ жизни странствуемъ, прошедшее для насъ темно, будущее неизвѣстно, мы не знаемъ откуда, что, и куда мы. Видимъ только настоящее.

По нѣкоторыхъ шагахъ говорятъ:

Шага, приставленная ко груди вашей, можетъ вонзиться въ нее, какъ скоро вы одинъ ложной шагъ сдѣлаете: ибо вы не видите теперь пути, куда вы идете, и препинаній, на немъ лежащихъ. Васъ ведетъ рука, коея вы однако не видите. Если вы ею оставлены будете, гибель ваша неизбежна. Такъ страсти и слабости наши, затмѣвая внутренній свѣтъ, ведутъ насъ въ ослѣпленіе, по неизвѣстнымъ намъ стезямъ, и если бы невидимая рука не путеводительствовала нами, мы давно бы погибли. Ищите познать сего путеводителя. Старайтесь, отрясши мглу страстей, увидѣть его очами умными, тогда обратите мудрость. Ибо мудрость есть очищеніе отъ страстей и пороковъ и познаніе внутренняго свѣта.

Послѣ сего подводится ко дверямъ ищущій и продолжается обыкновеннымъ образомъ его принятіе.

СТАТЬЯ I.

Обрядъ принятія исполняемый съ кандидатомъ или ищущимъ.

По открытіи □ исполняется слѣдующее:

1. Бр. Секретарь читаетъ всеобщія учрежденія.
2. Онъ же читаетъ протоколь послѣдняго собранія.
3. Бр. риторъ посылается въ 1-й и во 2-й разъ для приуготовленія ищущаго по данному предписанію.

4. Въ оное время Вел. Мастеръ или читаетъ приличную рѣчь и дѣлаетъ поученіе, или катихизируетъ.

5. Посылается въ третій разъ къ ищущему бр. поручитель для приведенія его; или же можетъ и сіе исполнять бр. риторъ.

6. Бр. поручитель, пришедъ къ дверямъ, даетъ знать о своемъ приходѣ кашлемъ.

В. Мастеръ дѣлаетъ крѣпкій ударъ молоткомъ.*

Примѣч. При ударѣ сдѣланномъ В. М. брр. встаютъ со своихъ мѣстъ и становятся вокругъ ковра.

Бр. стражъ ударяетъ кулакомъ въ дверь.

Бр. поруч. дѣлаетъ тоже. Потомъ бр. пор. стучится покаменщически.

Бр. стр. стучитъ же и говоритъ: почтенный бр., 2 надз. стучать покаменщически.

Бр. 2-й надз. стучитъ и повторяетъ.

Бр. 1-й надз. также стучитъ и доноситъ В. М.

В. М. (ударяетъ трижды молоткомъ)** что тамъ?

Оба надзз. сіе повторяютъ.

Бр. стр., отворя нѣсколько дверь, спрашиваетъ громко: кто тутъ?

Бр. ввод. отвѣтствуетъ: ищущій, который желаетъ быть принять въ свобод. каменщики.

Бр. стр. затворяетъ двери и говоритъ тѣ же слова.

Брр. надзз. повторяютъ.

В. М. Достоинъ ли онъ сего, и кто по немъ ручается?

Оба надзз. только сіе повторяютъ.

Бр. поручитель, т. е. представлявшій ищущаго, говоритъ: я отвѣтствую за него своею головою, а ежели представлявшій былъ не одинъ, то старшій поручитель говоритъ такъ: я и брр. N. N. ручаемся за него своими головами.

Брр. надзз. повторяютъ такъ: Бр. N. N. ручается за него своею головою.

В. М. Вопросы о его имени, отчествѣ, прозваніи, лѣтъ, днѣ рожденія, законѣ, происхожденіи, мѣстѣ рожденія, чинѣ, отъ чего имѣетъ онъ пропитаніе, не принять ли онъ въ какой либо навѣстный или тайный Орденъ членомъ, истинная ли ревность къ исправленію

* Слово молоткомъ прибавлено нами. Въ подлинникѣ нарисованъ молотокъ. Прим. ред.

** Въ подлин. изображены три молотка. Такъ и ниже.

себя влечетъ его сюда, не участвуетъ ли въ томъ суетное любопытство, и не убѣжденъ ли онъ къ сему.

Брр. надзз. повторяютъ сіи вопросы.

Примѣч. Братъ стражъ, отворивъ нѣсколько двери, спрашиваетъ важно вышесказанные вопросы. Получивъ же отвѣтъ, затворяетъ двери, стучитъ и доноситъ бр. 2-му надзирателю, 2-й надз. стучитъ и сказываетъ 1-му, 1-й надз. стучитъ и доноситъ В. М.

В. М. Должно ли его впустить, любезные братья?

Примѣч. Дѣлается знакъ согласія жейнымъ знакомъ и поднятіемъ правой руки.

В. М. Бр. стражъ,пусти сюда бр. вводителя съ ищущимъ.

Братъ стражъ стучитъ; а бр. вводитель равномерно ему покаменщически отвѣтствуетъ. Стражъ отворяетъ двери вдругъ, и говорить: бр. вводитель введи ищущаго и представь его въ □. Бр. вводитель вводитъ его, и нѣсколько не дошедъ до надзирателей беретъ у него свою шпагу; толкнувъ его съ осторожностію къ надзирателямъ, говорить: иди, я предаю тебя судьбѣ твоей.

Брр. надзз. принимаютъ его и поставляютъ между себя. Въ □ наблюдается глубокое молчаніе и тишина.

СТАТЬЯ II.

Обрядъ принятія исполняемый съ ищущимъ иже страждущимъ.

В. М. (помолчавъ нѣсколько), дѣлаетъ (три удара молоткомъ) *

Примѣч. Надзиратели повторяютъ.

Тишина наблюдается совершенная.

В. М. вопрошаетъ слабымъ и кроткимъ голосомъ:

1. Государь мой, какъ васъ зовутъ?
2. Какъ ваше отчество?
3. Какъ ваше прозваніе или фамилія?
4. Сколько вамъ отъ роду лѣтъ?
5. День вашего рожденія?
6. Какого вы закона?
7. Какого званія, или какой имѣете чинъ?
8. Какого происхожденія?

* Въ подлинникѣ нарисов. три молотка.

9. Гдѣ вы родились?

10. Не были ли вы прежде въ какой либо извѣстной, или неизвѣстной Ордень приняты?

11. Истинное ли побужденіе и усердіе къ Ордену нашему и желаніе учиниться лучшимъ, привлекаетъ васъ сюда?

12. Не суетное ли любопытство прельстило васъ на сіе предпріятіе и не подговорилъ ли васъ кто на оное?

По отвѣтъ страждущаго.

В. М. (нѣсколько помолчавъ) ударяетъ молоткомъ * и потомъ говоритъ:

Ваши, государь мой, мужественные поступки, а притомъ основанное на добромъ объ насъ понятіи и довѣренности къ намъ послушаніе ваше, во всемъ томъ, что уже было и что еще теперь будетъ съ вами, удостовѣряютъ насъ, что ни свойственное женамъ любопытство, ни дѣтское странныхъ вещей воображеніе, ниже чѣе либо убѣжденіе есть виною дѣйствія вашего, но паче и единственно ваше добродѣтелию подкрѣпляемое побужденіе къ тому, чтобъ соединиться съ нами, чтобъ быть сочленомъ таюго общества, которое знаменито и извѣстно по добродѣтели, дружбѣ, вѣрности и честности, привлекаетъ васъ сюда. А потому спрашиваю я васъ, да словомъ челоуѣка скажете, согласны ли вы во всемъ предаться намъ, и по тѣмъ законамъ, коимъ мы повинуемся, согласны ли быть приняты въ свободные каменщики? или, размысливъ, желаете возвратиться вспять? — Подумайте, и съ размышленіемъ отвѣчайте, хотите ли быть съ нами, или нѣтъ?

По отвѣтъ.

В. М. (помолчавъ) ударяетъ молоткомъ.

Если вы, государь мой, могли иногда возмнить, или еще и теперь опасаетесь, размышляя, что нѣтъ ли чего между нами противнаго Богу, вѣрѣ, узаконеніямъ правительства, установленіямъ общества, или благоправію и праводушію гражданина, то я увѣрлю васъ моимъ и всея □ словомъ, что сего и подобнаго тому между нами нѣтъ и не бывало. — И такъ отвѣтствуйте мнѣ еще разъ, и утвердите желаніе ваше равномернымъ первому увѣреніемъ.

* Въ подлин. нарисов. молотокъ.

П о т в ѣ т ь .

В. М. (помолчавъ) ударяетъ молоткомъ.

Законы и должность сана моего обязуетъ меня въ третій и послѣдній разъ потребовать согласія вашего. Скажите мнѣ: да, или нѣтъ, и произнесите оное велегласно и съ твердостью.

П о т в ѣ т ь , н е м е д л я .

В. М. И такъ да исполнится, государь мой, хотѣніе ваше. Но знайте, что бодрость, мужество, осторожность и равнодушіе отворачиваетъ опасности; а напротивъ того, робость и колеблемость, при мысляхъ нетвердыхъ и разсѣянныхъ, часто дѣлають человека сожалѣнію достойнымъ и несчастною жертвою.

В. М. Любезные братія, согласны ли вы на принятіе сего ново-страждущаго?

П р и м ѣ ч . Надзиратели и всѣ брр. дѣлають обыкновенный знакъ согласія.

В. М. Когда вы согласны, то приемъ его: да тѣмъ наградится намѣреніе, опыты твердости, и пламенное страждущаго желаніе, имъ до сего являемое.

В. М. (ударяетъ трижды молоткомъ). Бр. 2-й надзиратель, повели страждущему путешествовать покаменнически.

П р и м ѣ ч . 1-й надз., постучавъ покаменнически, повторяетъ сіи слова. — 2-й надз., также постучавъ, говоритъ: я исполню повелѣніе высокопочтеннаго Великаго Мастера. Потомъ производить оное путешествіе позади брр. и говоритъ страждущему тѣ слова, которыя утверждены для того начальствомъ. По совершеніи путешествія бр., 2-й надз. останавливается на своемъ мѣстѣ, беретъ у ищущаго свою шпагу, и приказываетъ ему поклониться высокопочтенному В. М., потомъ стучитъ покаменнически рукою по плечу ищущаго. 1-й надз. стучитъ молоткомъ по шпагѣ.

В. М. (ударяетъ трижды молоткомъ) Кто тамъ?

Отв. Ищущій, который началъ истребить путь добродѣтели.

В. М. Онъ еще не на благомъ пути, и веома удаленъ отъ онаго: заставьте его еще путешествовать, тогда увидимъ мы, возможетъ ли онъ вступить на путь сей.

Исполняется, и по окончаніи путешествія, 2-й надз. стучитъ рукою по плечу. 1-й надз. стучитъ молоткомъ по шпагѣ.

СТАТЬЯ III.

Обрядъ принятія исполняемый со страждущимъ яно требующимъ.

В. М. (ударяетъ трижды молоткомъ) Кто тамъ?

Отв. Страждущій, который продолжаетъ достигать до пути добродѣтели.

В. М. Онъ еще не на правомъ пути, и можетъ быть еще далекъ отъ него, но надежда есть, что взыдетъ на оный. Поведите ему еще путешествовать: ибо отъ сего третьяго путешествія уповаемъ мы лучшаго успѣха.

Исполняется, и по окончаніи дѣлаются обыкновенные удары.

В. М. (ударяетъ трижды молоткомъ) Кто тамъ?

Отв. Достойный требующій, который нашелъ путь къ добродѣтели и продолжаетъ шествовать по оному.

В. М. Се, наконецъ, стоитъ онъ на истинномъ пути. Желаю я, да во всю жизнь свою не престанетъ онъ по немъ итти: тогда мы всѣ, купно съ нимъ, возрадуемся и возвеселимся сердцемъ, удостоверясь, что приобрѣли мы пользу, воздавъ твердости его достойную награду.

В. М. (по нѣкоторомъ молчаніи) говорить: вы, уже ближо овѣта, государь мой; не ослабѣвайте, будьте еще себѣ подобны: вступите къ намъ и соединитесь съ нами ненарушимою клятвою, чрезъ которую въ неразрывный дружба нашего внидите союзъ. Но да будетъ твердость спутницею языка вашего, и да возсіяетъ чрезъ то и обнажится предъ нами непорочная совѣсть ваша.

СТАТЬЯ VI.

Обрядъ принятія исполняемый, когда дѣлаетъ обязательства требующій.

В. М. Желаете ли вы, любезные братія, чтобы требующій приступилъ къ престолу и жертвеннику Ордена нашего.

Знакъ согласія.

Примѣч. Когда приказано будетъ подвести къ алтарю, тогда подводятъ требующаго оба надзиратели обыкновенными шагами чрезъ коверъ и останавливаются на восточномъ краю ковра; когда приказано будетъ

поставить его на колѣна, тогда подводятъ ближе. И ставятъ его колѣномъ на подушку; когда приказано будетъ поднять и отвѣсть, тогда отводятъ его тыломъ на западъ къ своему мѣсту; когда приказано будетъ приложить печать, тогда 1-й надз. исполняетъ сіе печатью □.

В. М. приказываетъ бр. Ритору читать рѣчь. По окончаніи рѣчи В. М. спрашиваетъ у требующаго: хочетъ ли онъ дать клятву въ томъ, чтобы быть скромну, умалчивать наши таинства и стремиться къ содѣланію себя лучшимъ.

По отвѣтѣ.

В. М. приказываетъ брр. надзирателямъ поставить требующаго обнаженнымъ колѣномъ на подушку.

В. М. беретъ у требующаго правую руку, кладетъ оную распротертую на Библию, и потомъ говоритъ: вѣрите ли вы, государь мой, что книга, на которой рука ваша положена, есть священное писаніе и Евангеліе св. Іоанна, и что вы на немъ дадите намъ ту клятву, которую я въ сію минуту вамъ предсказать повелю.

По отвѣтѣ.

В. М. Я васъ въ истинѣ сего увѣрю и вѣрою и вѣрностію своб. каменщиковъ.

В. М. даетъ требующему циркуль въ лѣвую руку и одну ножку онаго приставляетъ къ обнаженной лѣвой его груди.

В. М. Бр. Секретарь, читайте клятвенное обѣщаніе.

Примѣч. Секретарь читаетъ присягу □.

В. М., по окончаніи клятвы, говоритъ: согласны ли бы вы были дать такую присягу?

На отвѣтъ согласія, продолжаетъ: вы отъ нея освобождаетесь и мы вѣримъ вашему обѣщанію безъ клятвеннаго подтвержденія.

Брр. надзиратели! поднимите требующаго, и паки тыломъ отведите на мѣсто его.

Исполняется.

В. М. Бр. 1-й надз., приложи къ языку требующаго печать Соломону, печать скромности.

Исполняется приложеніе печати, которую имѣетъ □.

СТАТЬЯ V.

Обрядъ принятія, когда открывается свѣтъ требующему.

В. Мастеръ. Любезные брр., позволяете ли вы, чтобъ требующій узрѣлъ свѣтъ, сіяніе котораго не могъ онъ отъ самаго своего рожденія до сея блаженной минуты употреблять въ пользу свою?

Знакъ согласія.

1-й Надзиратель говоритъ: Высокопочтенный Мастеръ, именемъ всѣхъ здѣсь присутствующихъ, и всѣхъ по земному шару разсѣянныхъ брр., признается онъ достойнымъ свѣта: для пріобрѣтенія онаго употребилъ онъ и прилежность, и труды, а потому и не можно и не должно лишать его долге сего преимущества.

Примѣч. По семь свѣчи бываютъ погашены, кромѣ одной на олтарѣ стоящей; чаша съ виннымъ спиртомъ (Spiritus Vini) зажигается и поставляется на постаментѣ предъ олтарею.

В. М. говоритъ: брр. надзиратели, дайте ему увидѣть слабый свѣтъ.

Брр. надзиратели поднимаютъ нѣсколько повязку съ глазъ у пріемлемаго, а брр. устремляютъ на него концы своихъ шпагъ. Въ сіе время послѣднепринятый братъ стоитъ въ окровавленной одеждѣ.

В. М. говоритъ: Всѣ сіи мечи, государь мой, коихъ остріе противу васъ устремлено, нынѣ и всегда готовы суть поборствовать по васъ, въ какой бы вы странѣ ни были, дотоле, доколѣ вы стараться будете исполнять всѣ должности и добродѣтели, свойственныя свободнымъ каменщикамъ. — Но вземлите притомъ и сему, что сіи же самые мечи извлекутся и устремятся мстительною десницею противу васъ, если вы клятву свою и подобающую молчаливость нарушите. — Надлежитъ вамъ вѣдать, что мы, и всѣ разсѣянные по волеванной братія наци, ставъ нынѣ искренними и вѣрными вамъ друзьями, при малѣйшемъ вѣроломствѣ дадемъ, при нарушеніи отъ васъ клятвы и союза, будемъ вамъ лютейшими врагами и гонителями. Ополчимся мы тогда жесточайшимъ противу васъ мщеніемъ и исполнимъ месть, напомянувъ вамъ, что вы сами предъ Всемогущимъ Звѣждителемъ міра, предъ всеми здѣсь присутствующими братьями, и предо мною, Мастеромъ сея почтенныя □, обѣщались и, премѣнивъ обѣтъ свой въ вѣроломство, заслужили себѣ казнь. — Но я уповая, что сіи мечи, на защищеніе и оборону братій нашихъ опредѣленные, не обагрятся

никогда кровію недостойныхъ каменщиковъ. Въ такомъ упованіи, преклонимъ мы ихъ къ полу храма сего, и не хотимъ долѣе лишать васъ преимуществва увидѣть полный свѣтъ.

По семь брр. надзз. опускають паки повязку на глаза кандидата. Обрядоначальникъ, принявъ отъ В. М. не загашенную свѣчу, на олтартъ стоящую, зажигаетъ ею всѣ другія свѣчи, чаша же съ спиртомъ относится въ сторону и потушается.

В. М. говоритъ: Брр. надзз., дайте требующему увидѣть полный свѣтъ.

Примѣч. Повязка снимается съ глазъ и обыкновеннымъ образомъ дѣлается предъ приемлемымъ крестообразное пламя; причемъ брр. возглашаютъ:

Sic transit gloria mundi!

СТАТЬЯ VI.

Обрядъ принятія когда требующій сопрягается съ Орденомъ.

В. М. (по нѣкоторомъ молчаніи):

Когда вы, государь мой, такъ далеко уже дошли, что ни во власти, ниже въ волѣ вашей премѣниться, или съ честію и безопасностію оставить насъ; то долженъ я сказать вамъ, что есть еще нѣчто, которое образу мыслей вашихъ, а паче сердцу вашему величайшее почтеніе приобрѣсть удобно. Подвигнутый собственною волею и мужественнымъ намѣреніемъ, запечатлѣйте клятву вашу смѣшеніемъ крови вашей съ кровію братій нашихъ: тогда окончаемъ и совершимъ мы немедленно принятіе ваше въ свобод. каменщики, и яко брата нашего облобыземъ васъ.

В. М. взираетъ, будто не нарочно, на послѣдне принятаго и спрашиваетъ: каковъ онъ?

Примѣч. Если требующій туда же посмотреть, то В. М. скажетъ ему: не будьте любопытны, государь мой!

В. М. Согласны ли вы, любезные брр., да паки подведется требующій къ жертвеннику?

Знакъ согласія.

В. М. Брр. надзз., представьте паки къ жертвеннику требующаго.

Примѣч. Требующій подводится тремя шагами; по приказанію

поставляется на правое колѣно; правая рука его полагается на Библию; а въ лѣвую руку дается ему циркуль и приставляется ко груди.

В. М. Бр. поручитель, посадите уязвленнаго брата, и имѣйте объ немъ попеченіе. — Гдѣ чаша съ кровію?

Подается. (Примѣч. Въ чашѣ налитак расноватая какая нибудь жидкость, подобная крови).

В. М. Силою власти моя и сана мною отправляемаго, (ударяетъ молоткомъ)

Силою благоволенія и согласія здѣсь присутствующихъ и по всей землѣ разсѣянныхъ брр. (ударяетъ молоткомъ)

Пріемлю васъ въ свобод. каменщики ученикомъ и братомъ (ударяетъ молоткомъ).

Брр. надзиратели, поднимите и повергните новаго брата ко вратамъ храма.

Примѣч. Отводится, но не спиною и не по ковру, и поставляется между надзирателей, ноги его поставляются угломъ.

В. М. (ударяетъ трижды молоткомъ). Почтенный бр. секретарь, прочти предъ братьями внесенное тобою въ лѣтопись Ордена.

Примѣч. Секретарь читаетъ.

В. М. при окончаніи: И принять въ свободные каменщики ученикомъ и братомъ.

В. М. (ударяетъ трижды молоткомъ). Любезные бр., вложите въ ножны шпаги ваши.

В. М. Бр. поручитель, выведи новопринятаго брата, одѣнь его, и потомъ представь его въ □ Исполняется.

С Т А Т Ь Я VII.

Обрядъ принятія при облеченіи и обувеніи новопринятаго брата поордонски.

В. М. Братъ обрядоначальникъ, подведи новопринятаго брата къ жертвеннику, для принятія ученической Ордена нашего одежды.

Исполняется.

В. М. Любезный брате новопринятый! пріими отъ меня сей Ордена нашего заповѣнь, которой бѣлизною своею, прочностію и крѣпостію, ибо онъ сдѣланъ изъ кожи, всегда станеть напоминать тебѣ искренность, постоянство и чистосердечіе почтеннаго нашего брат-

ства; дабы и ты о сихъ свойствахъ толико рачилъ, чтобъ можно было изъ дѣяній твоихъ ощутительно примѣчать, колико ты усердія, твердости и добротства къ тому прилагаешь. — Желаю, чтобъ носилъ ты сей запонъ, яко достойный нашъ братъ, и никогда не опятналъ бы его какою-либо недобродѣтелію, порокомъ или слабостію.

В. М. Пріими сіи первыя мужскія бѣлыя перчатки, и храни ихъ навсегда; онѣ послужатъ во свидѣтельство твоего принятія, и если нѣкогда мастера твои разсудятъ за благо подать тебѣ достаточное объ нихъ объясненіе, то тогда и дальнѣйшее объ нихъ поученіе воспріимешь.

В. М. Сіи другія перчатки носи ты, любезный братъ, всегда въ братскихъ нашихъ въ □ собраніяхъ.

И сіи женскія перчатки тебѣ опредѣлены: дабы ты отдалъ ихъ той женщинѣ, которую паче всѣхъ считаешь; симъ даромъ увѣришь о непорочности сердца твоего ту, которую избралъ ты себѣ въ законную каменщицу; но соблюди, любезный братъ, да не носятъ рукавицъ сихъ и да не украшаются ими руки нечистыя!

Наконецъ пріими сію невыясненную еще лопатку, въ напомниманіе того, съ коликою прилежностію ты употреблялъ ее долженъ. Сія лопатка въ разсужденіи необходимая въ ней надобности, имѣетъ великую свою цѣну; и для того повѣшена она на сей ремень, да къ совершенію здѣсь производимыхъ и нужныхъ работъ, кой и на тебя возлагаемы будутъ, тѣмъ удобнѣе сохранена быть могла. Ты сравнительнымъ образомъ можешь весьма полезныя и весьма нужныя исправлять сокровищемъ симъ работы, когда потщишься сердце человеческое отъ нашествія пороковъ очистить и оградить и погрѣшности ближняго снисходительно заглаживать. — Сія работа довольна и достаточна къ тому, чтобъ повседневно упражнялся въ ней истинный свободный каменщикъ.

В. М. Бр. обрядоначальникъ, облеки брата новопринятаго въ одежду Ордена, и укажи ему мѣсто его.

Примѣч. Сіе исполняется, и новопринятый поставляется между брр. надзирателей.

В. М. Почтенный бр. риторъ, се настоятъ должность твоя открыть новопринятому брату тайное знаменованіе начертаній, находящихся на коврѣ нашемъ.

Примѣч. Исполняется, и по окончаніи чтенія надзиратели велютъ новопринятому бр. поклониться Великому Мастеру.

В. М. Почтенные брр. надзиратели, научите новопринятаго брата знаку, словамъ и прикосновенію его степени.

Примѣч. 2-й Надз. научаетъ его дѣлать знакъ, прикосновеніе, ученическому и проходному словамъ безъ всякихъ изъясненій; и поцѣловавъ его троекратно, посылаетъ къ 1-му надзирателю, который съ нимъ тоже дѣлаетъ; послѣ чего новопринятый показываетъ себя братьямъ офицерамъ ; въ семь случаѣ бр. обрядоначальникъ ему помогаетъ, и наконецъ подводитъ его къ **В. М.** которой по принятіи у него знака, прикосновенія и словъ говорятъ:

В. М. (Ударяетъ трижды молоткомъ). Братъ обрядоначальникъ въ соблюденіе должнаго въ порядка, поставь новопринятаго брата на сегодняшнее его мѣсто.

Примѣч. Исполняется, и новопринятый сажается по правую сторону **В. М.** Вел. Мастеръ читаетъ ему IX статей устава своб. кам.

В. М. Почтенный бр. поручитель, тебѣ поручается сей новопринятый братъ; научи его всему тому, что нужно для его свѣдѣнія и исполненія его должностей; а тебѣ, новопринятый братъ, повелѣваю именемъ начальниковъ нашихъ повиноваться сему мастеру, коему ты поручаешься.

У С Т А В Ъ

или правила свободныхъ каменщиковъ.

О ты! ученію мудрости новопосвященный, чадо добродѣтели и дружбы, внемли прилежно гласу нашему. Да раскроется душа твоя для принятія мужескихъ велѣній истины. Мы тебѣ покажемъ путь, ведущій къ щастливой жизни. Мы тебя научимъ угождать Творцу твоему, и разрѣшить съ бодростію и успѣхомъ всѣ способы, Провидѣніемъ тебѣ ввѣренныя, дабы содѣлать тебя полезнымъ сочеловѣкомъ, и дабы вкусилъ ты сладости благотворенія.

1.

Храни благоговѣніе къ Существу исполненному величества, дѣйствіемъ воли Своя сотворившему вселенную и сохраняющему ее непрерывнымъ Своимъ дѣяніемъ. Повергни себя предъ Словомъ воплощеннымъ, и благословляй Провидѣніе, произведшее тебя во свѣтъ между христіанами. Исповѣдай Божескій законъ сей на всякомъ мѣстѣ,

и исполняй всѣ нравственныя должности въ немъ предписанныя. Во всѣхъ твоихъ дѣяніяхъ являй просвѣщенное благочестіе безъ лицемерія и лжесвятости, или фанатизма.

2.

Воспоминай непрестанно, что человѣкъ есть совершеннѣйшее твореніе, потому что его одушевилъ Самъ Богъ дуновеніемъ Своимъ. Проникни въ безсмертное естество души твоея, и отдѣлай рачительно оное небесное и неизмѣняемое начало отъ чуждыхъ смѣшеній.

3.

Первая твоя клятва принадлежитъ Богу, вторая Государю, яко образу Его на землѣ сей. Чти правителей государства. Люби отечество. Исполняй со всякою точностію всѣ обязанности добраго гражданина, и мни, что онѣ освящены произвольными каменщика обѣтами, и что наруша оныя, ты къ слабости придашь лицемѣріе и клятвопреступство.

4.

Происшедшій отъ единого корня, люби нѣжно всѣхъ имѣющихъ такіе же составы, такія же нужды и безсмертную душу, какъ и ты. Вселенная есть отечество каменщика, и для него изъ принадлежащаго человѣку нѣтъ ничего чуждаго. Чти сообщество каменщикеское, разсѣянное по всѣмъ странамъ, гдѣ разумъ и просвѣщеніе проникли, и иди во храмы наши приносить жертву святому человечеству.

5.

Богъ, могущій въ Самомъ себѣ доволенъ быти, благоволилъ сообщить Себя человѣкамъ. Приблужи себя къ Сему безпредѣльному образцу, проливая на ближняго твоего весь тукъ послѣднаго твоего блага. Все, что разумъ человѣческій благаго постигнуть можетъ, подлежитъ твоей дѣятельности. Дѣятельное, умное и повсемственное благотвореніе да будетъ основаніемъ твоихъ поступковъ. Предупреди вопль бѣдности; по крайней мѣрѣ, не буди никогда ему не чувствителенъ. Убѣгай скупости и тщеславія. Не ищи награды за добро въ плескахъ толпы народной, но ищи ея во глубинѣ твоего сердца, и въ то самое время, когда ты не можешь сдѣлать толико счастливыхъ, колико бы ты хотѣлъ. Взирай на священный благотворенія узелъ, насъ связующій, и содѣйствуй по всей возможности твоей полезнымъ нашимъ установленіямъ.

6.

Буди ласковъ и услужливъ. Возжигай во всѣхъ сердцахъ огонь добродѣтели. Приемли участіе въ благополучіи ближняго твоего, и да не возмутитъ никогда зависть чистаго сего наслажденія. Прощай врагу твоему, не мсти ему, развѣ токмо дѣланіемъ ему добра. Исполнивъ такимъ образомъ единую изъ высочайшихъ заповѣдей религіи ты обрѣтешь слѣды древняго твоего величества.

7.

Испытуй сокровенныя згибы сердца твоего. Душа твоя есть дикій камень, который ты очистить долженъ. Принеси Божеству въ жертву исправленныя побужденія и покоренныя страсти. Бди и молися. Да будутъ нравы твои непорочны и чисты, душа твоя права, пряма и смиренна. Бойся горькихъ плодовъ гордости, погубившей человѣка. Изучайся іероглифамъ нашего Ордена: они кроютъ въ себѣ великія и удовлетворяющія истины, и ты чрезъ размышленіе объ оныхъ сдѣлаешься лучшимъ.

8.

Всякой каменщикъ, какого бы христіанскаго исповѣданія, какой бы страны и состоянія ни былъ, есть твой братъ и имѣетъ право на твою помощь. Уважай законныя степени общества: въ храмахъ нашихъ мы не знаемъ никакихъ, кромѣ той, которая есть между добродѣтелию и порокомъ. Берегись вводить какую либо свѣтскую отъѣну, могущую нарушить равенство, и не стыдись предъ посторонними людьми честнаго человѣка, котораго ты лобызалъ какъ брата между нами. Лети на помощь къ нему, настави заблуждающаго, подыми упадающаго, и не питай никогда злобы, или вражды, на брата. Разгони вскорѣ воздымающееся облако сіе. Единое токмо согласіе можетъ довершить работы наши.

9.

Наконецъ исполни со всякою точностію обязательства, которыя ты сдѣлалъ какъ каменщикъ. Почитай твоихъ начальниковъ. Повинуйся имъ; они говорятъ именемъ законовъ. Да не выдетъ никогда изъ памяти твоей данная тобою клятва хранить таинства наши. Ежели ты дерзнешь нарушить оную, то сердце твое всегда тебя укорять будетъ, и всѣ каменщики тебя презирать.

Р Ъ Ч И

КОТОРЫЯ ГОВОРЯТЪ 2-Й НАДЗИРАТЕЛЬ ПРИ ПУТЕШЕСТВІЯХЪ.

Продъ путешествіемъ.

2-й Надз., обведши ищущаго кругомъ, спрашиваетъ его: Принѣтили ли вы, что вы теперь обошли со мною кругъ?

По отвѣтѣ, говоритъ: Безконечное есть также кругъ описываемый всемогуществомъ изъ средоточія, которое есть первоначальный свѣтъ. Научися нынѣ, что къ сему свѣту приблизиться можно мудростію токмо и добродѣтелию.

При 1-мъ путешествіи.

Се теперь вступаешь ты на стезю, ведущую тебя къ сей мудрости и добродѣтели. Да не уклонятся стопы твои отъ сего пути, и да не будутъ онѣ удержаны посторонними предметами! Хотя различныя препятствія будутъ тебѣ въ томъ преткновеніемъ, хотя предстоятъ тебѣ къ преодолѣнію многія опасности; однако жъ самыя опасности содѣлываютъ героя достойнымъ увѣнчанія лавромъ. Тѣмъ сладостнѣе покой для ратоборца, когда онъ при достиженіи цѣли, воззря на перенесенныя трудности, самъ себѣ сказать можетъ: я полагаю стопы мои на терніе, прошелъ пропасти, преодолѣлъ стремнистыя высоты и каменистыя крутизны; но слабая искра, блеснувшая мнѣ при первомъ шагѣ моего шествія, возгорѣлася наконецъ свѣтильникомъ, приведшимъ меня къ моей цѣли и къ незыблемому спокойствію.

При 2-мъ путешествіи.

Человѣческой слабости свойственно заблуждать иногда и долго; но по узнаніи неправды оставаться въ заблужденіи произвольно есть уже неизвиняемое буйство. — Если стопы твои совратились когда нибудь съ праваго пути; если ты, водимъ будучи пустымъ блескомъ возгорающихся въ видѣ огня гнилыхъ паровъ, сбился съ пути истины; то слѣдуй нынѣ руководству предостерегающаго тебя друга; и не возбрани паки поставить тебя на путь, съ котораго уклонили тебя страсти или соблазнъ. Для огражденія смертныхъ отъ сея слабости Предвѣчный Строитель міра сотворилъ въ человѣкѣ святое нѣкое

стремленіе къ дружбѣ. Да не отторгаетъ когда либо рука твоя ося подпоры отъ себя, и да не будетъ слухъ твой загражденъ отъ вся предостерегацій! Когда же наконецъ обрѣтешь ты паки предначертанную тебѣ стезю, то да будутъ вождями твоими дружескій совѣтъ и старшій тебя опытъ. — Тогда сугубо напряги стопы твои, и будь увѣренъ, что конечно достигнешь цѣли, какую предполагаешь себѣ мудрый и добродѣтельный мужъ.

При 3-мъ путешествіи.

Слабому нашему зрѣнію часто кажется конецъ теченія въ неизмѣримой отъ насъ отдаленности, чему причиною бываетъ или облежачій насъ густой мракъ, или излишній блескъ, ослѣпляющій очи наши. Но истинный герой преодолеваетъ и сіе препятствіе. Онъ тѣмъ вяще напрягаетъ тогда силы свои къ достиженію цѣли путешествія своего. — Тотъ, кто, соверша большую половину своего теченія, ослабѣваетъ въ пути и обращается вспять; тотъ, кто преодолевъ величайшія опасности, страшится малыхъ, да и со всѣмъ оставляетъ сраженіе, таковой ничего не сдѣлалъ. — Но кто напротивъ сего подвизается до конца, кто въ благородномъ своемъ стремленіи къ полученію лавра лучше гибнетъ на сраженіи, нежели съ робостію бѣжитъ изъ онаго,—таковой, токмо таковой увѣренъ въ своей побѣдѣ. — Да не устрашаютъ убо и тебя встрѣчающіяся съ тобою препятствія; но паче къ поставляемой тебѣ отнынѣ цѣли гряди мужественно, гряди къ ней съ бодрымъ духомъ, оживляющимъ истиннаго каменщика.

ПРИВѢТСТВІЕ

КОТОРОЕ ГОВОРИТЪ РИТОРЪ ТРЕБУЮЩЕМУ.

Предъ ученикомъ клятвы.

Государь мой! оказанная Вами твердость въ преодоленіи препятствій, случившихся на вашихъ трудныхъ путешествіяхъ, и ревность изъявленная вами въ приближеніи ко свѣту, насъ освѣщающему, увѣряютъ насъ что вы совсѣмъ презрѣли несправедливыя предразсужденія невѣжества. Въ награжденіе такового благороднаго постоян-

ства, вы подведены къ жертвеннику, и должны съ нами вступить въ такія обязательства, коихъ истинный каменщикъ нарушить не можетъ; и дабы съ вашей стороны мы были по предписаніямъ нашего Высокопочтеннаго Ордена обезопасены, то должны вы теперь наиторжественнѣйше дать клятву предъ престоломъ молчаливости, предъ стопами правосудія и предъ великимъ Строителемъ вселенныя въ томъ, что вы будете ненарушимо сохранять въ сердцахъ вашихъ тайнства свободнаго каменничества, и совершенно себя подвергнете законамъ нашего Ордена. Готовы ли вы къ сему? Ежели готовы, то совершайте вашу работу съ твердостію духа, съ размышленіемъ и уваженіемъ; и повторяйте явственно клятву и обязательство, которую высокопочтеннѣйшій нашъ Мастеръ повелитъ вамъ дѣлать и которую секретарь сея ложи вамъ предскажетъ. Помните притомъ, что Строитель всего міра, по вездѣсущности своей и всезнанію, разсмѣряетъ, свидѣлствуетъ и слышать вашу клятву.

П Р И С Я Г А

Я NN. клянусь предъ Всемогущимъ Строителемъ вселенныя, и предъ симъ высокопочтеннымъ собраніемъ въ томъ, чтобъ всѣми моими силами стремиться къ сохраненію непоколебимой вѣрности къ Богу, закону, правительству, отечеству, и къ сему высокопочтеннѣйшему братству, чтобы любить ихъ всѣмъ сердцемъ и помогать ближнимъ моимъ всѣми моими силами; я обещаю по всѣмъ силамъ моимъ стараться быть во всѣхъ моихъ дѣяніяхъ предусмотрительнымъ и мудрымъ, въ дѣйствіяхъ моихъ осторожнымъ, въ словахъ моихъ умѣреннымъ, въ должностяхъ моихъ праведнымъ, въ предпріятіяхъ моихъ чистымъ, въ сужденіи моемъ честнымъ, въ образѣ моего обхожденія чловѣколюбивымъ, благороднымъ, добросердечнымъ и преисполненнымъ любви ко всѣмъ чловѣкамъ, а наипаче къ моимъ братьямъ. Я обещаюсь быть послушнымъ начальникамъ моимъ, во всемъ томъ, что мнѣ для блага и преслѣянія Ордена, къ которому я обязанъ во всю жизнь сохранять вѣрность, повелѣно будетъ; обещаю быть осторожнымъ и скрытнымъ, умалчивать обо всемъ томъ, что мнѣ повѣрено будетъ, и ничего такого не дѣлать и не предпринимать, что могло бы открыть оное: въ случаѣ же нарушенія сего обязательства моего подвергаю себя не токмо исключенію изъ всѣхъ справедливыхъ вольнокаменщическихъ ложъ, но и тому наказанію, кото-

рому подвержены всѣ клятвopеcтyпники. Да поможетъ мнѣ въ семъ Господь Богъ и Его милосердіе. Аминь.

Примѣч. Провзнесеніе клятвеннаго обѣщанія самимъ обѣщающимся отмѣнено вопервыхъ для того, чтобъ не обременять совѣсти вступающихъ иногда съ недовольною разсудительностію и чистотою намѣренія; а притомъ крайняя скрытность въ работахъ масонскихъ не почиталася столь строго нужною, когда обнадѣжились въ безопасности отъ гоненія чрезъ весьма долгое время, въ теченіе котораго свободное каменщицество всѣ правительства терпѣли, ни одинъ благоразумный и просвѣщенный человекъ не гналъ онаго и многія знатнѣйшія и просвѣщеннѣйшія особы во всѣхъ государствахъ находились въ числѣ его членовъ.

Изъясненіе ученическаго ковра.

Любезный братъ! смотри на сей ученическій коверъ, и примѣчай изъясненіе аллегорическихъ фигуръ, на немъ изображенныхъ.

Рама, заключающая въ себѣ всѣ сіи сокровенныя фигуры, ограничиваетъ наши тайности на семъ единомъ мѣстѣ. — Великій Строитель міра не опредѣлялъ намъ быть въ обществѣ заключенными и неизвѣстными; но когда насиліе, хитрость и злость преодолѣли, то чистосердечіе стало погрѣшностію, молчаливость добродѣтелію, и соединеніе противу насилія необходимою, что мы сими заключающими рамами изобразить намѣрены.

Четыре, на коврѣ назначенныя, страны свѣта знаменуютъ во всѣхъ частяхъ міра разсѣянныхъ нашихъ братій.

Бахрама и мозаическій полъ суть изображенія взятыя изъ Соломонова храма. Въ немъ находилась драгоцѣнная бахрама, которую употребляли на задергиваніе завѣсы предъ Святаго Святыхъ; тамо же былъ и прекрасный мозаическій полъ. Просвѣщенный разумъ и истинныя правила равномерно украшаютъ жизненный храмъ человека и священное мѣсто — человеческое сердце.

Блισταющая звѣзда можетъ имѣть сравненіе со священнымъ огнемъ, который всегда горѣлъ въ Соломоновомъ храмѣ: тако и свѣтъ ума долженъ всегда освѣщать всѣ дѣянія твои.

Солнце, луна и звѣзды напоминаютъ тебѣ, что ты долженъ день и ночь бдѣти надъ своими дѣйствіями, и просить помощи пове-

лѣваго солнцу и лунѣ остановиться въ Гибсонѣ, когда Иисусъ Навинъ гналъ враговъ своихъ.

Прямоугольникъ, отвѣсъ, перпендикуляръ и циркуль суть орудія необходимыя для строителя. Памятуй, что совершенный Великій Мастеръ, далеко распростертымъ циркулемъ своимъ, размѣряетъ и разыскиваетъ твою работу. Сего ради и ты размѣрай дѣйствія свои циркулемъ разума; располагай поступки свои по чертѣ и углу совѣсти; полагай основаніе по отвѣсу опыта, и сооружай зданіе свое по перпендикулу красоты. Сего ради служатъ сіи орудія знаками чести: первой—Великому Мастеру; слѣдующіе—обоимъ братьямъ надзирателямъ; а циркуль всѣмъ братьямъ вообще во образъ воспоминанія.

Молотокъ, въ рукахъ Великаго Мастера, есть такое орудіе, которое весьма малымъ трудомъ и безъ шума все собраніе побуждаетъ къ тишинѣ и вниманію.

Лопатка напоминаетъ всѣмъ каменщикамъ, чтобъ они со всякимъ попеченіемъ сравнивали ею разѣлины и отверстія сердца, отвращали и задѣлывали произведенныя въ насъ высокомѣріемъ, гнѣвомъ, отчаяніемъ, слабостію и пороками, заглаждали погрѣшности ближняго и братій своихъ; и сердце свое столь чистымъ, столь добродѣтельнымъ и украшеннымъ содѣлывали, чтобъ братъ не опасался ни мало показывать сердце свое другому брату.

Камень дикій можетъ быть очищенъ, освѣченъ, приготовленъ и изглаженъ. Поступай и ты также со своими склонностями. Для воспоминанія сея должности, остается сей дикій камень тебѣ и всѣмъ ученикамъ предметомъ.

Кубическій камень получилъ образованіе свое по углу, и служитъ товарищамъ нашимъ къ тому, чтобъ они орудія свои на немъ изощряли.

Чертежная доска, которую вы здѣсь видите, принадлежитъ нашимъ мастерамъ, которые дѣлаютъ на ней свои начертанія: ибо никакой искусный строитель не начинаетъ работы своей до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ справедливаго чертежа и разумнаго расположенія.

Столпъ, предъ тобою стоящій, есть тотъ, у котораго ученики получали свою плату; слово, коего первая буква означена на ономъ, есть ученическое слово; и самый столпъ есть изображеніе лѣваго столпа стоявшаго въ Соломоновомъ храмѣ.

Три окна, изъ коихъ одно на востокъ, другое на западъ, а тре-

тіе на полуднѣ, означаютъ три великія свѣтила, чрезъ которыя каждый свободный каменщикъ начальникомъ своимъ препровождается къ истинѣ.

Любезный братъ! сіи суть знанія свободного каменщика ученика. Старайся теперь приобрѣтать свойства свободного каменщика и ученика: будь трудолюбивъ, ревностенъ, откровенъ; стремись къ постоянной честности, любви братской и благородному желанію усилъвать въ познаніяхъ нашихъ. Исполни въ точности тѣ должности, которымъ высокопочтенный нашъ Мастеръ тебя научить. Сямъ образомъ сократишь ты себѣ путь и приблизишься великими шагами къ твоей цѣли; гдѣ ожидаетъ тебя истинная награда, состоящая въ изъясненіи всѣхъ іероглифовъ и аллегорій тебѣ предложенныхъ, награда, въ которой никогда истинный и вѣрный каменщикъ не имѣлъ недостатка.

II.

ПРИМѢЧАНІЕ

Митрополита Платона.

Непосредственно за вышеприведеннымъ Массонскимъ Уставомъ слѣдуетъ собственоручная замѣтка Митрополита Платона, объясняющая цѣль поступленія къ нему масонскихъ бумагъ и ниже помѣщаемыхъ возраженій на нихъ:

«Какъ многократно мною почитаемые масонами были обличаемы въ разговорахъ приватныхъ и увѣщаваемы, чтобъ они отъ такового заблужденія отстали: тогда представили они мнѣ сіи бумаги, аки бы въ доказательство, что нѣтъ ничего противнаго въ ихъ масонствѣ, или паче, аки бы оно и достохвально. Я сіи бумаги для примѣчанія другимъ сообщалъ, кои и мнѣ подали приложенныя при семъ свои примѣчанія. А при томъ и самъ прилѣжно читалъ, и нашелъ, что масонство есть безмѣстно и зловредно, еще болѣе нежели сколько я до прочтенія сихъ бумагъ о томъ думать могъ. Писалъ же я о масонствѣ и къ Государынѣ, по случаю исповѣди Новикова, которую мнѣ ему учинить предписано было. *

1796 года.

* Н. И. Новиковъ подвергается бытъ митроп. Платономъ «испытанію въ за-

III.

ПРИМЪЧАНІЯ

НА УСТАВЪ СВОБОДНЫХЪ КАМЕНЩИКОВЪ ДОСТАВЛЕННЫЙ МИТРОПОЛИТУ ПЛАТОНУ.

1) О черной хранинѣ.

Во первыхъ я обращаю свой взоръ на черную хранину.

Какая мрачная пещера предстаетъ глазамъ моимъ! Густая чернота, иссохшій черепъ, гробъ костей мертвыхъ и ужасъ наполняющій все углы ея, говорятъ мнѣ ясно, что здѣсь царствуетъ тлѣніе и жизнь поглощена смертію. Ибо слабыя только искорки свѣта и жизни блестятъ въ семь жилищъ смерти. — Се печальное, но живое изображеніе души человѣческой, умершей жизни Божіей и предавшейся смерти грѣхопаденіемъ! О вопіющая картина! ты напоминаешь мнѣ достопаечное состояніе падшаго человѣка.

Всемогущій Архитекторъ, живущій во вѣки вѣковъ въ безпредѣльномъ пространствѣ храма вѣчности въ самомъ себѣ, благоволилъ нѣкогда сотворить человѣка, яко малый храмъ, въ вѣчное свое жилище. Онъ былъ увѣнчанъ славою и честію. Чудеса красоты неисповѣдимой безмолвной вѣчности въ немъ изображены были и тѣмъ возвысили величество его. Онъ былъ образъ и подобіе сего божества, и по тому преславный и всесовершенный храмъ святаго Трїединства. Но увы! что сдѣлала собственная воля человѣка изъ сего прекраснаго храма!—Сія черная страшная хранина есть точное изображеніе сердца его. Онъ сталъ вертепъ разбойничъ и гробъ смерти. Рабъ князя тмы. Невольникъ духа великаго міра. Онъ изъ славнаго храма сдѣлался бѣдною страшною пещерою, изъ благаго орудія Божія убивственнымъ мечемъ діавола! Просвѣщенные говорятъ: что изъ всѣхъ тварей одинъ только человѣкъ есть изящнѣйшее средство къ откровенію чудесъ вѣчности. И потому когда онъ былъ обращенъ въ Бога волею своею, то Духъ Божій открывалъ въ немъ и чрезъ него чудеса

конѣ» 11 Января 1786 года.—«Вопросы, которые должны быть предложены Николаю Новикову, при испытаніи его въ законѣ нашемъ» вмѣстѣ съ собственно-ручными отвѣтами Новикова изданы Н. С. Тихонравовымъ въ Лѣтоп. русск. литературы, кн. 1-я.

любви, а когда палъ и обратился къ злу, то уже диаволъ чрезъ него дѣйствуетъ и открываетъ чудеса темнаго міра, воспаленнаго гнѣва Божія. И чего не выводилъ онъ изъ огненнаго своего царства въ сей полумертвенный міръ посредствомъ человѣка?—Но что можетъ быть достопаечивнѣ сего намъ изъ образа Божія преобразиться въ диавольскій? что жалостнѣ сего какъ изъ храма жизни и свѣта превратиться въ вертепъ смерти и мрака? Нещастное твореніе, разсмотри сію храмину, посмотри въ зеркало! Здѣсь увидишь ты свой образъ, образъ! отвращеніе небесъ и поруганіе ада!

Но въ сей темной храмѣ свѣтится еще нѣкій хотя слабый свѣтъ, въ самой смерти есть еще искра жизни. — О ты, которому рука Провидѣнія Божія * сей образъ падшаго человѣчества спасенія своего; есть еще надежда къ возвращенію потеряннаго. Безконечная любовь, вѣчности, предначертанная въ человѣкѣ образъ свой, не предала его собственной его судьбѣ; сколь ни велика была неблагодарность его къ ней въ паденіи, но она по благодати своей впечатлѣла въ душу его искру свѣта и жизни своей, яко залогъ къ возвращенію потеряннаго образа. Сія божественная искра свѣтится во мрачной душѣ нашей, какъ лампада въ черной комнатѣ. Она погребена въ дикости страстей нашихъ, духомъ міра движимыхъ, какъ благородное золото въ грубомъ камнѣ. Она всегда стремится и воздыхаетъ къ источнику и происхожденію своему, какъ дитя къ матери своей. Она созываетъ внутрь изъ разсѣянна всѣ желанія сердца, въ полумертвенномъ царствѣ стихійнаго міра разсѣянныхъ, и старается обратить ихъ къ пути жизни. — Скажи мнѣ, душа моя! что потрясаетъ и останавливаетъ тебя въ теченіи твоёмъ, когда ты въ пѣнствѣ страстей омраченныхъ стремишься въ пути неправды? Что угнетаетъ и тѣснитъ тебя, когда ты въ полной мнимой свободѣ своей разливаешься въ удовольствіяхъ міра сего? Что жжетъ сердце твое, когда ты въ тайнѣ мыслишь зло на ближняго твоего? Что напротивъ хвалить и одобряетъ сей поступокъ твой, когда ты сокровенно отираешь слезы бѣднаго? О совѣсть, священная искра божественнаго образа, неумолимый гласъ вѣчнаго любви, рука милосердія, искренній другъ! безъ тебя человѣкъ былъ бы несчастнѣй всѣхъ тварей. Твоимъ только руководствомъ можетъ онъ возвратиться въ прежнее свое достоинство. Просвѣтись во своей глубинѣ омраченныхъ сердець нашихъ. При твоёмъ сіяніи увидимъ мы, что мы живемъ во

* Одна строка стерлась въ рукописи.

гробъ тмы и смерти, блистай въ насъ, и наконецъ возгорись свѣтильникомъ, который приведетъ насъ къ предназначенной цѣли нашей и къ незыблемому спокойствію.

2) Чего желаетъ истинно ищущій, находящійся въ черной комнатѣ, когда открываются ему глаза.

Когда странственникъ, путешествуя въ nocturno время, гдѣ все покрыто непроницаемымъ мракомъ, ясная луна не освѣщаетъ шаговъ его въ странѣ неизвѣстной, звѣзды не указываютъ ему прямого пути, бурный вѣтръ смущаетъ и устрашаетъ душу его,—обивается съ прямого пути и заходитъ въ непроходимыя пропасти окруженныя смертми и ужасомъ: чего желаетъ онъ тогда, если почувствуетъ, что онъ заблудился и подвергъ себя опасности? Нетерпѣливо ждетъ наступленія утра, дабы при сіяніи восходящія денницы могъ онъ скорѣе обозрѣть опасную сію страну и немедленно вытти изъ нея, чего бы то ему ни стоило; и какъ онъ самъ собою сдѣлать сего не можетъ, по тому что она ему не знакома: то желаетъ и молить, чтобъ милосердное небо послало ему со свѣтомъ утреннимъ состраждущаго благодѣтеля и друга человечества вывести его изъ сего опаснаго мѣста, угрожающаго ему смертію ежечасно.

Сіе подобіе уяснить мою мысль. Ищущій, находящійся въ черной хранилѣ съ раскрытыми глазами, долженъ точно уподобленъ быть сему странственному, который, идучи въ отечество свое, сблсся съ прямого пути, и позналъ заблужденіе свое. Черная комната, по одному наружному своему виду и украшенію, должна быть столько же для него чужда и страшна, какъ для того глубокая пропасть, окруженная дикими звѣрьми и змѣями: ибо онъ въ ней ничего пнаго не видитъ кромѣ темноты, слабымъ свѣтомъ освѣяемой, и мертвыхъ костей. Чего же долженъ онъ желать, увидя себя въ таномъ незнакомомъ мѣстѣ, какъ чтобы поскорѣе вытти изъ него посредствомъ благодѣтельнаго руководителя? Такъ, сего желали всѣ истинные братья, ощутившіе свою тьму и увидѣвшіе ясный свѣтъ. Какой говорящій іероглифъ мудраго Ордена всѣмъ искренно ищущимъ! Да внушить онъ мнѣ знаменованіе свое по мѣрѣ моего понятія.

Такъ всѣ человѣки заблудились отъ истяннаго пути добродѣтели, ведущаго къ небесному отечеству. Ищущій съ завязанными глазами въ черной хранилѣ образуетъ слѣпотствованіе людей въ путяхъ жизни и опасное блужденіе въ тлѣнномъ семъ мірѣ: ибо всѣ странствуютъ

въ мрачной ночи порековъ. Ясная, луна, слово Божіе, всажденное въ сердца наши и Духомъ Божиимъ откровенное, не освѣщаетъ уже имъ шаговъ въ сей чуждой странѣ: ибо густыя облака вольнодумчества затмѣваютъ чистый ея свѣтъ. Звѣзды, человѣческій натуральный разумъ, не показываютъ имъ прямаго пути; для того что они принимаютъ вредное вліяніе и ложный блескъ отъ Ангела тьмы преобразующагося въ образъ Ангела свѣтла. Бурный вѣтръ страстей, соблазновъ и гоненій возмущаетъ и устрашаетъ робкія души ихъ. И такъ всѣ влчаться по ужаснымъ стремлинамъ и пропастямъ собственныхъ своихъ вожделѣній, влекущихъ въ вѣчную смерть, въ сожитіе князю мрака и огня. Плачевное состояніе! и тѣмъ паче, что они не только не примѣчаютъ своего заблужденія, какъ оный странственникъ или какъ ищущій, давшій завязать себѣ глаза, признавшій свое незнаніе, но даже и вѣрить не хотятъ, чтобъ они не прямою шая дорогою.

Но что препятствуетъ намъ видѣть свое заблужденіе? чѣмъ у насъ завязаны глаза? Въ актахъ нашихъ читается, «что слабому насшему зрѣнію часто кажется конецъ въ неизмѣримой еще отдаленности; сему причиною либо излишній блескъ, ослѣпляющій глаза наши, либо густой туманъ, облегающій насъ». И такъ гордость и невѣжество суть единственные причины нашего слѣпотствованія и заблужденія, которыхъ источникъ незнаніе себя самаго.

Если же кто будетъ толико щастливъ, что почувствуетъ опасное свое заблужденіе, конечно воспаленъ будетъ святымъ желаніемъ познать свое состояніе и обозрѣть свое сердце. Тогда свѣтоносная утренняя звѣзда, искра Божественнаго въ насъ образа, всегда въ ночи сердца нашего, въ себѣ самой свѣтящая, взойдетъ въ жаркомъ его желаніи, какъ румяная заря заблудившемуся странственнику; взойдетъ и освѣтитъ мрачный вертепъ, или сердце и житіе его въ полумертвенномъ семъ мірѣ. Повязка съ глазъ свалилась! Онъ видитъ себя—чудовище! увылъ страшнѣе себя ничего еще онъ не видывалъ. Но щастливъ онъ, что милосердіе небесъ не вдругъ еще показываетъ ему образъ его: погибъ бы человѣкъ, еслибъ вдругъ увидѣлъ свою гнусность. Толь обобразилъ онъ себя грѣхомъ! — Чтожъ онъ тогда въ себѣ видитъ? Черноту, подобно какъ въ темной хранинѣ; черноту ада, которою возвеличенный и препрославленный Адамъ омрачилъ и умертвилъ въ себѣ пресвѣтлый образъ Божій, погружаясь свободною своею волею въ темный міръ; и чего пожелалъ, тѣмъ и сдѣлался. Еще видитъ въ себѣ тлѣніе и смерть, владычествующую въ тѣлѣ его, такъ какъ и во всемъ стихійномъ мірѣ, которому отдалъ онъ себя въ неволю паденіемъ своимъ.

Короче сказать: онъ видитъ въ себѣ ското-дѣвола. Такимъ онъ сдѣлалъ себя изъ человѣка божественнаго. Ахъ! не утрашится ли онъ тогда сего гнуснаго образа? Не будетъ ли всѣми силами стараться избѣгнуть и освободиться изъ такого ужаснаго состоянія? Не почувствуетъ ли нужду въ вѣрномъ путеводителѣ, который бы освободилъ его отъ себя самаго? — Вотъ, чего желаетъ истинно ищущій, находящійся въ черной комнатѣ.

Ежели сей выразительный гіероглифъ возбудитъ въ ищущемъ такія спасительныя чувствованія, то мудрый Орденъ конечно достигъ своей цѣли, какую онъ предполагалъ, выставяя его ищущему; хотя въ немъ, безъ сомнѣнія, заключены и другія важнѣйшія таинственныя знаменованія, для раскрытія которыхъ потребно острѣйшее зрѣніе, нежели какое я имѣю. Но я буду стараться и стараюсь отдавать въ ростъ данный мнѣ талантъ. Черная храмина моя всегда мнѣ будетъ страшна. Я ищу и желаю получить искренняго друга, чтобъ онъ вывелъ меня изъ меня. Искра лучей его, падающая въ мою черноту и свѣтящая въ ней, исполняетъ меня радости и увѣренія, что онъ придетъ и выведетъ меня изъ темницы. — Ахъ! приди и выведи меня скорѣе, небесный другъ!

3) О приходѣ ритора къ ищущему.

Находящійся въ черной храминѣ истинно ищущій ожидаетъ къ себѣ руководителя, подобно какъ стражи ночныя ожидаютъ вожделѣннаго наступленія свѣтоносныя авроры. Когда же приходитъ къ нему сей желанный его руководитель? Прежде нежели буду я отвѣчать на сей вопросъ, поищу и рассмотрю, кто есть сей риторъ и руководитель.

Въ актахъ нашихъ читается вопросъ: Кто тебѣ доставилъ ходъ въ ложу? на что отвѣчаетъ ученикъ: Искренній другъ, котораго я послѣ призналъ братомъ. — Кто жъ сей благодѣтельный другъ, который отверзаетъ мрачную, глубокую камеру сердца нашего и выводитъ насъ изъ оныя? Чей свѣтъ восходитъ въ темныхъ вертепахъ души нашей, подобно какъ свѣтлая утренняя звѣзда восходитъ въ темной ночи?

Проникни сквозь мрачность и черноту мою, о наилучшій изъ всѣхъ друзей! и покажи мнѣ ясное лице твое, да познаю и возвѣщу тебя!

Возлюбленнѣйшій братъ! не тотъ ли сей другъ, о коемъ сказано

въ откровеніи, что онъ поетъ на улицахъ и даетъ слушать голосъ свой на стогнахъ, зоветь и говоритъ при воротахъ и при входѣ городовъ? Не онъ ли самъ о себѣ говоритъ: что онъ вездѣ обходить, и ищетъ достойныхъ себя, охотно является имъ на путяхъ и старается взять ихъ въ себя. (Сир. 51, 31, Пр. Сол. 8, 17).

Не онъ ли тотъ, который непрестанно являетъ намъ себя въ величественныхъ красотахъ видимаго творенія, который живописуетъ намъ прелести свои во многоличныхъ краскахъ жизноносныхъ цвѣтовъ, котораго мы чувствуемъ носима легкими крилами зефира среди тонкихъ вьющихся облаковъ балзамическихъ испареній, который трогательнымъ витійствомъ бесѣдуетъ съ нами въ пріятномъ трепещущемъ журчаніи прозрачныхъ источниковъ и въ нѣжномъ колебаніи древесныхъ зеленыхъ листьевъ, и который будто манитъ и влечетъ насъ во всякую безмолвную, плѣняющую, благоговѣйна и священнаго ужаса исполненную тѣнь, желая ближе побесѣдовать съ нами и открыться намъ.

Не онъ ли тотъ, который часто приходитъ ко дверямъ сердца нашего, жизни Божіей умершаго и толкаетъ въ нихъ, возбуждая и увѣщевая насъ, дабы мы проснулись изъ сна смерти и отворили ему входъ? Не его ли сіе тихое, нѣжное пріятное вѣяніе, нечаянное и неизвѣстное откуда внушеніе въ душу нашу, которое не только грубымъ словомъ, но и мыслию неосторожною задушено быть можетъ, внушеніе помавающее и умоляющее насъ, когда мы бываемъ въ тишинѣ: примиришь съ обидящимъ тебя, или когда бываемъ въ праздности: искупишь время; или когда обходимся съ другимъ поломъ: воздержись въ зрѣніи, или ночью: встань и помолись!

Ахъ! не тотъ ли сей искренній другъ, который съ возвеличеннымъ невиннымъ Адамомъ былъ такъ тѣсно сочтанъ и сопряженъ, что жилъ въ немъ въ живомъ духѣ его, отъ Бога ему вдохновенномъ, и который, удалясь отъ него въ плачевномъ паденіи во священный чистѣйшій элементъ, не совсѣмъ однакожъ оставилъ человѣка; но часто изъ сердечной своей любви приходитъ ко дверямъ огрубѣвшія души его, и тамъ, стараясь всячески отвратить его отъ любви къ тварямъ, и примѣчая расположенія его, иногда поетъ умилительнымъ и трогательнымъ голосомъ пѣсни древняго рая, описывая предъ нимъ прежнее величіе, славу и блаженнѣйшее сожитіе его съ нимъ, когда онъ былъ еще сладкозвучнымъ тономъ въ безначальной, во святѣйшей Гармоніи, иногда же стучать въ сердце его печальными воплями,

представляя ему бѣдственное его паденіе и вѣчную смерть, которой онъ со всѣми падшими духами будетъ добычею, ежели презрять увѣщанія его?

О священнѣйшій луче свѣта несотвореннаго, неумолимый гласъ божества, вопіющій въ сердцахъ нашихъ! безначальное, беспредѣльное око, и чистѣйшее зеркало святаго тріединства! образъ неисповѣдимаго тричислія, препрославившій Адама! вожделѣннѣйшій свѣтъ огня души нашей, небесная Софія, живущая въ совѣсти нашей! ты сей искренній, вѣрный нашъ другъ. Ты сей красноглаголевый риторъ, который часто низходишь въ темную камеру души нашей съ высокимъ и сердечнымъ проповѣданіемъ святыя воли Божества. Ты зажигаешь въ умѣ нашемъ искру свѣта своего, при сіяніи котораго можемъ мы читать книгу откровенія, разбѣнную предъ очами нашими въ темной комнатѣ. Ты сей нѣжной другъ, который всегда увѣщаешь насъ чрезъ откровеніе, видимую натуру и насъ самихъ, и стараешься вывести насъ изъ черной камеры, изъ огненной дебри, изъ насъ самихъ.

Всевождедѣннѣйшій другъ! приди и возбуди во мнѣ огустѣвшій мрачный огонь, да претворится онъ въ тебѣ въ ясный свѣтъ!

Теперь рассмотримъ, когда сей другъ и риторъ приходитъ къ ищущему въ черную храмину. Конечно не прежде, какъ когда уже онъ увидитъ себя во тмѣ, устрашится ея и возжелаетъ искренно выйти изъ нея. Я обращаю сію эмблему на внутренняго челоуѣка.

Все жаждетъ своей стихіи. Магнетическій голодъ есть дѣйствующая пружина, на которой вращается великое седмиспичное колесо вселенныя, все раздѣленное жаждетъ и стремится по непреоборимому симпатическому своему влеченію къ половинѣ своей. Такъ огонь жаждетъ воды, вода огня; вышнее влечется къ нижшему, а нижшее къ вышшему. Солнце жаждетъ луны, луна солнца; земля алчетъ вліаній звѣздъ, а звѣзды влекутъ къ себѣ землю. И въ семь магнетическомъ вожделѣніи объемлютъ и піютъ они другъ друга. Такой законъ непоколебимъ во вѣки во всѣдѣйствующей натурѣ. Что не слѣдуетъ сему закону, то уже внѣ порядка и не принадлежитъ къ цѣлому.

Челоуѣкъ, яко извлеченіе изъ цѣлаго, сокращеніе великаго міра, сему же подлежитъ закону. Тѣло его, часть и извлеченіе сего стихійнаго міра, всегда алчетъ и жаждетъ къ отцу природы, который есть звѣзды и стихіи, и сей отецъ питаетъ и поитъ его. И какъ онъ есть также сокращеніе и духовнаго міра, то чего долженъ онъ желать

и жадать ея духовною частію? Мы узнаемъ, разсмотря существо души нашея: ибо каково существо, такова и пища быть должна.

Здѣсь произнесу я слова одного высокопросвѣщеннаго мужа. «Душа въ существѣ своемъ есть магическій огонь изъ природы Бога Отца, есть великое вождельніе свѣта, подобно какъ Богъ Отецъ въ великомъ вождельніи желаетъ отъ вѣчности сердца своего, яко центра свѣта». Изъ сихъ словъ можно усмотрѣть, что есть душа наша и чего она алкать должна къ продолженію своей жизни безсмертной. Она есть неутолимый вѣчный голодь. Сколько голодный огонь алкаетъ воды, солнце луны, земля звѣздъ и ночь дня: столько огонь души нашей долженъ алкать и жадать свѣта сердца отчаго, яко такой пици безъ которой она есть подгнѣтъ адскаго огня и пища гнѣва Божія какъ всѣ падшіе духи и осужденные.

Но чѣмъ питается она нынѣ, когда мы въ Адамъ обратились къ духу міра сего? Она ѣсть отъ духа великаго сего міра, яко отъ изліянія и силы звѣздъ и стихій, въ которыя она облеклась. Бѣдная пища для огня вѣчно пожирающаго! недостаточное насыщеніе для такой пустоты, которой и весь міръ наполнить не можетъ. Ахъ! какъ скоро перегараютъ въ семь огнѣ всѣ дрова, какія ни кладеть въ него міръ! Но, о достопачѣвная печальная мысль! у большей части людей душа столько оземлилась и огрубѣла, что все свое удовольствіе полагаетъ либо въ суетной чести, либо въ скотскихъ утѣхахъ, либо въ нѣсколькихъ горстяхъ земли, по свойству движущей ея стихіи, и голодь ея мертвъ лежитъ въ грубости земли. Таковы суть всѣ натуральные чловѣки.

Но если душа наша почувствуетъ, что она по существу и происхожденію своему есть искра магическаго огня, который отъ вѣчности алчетъ свѣта, и что рожцы міра сего, которые она, уподобившись скотамъ несмысленнымъ, жрала вмѣстѣ съ ними, не могутъ утолить безконечнаго ея голода: то начинаетъ жадать, какъ и вѣчный отецъ, свѣта несотвореннаго. Тогда великая жажда ея подобна бываетъ жаждѣ земли, алчущей всегда животворныхъ вліяній звѣздъ, ниспадающихъ въ нѣдро ея росю и дождемъ.

На языкѣ религіи откровенной сіе называется влеченіемъ Отца къ Сыну: ибо Спаситель сказалъ: никто не можетъ прійти ко Мнѣ ежели Отецъ не привлечетъ его ко Мнѣ. А на языкѣ масонскомъ: желаніе увидѣть свѣтъ, усмотря себя объатымъ тмою, какъ читается въ актахъ. Какою же тмою?

Душа, по первоначальному своему корню, по первымъ началамъ вѣчной природы въ неисповѣдимой волѣ безначалія, есть огненный

тригольникъ, яко лучъ или искра, вытекшая изъ равновѣсія и гармоніи первой неисповѣдимой воли отца, который тригольникъ, ежели по вѣчному своему голоду не претворится во свѣтъ и любовь сердца божества, пребываетъ всегда мракъ или темный міръ. И такъ когда истинные ищущіе усматриваютъ, что они сами по себѣ суть тма, то начинаютъ жадать свѣта. Жажда влечетъ ихъ къ свѣту и они видятъ его.

Изъ сего ясно разумѣть можно, что есть профанъ и что ищущій. Профанъ есть человекъ, живущій и дѣйствующій по стихіямъ міра, и довольствующійся однимъ свѣтомъ солнечнымъ. А ищущій есть тотъ, который видитъ, что онъ по происхожденію своему есть темный міръ, и по магнетическому своему голоду начинаетъ алкать и жадать свѣта, или котораго отецъ влечетъ къ своему сыну.

Такой ищущій останется ли въ черной хранищѣ? Нѣтъ, онъ влечетъ къ себѣ ритора и друга, который конечно выведетъ его подобно какъ магнитъ влечетъ къ себѣ желѣзо, а желѣзо магнитъ, и какъ огонь жаждетъ свѣта, а свѣтъ огня; ибо сей есть пища и сила онаго: равнымъ образомъ и огненные желанія души нашей влекутъ въ себя сего благодѣтельнаго друга, яко свѣта своего, а сей другъ также ищетъ и желаетъ всегда души яко огонь и силы своея. И чѣмъ больше душа горитъ къ нему, тѣмъ больше и онъ стремится къ ней, и въ семъ жаркомъ вожелѣтніи душа чреватѣетъ имъ, яко сѣменемъ духовнаго новаго рожденія и потеряннаго образа Божія. Тогда онъ входитъ во мрачную камеру или во тму ея, просвѣщается въ ней, какъ искра въ изсохшемъ черепѣ блестятъ, или какъ свѣтоносная утренная звѣзда восходитъ въ темной ночи. Свѣтъ его мало по малу возвышается и наконецъ поглощаетъ въ себя мрачный огонь ея, подобно какъ день поглощаетъ въ себя ночь, или какъ вѣчная любовь превозмогаетъ вѣчный гнѣвъ.

И такъ жаданіе свѣта есть единственный магнитъ, который привлекаетъ въ душу искреннаго друга нашего, или другими словами, ревностное желаніе сдѣлаться лучшимъ есть корень и основаніе нашего улучшенія, просвѣщенія и возрожденія. И для сей то причины толь многократно спрашивается у ищущаго: точно ли онъ хочетъ сдѣлаться лучшимъ?

Ахъ, если бы всякій ищущій былъ распалемъ такимъ голодомъ, многіе бы братья видѣли ясный свѣтъ!

Свѣтъ огня моего! Коснися души моея и возбуди въ ней вѣчный голодъ, да магическія желанія ея погружатся въ возлюбленное сердце и свѣтъ Отчій. Аминь!

IV.

КОПИ СЪ ПИСЕМЪ

Ржевскаго купца Терентія Волоскова къ Новоторжскому купцу Андріану Морозову. — Письмо Тимоѳея Болховитова къ Терентію Волоскову. — Вопросы Терентія Волоскова къ Андріану Морозову.

Любезнѣйшій мой другъ и благодѣтель

Андреянъ Яковлевичъ!

Здравія Вамъ и благополучія, а паче душевнаго спасенія всеусердно желаю.

Разсуждается у насъ, для чего мы отъ церкви отодралися, и о семъ мы многихъ спрашиваемъ здѣсь, только правильнаго наставленія ни отъ кого не видимъ, а наше сомнительство въ томъ состоитъ отъ церкви отлучившимся вси благочестія ради, въ томъ числѣ и мы находимся, а у насъ между собою, такъ какъ и съ церковію, великое есть несогласіе; наприм. мы состоимъ въ числѣ поповщины, а иные безпоповщина. Тако жъ и другіе вси утверждаютъ свою сторону быть справедливою, а благочестивою дорогъ быть надлежитъ единой, а не многимъ. И такъ будучи въ такомъ несогласіи и между собою, не можно въ тонкость знать, которая истинная дорога. Съ нашей стороны порицають церковь Россійскую, что со времени Никона патріарха прибавила и убавила церковные догматы въ противность-де вселенскимъ соборомъ, и такъ-де подлежитъ анаемѣ. Если за оное подлинно такъ подлежать будетъ, на сіе представляется такое мнѣніе: уже и прежде Никона бывшіе патріархи будутъ подлежательны тому же, понеже они такимъ же образомъ послѣ соборовъ прибавляли и убавляли церковные обряды. Развѣ не было ль имъ дозволенія отъ соборовъ до лѣтъ Никона патріарха прибавлять и убавлять а съ того времени послѣ Никона бывшимъ патріархомъ уже не имѣть? — Такъ кажется, когда тѣмъ патріархомъ дана власть, такъ кто же и отъ другихъ оную отнялъ? А отъ лѣтъ Никона патріарха прибавки и убавки состояли въ сложеніи перстовъ, въ приложеніе втретіе аллилуія, и въ прочемъ, и оное кажется до самаго божества не касается. И хотя изъ нашихъ нѣкоторые говорятъ, что де они Святую Троицу четверять, кажется — они не съ тѣмъ разумомъ втретіе приложили

аллилуія, чтобы четвертое лице о Божествѣ проповѣдать. Если бы съ тѣмъ разумомъ, то бы и спорить не о чемъ, и была бы въ семь явная и величайшая ересь, но они иное исповѣдуютъ. И о сложеніи трехъ перстовъ паки изъ нашихъ порицаютъ ихъ, что де они страсть божеству прилагаютъ; ибо де они въ сложеніи трехъ перстовъ исповѣдуютъ Святую Троицу, и такъ де всѣми тѣми перстами дѣлаютъ на лицѣ своемъ крестъ, а вить де на крестѣ Троица не страдала, а страдалъ единъ Христосъ; такъ де сіе будетъ ересь, а надлежитъ де крестъ воображать на лицѣ двѣма перстами, ибо Ісусъ во двою естеству сый кажется. И если въ триперстномъ сложеніи будетъ разумѣться страсть божеству, то и они могутъ и насъ порицать за двоеперстное сложеніе такимъ же образомъ и будутъ говорить, что де вы страсть божеству прилагаете, ибо когда мы знаменаемъ двѣма персты, то и тѣ три персты великой и малой, и что подлѣ малаго, которыми мы исповѣдуемъ Святую Троицу, тутъ же вмѣстѣ съ тѣми двѣма не отдѣльно, ибо одна рука дѣлаетъ на лицѣ крестъ. Еще наши во оправданіе говорятъ, что мы де не тѣми тремя, но двѣма, которые исповѣдуютъ два естества во Христѣ, перстами полагаемъ на челѣ и прочее, такъ де и мы только двумя воображаемъ крестъ. На сіе они паки могутъ говорить еще тоже, ибо Ісусъ во двою естеству сый страстнымъ естествомъ висяше на крестѣ. Такъ по этому развѣ однимъ перстомъ уже крестъ воображать: уже у насъ исповѣдуются въ одномъ перстѣ божество, а въ другомъ человѣчество, такъ они и на насъ скажутъ, что и мы страсть божеству прилагаетъ, ибо мы крестимся двѣма, а не однимъ перстомъ. Кажется сіе излишне и ихъ тѣмъ порицать, какъ въ нашемъ двуперстномъ сложеніи страсть божеству не прилагается, такъ и въ ихъ троеперстномъ тоже, мнится, нѣсть. Богъ вѣсть — развѣ нѣтъ ли чего инаго. Такъ кажется для такихъ небольшихъ перемѣнъ отъ церкви отдираться не надлежитъ; ибо и Златоустъ святой во многихъ мѣстахъ упоминаетъ, чтобъ большихъ дѣлъ на малыя не промѣнивать и отъ церкви отнюдь не отдираться. Не ошибаемся ли мы. Спаситель самъ во евангеліи изволилъ обѣщать, чтобъ церкви быть до скончанія вѣка; такожде и апостолъ Павелъ о тѣлѣ и крови Спасительной обнадеживаетъ, что оная быть имѣетъ, дондеже Христосъ придетъ; а по нашему разумнію уже слишкомъ сто лѣтъ миновалось, какъ оное не совершается. А что же нѣщны изъ нашихъ говорятъ, что де намъ въ патріархѣ и въ епископѣ нужды нѣтъ, а только де состоитъ нужда въ одномъ попѣ, — сіе кажется будетъ ли справедливо? Гдѣ же дѣнемъ правила св. апостолъ и соборовъ, безъ повелѣнія епископскаго ничего попу собою

дѣлать не позволяющихъ, такъ кажется, какъ же, безъ архіерея-то быть и не можно.

Еще и то отъ нашихъ въ доказательство о небытіи въ нынѣшнее время православной церкви приводится, что де антихристъ уже въ мірѣ царствуетъ, а въ писаніяхъ де есть, что въ то время церкви истинныхъ не будетъ, и утверждаются больше на словѣ Ипполита папы Римскаго. Богъ вѣсть, есть ли сіе доказательство истинно будетъ. Кажется божественное писаніе намъ ясно доказываетъ, что антихристъ царствовать будетъ только полъчетверта лѣта, но и то избранныхъ ради прекратятся дни тѣи, и многіе святыя явственнымъ своимъ толкованіемъ то утвердили. А мы станемъ ихъ ясныя толкованія снова на свой вкусъ передѣлывать, такъ не знаю разумнѣе ли мы ихъ простые и неученые мужики. Что сказать о томъ, что антихристъ нынѣ въ мірѣ царствуетъ, то правда, не только нынѣ въ мірѣ царствуетъ, но и давно уже, и святыя многіе о томъ доказываютъ, только не въ своемъ видѣ, но въ его предтечахъ, или духомъ, а не самъ собою, а когда самъ самообразно придетъ, и тогда начнутъ человѣцы зрѣти истинно, и того времени будетъ полъчетверта лѣта, и въ то время будутъ церкви божіи яко простые храмы, или овощное хранилище; понеже тогда въ нихъ служба угаснетъ, какія же то будутъ церкви, по этому они до того времени были благочестивыми церквами, а не простыми храмами, а простыми-то ужъ въ то время сдѣлаются.

У насъ уже слишкомъ сто лѣтъ миновало, какъ ихъ не стало, такъ для чего жъ они не увидавши самаго времени антихристова, и рушились, Богъ вѣсть. Не ошибаемся ли мы и противъ церкви вооружаемся, а яснаго доказательства въ защищеніе своей дороги не имѣемъ, а на своемъ мнѣніи утверждаться очень опасно, а лучше послѣдовать апостольскимъ и вселенскихъ соборовъ правиламъ. Хотя и есть, по нашему мнѣнію, въ Россійской церкви нѣкоторыя противъ прежняго времени перемѣны, однако онѣ, кажется, не суть важныя. Да что жъ мы говоримъ на Россійскую церковь, вѣдь сіе сдѣлала Россійская церковь не одна, но согласно со всѣми вселенскими патріархами. Они вѣдь апостольскіе намѣстники, такъ кто же можетъ ихъ въ томъ судить, мы ли простые мужики? Да въ чемъ судить будемъ? Они имѣютъ власть отъ самаго Христа и апостолъ въ церкви по ихъ усмотрѣнію что прибавить или убавить, такъ и прежде ихъ бывшіе патріархи то же дѣлали; а хотя что есть и не по нашему вкусу, да что жъ дѣлать, должно яко главѣ повиноваться и не спорить.

Вотъ еще приводятъ въ сумнѣніе насъ ихъ небрежливые по-

ступки; однако, хотя ихъ поступки и многихъ отъ церкви отлучаютъ, только надобно помнить и то, что сіе отъ нѣкоторыхъ святыхъ намъ предписано, что въ послѣднемъ родѣ будутъ святители больше склонны къ роскошамъ, а о спасеніи своемъ и о стадѣ пещися не будутъ, и сильнымъ лицамъ во всемъ будутъ дѣлать поταковство, ихъ бояться. Такъ мы и видимъ, нынѣ, кажется, исполняется самымъ дѣломъ; а чтобъ за такіе поступки и тайны церковныя чрезъ ихъ совершаться не могли, такъ сего тѣ же святые и не написали, да съ кѣмъ же мы согласились, съ каковыми епископы, или съ которымъ патріархомъ спорить противъ всей Христовой церкви, то есть не только всѣхъ на свѣтѣ епископовъ, но и всѣхъ вселенскихъ патріарховъ. Напримѣръ скажемъ, что мы согласны съ Павломъ епископомъ Коломенскимъ и Соловецкими старцами, ибо они противъ всей церкви спорили, изъ которыхъ де множество и святыхъ очень изрядно, и то бы намъ служило нѣсколько во оправданіе, да кто же можетъ явственно доказать, что оныя подлинно за сіе, что церкви не повинулись, Богу угодили; да они, можетъ быть, за свои дѣла, а не за сіе Богу угодными оказались. А есть ли кто и докажетъ, что подлинно за то, что церкви не повинулись, такъ пушай же скажетъ, въ которомъ они, Павелъ епископъ и старцы Соловецкіе, были согласіи, въ поповщинѣ или въ безпоповщинѣ. Есть ли ихъ на то писаніе какое, чему бъ и послѣдовать было можно? Такъ мы и не знаемъ, какъ они о томъ мнѣніе свое полагали: совсѣмъ ли священство съ тѣхъ временъ отсѣкали, или и еще иному быть проповѣдали, или инаго какого мнѣнія они были, кромѣ сихъ согласій; однако спорили кои противъ церкви, совсѣмъ ли дѣлно споръ ихъ состоялъ, между прочаго и въ томъ, что въ символѣ оставили истиннаго, такожде и въ молитвѣ Іесусовѣ сыне Божій, и прочее тому подобное. Такъ уже нынѣ всѣмъ извѣстно въ сихъ то дѣлахъ споръ ихъ былъ несправедливъ, такъ на чемъ же мы и утверждаемся?—Еще мы говоримъ на церковь, что у нихъ пастыри есть и ростовщики, и тому подобныя въ церковь допускаются, такъ мы посмотримъ на свое согласіе, не допускаются ли у насъ въ сообществѣ такіе же; ибо у насъ многіе иноки живутъ въ тѣхъ же порокахъ, а ихъ у насъ не только въ сообщество допускаютъ, но и почитаютъ яко святыхъ, и отъ нихъ мнѣть нѣкоторую святость имѣть.

Кажется сдѣлалъ бы такой примѣръ, какъ бы всѣмъ справедливымъ, и положилъ бы на одну доску всѣ мнѣнія насъ въ церкви несправедливости, а на другую такожде и наши погрѣшности, такъ бы и виднѣ было, которая бы сторона переважила.

Правда церковь въ двуперстномъ сложеніи можетъ, по нашему разумнію, какую ни есть противность имѣть, но не Христовымъ апостольскимъ глаголомъ, или вселенскимъ соборомъ и ихъ правиламъ, но только святымъ Феодориту и Максиму. А мы подлинно наблюдаемъ ученіе въ сложеніи перстовъ Феодорита и Максима, но въ прочемъ противно дѣлаемъ Христу и апостоламъ и вселенскихъ соборовъ правиламъ. Напримѣръ; съ нашей стороны положено будетъ на одну доску, что содержать чины церковные, въ сложеніи перстовъ и въ прочемъ согласно староцерковному благочестію и напротивъ того на другую доску положено будетъ, что наша сторона тѣла и крови Спасителя нашего по закону совершаемой не имѣть. Такъ сіе и одно извольте разсудить, не можетъ ли всѣхъ тѣхъ малыхъ вещей, да они же и не огъ самаго Христа или апостоловъ преданы, переважить. Еще же не имѣть наша сторона и всѣхъ семи тайнъ церковныхъ по закону исполняемыхъ.

Есть ли, Государь мой, гдѣ во святомъ евангеліи и писаніи такой примѣръ, если кто чины церковные не противъ старыхъ содержать будетъ, аще въ прочемъ законножительствоетъ, спастися не можетъ, или бы кто спорилъ и не покорился всѣмъ вселенскимъ патріархамъ, и за то бы спасеніе себѣ получилъ; а о вышеозначенныхъ великихъ тайнахъ о тѣлѣ и крови Спасительной и о прочихъ уже живое свидѣтельство самого Христа и апостоловъ есть, и прочими законными соборными правилами ясно доказывается, что безъ нихъ спастися никто не можетъ.

Есть написано въ посланіи къ Коринѣяномъ св. апостоломъ Павломъ во главѣ 13, въ зачатѣ 153: аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдъ звѣнящи, или кумвалъ звяцай. И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничто же есть. И аще раздамъ вся имѣнія моя и аще предамъ тѣло мое во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть. — Такъ надобно примѣръ къ тому приложить. Вотъ наша великія дѣла пророчество, вѣдѣніе всѣхъ тайнъ, и весь разумъ, и вся вѣра, лишеніе имѣній, и сожженіе тѣла, да только за неимѣніе одной любви все въ ничто обращается, такъ и нашей сторонѣ надобно думать о себѣ; подобно тому же имѣемъ староцерковные обряды содержать въ цѣлости, да не имѣемъ самыхъ главныхъ вещей, то есть тѣла и крови Спасителя нашего Христа, тако же и прочихъ тайнствъ по законамъ совершаемыхъ, такъ будутъ ли намъ тѣ староцерковные обряды безъ

главныхъ тайствъ во спасеніе,—Богъ вѣсть, сомнительно. Мы скажемъ, что у насъ на Вѣткѣ есть церковь, да который же епископъ оную построить и освятить благословилъ. Безъ епископскаго благословенія соборныя правила строить и освящать церквей не позволяютъ: такъ въ ней и тайны безъ воли епископской подъ запрещеніемъ епископскимъ совершаемыя весьма сомнительны. Вотъ въ чемъ то состоитъ наше сомнѣніе, просимъ усердно дать истинное наставленіе и покорно васъ прошу не позазреть нашей глупости, что я писалъ просто, а не по книжному порядку, истинно не умѣю. Еще, Государь мой, не сочтите вы насъ, чтобъ мы во всемъ съ церковію были согласныя, но сіе я пишу токмо свое мнѣніе, которое намъ въ мысляхъ воображается.

И паки сказываютъ намъ, что де въ Стародубскихъ слободахъ есть въ одномъ мѣстѣ три часовни разныхъ согласій и собираются на молитву каждаго согласія въ свою часовню, а одни съ другими отнюдь на молитву не собираются, — да еще не столько дивно, что на молитву не сообщаются, но то великаго удивленія достойно: одни другихъ называютъ еретиками. Правда, въ одномъ мѣстѣ св. Златоустъ упоминаетъ, когда де духовныя власти не будутъ почитаемы, тогда де и все можетъ смѣшаться: ноги горѣ, а глава будетъ низу, — чуть у насъ нынѣ не такъ ли.

Уповаю, вы изволили слышать, въ Москвѣ нынѣ сказываютъ изъ записныхъ обратились къ церкви человѣкъ до семидесяти, въ томъ числѣ есть и изъ безпоповщины, — да то удивительно, что никто ихъ къ тому не принуждалъ, но изъ своей воли, да еще того удивительнѣе, что не такіе люди, которые бы мало смысла имѣли, но самые разумныя, и съ великимъ разсужденіемъ признавъ то, въ чемъ они были, несправедливостью; а куда обратились, считаютъ за самую истину. Мнѣ случилось нынѣ лѣтомъ изъ нихъ въ Москвѣ одного видѣть и спрашивать о Россійской церкви, нѣтъ ли какихъ въ ней ересей, — онъ говоритъ, что въ Россійской церкви никакихъ ересей нѣтъ, кромѣ что чины церковныя нѣкоторыя измѣнены, и они обратились къ церкви, а крестятся двѣма персты, спрашивалъ его о семъ, онъ говоритъ, что имъ такъ архіерей дозволилъ и благословилъ.

И тако остаюсь при нижайшемъ поклоненіи вашъ
милостиваго Государя всегда покорнѣйшій рабъ

Терентій Волосковъ,

Ноября 8-го дня

1771 года.

Ржевъ Володимировъ.

Милостивый Государь

Андреянъ Яковлевичъ!

За писаніе ваше приношу вашей чести мою всенижайшую благодарность. Изволили упоминать клонящуюся для всѣхъ во благое тоя быть желающимъ немалую по Синоду пользу, даруй Боже, чтобъ оное чрезъ ваше стараніе послѣдовало самымъ дѣломъ, въ чемъ бы и намъ убогимъ досталось частію пользоваться, за что воздасть вамъ самъ Спаситель нашъ Христосъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ великое благополучіе, а въ будущемъ наследовать вѣчное небесное царство. Изволили упоминать, что вы желаете еще отъ насъ видѣть письма, а я былъ въ такомъ чаяніи, что и прежнимъ письмомъ вамъ своимъ мнѣніемъ наскучилъ, за сіе даруй Боже вамъ всякое благополучіе, что вы имѣете для нашей пользы къ намъ убогимъ такое снисходительство, для васъ въ нашихъ письмахъ, уповаю, никакой пользы не находится, кромѣ единого для нашего наставленія вамъ затрудненія, но вы исполнили заповѣдь Божію для спасенія ближняго своего сносить не токмо не отрекаетесь, но и желаете; ибо въ насъ сумнительствъ находится много, а смыслу и разсужденія ничего не имѣемъ. Въ такомъ случаѣ принужденными находимся еще васъ утруждать, въ прежнемъ вашемъ письмѣ изволите упоминать вопросы находящіяся у милости вашей, которые яснымъ и сами по себѣ служатъ доказательствомъ, что церковь Россійская есть церковь Христова соборная и намъ мать кажется, — и намъ мнится, не такъ ли и въ самомъ дѣлѣ быть можетъ.

Христосъ Господь въ Евангеліи у Матѳея изволилъ сказать апостоламъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ. А когда посылалъ ихъ на проповѣдь во вселенную сказалъ имъ: шедше оубо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ: и се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка аминь. (Отъ Матѳ. зач. 116). И сіи его слова принадлежатъ только до однихъ апостоловъ, а не до насъ простыхъ людей. Развѣ онъ тогда простому народу не приказывалъ ли, и не далъ ли особой инструкции, чтобъ они надъ апостолами были директорами, или надзирателями, чтобъ апостолы не соvertsались, — такъ кажется сего во евангеліи нигдѣ не видно, а вмѣсто того изволилъ сказать принадлежащую до насъ простыхъ людей

апостоломъ такую рѣчь: слушайъ васъ, мене слушаетъ, слушайъ же мене, слушаетъ пославшаго мя, отметаѣйся васъ, отъ мене отметається, отметаѣйся же мене отметається пославшаго мя. А Книга о Вѣрѣ толкуеть сими словами: истинно есть, ибо кто слушаетъ патріарховъ и отъ нихъ посвящаемыхъ и посылаемыхъ, Христа слушаетъ, а кто отметається ихъ, самага Христа отметається той. Такъ мы скажемъ, наиримѣрь, что де въ тогдашнее время патріархи были лучше, а нынѣ де они испортились, такъ Богъ вѣсть, кажется они не токмо въ то время, когда книга о Вѣрѣ напечатана въ Москвѣ, но и прежде того всѣ четыре патріарха, кромѣ Россійскаго, крестились тремя персты. Если бы сіе была великая ересь, то на что жъ бы ихъ называть тогда благочестивыми, да и патріархъ нашъ Іосифъ, при которомъ книга о Вѣрѣ напечатана, для чего жъ въ то время съ ними былъ согласенъ, и отъ нихъ яко отъ еретиковъ не отдирался, да та жъ книга о Вѣрѣ на листу 59-мъ въ подтвержденіе говоритъ: апостольскіе воспріемницы, пастыри и учителя, архієпископы и епископы сопробывати имуть даже до скончанія вѣка. Такъ что же намъ на сіе сказать, не знаю. А св. апостолъ Павелъ въ посланіи ко Евреемъ въ главѣ 13 пишетъ: повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь имъ. Сіи слова, сами изволите знать, Златоустъ святой въ Бесѣдахъ толкуеть очень пространно, какъ подлежить намъ повиноваться церковнымъ властямъ, тако жъ къ Тимоѣю въ посланіи 2 Нравоуч.: 2 и къ Коринѣяномъ въ посланіи въ 1-мъ въ Бесѣдѣ 8, тако жъ въ посланіи къ Ефесеомъ въ Нравоученіи 11-мъ на отдирающихъ себя отъ церкви: и мученическая кровь не можетъ загладити сей грѣхъ. Кто тамъ со вниманіемъ прочитаетъ, тотъ увидитъ, что и недостойными священниками дѣйствуетъ благодать Святаго Духа, о томъ же въ Благовѣстникѣ во главѣ 20-й, въ зачалѣ 65, въ Номоканонѣ тако же, и въ прочихъ многихъ мѣстахъ тоже доказываетъ, что и недостойными іереи дѣйствуетъ благодать. Такъ кажется имѣвъ такихъ достовѣрныхъ свидѣтелей, для чего жъ не слушать намъ, и не покоряться церковнымъ пастырямъ, а что они живутъ гордо и пространно и постовъ не наблюдаютъ, о томъ, Государь мой, извольте разсудить: они ли одни такъ живутъ, но и вси мы уже въ такихъ слабостяхъ находимся. Такъ намъ кажется, не можно ли то заключать—конечно то уже время пришло, о которомъ намъ божественное писаніе во многихъ мѣстѣхъ предъявило, что же дѣлать, видно, что сего уже никто превратить кромѣ Бога не можетъ. А кто хоцетъ себя Богу угоднымъ показать, тому кажется надлежитъ болѣе божественное писаніе читать и заповѣди Божія исполнять,

тайны вся церковныя принимать и церковнымъ учителямъ повиноваться. Такъ кажется тому не можно о своемъ спасеніи сомнѣваться. Такъ мы еще говоримъ, какъ де имъ повиноваться, они де оставили двоеперстное сложеніе, и проклятію предали, а вмѣсто де того сдѣлали троекратное и на просфорахъ крестъ двоичастный, и служеніе вмѣсто семи на пяти, и прочее; такъ кажется, то думается, уже ли такое маленькое дѣло преодолѣть можетъ благость и обѣщаніе Божіе. Во многихъ мѣстахъ намъ божественное писаніе ясно доказываетъ, что іерейство Христово имать пребывать до скончанія вѣка. И абіе въ Кирилловой книгѣ на л. 77-мъ до листа 79 ясно доказывается, что оному надлежитъ быть вѣчному, а не временному. Вѣдаю, что вы сіе давно знаете, однако, Государь мой, извольте еще тожъ въ подтвержденіе прочитатъ со вниманіемъ, тако жъ и въ книгѣ о Вѣрѣ подобное тому на листу 59, да еще въ той же книгѣ о Вѣрѣ въ главѣ 23 на листу 215 на оборотѣ напечатано евангельское слово отъ Матеея: тогда сущіи во Іудей да бѣжать на горы. На сіе Златоустъ святой толкуетъ, какимъ образомъ въ нынѣшнее послѣднее время сыскать намъ истинную церковь. Онъ говоритъ, что въ нынѣшнее время надлежитъ болѣе прибѣгать къ писанію и сыскивать отъ писанія; а если на ино что взирать будемъ кромѣ писанія, то соблазнимся и погибнемъ. Извольте и о семъ тамъ, хотя вы и давно знаете оное, однако со вниманіемъ прочитатъ, и протолкуйте, и намъ изъ своего разсужденія частицу преподайте. Кажется невѣроятно, что для такой малой перемѣны, то есть перстнаго сложенія и прочаго, да и оное жъ не простыми, но властію церковною учиненное, будто уже и благость Божія совсѣмъ въ церквахъ дѣйствовать не будетъ. Для чего жъ прежде-то она дѣйствовала? Апостольскія правила или преданія всѣ ли церковь до Никона патріарха содержала? Такъ не вся, напримѣръ, литургія уставлена была отъ апостолъ, а послѣ церковь перемѣнила и сократила литургію; служили прежде на уши литургію; а церковь перемѣнила, сдѣлали не на уши; Христа писали на иконахъ во образъ агнца, а послѣ церковь перемѣнила; епископамъ прежде повелѣно было женъ своихъ не отпущать подъ изверженіемъ, а послѣ церковь опредѣлила не такъ, но велѣла епископамъ женъ своихъ отпущать, а если не отпустить, таковаго извращенія повелѣваетъ; апостоли написали пять дней дѣлать въ недѣлѣ, а въ субботу и въ недѣлю не дѣлать, но праздновати, а церковь опредѣлила сими словесы: яко не подобаетъ христіаномъ жидовски творити, въ субботу праздновати, но дѣлать въ той день, недѣлю же прежде чтуще правиломъ могутъ праздновати аки христіане, аще ли обрящутся жидовствующе, да бу-

дуть прокляти. Кажется по нашему простому разсудить, кто бы могъ апостольскія преданія перемѣнить и совсѣмъ отвергнуть. Такъ и видимъ мы, какая власть церкви дана. Она можетъ и апостольскія преданія усмотря къ лучшему перемѣнять. Да еще апостоли въ 69-мъ своемъ правилѣ повелѣваютъ: еще который епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или поддіаконъ, или чтець, или пѣвецъ въ 40 дней, сирѣчь въ великій постъ, не постится, и во все лѣто во всякія среды и пятки, да изверженъ будетъ, еще ли мірскій чловѣкъ, да отлучится, — а мы для чего жъ эту недѣлю когда начинается тріодъ и по пятидесятницѣ и въ 12 дней между Рождествомъ и Богоявленіемъ въ среду и пятокъ не постимся, но ядимъ мясо и прочее? Такъ мы и скажемъ, что церковь де такъ опредѣлила, чтобъ намъ не имѣть сообщенія съ Армяны и съ прочими еретики. А кажется по нашему простому разуму, можно бы и кромѣ того со Армяны сообщенія не имѣть, и апостольское повелѣніе кажется не подобно бы преступать, ибо св. апостолъ Павелъ къ Галатамъ въ зачалѣ 199-мъ пишетъ: но и еще мы, или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѰема да будетъ. Яко же предрекохомъ, и нынѣ паки глаголю, еще кто вамъ благовѣститъ паче еже пріясте, анаѰема да будетъ. Такъ кажется, кто бы смѣлъ апостольское и съ клятвою запечатлѣнное преданіе перемѣнить. Такъ мы и скажемъ: это де церковь, и ей дана власть, она де не для того перемѣнила, чтобъ апостоловъ и вселенскихъ соборовъ не слушать, но сдѣлала для того, чтобы съ Армяны и съ прочими не сдѣлать сообщенія. Вѣдь и нынѣшняя церковь сдѣлала перемѣну въ сложеніи перстовъ для того жъ, а не съ тѣмъ, чтобъ не покоряться апостоламъ или вселенскимъ соборомъ, да сіе и преданіе во вселенскихъ соборахъ не видно. Да если бы нынѣшняя церковь такимъ образомъ апостольскія правила перемѣнила, то бы наша братья не только ихъ еретиками, но и самымъ антихристомъ назвала. Для чего жъ въ тогдашнее время христіане отъ церкви не отдирались, но вмѣсто того во всемъ повиновались. Да мало ли есть такихъ примѣровъ, и самого Христа повелѣнія церкви перемѣняла: на примѣръ, онъ изволилъ на тайной вечерѣ апостоламъ преподать хлѣбъ въ руки, и сказалъ: пріимите и ядите сіе есть тѣло мое, — а послѣ церковь перемѣнила и опредѣлила давать во уста яжицею, — такъ кажется какъ смѣть такую великую и страшную, думаю не меньше сложенія перстовъ, вещь перемѣнить; однако видно, что имѣли власть перемѣнить; да какъ перемѣняла! — съ такою властію, что тѣхъ, кому послѣдовать не будутъ, такъ же и проклятію предавала. По-

добно и св. апостоля Павель говорить о снѣдохъ въ посланіи къ Римлянамъ въ гл. 14, къ Тимоѳею во гл. 4 въ зачалѣ 285, къ Титу въ гл. 1-й, всякую вещь для употребленія называетъ чистою, и нѣтъ на свѣтѣ нечистаго ничего, и если кто разбираетъ, и не все въ пищу употребляетъ, и иное называетъ чистымъ, а другое нечистымъ, онъ тѣхъ именуетъ не совсѣмъ вѣрными, а кто на все дерзаетъ, того считаетъ за совершенно вѣрнаго. На что въ Бесѣдахъ и Златоустъ святой на тѣ мѣста своимъ толкованіемъ ясно изъяснилъ, что всякая вещь чиста, и въ пищу употреблять можно, и кто подлинный христіанинъ, тотъ на все дерзаетъ, а кто разбираетъ чистое съ нечистымъ, тотъ не совсѣмъ вѣренъ въ христіанствѣ. А нынѣ для чего жъ мы разбираемъ: иное называемъ чистымъ, а другаго яко нечистаго гнушаемся? Такъ мы на то и скажемъ не иное что, какъ только церковь де такъ послѣ опредѣлила. Такъ вотъ мы и видимъ, какая церкви-то дана власть. Такъ кажется, о чемъ же сомнѣваться, что сложеніе перстовъ перемѣнили: вѣдь она тою же властію, которою и тогда дѣйствовала. Мы говоримъ на новыя книги, что сами съ собою много не согласуютъ, тако посмотримъ мы и въ старыхъ подобное тому сыщется: напримѣръ, въ Большомъ Потребникѣ, въ Номоканонѣ напечатано сими словеса, такъ: и братотворенія да не твориши, законопреступна бо суть сія. Тако жъ сдѣлано было поповское погребеніе, а послѣ отставлено и названо еретическимъ, а напослѣдокъ паки велѣно его же въ дѣйство употреблять, а о прочихъ многихъ перемѣнахъ можно видѣть въ Пращицѣ довольно число, кто хочетъ оное пространно знать, тому надобно тамъ со вниманіемъ прочитатъ. Кажется, если бы сихъ вышеозначенныхъ вещей, хотя и одно что ни есть, сложеніе перстовъ, или что бы ни было, перемѣнилъ какой бы ни есть епископъ, а патриархъ бы и прочіе всѣ епископы ему въ томъ запрещали, который бы въ томъ всѣмъ сдѣлался всѣмъ противнымъ и по многому бо увѣщанію не покорился, то бы казалось хотя и невеликая вещь была бы сочтена за его непокорство церкви, за ересь; а троеперстное сложеніе не одинъ какой ни есть епископъ, но всѣ патриархи и всего свѣта епископы сдѣлали согласно. Кажется нельзя думать, будто бы троеперстное сложеніе такая великая была ересь и Богу противность, чтобы преодолѣть могли благость Божію. Кажется мы нигдѣ отъ вселенскихъ учителей не видимъ о семъ, чтобъ за одно триперстное сложеніе обѣщаніе Христово о вѣчномъ его священствѣ могло уничтожиться, а чтобъ оному быть вѣчному, на то уже ясное доказательство есть, о чемъ вышеозначено. Тако жъ и безъ архіереевъ христіанству быть невозможно, что уже во многихъ правилахъ видѣти

есть, какъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, такъ и въ прочихъ, да и кромѣ соборовъ многіе святыя, а паче Діонисій Ареопагитскій, бывшій ученикъ св. апостола Павла, въ 3 книгѣ пишетъ сиче: сущее прочее убо божественный священноначальникъ чинъ, первый убо есть боговидныхъ чиновъ, крайній же и послѣдній паки той, ибо в той паки скончаваается и совершаается, всяко у насъ священноначалія удобреніе, яко же всяко зримъ священноначалія скончаваемо, сиче каждо въ своего божественнаго священноначальника, священноначальническаго же чина сила во вся виѣщается священнаго вселитвія, и всѣми священными чинми дѣйствуетъ. Ниже въ толкованіи сиче: знаменная и освятити и совершити муро нѣсть презвитера, по ни жертвенника совершити, да принесетъ на немъ, ниже хиротонисати. Ся бо вся единъ священноначальникъ сотворити имѣтъ, ихъ же кромѣ священникъ ниже креститъ, ниже принесетъ, но въ предсовершенныхъ отъ епископа священнодѣйствуетъ. Тако жъ и Симеонъ Фессалонитскій въ главѣ 75, 76 и 77, ибо кромѣ архіерея ниже жертвенникъ, ниже священникъ, ни хиротонія, ниже муро святое, ниже крещеніе, ниже убо христіане тѣмже чрезъ его истинное христіанство и вся тайны Христовы чрезъ его. Доздѣ Діонисій и Симеонъ. Не годится ли въ примѣръ нынѣшнихъ нашихъ обстоятельствъ привести древнюю Соломонову церковь, ибо въ ней всѣ обряды основаны были чрезъ Моисея изъ устъ Божіихъ данныя, такъ кажется ежели бъ оныя кто дерзнулъ истлѣть, то уже по нашему разумѣ мнится въ такой разтѣнной церкви, гдѣ бы уже Духу Святому дѣйствовать, однако, наконецъ, во оной церкви предъявляетъ намъ Благовѣстникъ въ Евангелистѣ Іоаннѣ въ зачалѣ 4-мъ, въ толкованіи сими словесы: со ииѣми убо всѣми и архіерейство санъ у Іудей истлѣся, отнележе по мздѣ быша власти и тому не вся лѣта живота, но по единому лѣта архіерействоваху каждо. Но убо и тако разтленну святительства чину, обаче и еще приходяше Духъ Святый въ помазанныхъ дѣйствуя, и прежде того и самъ святитель Христосъ оную называлъ храмъ мой храмъ молитвы, вы же сдѣласте его вертепъ разбойникомъ и изгна продающія и купующія въ ней, однако въ ней благодать Святаго Духа и послѣ сего названія, какъ выше сказано, дѣйствовала, такъ кажется и намъ о чемъ же сомнѣваться и о нынѣшней церкви, въдъ той же Богъ и нынѣ, и той же Духъ Святый, и таже благодать дѣйствуетъ, которая и тогда дѣйствовала, да еще о нынѣшней церкви никто не можетъ сказать, со всѣми обряды и санъ архіерейства разтлѣся, или бы кто отважился назвать вертепомъ разбойничимъ. Пожалуй, Государь мой, потолкуйте о семъ, служить ли сіе въ примѣръ

нынѣшнихъ нашихъ обстоятельствъ, или не служить. Просимъ вашего разсужденія и намъ къ знанію сообщить, за что васъ будемъ много благодарить, и за васъ Бога молить. Подобно и о книжникахъ и фарисеяхъ въ Благовѣстникѣ на евангелиста Матѳея въ зачатѣ 93 написано: «Тогда Іс глагола къ народомъ и ученикомъ своимъ, глагола: на Мойсеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисеи: Вся убо елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите: по дѣломъ же ихъ не творите: глаголютъ бо, и не творятъ. А они уже были неисцѣльно недугующими, то есть необратными въ злобѣ, такъ кажется по нашему для чего бы такихъ неисцѣльно недугующихъ, притомъ же и лукавыхъ лицемѣровъ слушать, однако хотя они были и такіе, только онъ велѣлъ ихъ слушать. А что я выше часто о троеперстномъ сложеніи упоминалъ, не прогнѣвайтесь и не подумайте, будто бы я разсудилъ объ ономъ и для того часто упоминать, чтобъ оное яко бы почитая, но за тѣмъ, дабы для такого малаго дѣла и всей церкви намъ не потерять. Кажется и то въ разсужденіе приходитъ: нынѣшняя Россійская церковь исповѣдуетъ Святую Троицу, исповѣдуетъ и воплощеніе Сына Божія, нашего ради спасенія бывшаго на земли во двою естеству, Бога совершенна и челоуѣка совершенна. Такъ же въ самую сходственность, какъ и прежняя церковь разсуждала оное таинство изобразить перстома, и тако тѣмъ изображеніемъ знаменоватъ на себѣ крестъ, а нынѣшняя церковь разсудила то же, а не иное таинство изобразить другими перстома. Въдѣ у нихъ нѣтъ въ сложеніи перстовъ другаго разумѣнія въ противность святымъ апостоламъ и богословіи о святей Троицѣ, но все то же, только что не тѣми перстами изображается. Такъ ужели церковь ѱ въ такомъ кажется небольшемъ дѣлѣ власти не имѣеть? Для чего же она прежде имѣла власть не только въ такомъ небольшемъ дѣлѣ, но и во всѣхъ обрядахъ? Такъ кажется сіе стоило того, чтобы за такое малое дѣло уже и вся церковь рушилась и таинства всѣ совершаться не могли. То пускай же докажетъ кто отъ писанія, а не отъ своего смышленія, ибо святой Златоустъ въ нынѣшнее время, какъ выше сказано, велитъ намъ утверждаться на одномъ писаніи, а если на ино что взирать будемъ, то соблазнимся и погибнемъ.

Извоили вы писать о Иванѣ Ивановичѣ, гдѣ онъ и какъ разсуждаетъ? Мнѣ онъ не знакомъ, онъ жилъ въ Боровскѣ, а былъ въ согласіи поповщины, а послѣ нѣсколько времени жилъ, сказываютъ, въ Москвѣ, и отъ тѣхъ кои находятся въ согласіи безпоповщины, Илію Алексѣевымъ съ товарищи, былъ склоненъ къ ихъ согласію,

и хотѣлъ уже отъ нихъ и перекреститься, но тамошнимъ нѣкоторымъ Николаемъ паки уговоренъ, и послѣ того былъ нѣсколько времени въ Боровскѣ, а нынѣ, сказываютъ, паки въ Москвѣ. И тотъ Николай находится въ согласіи поповщины и сказываютъ весьма въ разсужденіяхъ разуменъ; а нынѣ и онъ о тѣхъ полахъ, кои не имѣютъ на себѣ архіерейскаго благословенія, сомнѣвается.

И тако желая вашей чести всякаго благополучія и паче душевнаго спасенія, и ожидая отъ вашей честности наставленія, остаюсь при нижайшемъ поклоненіи

Вашъ милостиваго Государя

всегда покорнѣйшій рабъ Терентій Волосковъ.

Марта 7 дня 1772 года.

Ржевѣ Володимировѣ.

Милостивый Государь мой

Терентій Ивановичъ!

Сего февраля 6 дня присланное ко мнѣ ваше писаніе я получилъ, въ коемъ между прочимъ написано: граждане ваши, имѣющіе сомнительство о Грекороссійской церкви, разсуждаютъ, что создатель де нашъ Господь Богъ благоволилъ опредѣлить въ церкви тремъ чинамъ безкровную жертву приносить до скончанія вѣка: епископу, іерею и діакону; кое опредѣленіе у св. Луки евангелиста въ зачалѣ 95 написано, и въ книгѣ о Вѣрѣ на 59 листу, и въ Кирилловой на 77, 78 и 79 листахъ; и что іереи безъ благословенія епископа ничего дѣйствовать не могутъ; о томъ многіе де святыхъ соборовъ имѣются правила, да и въ книгѣ де Симеона Фессалонитскаго въ главахъ 75, 76 и 77 и Діонисія Ареопагита о священноначаліи тоже доказывается, что безъ епископа церковныя тайны совершатся не могутъ. Притомъ же просите къ вышеозначенному приличныхъ приполнить правилъ, и колико въ Москвѣ изъ сумнительныхъ къ православнои церкви присоединилось людей; которое вашей любви писаніе прочетши я радуюсь и благодарю создателя всѣхъ Бога о вліяніи вамъ ревностнаго духа, коснувшася истинныхъ вашихъ сердець, коимъ вы приискиваете средства, безъ него же спастися невозможно, то есть соединенія Христовой соборной и апостольской православной церкви, котораго по упованію можете и получить, понеже чловѣку, когда откроются разумныя очи, который потомъ слѣпымъ быть не за-

хочетъ, ибо оныя ему пребывать въ невѣдѣніи и на удачу послѣдовать слѣпо не допустятъ, якоже и у васъ изъ сего письма самое то видится днесь христіанскія души, и во упорѣ своихъ волю пребывать не желающія и не во опредѣленное намъ и въ невозможное дѣло самозванцемъ поправлять Божию церковь не дерзающія, но съ вашею любовію ищущія неуклонно слушать великаго и высокопастырскаго онаго гласа: слушай васъ, то есть апостоловъ и епископовъ православныхъ, мене и пославшаго мя слушаетъ. И на сіе ваше требованіе вознамѣреваюсъ вамъ, что могу описатьъ, но мною, умудряющу васъ Духу Святому, о чемъ не буду вамъ писать, уже вамъ и безъ меня извѣстно: ибо вышеупомянутое ваше свидѣтельство Грекороссійскую церковь показываетъ быти православною, коей безопасно и вѣрять надлежитъ, а не принимать намѣренія, якоже ветхозаконницы Іудей и самаго Сына Божія и дѣйствующаго во Христовыхъ апостолахъ параклита отвергшеся и пѣнство быти мнѣша, кажется и причина оправдающая ихъ, понеже вѣровать во Отца и Сына и Святаго Духа, какъ Спаситель нашъ ихъ училъ, они и не должны по Моисееву закону, но однако за ихъ непокореніе объявлено имъ осужденіе сице: аще кто вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не имѣтъ вѣры осужденъ будетъ. И сей увелъ прочетши мы, отдѣлившеся отъ Грекороссійской православной церкви, чѣмъ думаемъ себя оправдать, понеже вѣдь въ ней имѣется и нынѣ вѣра въ Бога, по новоисправнымъ и старопечатнымъ московскимъ книгамъ, едина и та же евангельская; а чиновные обычаи прежде патріарха Никона были убавляемы и прибавляемы, и не одно сто ихъ указать можно, а однако сыны церковные за то отъ церкви отдѣляться не дерзнули. Намъ же вѣрнымъ православнымъ душамъ, какъ при апостолахъ Христовыхъ, такъ и нынѣ, надлежитъ со смиреніемъ пленять свой разумъ въ послушаніе вѣры и покоряться истиннымъ посланникамъ, кои опредѣлены сошедшимъ съ небесъ Сыномъ Божиимъ, глаголавшимъ сице: якоже посла мя Отець и азъ посылаю вы, и сіе рекъ дуну и глагола имъ: пріимите духъ святъ, имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имъ же держите, держатся имъ. А потомъ и къ намъ послушателемъ Спаситель нашъ обратилъ свой глаголъ, сице рекъ: слушай васъ, т. е. апостоловъ и православныхъ епископовъ, мене слушаетъ, и прочая. И такъ уже намъ извѣстно, что Спаситель нашъ кромѣ пастырей держать и отпускать грѣхи самозванцемъ мужикамъ, инокамъ и іереомъ власти не преподалъ, ибо Христова церковь издревле и доднесь единаковъ имѣетъ обычай, что вся свои уды церковнаго Христова тѣла

содержитъ во единствѣ, разнаго же званія толковъ и между себя противныхъ, изъ простыхъ мужей собранныхъ, и іереемъ и самымъ епископамъ въ такомъ бесполезномъ раздѣленіи пребывать отнюдь не допускаетъ, аще бы они были и православны. И разумѣемъ быти ей отъ начала Евангельской проповѣди и понынѣ единогласной, а именно въ соблюденіи десяти Божіихъ заповѣдей, во исповѣданіи во Отца и Сына и Святаго Духа вѣры, въ воплощеніи Сына Божія въ дву естеству, во единой ипостаси Христовой, въ первородномъ грѣсѣ, въ безкровной оларной жертвѣ, въ почитаніи евангелія и креста Христова и Госпожи Дѣвы Богородицы, и святыхъ со Христомъ царствующихъ, въ почитаніи святыхъ мощей, и святыхъ иконъ, въ твореніи молитвъ, милостынь и жертвы о вѣрныхъ въ мірѣ и соединеніи преставльшихся, въ разсужденіи отъ Христа быти данную церкви власть уставляти законы, имъ же повиноваться должны вси вѣрніи православные христіане, каковъ есть законъ о постѣ и воздержаніи въ нѣкое время отъ мясъ и прочая, въ пріятіи богодухновеннаго писанія, во исповѣданіи быти едину водимую каѳолическую, высочайшаго и непогрѣшительнаго во опредѣленіи вещей къ вѣрѣ надлежащихъ судію, церковь, и безъ тоя соединенія къ наслѣдію вѣчнаго живота ни едина есть спасенія надежда и причина.

А противницы ея ни за приказаніе Божіе, ни за апостольское, ни за приказаніе вселенскихъ соборовъ, но за преложеніе церковныхъ чиновъ, безъ суда законнаго отдѣлившись отъ православныхъ Христовы церкви и не точію не имѣютъ на Грекороссійскую православную Христову церковь слѣдующихъ отдѣленію ихъ, но ниже ихъ обществомъ составленныхъ правилъ, хотя бы они были и совѣщитщетны правила ихъ, однако и таковыхъ отнюдь не докажутъ. въ коемъ бы мѣстѣ, лѣто, мѣсяцъ и число было, и кто именно таковыхъ правилъ опредѣленіе скрѣпилъ, и нынѣ оное у коего согласія ихъ имѣется, всего отнюдь нѣсть и не бывало, но скитаются и не знаютъ бѣдныя своему разуму гдѣ главу подклонити.

И еслибы памятовали какія самозванцемъ отъ Бога учинены грозныя казни, конечно бы многіе упорство перемѣнили на послушаніе, какъ видимъ въ книгѣ Числъ, въ главѣ 16, за роптаніе и непокореніе пастыремъ Корреа, Авирона и Даѳана, дома и скоты ихъ и елика быша ихъ, земля пожре, и снидоша живи во адъ, тамо жъ 250 начальниковъ сонма сыновъ Израильскихъ огнемъ пожжено; тамо же четырнадцать тысячъ сыновъ Израилевыхъ Господь Богъ праведнымъ гнѣвомъ своимъ истребилъ; еще въ книгѣ 2 Царствъ въ главѣ 6, Оза за прикосновеніе кивота Господня паде мертвъ; Юда

галилеянинъ за самомнѣнное дѣйствіе и съ его согласниками мечемъ истреблены, еще въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ въ зачалѣ 42, сынове Скеовы за самозванничество отъ духа нечистаго казнены.

И аще бы помнили каждый свое званіе, то не подумали бы вопросами бесполезными тревожить мать нашу, церковь Христову: на что ты, мать наша церковь, чины церковные не бывшіе вновь или вмѣсто бывшихъ инныя устрояешь, — да еще и того горше, когда устроенныя отъ нея чины кія либо узримъ не по нашему смыслу, не покоряемся ей, и не проникаемъ, что она́ не должна подъ игомъ нашихъ воль пребывати, что мы ей не пастыри.

Но упористое упрямство вопіеть: въ Римѣ де со архипастырями церковь однако въ непокоренїи, то и мы не погрѣшаемъ. Отвѣтствую, правда для того не погрѣшаемъ, что имѣемъ на то оправдающія церковныя правила, а на Россійскую церковь, какъ и выше сказано, не только законныхъ архипастырскихъ, но ниже ими самозванцами опредѣленныхъ правилъ не имѣется, того для и упоминать Римскую церковь не для чего, ибо она по опредѣленію церкви православной отъ лѣта 1054 числится еретическая.

Въ Москвѣ изъ записныхъ изъ Тверской, изъ Преображенска, изъ Семеновска, изъ Покровска, изъ Рогожской, изъ Каменщиковъ, изъ Таганки, изъ Кожевниковъ, съ Болота, изподъ-Новодѣвичья и изъ другихъ мѣсть разныхъ толковъ многое число къ православной церкви обратилось людей, и о семъ милость ваша благоволить быть извѣстна.

Вашей любви нижайше братски кланяюся

Тимоей Ѳеодоровъ сынъ Болховитовъ.

Февраля . . . дня.
1772 года.

В О П Р О С Ы

Терентія Волоскова къ Андрїяну Морозову.

1. Егда Спаситель нашъ Господь Ісусъ Христосъ отходилъ на небеса, кому вручилъ люди своя новаго Ізраїля пасти, епископамъ или священникамъ, и нынѣ по тому ли же образу снабдѣвають чада Евангельская или по иному?

2. Въ церкви Христовой якоже въ нѣкоей гостинницѣ или вра-

чебницѣ, кто врачевскую хитрость и художество отъ Христа воспріялъ чрезъ данные сребреники, сирѣчь Ветхій и Новый Завѣтъ, и нынѣ имѣеть ли церковь христіанская воспреемниковъ обоего Завѣта, и дѣеть ли кто куплю по первому преданію отъ Христа, или уже той купли не содержатъ, и отъ котораго времени и доколѣ, покажи явственно?

3. Есть ли гдѣ въ божественномъ и святомъ писаніи предопредѣленіе Божіе, что церковь святая въ послѣднія времена будетъ скудствовать чиновъ архіерейскихъ, и аще есть, гдѣ о томъ писано и кто о семъ предъизвѣстилъ?

4. Можетъ ли церковь быти безъ епископа, и аще можетъ, въ koliko и въ каково время. во отсутствіи ли временемъ, или аще и безвѣстія постигаеть, церковь же въ себѣ нужды никоея же не впускаеть, покажи отъ святаго писанія?

5. Наше нынѣ іерейство, не имѣющее главнаго члена себѣ присутствующаго, почему можетъ именоваться Христово, понеже не по первому образу имѣеть въ себѣ форму; подобнымъ бо подобное изобразуется, аще же образъ не супць по первому образу, въ пустошь и образъ именуется, яко же глаголетъ Іоаннъ Ексархъ, и вы како о семъ разумѣете?

6. Подобаеть іерейству Христову быти по образу Святыя Троицы, якоже глаголетъ Великій Діонисій, да и самъ Христосъ чрезъ десятицу совершеннаго чина церковнаго состояніе назнаменалъ, нынѣ же совершенства Христову іерейству ищемъ и обрѣсти не можемъ, какъ можемъ хвалитися, яко бы вѣчность священства имѣемъ, а главнаго животворящаго вся члены чина у себя не содержимъ, — не безчествуемъ ли мы паче, нежели восхваляемъ данное въ вѣчность іерейство Христово во образъ Святыя Троицы, мы же хвалимся двоичею, а прикрываемъ именемъ Троицы?

7. Кому Христосъ Богъ нашъ вручилъ ключъ царствія своего, и еже бы небо отворяти и затворяти, благословляти и проклинати, вязати и рѣшити впадающія въ грѣхи, и сей данный ключъ церковь православная будетъ ли свойственнѣ имѣть до скончанія вѣка, и кто нынѣ тѣмъ ключемъ владѣеть, архіереи или іереи, и аще архіереи, поставъ въ лице держателя, аще іереи, чрезъ посредіе ли нѣкоего епископа власть сію стяжали, или безъ посредства отъ самого Христа воспріяли, покажи все подробну отъ содержащагося обычая восточныя каеодическія церкви даже до лѣтъ отпаденія?

8. Приходящіе іереи отъ Всероссійскія церкви по коему чину

должны въ церковь православную вступати, пріемы цопъ крещеніе и муропомазаніе и хиротонію отъ неправославныхъ лицъ, чѣмъ отсутствующую благодать духовную можетъ получить въ церкви православныхъ, и чрезъ каковыя производства и чиновная содержанія, понеже онъ во всѣхъ трехъ тайнахъ еще печати дара духовнаго сподобитися лишентъ, а послѣдовательно ему пріимать дары духовныя тревиднымъ исправленіемъ, а у насъ подателей даровъ тѣхъ не обрѣтается, наипаче что дѣйствующую благодать на хиротоніи единъ дарствуетъ епископъ, его же лишившись будетъ іерей еще по таинству хиротоніи, яко тѣло виодообразно внѣ одушевленія, како можетъ живо-податель быти, еще самъ духа живости въ себѣ не имѣя, — прошу о семъ разрѣшите и недоумѣніе наше разсудити кромѣ силлогистическаго вымышленія, но отъ освященнаго узаконенія?

9. Вы исповѣдаете ли въ тайнѣ крещенія у еретиковъ и раскольниковъ переходити Духу Святому и сынотворенія даръ подавати, или ни, или токмо водою тѣ крестилися, которые у еретиковъ не совершилися?

V.

ДНЕВНИКЪ,*

1763 годъ.

1763 августа 29 дня говорилъ Ея Императорскому Величеству рѣчь пристойную вступленію въ должность свою. Потомъ Его Высочеству говорилъ рѣчь предъ начатіемъ ученія, по окончаніи которой изволилъ Его Высочество читать евангельскую притчу о сѣяніи, которая мною изъясняема была. И какъ я спросилъ Его Высочество, что всякое ли сѣмя приходитъ съ плодомъ, изволилъ отвѣчать, что которое, де, пало на камень, тому какъ быть съ плодомъ: ибо, де, тутъ

* Ведень іеромонахомъ (впослѣд. Митрополитъ Московскій) Платономъ въ бытность его законоучителемъ В. К. Павла Петровича, съ 24 Авг. 1763 по 8 Сентября 1765 г. Издается нами по автографу. Сл. С. Порошина Записки служащія къ исторіи Государя Павла Петровича Спб. 1844.—Тетрадь изъ записокъ С. А. Порошина изд. въ Русскомъ Архивѣ, 1869.—И. М. Снегирева жизнь московскаго митрополита Платона, изд. 2-е (М. 1856) ч. I, стр. 22 — 27.

хорошей земли нѣтъ. Такими и другими благоразумными отвѣтами сія лекція окончалася.

Августа 31 дня, былъ у Его Величества и изъяснялъ притчу о талантахъ, при чемъ изволилъ спросить: что значить талантъ? И какъ я Его Высочество спрашивалъ, что пользы изъ того, еже бы кто получилъ отъ Бога дарованія, а оныя употреблялъ бы во зло, то на всѣ приводимые мною примѣры изволилъ приговаривать: такъ какъ бы въ землю закопалъ. И такъ увѣщавая, чтобъ мы дарованіями Божіими себя и другихъ пользовали, окончалось дѣло.

Сентября 3 дня. Началъ при Божіей помощи изъяснять Его Высочеству законъ надлежащимъ порядкомъ, а именно, натуральными доказывая резонами бытіе Божіе, во первыхъ отъ разсужденія міра сего, въ которомъ какъ въ книгѣ начитываемъ Его создателя и правителя; также отъ разсужденія самого человѣка, которой есть великій свидѣтель Божества. Которое ученіе Его Высочество изволилъ принимать внимательно; а наипаче, что подтверждалъ ни мало не быть сумнительно, что есть Богъ; и тѣхъ, которые бѣ не принимали Бога, называлъ безумными и подобными скотамъ.

Сентября 5 дня. Продолжалъ доказывать бытіе Божіе отъ согласія всѣхъ народовъ, отъ чувства самой совѣсти, отъ врожденной склонности получить крайнее добро, и отъ опасныхъ слѣдствій, ежели бѣ не было Бога. Притомъ Его Высочество изволилъ спросить, что прежде міра было? На что мною было отвѣтствовано, что ничего кромѣ Бога, ибо всѣ вещи заключаются въ мірѣ; а когда міръ сдѣланъ изъ ничего: слѣдуетъ, что прежде міра не было ничего окромѣ Бога, который есть безначаленъ.

Сентября 7 дня. Изъясняемо было Евангеліе отъ Іоанна, зачало 9, при чемъ то примѣчанія было достойно, что когда я началъ объяснять исторію о мѣдномъ Моисеевомъ змѣи, то изволилъ сказать, что я ту исторію въ Библии читалъ и помню; при томъ когда я спрашивалъ, чтобъ за притчина была, что Богъ мѣдную змѣю приказалъ на верху поставить, и уязвленному человѣку на нее смотрѣть, изволилъ отвѣчать: что мнѣ, де, кажется для того, чтобъ и мы, когда бѣ въ какомъ были несчастіи, на небо къ Богу взирали и ожидали отъ Него помощи.

Сентября 8 дня. Началъ Его Высочество читать Евангеліе, и прочелъ первую главу отъ Маттея, которыя изъясненіе за краткостію времени на слѣдующіе дни отнесено.

Сентября 10 дня. Изъясняемо было, какое мы понятіе должны

имѣть, когда слышимъ или сами произносимъ сіе имя, Богъ. Притомъ началъ исчислять Божія свойства, а именно сіи: что Богъ ни отъ кого не зависитъ, начала и конца не имѣть, вѣчный, безсмертный и безконечный. Причемъ то примѣчанія достойно, что когда я спрашивалъ Его Высочество, что онъ тогда воображаетъ, когда слышимъ сіе имя—Богъ, отвѣтствовалъ: воображаю такового, который все видитъ. Также когда я показывалъ, что Богъ безконечный, то извоилъ спрашивать: когда одинъ Богъ безконечный, то какъ же, де, въ ариѳметикѣ исчисленіе называютъ безконечнымъ? На что мною отвѣтствовано было, что исчисленіе ариѳметическое по понятію только нашему кажется безконечное, самыя вещи числимыя имѣютъ свой конецъ въ своемъ раздѣленіи. Но Богъ самую вещь безконеченъ есть.

Сентября 12 дня. Продолжаемо было изъясненіе о протчихъ Божіихъ свойствахъ; а именно что Онъ есть духъ невестественный, пресовершенный, единый, разумный и вся вѣдущій. Причемъ когда спрашивалъ я Его Высочество, что Богъ имѣетъ ли глаза и протчіе члены, отвѣтствовалъ, что не имѣетъ такихъ, какіе имѣемъ мы. А для чего нѣгдѣ пишется, что Богъ имѣетъ глаза и протчая, паки спросилъ я, — для того, что Онъ все видитъ.

Сентября 14 дня. Изъясняема была первая глава благоговѣстія Матѣева. Причемъ, когда я представлялъ резоны, для которыхъ книга Евангелія называется Новый Завѣтъ, извоилъ спросить: для чего, де, Ветхой Завѣтъ отставленъ? На что мною отвѣтствовано, что объ этомъ въ своемъ мѣстѣ будетъ разсужденіе довольное. Притомъ, какъ я спросилъ Его Высочество, для чего Христосъ называется Сынъ Давидовъ и Авраамовъ, когда они его не родили? немедленно отвѣтствовать извоилъ, что онъ ихъ потомокъ.

Сентября 17 дня. Было предложено изъясненіе о протчихъ Божіихъ свойствахъ, именно жъ, о премудрости Божіей, благи и правдѣ. А для свѣтлѣйшаго понятія премудрости Божіей читанъ былъ 103 псаломъ со изъясненіемъ. Причемъ Его Высочество спрашивалъ: что значить еродіево жилище и кедръ ливанскіе? Также, когда, де, Богъ по справедливости грѣшниковъ гнушается, то возможно ли грѣшникамъ милости Божіей ожидать? На что мною отвѣтствовано, что возможно, ежели въ своей винности предъ Богомъ признаются и въ милости Его упованіе положить.

Сентября 19 дня. Докончено толкованіе о протчихъ Божіихъ свойствахъ, какія суть: всемогущество, святость, свобода, присносущная жизнь, блаженство или самодоволіе, и что Онъ есть верховный

Господинъ всѣхъ. При которомъ изъясненіи Великій Князь изволилъ подтверждать, что то самая правда; а наипаче, что когда я сказалъ, что Богъ верховный Господинъ всѣхъ, изволилъ примолвить, что Онъ власть имѣеть и надъ Императорами.

Сентября 21 дня. Читалъ Его Высочество вторую главу отъ Матѳея, которой изъяснено семь стиховъ. Когда начиталъ сіи слова въ Виелеемѣ Юдействѣмъ, то изволилъ спросить: развѣ, де, есть гдѣ другой Виелеемъ? На что мною было отвѣтствовано, что есть въ колѣнѣ Завулоковъ.

Сентября 24 дня. Показывано, какое есть божественныхъ свойствъ въ разсужденіи человѣческаго рода и всего міра дѣйствіе, также что мы изъ разсужденія о нихъ къ своему наставленію вывести можемъ. Причемъ между прочимъ Его Высочество спросилъ, какъ, де, мы называемъ Бога святымъ, и другихъ угодниковъ Божіихъ святыми же; какое между ними есть различіе? На что мною было отвѣтствовано съ показаніемъ различія между святостью Божіею и человѣческою.

Сентября 26 дня. Доказывано, что оный великій Богъ сотворилъ міръ и вся яже въ немъ, слѣдовательно, что ни одной вещи нѣтъ, которая бъ была сама черезъ себя худа; сотворилъ же Онъ изъ ничего, единымъ словомъ своимъ. При семъ какъ я спросилъ Его Высочество: въ какомъ разумѣ написано, что рече Богъ, да будетъ свѣтъ, и прочая, когда Богъ усть и языка не имѣеть? изволилъ не запинаясь сказать, что «сказалъ» тоже что захотѣлъ. Такими и прочими благоразумными отвѣтами время окончалось.

Сентября 28 дня. Окончена изъясненіемъ вторая отъ Матѳея глава, съ пристойнымъ изъ надлежащихъ мѣстъ нравоученіемъ. Когда помянуто о смерти Иродовой, изволилъ сказать: кажется, де, что два были Ирода.

Октября 1 дня. Изъясняемо было, въ какомъ разумѣ принимать надобно оныя слова, которыми утверждаемъ, что Богъ создалъ вся ради славы своей. Причемъ читана была первая глава Бытія о міросозданіи, съ исчисленіемъ дѣлъ произведенныхъ чрезъ пять дней. Когда спросилъ я Его Высочество, для чего земля названа невидимую? изволилъ отвѣчать, что понеже, де, покрыта была тьмою. Притомъ когда я изъяснялъ, что свѣтилъ и звѣздъ между прочимъ тое есть употребленіе, что мореплаватели съ помощію ихъ узнають, въ какой они находятся части свѣта, изволилъ сказать, что кромѣ, де, сего много помогаетъ и компасъ.—*Interfuit lectione Comes Orloff.*

Октября 3 дня. Разбираема была исторія о созданіи челоуѣка и изъясняемо по истиннымъ основаніямъ оное сходство, которое имѣеть челоуѣкъ съ Богомъ, и которое составляетъ образъ и подобіе Божіе, гдѣ то примѣчанія было достойно, что когда я спросилъ Его Высочество, для чего Писаніе, какъ только объявило, что челоуѣкъ созданъ по образу Божію, тотчасъ прибавляетъ: и да обладаетъ землею и проч.,—изволилъ отвѣтствовать: мнѣ, де, кажется для того, что когда челоуѣкъ имѣеть нѣкоторое сходство съ Богомъ, а Богъ владѣеть всѣмъ, такъ надобно, де, челоуѣку какую-нибудь дать власть. Притомъ когда пришла рѣчь, что Богъ позволилъ употреблять въ пищу травы и плоды, то Великій Князь изволилъ сказать: такъ видно, де, что Богъ не позволилъ мяса ѣсть; ибо, де, проливать кровь кажется страшно и съ челоуѣчествомъ несходно: а люди, де, сами себѣ эту ю власть присвоили. Притомъ нѣчто читано было изъ Босюэта.

Октября 5 дня. Читалъ Его Высочество третью главу отъ Матеея, а изъяснено 12 стиховъ. При семъ, на вопросъ, что разумѣть надобно чрезъ приближившееся царствіе небесное, изволилъ отвѣчать, то, что самъ Богъ на землю сошелъ и челоуѣкомъ сталъ. Опять, когда читано было «уготовайте путь Господень», изволилъ говорить, что мнѣ, де, кажется готовить путь, тоже, что не грѣшить, чтобъ Богъ въ насъ вселился. Но и другія были пристойныя разговоры, которыхъ я теперь припомнить не могу.

Октября 8 дня. Показывано, какое превосходство наша душа имѣеть предъ прочими созданіями, и что разумѣть надобно, чрезъ оное дыханіе, которымъ вліяна въ челоуѣка душа. Притомъ объявлено, что душа наша изъ вещества произведена быть не можетъ, и что она не есть частица Божества, но токмо носитъ въ себѣ образъ Божества. А изъ того самаго и доказано, что она должна быть и безсмертна. И какъ ту окончено было то, что надлежало знать о созданіи міра, то когда я спросилъ Его Высочество, что Богъ создавши міръ, оставилъ ли его?—изволилъ говорить: нѣтъ, нѣтъ! этому нельзя стать. По чему я въ слѣдующіе дни обѣщался говорить о промыслѣ Божіи.

Октября 10 дня. Было разсужденіе о Божіемъ промыслѣ, что Богъ созданный отъ себя міръ не оставилъ, но о немъ неуспынное имѣеть попеченіе, сохраняя какъ вещей бытіе, такъ ихъ и силу, и премудро управляетъ, безпрепятственно приводя къ намѣренному отъ себя концу. А наипаче промышляетъ о челоуѣкѣ, чему доказательствомъ наибольшимъ есть его созданіе и искупленіе. По чему,

какое есть въ дѣлахъ человѣческихъ худое, оное происходитъ не отъ Бога, но отъ самаго человѣка. И какъ въ рѣчь пришло, что часто добрые люди бываютъ несчастливы, Его Высочество изволилъ сказать: что несчастіе можетъ служить къ ихъ счастью. Причемъ, какъ я изъяснялъ, что иное счастье есть наружное, иное внутреннее, и что добрые люди хотя нѣкогда лишаются внѣшняго, но не внутренняго, изволилъ сказать: а лучше бѣ было, когда оба сіи счастья соединены были. На что мною отвѣтствовано, что эта правда, но сіе превосходство оставлено для будущей жизни, а здѣсь рѣдко можетъ быть чтобъ внутреннее счастье внѣшними противными приключеніями не было смущаемо. *Atque ita res ad finem perducta est.*

Октября 12 дня. Его Высочество читалъ 4-ю отъ Матеея главу всю, а послѣ сего изъясненіемъ dokonчена была третія глава начавъ съ стиха 13. При семъ изъясненіе Его Высочество очень разумно изволилъ отвѣчать. Ибо, какъ я спросилъ, для чего Богъ при крещеніи Христовомъ такія чудеса сотворилъ, что небеса отверзъ и проч., изволилъ отвѣчать: что многіе, де, фарисеи не вѣрили Христу, такъ чтобъ ихъ увѣрить. Притомъ на вопросъ, для чего Духъ Святой благоволилъ подъ видомъ голубя явиться, — изволилъ сказать, что голубь есть птица самая чистая.

Октября 15 дня. Было разсужденіе о почтеніи, которымъ мы должны Богу, и которое основаніе свое имѣетъ на прежде реченномъ о Богѣ и свойствахъ его разсужденіи. Притомъ изочтены части, изъ которыхъ оное почтеніе состоитъ, а именно, любовь, страхъ, прославленіе имени Его, благодареніе, призываніе на помощь, и исповѣданіе своея бѣдности. Сіе ученіе Его Высочество изволилъ принимать внятно и разумно.

Октября 17 дня. Было ученіе о внѣшнемъ богочтеніи, како есть, поклоненіе, чтеніе молитвъ, слезы и воздыханіе, радость цвѣтущая на лицѣ и хожденіе въ церковь. Притомъ показывано различіе между симъ и внутреннимъ богочтеніемъ, и изъяснено, почто въ Евангеліи долгія молитвы не похваляются. Когда Его Высочество спрошено, можетъ ли внѣшнее богочтеніе быть безъ внутренняго, изволилъ отвѣчать: оно есть лицемѣрное и притворство. Такъ можетъ ли при внутреннемъ и наружное употреблено быть? паки спросилъ я, отвѣтствовала: можно и должно.

Октября 19 дня. Начато было изъяснять четвертую главу отъ Матеея, но недостало времени, которое требовало, чтобъ итти въ церковь къ обѣдни.

Октября 22 дня. Изъясняемо было, что истинное богопочтеніе безъ награжденія остаться не можетъ, а какъ въ сей жизни не всѣ добродѣтельные счастливы бывають, то правда Божія требуетъ иной быть ненарушимой жизни, въ которой награжденіе добрымъ, наказаніе злымъ имѣеть быть несумнительное. При чемъ показано, что жизнь сія есть путь ведущій къ оной нескончаемо. Притомъ Его Высочество спросилъ, какая жъ, де, та молитва, о которой вы говорили, что надобно по утру и вечеру читать? И какъ та молитва у меня была приготовлена, то я вручилъ ее Его Высочеству, — а принявъ ее сказалъ: я, де, ее выучу наизусть.

Октября 24 дня. Было предложено ученіе о несовершенствѣ нашемъ, то есть, что мы почтенія должнаго Богу не можемъ такъ исправить, чтобы со всѣмъ тѣмъ не остались во многомъ предъ Богомъ виноватыми, и что слѣдовательно человекъ не имѣеть столько въ себѣ силъ, чтобы совершенно Богу угодить могъ. Сіе доказано внутреннею войною, какую чувствуетъ всякъ въ себѣ человекъ, второе, всѣми людьми, въ которыхъ всегда примѣчены крайніе недостатки, а наипаче, когда еще не просвѣщены были Евангеліемъ. Послѣ сего я спросилъ Его Высочество: такъ что жъ намъ дѣлать надобно, чтобы достигнуть совершеннаго благоугожденія, дабы въ противномъ случаѣ не подпасть гнѣву Божию?—изволилъ отвѣчать: дѣлать добро надобно. Но какъ я предпріялъ, что никто не можетъ такъ быть добръ, чтобы въ протчемъ не былъ и грѣшенъ, изволилъ сказать: я не знаю. Почему я и обѣщался открыть скоро сію высокую тайну.

Октября 26 дня. Окончена изъясненіемъ 4-я глава. При чемъ, поминая о призваніи апостола Андрея, какъ я сказалъ, что сей Андрей есть тотъ, котораго Ваше Высочество кавалерію носить изволите; то изволилъ спросить: почему, де, сія кавалерія уставлена во имя Андрея? — я на то отвѣчалъ: мнѣ кажется для того, что сей Апостолъ, сказывають, приходилъ въ Россію, и предрекъ въ оной быть православію. Да какъ, де, опять спросилъ: тогда Россіи еще не было? — я говорилъ: что хотя не было Россіи, то есть такой Имперіи, какая нынѣ есть, однако неотмѣнно былъ такой народъ, отъ котораго мы чрезъ многіе народы свое поколѣніе ведемъ. А сверхъ сего читалъ Его Высочество пятую главу и прочелъ 20 стиховъ.

Октября 29 дня. Изъяснены недостатки наши, въ потемнѣніи мысли, въ превращеніи воли, въ слабостяхъ тѣлесныхъ, и во всякихъ обхожденіяхъ общихъ. И какъ я толковалъ, что противъ сла-

богостей человѣческихъ никакіе не могли устоять законы, то Его Высочество изволилъ сказать, что законы, де, хороши, но мы худы. Окончилось сіе ученіе тѣмъ, что вмѣсто образа Божія, по которому чловѣкъ созданъ, наступило крайнее всѣхъ золъ безобразіе. Почему слѣдуетъ показать, какое средство изъ сего избавиться несчастія.

Октября 31 дня. Не было ученія, *ob quemdam morbum, quo correptus erat Serenissimus Princeps.*

Ноября 2 дня. Не было ученія *ob eandem rationem.*

Ноября 5 и 7. *Nulla fuit doctrina ob eandem rationem.*

Ноября 9 дня. *Per tempus non licuit.*

Ноября 12 дня. Было ученіе съ повтореніемъ изъяснительнымъ прежняго; причемъ и то доказано, что съ нашей стороны нѣтъ надежды вытти изъ пропасти несчастія, въ которую насъ грѣхъ ввергнетъ; а только съ стороны Божіе милосердіе Его и любовь безмѣрная наше отчаяніе отгоняетъ. Что какъ мысль наша не можетъ достигнуть, какимъ образомъ благоволитъ Богъ насъ съ собою примирить, то сіе удивительное премудрости Божія изобрѣтеніе открываетъ намъ Божіе слово, о которомъ Божіемъ словѣ отложено говорить до слѣдующаго времени. При семъ ученіи какъ я всячески доказывать тщался, что съ нашей стороны нѣтъ надежды сдѣлать себя Его праведными, — на что Его Высочество изволилъ говорить, что надобно добро дѣлать, или въ худыхъ дѣлахъ каяться. По чему все мое стараніе было доказать, что сіи убѣжища, выключивъ Евангельскую благодать, суть тщетны.

Ноября 14 дня. Изъясняемо было, для чего Священное Писаніе называется Ветхій и Новый Завѣтъ, и что раздѣляется на законъ и Евангеліе. Притомъ исчисленіе было всѣмъ Св. Писанія книгамъ.

Ноября 16 дня. Читана была Евангелія Матѣева пятая глава отъ 13 стиха по 19.

Ноября 19 дня. Изъясняемо было, кто Священнаго Писанія первоначальный писанія есть Авторъ, и кто были онаго орудіемъ; также божественность подтверждена первымъ доказательствомъ, взятымъ изъ исполненія пророчествъ, и для чего нѣсколько пророчествъ прочтено. При семъ, когда я Его Высочество спросилъ: для чего бъ надобно было Авторомъ быть Святому Духу?—изволилъ отвѣчать: вы, де, сказывали, что нашъ умъ слабъ и недостаточенъ; такъ надобно, чтобъ Духъ Святый намъ то отърылъ, чего мы сами не были сильны понять.

Ноября 21 дня. Его Высочество читалъ изъ Евангелія Мат-

еева пятой главы, начиная съ 21 стиха по 42-й; а изъясняемо было съ 19 по 27-й стихъ.

Ноября 23 дня. Изъясненіе было предложено съ 27 стиха по 42 стихъ. Причемъ когда было сказано, что око соблажняющее надобно выколоть и кинуть, Его Высочество изволилъ сказать: я, де, думаю, что не надобно этотъ глазъ выкалывать, которымъ глядимъ, но дурныя склонности.

Октябр'я 26 дня. Продолжено доказывать несумнительную истину Священнаго Писанія согласіемъ всѣхъ между собою книгъ; сходствомъ съ разсужденіемъ здравымъ, удивительнымъ способомъ распространенія вѣры христіанскія, и величествомъ Писанія. Причемъ когда я Его Высочество спросилъ, ясно ли Священное Писаніе? изволилъ отвѣчать, что индѣ ясно, а индѣ темно. А гдѣ же бы было темно, пакъ я спросилъ, изволилъ сказать: тамъ темно, гдѣ тайны написаны.

Ноября 28 дня. Изъяснено, какое содержаніе или сумма всего Священнаго Писанія, и показано, что она есть примиреніе рода человѣческаго съ Богомъ посредствомъ Спасителя, а изъ того заключено, что вѣра, которую содержимъ мы, есть отъ самой вѣчности опредѣленная, и отъ начала міра уставленная.

Ноября 30 дня. *Ob festinum diem lectio Evangelii est intermissa.*

Декабря 3 дня. Доказывано, что оное ученіе и вѣра всѣми пророками предвозвѣщена была, и приведены изъ всѣхъ пророкъ предсказанія о Спасителѣ и флагодати Евангельской, которыя самымъ событіемъ подтверждены.

Декабря 5 дня. Изъясняемо было, что вѣра въ Спасителя нашего преобразована отъ самой древности различными жертвами и обрядами; которое жертвъ приношеніе и самыя язычники употребляли. И какъ я Его Высочество спросилъ, что подвигло язычниковъ за нужное почестъ приносить своимъ богамъ жертвы, — изволилъ сказать, что видно, де, признавались, что они дурны.

Декабря 7 дня. Изъясненіемъ окончена пятая глава отъ Маттея, начавъ съ стиха 42-го.

Ab hoc die ad diem 19-num intermissa fuit lectio, ob quendam, quo Serenissimus Princeps laboravit morbum.

Декабря 19 дня. Разсужденіе происходило, что вѣра чрезъ апостоловъ міру сообщенная благополучивѣйшій имѣла успѣхъ, и какъ я Его Высочество спросилъ, какъ называется общество всѣхъ призванныхъ въ вѣру, изволилъ отвѣчать: церковь. Притомъ показывано

было, что вѣра церкви всегда была одна; но состоянія были различныя, какъ-то отъ Адама до Моисея, отъ Моисея до Христа, а отъ Христа до скончанія вѣка, и что сія вѣра засвидѣтельствована множествомъ мучениковъ.

Декабря 21 дня. Читано Евангеліе изъ Матѳея глава 6, и прочтено пятнадцать стиховъ. Изъясненіе отложено.

Декабря 24 и 25 дня. *Intermissa fuit lectio.*

Декабря 26 дня. Изъясняема была глава шестая отъ Матѳея до стиха 14. Причемъ когда я Его Высочество спросилъ, что Спаситель приказывая, чтобы мы не лишше молилися, не воспрещаетъ ли всякія долгопротяжныя молитвы, — изволилъ сказать: запрещаетъ, ежели кто много читаетъ безъ всякаго чувства; а ежели не такъ, то не запрещаетъ.

Декабря 28 дня. *Fuit lectio intermissa ob brevitatem temporis.*

Декабря 31 дня. Разсуждаемо было о гонителяхъ церкви, какъ о постороннихъ, какіе были язычники, такъ и о домашнихъ, каковы были еретики; и доказываемо, что сіи гонители начались отъ начала міра и будутъ продолжаться до скончанія, чтобъ истребить истину, но она всегда остается торжествующею побѣдительницею. Между тѣмъ когда я объявлялъ о разныхъ сектахъ въ христіанствѣ, какъ-то Римской, Лютеранской и проч., Его Высочество изволилъ сказать, что наша вѣра всѣхъ справедливѣе, ибо, де, она всегда такова же была.

1764 годъ.

Генваря 1 дня. Его Высочество читалъ шестыя главы отъ Матѳея стихъ 14 по 21, а изъясненіе отложено за краткостью времени.

Генваря 2 дня. Объявлено было, что ученіе Церкви Св. Отцы сократили, которое сокращеніе называется Символь вѣры. Послѣ сего Его Высочество читалъ Символь вѣры наизусть.

Генваря 4 дня. Изъясненіе было отъ 14 стиха до конца шестой главы, гдѣ когда разсуждалъ о семь словѣ «аще не отпускаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ» и проч., Его Высочество изволилъ сказать: это сходно съ тѣмъ, что въ молитвѣ написано: остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Такъ же когда я спросилъ Его Высочество: какъ не можно двумъ господамъ работати, — изволилъ сказать: не можно, де, ежели они будутъ не согласны между собою. Притомъ, когда было читано, что Богъ не велѣлъ попеченіе имѣть о пищѣ, о питіи и о протчемъ, изволилъ гово-

рить: мнѣ, де, кажется, что не запрещаетъ Богъ о томъ имѣть попеченіе, но то чтобъ мы не объ одномъ томъ думаемъ.

Генваря 6 дня. *Intermissa fuit lectio ob festum.*

Генваря 7 дня. Начато изъясненіе Символа отъ толкованія вѣры. При чемъ когда дошла рѣчь до тайны Св. Троицы, то спросилъ я Его Высочество, на чемъ мы утверждаемся, когда принимаемъ тайну сію, — изволилъ сказать: на вчерашнемъ праздникѣ; вчера Иисусъ Христосъ во Іорданѣ крестился, Духъ Святой явился какъ голубь, а Богъ съ неба говорилъ: Сынъ мой возлюбленный, etc.

Генваря 9 дня. Изъясненъ первый и второй членъ. Притомъ какъ было разсуждаемо, какъ бы Богъ родилъ Сына, Его Высочество изволилъ сказать: это тайна. Такъ же было протолковано о имени Иисуса, и Христа.

Генваря 11 дня. Изволилъ Его Высочество читать Евангелія Матеева главу седьмую всю; а изъясненіе отложено.

Генваря 14 дня. *Intermissa fuit lectio ob morbum.*

Генваря 16 дня. *Intermissa fuit lectio ob eandem causam.*

Генваря 18 дня. *Intermissa fuit ob idem.*

Генваря 21 дня. Было предлагаемо ученіе о третьемъ членѣ, что Сынъ Божій сошелъ насъ ради человѣкъ и нашего спасенія, гдѣ наипаче показываемо было тое несчастіе, въ которомъ находился человѣческій родъ и изыскиваемо было тому начало и источникъ; слѣдовательно изъяснена была исторія о паденіи человѣка. Какъ начата рѣчь о томъ, сколько человѣкъ сдѣлался худымъ и несчастливымъ, Его Высочество изволилъ сказать: мнѣ, де, памятуется, что мы о томъ уже и прежде говорили.

Генваря 23 дня. Изъясняемо было о воплощеніи Сына Божія, и какимъ образомъ воплотился, что дѣлалъ въ жизнь свою; потомъ что умеръ, и что смерть Его жертва, которою наши грѣхи очищены и очищаются. И какъ изъяснена была вся сила ученія Христова, Его Высочество изволилъ сказать: хотя кратко, да очень изрядно.

Генваря 25 дня. Изъяснена была седьмая глава отъ Матеея. Когда дошло до сихъ словъ: вся елика хотите, да творятъ вамъ человѣцы и протч., Его Высочество изволилъ сказать: это слово сходно съ тѣмъ, что въ молитвѣ читаемъ и остави намъ долги наша, и протч. Такъ же когда помянуто о пространномъ пути, Его Высочество промолвилъ: вить этому не противно ѣздить по широкимъ улицамъ.

Генваря 28 дня. Было разсужденіе о плодахъ смерти Христовой, о исполненіи пророчествъ, о окончаніи обрядовъ и жертвъ, о причинахъ Христова отъ Іудеевъ преданія, о воскресеніи Христовомъ и вознесеніи и о плодахъ ихъ. При чемъ когда полагаема была причиною преданія Христова зависть и злоба фарисейская, Его Высочество изволилъ сказать: да притомъ и обманулись Жиды; они думали, что Христось будетъ богатъ и славенъ, такъ какъ цари, земные. Такъ же Его Высочество спросилъ: гробъ Христовъ стерегли солдаты римскіе, да откуда они взялись? Отвѣтствовано было, что Іудея тогда была подъ властію римскою и управитель римскій былъ Пилать.

Генваря 30 дня. По причинѣ седьмага члена было разсуждаемо о второмъ Христовомъ пришествіи и о возданіи праведныхъ и неправедныхъ. Сіе ученіе столь внимательно Его Высочество слушать изволилъ, что казался быть плачущимъ. Потомъ, когда прочелъ исторію о второмъ пришествіи изъ Евангелія, изволилъ сказать: жалѣю я, что сего ученія до сихъ поръ не зналъ.

Февраля 1 дня. Изволилъ Его Высочество читать осьмую главу всю отъ Матѳея, а изъясненіе отнесено на другой день.

Февраля 2 дня. Было изъясненіе осьмой Матѳеевой главы до стиха 22-го. Когда мною помянуто было, что за Христомъ пошли многіе народы, какъ видно простые, а изъ знатныхъ никто, Его Высочество изволилъ сказать: видно, де, что они много о себѣ думали.

Февраля 4 дня. Изъясненъ былъ осьмой членъ Символа о лицѣ Духа Святаго и о разныхъ Его дарованіяхъ, а наипаче о томъ, что какъ-то Духъ Святой разные способы изобрѣтаетъ для обращенія челоуѣка на путь истины. Когда было разсуждаемо, что жизнь иная есть натуральная, иная духовная; которыя жизни Духъ Святой, яко животворящій, даруетъ, — Его Высочество изволилъ сказать: эти, де, жизни можно вмѣстѣ обѣ имѣть.

Февраля 6 дня. *Ob aliquem casum intermissa fuit doctrina.*

Февраля 8 дня. Докончена изъясненіемъ осьмая глава.

Февраля 11 дня. Было разсужденіе о церкви, что она есть и почему называется едина, соборная и апостольская. Тутъ же и о разныхъ въ христіанствѣ сектахъ. При семъ то примѣчанія было достойно, что какъ по случаю помянуто о причащеніи, Его Высочество изволилъ сказать: что, де, такое, что какъ я причащуся, то мнѣ бываетъ легче и веселѣе? На сіе отвѣтствовано было, что то дѣйствіе есть Божіе, и изъяснено, кто сіе дѣйствіе внутрь себя чувствуетъ.

Февраля 13 дня. Продолжалось разсужденіе о правительствѣ

церковномъ и о должностяхъ церковныхъ пастырей, о власти ключей и о соборахъ вселенскихъ. При разсужденіи о послѣднемъ вселенскомъ соборѣ Его Высочество изволилъ примолвить: кажется, де, въ то же время былъ соборъ собранный отъ Карла великаго, — на что отвѣтствовано, что оный соборъ отъ нашей церкви въ тѣхъ числѣ не полагается.

Февраля 15 дня. *Intermissa fuit lectio, quod per tempus licebat.*

Февраля 18 дня. Было предложено ученіе о преданіяхъ церковныхъ и обрядахъ, что они всѣ церковію древнею приняты или для благопристойности, или для нѣкоторой нравоучительной пользы; и какъ между прочимъ помянуто о знаменіи креста, Его Высочество изволилъ сказать: а наипаче, де, крестятся при опасныхъ случаяхъ; такъ, де, при бывшей переменѣ я примѣтилъ, что всѣ крестились. При томъ помянуто о должностяхъ Государя, какихъ отъ него требуетъ церковь, — Его Высочество захотѣлъ то на бумагѣ записать; а изъясненіе отложено.

Февраля 20 дня. Было изъясненіе должностей, какихъ требуетъ Церковь отъ православнаго Государя. Ученіе сіе Его Высочество слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ, ибо должности сіи написанныя на бумагѣ изволилъ выучить наизусть.

Февраля 22 дня. Изволилъ Его Высочество прочесть девятую главу Евангелія Матѣева; а изъясненіе отложено.

Февраля 24 дня. Было изъясненіе помянутой главы. Какъ помянуто о разслабленномъ, котораго исцѣлилъ Христосъ, Его Высочество изволилъ спросить: что это не тотъ ли разслабленный, котораго предъ Христа свѣсили разломавши потолокъ? Отвѣтствовано было, что тотъ, какъ то изъясняетъ Евангелистъ Маркъ. Притомъ какъ я предложилъ Его Высочеству оный Христовъ вопросъ: что удобнѣе сіе я: отпущаются тебѣ грѣси, или то: востани и ходи? — изволилъ сказать: отпущаются тебѣ грѣси.

Февраля 25 дня. Было разсужденіе о тайнахъ вообще и о тайнахъ Ветхаго Завѣта, обрѣзаніи и пасхѣ, такъ же и о числѣ таинъ Новаго Завѣта. При разсужденіи о обрѣзаніи Его Высочество сказать изволилъ: вить вмѣсто обрѣзанія нынѣ уставлено крещеніе.

Февраля 27 дня. *Lectio fuit intermissa ob morbum.*

Февраля 29 дня. *Ob eandem causam doctrina nulla fuit.*

Марта 3 дня. Читалъ Его Высочеству со изъясненіемъ деся-

тую главу, — гдѣ когда помянуто, что и напоивый водою студеною безъ награжденія не останется, на то Великій Князь сказалъ: сіе, де, сходно съ тѣмъ, что въ страшный судъ скажетъ Христосъ: вы меня накормили, вы меня напоили.

Марта 5 дня. Предложено было ученіе о тайнѣ крещенія, о уставленія его, о надобности и плодахъ, и какимъ образомъ къ крещенію другаго приводить надобно. Когда было рассуждаемо, что крещаемый долженъ отказаться міра и самаго себя, и обзяться служить Богу, Его Высочество сказать изволилъ: да младенцы де сего сдѣлать не могутъ. На что отвѣтствовано, что родителей и восприемниковъ вѣра вмѣсто ихъ вѣры служить.

Марта 7 дня. Читалъ Его Высочество со изъясненіемъ одиннадцатую главу. Когда помянуто было, что Іоаннъ Креститель послалъ двухъ учениковъ спросить Христа: онъ ли есть обѣщанный пророками или нѣтъ, — то Его Высочество спросилъ: да развѣ, де, онъ о немъ сумнился. На что отвѣтствовано было, что онъ сіе дѣлалъ не для себя, но для увѣренія своихъ учениковъ.

Марта 10 дня. Было изъясненіе о тайнѣ мвропомазанія. При чемъ Его Высочество спросилъ: для чего Государи помазуются мвромъ? На что было отвѣтствовано, что двухъ рѣди причинъ: 1) для означенія, что избраніе есть Божіе; 2) что видимое сіе помазаніе есть знакъ невидимыхъ духовныхъ силъ, подаемыхъ помазуемому къ достойному прохожденію своего высокаго званія. По окончаніи рассужденія о мвропомазаніи присоединено ученіе о третіей тайнѣ—Причащеніи и показано только, кто уставилъ сію тайну и когда? Какъ по случаю помянуто было о предателѣ Іудѣ и Іудино цѣлованіе представлялъ въ призмѣрѣ хитрыхъ и лувавыхъ людей, — подлинно, де, Его Высочество изволилъ промолвить, хитрые люди подобны мартышкѣ, которая кажется ласкаеть и вертится, но того и смотреть, чтобъ укусить.

Марта 12 дня. Было изъясняемо, какимъ образомъ Спаситель евхаристію уставилъ, для кого и для чего уставилъ, и что мы въ семь святомъ причащеніи принимаемъ. Какъ я спросилъ Его Высочество, для чего бѣ Христосъ сію тайну уставилъ, изволилъ сказать немедленно, чтобъ мы памятовали, что Онъ за насъ умеръ. Притомъ какъ было помянуто о винѣ, которое должно быть красное или бѣлое, Его Высочество изволилъ сказать, что кажется, де, красное приличнѣе.

Марта 14 дня. Его Высочество со изъясненіемъ изволилъ читать вторюнадесять главу отъ Матѳея. Когда было изъясняемо, что Сынъ человѣческой есть Господь субботы, то есть, онъ можетъ по своей

власти субботою располагать, Его Высочество изволилъ сказать: такъ какъ, де, хозяинъ можетъ покой передѣлать, ежели усмотритъ что лучшее. Такъ же когда разсуждаемо было, что простой народъ принавалъ Спасителя за Христа, а Фарисеи гнали, Его Высочество сказалъ: видно, де, они очень перемудрились.

Марта 17 дня. Было продолжаемо разсужденіе о причащеніи съ показаніемъ, какъ должно къ сей тайнѣ приуготовлять себя, какъ часто приобщаться. Такъ же присоединено изъясненіе обѣдни. При семъ, какъ была рѣчь какъ намъ себя испытывать или экзаменовать надобно, Его Высочество изволилъ сказать: я часто себя экзаменую; а наипаче, когда вспомню страшный судъ. Такъ же когда было упомянуто, что въ древней церкви не однажды въ годъ причащались, изволилъ сказать, что и нынѣ де такіе есть, кои не однажды причащаются.

Марта 19 дня. Было предложено ученіе о покаяніи съ обстоятельнымъ изъясненіемъ, въ чемъ оно состоитъ; причемъ Его Высочество спросилъ: не грѣхъ ли, ежели я позабуду какой грѣхъ объявить? На что было отвѣтствовано, что забвеніе такое не дѣлаетъ грѣха; но вспамятовавши должно оное признать. Притомъ когда спрошено было Его Высочество: для нашихъ ли какихъ заслугъ Богъ грѣхи отпускаетъ въ покаяніи,—изволилъ немедленно отвѣчать: нѣтъ; для заслугъ Христовыхъ.

Марта 21 дня. Изволилъ Его Высочество читать Евангелія отъ Матѳея третіюнадесятъ главу до стиха 24. Читая притчу о сѣяніи, Его Высочество изволилъ сказать, что я памятую эту притчу; понеже, де, мы и прежде ее читали.

Марта 24 дня. Было предложено изъясненіе о трехъ таинствахъ: о священствѣ, бракѣ и елеосвященіи. Когда было разсуждаемо, что чрезъ рукоположеніе и призываніе Святаго Духа посвящается служитель церковный, тогда Его Высочество сказалъ: я, де, еще видѣлъ, что ихъ предъ престоломъ на колѣни ставятъ.

Марта 25 дня. Прочелъ Его Высочество до конца со изъясненіемъ третіюнадесятъ главу. Когда по случаю того Евангельскаго слова: Праведницы просвѣтятся яко солнце въ царствіи отца ихъ—сказано было, что въ одной вѣчной жизни совершенный покой есть, а здѣсь его сыскать нельзя, — Его Высочество изволилъ примолвить: это правда; вотъ напр. на театрѣ веселятся; а ну какъ нечаянно (чего Боже сохрани) загорится, такъ все веселіе и пропало.

Марта 26 дня. Было предложено ученіе о воскресеніи мертвыхъ, доказывая справедливость, чтобъ тѣламъ соединеннымъ быть.

Когда Его Высочеству предложенъ былъ вопросъ, что всѣ ли люди воскреснутъ, изволилъ сказать: всѣ; да съ разными аттестатами. При томъ также на вопросъ, какимъ образомъ наши воскреснутъ тѣла, изволилъ отвѣчать: это, де, куріозность излишняя.

Марта 28 дня. Читалъ Его Высочество четвертуюнадесять главу отъ Матѳея, которую прочетши изволилъ сказать: эта глава ясна; когда бѣ всѣ такія были!

Марта 31 дня и апрѣля 2 ученія не было ради приключившейся нѣкоторой болѣзни.

Апрѣля 4 дня. *Iterum lectio fuit intermissa ob angustiam temporis.*

Апрѣля 5 дня. О животѣ вѣчномъ, яко праведныхъ награжденіи и наказаніи грѣшниковъ. При разсужденіи томъ, что мы будемъ въ содружествѣ Святыхъ, Его Высочество изволилъ сказать: такъ я, де, увижу и Павла своего патрона. Притомъ оказывалъ великую радость, когда было объявляемо, что онъ увидится со всѣми своими любезнѣйшими предками.

Апрѣля 6 дня. Его Высочество изволилъ прочесть двѣ главы: пятуюнадесять, шестуюнадесять отъ Матѳея. Когда было читано: блюдитесь отъ кваса фарисейска, Его Высочество изволилъ сказать квась, де, фарисейскій, я думаю, значить ихъ худые нравы. Такъ же какъ было сказано, что Петръ отговаривалъ Христу умирать, Его Высочество изволилъ сказать: видно, де, Петръ былъ простаго сердца.

Апрѣля 7 дня. Прочелъ Его Высочество седьмуюнадесять главу: отъ Матѳея. При чемъ когда читано было оное слово: что Илія уже прииде, и спрошено было, кого бы надобно здѣсь чрезъ Ілію разумѣть, — изволилъ немедленно отвѣчать: Іоанна Крестителя; ибо, де, объ этомъ мы и прежде читали. А и подлинно было читано въ главѣ II, въ стих. 14.

Апрѣля 8 дня. Его Высочество изволилъ причащаться святыхъ таинъ съ изряднымъ благоговѣніемъ.

Апрѣля 9 дня. Изволилъ Его Высочество читать страстное Евангеліе, а именно, четвертуюнадесять, пятуюнадесять, шестуюнадесять и седьмуюнадесять отъ Іоанна.

Апрѣля 10 дня. Изволилъ Его Высочество читать главу осьмуюнадесять отъ Матѳея. Причемъ какъ помянуто было, что соблазняющее око надобно выколоть, Его Высочество изволилъ сказать: вить око то значить худыя мысли. Такъ же когда читаны оныя слова: елика аще свяжете на земли etc., Великій Князь изволилъ сказать: это-де мы и прежде читали, когда Христось давалъ ключи Петру.

Апрѣля 11 дня. Въ день Пасхи говорилъ я въ церкви Его Высочеству привѣтствіе.

Апрѣля 16 дня. Его Высочество читалъ 19 главу отъ Матѳея со изъясненіемъ. Какъ чтены были тѣ слова: никто же благъ токмо единъ Богъ, спрошено было, какимъ бы то образомъ никого нѣтъ добраго, кромѣ единаго Бога? Изволилъ Его Высочество на то сказать: есть, де, и добрые люди, да Бога-то лучше нѣтъ. Такъ же когда было читано, что невозможно богатому спастися, и предложено было, что многіе изъ богатыхъ спаслися, — на то Его Высочество сказалъ, это, де, сказано о тѣхъ богатыхъ, которые о томъ только и думаютъ, чтобъ богатство собирать.

Апрѣля 17 дня. Его Высочество изволилъ читать 20 главу отъ Матѳея, гдѣ при разсужденіи о виноградѣ, что онъ значить церковь Христову, когда спрошено было, кто такіе того винограда дѣлатели, или работники, Его Высочество изволилъ отвѣчать: мы.

Апрѣля 18. *Lectio fuit intermissa.*

Апрѣля 21 дня. *Fuit intermissa ob festum diem.*

Апрѣля 23 дня. *Quidam morbus impedimento fuit.*

Апрѣля 25 дня. Изволилъ Его Высочество читать 21 главу отъ Матѳея со изъясненіемъ, — гдѣ при чтеніи о входѣ Христовомъ во Іерусалимъ, изволилъ Его Высочество сказать: мнѣ помнится, что это Евангеліе читается въ вербное воскресенье. Такъ же на вопросъ, кто тѣ были посланники, которыхъ дѣлатели винограда побивали, отвѣчалъ: пророки и апостолы.

Апрѣля 28 дня. Начато ученіе о Законѣ Божіимъ; и какъ доказывано было сколь нужно творить добрыя дѣла, то Его Высочество изволилъ сказать: да и въ страшный судъ скажетъ, де, Христосъ однимъ, что вы меня накормили, вы меня напоили. Притомъ объявилъ нѣчто примѣчанія достойное: я, де, стоялъ у окошка, и увидѣлъ, что нищій ходитъ; однако посмотри на него отошелъ прочь; но какъ мнѣ пришелъ на умъ страшный судъ, такъ я, де, велѣлъ нищему тому подать милостыню. Такъ же когда былъ предложенъ вопросъ, почему законы государевы, хотя и человѣческіе, однако обязываютъ всякаго по совѣсти, — потому, де, что они должны быть сходны съ Закономъ Божіимъ.

Апрѣля 30 дня. Было разсужденіе о законѣ естественномъ, о совѣсти, о естественномъ за добродѣтель награжденіи и за порокъ наказаніи. При чемъ когда спрошено было, гдѣ бъ тотъ былъ законъ

естественный, изволилъ Его Высочество указавъ на голову сказать — здѣсь.

Маія 2 дня. Его Высочество изволилъ читать 22 главу отъ Матвеея. Причемъ когда я спросилъ, какъ бы рѣшить оный Христовъ вопросъ, что Христосъ есть и сынъ Давидовъ, да и Господь и Богъ Давидовъ, — изволилъ отвѣтствовать, что сынъ по человѣчеству, а Господь по божеству.

Маія 5 дня. Его Высочество изволилъ читать 23 главу отъ Матвеея со изъясненіемъ. Когда спрошено было, можно ли неодушевленною вещью, какъ на примѣръ небомъ, клясться, — можно, де; и то-де потому, что на небѣ Богъ пребываетъ; и для того сія клятва будетъ самого касаться Бога.

Маія 7 дня. Показывано было, что всѣхъ заповѣдей и всего закона основаніемъ есть любовь къ Богу и ближнему, и что любовь къ Богу должна почитаема быть выше, нежели любовь къ ближнему и къ самому себѣ; такъ же и любовь къ обществу должна быть больше собственной. При разсужденіи что дѣлать надобно, когда бъ жизнь свою сохранить нельзя было, не нарушивъ Божіей любви, Его Высочество изволилъ сказать: умереть надобно.

Маія 9 дня. *Propter festinum diem lectio fuit intermissa.*

Маія 12 дня. Изъясняема была первая заповѣдь, и когда показывано было, что между прочими противъ сей заповѣди согрѣшаютъ эпикуры, которые говорятъ, что Богъ ни о чемъ не промышляетъ, Его Высочество изволилъ сказать, да и тѣ-де, называются эпикуры, которые только веселятся, пьютъ, да ядятъ; а о другомъ чемъ больше не думаютъ.

Маія 14 дня. Было предложено ученіе о призваніи святыхъ, о второй заповѣди и о почтеніи святыхъ иконъ. Причемъ когда предложенъ былъ вопросъ, не противно ли первой заповѣди, что мы святыхъ призываемъ? — на что Его Высочество изволилъ отвѣтствовать: нѣтъ; ибо де мы не такъ святыхъ призываемъ, какъ Бога.

Маія 16 дня. Его Высочество изволилъ читать 24 главу отъ Матвеея со изъясненіемъ. Причемъ когда спрошено было, для чего бъ Богъ скрылъ отъ насъ часъ своего пришествія, Его Высочество изволивъ сказать, чтобъ мы всегда готовы были.

Маія 19 дня. Было разсужденіе о третіей заповѣди со изочтеніемъ тѣхъ, кои сію заповѣдь преступаютъ. Когда между прочимъ было помянуто, что поклоненіе предъ иконами творимое не должно

къ иконамъ привязывать, но къ тѣмъ, коихъ онѣ представляютъ, Его Высочество изволилъ сказать: такъ по этому, де, икона есть нѣкоторымъ къ тому оживленію.

Маія 20 дня. Его Высочество изволилъ читать 26 главу отъ Маттея со изъясненіемъ. Когда до страшнаго суда дошло, Его Высочество просилъ, чтобъ оное не читать; ибо, де, то я уже читалъ и памятую; а теперь еще читать боюсь.

Маія 21 дня. Было продолжаемо разсужденіе о третей же заповѣди съ показаніемъ способовъ истиннаго богопочтенія. Между тѣмъ когда было помянуто, что совершенная любовь вонъ изгоняетъ страхъ, и сказано, что сія истина исполняется токмо въ блаженныя на небесахъ, которые совершенно Бога любя страха не имѣютъ, Его Высочество при семъ изволилъ сказать: подлинно, де, къ чему де имѣть страхъ, когда они грѣшить не станутъ.

Маія 23 дня. *Evangelii lectio fuit intermissa propter quendam morbum.*

Маія 26 дня. Предложено было ученіе о четвертой заповѣди съ показаніемъ, для чего день праздничный долженъ святиться и чѣмъ святиться. При семъ когда было разсуждаемо, чтобъ тому дѣлать, который будучи удаленъ отъ церкви, или будучи въ дорогѣ, въ церковь притти не можетъ, — Его Высочество изволилъ сказать: имъ должно, де, Богу помолиться, гдѣ бъ они ни случились.

Маія 28 дня. *Institutio fuit intermissa ob morbum.*

Маія 30 дня. *Lectio fuit intermissa propter Trinitatis festum.*

Юня 2 дня. Было продолжаемо ученіе о четвертой заповѣди съ показаніемъ тѣхъ, которые оную нарушаютъ.

Юня 4 дня. Было предложено ученіе о пятой заповѣди, разсуждая тотъ долгъ, которымъ одолжены къ своимъ родителямъ и Государю. При разсужденіи каинъ долженъ быть Государь въ разсужденіи своихъ подданныхъ, Его Высочество изволилъ сказать, какъ отецъ бываетъ къ своимъ дѣтямъ.

Юня 6 дня. Изволилъ Его Высочество читать 26 главу отъ Маттея со изъясненіемъ. При чтеніи оныхъ словъ, что Христосъ обѣщалъ съ учениками своими въ царствіи небеснѣмъ пить питіе новое, Его Высочество изволилъ отвѣтствовать: разумью я: оно значитъ блаженство небесное.

Юня 9 дня. Продолжаемо было разсужденіе о пятой заповѣди съ показаніемъ, кто подъ именемъ родителей заключается. Когда ска-

зано было, что исполнителямъ заповѣди сея общааетъ Богъ здѣсь всякое благополучіе, Его Высочество изволилъ сказать: я, де, думаю, что они и на томъ свѣтѣ благополучны будутъ.

Іюня 11 дня. Его Высочество изволилъ читать пятую заповѣдь такъ, какъ она изъяснена въ букварѣ.

Іюня 13 дня, Его Высочество изволилъ читать 27 главу отъ Матѳея съ надлежащимъ изъясненіемъ.

Іюня 16 дня. *Institutio fuit intermissa propter quendam morbum.*

Іюня 18 дня. Было изъясненіе шестыя заповѣди.

Іюня 20 дня. Читалъ Его Высочество 28 главу отъ Матѳея, и тѣмъ окончилъ сіе Евангеліе.

Іюня 23 дня. *Institutio fuit intermissa propter discessionem in Sarskoy.*

Іюня 25 дня. *Non fuit doctrina propter absentiam.*

Іюня 27 дня. *Non fuit propter morbum. **

Іюня 28 дня. Началъ Его Высочество читать Евангелиста Луку и изволилъ прочесть первую главу.

Іюня 30 дня. Изволилъ Его Высочество читать вторую главу.

Іюля 2 дня. Изволилъ Его Высочество читать третію главу. Когда показываемо было, что суетно хвалились Іудеи, яко отъ Авраама произошли, а Авраамову благочестію не подражали, тогда Его Высочество сказать изволилъ: такъ, какъ бы я напрасно хвалился, что отъ Петра Великаго произошелъ, ежели не буду ему въ дѣлахъ подражать. **

* Первоначально было написано: *propter absentiam Czarsky Selo*, потомъ зачеркнуто и сверху надписано: *propter morbum.*

** Это самое замѣчаніе своего ученика законоучитель привелъ и въ изданной имъ книгѣ «Православное ученіе или сокращенная христіанская богословія, очиненая Его ясны Импер. Высочества учителемъ іеромонахомъ Платономъ». В посвященіи Вели. Князю авторъ пишетъ: «памятно мнѣ и всякаго пріятія достойно оное Вашего Высочества слово, которое при чтеніи Евангельскихъ словъ: не начинайте глаголати въ себѣ, отца и мамы Авраама, и при разсужденіи, что напрасно Іудеи величались именемъ великаго оного своего праотца, не подражая вѣрѣ и дѣламъ его, изволили сказать: Такъ, какъ, де, я напрасно бы хвалился, что отъ Великаго Петра произошелъ, ежели бы не хотѣлъ подражать дѣламъ его. (По изд. 1768 г., церковн. шрифтомъ, въ Москв. типогр., л. 6; по изд. 1780 г. удержатель-Сенатск. типогр. Ф. Гипсіуса, гражд. шрифтомъ, стр. 7.)

Юля 4 дня. Non fuit institutio, quia absens fui.

Юля 7 дня. Было предложено учение осьмья заповѣди.

Юля 9 дня. Было продолженіе и окончаніе осьмья заповѣди.

Юля 11 дня. Его Высочество изволилъ читать четвертую главу и пятая 20 стиховъ.

Юля 14 дня. Было учение девятыя заповѣди.

Юля 16 дня. Не было propter absentiam mei.

Юля 18 дня: Не было propter absentiam mei.

Юля 20 дня. Изволилъ Его Высочество читать благоговѣстіе отъ Луки главу пятую до конца и шестыя 16 стиховъ. Причемъ когда по прочтеніи тѣхъ словъ: егда возмется отъ нихъ женихъ, тогда постятся, начато читать, что ученики рвали класы, и сырыя зерна ѣли, Его Высочество изволилъ сказать: такъ вотъ, де, они и начали постить.

Юля 21 дня. Было учение десятыя заповѣди и окончаніе декалога.

Юля 23 дня. Non fuit institutio propter sumptum medicamentum.

Юля 25 дня. Его Высочество изволилъ прочесть шестую главу и седьмую главу.

Юля 28 дня. Было предложено учение о благодати Божіей и о молитвѣ. Когда разсуждаемо было, что для чего бы у Бога именно что просить, когда онъ и прежде прошенію нашего знаетъ, въ чемъ мы имѣемъ нужду, Его Высочество изволилъ сказать: надобно, чтобъ мы сказали свое Богу усердіе.

Юля 30 дня. Изъясняема была молитва Господня.

Августа 1 дня. Изволилъ Его Высочество читать осьмую главу отъ Луки. Читая изволилъ говорить: я помню, что сіе читалъ и у Матвея.

Августа 4 дня. Non fuit propter morbum.

Августа 6 дня. Non fuit quoque propter eandem rationem.

Августа 8 дня. Изволилъ Его Высочество читать девятую главу отъ Луки.

Августа 11 дня. Изъясненіемъ окончена молитва Господня.

Августа 13 дня. Изволилъ Его Высочество читать блаженства изъ букваря.

Августа 15 дня. Non licuit per tempus.

Августа 16 дня. Non licuit propter morbum.

Августа 18 дня. Non licuit quoque propter eandem rationem.

Августа 20 дня. Изволилъ Его Высочество чтеніемъ окончить букварь.

Августа 22 дня. Изволилъ Его Высочество читать десятую главу отъ Луки. Причемъ, когда вопрошено было, какіе младенцы разумѣть надобно, которые предпочтены мудрымъ и разумнымъ, изволилъ отвѣчать: которые себя предъ Богомъ смиряютъ такъ, какъ младенцы.

Августа 25 дня. Изволилъ Его Высочество прочесть одиннадцатую главу отъ Луки. При чтеніи оныхъ словъ: свѣтильникъ тѣлу есть око, разсуждая, что бы было душевное око, — Его Высочество изволилъ оказать: совѣтъ чистая.

Августа 27 дня. Изволилъ Его Высочество прочесть вторюнадесять главу, гдѣ при чтеніи оныхъ словъ: нѣсть тайно, еже не открытается, когда разсуждаемо было, что, кажется, иное тайное не открывається, Великій Князь изволилъ сказать: на томъ свѣтъ откроется.

Августа 29 дня. Его Высочество прочелъ третіюнадесять главу.

Сентября 1 дня. Его Высочество изволилъ прочесть четвертую и пятуюнадесять главу отъ Луки.

Сентября 3 дня. Изволилъ прочесть шестуюнадесять. Когда спрошено было, какъ разумѣть надобно, что еже есть въ чловѣцѣхъ высоко, мерзость есть предъ Богомъ, — изволилъ сказать: что сіе сказано о гордости.

Сентября 5 дня. Изволилъ читать 17 главу.

Сентября 8 дня. Изволилъ Его Высочество прочесть 18 главу, гдѣ при разсужденіи, что богатымъ не возможно спастися, изволилъ сказать: что разумѣется о тѣхъ богачахъ, которые на о чемъ больше не думаютъ, какъ о богатствѣ.

Сентября 10 дня. Изволилъ Его Высочество прочесть двѣ главы 19 и 20.

Сентября 12 дня. Изволилъ прочесть 21-ю. При разсужденіи, что предсказанное Христомъ о Іерусалимѣ все исполнилося, Его Высочество изволилъ сказать: какъ, де, магнитъ всегда обращается въ полунощной странѣ; такъ и Христось всегда правду говорилъ.

Сентября 14 дня. Изволилъ Его Высочество прочесть 22-ю главу, — гдѣ при разсужденіи оной чаши, которую Христось обѣщаль поднести ученикамъ своимъ въ будущей жизни, Его Высочество изволилъ изъяснить, что она чаша означаетъ вѣчное блаженство.

Сентября 15 дня. Его Высочество изволилъ прочесть двѣ главы, и тѣмъ окончилъ благовѣстіе Лукино.

Сентября 17, 19, 20, 22. Ученія не было propter vanas causas.

Сентября 24 дня. Изволилъ Его Высочество начать Евангелиста Юанна и прочелъ двѣ главы.

Сентября 26 дня. Его Высочество прочелъ третію главу. Когда помянуто, что Никодимъ пришелъ ко Іисусу ноцію, изволилъ сказать: видно, де, онъ опасался, чтобъ его не подозрѣвали.

Сентября 29. Не было ради переѣзду въ Зимній дворецъ.

Октября 1 дня. Его Высочество изволилъ прочесть четвертую и пятую главу. При разсужденіи, что ни въ Іерусалимѣ, ни въ Самаріи будутъ кланяться Отцу, — такъ гдѣ же? спросилъ я, изволилъ сказать: вездѣ.

Октября 3 дня. Его Высочество прочелъ шестую главу, — гдѣ разсуждая, что искушать ничто иное есть, какъ испытывать, какихъ кто во внутренности мыслей, когда вопрошено было, какъ бы могъ искушать Богъ, когда онъ все знаетъ, Его Высочество изволилъ сказать: я думаю, что Богъ это дѣлаетъ для другихъ.

Октября 6 дня. Изволилъ Его Высочество прочесть 7 и 8 главы и читалъ сязалъ: кажется, де, мнѣ, что сей Евангелистъ яснѣе прочихъ писалъ; ибо, де, я почти все разумю. Притомъ, когда читаны оныя слова: Авраамъ видѣ мя и возрадовался, изволилъ на вопросъ сказать: понеже, де, Христось по божеству всегда былъ, и въ него Авраамъ вѣровалъ.

Октября 8 дня. Его Высочество изволилъ прочесть девятую и десятую главу. При разсужденіи оныхъ словъ яко грѣшники Богъ не послушаетъ, Его Высочество изволилъ сказать: я, де, думаю, что ежели грѣшникъ не съ усердіемъ будетъ Богу молиться, тогда Богъ его не послушаетъ.

Октября 10 дня. Его Высочество прочелъ 11 главу.

Октября 13 дня. Его Высочество прочелъ 11, 12 и 13 главу. При чтеніи оныхъ словъ, что Христось омочилъ хлѣбъ, Его Высочество изволилъ сказать: какъ де помнится мнѣ, что въ другомъ Евангелистѣ написано, что Іуда омочи, — на что было отвѣтствовано, что и Христось омочи и Іуда, какъ то точно пишется у Матеея: омочивый со мною въ солило и проч.

Октября 15 дня. Его Высочество изволилъ прочесть 14 и 15 главу. На вопросъ, какъ Христось сказываетъ о своихъ ученикахъ, яко отъ міра не суть, какъ они внѣ міра? изволилъ сказать: внѣ міра, то есть, внѣ худыхъ людей.

Октября 17 дня. Изволилъ Его Высочество прочесть 16 и 17

главу. На тѣ слова: въ той день мене не вопрошите ни о чемъ же, — изволилъ сказать: ибо, да, тогда они будутъ все знать.

Октября 20 дня. Изволилъ Его Высочество прочесть 18 и 19 главу.

Октября 22 дня. Его Высочество окончилъ чтеніе Евангелія съ надлежащимъ порядкомъ.

Октября 24 дня. Не было.

Октября 27 дня. Не было жъ, propter morbum.

Октября 29 дня. Началъ Его Высочество читать посланіе Павлово къ Римлянамъ, и прочелъ первую главу. По прочтеніи изволилъ сказать, что Павлово писаніе совсѣмъ различно отъ Евангелистовъ; ибо де оно краснорѣчивѣе и тверже.

Октября 31 дня. Изволилъ Его Высочество прочесть вторыя главы 16 стиховъ.

Ноября 3 дня. Его Высочество прочелъ вторую главу и третія 18 стиховъ.

Ноября 5 дня. Дочиталъ Его Высочество третію главу и прочелъ четвертую. При разсужденіи оныхъ словъ, что Авраамъ не имѣетъ похвалы за дѣло у Бога, изволилъ сказать: ибо, де, и самыя его дѣла отъ вѣры происходили.

Ноября 7 дня. Прочелъ Его Высочество пятія главы 15 стиховъ съ толкованіемъ.

Ноября 10 дня. Изволилъ окончить пятую главу и прочелъ шестую.

Ноября 12 дня. Изволилъ прочесть седьмую главу.

Ноября 14 дня. Изволилъ прочесть осьмыя главы 18 стиховъ. При вопросѣ, чтобъ значили сущіи во плоти, — изволилъ сказать: которыя страстямъ своимъ угождаютъ.

Ноября 17 дня. Его Высочество изволилъ окончить осьмую главу.

Ноября 19 дня. Его Высочество изволилъ читать девятую главу. Когда предложенъ былъ вопросъ, какъ Богъ Іакова возлюбилъ, а Исава возненавидѣлъ прежде ихъ рожденія, сказалъ: Богъ "де ихъ дѣла предусмотрѣлъ.

Ноября 21 дня. Изволилъ прочесть десятую главу.

Ноября 24 дня. Не было по случаю праздника.

Ноября 26 дня. Его Высочество прочелъ 11 главу. При разсужденіи 32 стиха, что тѣмъ больше мы были грѣшны, тѣмъ болѣе оказалось милосердіе Божіе прощая намъ грѣхи, Его Высочество изволилъ сказать: такъ какъ де блѣое еще видите при чернотѣ.

Ноября 28 дня. Его Высочество прочелъ 12 главу.

Ноября 30 дня. Не было ученія propter morbum.

Декабря 1 дня. Изволилъ прочесть 13 главу.

Декабря 3 дня. Изволилъ прочесть 14 главу.

Декабря 5 дня. Изволилъ прочесть половину 14-я главы.

Декабря 6 дня. Его Высочество чтеніемъ окончилъ посланіе къ Римлянамъ. При началъ чтенія послѣдней главы, которая начинается: Вручаю вамъ дѣву сестру нашу и проч., Его Высочество изволилъ сказать: этотъ, де, ашостолъ читалъ, когда Государыня восходила на вѣстолъ: я де думаю, что сіе по Божию сдѣлалось промыслу.

Декабря 8 дня. Началъ Его Высочество посланіе къ Коринѳяномъ и прочелъ первую главу.

Декабря 10 дня. Изволилъ прочесть двѣ главы вторую и третію.

Декабря 12 дня. Aegrotavit.

Декабря 15 дня. Изволилъ прочесть 4 и 5. Читая оное слово, ни самъ себе востязую, изволилъ сказать: подлинно де трудно самому о себѣ разсуждать, ибо самолюбіе препятствуетъ. Такъ же прочитовая оныя слова: мы буи, вы же мудріи — сказалъ: видно что это пропія.

Декабря 17 дня. Изволилъ прочесть 6-ю главу. При чтеніи что Богъ чрево упразднить, Его Высочество изволилъ сказать: это думаю, значить, что оно не будетъ требовать пищи.

Декабря 19 дня. Прочелъ седьмая главы 19 стиховъ. При чтеніи сея главы изволилъ спрашивать, что ежели бы я махOMETанина имѣлъ слугу, долженъ ли я принудить его нашу вѣру принять? На что когда отвѣтствовано, что не должно принудить, но напередъ научить изволилъ на сіе сказать: и мнѣ, де, такъ кажется.

Декабря 22 дня. Изволилъ прочесть седьмую и осьмую главу.

Декабря 24 дня. Его Высочество прочелъ девятую главу.

Декабря 25 и 26. Не было.

Декабря 26 дня. Не было жъ, propter morbum.

Декабря 31. Не было жъ.

1765.

Генваря 1 дня. Не было.

Генваря 2 дня. Не было жъ.

Генваря 5 дня. Прочелъ Его Высочество 10 главу.

Генваря 6 дня. Не было.

Генваря 7 дня. Его Высочество прочелъ 11 главу,* гдѣ сіе слово—дондеже прїдетъ—изволилъ протолковать, что оно, де, значить до втораго пришествїа Христова, которое я очень памятую.

Генваря 9 дня. Non licuit per tempus.

Генваря 12 дня. Его Высочество изволилъ прочесть двѣ главы 12 и 13. Съ великою охотою читалъ.

Генваря 14 дня. Изволилъ прочесть 14 главу.

Генваря 16 дня. Его Высочество прочелъ 15 главы 19 стиховъ.

Генваря 19 дня. Изволилъ прочесть 15 главу. Причемъ читая о тѣлѣ душевномъ и дуловномъ, изволилъ сказать, что тѣло, де, душевное есть, которое всякимъ перемѣнамъ подлещить.

Генваря 21 дня. Окончиль посланіе.

Генваря 23 дня. Изволилъ Его Высочество начать второе къ Коринѣяномъ посланіе и прочелъ первую главу. При чтенїи что Богъ запечаталъ сердца наша, и на вопросъ, тѣмъ Богъ запечаталъ?—изволилъ сказать: вѣроу.

Генваря 26 дня. Изволилъ Его Высочество прочесть двѣ главы вторую и третью. Причемъ разсуждая, что Ветхїй Заветъ названъ служенїемъ смерти,** Его Высочество изволилъ сказать: это потому, де, что мы законъ исполнить не могли.

Генваря 28 дня. Изволилъ прочесть четвертую главу.

Генваря 30 дня. Его Высочество прочелъ пятую главу. При чтенїи оныхъ словъ: нынѣ мы не вѣмы Христа по плоти, изволилъ сказать: понеже мы Его уже тѣлесными глазами не видимъ; такъ же и сихъ словъ: что Богъ Христа сотворилъ грѣхомъ, сказалъ: потому, де, что онъ умеръ за искупленіе грѣха.

Февраля 2 и 4. Не было propter morbum.

Февраля 6. Такъ же.

Февраля 9 дня. Его Высочество изволилъ прочесть 6 главу.

Февраля 11 дня. Изволилъ прочесть 7 и 8 главы.

Февраля 13 дня. Изволилъ прочесть 9 главу. По случаю сего чтенїя разсуждаемо было о нищихъ, что съ ними дѣлать надобно, Его Высочество изволилъ сказать: слабыхъ снабжать, а здоровыхъ къ работѣ опредѣлять.

* Подразумѣвъ. XI глава 1-го посланїа къ Коринѣянамъ. Примѣч. ред.

** 2 Кор. III, ст.7.

Февраля 16 дня. Изволилъ прочесть 10 и 11 главу. Когда изчитаемы были Павловы бѣды, изволилъ сказать: стоила труда Павлу проповѣдь.

Февраля 18 дня. Изволилъ окончить второе къ Коринѳянамъ посланіе. На оныя слова: себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, спрошено, какъ искушать? изволилъ сказать: справиться—дѣлаемъ ли мы хорошія дѣла.

Февраля 19 д'ня. Изволилъ прочесть Его Высочество двѣ главы первыя посланія къ Галатамъ. При разсужденіи оныхъ словъ: не оправдится отъ дѣлъ закона всяка плоть, изволилъ сказать: ибо, де, не заслугами своими, но милосердіемъ Божиимъ спасаемся.

Февраля 20 дня. Изволилъ прочесть третью главу; причеъ когда спрошено: какъ во Христѣ нѣсть рабъ, ни свободъ, нѣсть мужескій полъ, ни женскій, — изволилъ сказать: понеже де всѣ могутъ спастися.

Февраля 23 дня. Изволилъ Его Высочество прочесть три главы и тѣмъ окончилъ Посланіе. Начавши читать четвертую главу, усмѣхнулся и сказалъ, что это надлежитъ до меня. ¹

Февраля 25 дня. Praetermissa fuit lectio propter non vacare.

Февраля 27 д'ня. Изволилъ, Его Высочество прочесть первую главу къ Евреемъ. Читая о милосердіи небесномъ Отца чрезъ Сына Его, Его Высочество изволилъ сказать: такъ видно де чрезъ Христа состоялся милостивый указъ.

Марта 3. Его Высочество изволилъ прочесть вторую и третю главу къ Ефесеямъ.

Марта 4 дня. Его Высочество прочеъ три главы, и тѣмъ окончалъ посланіе. При чтеніи сихъ словъ: да не бываете къ тому младенцы, спрошено было: въ какомъ разумѣ апостолъ не велитъ быть младенцами, а въ другомъ мѣстѣ велитъ быть младенцами, Его Высочество изволилъ сказать: быть младенцами, т. е. быть простосердечными; а не быть младенцами, то значитъ не быть простыми умомъ.

Марта 6 дня. Его Высочество... ² первую главу къ Филиппіеимъ. При вопросѣ, чего желать надобно больше—жить или умереть, изволилъ сказать: жить, чтобъ приготовиться къ будущей жизни.

¹ Четвертая глава помянутого посланія начинается словами: «Глаголю же, въ елико время наследникъ младъ есть, ничимже лучшій есть раба». Примѣч. ред.

² Въ подлинникѣ пропущено: изволилъ читать, или прочеъ.

Марта 9 дня. Его Высочество прочелъ три главы и окончилъ Посланіе къ Филипписіемъ.

Марта 11 дня. Его Высочество прочелъ двѣ главы къ Колоссаемъ. При чтеніи тѣхъ словъ, что Павелъ исполнилъ недостатки страданій Христовыхъ, на предложенный вопросъ, въ какомъ разумѣ называются недостатки, изволилъ Великій Князь сказать: для того, де, что Павелъ да и всѣ Святые за Христа страдаютъ.

Марта 13 дня. Его Высочество окончилъ посланіе къ Колоссаемъ. При разсужденіи тѣхъ словъ, что Павелъ о Христѣ говоритъ, что они умерли, Его Высочество изволилъ сказать: это, думаю, потому, что они отстали отъ идолопоклонства.

Марта 16 дня. Его Высочество прочелъ двѣ главы къ Солуняномъ.

Марта 18 дня. Его Высочество окончилъ Посланіе къ Солуняномъ. Гдѣ была рѣчь, чтобъ о умершихъ не скорбѣть, Его Высочество изволилъ сказать: что кажется, де, мнѣ, можно скорбѣть да умѣренно. Притомъ, какъ началъ читать о судѣ послѣдняго дня, изволилъ сказать: я де гораздо его помню.

Марта 20 дня. Ученія не было *propter concursum hominum.*¹

Марта 23 дня. Его Высочество прочелъ другое Посланіе къ Солуняномъ.

Марта 25 дня. *Lectio erat omissa.*²

Марта 27 дня. Его Высочество изволилъ прочесть первую главу Посланія І-го къ Тимоѳею. На вопросъ, какъ праведнику законъ не положенъ, изволилъ отвѣчать: онъ де и безъ того доброе дѣлаеть.

Марта 28 дня изволилъ прочесть Великій Князь три главы.

Марта 29 дня. Изволилъ окончить Великій Князь Посланіе къ Тимоѳею. При чтеніи, что вдовица роскошно живущая жива умерла, Великій Князь изволилъ сказать: что она умерла, де, худыми дѣлами.

Марта 30 дня. Изволилъ Его Высочество прочесть второе Посла-

¹ Сп. Тетрадь въ Записокъ С. А. Порошина, изд. въ Русск. Архивъ за 1869 г., столб. 4. Подъ 20 марта (1765 г.) у него замѣчено: «Одѣвшись съ Платономъ».

² Сп. въ Запискахъ Порошина, подъ 25 марта: «Одѣвшись читалъ Его Высочество съ отцемъ Платономъ». (Рус. Арх. 1869 г.). Сверхъ класныхъ занятій законоучитель читалъ по праздникамъ съ своимъ ученикомъ Священное писаніе.

ніе къ Тимоѳею. При чтеніи оныхъ словъ: слово Божіе не вяжется, когда вопрошено было, что ежели бѣ урѣзанъ былъ языкъ, тогда бы слово Божіе связалось, изволилъ сказать: тогда бы слово Божіе проповѣдано было мыслію.

Марта 31 дня. Его Императорское Высочество изволилъ причащаться святыхъ Таинъ съ благоговѣніемъ, доказывающимъ внутреннюю его непорочную вѣру, — причемъ мною говорено было привѣтствіе малое.¹

Апрѣля 1 дня. Изволилъ прочесть Посланіе къ Титу.

Апрѣля 2 дня. Посланіе къ Филимону.

Апрѣля 3 дня. Въ день святыхъ Пасхи изволилъ быть у обѣдни. Причемъ мною говорено Его Высочеству привѣтствіе.² Сего дня до 13 ученія не было.³

Апрѣля 13 дня. Начато ученіе.

Апрѣля 15 дня. Продолжалось.

Апрѣля 17 дня. Первую главу къ Евреемъ начали читать.

Апрѣля 20 дня. Читалъ параграфъ 4 и 5.

Апрѣля 22 дня. Продолжаемъ 5 параграфъ.

Апрѣля 24 дня. Изволилъ прочесть первую и вторую главу къ Евреемъ.

Апрѣля 27 дня. Продолжаемъ былъ 5 параграфъ.

Апрѣля 29 дня. Не было ученія.

Маія 1 дня. Изволилъ читать третію главу къ Евреемъ.

Маія 4 дня. Параграфъ 5 былъ продолжаемъ.

Маія 6 дня. Параграфъ былъ продолжаемъ.

Маія 8 дня. Не было propter morbum.

Маія 9 дня. Не было propter morbum.

Маія 11 дня. Параграфъ шестой начать.

¹ Сл. въ Запискахъ Порошина: 31 марта. Въ шесть всталъ, въ семь совсѣмъ готовъ былъ. Отецъ Платонъ читалъ молитвы къ причащенію. Пошли въ маленькую придворную церковь, причащались тамъ.... (Ibid. столб. 10).

² Сл. въ Запискахъ Порошина: 3 Апрѣля. Свѣтлый праздникъ. Всталъ въ шесть. Въ восемь началась затренняя, служилъ отецъ Платонъ.. Къ обѣднѣ въ малую церковь. Послѣ обѣдни привѣтствіе Платоново (Ibid., столб. 12).

³ Изъ Записокъ Порошина видно, что ученіе по нѣкоторымъ предметамъ не прекращалось совсѣмъ и на святой недѣлѣ, подъ 6 апрѣля читаемъ: зачалъ учиться, подъ 7 апр.—учился; подъ 8 апр.—вставъ учился, подъ 9 — одѣвшисъ учился; подъ 10 апр. — Воскресенье. Одѣвшисъ, съ отцемъ Платономъ читалъ Священное Писаніе.

Маія 12 дня. Глава 4-я прочтена.

Маія 13 дня. Параграфъ седьмой прочтенъ.

Маія 15 дня. Глава 5 и 6 прочтена.

Маія 18 дня. Параграфъ осьмой прочтенъ.

Маія 20 дня. (Параграфъ 9-той прочтенъ). ¹ Non erat disciplina propter transgressum aulae.

Маія 22 дня. Nihil quidquam egr.

Маія 23 дня. Глава седьмая прочтена.

Маія 25 дня. Параграфъ девятый прочтенъ.

Маія 27 дня. Параграфъ 10 прочтенъ.

Маія 29 дня. Глава осьмая прочтена.

Юня 1 дня. Параграфъ одиннадцатаго половину, — ubi praesens fuit D. Panin. ²

Юня 3 дня. Тотъ же параграфъ окончилиъ. ³

Юня 5 дня. Глава девятая прочтена.

Юня 8 дня. Параграфъ двѣнадцатый изъясненъ.

Юня 10 дня. Параграфъ тринадцатый изъясненъ.

Юня 12 дня. Глава десятая прочтена.

Юня 15 и 17 дня. Параграфъ 14 изъясняемъ былъ.

Юня 18 дня. Его Высочество отбылъ въ Красное Село въ лагерь; почему и не было ученія до конца сего мѣсяца.

Черезъ два мѣсяца Юль и Августъ продолжалось толкованіемъ и окончена первая часть Богословія; притомъ приуготовленіе было къ экзамену. Экзаменъ совершился 8 Сентября съ желаемымъ успѣхомъ; ибо Его Высочество на вопросы отвѣты давалъ скорые и разумные.

¹ Обозначенное скобками зачеркнуто въ подлинникѣ, и сверху надписано рукою автора: Non erat disciplina propter transgressum aulae.—Здѣсь по сравненію съ Записками Порошина какая-то неточность. У послѣдняго переѣздъ Двора отмѣченъ подъ 18 мая: «18. Не учился по утру. Сегодня переѣздъ въ лѣтній дворецъ; суетился, чтобъ все было убрано. 19 и 20 мая ученіе шло своимъ порядкомъ.—19. Семикъ. Одѣвшись учился Великій Князь обыкновенно.—20 мая. Убираючись изъ Богословія урокъ твердилъ... Потомъ съѣлъ учиться. (Ibid., столб. 35).

² Никита Ивановичъ Панинъ, оберъ-гофмейстеръ и главный воспитатель В. К. Павла Петровича.

³ Въ Запискахъ Порошина замѣчено: «3 Юня. Вставши, одѣлся и учился. За Богословію шалилъ. Платонъ и я журили». (Рус. Арх. столб. 36).

VI.

Собственноручная учебная тетрадь Великаго Князя
Павла Петровича. *

Вопр. Понеже имѣемъ понятіе о Богѣ, то въ какомъ же разумѣ Богъ называется непостижимый?

Отв. Въ такомъ, что наше понятіе не можетъ достигнуть до конца божія премудрости, и не надобно стараться много¹ размышлять.

Вопр. Чѣмъ можно утвердить, что Богъ единъ есть; и чѣмъ отразить многобожіе.

Отв. Тѣмъ что много бож(овъ) и наход(имъ)ягь въ разныхъ (богахъ), то у насъ въ одномъ, и слѣдственно онъ единъ есть (а протчія боги излишны).

Вопр. Когда Богъ духъ, такъ въ какомъ же разумѣ приписываются ему члены тѣлесные?

Отв. Первое что онъ намъ показался во плоти; а другое то, что для нашего понятія (и для глазъ)² неможетъ (совершенно)³ духъ представиться (развѣ подъ тѣлесными видами.)⁴

Вопр. Отъ чего начинается познаніе человѣческое?

Отв. Отъ познанія самого съ(е)бя, ибо когда человѣкъ въ полномъ возрастѣ (ѣ) откажется отъ всево и вѣдругъ вступитъ въ разсужденіе, тогда онъ перьвее всего вздумаетъ о себѣ.

Вопр. Входя познаніемъ въ самихъ себя, что перьвѣе всего узнаемъ?

Отв. (Что Богъ есть котор)⁵ что мы самихъ себя не могли создать и что естъ существо такое которое ни отъ кого не создано и которое какъ насъ такъ и все(ѣ) другіе твари создалъ а сего называемъ мы богомъ.

* Вопросы и поправки въ этой тетради писаны рукою Митрополита Платона, отвѣты же собственноручные В. К. Павла Петровича. Поправки наставника обозначаются скобками. Прим. ред.

¹ Много зачеркнуто и рукою наставника надписано: излишны.

² Обознач. скобками зачеркнуто.

³ Обозн. скобками надписано рукою наставника.

⁴ Обозначен. скобками приписано рукою наставника.

⁵ Обозначен. скобками зачеркнуто самимъ ученикомъ.

Вопр. Какія другія доказательства, что есть Богъ?

Отв. Кромѣ того доказываютъ бытіе божіе. 1) прилежное разсматриваніе мира сего. 2) (Общее)¹ согласіе народовъ въ богопочтеніи. 3) угрызеніе (признаніе) совѣсти, 4) врожденно(е)жъ въ насъ желаніе къ вѣчному блаженству.

Вопр. Какъ всякое доказательство изъяснить можно?

Отв. а) миръ сей есть на подобіе театра славу божію намъ представляющаго: на подобіе книги создателя своего проповѣдующія: на подобіе зеркала въ которомъ усматриваемъ мы ясныя премудрости божія изображенія.

б) Въздѣ во всехъ народахъ впротчемъ дикихъ видимы были олтари, и чувство бытія божія въ человѣкѣ столь было сильно что лучше захотѣлъ онъ камень почитать нежели что нѣтъ Бога.)²

— Весь послѣдній отвѣтъ зачеркнуть и рукою наставника замѣчено: «Сихъ отвѣтовъ недовольно; понеже они выписаны изъ книги слово въ слово». За тѣмъ слѣдуютъ вновь составленные отвѣты:

1. Когда мы станемъ разсматривать обстоятельства мира сего, то узнаемъ что не мы создали миръ сей, и что есть такое существо которое какъ миръ (,) такъ и всѣ другіе твари создало.

2. Во всѣхъ народахъ видимъ мы какое нибудь богопочтеніе, у иныхъ на шестахъ насажены головки и притомъ (и потому)³ сіе доказываетъ что есть Богъ.

3. Когда мы здѣлаемъ что нибудь хорошее тогда совѣсть наша радуется, а напротивъ того коли мы здѣлаемъ что нибудь дурное тогда она угрызаетъ насъ, изъ чего слѣдуетъ, что такой есть, которой за добро награждаетъ а за худое наказываетъ.

4. Всякой человѣкъ старается заслужить вѣчнаго (ое) блаженства (-о) (ибо онъ ничемъ здѣсь удовольствовать себя не можетъ: но устремляется къ нѣкоторому совершеннѣйшему добру; а оное добро есть Богъ).⁴

Вопр. Предвѣдніе Божіе не опровергаетъ ли человѣческую свободу?

¹ Приписано рукою наставника.

² Обознач. скобками зачеркнуто рукою наставника.

³ Поправка наставника.

⁴ Обознач. скобками приписано рукою наставника.

Отв. (Нѣтъ, На сіе не могу отвѣчать).¹ Нѣтъ, ибо Богъ будущія дѣла видитъ такъ какъ настоящія: а кто смотритъ въ настоящемъ времени на свободное дѣйствіе другаго, тотъ свободу не нарушаетъ.

Вопр. Какъ согласить Божию благодать и Божию правду?

Отв. Благодати дѣло есть награждать добродѣтель: а правды дѣло есть отвращаться порока.

Вопр. Богъ все ли то дѣлаеть, что можетъ? и почему нѣтъ?

Отв. (Потому что Богъ дѣлаеть всё не по волѣ своей),² но то только, что согласно съ Премудростію его; (ибо иногда по волѣ его согласно нака(за)тъ кого но по премудрости его несогласно).³

Вопр. Какая польза знать о бытіи Божиёмъ и о Его совершенствахъ или свойствахъ?

Отв. Ежели онъ всемогущій, слѣдовательно надо его бояться, коли онъ верховной всѣхъ Господь слѣдствѣнно надобно почитать его, коли онъ прелюбимъ слѣдствѣнно надеется на его милосердіе. Слѣдовательно наше спасеніе требуетъ чтобъ мы знали о свойствахъ его.

Вопр. Какая польза есть знать, что Богъ создалъ міръ и о немъ промышляетъ?

Отв. (Мнѣ кажется что сей вопросъ сходенъ съ темъ).⁴ (Чтобъ мы всё дѣла божія почитали за святыя и старались бы ихъ употреблять въ добро).⁵

Вопр. Какая польза есть знать, что человекъ созданъ отъ Бога, и Богъ о немъ особенно печется?

Отв. (Для того),⁶ чтобъ онъ благодарилъ какъ за себя, такъ и за всю тварь, для того что она не имѣетъ довольнаго къ тому смыслу. (Еще и то польза, чтобъ человекъ старался образъ Божій не обезобразить).⁷

¹ Въ подлинникѣ заключено въ скобки самимъ ученикомъ.

² Обозначен. скобками рукою наставника поправлено такъ: Богъ не дѣлаеть все то, что можетъ, но что хочетъ: а хочетъ.

³ Обознач. скобками зачеркнуто въ подлинникѣ.

⁴ Обозначен. скобками зачеркнуто въ подлинникѣ.

⁵ Обозначен. скобками написано рукою наставника вм. зачеркнутаго отвѣта.

⁶ Для того рукою наставника зачеркнуто и вм. того написано: Та польза.

⁷ Обознач. скобками приписано рукою наставника.

Вопр. Что насъ побуждать должно къ богопочтенію?

Отв. (То что мы отъ) ¹ (то что) ² онъ самъ чрезъ себя достоинъ (того). 2) то что онъ насъ создалъ. 3) и за его к намъ благодѣяніи.

Вопр. Какая польза, что мы въ будущей жизни надѣмся за добродѣтель награжденія?

Отв. Такая, чтобъ мы въ сей жизни старались какъ возможно добро дѣлать, дабы чрезъ то быть щастливыми въ будущей.

Вопр. Чѣмъ можно доказать человѣческое несовершенство?

Отв. Внутренюю войною, напримѣръ разумъ говоритъ что не надобно ѣхать гулять потому что дурно время, а страсть говоритъ что даромъ надобно ехать.

Вопр. Вопросъ какой способъ намъ себя привести въ прежнее непорочное состояніе?

Отв. Два, первой старатся добро дѣлать второй (надеется на милосердіе божіе). ³

(Но сіи способы не дѣйствительны. Первой, что не можемъ тако исполнить Божій законъ, чтобъ ни въ чемъ противъ его не погрѣшить, а покаяніе признаетъ свои недостатки, но человѣка оставляетъ съ первыми слабостями. И потому остается положиться на милосердіе Божіе, такъ какъ учить евангеліе). ⁴

¹ Зачеркнуто въ подлинникѣ.

² «То что» надписано рукою наставника.

³ Обозначенное скобками зачеркнуто и сверху надписано рукою ученика: покаяніе.

⁴ Обозначенное скобками писано рукою наставника.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ЗАШТАТНАГО

ПЕРТОМИНСКАГО МУЖЕСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Мѣстоположеніе.

Пертоминскій Монастырь * находится въ Архангельскомъ уѣздѣ, отъ города Архангельска къ западу, въ правой сторонѣ отъ дороги въ г. Онегу, разстояніемъ отъ Архангельска верстахъ въ 120, на восточномъ Унской губы Бѣлаго моря берегѣ. Отъ него на сѣверъ— устье сей губы и Бѣлое море, на югъ—Унскій посадъ, отстоящій отъ него верстахъ въ 20, на западъ, чрезъ губу,—Яренгскій приходъ, также верстахъ въ 20, а на юго-востокъ—Красногорская деревня въ 21 верстахъ на самой дорогѣ въ Онегу. Мѣстоположеніе близъ монастыря ровное и песчаное, а далѣе около его частію гористое, частію же ровное и болотистое.

Начало монастыря.

Пертоминская обитель начало свое получила слѣдующимъ образомъ: 1566 года, въ царствованіе царя и великаго князя Іоанна Васильевича, два Соловецкіе монаха (о коихъ въ послѣдствіи дознано,

* Называютъ его и Портоминскимъ и Поратоминскимъ, т. е. монастырь за озеромъ Ратоминскимъ, а въ дѣлахъ пишется онъ и пустынею, и прежде существовалъ подъ именемъ пустыни Всемилостиваго Спаса, Нерукотвореннаго образа.

что именовались Вассіанъ и Іона) и съ ними пять человекъ бѣльцевъ отправлены были на ладѣ въ Двину рѣку 'за покупкою жизненныхъ припасовъ. По исполненіи возложеннаго порученія, монахи сіи, съ находящимися при нихъ на ладѣ людьми, на обратномъ пути своемъ въ Соловецкій монастырь, во время сильной морской бури, противъ Унскихъ роговъ потонули, и тѣла ихъ силою морскихъ волнъ были вынесены въ Унскую губу, называемую Унскими рогами, и выброшены на сушу, на пустомъ мѣстѣ, къ восточной сторонѣ, гдѣ и устроена обитель.*

Спустя нѣсколько времени, жители селенія Луды, отправившись по Унской губѣ для рыбной ловли и приближаясь къ мѣсту, гдѣ лежали тѣла утопшихъ преподобныхъ, замѣтили необыкновенное скопленіе и крикъ плотоядныхъ птицъ и заключили, что тутъ должно быть какое-либо изъ моря изверженіе, и приставъ къ берегу, увидѣли они двоицу иноческихъ тѣлъ, ни алчностью плотоядныхъ птицъ и никакою стихіею неповрежденныхъ. Положивъ себѣ, что сіи смертные люди необыкновенные, и что оставить ихъ тутъ въ безвѣстности не слѣдуетъ, а должно воздать имъ лучшую погребальную почесть, они рѣшились, взявъ ихъ въ свои лодейки, везти въ свое селеніе къ церкви Божіей и по церковному чиноположенію предать землѣ благочестно.

Но когда они съ симъ намѣреніемъ отправились въ обратный путь, внезапно явились въ воздухѣ густая мгла и непроницаемый туманъ, отъ чего они, сбившись съ пути, и блуждая по губѣ не малое время, сверхъ чаянія пристали опять къ тому же мѣсту, гдѣ обрѣтены ими иноческія тѣла, каковое обстоятельство привело ихъ въ великое недоумѣніе. Какъ туманъ еще не проходилъ, а время приближалось къ ночи, то Лудяне предполагаемое погребеніе отложили до утра. Во снѣ являются имъ въ иноческомъ образѣ двоица преподобныхъ отецъ, Вассіанъ и Іона, и завѣщаютъ: «положите насъ на пустомъ семъ мѣстѣ на бору, подъ великою сосною, выше, противъ того же мѣста, на немъ же первѣе обрѣтоша насъ, и тамо погребите наю, въ Лудскую же весъ не возите. Изъ воды бо возьмете насъ, паки ли въ воду хотите погребсти. Егда благоволитъ Богъ, неизреченною премудростію устроить и на семъ мѣстѣ пѣніе и звонъ.»

Вслѣдствіе сего завѣщательнаго гласа, они износятъ изъ лодекъ своихъ мощи на сушу, и положивъ во гробъ, погребаютъ ихъ

* См. въ Памят. кн. повѣств. объ обрѣтеніи мощей препод., листъ 2-й.

съ благоговѣніемъ на бору, подъ большею сосною и поставляютъ надъ ними крестъ. Подъ симъ знаменіемъ въ нѣдрахъ мрачной пустыни, среди дремучихъ по губѣ лѣсовъ, мощи преподобныхъ покоились тридцать три года, именно до 1599 года юня 12-го дня, когда Троицко-Сергіева монастыря старецъ Мамантъ, находившійся въ Лудскомъ селеніи для присмотра по дѣламъ солдоваренія на заводѣ, тому монастырю принадлежавшемъ, отправясь изъ Луды на ладѣ, вѣроятно, съ солью, къ Двинскому устью и плывя по губѣ, былъ остановленъ противнымъ вѣтромъ и волнами прибитъ къ мѣсту погребенія преподобныхъ, гдѣ онъ и пробылъ четыре дня. Во время четырехдневнаго пребыванія своего здѣсь, узрѣлъ онъ въ сонномъ видѣніи преподобныхъ и предложилъ имъ слѣдующій вопросъ: «откуда, братіе, прійдете дозѣ, и како суть имена ваши?» Тогда преподобные, извѣстивъ его о своемъ званіи и о причинѣ покоя своего въ сей пустынѣ, и сказавъ, что одинъ изъ нихъ именуется Вассіанъ, а другой Іона, просили его на мѣстѣ погребенія тѣлъ своихъ (гдѣ стоялъ по ихъ завѣщанію крестъ), поставить часовню, и съ надлежащимъ молитвословіемъ окадить мѣсто сіе еиміамомъ, обѣщая ему Божию милость—попутный вѣтеръ. Велѣніе преподобныхъ старецъ исполнилъ, и по исполненіи благополучно прибылъ со своею ладьею въ назначенное мѣсто.

Послѣ сего благонамѣренные люди, то по усердію своему, то спасаясь отъ морскаго обуреванія, дѣлали въ чудотворную часовню вклады и деньгами и свѣщами, и это происходило отъ поставленія часовни въ теченіи 18 лѣтъ, именно до 1617 года. «Пріемлющаго же, какъ сказано въ Памятной монастырской книгѣ,* не бѣ ту никого же». Но 1617 года, 25 марта, прибылъ сюда изъ Новгородскихъ предѣловъ инокъ, именемъ Іоасафъ, постриженникъ монастыря Александра Свирскаго, родомъ Свирянинъ. Онъ, разчистивъ мѣсто и поставивъ на немъ свою келью, жилъ въ ней одинъ, получая продовольствіе отъ подаянія приходящихъ на поклоненіе мощамъ преподобныхъ, а болѣе отъ пристававшихъ къ берегу для спасенія во время морскихъ бурь и волненій. И вотъ первый инокъ и основатель и первое собственно монастырское зданіе Пертоминской обители.

Дальнѣйшее созиданіе монастыря, церквей и другихъ строеній.

Спустя нѣсколько времени, къ первому пустынножителю Іоасафу прибылъ другой старецъ Савватій, потомъ Діонисій (Сорока), а послѣ

* См. въ Памят. кн. л. 3 на оборотѣ.

ихъ нѣкій священноиннокъ Ефремъ. Сія четверица * братіи, рѣшившись обитать въ семь пустынномъ уединеніи, положили намѣреніе создать храмъ Господу Богу во имя Спасова Преображенія, надъ мощами преподобныхъ, и въ слѣдствіе такового предположенія начали готовить лѣсъ и носить оный на раменахъ своихъ. Дѣло было выше силъ сихъ слабыхъ пустынниковъ; но нечаянно является на помощь сямъ здателямъ немалое количество людей на двухъ ладьяхъ, плывшихъ для богомоленія въ Соловецкій монастырь, и видя непосильные труды слабыхъ, но единодушно и единомысленно трудившихся иноковъ, дали имъ въ семь дѣлъ значительную помощь, такъ что пустынники, приведя матеріалы свои въ готовность, рѣшились, снявъ часовню, создать надъ мощами церковь, и по благословенію Іоны, митрополита Сарскаго и Подонскаго, положили основаніе храму 1618 года мая 29 дня.

Въ слѣдующій годъ они, приведя церковное строеніе къ концу и приготовивъ къ освященію, послали отъ себя священно-иннока Ефрема въ Вологду къ архіепископу тогдашняго времени съ челобитною о пожалованіи благословенной на освященіе храма грамоты, антимиаса и прочей церковной утвари. Священноиннокъ Ефремъ отъ архипастыря былъ всѣмъ удовлетворенъ, но на обратномъ пути изъ Вологды Литовцами ограбленъ и убитъ.

По причинѣ скудости и опасности отъ грабительствъ со стороны Литовцевъ, чинившихъ тогда грабежи по Вологодской губерніи, братія Пертоминская разошлась, кромѣ одного старца Савватія. Къ нему, спустя немного времени, прибылъ изъ Поноя нѣкій священноиннокъ Іаковъ, который взялъ на себя снова ходатайствовать у архіепископа объ освященіи новосозданнаго храма и о всей церковной утвари, и испросивъ благословеніе, возвратился въ обитель благополучно. По возвращеніи его, освященъ первоначальный храмъ во имя Спаса Боголѣпнаго Преображенія въ 1619 году 24 сентября, и устроена въ немъ рака надъ мощами преподобныхъ Вассіана и Іоны. Между тѣмъ въ обитель возвращается самъ Іоасафъ и прочіе первоначальные иноки. Къ нимъ присоединяются другіе пришельцы и между

* Въ Памятной монастырской книгѣ пишется (лѣтъ 4-й), что къ сей четверицѣ прибыло въ монастырь еще двое изъ мірскихъ людей, именно, сборщикъ отъ нѣкоего изъ русскихъ монастырей Козьма съ сыномъ. Здѣсь онъ заболѣлъ, и, по явленію ему преподобныхъ, получилъ исцѣленіе, давъ обѣтъ остаться въ монастырѣ и съ сыномъ своимъ.

ними братъ Іоасафа—Іосифъ, такъ что братіи собралось 12 монаховъ, исключая бѣльцевъ. Въ 1637 году ноября въ 28 день первоначальный пустынный Іоасафъ, по престарѣлости своей, сдаетъ строительство пустыни и всю братію брату своему старцу Іосифу. Сей Іосифъ съ братією своею начали прилагать труды къ трудамъ, различая мѣста и углаждая мѣстоположеніе для хлѣбопашества и сѣнокоса. Принимая стекавшуюся въ обитель братію, онъ увидѣлъ, что первоначальный храмъ малъ и тѣсенъ; почему съ совѣта братіи вознамѣрился строить новый, пространнѣе первоначальнаго, и желая благое свое намѣреніе привести въ исполненіе, билъ челомъ царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу о созданіи новой церкви. Государь соизволилъ на это и пожаловалъ на церковное строеніе въ поминовленіе блаженныя памяти по отцѣ своемъ великомъ государѣ Филаретѣ Никитичѣ 50 рублей, и въроатно, въ незабвенную память тезоименитства Ѳеодора Никитича повелѣно быть престолу на имя св. великомученика Ѳеодора Стратилата, а въ 1639 году іюня въ 8-й день, по благословенію святѣйшаго Патріарха Іоасафа, положено основаніе храму во имя Успенія Пресвятыя Богородицы.

1649 года марта въ 7-й день основатель пустыни старецъ Іоасафъ преставился, а по немъ, въ 1657 году скончался и преемникъ его трудовъ и строительства, братъ его Іосифъ, основатель застроившагося храма.

По смерти же сего Іосифа взялъ на себя начальство, какъ видно изъ записокъ, самовластно келейный Іосифа, чернецъ схимонахъ Тихонъ. Во время его строительства, въ 1666 году, мая въ 8-е число, церковь Преображенія Господня, пространнѣе первоначальной выстроенная, и Успенія Пресвятыя Богородицы, со всѣмъ церковнымъ имуществомъ и строеніемъ, съ образами, книгами, ризами и монастырскою казною и посудою мѣдною и оловянною, погорѣли. Это бѣдствіе истребило всѣ зданія монастырскія.

Въ предотвращеніе, по возможности, подобныхъ бѣдствій, братія возымѣла мысль воздвигнуть на погорѣломъ мѣстѣ храмъ каменный во имя Нерукотвореннаго образа, и въ 1670 году въ 1 день іюня приступлено къ дѣлу заготовленія матеріаловъ, въ 16 день Августа—на праздникъ Нерукотвореннаго образа—и основаніе положено; сверхъ сего, въ 1671 году мая въ 16 день къ той же церкви заложенъ придѣлъ во имя мученика Христофора, который и освященъ былъ въ 1674 году въ 7-й день іюля. Царскія двери къ сей церкви и деисусъ пожаловала благовѣрная государыня великая княжна Ирина Михайловна.

Въ 1679 году Пертоминской пустыни строитель Михаилъ Харзѣевъ съ братією просилъ Новгородскаго митрополита Корнилія о построеніи вновь храма Преображенія Господня съ придѣломъ великомученика Феодора Стратилата. По указу Государя Феодора Алексѣевича, дана митрополитомъ на построеніе тѣхъ храмовъ благословенная грамота, и въ 1680 году 28 сентября положено храмамъ основаніе, а 1684 г. 28 Сентября, по благословенію Аѳанасія архіепископа Холмогорскаго и Важскаго, тѣ храмы освящены Холмогорскаго кафедральнаго собора ключаремъ Алексіемъ. Храмъ Преображенія Господня съ придѣломъ и донинѣ существуетъ въ Пертоминской пустыни.

1683 года февраля 26 дня,* по грамотѣ великихъ государей и великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей, данной архіепископу Аѳанасію повелѣно построить каменную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы съ трапезою, хлѣбною и погребами, а матеріалы на это строеніе доставлять изъ Архангельска на счетъ государевой казны. Въ слѣдствіе сего, на основаніе храма того и дана отъ преосвященнаго архіепископа благословенная грамота апрѣля въ 15-й день того же года.

Храмъ сей, который и нынѣ существуетъ, въ продолженіе 9-ти годовъ приведенъ къ окончанію и въ 1692 году окт. 2 дня освященъ, по грамотѣ того же архіепископа, Пертоминскимъ игуменомъ Лаврентіемъ съ поповскимъ старостою священникомъ Иваномъ Исакіевымъ и Архангельскаго собора діакономъ Алексіемъ.

Церковь сія трехъ-этажная: въ верхнемъ этажѣ ризница въ двухъ довольно пространныхъ комнатахъ, въ среднемъ этажѣ въ срединѣ наперть и трапеза, а по сторонамъ настоятельскія и братскія келліи, далѣе самая церковь въ одной связи, а внизу кладовая, хлѣбная, братская трапеза, поварня и отчасти братскія жилыя кельи.

Кромѣ сей каменной церкви, начата строеніемъ въ 1804, а окончена въ 1814 году другая небольшая каменная церковь, по благословенію епископа Парѳенія, во имя преподобныхъ Зосимы и Савватія съ каменною же колокольнею объ одномъ ярусѣ.*

* Церковь сія, по предположенію строителя Рафана, представленному на благоусмотрѣніе епископа Евлампія въ 1804 году и имъ утвержденному, должна была быть во имя преп. Вассіана и Іоны, но впоследствии по представленному строителемъ Логаномъ на выборъ епископа Парѳенія предположенію устроить церковь сію во имя Вассіана и Іоны, или Соловецкихъ Чудотворцевъ, преосвященный Парѳеній разрѣшилъ послѣднее. См. Пам. кн., стр. 23—29.

Внезапное и неожиданное посѣщеніе обители Государемъ Императоромъ Петромъ I-мъ и свидѣтельствованіе мощей преподобныхъ.

Пертоминская обитель, какъ уже и видѣли, имѣла полный составъ иночествующихъ, благоукрашалась, по повелѣніямъ самодержавныхъ государей, величественными для своего времени храмами, и слава ея далеко уже разносилась устами боголюбцевъ; но за всѣмъ тѣмъ останки тѣхъ, ради коихъ почило благословеніе на оной, именно мощи преподобныхъ Вассіана и Іоны, сперва огражденные силою одного креста, а послѣ молитвенною храминою, поставленными надъ мѣстомъ ихъ покоища, оставались не свидѣтельствованы и подъ спудомъ въ землѣ 128 лѣтъ, съ 1566 г. до 1694, т. е. до времени чудеснаго спасенія во время бури отъ потопленія въ Унскихъ Рогахъ Государя Императора Петра I-го со всѣмъ находящимся при немъ синклитомъ и Преосвященнымъ Архіепископомъ Аванасіемъ, и занесенія къ мѣсту покоища преподобныхъ, какъ его самаго, такъ и его свиты. Во славу Божию и преподобныхъ, здѣсь весьма умѣстно вкратцѣ разсказать о событіи знаменательномъ и для Преобразователя Россіи и для Пертоминской обители.

Великій Государь, отправясь въ маѣ 1694 года изъ Архангельска въ Соловецкую обитель, вдругъ встрѣтилъ на морѣ ужасную бурю, отъ коей на судахъ все стало сокрушаться, и самые якоря не могли сдержатъ оныхъ. Какъ рабъ и поклонникъ Бога Вышняго, думая уже о послѣднемъ часѣ жизни, велѣлъ онъ архіепископу послѣ исповѣди пріобщить себя святыхъ и животворящихъ таинъ и за тѣмъ, съ упованіемъ на милосердіе Божіе, сталъ ожидать того конца, какой укажетъ ему Господь. Смиреніе, упованіе на Бога, а можетъ быть, и молитвы Пертоминскихъ угодниковъ, спасли его драгоценную жизнь и всѣхъ сущихъ съ нимъ. Дерзновенная къ великому царю просьба бывшего на яхтѣ архіерейскаго лоцмана Антипы: «Государь, позволь мнѣ править въ Унскіе Рога», и данное позволеніе отъ царя скоро положили конецъ неизбѣжной опасности. Яхта, правимая Антипою, безъ поврежденія пронеслась среди многихъ подводныхъ камней и пристала къ берегу Пертоминской обители, къ землѣ, въ коей покоились мощи преподобныхъ. Никто не усомнится, что всѣ сіи событія совершились по манію свыше. Признательный Всевышнему Монархъ первѣе всего посѣщаетъ молитвенные храмы безмолвной обители, въ молитвахъ и благодареніи благоговѣетъ предъ Царемъ царей, выслу-

шивая общественныя Богослуженія, и за тѣмъ умалаясь до зрака раба, разоблачается изъ царскихъ одеждъ, и руки Скиптродержца приѣмлютъ сѣкиру древодѣлателя и изсѣкаютъ Божественное знаменіе— животоворящій крестъ. Сіе знаменіе подѣмлетъ великій самодержецъ на свои царственныя рамена, несетъ едва не на полуверстномъ разстояніи, водружаетъ на мѣстѣ берега, гдѣ Господь указалъ въ первый разъ ступить ему, какъ чудесно спасенному. На нижнемъ рогѣ креста вырѣзана имъ слѣдующая Голландская надпись:

D A T		Сей
K R U I S	M A K E N	крестъ поставилъ
K A P T E I N	P I T E R	Капитанъ Петръ
V A N . A .	S N T .	въ лѣто Христово
1694.		1694.

Крестъ сей, по волѣ Императора Александра 1, перенесенъ въ Архангельскій кафедральный Соборъ въ 1805 году; но точная съ него копія на томъ же самомъ мѣстѣ имѣется и понынѣ въ сохранности.

За тѣмъ 5-го іюня, приказавъ править всенощное бдѣніе Всемилостивому Спасу, послѣ онаго назначилъ архіепископу Аѳанасію съ освященнымъ соборомъ освидѣтельствовать по чину церковному мощи преподобныхъ, покоившіяся въ часовнѣ въ нѣдрахъ земли. Вслѣдствіе сего Преосвященный Архіепископъ съ освященнымъ соборомъ, снявъ ветхій срубъ и раскопавъ около него землю, нашли мощи только одного изъ преподобныхъ, а котораго именно, Вассіана или Юны, неизвѣстно донинѣ; и когда Преосвященный Аѳанасій въ присутствіи Монарха и синклита осязалъ главу мощей, кости и персть, и учинены были надлежащія опыты изслѣдованія, тогда по долгомъ совѣщаніи съ великимъ Монархомъ онѣ признаны за святыя и оставлены въ часовнѣ подъ спудомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ были погребены. Хотя другаго преподобнаго мощей не обрѣтено; но они издревле на иконахъ изображаются двоицею въ иноческомъ образѣ, являются и чудотворятъ издамече приходящимъ и всѣмъ, на помощь ихъ съ вѣрою призывающимъ, подають благопоспѣшество. Что же касается до того, вмѣстѣ ли тѣла ихъ отъ первоначальныхъ погребателей или порознь погребены были, свѣдѣній о семъ нигдѣ доселѣ не открыто. Являются же преподобные иногда вмѣстѣ, иногда порознь.

Явленія и чудеса преподобныхъ Вассіана и Іоны.

Судьба прославленія мощей преподобныхъ Вассіана и Іоны сопровождалась, какъ уже видѣли, чудесными обстоятельствами. Промыслъ Божій о нихъ явился первоначально въ сохраненіи ихъ, во время потопленія, отъ хищныхъ морскихъ рыбъ и выносѣ ихъ невреденными на берегъ, а на самомъ берегу также невреденными отъ плотоядныхъ птицъ, и въ обстоятельствахъ ихъ обрѣтенія великимъ Монархомъ, чудно спасеннымъ близъ ихъ покоища. Скоро и очень скоро, по преставленіи своемъ, они начали являть дарованную имъ силу и благодать Божію. Первѣе всего, они сами назначаютъ мѣсто погребенія своимъ мощамъ, спасая во время волненія Лудскихъ благочестивыхъ поселянъ, усердствовавшихъ было погребсти тѣла ихъ при своей приходской церкви, и принесенныхъ волнами опять къ тому же мѣсту, гдѣ были обрѣтены ими мощи преподобныхъ.* Далѣе, преподобные являются во снѣ старцу Троицко-Сергіевой лавры Маманту, задержанному волненіемъ на мѣстѣ ихъ погребенія въ продолженіе четырехъ дней, и приказываютъ ему надъ ихъ мощами устроить часовню, за что обѣщаютъ ему попутный вѣтеръ: Мамантъ приказанное исполнилъ и обѣщанное получилъ. Нѣкоему сборщику подааній въ пользу одного изъ монастырей, Козмѣ, тяжело заболѣвшему, они являются, совѣтуютъ собранное имъ оставить въ ихъ обители на церковное строеніе** (ибо тогда еще не было церквей въ обители) и обѣщаютъ здравіе: Козма также приказанное исполняетъ и получаетъ здравіе, давъ при томъ, по явленію и завѣщанію преподобныхъ, обѣтъ остаться въ мѣстѣ ихъ, съ находившимся при немъ сыномъ. Кромѣ вышеописанныхъ въ Памятной монастырской книгѣ сохранены два обстоятельства, доказывающія благодѣтельную помощь преподобныхъ. Первое. Въ великій мясопустъ (какого года не сказано) загорѣлся въ обители скотный дворъ и ограда, при чемъ сгорѣли двѣ скотины и нѣсколько корму. Дворъ этотъ стоялъ близъ

* Причемъ преподобные предрекали, что егда благоволитъ Богъ неизреченною премудростію, устроить и на семь мѣстъ пѣніе и звонъ. Пам. кн. л. 2 об. и 3-й въ началѣ. Тамъ-же о всѣхъ прописныхъ въ сей ст. обстоятельствахъ, листы 1—6.

** Въ Памятной монастырской книгѣ это обстоятельство заканчивается замѣчаніемъ, что сотворися таковое чудо на цедужномъ преподобными, «за еже пророчеству ихъ не солгаться.» Стр. 4-я на обор.

монастыря и церковей. При бывшей тогда скудости въ обители, братія начинали скорбѣть о лишеніяхъ, но явленіемъ преподобныхъ были утѣшены. Преподобные являются старцу Аврамію, и объяснивъ ему причину пожара тѣмъ, что скотному двору не надлежало быть близъ церкви, приказываютъ ему снова и немедленно построить скотный дворъ близъ озера. Въ третій же день послѣ сего явленія, прибѣгъ къ монастырю росомаха. Звѣря поймали и продали за 20 гривенъ серебра. На деньги сіи устроены скотный дворъ при озерѣ, гдѣ онъ и донинѣ находится. Второе. Случилось въ обители крайнее оскуднѣніе казны тогда, какъ производились тамъ постройки. Трудники и наемники приступили къ хранителю казны съ просьбою: должнаго за труды, а уплатить было не чѣмъ. Братія скорбѣли и не знали, что дѣлать, но возложили упованіе на помощь Божию и преподобныхъ. Надежда была нещетна. Къ вечеру того дня, когда надлежало учинить расплату съ трудниками и наемниками, поднялась на морѣ сильная буря, загнала волнами въ Унскіе Рога и выбросила на берегъ уже омертвѣвшаго кита, противъ монастыря. Братія, по выходѣ изъ церкви послѣ вечерни, увидѣли на берегу это морское животное—«яко гору», и въ то же время признали въ семъ обстоятельствѣ милость Божию и помощь преподобныхъ оскудѣвшей своей обители. Они измѣрили кита и нашли въ немъ восемь большихъ сажень, а разсѣкши взвѣсили и нашли въсу одного жиру болѣе 200 пудовъ. Продавъ это, они выручили «до 500 гривенъ», и изъ нихъ уплатили трудникамъ и наемникамъ, да и состояніе монастыря поддержали.

Пожалованія и влады царскіе и пожертвованія частныхъ лицъ.

Пертоминская обитель имѣла счастье принимать милости отъ нѣкоторыхъ царственныхъ особъ, именно слѣдующія:

а) 1636 года іюня 19 дня, государь Михаилъ Федоровичъ пожаловалъ въ вѣчное поминовеніе по отцѣ своемъ святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ 50 рублей.

б) 1646 года царица Евдокія Лукіановна пожаловала для Преображенской церкви царскія врата и сѣнь, писанную на золотѣ.

в) 1678 года іюня 15 дня отъ монаршихъ щедротъ высочайше повелѣно выдать въ Пертоминскую пустынь 50 четвертей ржи на пропитаніе братіи.

г) Крестъ напрестольный серебряный, весь вызолоченный съ

мощами святыхъ, и обложенный добрымъ зернистымъ жемчугомъ, съ надписаніемъ: «Лѣта 7188 апрѣля въ 20-й день построень сей крестъ повелѣніемъ великія государыни царевны и великія княжны Татьяны Михайловны въ Преображенскую пустынь въ вѣчное поминование по душѣ сестры великой государыни благовѣрной царицы и великой княжны Ирины Михайловны,—не отъемлемо.»

д) 1683 г. февраля 27 дня цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи пожаловали на созиданіе каменнаго храма Успенія пресвѣтыя Богородицы, на братскія кельи и на ограду всё матеріалы, какъ то: кирпичъ, известь, желѣзо, и всё эти зданія повелѣно ими возвести на счетъ казны царской.

е) 1684 г. тѣми же государями—съ покупныхъ монастырскихъ припасовъ по всёмъ городамъ десятой пошлнны не брать.

ж) 1686 г. тѣми же государями повелѣно выдавать строителю про вся годы прогонныя деньги на 13-ть лошадей, и при томъ предписано воеводамъ на Двину и на Холмогоры имянными грамотами давать строителю Пертоминской пустыни водоходныя суда съ Вологды до Холмогоръ, и отъ Холмогоръ до монастыря со всякими снастями, или вмѣсто судовъ деньги изъ таможенныхъ доходовъ.

з) 1689 г. апрѣля въ 15 день отъ царственнаго двора тѣхъ же государей пожалованы сосуды серебряныя, вѣсомъ въ три фунта двѣнадцать золотниковъ, съ надписью: «7197 г. апрѣля въ 15 день, въ вѣчное поминование по государынѣ цесаревнѣ и великой княжнѣ Принѣ Михайловнѣ.»

и) 1690 г. тѣ же государи пожаловали игумену съ братією на разные расходы сто девяносто восемь рублей, пятнадцать алтынъ и одну деньгу.

і) 1694 г. юня 3-го, Императоръ Петръ I-й, во время пребыванія своего въ семъ монастырѣ, изволил даровать на строеніе ограды 200 рублей, да братіи въ милостыню 60 рублей, въ церковь краснаго вина и свѣчь довольное количество и рыбы для братскаго стола; пожаловалъ также монастырю рыбныя и звѣриныя ловли; государственныйя пошлнны, взятыя за прошлыя годы, повелѣлъ возвратить; за разбитую на промыслѣ ладью даровалъ монастырю, въ вознагражденіе убытка, 60 рублей.

Пожертвованія частныхъ лицъ, болѣе значительныя, были слѣдующія:

к) 1654 г. окол.ничій Федоръ Бутурлинъ положилъ вкладомъ образъ Пресвятыя Богородицы съ Ростовскими чудотворцами, обложенный вѣнцами и датами басменными, и другой образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрии съ таковымъ же окладомъ, и кромѣ того двойной камки на сосуды покровы съ золотыми крестами.

л) 1785 г. генераль-маіоръ Петръ Мартыановъ пожаловалъ три образа въ кіотѣ деревянномъ: изъ нихъ два двенадцати Апостоловъ, а третій Вознесенія Господня, съ двумя ликами св. Іоанна милостиваго и св. Іоанна воина, въ серебряныхъ окладахъ, съ вѣнками чеканными.

м) 1828 г. іюня 21 дня, капитанъ 1-го ранга Алексѣй Сарычевъ приложилъ въ церковь преподобныхъ двѣ хоругви на голубой французской тафтѣ, обложенныя кругомъ золотою бахрамою съ золотыми на концахъ кистями; на одной хоругви изображеніе знаменія пресвятыя Богородицы, а наоборотъ ея св. Іоаннъ Предтеча и Симеонъ Богопріимецъ; на другой св. мученики: Гурій, Самонъ и Авивъ, а на оборотѣ—Зосима и Савватій Соловецкіе, Вассіанъ и Іона Пертоминскіе чудотворцы.

н) Того же года Архангельскій купецъ Аѳанасій Плотниковъ приложилъ во храмъ преподобныхъ угодниковъ два серебряныхъ сосуда, внутри золоченыя, вѣсомъ 43 золотника.

Угодья монастыря.

До штатовъ было за монастыремъ 25 душъ крестьянъ. Когда в кѣмъ они пожалованы, неизвѣстно. Въ 1800 году дано монастырю земли:

1) Пахотной, именуемой банное поле, находящееся близъ монастыря, 4 десятины 1400 квадр. сажень.

2) Сѣнокосной въ разныхъ мѣстахъ, а именно:

а) въ наволокъ двѣ десятины 528 квадр. сажень.

б) при каменномъ ручьѣ 11 десятинъ 1600 квадр. сажень.

в) неудобной одна десятина 165 квадр. сажень.

г) въ ягодномъ и островской 11 десят. 1242 сажени.

д) неудобной одна десят. 2100 квадр. сажень, разстояніемъ отъ монастыря въ 10 верстахъ.

Сверхъ сего, монастырь имѣеть слѣдующія угодья: четыре тони рыбныхъ и звѣриныхъ на Унскомъ берегу, кои состоятъ на оброкѣ, также озеро съ истокомъ для ловли на пищу рыбы, за губою на Лудской сторонѣ, называемое Ратоминскимъ, и при немъ сѣнные покосы, разстояніемъ отъ монастыря въ 20 верстахъ. Довольствіе монастырь получаетъ и отъ домашняго хозяйства, хотя и малаго, состоящаго въ разсадкѣ огородныхъ овощей и скотоводствѣ. Лошадей съ нужными для хлѣбопашества инструментами содержится въ немъ двѣ-три, а рогатаго скота штукъ до десяти.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ монастыря и отъ баннаго озера, на протекающемъ изъ него ручьѣ, устроена деревянная мукомольная мельница.

Въ Сумскомъ посадѣ находится на оброкѣ другая деревянная же мукомольная мельница, на владѣніе коей имѣется указъ 1803 года февраля 5 дня.

Зданія монастырскія.

Благочестивый Монархъ явилъ особенныя щедроты свои обители еще тѣмъ, что по царскому его указу повелѣно выстроить для братіи каменные кельи, и, отъ келій сажень на 20-ть, таковую же ограду съ башнею на углу, а для присмотра за строеніемъ былъ опредѣленъ офицеръ; каковое строеніе чрезъ два года и окончено. Но чрезъ 138 лѣтъ зданія сіи подверглись разрушенію, особенно ограда, которая въ настоящее время замѣнена палисадникомъ; оставшаяся половина обветшавшаго корпуса келій, по возможности, поддерживается, какъ незабвенный памятникъ великаго благотворителя обители.

Отъ вышеописанныхъ зданій въ 25 саженьяхъ на южной сторонѣ находится деревянный домъ съ двумя покоемъ для рабочихъ людей, и при немъ скотный дворъ.

На берегу губы, въ полуверстномъ разстояніи на сѣверъ, амбаръ о двухъ кладовыхъ.

Въ 15-ти саженьяхъ отъ деревяннаго дома на востокъ деревянное гумно съ овиномъ.

Не подалеку отъ дома погребъ земляный со срубомъ и амбаромъ на верху, и деревянная баня.

Самостоятельность монастыря и перемѣны въ ономъ.

Самостоятельность Пертоминскаго монастыря, со времени его основанія, дважды подвергалась перемѣнамъ. Изъ описанія видно, что

Пертоминская обитель начало свое получила въ 1-й половинѣ XVII столѣтія, и именно 1617 года, съ пришествіемъ перваго инока Юасафа, и съ тѣхъ поръ существовала независимо отъ другихъ монастырей около 40 лѣтъ. Но когда былъ устроенъ монастырь Крестный, тогда святѣйшій патріархъ Никонъ, основатель и строитель Крестнаго монастыря, приисалъ къ нему, между другими обителями, и Пертоминскую со всѣми ея монастырскими строеніями и угодьями, отобравъ также нѣкоторую церковную утварь, жалованныя грамоты и письменныя крѣпости. Въ семь подчиненіи она находилась до 1675 года. А въ этомъ году, уже по сошествіи Никона съ патріаршаго престола, Корнилій митрополитъ Новгородскій, по челобитью домоваго своего чернаго діакона Михаила Харзѣва, приказалъ Ананію, игумену Сырбенской пустыни (бывшей также приписною къ Крестному монастырю, но отдѣлившейся отъ него ранѣе Пертоминской), отобрать отъ Крестнаго монастыря все, взятое въ оной изъ Пертоминскаго и передать послѣдному по описи, «и впредь тоя Пертоминскія пустыни, никакими угоды Крестнаго монастыря архимандриту съ братією владѣть не велѣлъ, а велѣлъ тою пустынею и со всѣми угоды вѣдать черному діакону Михаилу, и тою пустыню со всякою монастырскою казною и съ монастырскимъ строеніемъ отписать на чернаго діакона Михаила».* Такимъ образомъ самостоятельность Пертоминской пустыни возстановлена. А по установленіи штатовъ, пустынь упразднена и монахи переведены въ пустынь Ламбасскую Пинежскаго уѣзда, оставленную на своемъ содержаніи, а за тѣмъ и земли и всѣ угоды отошли частію къ Ламбасской пустыни, частію къ крестьянамъ селеній, въ коихъ они находились. Но 1766 года ноября 13-го дня, преосвященный Юасафъ представилъ Святѣйшему Синоду, что Ламбасская пустынь къ жительству монашествующихъ неспособна, упраздненная же пустынь Пертоминская, по своимъ строеніямъ церковнымъ и хозяйственнымъ, равно и положенію на пути богомольцевъ въ Соловецкій монастырь, заѣзжавшихъ для поклоненія мощамъ Вассіана и Юны, гораздо лучше и выгоднѣе для жительства и довольства монашествующихъ, и просилъ объ оставленіи Пертоминской пустыни на такомъ же положеніи, какъ оставлена была и Ламбасская. Въ слѣдствіе сего, 1774 года 26-го іюня указомъ Святѣйшаго Синода велѣно монаховъ изъ Ламбасской пустыни вывести въ Пертоминскую, и по выходѣ, съ первую поступить

* См. грамоту о семь митр. Корнилія въ Пам. кн. л. 30 и 31-й.

по силѣ напечатаннаго при духовныхъ штатахъ учрежденія; а 1775 года 7-го марта, указомъ Святѣйшаго Синода преосвященному Арсенію предоставлено на усмотрѣніе, какую изъ сихъ двухъ пустыней оставить выгоднѣе. Но сіи два указа долго не были исполнены по тому, что земли, принадлежавшія Пертоминской пустыни, по упраздненіи ея, нѣкоторыя остались у крестьянъ, бывшихъ за нею, а другія, за удовлетвореніемъ крестьянъ и за неимѣніемъ другихъ по близости крестьянскихъ селеній, отданы въ оброкъ. Дѣло такимъ образомъ затянулось. По резолюціи преосвященнаго Веніамина, преемника Арсенія, Архангельская консисторія представляла по сему предмету въ Контору государственной коллегіи экономіи свои предположенія и требованія. Конторою, въ удовлетвореніе Пертоминской пустыни, сдѣланы распоряженія, но въ исполненіи ихъ открылось затрудненіе со стороны крестьянъ, показавшихъ, что земли, коими назначено удовлетворить Пертоминскую пустынь, неудобны; въ слѣдствіе сего, угодья назначены въ другихъ мѣстахъ, и дѣло кончилось только въ концѣ 1778 года. * Съ того времени Пертоминская обитель и понынѣ пользуется самостоятельностью.

Іерархическая степень обители и управленіе.

Пертоминская обитель со времени своего основанія всегда состояла на своемъ содержаніи, и теперь—въ числѣ заштатныхъ. Настоятели ея были первоначально строители, иногда игумены, а иногда и простые вдовые священники, по малолюдству братіи, и даже іеродіаконы и простые монахи. Прежде всякаго настоятельства, жили при мощахъ Вассіана и Юны Мамантъ, потомъ Діонисій Сорока и наконецъ черный попъ Ефремъ, поставившій Преображенскую церковь, освященную игуменомъ Іаковомъ.

1) Впрочемъ первымъ строителемъ и основателемъ Пертоминской обители, по мѣстнымъ записямъ, былъ нѣкто инокъ Іоасафъ, прибывшій 1617 года изъ предѣловъ Великаго Новгорода, постриженникъ пустыни Александра Свирскаго, родомъ Свирянинъ. Скончался онъ 1649 года марта въ 7-й день. А по списку Строева, первымъ игуменомъ въ Пертоминскомъ монастырѣ былъ Іаковъ съ 1617 до 1621 года. Въ этомъ послѣднемъ году 11 іюня, дѣйствительно, пожалована

* См. о семъ консисторскіи указъ 1778 г. декабря 4 дня въ Пам. мон. кн. лст. 101—104.

была царская грамота на имя игумена Іакова съ братією.—Кромѣ того, въ 1627, 1630 и 1633 годахъ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, упоминается іеромонахъ Антоній съ братією.

2) Преемникомъ Іоасафа былъ инокъ Іосифъ, постриженникъ сея пустыни, избранъ по приговору братіи, еще при жизни Іоасафа, отказавшагося отъ начальствованія за престарѣlostiю; мужъ искусный и трудолюбивый, родомъ Серпуховинъ. Онъ скончался 1657 года марта въ 25 день. Впрочемъ въ 1637 году упоминается въ Пертоминской пустынѣ Спасскій черный попъ Корнилій, на имя коего дана въ Новгородѣ 5 марта Новгородскимъ митрополитомъ Афеоніемъ грамота на построеніе Успенской церкви съ придѣломъ Алексѣя челоуѣка Божія на старомъ церковномъ мѣстѣ. Въ 1639 году упоминается строитель іеромонахъ Вассіанъ. .

3) Послѣ Іосифа восхитилъ строительство схимонахъ Тихонъ (1657 г.) и строителствовалъ девять лѣтъ. За нимъ настоятельствовали:

4) Строитель Ѳеодосій, священникъ (1666 г.), принявшій сію должность по выбору братіи.

5) Строитель священноинокъ Ефремъ 1668 года.

6) Строитель Іеромонахъ Михаилъ Харзѣевъ изъ іеродіаконовъ домовоу церкви Корнилія митрополита Новгородскаго (1675 г.). По его ходатайству монастырь сей, приписанный патріархомъ Никономъ къ Крестному монастырю, отошелъ отъ него со всѣми бывшими за нимъ владѣніями и сдѣлался опять самостоятельнымъ. При немъ же въ 1679 году, по грамотѣ Новгородскаго митрополита Корнилія, построена церковь Преображенія Господня, съ придѣломъ Ѳеодора Стратилата, которая и нынѣ существуетъ; а въ 1683 году, по царской грамотѣ, строена каменная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы съ трапезою, хлѣбною и погребами, съ отпускомъ жалованнаго изъ казны матеріала на постройку оной. Имъ же исходатайствованы монастырю и царскія многія милости. Управление игумена Михаила продолжалось съ 1675 до 1690 года и вообще ознаменовано жалованными грамотами и вкладами монастырскими отъ царей и царяцъ. Но по долговременномъ начальствованіи онъ, за разныя преступленія, патріархомъ Іоакимомъ въ декабрѣ 1690 года отрѣшенъ отъ должности и сосланъ въ Сибирь. Послѣ Михаила завѣдывали монастыремъ нѣсколько времени келарь старецъ Вавила и казначей старецъ Серапіонъ.

7) Игуменъ Лаврентій. При немъ въ 1691 году построена,

вмѣсто обветшавшей Преображенской церкви, надъ мощами чудотворцевъ Вассіана и Іоны, деревянная часовня, по грамотѣ Холмогорскаго архіепископа Аѳанасія. При немъ также достроена и освящена въ 1692 году каменная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, остающаяся досель, а стоявшая подлѣ нея съ 1637 года Успенская деревянная церковь въ 1691 году разобрана по грамотѣ преосвященнаго архіепископа Аѳанасія.

8) Строитель іеромонахъ Меводій..... 1693 г.
Въ 1700 году управлялъ келарь іеромонахъ Іона.

9)	Строитель	игуменъ Викентій.....	1701	»
10)	»	іеромонахъ Флавіанъ.....	1705	»
11)	»	іеромонахъ Евагрій.....	1707	»
12)	»	іеромонахъ Варсонофій....	1708	»
13)	»	іеродіаконъ Елисей.....	1721	»
14)	»	іеромонахъ Іосифъ.....	1728	»
15)	»	іеромонахъ Даніилъ.....	1751	»
16)	»	игуменъ Игнатій.....	1753	»
17)	»	схимонахъ Давидъ.....	1754	»
18)	»	іеромонахъ Іаковъ.....	1757	»
19)	»	іеромонахъ Іона..	1758	»
20)	»	монахъ Михаилъ.....	1759	»
21)	»	іеродіаконъ Іоасафъ Лебедевъ.....	1761	»
22)	»	священникъ Гавріилъ.....	1762	»
23)	»	іеромонахъ Веніаминъ.....	1763	»
24)	»	іеросхимонахъ Василій.....	1764	»
25)	»	игуменъ Петръ.....	1765	»

А по списку Строева Петръ переведенъ изъ Корельскаго монастыря 1 апрѣля 1762 года.

26)	»	монахъ Фирсъ	съ 1766 до 1778 г.	
27)	»	іеромонахъ Григорій.....	1781	»
28)	»	іеромонахъ Вардаамъ.....	1787	»
29)	»	іеромонахъ Θεодосій.....	1792	»
30)	»	іеромонахъ Рафаилъ.....	1804	»

При немъ, вмѣсто бывшей деревянной часовни надъ мощами преподобныхъ Вассіана и Іоны, построена каменная церковь во имя сихъ чудотворцевъ съ употребленіемъ каменнаго матеріала изъ начатой, но недостроенной каменной оградѣ вокругъ монастыря.

31)	Строитель	іеромонахъ Германъ.....	1809 г.	
32)	»	» Александръ	1810	»

33) > > Илія 1811 г.

34) > > Логгінъ 1812 >

При немъ въ 1814 году освященъ каменный храмъ во имя Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ, вмѣсто предположенной церкви во имя преподобныхъ Вассіана и Іоны. Онъ былъ дѣятельный строитель, изрядный экономъ и искусный земледѣлецъ.

35) Строитель іеромонахъ Венедиктъ 1823 >

36) > вдовый священникъ Стефанъ Уаровъ... 1831 >

37) > іеромонахъ Софонія 1832 >

38) > іеромонахъ Іезекіиль 1835 >

По окончаніи курса въ Архангельской Семинаріи, онъ посвященъ во іерея Холмогорскаго Преображенскаго Собора, но овдовѣвъ, вступилъ въ монашество; былъ казначеемъ Крестнаго монастыря, а потомъ опредѣленъ строителемъ Пертоминской обители.

39) Строитель іеромонахъ Иларіонъ 1842 г.

Архангельской Семинаріи инспекторъ, впоследствии архимандритъ Архангельскаго и наконецъ Иверскаго Валдайскаго монастыря. Скончался въ Архангельскѣ 1854 года февраля 24 дня, не бывъ въ Иверскомъ монастырѣ.

По списку Строева строитель Иларіонъ управлялъ съ 1845 до 1847 года.

40) Строитель іеромонахъ Аѳанасій, постриженникъ Соловецкаго монастыря, родомъ изъ Петрозаводска и управлялъ монастыремъ съ 1847 до 1855 г.

41) Іеромонахъ Авраамій, присланный по распоряженію Свят. Синода, въ слѣдствіе ходатайства Архангельскаго епархіальнаго начальства, изъ Тотемскаго монастыря Вологодской епархіи и управлялъ монастыремъ съ 1855 до 1858 года.

42) Строитель іеромонахъ Савва съ 1859 до 1861 года.

43) Игуменъ Аполлоній съ 1861 до 1866 года.

44) Архимандритъ Кириллъ съ марта до августа 1867 года.

45) Игуменъ Савватій съ 1868 до 1870 года.

46) Строитель іеромонахъ Георгій съ 1870 до 1873 года.

47) Строитель іеромонахъ Досифеѣй управляетъ донинѣ.

П р и д о ж е н і е.

Описаніе дивнаго спасенія Императора Петра I-го около Пертоминской обители.

Обстоятельство сіе въ Памятной книгѣ монастыря разсказывается

такъ: «Въ лѣто 1694 мая 29 дня, Великій Государь шествиѣ учинилъ отъ города Архангельска въ Соловецкій монастырь на яхтѣ; въ походѣ съ Великимъ Государемъ былъ и Преосвященный Аѳанасій Архіепископъ Холмогорскій. Во время сего, его царскаго величества путешествія по Бѣлому морю къ Соловецкому монастырю, приключилось отъ бурновъ вѣтровъ немалое и опасное волненіе; но Божиимъ поспѣшеніемъ, Государь отъ сего бѣдствія спасся и со всѣми при немъ бывшими, что было сицевымъ образомъ:

«Когда изъ устья Двины рѣки вышли, тогда вѣтеръ къ Соловецкому монастырю былъ благополученъ; но какъ зашли за морскую губу, называемую Унскими рогами, тогда нечаянно возсталъ вѣтеръ сильный и прекрутой, отъ котораго причинилась буря великая на морѣ, и отъ того суда государевы носились нужно волнами; все тогда утверженіе на судахъ начало сокрушаться, и едва якорями возмogli содержатися. Всѣ тогда были въ столь великой скорби и печали, что и отчаяватися начали о избавленіи своемъ, чего ради всѣ мольбу ко Господу Богу приносили, и Преосвященный Архіепископъ Аѳанасій молебное пѣніе совершалъ, а Государь, учиня христіанскую поповѣдь, приобщился св. таинъ пречистаго тѣла и крови Христовой отъ рукъ Преосвященнаго. Какъ только Государь показалъ всемъ чрезъ таинство образъ присвоенія къ Богу, абіе призрѣвъ Господь Богъ съ высоты своея на высокаго славою, постави нѣкоего отъ сущихъ ту корабельникъ ко спасенію, Антипу именемъ, отъ Сумскія вѣси крестьянина, который находясь на томъ же суднѣ лоцманомъ, приступити дерзнулъ къ царю и сказалъ: «ежели, Великій Государь, Господу поспѣшествующу намъ, улучимъ путь въ Унскіе рога, то можемъ надѣяться о спасеніи нашемъ; а ежели не улучимъ, то суетно спасеніе наше». Державный Государь, видя сей способъ надежнѣйшимъ и признавъ то за Промыслъ Божій о ихъ спасеніи, чрезъ того крестьянина объявленный, повелѣлъ путь поворотити прямо въ Унскіе рога, и учинилъ того Антипу кормчимъ. Въ Унскихъ же рогахъ много имѣется подводныхъ камней, и путь весьма узокъ, гдѣ многія суда или отъ незнанія пути, или отъ волненія вѣтровъ, на камни напосеяты и разбиваются. Но Божиимъ пособіемъ и путеводствомъ крестьянина Антипы, благополучно вошли въ губу, называемую Унскими рогами, и пристали къ тому берегу, на которомъ стоитъ Пертоминскій монастырь. И было сіе іюня во 2-й день, въ отданіе пятидесятницы, послѣди часу обѣднаго, какъ прииде яхтою въ Унскую губу Богомъ хранимый Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, и съ нимъ Государемъ

отъ духовнаго чина Преосвященный Аванасій, Архіепископъ Холмогорскій и Важескій, духовникъ священно-пресвитеръ Петръ Васильевъ, и отъ синклита его царскаго бояре и всякаго чина духовнаго и воинскаго, и приставши къ губѣ подъ монастыремъ Пертоминскимъ, изыдоша на сушу, всѣ съ радостію благодаряще Бога. Потомъ приде Великій Государь въ обитель Пертоминскую и съ нимъ сущіи, и пришедше во храмъ Преображенія Господня со всѣми хвалу и благодареніе Господу Богу воздаша о вождѣнномъ спасеніи своемъ, пѣли молебныя пѣнія всемилостивому Спасу. Въ церковь святую церковнаго вина и свѣчь довольно изволили даровати и братіи на учрежденіе столовое рыбы довольно; за сими же и свои царскія пошліны, взятыя за прошлыя лѣта, отдать повелѣ; для содержанія же монастыря земли, рыбныя и звѣриныя ловли даровалъ, на которыя послѣ даны и грамоты за его царскою рукою и за печатами на золотыхъ кистяхъ, а бысть радость велия во обители всѣмъ живущимъ пришествию царевымъ.

Юня 5-го дня, благочестивѣйшій Государь Петръ Алексѣевичъ съ Преосвященнымъ Архіепископомъ и своимъ синклитомъ царскимъ сотвори праздникъ Всемилоствому Спасу со всеюнощнымъ бдѣніемъ. На дитургіи самъ царь на клиросѣ пѣлъ и посланія Апостоловъ читалъ. И по семъ Великій Государь Петръ Алексѣевичъ въ память путешествія и бытія своего въ Пертоминской обители Всемилоствяваго Спаса, святой крестъ деревянный, видѣніемъ четвероножный, самъ своими руками содѣла, и несеъ изъ монастыря на раменахъ своихъ со всѣмъ синклитомъ до мѣста, идѣже присташа первѣе къ берегу, и постави его на мѣстѣ томъ, и подписа разными письмены на голландскомъ языкѣ своими же руками, и тогда вскорѣ по поставленіи креста дарова Богъ ему благочестивому Государю благополучный вѣтеръ въ Соловецкій монастырь, и поиде пакы мирнымъ путемъ по морю, со всѣми; радуясь, 6-го іюня.

Великій Гооударь послѣ бытности своей въ монастырѣ, въ знакъ своего благодаренія Всевышнему за избавленіе, а паче для того, что въ монастырѣ на строеніе много царскаго иждивенія употреблено, благоволилъ приказати и проеое строеніе монастырское казеннымъ зданіемъ окончити, и потому его царскимъ указомъ былъ опредѣленъ для присмотра въ строеніи одинъ маіоръ, который чрезъ два лѣта, находясь при монастырѣ, построилъ весьма порядочныя каменныя зданія—братскія келіи, и отъ келій саженой на двадцать ограду, а на углу башню».

Сообщилъ Д. Чл. Монарші Единоопъ Архангельскій.

ПРОТОКОЛЬ ЗАСЪДАНІЙ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

2-го Октября 1880 года.

2-го Октября, 1880 года, въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предѣдательствомъ Предсѣдателя И. Е. Забѣлина и въ присутствіи Гг. Членовъ: Архим. Амфилохія, Е. В. Барсова, В. И. Герье, Архим. Григорія, А. Л. Дювернуа, Г. Ѳ. Карпова, В. О. Ключевскаго, А. А. Майкова, Н. А. Попова, Н. П. Розанова, Н. С. Тихонравова и А. Е. Кудрявцева, происходило слѣдующее:

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Г. Предсѣдатель обратилъ вниманіе Общества на требованіе § 30 Устава, и такъ какъ трехгодичный срокъ избранію въ Секретари А. Н. Попова истекаетъ, то Обществу предлежитъ избраніе Секретаря на новое трехлѣтіе. При семъ Предсѣдатель счелъ долгомъ изложить вкратцѣ ходъ дѣлъ по изданію «Чтеній» за минувшее трехлѣтіе.

«Казалось, что по кончинѣ бывшаго Секретаря О. М. Бодянскаго, новая редакція «Чтеній» вполне будетъ обезпечена со стороны безостановочнаго продолженія этого изданія, такъ какъ само Общество

предполагало, что послѣ Осипа Максимовича остаются богатые для этого матеріала. Однако предположенія не оправдались: бумаги покойнаго, переданныя Обществу, не представили этого богатства и были недостаточны для составленія даже одной первой книги «Чтеній», которая по этому и должна была выйти въ уменьшенномъ размѣрѣ (Чтенія 1877 г. кн. 3); оказалось лишь нѣсколько напечатанныхъ славянскихъ матеріаловъ, требовавшихъ однако до выпуска ихъ въ свѣтъ пересмотра и исправленія. Сверхъ того въ послѣднее время при Осипѣ Максимовичѣ и самій выходъ книгъ уже опаздывалъ почти на полгода. Таковы были затрудненія, встрѣтившія новую редакцію на первыхъ же порахъ. Требовалось и вновь собирать необходимый матеріалъ и вводить отстававшее изданіе въ рѣчные сроки. Благодаря употребленнымъ заботамъ и усиліямъ, не совсѣмъ обыкновеннымъ, новая редакція съ великимъ успѣхомъ поборола эти важныя препятствія и не замедлила поставить изданіе «Чтеній» на принадлежащую ему высоту, особенно въ отношеніи изданія новыхъ и долготѣ не извѣстныхъ памятниковъ нашей древней письменности».

Слова Предсѣдателя были подтверждены общимъ заявленіемъ Гг. присутствовавшихъ Членовъ полной признательности Г. Секретарю за неутомимое и успѣшное въ высокой степени веденіе редакціоннаго дѣла по изданію «Чтеній».

За симъ Предсѣдатель предложилъ приступить къ избранію Секретаря на новое трехлѣтіе. Единогласнымъ словеснымъ рѣшеніемъ и потомъ, на основаніи § 22 Устава, обычною баллотировкою, тоже единогласно, избранъ Секретаремъ на новое трехлѣтіе Д. Чл. А. Н. Поповъ. Определено: записать въ протоколъ и увѣдомить о новомъ избраніи въ Секретари отсутствующаго по болѣзни Андрея Николаевича Попова.

3. Казначей Общества Г. Θ. Карповъ, сославшись на свои частые изъезды, иногда на продолжительное время, просилъ Общество освободить его отъ должности Казначей и принять отъ него кассу и книгу съ документами. По желанію присутствовавшихъ на засѣданіи Гг. Членовъ, Г. Θ. Карповъ изъявилъ согласіе не оставлять должности Казначей, причѣмъ выразилъ пожеланіе, чтобы кассовая книга его съ документами была проверена. Определено: записать о семъ въ протоколъ и книгу съ документами проверить.

4. Томское Реальное Училище доставило въ Общество 113 рублей 75 копѣекъ за отправленные по требованію его изданія Обще-

ства: «Временникъ» всѣ 25 книгъ и «Чтенія» съ 1861 по 1879 годъ. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнью, а деньги передать г. Казначей (и переданы).

5. Руфь Гавриловичъ Игнатьевъ, изъ Оренбурга, прислалъ брошюру своего сочиненія: «Карнаель ями-хашъ Башкирн».

6. Правленіе Московскаго Университета уведомило о выдачѣ ассигновки на имя Казначей Общества Г. О. Карпова для полученія имъ изъ Московскаго Губернскаго Казначейства 140 рублей, образовавшихся изъ процентовъ съ капитала на премію за сочиненіе: «Градоначальствованіе Князя Д. В. Голицына». При семъ г. Казначей представилъ два счета конторы Юнкера на купленные въ сей конторѣ: одинъ билетъ Государственнаго банка 2-го выпуска № 265149 въ 100 рублей и одну облигацію Восточнаго займа въ 50 рублей № 883579 съ 7 купонами и квитанцію Московскаго Губернскаго Казначейства за № 16483 въ 150 рублей, принятые Казначействомъ отъ Общества. На покупку означенныхъ билетовъ и облигацій Г. О. Карповъ употреблено 140 руб. 55 коп., при чемъ собственныхъ денегъ имъ издержано 55 коп.

7. Того же Правленія Университета уведоженіе о выдачѣ ассигновки на имя Казначей Общества Г. О. Карпова для полученія изъ Московскаго Казначейства 5% билета 1-го внутренняго съ выигрышами займа серія 11674 № 16 въ 100 рублей, для обмена на новый билетъ такового же достоинства. При семъ Г. О. Карповъ представилъ квитанцію Московскаго Губернскаго Казначейства за № 16372 на принятый отъ него Казначействомъ новый билетъ той же серіи и за тѣмъ же номеромъ со всеми (80) купонами.

8. Главная контора Князя Воронцова доставила въ Общество 17 и 18 томы «Архива Князя Воронцова».

9. Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей прислало благодарность за доставленіе «Чтеній» и XI томъ своихъ «Записокъ» и «Краткій Указатель своего Музея».

10. Виленская Комиссія для разбора древнихъ актовъ прислала одинъ экземпляръ новоизданнаго ею XI тома актовъ.

11. Советъ Московской Духовной Академіи уведомилъ о полученіи отъ Общества рукописей библіотеки Академіи за № 185, 497 и 551.

12. Предсѣдатель Ростовской Уездной Земской Управы прислалъ въ Общество изданныя имъ «Дозорныя и переписныя книги города Ростова».

13. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы уведомленіе о полученіи отъ Общества рукописей Московской Синодальной бібліотеки за №№ 355, 532, 384 и 759 въ цѣлости и сохранности.

14. Инспектора Вознесенской прогимназіи просьба доставить въ бібліотеку прогимназіи, наданія Общества съ уступкою, какую признаетъ Общество возможнымъ сдѣлать для прогимназіи, имѣющей на бібліотеку средства ограниченныя. Опредѣлено: уведомить Г. Инспектора, что наданія Общества могутъ быть оправданы за половинную цѣну и просить его предварительно выслать въ Общество по расчету актуарія деньги и указать способъ, коимъ удобнѣе могутъ быть доставлены книги.

Для напечатанія въ «Чтеніяхъ» доставлены матеріалы:

15. Архид. Григоріемъ: Письма Филарета къ разнымъ лицамъ.

16. Н. А. Поповымъ: 1) Извѣстіе о походеніи Симеона Степанова сына Пишчевича, генерала маіора и кавалера ордена св. Георгія, о ево рожденіи, жизни, воспитаніи и т. д. писалъ самъ собственною своею рукою, собиравъ изъ разныхъ прежнихъ свѣдѣній азписокъ и продолжалъ до 1785 года; 2) Жизнь Александра Пишчевича (сына Симеонова), имъ самимъ писанная. Опредѣлено: матеріалы по разсмотрѣніи напечатать въ «Чтеніяхъ».

5-ю Марта 1881 года.

5 Марта, 1881 года, въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя И. Е. Забѣлина и въ присутствіи Дѣйствительныхъ Членовъ: Архим. Амфилохія, Архим. Григорія, А. Л. Дювернуа, В. О. Ключевского, Н. А. Попова, Н. П. Розанова, гр. М. В. Толстого, Ю. Д. Филимонова и А. Е. Кудряцева, происходило слѣдующее:

1. Предъ засѣданіемъ отслужена была панихида по въ Бозѣ почившемъ блаженныя памяти Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, которую совершалъ Д. Ч. Общества о. Архимандритъ Григорій.

2. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

За тѣмъ читаны отношенія:

3. Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 30 Декабря, за № 1973, коимъ, на предложеніе напечатать въ «Чтеніяхъ» каталогъ рукописей Новгородскаго Софійскаго собора и Кирилло-Вѣловерскаго монастыря, Совѣтъ Академіи выражаетъ Обществу живѣйшую благодарность за его вниманіе къ академической библіотекѣ рукописей и увѣдомляетъ, что Академія, давно озабоченная подобнымъ изданіемъ, къ концу наступающаго года надѣется начать печатаніе инвентарнаго описанія академической библіотеки рукописей въ академическихъ же изданіяхъ; еслибы Академія сверхъ чаянія своего оказалась въ матеріальной невозможности напечатать означенное описаніе, тогда съ благодарностію не преминетъ воспользоваться обязательнымъ предложеніемъ Общества.

4. Совѣтъ Московской Духовной Академіи увѣдомилъ о полученіи трехъ рукописей академической библіотеки №№ 203, 215 и 668.

5. Завѣдующій библіотекой студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи проситъ о доставленіи бесплатнаго экземпляра «Чтеній». Опредѣлено: высылать бесплатно.

6. Эстляндскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества о безвозмездной высылкѣ «Чтеній» въ семь году и за прошедшій годъ. Опредѣлено: за невниманіемъ излишнихъ экземпляровъ, отказать.

7. Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи за № 1776, увѣдомилъ о полученіи въ цѣлости и сохранности двухъ академическихъ рукописей №№ 1448 и 1451, возвращенныхъ Обществомъ, за № 536.

8. Совѣта С.-Петербургскаго Университета за № 1104 приглашеніе къ участию въ подпискѣ на составленіе въ память покойнаго Измаила Ивановича Срезневскаго фонда, изъ процентовъ котораго могла бы быть учреждена премія его имени за лучшія сочиненія по славянской филологіи. Присутствующіе Члены въ то же засѣданіе начали подписку, и собранныя деньги (девять руб.) передали на храненіе актуарію А. Е. Кудрявцеву и постановили: до закрытія подписки (1 января 1883 г.) предлагать подписной листъ Членамъ.

9. Редакціи Университетскихъ Извѣстій, издаваемыхъ Университетомъ Св. Владимира въ Кіевѣ, о взаимномъ обмѣнѣ изданій въ 1881 году. Опредѣлено: обмѣниваться.

10. Михаила Красускаго, изъ Одессы, письмо, коимъ извѣщаетъ онъ объ окончаніи многолѣтней своей работы по рѣшенію

вопроса о происхожденіи Руся и предлагаетъ Обществу навести его на путь какъ поступить, чтобы обѣ стороны, дающая и берущая, не остались въ убыткѣ. Определено: увѣдомить г. Красускаго, что за статьи и матеріалы, печатавшыя въ Читеніяхъ, Общество вознаграждаетъ напечатаніемъ оттисковъ, денежнаго же вознагражденія никогда и никому не дѣлаетъ. На означенныхъ условіяхъ можетъ быть напечатанъ и его трудъ по разсмотрѣніи и одобреніи его отъ Общества.

11. Андрея Иванов. Дыминскаго, изъ Лeticева, Подольской губерніи, просьба доставить ему тѣ книги «Чтеній» въ коихъ помѣщены «Галицкія Пѣсни», для сравненія ихъ съ Подольскими, которыхъ у него находится до 6 тысячъ нумеровъ съ вариантами. Сборникъ свой, по окончаніи предварительныхъ работъ по сличенію, онъ желаетъ напечатать въ изданіи Общества. Определено: увѣдомить г. Дыминскаго, что Галицкія Пѣсни печатались въ «Чтеніяхъ» въ продолженіе многихъ лѣтъ и пересылка «Чтеній» была бы крайне затруднительна; въ отдѣльномъ же изданіи Галицкія Пѣсни выпущены въ свѣтъ въ 1878 году и продаются собственникомъ изданія Я. О. Головацкимъ по 10 руб. за экземпляръ въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

12. Инспектора Вознесенской Прогимназіи съ препровожденіемъ 120 руб. 93 коп. за изданія Общества, доставленные Прогимназіи. Определено: деньги передать Казначей Общества (и переданы).

13. Его же, г. Инспектора, увѣдомленіе о полученіи сполна изданій Общества на сумму, присланную имъ въ Общество.

14. Московскаго Каѳедральнаго Чудова монастыря увѣдомленіе о полученіи въ сохранности четырехъ рукописей библіотеки Чудова монастыря №№ 20, 21, 62 и 71.

15. Влад. Качановскаго, изъ Рима, письмо на имя А. Л. Дювернуа, коимъ предлагаетъ Обществу печатаніе въ Читеніяхъ собранныхъ имъ за границей матеріаловъ, относящихся прямо къ исторіи Россіи.

16. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества увѣдомленіе о международномъ географическомъ конгрессѣ, имѣющемъ быть въ Венеціи въ теченіе осени настоящаго 1881 года и приглашеніе Общества къ участію въ семъ конгрессѣ.

17. Редакціи Русскаго Филологическаго Вѣстника, въ

Варшавѣ, о взаимномъ обмѣнѣ изданій въ 1881 году. Определено: обмѣниваться.

18. Правленія Харьковскаго Университета съ препровожденіемъ 120 руб. за «Чтенія» съ 1863 по 1879 годъ, доставленные отъ Общества въ студентскій отдѣлъ библиотеки Харьковскаго Университета. Определено: о полученіи денегъ увѣдомить Правленіе Харьковскаго Университета, а деньги сдать Казначей Общества (и сданы).

19. Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта съ препровожденіемъ бланковъ трактовыхъ описей.

20. П. Юрченко, изъ Одессы, письмо, коимъ проситъ оттисковъ его статьи, напечатанной во 2-й книгѣ за 1877 г. «Чтеній» Гуря и полудія и предлагаетъ напечатать въ Чтеніяхъ Историческій очеркъ Херсона, удостоенный преміи, но не напечатанный по недостатку средствъ, муниципалитетомъ. Определено: увѣдомить г. Юрченко, что оттисковъ статьи его Гуря и полудія въ Обществѣ не имѣется; рѣшеніе же вопроса о печатаніи историческаго очерка Херсона можетъ быть сдѣлано лишь по рассмотрѣніи очерка, для чего проситъ его доставить оный въ Общество.

21. Трофима Ильича Бѣленькаго, изъ Кутаиса, предложеніе напечатать въ «Чтеніяхъ» составленный въ Кіевѣ въ 1873 г. Словарь мѣстностей въ Полтавской губерніи, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи или только упоминаемыхъ въ изданныхъ до того времени памятникахъ или документахъ историческихъ. Определено: увѣдомить г. Бѣленькаго, что прежде чѣмъ полученъ будетъ и рассмотрѣнъ означенный Словарь, рѣшеніе вопроса, можетъ ли быть онъ напечатанъ въ «Чтеніяхъ», сдѣлано быть не можетъ.

22. Карамзинской библиотеки, въ Симбирскѣ, благодарность за бесплатную высылку «Чтеній» 1880 года и просьба о доставленіи «Чтеній» въ 1881 году. Определено: высылать.

23. Книжнаго магазина и Конторы «Новаго Времени» просьба о доставленіи «Чтеній» и всѣхъ изданій Общества на комиссію.

24. Конторы Московской Университетской Типографіи предложеніе посредничества по приему подписки на «Чтенія». По симъ двумъ сообщеніямъ определено: продажу изданій Общества и подписку на «Чтенія» оставить, какъ было до настоящаго времени, за однимъ

коммисіонеромъ Общества И. Г. Соловьевымъ, и признано справедливымъ предоставить ему изъ суммы отъ продажи изданій получать не 5%, какъ было досель, но 10%, о чемъ его и увѣдомить (и увѣдомленъ).

25. Университетской Типографіи два счета за 3 книгу 1215 руб. 96 коп. и за 4 книгу 1110 руб. 28 коп., всего на сумму 2326 руб. 24 коп. Определено: уплатить изъ штатной суммы Общества.

26. Графа Милорадовича, изъ С.-Петербурга, при письмѣ 12 руб. въ возвратъ мелочныхъ издержекъ Общества по напечатанію титула и сорочки и за брошировку его статьи напечатанной въ «Чтеніяхъ». Определено: деньги передать Казначею Общества (и переданы).

27. Семена Петров. Писарева, изъ Смоленска, при письмѣ, статья о «Смоленскихъ курганахъ».

28. Д. Чл. Д. А. Корсакова, при письмѣ 10 руб. въ уплату за дипломъ, книжнего сочиненій: а) Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны; б) Отчетъ о занятіяхъ въ архивахъ и рукописяхъ; в) «Ссылка Князя Василія Лукича Долгорукаго въ село Знаменское».

29. Д. Чл. Архим. Леонида рукопись: Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Св. Троицкія Сергіевы Лавры въ бібліотеку Троицкой Духовной Семинаріи въ 1747 году.

30. Владиміра Качановскаго, въ Римѣ, при письмѣ, чисто сербскій списокъ Сербской повѣсти о Косовской битвѣ, съ просьбою по напечатаніи сего въ Чтеніяхъ выдать ему, Качановскому, узаконенное число оттисковъ.

31. Актуаріемъ А. Е. Кудрявцевымъ по порученію г. казначея представленъ краткій отчетъ о частной суммѣ Общества съ 1 января 1878 года по 5 марта сего года. Къ 1 января 1878 года было на лицо: процентными бумагами 10400 рублей и наличными деньгами 79 руб. 11 коп. Съ того времени поступило процентными бумагами 150 руб. и наличными деньгами 4383 руб. 55 коп., всего 14933 руб. 55 коп., въ расходъ же было за сіе время наличными 4098 руб. 90 коп., и затѣмъ состоитъ на лицо: процентными бумагами 10550 руб. и въ наличныхъ деньгахъ 284 руб. 65 коп.

32. Имъ же, Актуаріемъ, представленъ отчетъ коммисіонера Общества И. Г. Соловьева по продажѣ изданій Общества. Изъ отчета сего видно, что по 5 марта сего года оставалось суммы Общества

за проданныя изданія на рукахъ Н. Г. Соловьева 2011 руб. 88 коп. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію, а сумму востребовать для уплаты за напечатаніе I-й книги «Чтеній» сего года.

33. Г. Предсѣдатель сообщилъ словесное заявленіе Г. Бонч-Бруевича, желающаго по представленному имъ списку получить отъ Общества, по праву наслѣдства, рукописи Гулакъ Артемовскаго, въ давнее время переданныя покойному Секретарю О. М. Бодянскому для напечатанія въ Чтеніяхъ. Опредѣлено: навести справки въ бумагахъ Общества и о послѣдующемъ доложить въ засѣданіи.

34. Онъ же, г. Предсѣдатель, обратилъ вниманіе на безотдагательную необходимость составить и издать Указатель матеріаловъ и статей, напечатанныхъ въ изданіяхъ Общества. При семъ приведено въ извѣстность заявленіе Д. Ч. П. И. Бартечева, въ засѣданіи 21 марта прошедшаго года, о томъ, что таковой Указатель имъ уже составленъ и что въ непродолжительномъ времени онъ доставить его Обществу. Опредѣлено: просить П. И. Бартечева ускорить доставленіемъ Указателя, а въ случаѣ, если онъ измѣнитъ свое настрѣніе, увѣдомить о семъ Общество.

35. По предложенію г. Предсѣдателя, Общество имѣло разсужденіе о крайне разстроенномъ на службѣ и въ трудахъ для Общества здоровьѣ Секретаря А. Н. Попова, которое при вѣсьма недостаточныхъ его средствахъ безъ особой чрезвычайной помощи не можетъ быть возстановлено, такъ какъ по приговору врачей ему необходимо на извѣстное время пребываніе въ болѣе тепломъ климатѣ. Принимая во вниманіе особыя ученые заслуги г. Секретаря по изданію и обследованію въ высшей степени важныхъ памятниковъ Древнерусской письменности и при всеобщемъ со стороны ученаго круга убѣжденіи, что въ лицѣ г. Секретаря А. Н. Попова не только само Общество, но и русская наука имѣетъ одного изъ рѣдкихъ тружениковъ, отдающихъ беззавѣтно свой трудъ и время и самое здоровье единственно на служеніе интересамъ и задачамъ науки, Общество постановило просить г. Понечителя Московскаго Учебнаго Округа объ исходатайствованіи Секретарю Общества А. Н. Попову у Г. Министра Народнаго Просвѣщенія единовременнаго пособія въ двѣ тысячи рублей на излѣченіе его трудной и опасной болѣзни, пріобрѣтенной посреди усердѣйшихъ непрестанныхъ его ученыхъ и служебныхъ трудовъ... Къ представленію приложить списокъ напечатанныхъ сочиненій и изданій А. Н. Попова.

36. По предложению Д. Чл. Ш. А. Попова избраны въ действительные Члены:

- а) Игнатій Викторовичъ Ягичъ, въ С.-Петербурѣ,
- б) Петръ Николаевичъ Мрочекъ-Дроздовскій, въ Москвѣ.

37. Въ бібліотеку Общества доставлены книги:

- 1. Иаборникъ Изд. Общест. Любит. Древн. Письменности.
- 2. Христіанское Чтеніе 1881 Янв.—Февр.
- 3. Журн. Министерства Народн. Просв. 1881 Янв. 1880 Май.
- 4. Труды Кіевской Духовной Академіи 1881 Янв.
- 5. Православное Обзорѣніе 1881 Янв. 1880 Апр. — Іюль — Авг.— Окт.
- 6. Русская Старина 1881 Январь, Февраль.
- 7. Чтенія въ Общ. Любит. Духовн. Просв. 1880 Май—Авг. Окт. Ноябрь, Декабрь 1881 Янв.
- 8. Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Вып. 1.
- 9. Историческіе Матеріалы для составленія церковныхъ лѣтописей Московской епархіи Вып. 1.
- 10. Матеріалы для полной родословной росписи Князей Голицыныхъ. Собр. Кн. Н. Н. Голицынымъ, Кіевъ, 1880.
- 11. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1880 Декабрь, Авг. Сент.
- 12. Отчетъ Импер. Одесск. Общества Исторіи и Древн. съ 14 Ноября 1879 по 14 Ноября 1880 г.
- 13. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1880. № 3, 4.
- 14. Юридическій Вѣстникъ 1880 Іюнь, Іюль, Авг., Сент.
- 15. Труды Кіевск. Духовн. Академіи 1880 №№ 5—9, 10, 12.
- 16. Przegląd bibliograficzno-archeologiczny № 1 Warszawa. 1881.
- 17. Протоколы засѣданій Одеск. Общест. Исторіи и Древностей 193—197.
- 18. Варшавскія Университ. Извѣстія 1880 № 1.
- 19. Извѣстія Импер. Русск. Географич. Общества 1880, Вып. 1, 2.
- 20. Древняя и Новая Россія 1880 №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11.
- 21. Русская Старина 1880 № 5—11, 12.
- 22. Сборникъ Археологическаго Института 1880 кн. 3 и 4.
- 23. Архивъ Князя Воронцова. 1880 кн. 17, 18 и 19.
- 24. Критическое Обзорѣніе 1880 №№ 10—12.
- 25. Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, Том. 3.
- 26. Краткій Указатель Музея Одесскаго Общ. Ист. и Древностей.

27. Московскія Церковныя Вѣдомости 1880—81.

28. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Т. 11.

29. Bulletin de l'Academie imper. d. sciences de St.-Petersbourg, t. 26 Т. 9—21.

30. Русская Историч. библіотека Изд. Археограф. Комиссіи Т. 6.

31. Извѣстія и Ученыя Записки Казанск. Университ. № 2—4.

5-го Мая 1881 года.

5-го Мая 1881 года, въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя И. Е. Забѣдина и въ присутствіи Дѣйствительныхъ Членовъ: П. Н. Дроздовскаго, Г. Ѳ. Карпова, П. Н. Розанова, Ю. Д. Филимонова и А. Е. Кудрявцева происходило слѣдующее:

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Затѣмъ читаны были отношенія:

2. Музея Королевства Чешскаго, изъ Праги, отъ 12 (24) Марта 1881 г. за подписью кustosа библіотеки Адольфа Патеры, объ обмѣнѣ изданій Музея на Чтенія и о высылкѣ Чтеній и за прошлыя годы. Определено: обмѣниваться и послать Чтенія за годы секретарства Андрея Николаевича Попова.

3. Совѣта Московскои Духовной Академіи, отъ 17 Марта, № 71, увѣдомленіе о полученіи трехъ рукописей №№ 196, 201 и 210, возвращенныхъ въ библіотеку Академіи отъ Общества.

4. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, отъ 21 Марта, № 2339, увѣдомляетъ, что еще до полученія ходатайства Общества о пособіи въ 2000 руб. его Секретарю онъ уже входилъ съ представленіемъ относительно этого пособія и получилъ отъ Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія увѣдомленіе, что такое назначено въ размѣръ 1000 рублей.

5. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа отъ 23 Марта № 2400, препровождаетъ талонъ къ ассигновкѣ за № 517 (61) на имя Управляющаго Университетскою Типографіею г. Воскобойникова въ 2326 руб. 24 коп. за напечатаніе 3 и 4 книгъ «Чтеній».

6. Прокуроръ Московской Конторы Св. Синода, отъ 30 Марта, № 750, увѣдомляетъ о полученіи возвращенныхъ Обществомъ трехъ рукописей №№ 36, 556 и 948 Синодальной библіотеки.

7. Главный Начальникъ Военно-Учебныхъ заведеній, отъ

25 Марта, № 170, на имя Председателя, благодарить Общество за доставление 1 книги «Чтеній» сего года.

8. Церковно-Археологическое Общество при Киевской Духовной Академіи отъ 23 Марта, № 45, просить по справкѣ съ рукописью библіотеки нашего Общества № 214: «Сказаніе о пути во св. градъ Іерусалимъ Епифанія премудраго», дать извѣстіе, не имѣетъ ли сія рукопись буквального сходства съ имѣющимся въ библіотекѣ Музея «хожденіемъ архимандрита Гребеня». Для сличенія выписаны начало и конецъ «хожденія». Председатель отвѣтилъ (6 Мая, № 154), что статья рукописи Общества, № 214, повидимому представляетъ своего рода оригиналъ и не имѣетъ отношенія къ указываемому «хожденію архимандрита Гребеня». Она начинается: «отъ великаго Новограда до Лукъ великихъ 300 верстѣ» и пр. оканчивается: «а отъ великаго Новограда до святаго града Іерусалима 3420 верстѣ, аминь», и заключаетъ въ себѣ 24 строки простаго повертнаго перечня между городами.

9. Типографіи Московскаго Университета счетъ отъ 25 Апрѣля, за напечатаніе 1 книги Чтеній сего года на сумму 1559 руб. 74 коп. При семъ Председатель обратилъ вниманіе на необходимость имѣть при дѣлахъ Общества для различныхъ справокъ копию каждаго счета, оплачиваемаго изъ суммъ Общества, ибо доселѣ счета, оплачиваемые изъ штатной суммы, все представляются въ Государственный контроль и тамъ остаются неопредѣленное время. Определено: оставлять при дѣлахъ Общества копию каждаго счета подлежащаго оплатѣ изъ суммъ Общества.

За тѣмъ было разсуждаемо объ источникѣ уплаты по сему счету и о покрытіи расходовъ по выпуску слѣдующихъ книгъ за сей годъ. По справкѣ по сему предмету оказалось, что штатной суммы сего года, за уплатою за 3 и 4 книги прошедшаго года, остается только 530 рублей, процентовъ съ капитала общества ожидается около 700 рублей; частная же сумма Общества отъ продажи изданій находилась на рукахъ комиссіонера И. Г. Соловьева, и нынѣ за смертію, его будетъ ли получена и когда, неизвѣстно. Такимъ образомъ наличныхъ суммъ Общества недостаетъ на уплату по одному вышеозначенному счету за 1 книгу «Чтеній». Предстоитъ же въ непродолжительномъ времени уплата за 2 книгу, которая по плану Андрея Николаевича Попова имѣетъ быть не меньше, если не болѣе 1 книги. Посему для своевременной уплаты Типографіи за напечатаніе «Чтеній» и на покры-

ті другихъ мелочныхъ расходовъ по Обществу въ текущемъ году, недостають наличныхъ средствъ. Опредѣлено: сужденіе по сему предмету имѣть въ осеннемъ заасѣданіи.

10. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества брошюра: «Положеніе о 3 Международномъ Географическомъ Конгрессѣ въ Венеціи».

11. Г. Бортневскій, содержатель книжнаго магазина въ С.-Петербургѣ, отъ 21 Апрѣля пишетъ, что выслалъ 14 Марта по почтѣ 5 рублей, прося доставить 4 книгу 1861 и 1 за 1862 «Чтеній», но доселѣ ихъ не получилъ. Опредѣлено: увѣдомить что «Чтенія» врознь не продаются и деньги возвратить.

12. Г. Голубовскій, содержатель книжнаго магазина въ Екатеринославѣ, отъ 20 Апрѣля, № 718, спрашиваетъ объ условіяхъ выписки нѣкоторыхъ изданій Общества. Опредѣлено: увѣдомить по содержанию письма.

13. Редакція журнала «Странникъ», отъ 26 Апрѣля, предлагаетъ взаимный обмѣнъ изданій. Опредѣлено: въ обмѣнъ отказать.

14. Учрежденный Соборъ Свято - Троицкой Сергіевой Лавры, отъ 23 Января, № 101, препровождаетъ рукопись Лаврской библіотеки «Измарагдъ» XVI в. подъ № 204.

25. Оный же Соборъ, отъ 29 Апрѣля, № 102, увѣдомляетъ о полученіи въ исправности возвращенныхъ изъ Общества двухъ сборниковъ Лаврской библіотеки №№ 9 и 12.

16. Д. Чл. Баронъ Д. О. Шеппингъ при письмѣ, отъ 31 Марта, на имя Предсѣдателя препровождаетъ свою статью для напечатанія въ «Чтеніяхъ»: «Древній Сосенскій станъ Московскаго уѣзда. Опытъ исторіи селеній и поземельныхъ владѣній въ XVII и XVIII ст.» По неимѣнію мѣста для напечатанія въ слѣдующихъ книгахъ «Чтеній» статья возвращена.

17. Д. Чл. А. Ѳ. Бычковъ, письмомъ отъ 8 Апрѣля, на имя Предсѣдателя, увѣдомляетъ, что по ходатайству Предсѣдателя общее собраніе Русскаго Археологическаго Общества постановило: Составленные И. Е. Забѣлинымъ по порученію покойнаго графа Дм. Ник. Блудова выписки изъ книгъ архива Оружейной Палаты, служащія дополненіемъ изданныхъ дворцовыхъ разрядовъ передать Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ для напечатанія въ издаваемыхъ имъ «Чтеніяхъ», кои и доставлены на имя Предсѣдателя и получены подъ его росписку. Опредѣлено: Печатать сія выписки въ «Чтеніяхъ»,

вновь провѣряя ихъ съ оригиналами, для чего ходатайствовать о доставленіи книгъ Архива Оружейной Палаты въ Общество, или, въ случаѣ какихъ-либо затрудненій относительно таковой доставки, просить начальство Архива о допущеніи г. Предсѣдателя къ провѣркѣ выписокъ въ самомъ Архивѣ.

18. Г. Михаилъ Красускій доставилъ записку, имъ составленную: «По вопросу о Варяго-Руссахъ», заключающую въ себѣ содержаніе его подробнаго изслѣдованія по этому предмету, съ предложеніемъ рассмотреть сей трудъ Обществомъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ по случаю величайшей важности этого вопроса. Определено: Увѣдомить автора, что Общество не находитъ возможнымъ заниматься рассмотрѣніемъ его труда и записку возвратитъ.

19. Московскій Каѳедральный Чудовъ монастырь увѣдомляетъ о сохранномъ полученіи четырехъ рукописей библиотеки Чудова монастыря №№ 4, 12, 19 и 34.

20. Д. Чл. П. А. Безсоновъ прислалъ за доставленные 5 экземпляровъ 21 и 22 книгъ «Временника» 15 рублей, комъ передавы г. Казначею Общества.

21. Счетъ книгопродавца Ланга за отправку четырехъ пакетовъ съ «Чтеніями» за границу, на сумму тридцать шесть (36) рублей.

22. Счетъ переплетчика Латышова на сумму девяносто девять рублей (99 р.) 45 копѣекъ за брошировку 1-й книги «Чтеній» сего года и отдѣльныхъ изъ нея оттисковъ.

Определено: по обоимъ симъ счетамъ уплатить изъ частной суммы Общества.

23. Общество имѣло разсужденіе о возникшихъ затрудненіяхъ по случаю смерти своего комисіонера Ив. Гр. Соловьева. Въ предшествовавшемъ засѣданіи (5 Марта, ст. 32) былъ слушанъ отчетъ комисіонера Общества П. Г. Соловьева по продажѣ изданій Общества, изъ коего видно, что за проданныя изданія по 5-е Марта сего года оставалось суммъ Общества на рукахъ И. Г. Соловьева 2011 рублей 88 копѣекъ, почему тогда же было определено: Означенную сумму востребовать для уплаты въ типографію за напечатаніе «Чтеній». О чемъ д. д. и актуарій Общества А. Е. Кудрявцевъ письменно увѣдомилъ г. Соловьева и получилъ отъ него письмо, что вся сумма будетъ имъ доставлена въ два раза. Нынѣ по случаю смерти И. Г. Соловьева, послѣдовавшей 21 Апрѣля, Общество разсуждало, что за полученіемъ означенной суммы слѣдуетъ обратиться къ опекунамъ по дѣламъ покойнаго и определило: просить г. казначая

Г. О. Карпова принять на себя ходатайство по этому дѣлу, съ какою цѣлью выдать ему довѣренность отъ имени Общества на веденіе дѣла и на полученіе суммы Общества согласно отчету, подписанному покойнымъ И. Гр. Соловьевымъ, въ количествѣ 2011 рублей 88 копѣекъ, изъ имущества оставшагося по смерти покойнаго Соловьева.

24. Актуарій А. Е. Кудрявцевъ представилъ полученный имъ изъ магазина покойнаго комисіонера И. Гр. Соловьева списокъ подписчиковъ на «Чтенія» сего года, за кои деньги получены были покойнымъ комисіонеромъ, между прочимъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, и чрезъ самое Общество. Определено: по сему списку удовлетворить подписчиковъ за весь текущій 1881 годъ; подписныя же деньги за 49 экземпляровъ на сумму 343 рубля, а за скидкою 10% предоставленныхъ комисіонеру, 339 руб. 57 коп. предоставить г. казначею Общества получить изъ имущества оставшагося по смерти И. Г. Соловьева.

25. Изъ отчета покойнаго И. Г. Соловьева видно какое количество изданій Общества осталось нераспроданнымъ и въ настоящее время подлежитъ возвращенію въ Общество. Определено: уполномочить актуарія Общества А. Е. Кудрявцева озаботиться принятіемъ изданій Общества отъ опекуновъ по дѣламъ покойнаго комисіонера.

26. Разсуждаемо было о комисіонерствѣ по удовлетворенію подписчиковъ на «Чтенія» и продажѣ изданій Общества и определено: Предоставить актуарію Общества исполнять обязанности комисіонера и получать ему за сіе изъ подписныхъ денегъ и отъ продажи изданій, какъ было въ Обществѣ и прежде, 10%.

27. Г. Предсѣдатель обратилъ вниманіе на состоявшееся рѣшеніе Общества, 10-го Ноября 1877 года, по предложенію бывшаго предсѣдателя гр. Д. Н. Толстого, коимъ для приведенія въ извѣстность книжнаго имущества Общества и состоянія его кассы избрана особая ревизіонная комиссія, изъ дѣйствительныхъ членовъ: Н. С. Тихонравова, В. О. Ключевского и П. П. Барсова (нынѣ умершаго). По обсужденіи этого вопроса, определено: книжное имущество безотлагательно привести въ извѣстность, для чего произвести обзоръ его склада и поручить все дѣло актуарію А. Е. Кудрявцеву съ предоставленіемъ ему права израсходовать на сей предметъ потребную сумму изъ средствъ Общества. Для разсмотрѣнія же приходорасходныхъ документовъ, книги и кассы избраны: И. Е. Забѣлинъ, П. Н. Дроздовскій и Ю. Д. Филимоновъ.

28. Въ бібліотеку Общества доставлены книги:

1. Древняя и новая Россія, 1860 г. № 12.
2. Русская старина. Мартъ, 1881 г.
3. Христіанское чтеніе. 1881 г. Мартъ—Апрѣль.
4. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1881 г.

Февраль.

5. Іерусалимское Патріаршее въ Москвѣ подворье.
6. Московскія Церковныя Вѣдомости. №№ 11, 12, 13, 14.
7. Опроверженіе лжеученій социалистовъ. *Клеганова*.
8. Чтенія въ Обществѣ любителей духовн. просвѣщенія. Январь,

Мартъ. 1881 г.

9. Православное Обзорѣніе. Мартъ 1881 г.
10. Archiv für slavische Philologie.
11. Юридическій Вѣстникъ. №№ 1, 2, 3, 4
12. Труды Кіевской Духовной Академіи. №№ 2, 3, 4.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ ЧТЕНІЙ 1881 ГОДА.

	Стран.
I. Извѣстія о походахъ С. С. Пищевича съ предисловіемъ Д. Ч. Нила А. Попова.....	1 — 320
II. Копіи съ писемъ Государя Петра Великаго съ 1700 по 1725 годъ.....	1 — 28
III. Изъ бумагъ митрополита Московскаго Платона..	1 — 88
IV. Историко-статистическое описаніе заштатнаго Чертоминскаго мужескаго монастыря..... Д. Ч. Епископа Архангельскаго (нынѣ Нижегородскаго).....	1 — 20
V. Протоколы Засѣданій Общества.....	1 — 16

Книга Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги
Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михайла Θεодоровича и послѣ
его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. пе-
рес. за 2 ф.

**Библиотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россій-
скихъ**, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Прав-
ды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г.,
ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, М. Пого-
дина. М. 1846 г., томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк.
М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана,
съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я, или часть 4-я.
М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна ексарха
Болгарскаго. М. 1873 г. ц. 3 р.

Шестодневъ составленный Іоанномъ ексархомъ Болгарскимъ.
М. 1879. ц. 3 р.

Посланіе многословное, сочин. инока Зиновія, по рукописи XVI в.
Трудъ Андрея Попова. М. 1890. ц. 2. р.

Ч Т Е Н І Я

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Годъ 2, 3 и 4 по 2 рубля каждая книга. Годы 1861—1880, по 4
книги, каждый годъ по 10 рублей. Отдѣльно книги этихъ годовъ
не продаются. За пересылку взимается съ вѣсѹ по разстоянію.

ВРЕМЕННОЕ

**Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ,
съ 1849 по 1858 годъ,**

25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к., а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 к.,
съ пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги «Временника»
за 4 фунта.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

при Московскомъ Университетѣ,

выходятъ трехмѣсячно, какъ повременное изданіе, *четыре* раза въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ.

Подписка годовая—*семь рублей* серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста—*восемь руб. пятьдесятъ коп. сер.* Съ требованіями обращаться въ самое Общество, на Моховой, въ зданіи Университета.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ,

На 3-й Мѣщанской, домъ Панова.

СЕКРЕТАРЬ

Елпидифоръ Васильевичъ Барсовъ,

на Малой Никитской, въ Егорьевскомъ переулкѣ, домъ Липскаго.

БИБЛИОТЕКАРЬ

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,

въ Кремль, у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ

Геннадій Федоровичъ Карновъ,

на Большой Ордынкѣ, въ собственномъ домѣ.

АКТУАРІЙ

Алексій Егоровичъ Кудрявцевъ,

на Моховой, въ новомъ зданіи Университета.